

Рабство: письма и речи

Гораций Манн

SLAVERY:

LETTERS AND SPEECHES,

BY

HORACE MANN,

THE FIRST SECRETARY OF THE MASSACHUSETTS BOARD OF
EDUCATION.

BOSTON:

PUBLISHED BY B. B. MUSSEY & CO.

1851.

Электронная книга проекта Гутенберга о рабстве: письма и речи

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Рабство: письма и речи

Автор: Гораций Манн

Дата выхода: 30 апреля 2023 [Электронная книга №70681]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: США: В. В. Mussey & Co, 1851

Кредиты: Шарлин Тейлор и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАБСТВО: ПИСЬМА И РЕЧИ" ***

РАБСТВО: ПИСЬМА И РЕЧИ,

АВТОР: ГОРАЦИЙ МАНН,

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА ПО ОБРАЗОВАНИЮ МАССАЧУСЕТСА.

БОСТОН:
ОПУБЛИКОВАНО В. В. MUSSEY & CO.
1851.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1851 году

Горацием Манном,

служащим канцелярии окружного суда округа Массачусетс.

СОЗДАН НА БОСТОНСКОМ ЗАВОДЕ ПО ПРОИЗВОДСТВУ СТЕРЕОТИПОВ.

МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ МАССАЧУСЕТСА АВТОР С ЛЮБОВЬЮ ПОСВЯЩАЕТ ЭТОТ ТОМ.

Эта работа принадлежит человеку, в чьем сознании нынешние воспоминания занимают место ранних надежд. Она специально адресована тем, в чьих умах будущие воспоминания вскоре займут место нынешних Надежд. Следовательно, представился подходящий случай изложить несколько принципов, благодаря безошибочному руководству которых ликующие Надежды Юности всегда могут превратиться в счастливые воспоминания о Старости.

Молодежь всех стран и времен имеет общее свойство. Желание счастья - это универсальное желание. Бог закрепляет этот элемент в основе жизни. Глубоко в нашей моральной организации, еще до того, как поведение человека можно было контролировать или изменять, это стремление к счастью, эта надежда на будущее благополучие радикализировались в душе; так что это, по-видимому, было первым атрибутом, который был принят за конституцию нашей природы и вокруг которого были собраны другие атрибуты, скорее добавленные к остальным как второстепенные или случайные. Поскольку желание обрести ту или иную форму счастья было обеспечено в качестве движущей силы, похоже, что каждому человеку было предоставлено право выбирать свои собственные объекты наслаждения, будь то благородные или неблагородные, и разрабатывать свои собственные средства для их получения, будь то праведные или неправедные.

Подражательная и честолюбивая молодежь Свободного народа всегда обнаружит, что большая часть их личного и общественного благополучия неразрывно связана с институтами и законами их страны. Следовательно, в этом их интерес является как общественным, так и личным; он относится как к гражданину, так и к мужчине. Все великие моральные вопросы, хотя и затрагивающие их поначалу лишь слегка, будут становиться все ближе и ближе к сердцу, пока они живы; приобретая большее значение для их посмертной памяти, чем для их живой славы, и влияя на судьбу их потомков даже больше, чем на их собственную.

Хотя все молодые люди в основном одинаковы в своем желании благополучия, тем не менее, в отношении руководящих принципов, с помощью которых преследуются цели надежды на достижение счастья, между ними существуют три заметных различия, или класса.

1. Есть люди, которые с безоговорочной верой принимают взгляды своих родителей или круга, или касты, в которую они попали по воле случая рождения. Они никогда не отваживаются исследовать или выходить за пределы идей и мнений, среди которых они родились и выросли. Для них наследственная граница ограничивает мысль, веру, надежду. Независимо от того, являются ли мнения, среди которых они живут, островными в своей узости или континентальными в своей широте; принадлежат ли они земле, пришли из темных областей внизу или спустились из царств чистоты наверху, они принимаются восприимчивой душой, как неоперившиеся птицы принимают любую пищу, которую им предлагают, от друга или врага, с закрытыми глазами и открытым ртом. Следовательно, даже будучи практически правыми, они

никогда не бывают правы рационально, поскольку никогда не различали между добром и злом; и все их убеждения, истинные или неистинные, покоятся только на фундаменте фанатизма.

2. Представители второго класса с нетерпением смотрят за пределы семьи или касты. Они с тревогой спрашивают, какие взгляды, какие догмы преобладают среди людей, — какая партия преобладает или голосует в меньшинстве, какие признания или профессии наиболее легко откроют пути к богатству, умиловывают власть, завоюют покровительство, обеспечат продвижение по службе. Обнаружив, где преобладают силы, они присоединяются к более сильным. Независимо от того, идет прилив или отлив, они дрейфуют по течению. Если популярные взгляды меняются, они меняются, “как волна, гонимая ветром и отбрасываемая”; как хамелеон, меняющий свой цвет при каждом контакте.

Некоторые из этого класса, более проницательные, хотя и не менее принципиальные, чем остальные, поднимаются на возвышенность, откуда они могут обозревать направление сил, отмечать будущую точку и период их объединения, а затем они сразу же наносят удар по месту, где эти силы сходятся. Они, не в меньшей степени, чем их собратья, искажают вечные принципы в соответствии с пороком часа, только это час несколько будущего, а не настоящего.

3. Но есть и третий класс молодых людей, которые верны священным инстинктам добродетели и благоговейно относятся к долгу. Они ищут не освященного временем, а освященного истиной. Они узнали, что, согласно божественной классификации, во вселенной есть только два великих объекта — Бог и Человечество. Это единственное существование, признаваемое этими двумя высшими законами, которые, по божественной прерогативе, держат в своих объятиях все остальные законы. Отсюда вытекают две всепоглощающие обязанности — любовь к Богу и любовь к Человеку. Убеждения и чувства, принадлежащие Братству одних, опираются на ту же основу авторитета, что и те, которые принадлежат Отцовству других. Следовательно, все другие сущности и возможности — богатство, власть, слава, гениальность, вещи настоящие или грядущие — являются и всегда должны быть вторичными и подчиненными этим первичным и вечным законам. Ни в этой жизни, ни в какой-либо другой нет столь возвышенных имен, ни такого множества, которое могло бы отменить эти истины или отвлечь хоть на йоту от их связующей силы. Они неотделимы от своего Автора, неизменны, как и Он Сам, и моральная жизнь и моральная смерть ожидают своей награды.

Когда Молодой Человек этого класса заглядывает внутрь себя, он обнаруживает, что структура его собственной моральной природы такова, что уничтожение истиной лучше, чем наиболее благоприятное существование в заблуждении. И когда он смотрит вовне, он видит, что есть Бог, восседающий на троне наверху, более могущественный, чем любой “бог этого мира”, и что существует божественный закон, более высокий, чем любые законы подверженных ошибкам людей. Следовательно, он знает, что Право и Истина непременно восторжествуют, и что все, кто противостоит им, будут рассеяны, как вихрь рассеивает плевелы. Патриархи продали Иосифа в Египет, но Бог был с ним, воздал ему почести и, наконец, отдал жизни его братьев-предателей в его руки.

Каким бы ни было особенное безумие этого часа, в каком бы направлении ни манили богатства или призывы честолюбия, пусть Молодой Человек помнит, что почетным может быть только то, что справедливо, что безопасным может быть только то, что правильно. Следовательно, хотя

благоухающий ветерок лести может увлечь его с одной стороны, а буря проклятий яростно обрушится на него с другой, пусть он посвятит себя Справедливости и Истине и будет вдохновлен верой в то, что, хотя земля содрогнется или небеса рухнут, всеведущее око будет наблюдать за ним, а всеведущая рука защитит его.

Среди уловок колдуньи, которые обольщают молодежь до их гибели, нет более соблазнительного, хотя и ложного искушения, чем ценность, которая, кажется, принадлежит проходящему часу и удовольствиям, которые он может принести. Какой бесконечно малой частью существования является настоящий день или год! Как ничтожен его смысл по сравнению с грядущими веками! Каковы его возгласы, его показуха и его гордость, если поставить их на чашу весов против вечности наград, венчающих верность долгу? О, как безумно и безрассудно променять непреходящие почести будущего на преходящие радости настоящего! В будущем лежит богатство каждого человека; настоящее - это всего лишь возможность закрепить за собой это звание. Временщик должен час от часу хвататься за какой-нибудь новый прием, за который, если он не сумеет ухватиться, он обречен на гибель. Добродетельный человек привязывает себя к какому-либо принципу и надежно парит во всех мирах.

Ничто не стоит на более несокрушимой основе истины, чем принципы, которые делают выбор между человеческой Свободой и человеческим рабством. Так случилось, что эти вечные принципы сейчас в особой степени вовлечены в изменчивое и неопределенное течение политики; и на какое-то время может показаться, что политические бури сокрушают их. Но облако, закрывающее солнце, не уничтожает его; и эти принципы обязательно проявятся и будут сиять безоблачно в своем исконном великолепии вечно. Каждое действие, будь то отдельных лиц или правительств, совершенное в прошлые дни или в наши дни, которое ставит под угрозу священные принципы Человеческой Свободы или ставит ее интересы выше других интересов, записывается в календаре судьбы для окончательного и всеобщего осуждения. Это так же несомненно, как и то, что великие преступления расы, совершенные в прошлые века, — преследования первых христиан, пытки инквизиции или зверства африканской работорговли, — теперь осуждены ужасным приговором истории и постоянно звучащим осуждением человечества. В процессе распространения христианства, в процессе развития цивилизации, в процессе морального развития людей сейчас готовится трибунал, который вынесет обвинительный приговор пособникам рабства, который будет обнародован с Синая и сохранен в архивах вечности. Прогресс Века ведет нас не только вперед, но и ввысь; и то, что мы сейчас говорим против отступников от долга и предателей человечества в прошлые века, какими бы почетными, обласканными и вознагражденными они ни были в свое время, вскоре будет сказано о каждом из нас, кто возглавляет банду заговорщиков против Прав Человека или присоединяется к ней.

Каждый молодой Человек, каким бы малоизвестным или бессильным он ни казался, может что-то сделать для дела свободы. С какими бы недостатками ни сталкивалась молодежь, у них есть одно все компенсирующее преимущество. Перед ними более длительный период жизни, и они могут совершить поступки, которые могут быть достигнуты только годами труда. Но наш успех зависит бесконечно меньше от нашей силы, чем от наших мотивов. Когда мы проявляем добродетельную волю, Бог проявляет силу; так что результат соответствует не нашей слабости, а его всемогуществу. Таким образом, мы становимся способными

-“присоединиться

Наши частичные перемещения с помощью главного колеса

великого мира, *и служить этой священной цели,*

Которую Он, безошибочный Разум, держит в поле зрения.

Итак, тех молодых людей Массачусетса из благородного рода Пилигримов, которые воспитывались под влиянием святилища и школы, в чьих сердцах хранится священное хранилище будущих и безграничных надежд, но которым теперь советуют отказаться от своей чистоты, которые подвергаются опасности быть развращенными соблазнами богатства, или очарованными блеском мирских почестей, или сметенными давлением толпы, творящей зло, я заклинаю твердо и непоколебимо придерживаться тех священных и вечных принципов человеческой свободы, которые дошли до нас *через* огонь угнетения. и муки и кровь мучеников, но пришедшие *от* Бога; — принципы, которые никогда не претерпят разрушения со временем, которые короли или сенаты королей никогда не смогут отменить, и которые, как бы сильно страсти человеческие ни стремились запятнать или осквернить их, всегда прекрасны и справедливы, как и имена всех их последователей, которые будут впоследствии. Я призываю молодых людей перенестись в воображении в среднюю жизнь или старость, и там вы увидите, как эти важные вопросы будут выглядеть в ретроспективе времени, когда блестящие одежды, которые сейчас украшают истощателя, исчезнут, и останется только ужасный дьявол; когда страсть, побудившая к преступлению, умрет, и останется только раскаяние. Думайте не о роскоши, или богатстве, или постыдной легкости, а только о героическом конфликте, не обращая внимания на нынешнюю силу врага. Не принимайте взятки из рук власти, в каком бы красивом обличье она ни была, но отвергайте ее и ее автора одинаково. Пусть ваше будущее возмужание воплотит в жизнь благородные устремления вашей юности; и среди соблазнов настоящего цените только ликующие воспоминания, которые вы можете сохранить до старости. Возможно, вам неприятно расставаться с друзьями, но истина и долг - ваши самые близкие друзья. Может быть, больно жить среди тех, кто упрекает и осуждает тебя; но будь трусом, когда добродетель в опасности, а со своей собственной обвиняющей совестью тебе придется жить вечно. Изучайте те образцы совершенства, которые вышли чистыми и блистательными из огненных испытаний. О Франциске Первом говорят, что, когда он читал о доблестных подвигах Гастона де Фуа, он плакал слезами соперничества. Радуйтесь же, хотя и выстроенные на переднем крае битвы, когда Права Человечества находятся в опасности, и вы будете радоваться снова и навсегда их триумфу. Прочтите и взвесьте в то, что было так благородно сказано одним из язычников старого света, и вам будет стыдно, да, оплакивайте свою страну и себе подобных, если христианство Америки пало ниже язычества Рима. Сенека говорит:"

“Добродетель жаждет опасности; и какой бы ни была ее цель, она никогда не задумывается о том, как сильно она может пострадать, поскольку ее страдания - часть ее славы. Военные славятся своими шрамами. С ликованием они указывают нам на то, что их кровь льется во имя благородного дела. Хотя те, кто возвращается с поля битвы *невредимыми*, возможно, совершили не меньше благородных поступков, все же именно *раненый* солдат получает двойные почести. Бог заботится о тех, кого он хотел бы сделать наиболее почетными, предоставляя им возможности для совершения доблестных и благородных поступков. Поэтому он создает трудности на их пути. Именно в шторм вы видите, кто достоин быть пилотом, а в бою - кто солдат.... Откуда я могу знать, с каким постоянством и выносливостью человек выдержит

упреки, поношение и народную ненависть, если он состарился среди аплодисментов мира, если он никогда не сталкивался с несчастьями и пользовался без разбора благосклонностью людей?... Не пугайтесь, я умоляю вас, опасностей, которые были задуманы бессмертными богами только как стимуляторы к напряжению. Сезон бедствий - это благоприятная возможность для добродетели. Их, скорее, следует считать несчастными, которые лежат вялые в роскошной непринужденности, которых медлительный штиль задерживает в великом путешествии, подобно судам, которые барахтаются в море без шторма. Тех, кого Бог одобряет и любит, он тренирует и испытывает снова и снова, и таким образом приучает их к трудностям; но тех, кого он намеревается ослабить, он щадит, потакает им и спасает от надвигающихся бед.... *Самые храбрые* в армии - это те, кого командующий выбирает для самой опасной службы. Генерал выделяет своих отборных людей для отправки в секретные экспедиции ночью, или для исследования неизвестного пути, или для выбивания гарнизона из его укреплений. Никто из людей, выбранных для такого предприятия, никогда не слышал, чтобы они говорили: "*Мой командир обидел и обесчестил меня*", скорее: "*Он хорошо знал, кого выбрать.*" Таков же язык тех, кто вынужден страдать от того, что заставило бы плакать робких и неблагородных. Мы удостоены чести в божественном отношении, когда великий эксперимент, *сколько человеческая природа может вынести ради добродетельного дела*, испытывается на нас самих.... Как учителя поступают со своими учениками, так и Бог поступает с хорошими людьми. Он требует больше всего от тех, в ком он больше всего уверен".

Уэст-Ньютон, октябрь 1851 года.

Содержание.

	СТРАНИЦА
ПИСЬМА О ПРИНЯТИИ КАНДИДАТУРЫ В ТРИДЦАТЫЙ КОНГРЕСС,	1
РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ 30 июня 1848 г.,	10
НАБРОСКИ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ АРГУМЕНТОВ По ДЕЛУ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ против ДЭНИЕЛ ДРЕЙТОН,	84
ПИСЬМО О ПРИНЯТИИ КАНДИДАТУРЫ В ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ КОНГРЕСС,	119
РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, 23 февраля 1849 г.,	121
РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, 15 февраля 1850 г.,	180
ДВА ПИСЬМА О РАСПРОСТРАНЕНИИ РАБСТВА И О ПРАВЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО БЕГЛОГО РАБА На СУД ПРИСЯЖНЫХ,	236, 282
ПИСЬМО: ПОСТАНОВЛЕНИЕ 1787 г.,	238
ПИСЬМО О ПРИНЯТИИ КАНДИДАТУРЫ В ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ КОНГРЕСС,	340
РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ДЕДХЭМЕ 6 ноября 1850 г.,	357
РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ 28	390

февраля 1851 г.,

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ЛАНКАСТЕРЕ 19 мая 1851 г.,

473

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В БОСТОНЕ 8 апреля 1851 г.,

523

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ВУСТЕРЕ 16 сентября 1851 г.,

536

ПИСЬМО

Принимаю кандидатуру на Тридцатый конгресс, выдвинутую Съездом вигов округа № 8 в марте 1848 года.

Джентльмены;

Ваше сообщение от 16 июня, направленное в Ньютон (вместо Уэст-Ньютона, где я проживаю), дошло до меня только сегодня утром. Я сердечно благодарю вас за добрые выражения личного уважения, которыми вы были рады сопроводить это письмо. Вы сообщаете мне, что на съезде делегатов, собравшихся в Дедхэме в среду, 15 сентября, я был выдвинут кандидатом на замещение вакансии в Конгрессе, образовавшейся в связи со смертью великого и хорошего человека, о невосполнимой утрате которого мы, его избиратели, от имени нации скорбящих скорбим.

На первый взгляд, мысль о том, чтобы стать непосредственным преемником Джона Куинси Адамса в государственных советах страны, вполне могла заставить любого человека отпрянуть от неизбежного контраста. Но при минутном размышлении становится очевидным, что разница между всеми людьми, которых он оставил, настолько ничтожна по сравнению с неравенством между ними и им самим, что в этом отношении не имеет большого значения, кто станет его преемником; и люди в Восьмом округе, переходя от мистера Адамса к любому преемнику, должны сломаться и перенести шок от падения, насколько это в их силах.

Я от всего сердца согласен с вами в той оценке заслуг и почитании характера нашего покойного представителя, которые так красноречиво выражают ваши резолюции. Вдохновляться его примером, подражать его усердию и верности в исполнении любого поручения, подражать его моральному бесстрашию, которое всегда предпочитало в одиночку отстаивать правое дело, а не присоединяться к свите и получать аплодисменты миллионов как поборника неправого, — это означало бы, говоря прекрасным языком римского историка, “восходить к славе путем добродетели”.

В одной из резолюций, принятых вашим съездом, провозглашаются три следующие вещи:

1. Преемником мистера Адамса в Конгрессе должен быть человек, “принципы которого должны соответствовать принципам его предшественника”.
2. Что его верность великим принципам свободы человека должна быть непоколебимой. И,—

3. Что его “голос должен во всех случаях использоваться для распространения и обеспечения свободы человеческой расе”.

Позвольте мне вновь подтвердить эти чувства от всего сердца. Если обязанности этого преемника когда-нибудь будут возложены на меня, я постараюсь выполнить их так, чтобы эти мертвые слова стали живой душой. Я счел бы не только своим долгом, но и высочайшим честолюбием отстаивать благородные принципы, которые вы здесь изложили, как отстаивал их мистер Адамс; хотя, к несчастью, это было бы всего лишь проявлением Давида в доспехах Саула. Потерпите меня немного, пока я буду распространяться об этих чувствах.

1. *“В соответствии со своими принципами.”* — Я полагаю, что верховным правилом жизни мистера Адамса было действовать в соответствии со своими убеждениями о долге. Истина была его проводником. Его совесть была неэластична. Он не стал бы в присутствии посторонних заглатывать комара из-за его размера, а потом, в частном порядке, проглатывать верблюда. Его патриотизм был неразрывен с его страной; его нельзя было раздавить и втиснуть в рамки партийных линий. Хотя он и склонен ошибаться — а какой человек не склонен?—и все же он считал, что его принципы соответствуют великим моральным законам Вселенной. Они были продуманы из чувства долга и религии, а не из соображений целесообразности. Облеченный покровительством, он никогда не увольнял человека с должности из-за того, что тот был политическим оппонентом, и никогда не назначал его на этот пост только потому, что он был политическим другом. Отсюда он извлек из уст мистера Холмса из Южной Каролины этот благородный панегирик — панегирик, учитывая, из какой части страны он был родом, столь же почетный для его автора, сколь и для его цели, - что “он не сокрушил сердца грубой хваткой проскрипции; он не оставил в наследство воплей вдов или слез сирот”. Если бы все почести, которые мистер Адамс когда-либо получал от должностей, занимаемых при первых пяти президентах Соединенных Штатов, и от государственной службы, которая, начавшись более пятидесяти лет назад, продолжалась до дня его смерти, были сосредоточены в одном ослепительном сиянии, они были бы менее яркими и неугасимыми, чем честь пожертвовать своим избранием на второй президентский срок, потому что он не стал бы ради этого злоупотреблять покровительством и властью, которые конституция предоставила в его руки. Я рассматриваю это как самое возвышенное зрелище в его долгой и разнообразной карьере. Он стоял в пределах досягаемости объекта своих амбиций, который, несомненно, был ему дороже жизни. Он мог бы наложить на него руки. “Тихий, слабый голос” сказал: “Нет!” Не проронив ни слова, он увидел, как его с триумфом подхватил и унес другой. По сравнению с этим могила многих мучеников была легким местом упокоения.

2. *“Непоколебимая верность великим принципам свободы человека.”* — Декларация независимости Америки в 1776 году была первым полным утверждением прав человека в широком масштабе, когда-либо сделанным человечеством. Прошло менее трех четвертей века, а уже большая часть цивилизованного мира ощутила влияние этой Декларации. Во Франции на протяжении многих лет была конституционная монархия; возможно, сегодня ее правительство республиканское. Голландия и Бельгия сравнительно свободны. Почти все государства Германской конфедерации имеют письменную конституцию и законодательный орган с народной ветвью власти. Недавно в Пруссии была введена представительная система. Железное правление Австрии ослабевает под напором свободы, исходящим от окружающих народов. Неаполь и Сицилия только что разорвали оковы тирании. В Риме и государствах Церкви, где, как предполагалось, под влиянием религиозного и политического деспотизма

сердце Свободы окаменело до непроницаемой твердости, это сердце теперь начинает пульсировать новой жизнью и сочувствовать человечеству. Великобритания и Дания освободили своих рабов в Вест-Индии. В настоящее время принимаются меры по улучшению положения российских крепостных. Даже наполовину варварский магометанский Тунис поддался приливу свободных принципов. К какому суду приведут нас наши собственные потомки, какой позорный приговор вынесет нам история, если Соединенные Штаты впоследствии окажутся единственной частью христианского мира, где принципы нашей собственной Декларации независимости нарушаются в отношении миллионов наших людей?

3. *“Осуществление при любых обстоятельствах права голоса в распространении и обеспечении свободы человеческой расе.”* — В наших делах назрел кризис. Территория, по размерам намного превышающая территорию тринадцати первоначальных штатов, когда они отражали мощь Великобритании, недавно была присоединена или, несомненно, вот-вот будет присоединена к нашим национальным владениям. Площадь этой территории настолько велика, что ее можно разделить на дюжину участков, и эти участки могут быть разделены на отдельные штаты, каждый из которых будет настолько большим, что Массачусетс покажется всего лишь незначительным двориком, если поместить его напротив. Части этой территории плодородны и целебны. Она способна прокормить миллионы и миллионы людей одного поколения. Число последовательных поколений, которым по промыслу Божьему суждено населить его, будет подобно листьям в лесу или песку на морском берегу. Каждый из них должен быть живой душой, со своими радостями и печалью, своими надеждами и страхами, своей склонностью к возвышению или унижению. Каждый из них будет способен быть сформированным по образу Божьему или деформированным по образу всего, что является антибожественным.

Эти бесчисленные миллионы должны быть нашими родственниками; многие из них, возможно, наши собственные потомки; во всяком случае, наши братья по роду человеческому; ибо разве Бог не “сотворил от одной крови все народы человеческие, чтобы они обитали по всему лицу земли”? В правах, в характере, в счастье; в свободе или в вассалитете; в великолепных иммунитетах и прерогативах знания или в унижении и суевериях невежества; в их устремленном вверх стремлении и любви к моральному совершенству или в их устремленных вниз, стремительных и звериных аппетитах и страстях - какими будут эти миллионы наших собратьев? Я ставлю это как практический вопрос: кем будут эти миллионы наших собратьев? — ибо более чем вероятно, что именно это поколение, — более того, что действующие лица в общественных делах, прежде чем кончатся пески нынешнего года, — определяют и предопределяют их судьбу. Эта гибель будет тем, что предопределяет наше нынешнее поведение.

Если мы примем законы и учредим институты, под благотворным влиянием которых этот обширный участок территории в конце концов будет кишеть мириадами людей, каждый из которых свободнорожденный человек; каждый пользуется неотъемлемым правом на “жизнь, свободу и стремление к счастью”; каждый свободен развивать свои способности, свободен в выборе и вознаграждении за свой труд; - если мы сделаем это, то, хотя грандиозные результаты могут не проявиться в течение тысячи лет, все же, когда придет время, справедливость и честь создания этих законов и институтов будут принадлежать нам. нас, как будто это великолепное завершение могло быть осуществлено уже завтра. С другой стороны, если мы так сформируем форму, по которой должно быть отлито их состояние, что для них или для какой-либо части из них будет рабство вместо свободы, невежество вместо образования, унижение вместо достоинства, потворство звериным аппетитам вместо святости и безопасности семейной

жизни, - тогда, пока горы не рухнут от старости, пока небесные своды не прогнут, эти горы и эти арки никогда не перестанут эхом отзываться на проклятия в адрес нашей памяти всех великих и добрых людей нашей планеты. весь мир. И это возмездие, я верю, наступит внезапно, а также будет длиться вечно.

В одном из юго-западных штатов была обнаружена обширная подземная пещера, глубоко внизу которой находится бассейн с водой, на который никогда не падает ни один луч солнечного света. Говорят, что в этом безлунном бассейне обитает незрячая рыба. Предполагается, что у этого животного действительно смутно различимы зачатки органа зрения; но от сферы, преломляющей лучи света, или сетчатки, воспринимающей их, нет и следа. Натуралисты предполагают, что прародители этих животных в давно прошедшие века обладали зрением; но, будучи погребены в этих глубинах каким-то стихийным бедствием, долгое неиспользование сначала ослабило, наконец угасло и, наконец, уничтожило сам орган зрения. Животное опустилось на ступеньку бытия до тех пор, пока его чувства не приспособились к кромешной тьме, в которой оно обитает. Будь этот рассказ полностью вымышленным, он обладал бы наибольшим правдоподобием и, несомненно, описывал бы то, что на самом деле произошло бы при предполагаемых обстоятельствах.

Так будет с способностями, находящимися как над поверхностью земли, так и под ней. Так будет и с человеческими существами, а также с низшими порядками творения. Так будет и с нашими собственными братьями или детьми, если мы закроем от них книгу знаний или запечатаем их чувства, чтобы они не могли ее прочесть. Так будет и со всеми нашими данными Богом способностями, постольку, поскольку они лишены возможности законного применения на соответствующих объектах. Любовь к знаниям угаснет, когда ее перестанут стимулировать средствами познания. Самоуважение угаснет из-за вездесущего чувства неполноценности. Чувства правды и долга угаснут, когда хитрость и ложь смогут приносить больше удовлетворения, чем откровенность и честность. Самые благородные порывы человеческой души, самые священные привязанности человеческого сердца угаснут, когда все сферы будут закрыты для их осуществления. Когда совершается или угрожает совершиться такая ужасная работа, может ли кто-нибудь равнодушно стоять в стороне, смотреть, как она совершается, а затем ожидать оправдания под ложным, нечестивым предлогом Каина: “Разве я сторож брату моему?”

В таком случае, я полностью согласен с вами и делегатами конвента, которые вы представляете, в том, что преемником мистера Адамса должен быть тот, “чей голос при любых обстоятельствах будет использоваться для распространения и обеспечения свободы человечества”. Конечно, я не понимаю, что вы подразумеваете под каким-либо нарушением конституции Соединенных Штатов, которую каждый представитель клянется поддерживать.

Позвольте мне сказать пару слов лично для себя. В течение одиннадцати лет я был отчужден от всех политических волнений. За весь этот период я не присутствовал ни на одном политическом митинге какого бы то ни было рода. Я довольствовался правом на личное суждение и правом голоса, хотя обычно случалось так, что мои официальные обязанности требовали моего отсутствия дома во время осенних выборов. Я считал это воздержание *отактивного* участия в политических состязаниях как вопросом долга по отношению к противостоящим политическим партиям, так и надлежащим средством служения наилучшим интересам дела, за которое я

взялся. Я также надеялся, поступая таким образом, помочь воспитать мужчин даже лучше, чем те, кто сейчас принадлежит к какой-либо партии.

Природа моих обязанностей также, а также все мои контакты и ассоциации привлекли меня ко всему достойному и благотворному во всех сторонах, а не к тому, что свойственно кому-то одному. Не веря в политические обещания, я имел бы честь отказаться давать вам какие-либо из них, если бы вы не имели первой и большей чести ничего у меня не просить. После того, что я сказал выше в пользу свободы для всего человечества, было бы странным противоречием, если бы я согласился сам быть рабом партии. Руки, которые вы подняли в защиту себя и своих избирателей, когда голосовали за благородные чувства, содержащиеся в резолюции, которую я процитировал, никогда не смогли бы унижить себя, выковав кандалы для свободного разума другого человека или закрепив их на нем; и рука, которой я написал свой сердечный ответ на эти чувства, никогда не сможет протянуться, чтобы надеть кандалы. Поэтому, если ваша кандидатура будет принята и пройдет успешно, между нами должно быть четкое понимание того, что я всегда буду открыт для получения советов моих избирателей, всегда буду приветствовать их советы, всегда буду крайне благодарен за их предложения, но, в конечном счете, единственным арбитром должно быть мое собственное чувство долга. В случае возникновения разногласий закон открывает почетный выход для обеих сторон — отклонение с моей стороны, замена с вашей.

В заключение я должен добавить, что в том, что касается личных предпочтений, я бесконечно предпочитаю оставаться на своем нынешнем посту, со всем его трудом и неблагодарностью, любому посту на благо народа. Я надеялся и намеревался, в государственном или частном качестве, посвятить свою жизнь продвижению великого дела народного образования. Только два соображения могли побудить меня отказаться от этой цели. Первое важно. Принятие законов, которые будут распространяться на необитаемую территорию и применяться к мириадам человеческих существ, которым в дальнейшем предстоит занять эту территорию, - это работа, которая, по-видимому, предшествует даже самому образованию и превосходит его по рангу. Будет ли обширное пространство страны заполнено существами, которым разрешено образование, или теми, кому в нем отказано, — теми, кого гуманность и закон вменяют в обязанность учить, или теми, кого бесчеловечность и закон вменяют в *законную* обязанность не учить, - это, по-видимому, является предварительным решением всех вопросов, касающихся наилучших систем и методов для обеспечения эффективности образования.

Другое соображение сравнительно неважное, хотя на данный момент оно меня сильно смутило. Теперь я узнаю, что на вашем съезде были возбуждены ожидания, что если бы мне предложили кандидатуру, она не была бы отклонена. Если бы я предвидел благоприятное отношение конвента или предвидел, что такие ожидания будут вызваны, я бы ни на минуту не прислушался к этому предложению; и мне будет позволено добавить, что, когда я увидел, что мое имя объявлено в газетах, моим первым действием было подготовить письмо с отказом. Только когда я отправился вручать письмо, я узнал, что было сделано, и что, по мнению людей, чье суждение я обязан уважать, мои слишком пристрастные друзья до такой степени предали меня, что выбора не оставалось.

Уступая этим соображениям, я подчиняюсь решению моих сограждан.

С чувством глубокого личного уважения,
я, джентльмены,

Ваш друг и слуга,
ГОРАЦИЙ МАНН.

Достопочтенный Томас Френч, президент; Сэмюэл К. Манн, Джон К. Корбетт, Эдвард Крехор, эсквайры, секретари.

Уэст-Ньютон, 21 марта 1848 года.

РЕЧЬ

Произнесено в Палате представителей Соединенных Штатов 30 июня 1848 г. о праве Конгресса издавать законы для территорий Соединенных Штатов и его обязанности исключить рабство на них.

Господин Председатель;

Я с интересом слушал как вчера, так и сегодня выступления по так называемому “президентскому вопросу”. Я предлагаю обсудить вопрос гораздо большего масштаба — вопрос о возрасте, — последствия которого не прекратятся в последующие четыре года, но будут простирались до захода солнца времени.

Сэр, наша позиция такова: Соединенные Штаты считают себя хозяевами обширного региона страны на западе, в настоящее время почти безлюдного. Некоторые части этого региона целебны и плодородны. У нас есть основания предполагать, что в дополнение к сокровищам, которые промышленность может собрать с его поверхности, под ним находятся минеральные богатства - богатства, накопленные в древности в подземных помещениях и ожидающие только применения интеллекта и мастерства, чтобы превратиться в средство совершенствования и счастья человека. Эти регионы, это правда, лежат далеко от места нашего проживания. Их берега омывает другое море, и не будет фигурой речи сказать, что над ними склоняется другое небо. Они так далеки, что их часы не такие, как у нас, и их день не такой, как наш; и все же, таковы замечательные усовершенствования в искусстве в наше время, что не приходится опрометчиво ожидать, что до конца этого столетия жители атлантических берегов смогут посетить своих братьев на Тихом океане за десять дней; и что информация будет передаваться и возвращаться между восточным и западным океанами за десять минут. Следовательно, эта страна будет быстро заполнена, и мы установим с ней тесные отношения и, несмотря на ее удаленность, приблизимся к ней.

Теперь, по провидению Божьему, на нашу долю выпало издавать законы для этого незанятого или лишь частично занятого пространства. Его великое будущее зависит от нашего решения. Похоже, в нашем распоряжении не только градусы широты и долготы, но и огромные промежутки времени — эпохи и столетия. Каковы институты, которые мы формируем и устанавливаем там, таковы и люди, которых эти институты, в свою очередь, сформируют. Природа действует по установленным законам; но мы можем подчинить ту или иную комбинацию обстоятельств действию ее законов и таким образом определить результаты.

Отсюда возникает наша ответственность. Один класс институтов соберет там один класс людей, которые разовьют один набор характеристик; другой класс институтов соберет там другой класс людей, которые разовьют другие характеристики. Следовательно, их будущее зависит от наших нынешних действий. Следовательно, действия, которые мы должны совершить, по-видимому, имеют природу творения, а не законодательства. Стоя на возвышении, которое мы сейчас занимаем, и глядя на этот пустой мир, “пока еще пустой”, если не “бесформенный”, но вскоре наполняющийся многообразной жизнью, и размышляя о нашей способности придавать форму и характер этой жизни и почти предопределять, какой она будет, я чувствую, что не будет непочтительностью сравнивать наше состояние с состоянием Творца до того, как он создал “господа” этого низшего мира; ибо мы, подобно Ему, можем привить тот или иной набор атрибутов целой расе людей. Поэтому, подходя к этому предмету, я испытываю чувство ответственности, соответствующее бесконечным, — я говорю буквально, — *бесконечным* интересам, которые он охватывает.

Насколько позволит отпущенное мне время, я предлагаю обсудить два вопроса. Первый: *“Может ли Конгресс законно издавать законы по вопросу рабства на территориях”*.

По этому вопросу недавно была выдвинута новая и в высшей степени необычная доктрина. Было обнаружено новое прочтение конституции. Утверждается, что 3-й раздел 4-й статьи, дающий Конгрессу полномочия “распоряжаться и устанавливать все необходимые правила и подзаконные акты, касающиеся территории или другого имущества, принадлежащего Соединенным Штатам”, дает право издавать законы только для земли *как земли*. Допускается, что Конгресс может издавать законы для земли *как таковой* с точки зрения геологии или ботаники, — возможно, для животных, которые бродят по ее поверхности, или рыб, которые плавают в ее водах; но отрицается, что Конгресс обладает какой-либо властью определять законы и институты для тех, кто будет населять эту “землю”.

Но сравните это с любым другим предметом покупки или владения. Когда Техас был принят в Союз, он передал свой “военно-морской флот” Соединенным Штатам; другими словами, Соединенные Штаты купили военно-морской флот Техаса и, конечно же, владели им. Какую власть имел Конгресс над этим военно-морским флотом, после покупки? Согласно новой доктрине, он мог бы издавать законы для корпуса, мачт и парусов техасских кораблей, но не имел бы полномочий управлять ими для офицеров и матросов. Он мог бы управлять кораблями с таким количеством дерева, железа и канатов, но не имел бы власти над командирами или экипажами.

Но перед нами стоит задача показать какой-либо пункт конституции, который дает *явное* право принимать законодательные решения на территориях, которыми мы владеем. Я призываю наших оппонентов привести какой-либо пункт, который дает явное право самим приобретать эти территории. Таким образом, если власть приобретать существует, она существует подразумевая; и если власть *приобретать* подразумевается, то власть *управлять тем, что приобретается*, также должна подразумеваться. Ибо с какой целью любой человек приобретает собственность, кроме как управлять ею? За что платит покупатель, если не за право “распоряжаться”? Такова доктрина Верховного суда Соединенных Штатов: “Право управлять, - говорит главный судья Маршалл, - может быть неизбежным следствием права приобретать”. *Амер. Инс. Ко. против Кантера, 1 Питерс, 542.* См. также *Маккалоу против*

Мэриленд, 4 пшеницы., 422. Нация чероки против Джорджия, 5 Питерс, 44. Соединенные Штаты против Грацио, 14 Петра, 537.

Но я ссылаюсь на четкие формулировки конституции как достаточные и эффективные для предоставления всех полномочий, на которые претендуют. “Конгресс может распоряжаться и устанавливать все необходимые правила и подзаконные акты” и т.д. Если Конгресс может “распоряжаться” этой землей, то он может ее продать. Неотделимым от права продажи является право определять условия продажи. Продавец может устанавливать на продаваемой вещи такие условия и ограничения, какие ему заблагорассудится. Если это не так, то покупатель может диктовать продавцу свои условия. Ответьте на эти простые вопросы: предположим, что Соединенные Штаты владеют землей в fee simple, тогда находится ли правительство под опекой или нетрудоспособно из-за меньшинства? Является ли это *несовместимым с жизнью*? Если к нему не относится такая инвалидность, то его могут продать. Он может просто продать гонорар или выделить меньшее имущество и продать его. Он может включить такие условия, какие ему заблагорассудится, в свой договор купли-продажи. Оно может подать прямой иск об отказе от добычи, или оно может зарезервировать полезные ископаемые для собственного использования, или судходные потоки для автомобильных дорог общего пользования, как это было сделано в отношении территории к северо-западу от реки Огайо. Он может включать условия и ограничения в каждый акт или патент; или, если получателей гранта много, он может устанавливать общие “правила и предписания”, которые понимаются как часть каждого контракта и, следовательно, являются обязательными для каждого покупателя. Никого не принуждают покупать; но если кто-то и покупает, то в соответствии с “правилами и предписаниями”, выраженными в гранте; и ни он, ни его получатели гранта, ни его или их наследники после них не могут жаловаться. Поэтому я не хочу лучшего основания для законодательного регулирования территорий, чем факт владения в Соединенных Штатах. Предоставьте это, и все будет предоставлено. Если я владею фермой или магазином, я могу, как владелец, прописать условия их передачи другому лицу. Если ему не нравятся мои условия, то пусть он откажется от переговоров; если он соглашается с условиями, то пусть соблюдает их и помалкивает.

Сэр, в штате, к которому я принадлежу, мы считаем воздержание великим благословением и великой добродетелью, а невоздержанность - великим проклятием и великим грехом. Я знаю о зарегистрированных там компаниях, которые приобрели большие участки земли для производственных целей. Они хорошо знают, как важна трезвость рабочих для получения прибыли от их работы; они также знают, насколько расточительным и разрушительным является опьянение. Поэтому, передавая свою землю людям, которых они хотели бы собрать вокруг себя и нанять, они включают в дарственную в качестве основного пункта положение о том, что горячительные напитки никогда не будут продаваться на территории; и таким образом они сразу же закрывают одни из самых густонаселенных врат ада. Разве они не имеют права делать это на основании самого факта владения? Стал бы какой-нибудь судья или юрист сомневаться в обоснованности такого условия; или любой здравомыслящий человек когда-либо усомнился бы в его мудрости или гуманности? С финансовой и моральной точек зрения это подпадает под рубрику “необходимые правила и предписания”. Если они не нравятся пьяницам, пусть они, шатаясь, уходят и ищут себе пристанище в другом месте.

Но Соединенные Штаты - это не просто землевладелец; это суверенитет. Как таковой, они осуществляют всю конституционную юрисдикцию над всеми своими территориями. Откуда, как не из этого права суверенитета, правительство получает право заявлять, что никто не должен покупать землю туземцев или аборигенов; и что, если вы хотите купить землю на территориях, вы должны обратиться за ней к правительству? Есть ли в конституции какое-либо прямое право, уполномочивающее Конгресс говорить всем гражданам Соединенных Штатов: “Если вы хотите купить незагрантированную землю на территориях, вы должны приехать к нам, потому что никто другой не может продать или не будет продавать”? Это право, поддерживаемое всем нашим законодательством и судебными решениями, распространяется на всю территорию. *Арендатор Johnson et al. против Макинтоша, 8 Уитон, 543; 5 Подп. представителя. 515.*

Но, оставляя конституцию, отрицается наличие прецедентов. Достопочтенные джентльмены из Вирджинии [мистер Бейли] не только оспаривал полномочия Конгресса принимать законы по вопросу рабства на территориях, но и отрицал существование прецедентов для поддержания этой власти. Сэр, было бы гораздо менее смелым утверждением отрицать существование прецедентов избрания президента Соединенных Штатов, поскольку случаи последнего были гораздо менее частыми, чем первого. Конгресс издавал законы по вопросу рабства на территориях на протяжении всего периода с момента принятия конституции до настоящего времени; и это законодательство поддерживалось судебной властью как общего правительства, так и правительств штатов и приводилось в исполнение исполнительной властью обоих. См. *Менар против Аспазия, 5 Питерс, 505; Фиби и др. против Джея, представителя Бриза 210; Хогг против The Zanesville Canal Co., 5 Представитель штата Огайо 410; Представитель штата Луизиана от компании Martin's N.S. 699; Спунер против Макконнелл, представитель 1 Маклина 341; Харви против Дикер, представитель Уокера в Миссисипи. 36 лет; Рэйчел против Уокер, 4 представитель штата миссури . 350.*

Насколько единообразная шестидесятилетняя практика может разрешить сомнительное или подтвердить признанное право, эта законодательная власть над территориями была взята из региона сомнений и установлена на основе признанного авторитета. Принимая законодательные решения для всех территорий, которые сейчас являются Огайо, Индианой, Иллинойсом, Висконсином, Мичиганом, Айовой, Миссури, Арканзасом, Миссисипи, Луизианой и Флоридой, мы приняли законы по вопросу рабства на этих территориях. Шестьдесят лет законодательства с одной стороны, и ни одного отказа в этом праве с другой.

Но джентльмен из Вирджинии [мистер Бейли] говорит, что действия Конгресса в отношении территорий были скорее действиями по разработке конституции, чем законов. Предположим, что это верно; разве большее не включает в себя меньшее? Если Конгресс мог принять конституцию для всех территорий — органический, фундаментальный закон, закон законов, — разве он не мог бы, если бы ему было так угодно, принять сам закон? Конституция предписывает законодательному органу, что он должен делать, а чего не должен; она приказывает, запрещает и обязывает людей клятвами обеспечивать себя. В нем говорится: “Доныне ты должен приходить, и не далее”. И если Конгресс может это сделать, не может ли он сам принять местный закон? Может ли что-нибудь быть более нелепым? Как будто мы можем *приказывать* другим делать то, что мы не имеем права делать сами, и запрещать другим делать то, что находится за

пределами нашей собственной юрисдикции! Несомненно, устанавливать, по каким вопросам сообщество должно издавать законы, а по каким нет, - это осуществление высшей власти.

Но Конгресс не ограничился осуществлением полномочий по разработке конституции. В различных формах и во все времена он издавал законы для территорий в самом строгом смысле слова *законодательство*. Он издавал законы снова и снова, причем десять раз подряд, по этому самому вопросу о рабстве. Смотрите закон 1794 года, запрещающий работорговлю из “любого порта или места” в Соединенных Штатах. Мог ли какой-либо гражданин Соединенных Штатов в соответствии с этим законом отправиться на одну из наших территорий и там снаряжать суда для работорговли? Конечно, он мог бы, если бы Конгресс не имел права издавать законы только над территориями, состоящими из определенного количества земли и воды.

Согласно статуту 1798 года, глава 28, § 7, рабам было запрещено ввозиться на территорию Миссисипи из-за пределов Соединенных Штатов, и все привезенные таким образом рабы *были освобождены*.

Таким образом, закон 1800 года, глава 51, о дальнейшем запрете работорговли, применялся ко всем гражданам Соединенных Штатов, независимо от того, проживают ли они на территориях или в организованных государствах. Разве это законодательство не распространялось на территории?

Согласно статуту 1804 года, глава 38, § 10, трем классам рабов было запрещено ввозиться на территорию Орлеана.

Статут 1807 года, глава 22, запрещающий ввоз рабов после 1 января 1808 года, прямо запрещал их ввоз на территории.

Статут 1818 года, глава 91, статут 1819 года, глава 101 и статут 1820 года, глава 113, запрещающие работорговлю и объявляющие ее пиратством, прямо включали все территории Соединенных Штатов.

Статут 1819 года, глава 21, уполномочивал президента обеспечивать безопасное хранение рабов, импортированных из Африки, и их отправку домой на этой земле. Согласно этому закону, президент мог бы создать склад для рабов в пределах наших территорий, в Персидском заливе или на Миссисипи.

Статутом 1820 года, глава 22, § 8, Конгресс установил то, что было названо компромиссной линией Миссури, тем самым прямо приняв закон по вопросу рабства. То же самое и в Техасе. См. *Jo. Res. 1 марта 1851 г.*

Согласно статуту 1819, глава 93, статуту 1821, глава 39, § 2, и статуту 1822, глава 13, § 9, Конгресс принял закон о рабстве на территории Флориды.

Не кажется ли почти невероятным, что защитник и поборник рабства отрицает полномочия Конгресса принимать законы по вопросу рабства на территориях? Если Конгресс не имеет такой власти, по какому праву хозяин может вернуть беглого раба, сбежавшего на территорию? Конституция гласит: “Ни одно лицо, привлекаемое к службе или труду в одном *штате*,

бежавшее в другой”, то есть в другой *штат*, “не может быть уволено с такой службы или труда” и т.д. Закон 1793 года, глава 7, § 3, предусматривает, что, когда лицо, привлекаемое к труду и т. Д., “Сбежит в любой другой из указанных штатов, *или территории*”, оно может быть схвачено. По какому другому закону, кроме этого, беглый раб может быть возвращен *на территорию*? Если Конгресс не имеет полномочий издавать законы по вопросу рабства на какой-либо территории, то, конечно, он не может издавать законы о поимке беглого раба на территории. Аргумент направлен в обе стороны. Нож ранит того, кто воспользуется им, чтобы ранить своего товарища.

Дальше, чем это. Если утверждается, что рабство является одним из общих субъектов законодательства, то любой закон Конгресса для территорий, касающийся любого из общих субъектов законодательства, является прецедентом, доказывающим его право принимать законы о самом рабстве. Если Конгресс может издавать законы по одному предмету, принадлежащему к определенному классу, то он может издавать законы по любому другому предмету, принадлежащему к тому же классу. Теперь Конгресс издал законы для территорий почти по всему кругу вопросов, относящихся к общему законодательству. Он издал законы о выборном праве, о финансовых требованиях и месте жительства кандидатов на должность, об ополчении, о присяге, *осуточных* и пробеге членов и т.д., и т.п. Статутом 1811 года, глава 21, § 3, разрешающим Территории Орлеана сформировать конституцию, было предусмотрено, что все законодательные процедуры и судебные протоколы должны вестись и обнародоваться на английском языке. Разве Конгресс не может предусмотреть права людей, а также язык, на котором должны быть выражены законы и документы, определяющие эти права? Любой язык приятен для ушей человека, который дает ему право на суд присяжных, на хабеас корпус, на свободу вероисповедания и на жизнь, конечности и вольности; но проклят этот язык и пригоден только для нижних миров, который лишает бессмертное существо прав на разум и свободу; права на самого себя и более дорогих прав семьи.

Но все это ни в коем случае не является самой веской частью доказательств, которыми изобилуют наши законы и судебные решения, демонстрирующие власть Конгресса издавать законы над территориями. С самого начала Конгресс не только издавал законы на территориях, но и назначал исполнителей законодательных актов и контролировал их.

Общая структура законодательного органа в нескольких предыдущих территориальных органах власти была такой: Он состоял из губернатора и двух палат — верхней и нижней. Без исключения, когда был назначен губернатор, Конгресс всегда оставлял его назначение за собой или за президентом. Назначенный таким образом губернатор всегда имел право вето в отношении обеих палат; и Конгресс всегда оставлял за собой или за президентом право вето не только в отношении него, но и в отношении него и обеих палат помимо него. Конгресс также часто вмешивался в процесс назначения верхней палаты, оставляя только нижнюю палату на усмотрение исключительно жителей территории; и даже для нижней палаты он определял квалификацию как выборщиков, так и избранных. Более того: право отстранять губернатора по своему усмотрению всегда принадлежало Конгрессу или президенту.

Посмотрите на это: Конгресс определяет для территории квалификацию выборщиков и избранных, по крайней мере, в первой инстанции. Ни один закон законодательного собрания территории не действует до тех пор, пока его не одобрит губернатор. Хотя оно одобрено

губернатором, оно может быть аннулировано Конгрессом или президентом; губернатор назначается и может быть смещен по своему усмотрению Конгрессом или Президентом.

Чтобы быть более конкретным, я даю следующую характеристику некоторых территориальных органов власти:—

Территория Огайо, статут 1789 года, глава 8.— Губернатор сроком на четыре года, назначаемый президентом, утверждаемый Сенатом, с правом назначать всех подчиненных гражданских и военных офицеров.

Секретарь на четыре года, назначенный таким же образом.

Трое судей, которые будут занимать свои должности при хорошем поведении. Губернатор и судьи являются единственным законодательным органом до тех пор, пока в округе не будет пять тысяч свободных жителей мужского пола. Затем,—

Палата собрания, избираемая квалифицированными выборщиками сроком на два года.

Законодательный совет из пяти человек, который будет занимать свои должности в течение пяти лет. Палата собрания выберет десять человек, пятеро из которых будут выбраны Президентом и утверждены Сенатом. Эти пятеро будут составлять “Законодательный совет”.

Губернатор, как и прежде, с безусловным правом вето и правом созывать Ассамблею, откладывать ее проведение и распускать.

Президенту предоставлены полномочия отменять полномочия губернатора и секретаря.

Территория Индиана, статут 1800 года, глава 41.— Аналогично территории Огайо. Сначала нижняя палата должна состоять не более чем из девяти и не менее чем из семи человек.

Территория Миссисипи, статут 1800 года, глава 50.—Аналогично территории Индианы.

Территория Мичиган, статут 1805 года, глава 5.—Аналогично территории Индианы.

Территория Иллинойса, статут 1809 года, глава 13.—Аналогично территории Индианы.

Территория Алабамы, статут 1817 года, глава 59.—Аналогично территории Индианы.

Территория Висконсин, статут 1836 года, глава 54.— губернатор сроком на три года, назначаемый, как указано выше, и смещаемый президентом, с правом назначать должностных лиц и даровать помилование. Безоговорочное вето.

Секретарь на четыре года, сменяемый президентом. В отсутствие или во время неспособности губернатора выполнять свои обязанности.

Законодательное собрание будет состоять из Совета и Палаты представителей, которые будут выбираться сроком на два года. Конгресс должен иметь безусловное право вето на законы, одобренные губернатором.

Территория Луизиана, статут 1803 года, глава 1.— Единоличная диктаторская власть, данная президенту Соединенных Штатов; а армия и военно—морской флот Соединенных Штатов

предоставлены в его распоряжение для управления жителями территории. - (Это было при мистере Джефферсоне, строгом конструкционисте.)

Территория Орлеана, статут 1804 года, глава 38.—губернатор, назначаемый президентом, утверждаемый Сенатом, срок полномочий три года. Отстраняется президентом. Секретарь на четыре года, в случае чего будет губернатором и т.д.

Законодательный совет тринадцати, ежегодно назначаемый президентом.

Губернатор и Совет, разумеется, взаимно отрицательно относятся друг к другу. Конгресс наложил безоговорочное вето на обоих.

Округ Луизиана, статут 1804 года, глава 38.— Управляется губернатором и судьями территории Индиана.

Конгресс накладывает безоговорочное вето на все их законы.

Территория Миссури, статут 1812 года, глава 95.—Губернатор, назначаемый и сменяемый, как указано выше.

Секретарь, тот самый.

Законодательный совет из девяти человек. Восемнадцать человек должны быть выдвинуты Палатой представителей территории; девять из них должны быть отобраны и назначены президентом и Сенатом. Палата представителей, избираемая народом.

Территория Арканзас, статут 1819 года, глава 49.—Губернатор и секретарь, назначаемые и сменяемые, как указано выше.

Вся законодательная власть принадлежит губернатору и судьям высшего суда.

Когда большинство *фригольдеров* примут решение, тогда они могут принять форму правления штата Миссури.

Восточная и Западная Флорида, закон 1819 г., глава 93.—*Закон 1821 г., глава 29.*—*Закон 1822 г., глава 13.* С 3 марта 1819 года по 30 марта 1822 года правительство принадлежало исключительно президенту Соединенных Штатов и осуществлялось теми должностными лицами, которых он назначит.

После 30 марта 1822 года губернатор и секретарь, назначаемый и сменяемый, как указано выше.

Вся законодательная власть принадлежит губернатору и тринадцати лицам, именуемым законодательным советом, который ежегодно назначается Президентом.

И все же, сэр, несмотря на все это законодательство Конгресса для территорий по вопросу о самом рабстве; несмотря на его законодательство о большом классе подданных, одним из которых признано рабство; несмотря на его назначение, в некоторых случаях, законодательной власти территории, — делая своего собственного представителя, губернатора, смещаемым по своему усмотрению, — предоставляя ему право вето, в первую очередь, и оставляя за собой право вето, когда он одобряет; несмотря на осуществление, в других случаях, полного, абсолютного суверенитета над жителями территорий и всеми их интересами; и, несмотря на

такую практику в течение шестидесяти лет правления Джефферсона, Мэдисона, Монро, Джексона и других, теперь отрицается, что Конгресс имеет какое-либо право принимать законы по вопросу рабства на территориях. Сэр, с классом политиков в этой стране дело дошло до того, что рабство - единственная святыня в мире. Оно существует само по себе, как бог, и человеческая сила не может этому помешать. Из года в год она продолжает завоевывать и продолжать завоевывать, и человеческая сила не может свергнуть ее с престола.

Сэр, я приведу еще один аргумент по этому вопросу, и я не вижу, как какой-либо юрист или государственный деятель может признать его недействительным.

Правительство одно, но его функций несколько. Они являются законодательными, судебными и исполнительными. Эти функции координированы; каждая предполагает две другие. Должен быть законодательный орган, принимающий законы; должна быть судебная система, разъясняющая принятые законы и указывающая на лиц, в отношении которых они должны применяться; должна быть исполнительная власть для приведения в исполнение решений судов. В каждой теории правления, где существует одна из них, существуют и другие. Согласно нашей конституции, они разделены на три части и распределены между тремя координируемыми органами. Тот, кто отрицает одно из них, должен отрицать их все.

Таким образом, если правительство Соединенных Штатов не имеет права *издавать законы для территорий*, оно не имеет права *выносить решения от имени территорий*; если оно не имеет права *выносить решения*, то оно не имеет права *приводить в исполнение*, в том числе, решения судебных инстанций. Эти права должны сохраняться или рушиться вместе. Тот, кто отнимает у этого правительства законодательную власть в отношении территорий, выбивает также весы правосудия из рук судьи и жезл власти из рук исполнительной власти. От этого вывода никуда не деться. Конституция дает не больше полномочий рассматривать иски на территориях или приводить в исполнение решения территориальных судов, чем издавать законы. Если Конгресс не имеет власти над территорией, только *как земля*, то чего эта земля хочет от судей и маршалов? Разве не очевидно, что это новое прочтение конституции отменяет всю законодательную, судебную и исполнительную администрацию этого правительства над территориями с момента принятия конституции? Это делает всю ее недействительной. Президенты, все члены Конгресса, все судьи на скамье подсудимых последние шестьдесят лет находились во сне, а теперь проснулись и пришли в себя под очарованием недавно открытого прочтения конституции.

До сих пор, сэр, я не касался действующего законодательства Конгресса по вопросу рабства на так называемой Северо-западной территории. Эта территория была провозглашена свободной указом 1787 года. Было сказано, что *у Конфедерации* не было полномочий принимать такой указ. Но так это или нет, не имеет значения, поскольку Конгресс ратифицировал это постановление снова и снова. Первый Конгресс на своей первой сессии принял закон, преамбула которого звучит следующим образом: “Принимая во внимание, что постановление Соединенных Штатов, принятое в Конгрессе, для правительства территории к северо-западу от реки Огайо, может продолжать действовать в полной мере”, и с. Затем он переходит к изменению некоторых частей постановления и принятию всех остальных.^[1]

Во втором разделе главы 41 закона 1800 года об учреждении территории Индиана прямо предусмотрено, что ее управление должно быть “во всех отношениях аналогично тому, которое предусмотрено указом 1787 года”.

В законе 1802 года, глава 40, раздел 5, разрешающий Огайо формировать конституцию и правительство штата, это постановление 1787 года трижды упоминается как действительное и существующее обязательство, и суды Огайо всегда считали его таковым.

Итак, в законе 1816 года, глава 57, раздел 4, разрешающий превращение Индианы в штат, постановление снова признано и стало частью основного закона штата.

Итак, в законе 1818 года, глава 67, раздел 4, разрешающий Иллинойсу стать штатом.

Так в законе 1805 года, глава 5, раздел 2, учреждающем Территорию Мичиган.

Так же и в Висконсине. Смотрите Закон 1847 года, глава 53, в связи с конституцией Висконсина.

Но все это утомительно и излишне. Я вдался в эти подробности, потому что, как я понимаю, джентльмен из Вирджинии [мистер Бейли] отрицал это усыновление и это признание постановления. Я не рискую сказать, что указ 1787 года был прямо назван действительным или прямо или косвенно пересматривался Конгрессом Соединенных Штатов дюжину раз; и в судах штатов Огайо, Иллинойс, Луизиана, Миссисипи и Миссури он был признан конституционным. Как же тогда любой разум, подчиняющийся правовым нормам для решения юридических вопросов, может сказать, что Конгресс не может издавать законы или не издавал их (за исключением одного или двух непреднамеренных случаев) по вопросу рабства на территориях?

По этой части аргументации у меня есть только заключительное замечание. Позиция, которую я оспариваю, в целом подтверждает, что Конгресс не может принимать законы по вопросу рабства на территориях. *Нецелесообразность* такого законодательного оформления далее отстаивается на том основании, что лишение жителей территорий возможности управлять самостоятельно противоречит демократическим принципам. Спрашивается, должны ли свободные люди территорий иметь законы, созданные для них другими? Нет! Это антидемократично, монархично, невыносимо. Все люди имеют право на самоуправление; и этот принцип справедлив как в отношении жителей территорий, так и в отношении жителей государств.

Теперь, если бы эти заявления были искренним и честным утверждением прав человека, я должен был бы уважать их и чтить их авторов. Если бы эта доктрина выросла из ревности к правам человека, из страха узурпации, из утверждения принципа самоуправления, я бы сочувствовал ей, хотя и отрицал ее законность. Но, сэр, это самый болезненный аспект всего этого дела, что сам объект и цель предъявления этих обширных и суверенных прав жителям территорий заключается в том, чтобы они могли отказать *во всех* правах части своих собратьев внутри них. Расширяйте, возвеличивайте права территориальных поселенцев! И почему? Потому что, поступая таким образом, вы позволяете им отменить все права для целого класса людей. Таким образом, это утверждение сделано не для того, чтобы сделать свободных людей более свободными, а для того, чтобы сделать рабов еще более поработченными. Причиной отказа Конгрессу в праве издавать законы для территорий является опасение, что Конгресс предотвратит рабство на них. Причиной притязания на верховное законодательное право для жителей территории является надежда на то, что они установят рабство в пределах своих границ. Разве не должна быть ложной та демократия, которая порождает рабство как свое естественное порождение?

Если теперь было продемонстрировано, что Конгресс единообразно издал и может издавать законы по вопросу рабства на территориях, я перехожу к рассмотрению следующего вопроса. *Целесообразно ли исключить из них рабство?*

Здесь, на пороге, мы сталкиваемся с заявлением о том, что ворота должны быть широко открыты для допуска рабства в обширный западный мир; потому что в противном случае южные или рабовладельческие штаты были бы лишены возможности пользоваться своей долей общего имущества Союза.

Я удовлетворяю это требование встречным иском. Если, с одной стороны, освящение этой земли для свободы исключит рабовладельцев юга, то, с другой стороны, столь же верно, что осквернение ее для рабства исключит свободных людей севера. Мы, жители севера, слишком хорошо знаем основы мирского процветания и счастья; мы слишком хорошо знаем источники социального и морального благополучия, чтобы когда-либо добровольно сочетать свое состояние с состоянием общества, где терпимо относятся к рабству. Если наше требование свободной территории исключает их, то их требование рабской территории исключает нас. Ни одного из пятисот свободных людей севера никогда нельзя было заставить забрать свою семью и поселиться на территории, где существует рабство. Они знают, что учреждение приведет к обеднению их состояния, деморализует их детей и будет терзать их собственную совесть постоянным чувством вины до тех пор, пока эта совесть в силу привычки и закалки не перейдет в то черствое и более прискорбное состояние, когда непрерывные преступления могут совершаться без чувства раскаяния.

Сэр, позвольте мне прочесть отрывок из доктора Ченнинга, написанный в 1798 году, — пятьдесят лет назад, - когда в возрасте девятнадцати лет он некоторое время жил в Ричмонде, штат Вирджиния, в качестве репетитора в частной семье. Находясь там, он написал письмо, выдержкой из которого является следующее:—

“Здесь есть одна вещь, которая всегда угнетает меня. Это *рабство*. Одно это помешало бы мне когда-либо поселиться в Вирджинии. Язык не может выразить мое отвращение к ней. Господин и раб! Природа никогда не проводила такого различия и не устанавливала таких отношений. Человек, вынужденный подменять свою волю волей другого, перестает быть моральным деятелем; его право называться человеком утрачивается; он становится простой машиной в руках своего угнетателя. Никакая империя не является столь ценной, как империя самого себя. Никакое право не является столь неотделимым от человечности и столь необходимым для улучшения нашего вида, как право использовать силы, данные нам природой, в стремлении к любому благу, которое мы можем получить, не причиняя вреда другим. Если вы пожелаете этого, я дам вам некоторое представление о положении и характере негров в Виргинии. Это тема, настолько унижительная для человечества, что я не могу останавливаться на ней с удовольствием. Я был бы обязан показать вам каждый порок, усугубленный каждой подлостью и усугубленный каждым несчастьем. Влияние рабства на белых почти такое же фатальное, как и на самих черных”.

Это было написано пятьдесят лет назад молодым человеком из Новой Англии, которому было всего девятнадцать лет. Я знаю, что во всех вопросах филантропии и этики доктор Ченнинг был на полвека старше своего возраста. Но чувства, которые он выразил по этому поводу в конце

прошлого столетия, сейчас являются преобладающими, глубоко укоренившимися чувствами северян, за исключением, возможно, нескольких случаев, когда эти чувства были искажены интересом.

Итак, я повторяю, что север не может отгородить юг от новых территорий законом, исключая рабство, более эффективно, чем юг отгородит север фактом введения рабства. Таким образом, даже допуская, что закон одинаков как для севера, так и для юга, я покажу, что все равенство на стороне севера.

Сэр, с момента установления нашей независимости по мирному договору 1783 года до момента принятия конституции и в течение многих лет после этого не было обнаружено никаких следов намерения расширить границы нашей республики; и хорошо известно, что мирный договор 1803 года о приобретении Луизианы был признан мистером Джефферсоном, который его составил, неконституционным. В 1787 году Великая хартия вечной свободы была закреплена за Северо-западной территорией. Но статья, исключаящая рабство из нее, датирована более ранней датой, чем 1787 год. 1 марта 1784 года Конгресс проголосовал за принятие решения штата Вирджиния о ее притязаниях на территорию к северо-западу от реки Огайо. Вопрос о создании правительства для этой и других территорий был передан комитету, состоящему из г-на Джефферсона, г-на Чейза из Мэриленда и г-на Хауэлла из Род-Айленда. 19 апреля 1784 года был рассмотрен их отчет. В этом отчете содержалась следующая приснопамятная оговорка:-

“Что после 1800 года христианской эры ни в одном из упомянутых штатов не будет ни рабства, ни принудительного труда [о них говорилось как о штатах, поскольку всегда предполагалось преобразовать территории в штаты], иначе как в наказание за преступления, в совершении которых сторона будет признана лично виновной”.

Сэр, в наши дни мы много слышим об оговорке Уилмота против рабства. В прежние годы большая заслуга принадлежала мистеру Натану Дейну из Массачусетса за разработку шестой статьи (против рабства) в указе 1787 года. Сэр, было бы неправильным называть это ограничительное положение “оговоркой Уилмота”. Это *условие Джефферсона*, и мистер Джефферсон должен быть удостоен этой чести; и он молит Небеса, чтобы наши друзья-южане, которые так благоговейно преклоняют колени перед его святыней, могли быть воодушевлены тем возвышенным духом свободы, той любовью к правам человека, которые только и могут сделать их акты благочестия священными.

Но что здесь наиболее существенно, так это то, что план правительства, о котором сообщил мистер Джефферсон и по которому в то время действовал Конгресс, охватывал всю “западную территорию”. Она охватывала всю “территорию, уступленную или подлежащую уступке отдельными штатами Соединенным Штатам”.—См. *Журналы Конгресса, 23 апреля 1784 г.* Если, таким образом, мы оставим в стороне Кентукки и Теннесси, как части Вирджинии и Северной Каролины, то вся остальная территория к северу от или к югу от реки Огайо, в пределах договорных границ Соединенных Штатов, согласно “оговорке Джефферсона”, предназначалась для спасения от гибели в рабстве. За это условие было подано шестнадцать голосов, и только семь - против. Тем не менее, эти семь голосов распределились так необычно, и для принятия закона потребовалось такое значительное большинство штатов, что он был проигран. Все представители семи штатов проголосовали за него единогласно. Только два штата единогласно проголосовали против. Если бы только один из коллег мистера Джефферсона проголосовал вместе с ним и если бы мистер Спейт из Северной Каролины проголосовал за это,

ограничительная оговорка в отчете осталась бы в силе. Но меньшинство из семи представителей рабовладельческих штатов контролировало большинство из шестнадцати представителей свободных штатов, что было зловещим даже в те ранние дни судьбы, которая теперь безжалостно преследует нас на протяжении шестидесяти лет.

Это голосование, безусловно, было не более чем справедливым отражением настроений страны против рабства в то время. Именно с таким чувством были приняты "конституционные компромиссы", как их называют. Никто не боялся и не мечтал о распространении рабства за пределы его существовавших тогда пределов. И все же, взгляните на его агрессивное шествие! Помимо Кентукки и Теннесси, которые я опускаю по причинам, указанным выше, к Союзу были добавлены семь новых рабовладельческих штатов — Миссисипи, Алабама, Миссури, Арканзас, Луизиана, Флорида и Техас, — последние пять из территорий, не принадлежавших нам на момент принятия конституции; в то время как за все это время из такой недавно приобретенной территории был добавлен только один свободный штат, Айова.^[2]

Но есть еще один факт, который показывает, что рабовладельцы уже получили свою полную долю территории, какими бы широкими ни стали границы этой страны в будущем.

Я видел, как по-разному оценивалось число *фактических рабовладельцев*, но самая высокая оценка, которую я когда-либо видел, составляет *триста тысяч*. Если учесть, что в семье шесть человек, то это число будет соответствовать белому населению в тысячу восемьсот тысяч человек.

Мистер Гейл из Алабамы прервал меня и сказал: "Если джентльмену из Массачусетса сообщили, что число рабовладельцев составляет всего 300 000 человек, тогда я скажу ему, что его информация совершенно ложна.

Мистер Манн. Не скажет ли мне джентльмен, сколько их?

Мистер Гейл. В десять раз больше.

Мистер Манн. В десять раз больше! Умножить десять на 300 000 - это 3 000 000; и учитывая шесть человек на каждую семью, это дало бы население в 18 000 000 человек, непосредственно связанное с рабовладением; в то время как все свободное население юга в 1840 году составляло значительно меньше пяти миллионов!

Здесь вмешался мистер Мид из Виргинии и сказал, что там, где отец или мать владели рабами, они считались совместной собственностью семьи. Я думаю, если учесть взрослых и молодежь, то около трех миллионов человек заинтересованы в собственности на рабов.

Мистер Манн продолжил: Мои данные наводят меня на мысль, что сейчас это число не превышает двух миллионов; но на момент принятия конституции число, непосредственно связанное с рабовладением, должно было составлять менее одного миллиона. И все же этому миллиону уже удалось приобрести обширные штаты Миссури, Арканзас, Луизиана, Флорида и Техас за пределами мирного договора 1783 года; когда были заключены "компромиссы по конституции", ни одна из сторон не предполагала, что мы когда-либо приобретем территорию за этими пределами. И это было сделано на благо (если это действительно благо) того миллиона рабовладельцев, против того, что сейчас является свободным населением в пятнадцать

миллионов человек. И, в дополнение к этому, следует учитывать, что не являющееся рабовладельческим население рабовладельческих штатов имеет такой же прямой и глубокий интерес, как и любая другая часть страны, против распространения рабства. Если вся наша новая территория обречена на рабство, куда могут эмигрировать нерабовладельцы из рабовладельческих государств? Разве их не следует рассматривать? Имеет ли половина населения рабовладельческих штатов права, которые имеют первостепенное значение не только для прав другой половины, но и для прав всех свободных штатов помимо нее? ибо таково требование. Нет, сэр. Я говорю, что, если бы рабство не было моральным или политическим злом, все же, согласно всем принципам справедливости, рабовладельцы уже получили бы свою полную долю территории, хотя весь остаток этого континента должен был быть присоединен к Союзу, и мы должны были стать, выражаясь безумным языком того времени, “республикой, граничащей с океаном”.

Теперь я перехожу к рассмотрению природы и последствий рабства как причины, по которой новорожденные сообщества должны быть освобождены от него. Во-первых, позвольте мне остановиться на его экономических или финансовых аспектах, и, во-вторых, на его моральных аспектах.

Хотя о рабах говорят, что они являются собственностью, они являются препятствующими, расточителями, антагонистами собственности. Рабство не только не способствует увеличению индивидуального или национального богатства, но и замедляет и то, и другое. Это подрывает мирское процветание. При прочих равных условиях свободный народ будет процветать в чисто мирском смысле больше, чем народ, разделенный на господ и рабов. Если бы мы были устроены так, чтобы ни о чем не заботиться, ни к чему не стремиться, кроме простого временного благополучия, это благополучие посоветовало бы нам отменить рабство, где бы оно ни существовало, и отразить его приближение, где бы оно ни угрожало.

Поработив человека, вы уничтожите его амбиции, его предприимчивость, его способности. В соответствии с природой человека, желание улучшить свое положение является главной движущей силой усилий. Этой весной обрывается первое прикосновение рабства. Раб не участвует в оценке создаваемого им богатства. Все, что он зарабатывает, забирает другой. Свободный человек трудится не только для улучшения своего собственного положения, но и для улучшения положения своих детей. Мощный импульс родительской привязанности вознаграждает за усердие и делает усилия приятными. Сердце раба никогда не бьется от такого высокого чувства. Каким бы трудолюбивым и бережливым он ни был, ему нечего завещать своим детям - или ничего, кроме печальных уз, которые он сам носил. Страх может заставить его работать, но надежда — никогда. Когда он двигает своими запаздывающими конечностями, это происходит из-за страданий, которые подстегивают его сзади, а не из-за радужных перспектив, которые манят его вперед в гонке.

Что бы подумал рабовладелец с юга, если бы он приехал в Массачусетс и увидел, как фермер набросился на своего наемного работника, вызвал хирурга и отрезал все мышцы-сгибатели его рук и ног? Я не спрашиваю, что бы он подумал о своей человечности, но что бы он подумал о своем здравомыслии? Однако плантатор делает нечто большее, когда превращает человека в раба. Он режет глубже, чем мышцы; он разрушает дух, который движет мышцами.

Во все века мира, у всех народов, где бы у рабочего ни крали его заработок, его энергия уходила вместе с его заработком. При господствующей в Англии системе управления вилланы были

низкой, праздной, бездуховной расой; мертвой для ответственности; пресмыкающейся в своих желаниях; сопротивляющейся труду; без предприимчивости; без дальновидности. Этот принцип в настоящее время проиллюстрирован в системе домовладельцев и арендаторов Ирландии. Если арендатору не будет лучше от улучшений, которые он производит в поместье, он не будет делать улучшений. Взгляните на сеньории Нью-Йорка, — районы, борющиеся с арендной платой, как их теперь называют; — каждый человек, знакомый с этим предметом, знает, что и люди, и сельское хозяйство на полвека отстали от условий, в которых существуют смежные, простые формы собственности. Вся история иллюстрирует принцип, согласно которому, когда собственность ненадежна, ее нельзя заработать. Если деспот может захватывать и конфисковывать имущество своего подданного по своему усмотрению, подданный не будет приобретать собственность и тем самым придаст себе заметности, которая побуждает к грабежу. И если это так, когда собственность просто ненадежна, то каков должен быть результат, когда у человека нет никакой собственности в его заработках? Кто не знает, что раб, который может разумно надеяться купить свою свободу, будет выполнять всю ту работу, которую он когда-либо делал раньше, и, кроме того, зарабатывать деньги за свободу? Следовательно, рабство, хотя и претендует на роль разновидности собственности, является проклятием собственности; и чем больше рабов содержится в инвентаре национального богатства, тем меньше будет стоить совокупность этого инвентаря.

Это *одна* из причин, почему рабский труд намного менее эффективен, чем свободный. Первое никогда не может соперничать со вторым; и в то время как большее служение выполняется с радостью, меньшее вытесняется страхом. Так же несомненно, как то, что локомотив может обогнать лошадь, а молния обогнать локомотив, так же несомненно и то, что тот, кто воодушевлен надеждами и наградами свободы, опередит обескураженного и движимого страхом раба.

Интеллигентный свободный человек может позволить себе хорошо жить, прилично одеваться и занимать комфортабельное жилье. Скучное пропитание, убогая одежда, убогая и ветхая лачуга свидетельствуют о деградации раба. Рабовладельческие государства ежегодно зарабатывают миллионы долларов на лишениях, скудной пище, одежде и крове, которым подвергаются рабы; и все же они богатеют менее быстро, чем государства, где миллионы долларов ежегодно расходуются на удобства рабочего. При производстве теряется больше, чем приобретается в результате лишений.

Универсальным сопутствующим признаком рабства является то, что оно делает труд белых порочащим репутацию. Поскольку он пользуется порочащей репутацией, его избегают. Материальные потери, возникающие в результате этого, неисчислимы. Высохли мириады истоков Миссисипи, и где был бы тот могучий объем вод, который сейчас несет на своей груди военно-морские силы и поднимает сам океан выше его уровня своим излиянием? Уничтожьте те источники богатства, которые состоят в личном трудолюбии каждого человека и каждого члена семьи каждого человека, и та широко распространенная бережливость, компетентность и элегантность, которые являются одновременно наградой и стимулом труда, будут уничтожены вместе с ними. Откажитесь от средств, и вы потеряете цель. Вы должны использовать инструмент, если хотите получить продукт. Ничто, кроме чувства независимости, осознанной уверенности в том, что человек работает на себя и свою семью, в нынешнем состоянии мира не сделает труд прибыльным.

Я знаю, что недавно в этой столице было сказано, причем от высокого авторитета, что, за исключением черной работы, труд белого человека на юге не является чем-то порочающим репутацию. Есть два независимых друг от друга способа опровергнуть это утверждение. Один из них заключается в показаниях множества разумных свидетелей, знакомых с положением дел на юге. Я мог бы цитировать страницу за страницей из различных источников; но, поскольку утверждение исходит от джентльмена, родом из Южной Каролины, [мистера Кэлхуна из Сената,] Я отвечу на это заявлением другого джентльмена, принадлежащего к тому же штату. Я имею в виду мистера Уильяма Грегга из Чарльстона, джентльмена, который хорошо знаком с социальным положением людей как на севере, так и на юге.

В этом штате, согласно последней переписи населения, насчитывалось около 150 000 свободных белых *старше двенадцати лет*. “Из этого класса, - говорит мистер Грегг, — пятьдесят тысяч производителей”. [3] Я полагаю, что Южная Каролина - самый бережливый рабовладельческий штат, какой только есть, возможно, за исключением Джорджии; и все же здесь одна треть населения, достаточно взрослая, чтобы работать, и способная к труду, праздная и, конечно, порочная, - производители, но худшие потребители.

Другой ответ на приведенное выше утверждение состоит в том, что если бы труд белых пользовался уважением на юге, а белые люди были трудолюбивы, вся страна была бы садом - земным раем, — в том, что касается опрятности, изобилия и красоты. *Где же РЕЗУЛЬТАТЫ этого уважаемого труда белых?* В стране, где требуются небольшие расходы, чтобы защититься от суровых зимних условий; где производятся самые богатые продукты питания в мире; где скот и отары нуждаются лишь в небольшом укрытии, а иногда и вовсе в нем; если бы человек приумножил свое трудолюбие к дарам природы, нужда была бы совершенно неизвестна, компетентность уступила бы место богатству, а высшие произведения искусства смешались бы с сияющей красотой природы.

Но послушайте мистера Грегга:—

“Мой недавний визит в северные штаты полностью убедил меня в том, что истинный секрет наших трудностей заключается в недостатке энергии у наших капиталистов, а также в невежестве и лени тех, кто должен трудиться. Нам никогда не нужно стремиться к бережливости, пока мы позволяем нашим огромным лесным массивам, гранитным карьерам и шахтам простаивать и снабжаем себя тесаным гранитом, сосновыми досками, рейками, дранкой и т. Д., Поставляемыми *ленивыми* собаками севера. Хуже того, мы видим, как наши фермеры из глубинки, многие из которых слишком ленивы, чтобы починить сломанные ворота или починить изгороди, чтобы защитить свой урожай от соседского скота, на самом деле снабжаются топорами, мотыгами, ручками от метел, вилами, граблями и т. Д., Благодаря *ленивым* альпинистам из Нью-Гэмпшира и Массачусетса. Было время, когда у каждой пожилой женщины была своя тыква, из которой в деревенских садах росли семена. Теперь мы считаем более удобным возложить эту обязанность на наших заботливых друзей, янки. Даже наши лодочные весла и пики для перекачивания бревен поставляются в готовом виде под нашу руку” и т. Д. “Нужно ли мне добавлять, чтобы еще раз продемонстрировать нашу чрезмерную леность, что рынок Чарльстона снабжается рыбой и дичью северянами, которые приезжают сюда с этой целью так же регулярно, как наступает зима, и в наших собственных водах и лесах часто

добывают за одну зиму сумму, достаточную для покупки небольшой фермы в Новой Англии”. — *Очерки*, стр. 8.

Снова:—

“Достаточно совершить путешествие по бесплодным горам Коннектикута, Массачусетса, Вермонта и Нью-Гэмпшира, чтобы узнать истинный секрет наших трудностей”, — “чтобы понять разницу между ленью и трудолюбием, расточительностью и экономией. Мы видим пейзаж, который занял бы место наших некрашенных особняков, полуразрушенных хижин с глинобитными трубами и без окон, разрушенных заборов из жердей, полей, заросших сорняками и выброшенных наполовину истощенными, чтобы их заменили сосновые заросли; мясной скот, незащищенный от суровой зимы и такой бедный, что едва сохраняет жизнь”. - *Очерки*, стр. 7.

И снова:—

“Неужели мы останемся незамеченными перед тысячами бедных, невежественных, деградировавших белых людей среди нас, которые в этой стране изобилия живут в сравнительной наготе и голоде? *Вгордой* Южной Каролине воспитывается много людей, от рождения до возмужания, которые не проходили бы месяца, в течение которого они не скупилась бы на мясо. Многие матери скажут вам, что их дети получают лишь скудное количество хлеба и еще более скудное количество мяса, и если они одеты в удобную одежду, то только за счет этих скудных запасов пищи. Это могут быть поразительные заявления, но, тем не менее, они правдивы; и если в Чарльстоне в них не верят, члены нашего законодательного органа, которые объехали весь штат в ходе предвыборных кампаний, могут подтвердить их правдивость”. — *Очерки*, стр. 22.

После таких заявлений, подобных этим; после показаний сотен и сотен очевидцев; после доказательств, представленных совокупностями продуктов, опубликованных в отчетах нашего Патентного ведомства, наша доверчивость слишком сильно зависит от того, что белый человек на юге трудолюбив. Трудолюбие проявляется своими результатами, как солнце проявляется своим сиянием.

Но рабство враждебно финансовому развитию общества и в другом отношении. Раба необходимо держать в неведении. Он не должен получать образования, иначе вместе с образованием придет знание своих естественных прав, а также средств побега или силы мести. Чтобы добиться отмены его свободы, необходимо отменить развитие его разума. Следовательно, его образование запрещено законом под страхом страшных наказаний.

Итак, человек слаб своими мускулами; он силен только своими способностями. В физической силе насколько вол или лошадь превосходят человека; в быстроте - дромадера или орла. Только благодаря силе ума человек становится верховным правителем всех животных.

В замысел Провидения не входило, чтобы работа в мире выполнялась с помощью мускульной силы. Бог наполнил землю и наполнил стихии энергиями большей силы, чем у всех обитателей тысячи планет, подобных нашей. Откуда берутся предметы первой необходимости и наша роскошь? — те удобства и приспособления, которые составляют разницу между бездомным кочующим племенем индейцев на дальнем западе и деревней Новой Англии. Они возникают не полностью и не в основном из-за изначальной силы человеческой руки без посторонней

помощи, а благодаря использованию, благодаря уму и умению, тех великих природных сил, которыми щедрый Творец наполнил каждую часть материальной вселенной. Теплота, тяготение, расширяемость, сжимаемость, электричество, химическое сродство и отталкивание, самопроизвольные скорости — вот могущественные агенты, которые интеллект человека запрягает в машину совершенствования. Применение воды, ветра и пара для приведения в движение машин и для транспортировки людей и товаров с места на место в десять тысяч раз увеличило реальные продукты человеческой промышленности. Как мало колесо, которое может повернуть самый стойкий работник, и как скоро он устанет! Сравните это с колесом, приводящим в движение тысячу шпинделей или ткацких станков, которое может вращаться под струей воды и никогда не устать. Локомотив возьмет на борт пятьсот человек и перенесет их на сотни миль в день. Посмотрите на те же самые пятьсот человек, стартующих с одной и той же точки и пытающихся преодолеть одно и то же расстояние, со всем трудом и опозданиями пеших или конных. Хлопчатобумажные фабрики Массачусетса за один день произведут больше ткани, чем могли бы изготовить все жители восточного континента в десятом веке. В стихии, которая в древние времена считалась исключительно подвластной богам и куда человеческим силам считалось нечестивым вторгаться, даже там гигантские силы природы, которых человеческая наука и мастерство поставили себе на службу, противостоят буйству стихий и преодолевают его, преодолевая бури и приливы, минуя рифы и подветренные берега и торжествуя по всему земному шару. Скорость ветров, вес вод и ярость пара — это силы, каждая из которых бесконечно сильнее, чем вся мощь всех наций и рас человечества, если бы все это было собрано в одну руку. И все эти энергии даются нам при одном условии — условии интеллекта, то есть образования.

Если бы Бог хотел, чтобы работа в мире выполнялась человеческими костями и сухожилиями, он дал бы нам руку, такую же прочную, как вал паровой машины, и позволил бы нам стоять день и ночь и крутить рукоятку парохода во время плавания в Ливерпуль или Калькутту. Если бы Бог создал человеческие мышцы для выполнения мирской работы, то вместо таких ингредиентов, как порох или ружейный хлопок, и всепоглощающей силы тепла, он дал бы нам руки, которые могли бы взять гранитный карьер и разбить его огромные площади на подходящие и симметричные блоки так же легко, как мы сейчас открываем апельсин. Если бы Он предназначил нас для того, чтобы нести ношу, он дал бы нам атлантические плечи, с помощью которых мы могли бы переносить огромные грузы в железнодорожных вагонах и на пароходах, как носильщик несет свой рюкзак. Он дал бы нам легкие, с помощью которых мы могли бы пускаться перед собой целые флоты, и крылья, чтобы проноситься над океанскими просторами. Но вместо железных рук, плеч Атланта и легких Борея он дал нам разум, душу, способность приобретать знания и, таким образом, присваивать все эти энергии природы для нашего собственного использования. Вместо телескопического и микроскопического глаза он дал нам силу изобрести телескоп и микроскоп. Вместо десяти тысяч пальцев он дал нам гениальных изобретателей ткацкого станка и печатного станка. Без развитого интеллекта человек является одной из самых слабых динамических сил природы; обладая развитым интеллектом, он управляет ими всеми.

А теперь, что делает создатель рабов? Он упраздняет эту могучую силу интеллекта и использует только слабые, деградировавшие и наполовину одушевленные силы человеческих конечностей. Тысяча рабов может стоять у реки, и для них это всего лишь объект страха или суеверия. Образованный человек превосходит древнее представление о речном боге; он стоит рядом с Пенобскотом, Кеннебеком, Мерримакком или Коннектикутом; он приказывает каждому

из них выполнять больше работы, чем могли бы выполнить сто тысяч человек, — пилить лес, ткать ткань, молотить зерно, — и они повинуются. Невежественные рабы стоят на угольной шахте, и для них это всего лишь бесполезная часть неодушевленной земли. Образованный человек использует ту же шахту, чтобы напечатать миллион книг. Рабы будут стремиться получать один и тот же урожай с одного и того же поля год за годом, хотя *запасы* этого урожая иссякнут; образованный человек своим глазом химика видит не только мельчайшие атомы земли, но и невесомые газы, которые ее пронизывают, и он вознаграждается непрерывной чередой роскошных урожаев.

Эти преимущества не ограничиваются и теми областями природы, где задействованы ее самые могущественные силы. В выполнении всего, что требует деликатности и точности, природа настолько же совершеннее человека, насколько она могущественнее во всем, что требует силы. Будь то в больших или в малых операциях, все усовершенствования в механике и полезных искусствах происходят так же непосредственно от интеллекта, как птица появляется из скорлупы, или красивые краски цветка - от солнечного света. Рабовладельческий работник вечно дергает за короткий конец рычага Природы и использует заднюю часть вместо края ее лучших инструментов.

Сэр, существует самое обильное доказательство, полученное из всех отраслей человеческой промышленности, что необразованный труд является сравнительно нерентабельным трудом. Передо мной заявления ряда самых умных джентльменов Массачусетса, подтверждающих этот факт как результат многолетнего опыта. В Массачусетсе нет ни одного ребенка, родившегося на родине, полностью лишённого школьного образования; но степени достижений, умственного развития различны. Полдюжины лет назад секретарь Массачусетского совета по образованию получил заявления от большого числа наших мастеров-фабрикантов, подтвержденные книгами их соответствующих учреждений и охватывающие ряд лет, результатом которых стало то, что повышение заработной платы было установлено в связи с повышением интеллекта, так же несомненно, как повышение температуры повышает ртуть в термометре. Иностранцы и приезжие из других штатов, отметившиеся при получении счетов, зарабатывали меньше всех; те, кто имел среднее или ограниченное образование, занимали среднее место в платежной ведомости; в то время как умные молодые женщины, которые зимой работали на фабриках, а летом преподавали в школах, возглавляли список. Большой капитал в форме интеллекта приносил больший процент в форме заработной платы. Это исследование не ограничивалось промышленными предприятиями, но было распространено на другие сферы бизнеса, где результаты труда могли быть подвергнуты точному измерению.

Так обстоит дело повсеместно. Механик видит это, когда сравнивает работу глупца с работой пробужденного ума. Путешественник видит это, когда он переходит из образованной нации в необразованную. Сэр, я видел страны в Европе, лежащие бок о бок, где без компаса или карты, без границ или ориентиров я мог бы провести демаркационную линию между ними по широким, разборчивым знакам, которые невежество начертало на дорогах, полях, домах и лицах мужчин, женщин и детей с одной стороны, и которые знание начертало с другой.

Это различие наиболее разительно проявляется в механическом искусстве, но оно ясно видно и в земледелии. Не самая плодородная почва, не рудники серебра и золота могут сделать нацию богатой без разума. У кого когда-либо была более плодородная почва, чем у египтян? Кто взял в руки больше серебра и золота, чем испанцы? Всеобщее совершенствование ума и сердца —

единственный истинный источник богатства; - совершенствование ума, с помощью которого можно завладеть сокровищами природы; - совершенствование сердца, с помощью которого можно использовать эти сокровища на благо. Там, где существует такое возделывание, независимо от того, насколько бесплодна почва или неблагоприятен климат, там будет в изобилии комфорт и компетентность; ибо именно интеллектуальное и моральное состояние земледельца обедняет почву или делает ее изобильной. Тот, кто не подчиняется закону Божьему в отношении культуры интеллектуальной и духовной природы, может жить в долине Нила, но он может выращивать только “тощих коров” фараона; но тот, кто повинует высшему закону, может жить в холодных и негостеприимных регионах Шотландии или Новой Англии, и “хорошо сложенные и тучные коровы” будут пастись на всех его лугах. Если фараон будет надсмотрщиком и не отпустит рабов на свободу, кукурузой на его поле будут “семь тонких колосьев, сорванных восточным ветром”; но если он будет повиноваться заповедям Господа, тогда вот, там будет “семь колосьев на одном стебле, все ровные и хорошие”. Господин, пот раба отравляет почву, на которую он падает; его дыхание - плесень для всей зелени; его слеза иссушает зелень, на которую она падает.

Но рабство делает невозможным общее образование белых. Вы не можете получить общее образование без обычных школ. Обычные школы не могут существовать там, где население малочисленно. Там, где рабы обрабатывают землю или выполняют основную часть любой другой работы, свободное население должно быть немногочисленным. Таким образом, рабство по неумолимому закону лишает белых общего образования. Провидение Божье справедливо и карающе. Создайте касту крепостных и лишите их возможности получать образование, и вы неизбежно лишите образования и большую часть привилегированного класса. При нынешнем положении вещей или при любом другом положении вещей, которое можно предвидеть, невозможно получить бесплатное и всеобщее образование в рабовладельческом государстве. Трудность непреодолима. Для хорошо организованной системы общих школ в стране должно быть по меньшей мере двести детей, живущих в такой близости друг от друга, чтобы самые старшие из них могли вместе посещать центральную школу. Недостаточно собрать в пределах круга диаметром в полдюжины миль пятьдесят-шестьдесят детей для одной школы. Это позволяет объединить все возрасты и все предметы в одной комнате. Хорошая система требует разделения школьников на четыре или, по крайней мере, на три класса в соответствии с возрастом и достижениями. Без этой градации школа теряет более половины своей эффективности. Так вот, этого никогда нельзя сделать в сельскохозяйственном сообществе, где есть два класса людей — одни выполняют всю работу, а другие захватывают всю прибыль. С промышленными традициями Новой Англии и с тем разнообразием рабочей силы, которое, несомненно, было бы результатом интеллекта, штат Вирджиния, который граничит с нами здесь, на юге, мог бы прокормить все население штатов Новой Англии и наполнить их изобилием.

Мистер Бейли. Население у нас сейчас такое же большое, как в Новой Англии.

Мистер Манн. Население такое же большое, как в Новой Англии!!

Мистер Бейли. Мы посылаем пятнадцать представителей.

(Голос. И сколько из них представляют рабов?)

Мистер Манн. Только Массачусетс посылает десять представителей.

(Голос. И в остальной части Новой Англии еще двадцать один.)

Мистер Манн. Я говорю, сэр, что один штат Вирджиния мог бы с избытком прокормить все население Новой Англии. При таком свободном населении школьников было бы так много, что государственные школы могли бы быть открыты в радиусе трех-четырех миль друг от друга по всей его территории, свет каждой из которых, смешиваясь с соседними огнями, освещал бы всю страну. Это тоже были бы школы, недорогие, по средствам каждому человеку.

Унизительная идея о школах для бедных была бы отброшена навсегда. Но в каком состоянии Вирджиния сейчас? Четверть всего взрослого свободного белого населения штата не умеет читать или писать, и покойный губернатор провозгласил это в своем ежегодном послании, не проведя никаких реформ. Их средство - выбрать губернатора, который не будет провозглашать такой факт. Когда Вирджиния на выборах в любом штате или по всей стране получала большинство, равное числу ее избирателей, не умеющих читать или писать? *Республиканское* правительство, опирающееся на два столпа - Рабство и Невежество!

В Южной Каролине также существует фонд поддержки школ для бедных; но он стал настолько бесполезным и его цели вызвали такое пренебрежение, что покойный губернатор штата в своем ежегодном послании рекомендовал полностью изъять его у них.

Тем не менее, во многих рабовладельческих штатах существуют прекрасные бумажные системы общих школ — мертвые законы в сводах законов, — и перепись показывает нам, насколько бесполезными они были. В 1840 году в пятнадцати рабовладельческих штатах и территориях в начальных школах обучалось всего 201 085 учеников. В тех же классах школ свободных штатов их было 1 626 028, что в восемь раз больше. Только в Нью-Йорке их было 502 367, или в два с половиной раза больше. Учеников в одних только начальных школах штата Огайо было больше, чем в пятнадцати рабовладельческих штатах и территориях, более чем на 17 000 человек. В рабовладельческих штатах почти десятая часть свободного белого населения старше двадцати лет не умеет читать и писать. В свободных штатах - менее одного из ста пятидесяти; и по меньшей мере четыре пятых из них - иностранцы, которых не следует включать в подсчет. Многие рабовладельческие штаты также располагают щедрыми школьными фондами. Кентукки имеет состояние более миллиона долларов; Теннесси - два миллиона; однако в 1837 году губернатор Кентукки Кларк заявил в своем послании законодательному собранию, что “треть взрослого населения не может написать свои имена”; а в штате Теннесси, согласно последней переписи, насчитывалось 58 531 человек с таким же описанием. Конечно, потребовалось бы больше пяти из них, чтобы сделать троих свободными; ибо чем больше их будет в государстве, тем меньше в нем будет разумной свободы. И если сравнить школы в рабовладельческих штатах со школами в свободных штатах, то окажется, что недостаток качества столь же велик, как и недостаток количества.

Сэр, в течение последних десяти лет я вел обширнейшую переписку с интеллигентными сторонниками образования в рабовладельческих штатах. Они жаждут прогресса, но не могут его достичь. Они добиваются принятия законов, но некому их исполнять. Они излагают преимущества образования; но они говорят в вакууме, и никто не слышит их призывов. Если родитель хочет дать образование своим детям, он должен отослать их из дома и, таким образом, понести своего рода тяжелую утрату даже при их жизни; или он должен нанять в свою семью наставника или гувернантку, на что мало кто способен. Богатые могут это делать, но что становится с детьми бедных? В городах препятствий меньше; но число людей, проживающих в

городах, относительно невелико. Все это является неизбежным следствием рабства; и сосуществование свободного, всестороннего образования с рабством так же невозможно, как для двух тел занимать одно и то же пространство в одно и то же время. Рабство уничтожило бы образование, если бы оно вторглось в свободное государство; образование уничтожило бы рабство, если бы оно *могло* вторгнуться в рабовладельческое государство.

Уничтожая общее образование, рабство уничтожает плоды общего образования — изобретательный ум, практический талант, способность приспособлять средства к целям в бизнесе жизни. Откуда взялись все те механические и научные усовершенствования и изобретения, которые обогатили мир столькими удобствами и украсили его столькими красотами; которые сегодня доставляют удовольствие и роскошь простой семье в деревне Новой Англии, о которых ни английская королева Елизавета, ни кто-либо из ее гордого двора не могли и мечтать всего лишь немногим более двух столетий назад? Среди кого возникли эти улучшения? Вся история и опыт подтверждают, что они пришли и должны прийти от людей, среди которых образование является наиболее щедрым и неограниченным. Увеличьте, если можно так выразиться, *контингент* людей с развитым интеллектом, и вы в равной пропорции увеличите шансы на проявление изобретательности, творческого гения. Из какой части нашей страны пришло применение пара для приведения в движение лодок в коммерческих целях или колес в производственных целях? Где были сделаны различные и почти бесконечные усовершенствования, которые привели к нынешнему совершенству машин для производства хлопка и шерсти? Откуда взялось изобретение хлопкоочистительной машины и значительные усовершенствования железных дорог? Где родился могущественный гений, изобретший первый громоотвод, который безвредно посылает электрический ток в землю; или тот другой гений, не менее благотворный, который изобрел второй громоотвод, который посылает тот же самый ток из города в город с сообщениями о делах или привязанностях? Сэр, это результаты, которых вы не сможете добиться без общего образования, без наполнения общественного сознания элементами знаний, как вы не можете получить кукурузу без посева или урожай без солнечного света.

Загляните в отчеты патентного ведомства и посмотрите, в каких регионах страны возникли механические усовершенствования и применение науки к полезным видам искусства. Из *пятисот семидесяти двух* патентов, выданных в 1847 году, только *шестьдесят шесть* достались рабовладельческим штатам. Патенты, выдаваемые ежегодно, действительно представляют собой смесь мякины и пшеницы, но часть из них достойна Олимпа. Я думаю, отчеты Патентного ведомства показывают, что на север было выдано по меньшей мере в шесть-восемь раз больше патентов, чем на юг. Какие улучшения когда-либо внесет раб в сельскохозяйственные орудия; в производство металлов; в приготовление шерсти, хлопка, шелка, меха или бумаги; в химические процессы; в применение пара; в философские, морские или оптические инструменты; в гражданское строительство, архитектуру, строительство дорог, каналов, пристаней, мостов, доков, пирсов и т.д.; в гидравлику или пневматику; в применение механических сил; в домашнюю мебель или ношение одежды; в книгопечатание, переплет, гравировку и т.д., и т.п.? Этот вопрос, когда его задают по отношению к рабам, кажется нелепым; и все же, когда его задают по отношению к невежественному рабу, он не более абсурден, чем когда его задают по отношению к необразованному белому человеку. Тот факт, что последний является избирателем, не имеет никакого значения, несмотря на распространенное мнение, что в определенных широтах это имеет значение. Все подобные улучшения происходят от умов, которые рано пробудились и были направлены на научное

мышление в детстве и юности, что совершенно невозможно для людей в целом без обычных школ.

Это причины; теперь взгляните на следствия. В штатах Новой Англии производство железа в двадцать раз больше, в зависимости от численности населения, чем в Виргинии; и все же в Виргинии руды гораздо больше, чем в них. В хлопке мы едва ли можем найти долю, достаточно низкую, чтобы выразить разницу. Судостроение в Мэне и Массачусетсе в тридцать пять раз больше, чем в Вирджинии. Север приходит на юг, рубит древесину, везет ее домой, производит, а затем привозит обратно в сотне различных форм, чтобы продать тем, кто увидит, как она гниет у них на глазах.

Может ли кто-нибудь назвать причину, по которой Норфолку не следовало расти подобно Нью-Йорку, кроме разницы в институтах населения? Джеймстаун был заселен раньше Плимута и обладал превосходящими его *природными* преимуществами. Сейчас население Плимута составляет от семи до восьми тысяч человек, он стоит два миллиона долларов и в прошлом году обложил себя налогом на содержание школ более чем на семь тысяч долларов. Я скорее должен сказать, что он вложил более семи тысяч долларов в акции, приносящие стопроцентный доход. Сколько летучих мышей может быть в руинах Джеймстауна, последняя перепись населения нам не сообщает.

Количество книг, напечатанных на юге, я полагаю, не равно *одной пятидесятой* части от количества, напечатанного на севере. На картах, схемах, гравюрах и так далее элементы сравнения существуют только с одной стороны.

Всеобщее образование порождает гениальность, мастерство и предприимчивость, а также желание улучшить свое положение. Трудолюбие и бережливость - их сопутствующие факторы. Диверсифицированный труд обеспечивает внутренний рынок. Усердие приносит много денег, но отсутствие пороков лени экономит еще больше. Следовательно, удобства изобилуют, а капитал накапливается. После обеспечения внутреннего потребления образуется излишек для экспорта. Торговый баланс благоприятен. Все высшие учебные заведения и религиозные организации могут получать щедрую поддержку. Эти институты придают обществу возвышенный и моральный тон. Отсюда усилия по всевозможным социальным улучшениям. Возникают общества трезвости. Общества по предупреждению преступности; по спасению от пауперизма; по реформе тюрем и исправлению заключенных; за мир; за отправку миссионеров к язычникам; за распространение Евангелия — все это там, где дается хорошее образование, вырастает в порядке Провидения, как дуб вырастает из желудя.

В одном юг преуспел — в подготовке государственных деятелей. Первичное и окончательное влияние рабства на этот факт так хорошо изложено в последней проповеди доктора Бушнелла из Хартфорда, штат Коннектикут, что я зачитаю отрывок из нее:

И здесь, поскольку этот институт рабства, вошедший в историю человечества, во многих отношениях усугубляет те расстройства, от которых мы страдаем, я должен сделать паузу на несколько минут, чтобы обрисовать его характеристики. Рабство, этого нельзя отрицать, является по сути варварским институтом. Оно также дает нам тот признак, который является вечным отличием варварства, а именно отсутствие в нем закона прогресса. Самый высокий уровень, которого она достигает, - это уровень, с которого она начинается. Действительно, нам не нужно стесняться признать, что это дало нам одно значительное преимущество в силу того

факта, что оно сначала приводит к своему наилучшему состоянию. Ибо, в то время как северные народы на протяжении многих поколений, как правило, с головой уходили в труд, чтобы создать условия комфорта, рабство сразу же поставило хозяев на легкую почву, дало им досуг для изысканного общения, для непрофессиональных занятий и, таким образом, приправило их характер тем видом воспитания, который отличает людей общества. Таким образом, был воспитан класс государственных деятелей, которые были готовы выступать в качестве лидеров в сферах общественной жизни, где так много зависит от манер и социального обращения. Но теперь масштаб меняется. Свободный труд, наконец, достигает состояния богатства и комфорта, чтобы возглавить американское общество. Тем временем приемные сыновья рабства — знатные семьи, государственные деятели, — постепенно теряя свой характер, как и должно быть при этом порочном институте, теряют также власть и влияние, и так было всегда, начиная с революции. Рабство — это состояние, противоречащее природе; следовательно, на нем лежит проклятие природы, и оно подчиняется своей участи закону столь же непреодолимому, как земное притяжение. Это создает состояние легкости, которое не является наградой за труд, и состояние деградации, которое не является проклятием праздности. Следовательно, легкость, которой он наслаждается, не может не закончиться проклятием, а деградация, от которой он страдает, не может не превратиться в благословение. Он питает властные и неистовые страсти. Это делает хозяев шейхами-одиночками в их поместьях, запрещая, таким образом, возможность государственных школ и препятствуя также той уплотненной форме общества, которая необходима для энергичного поддержания церквей. Образование и религия, таким образом, вытеснены, остается только обеденный стол, и на нем в значительной степени держится социальное государство. Но как бы высоко мы ни оценивали гуманизирующую силу гостеприимства, его нельзя рассматривать как достаточную черту характера. Это не школа и не Евангелие. И когда речь идет о потакании своим желаниям или о том, чтобы просто развеять скуку праздной жизни, едва ли это приносит с собой благословения добродетели. Достижения, к которым это приводит, скорее мнимого качества, чем настоящие, имеющие примерно такое же отношение к существенной и законченной культуре, какое честь имеет к характеру. Этот вид валюты больше не пройдет; ибо это не расходы без комфорта или великолепия, разложенное в беспорядке, как бриллианты в оловянной посуде; это не воздух вместо элегантности или уверенность, заменяющая непринужденность; это также не умение владеть беглой речью или украшать ее устаревшими цитатами из классиков; и тем более это не жить в духе дон Жуана, принимая варварство поэтическим вдохновением, — тем самым, благодаря которому покойный благородный поэт, взяв пример с турок и пиратов, стал избранным лауреатом рабства, — ни один из них или все из них не могут составить такой ценности. стиль мужчины или жизни, которого мы требуем в наш век. Сейчас мы подошли к тому моменту, когда мы ищем истинной интеллектуальной утонченности и зрелого состояния личной культуры. Но насколько очевидно, что рабство создает подлинного ученого или человека, который в любой области передового опыта, если только это не политика, не отстает от своего времени на целое столетие, является нарушением его собственных законов? И если мы просим о том, что еще дороже и лучше, о чистой христианской морали, то рабская молодежь не прививается к таким привычкам, которые наиболее соответствовали бы добродетели. Вопрос чести — это единственный принцип, который многие из них знают. Насилие и распутство низводят каждое последующее поколение на все более низкую ступень; так что теперь, по прошествии ста пятидесяти лет, рабовладельческую территорию можно охарактеризовать как обширную миссионерскую территорию, настолько неудобную для верного служения Христу из-за ее ревнивого нрава и известного отвращения ко многим первым принципам Евангелия, что едва ли можно найти миссионера, который смог бы

войти на нее. В связи с этим моральным разложением ресурсы природы также истощаются, а ее плодородные территории превращаются в пустыню из-за несотворяющей силы расточительного учреждения. И затем, опустошив место, где Бог разбил сад, рабство собирает реликвии банкротства и еще более низкие реликвии добродетели и всей человеческой предприимчивости, и отправляется дальше, чтобы возобновить на девственной почве свою мрачную и заброшенную историю. Так, в конце концов, возникло то, что можно назвать стилем цивилизации "охотничьих ножей", и новый запад юга охвачен им, - дух крови, который бросает вызов всем законам Бога и человека; благородный, но не честный; склонный возмущаться обидой, неохотно отдающий долг; обученный легкомыслию и, конечно, более готовый, когда не хватает средств к существованию, найти их за игорным столом или на ипподроме, чем на какой-либо промышленной работе, — вероятно, растрачивающий средства к существованию там, чтобы скрасить скуку жизни. сама легкость".

Свободные школы севера ведут к общему распространению знаний и выравниванию общества. Частные школы юга делят людей на патрициев и плебеев, так что в последних неприятность возникает из-за самого образования. В государственных школах Нью-Йорка в настоящее время имеются библиотеки, насчитывающие более миллиона томов. В школах Массачусетса количество томов относительно меньше, но качество значительно выше. В каждом из этих штатов, в получасе ходьбы от самой бедной фермы или мастерской механика, есть бесплатная библиотека, открытая для каждого ребенка, содержащая труды по истории, биографии, путешествиям, этике, естествознанию и т. Д., Которые снабдят его самым благородным капиталом интеллекта, с помощью которого он сможет начать дело становления полезным и интеллигентным гражданином. За исключением Нового Орлеана (где были открыты бесплатные школы, которыми руководил человек из Массачусетса) и трех или четырех других городов, все библиотеки в государственных школах рабовладельческих штатов могли поместиться в ранце школьника. Библиотеки всех университетов и колледжей юга содержат 223 416 томов; библиотеки севера - 593 897 томов. Библиотеки южных теологических школ - 22 800; северных - 102 080.

Загляните в журнал Силлимана или в тома Американской академии искусств и наук и поинтересуйтесь, откуда поступили эти сообщения. Где живут местные историки Спаркс, Прескотт, Бэнкрофт; поэты Уиттиер, Брайант, Лонгфелло, Лоуэлл; юристы Стори, Кент, Уитон; классические образцы писательства Чарминг, Эверетт, Ирвинг; писательницы мисс Седжвик, миссис Сигурни и миссис Чайлд? Все это проистекает не из превосходства природных способностей, с одной стороны, и не из неполноценности - с другой. Все Южные Штаты находятся в пределах того, что можно назвать "широтами гениальности", ибо вокруг земного шара есть небольшой пояс, состоящий всего из нескольких градусов широты, который произвел на свет всех выдающихся людей, когда-либо живших. Я говорю, что это различие не является результатом различий в природных способностях. Умственные способности на юге равны таковым в любой части мира. Но это происходит потому, что в одной части общая атмосфера насыщена знаниями, наэлектризована идеями, в то время как рабство окутывает другую своим беотийским туманом. Чем Вест-Пойнт был для наших армий в Мексике, тем, и более того, хорошими школами будут интеллект и промышленное процветание нашей страны.

Это может показаться немного неуместным, но я не могу удержаться здесь от упоминания одного момента, который, как любителя детей и как родителя, трогает меня глубже, чем любой другой. Кому на юге доверен ранний уход и воспитание детей? Многие педагоги и метафизики считали, что до семилетнего возраста дети узнают столько же, сколько и после. Кто на юге управляет этим ранним знанием — этими идеями, этими взглядами, которые обладают такой абсолютной эффективностью в формировании взрослого характера? На чьей попечении дети в этот пластичный, формирующийся, восприимчивый период жизни — период, когда разум впитывает все, что с ним соприкасается? Сэр, дети юга, в большей или меньшей степени, и, как правило, в *большей* степени, находятся под присмотром рабов. Невежество, суеверия, вульгарность, страсть и, возможно, нечистоплотность - вот груди, к которым они прикладываются. Какие бы страдания Бог ни счел нужным навлечь на меня, в каких бы других милостях Он ни отказал, пусть Он не даст мне никого, кроме людей разумных, утонченных и высоконравственных, чтобы они ходили с моими детьми в годы их подражания, вели их путями знания и вдыхали в их сердца дыхание нравственной и религиозной жизни.

Прежде чем рассмотреть моральный облик рабства, я хотел бы на мгновение остановиться на положении, которое мы занимаем как одна из наций земли в этот развивающийся период мировой цивилизации. Нации, как и отдельные люди, имеют характер. Дата последних исчисляется годами; дата первых - столетиями. Ни один человек не может иметь ни малейшего самоуважения, если не заботится о своей посмертной репутации. Ни один человек не может быть патриотом, который не испытывает ни радости, ни стыда при мысли о чести или позоре, которые его эпоха и его страна оставят после себя. Нации, как и отдельные люди, имеют характерные объекты честолюбия. Греция жаждала искусства, Рим прославлялся войной, но свобода была богиней нашего идолопоклонства. Среди бурь свободы мы были убаюканы; в борьбе за свободу наши суставы были сращены; на богатой пище свободы мы выросли до нашего нынешнего роста. Возможно, с несколько излишним хвастовством мы бросили вызов восхищению мира нашей преданностью свободе; но энтузиазм по поводу прав человека - это настолько святая страсть, что даже ее излишества не лишены красоты. Мы не только завоевали свободу для себя, но и преподавали ее священные уроки другим. Крик “Смерть тиранам и свобода человеку!”, который прогремел над этой страной семьдесят лет назад, наконец достиг Атлантики; и тот, кто внимательно прислушивался к звукам, которые в течение последних нескольких месяцев доносились до нас из европейского мира, не мог не заметить, что это были всего лишь далеко разнесшиеся отголоски американской декларации независимости. Но в божественном лике нашей свободы была одна отвратительная, демоническая черта. Всякий раз, когда ее приверженцы подходили к ней для поклонения, они были вынуждены набрасывать вуаль на одну часть ее лица, чтобы скрыть его уродство. Откуда взялось это уродство на ее в остальном прекрасном и неземном лице? Печальная история, но ее необходимо рассказать. Ее мать была вампиром. Пока дочь беспомощно лежала у нее на руках, бельдам разорвал ее живую плоть и пировал ее кровью. Отсюда эта неприглядная рана, которая пугает любого, кто ее увидит. Но, сэр, я должен оставить эти двусмысленные метафоры. Хочется простым, жилистым саксонским языком рассказывать о деяниях, которые должны были устыдить дьяволов. Великобритания была матерью. Дочерью были ее американские колонии. Мать жаждала золота. Чтобы заполучить его, она вступила в партнерство с грабежом и смертью. Кандалы, цепи и оружие для разделки людей были ее снаряжением в торговле. Она сделала Африку своими охотничьими угодьями. Она сделала ее жителей своей добычей, а колонии, сопротивляющиеся ее воле, - рынком сбыта. Она ворвалась в дом Эфиопа, как волк в овчарню в полночь. Она

подожгла континент, чтобы схватить перепуганных жителей, когда они с воплями убегали из своих пылающих деревень. Стариков и младенцев она оставляла на съедение стервятникам; но сильных мужчин и сильных женщин она гнала, избитых и истекающих кровью, на берег. Упакованный и уложенный, как товар, между непрветриваемыми палубами, так близко, что внешняя буря не могла нарушить зловонный воздух внутри, рейс был начат. Раз в день открывались люки, чтобы получать пищу и извергать мертвых. Тысячи и тысячи трупов, которые она сбрасывала в океан с палуб своих невольничьих кораблей, она считала только товаром для торговли. Синие чудовища глубин узнали о ее пути и, не более безжалостные, чем она сама, разделили ее добычу. Наконец проклятое судно достигло чужого берега. И там чудовища земли, более свирепые и кровожадные, чем все, что бродит по водным равнинам, вознаградили грабителя, выкупив его добычу.

Безумие этого дорожного движения бушевало более века. За все эти годы часы вечности не отсчитали ни минуты, которая не свидетельствовала бы о жестокой смерти в результате предательства или насилия какого-нибудь сына или дочери, какого-нибудь отца или матери в Африке. Три миллиона рабов, которые сейчас омрачают наш южный горизонт, являются потомками этих прародителей — обреченной расы, обреченной и страдающей от отца к сыну. Но чудовищные масштабы метрополии не остались без возражений. Многие колонии протестовали против них и порицали. Колонии Новой Англии, Нью-Джерси, Пенсильвания, Вирджиния, представили трону самые смиренные и просительные петиции, молясь об отмене торговли. Законодательные органы колоний приняли законы против нее. Но их петиции были отвергнуты тронem. Губернаторы наложили вето на их законы. В ходе неофициальных переговоров, предпринятых с министрами короны, друзьям рабыни дали понять, что члены королевской семьи прислушались к их молитвам. Такое недостойное поведение короля вызвало в сердцах его западных подданных глубочайшие чувства скорби и отвращения. В этом мрачном перечне преступлений, которые привели наших отцов к отказу от верности британскому трону, его отказ запретить работорговлю в колониях является одним из наиболее заметных из тех политических преступлений, которые, как говорят, “определяют тирана”. В первоначальном проекте Декларации независимости, подготовленном мистером Джефферсоном, это преступление короля Георга Третьего изложено в следующих словах:

“Он вел жестокую войну против самой человеческой природы, нарушая ее самые священные права на жизнь и свободу в лице далекого народа, который никогда не оскорблял его, пленяя и унося их в рабство в другое полушарие или обрекая на мучительную смерть при транспортировке туда. Эта пиратская война, поношение неверных держав, является войной христианского короля Великобритании. Преисполненный решимости сохранить рынок, на котором МУЖЧИН следует покупать и продавать, он использовал свое негативное отношение к проституции для подавления любых законодательных попыток запретить или ограничить эту отвратительную торговлю”.

Итак, если король Великобритании проституировал свое отрицание того, что рабство не может быть ограничено, что в последующие времена скажут о тех, кто проституирует свое утверждение о том, что оно может быть расширено? Тем не менее, в настоящее время в законодательных собраниях некоторых штатов и в этой Столице предлагается сделать в отношении территории Орегон то же самое, что было сделано Великобританией со своими трансатлантическими владениями; не просто легализовать там рабство, но и запретить его жителям запрещать это. Хотя она находилась в трех тысячах миль к западу от Великобритании, у нее были определенные

конституционные права на нас, и она могла повлиять на нашу судьбу. Хотя жители Орегона находятся в трех тысячах миль к западу от нас, все же мы обладаем определенными конституционными правами на них и можем влиять на их судьбу. Великобритания аннулировала наши законы, запрещающие рабство; мы предлагаем аннулировать существующий закон штата Орегон, запрещающий рабство. Если проклятия человечества все еще слишком слабы и их слишком мало, чтобы наказать Великобританию за ее злодеяния, то какой размах, какая полнота, какая вечность проклятий и анафем будет достаточным возмездием для нас, если мы добровольно последуем ее примеру? Это было в восемнадцатом веке, когда метрополия таким образом превращала людей в товар, — время, когда слово "свобода" было запретным в языках Европы. Именно в девятнадцатом веке мы предлагаем повторить, и в более широком масштабе, то же самое отвратительное злодейство — время, когда свобода является объединяющим лозунгом всего христианского мира. Прогресс либеральных идей за последнее столетие был столь велик, что то, что было простительным в его начале, непростительно в его конце. Перегонять караваны рабов отсюда в Орегон в середине девятнадцатого века еще более позорно, чем доставлять сюда грузы рабов из Африки в середине восемнадцатого. И все же именно такой период выбрали бы люди, чтобы увековечить и приумножить ужасы этого дорожного движения.

Сэр, как часто на этом этаже звучали возмущенные замечания в адрес севера за разжигание темы рабства? Как часто нам на севере говорили, что мы подстрекаем к восстанию, разжигаем рабскую войну, приставляем нож черного человека к горлу белого человека. Воздух этого зала был наполнен, его стены были, так сказать, изваяны южным красноречием с изображениями разрушенных городов, убитых мужчин и изнасилованных женщин; и в качестве защиты от беззаконий этого учреждения они повсеместно ссылались на то, что бедствие было навлечено на них метрополией, что она стала частью мира, в котором они родились, и поэтому они ничего не могли с этим поделать. Я всегда был склонен придавать этому смягчению всю тяжесть. Но если они сейчас будут настаивать на совершении против всего западного мира, который в настоящее время находится под нашим контролем, того же зла, которое в более мрачные дни Великобритания совершила против них, они утратят всякое право на сочувствие. Сэр, вот тест. Пусть южане, которые теперь хотят навязать рабство новым регионам, никогда не отрицают, что их рабство дома - это выбранное, добровольное, любимое преступление.

Но давайте посмотрим, сэр, на моральный облик рабства. Предлагается не просто сохранить это учреждение там, где оно существует сейчас, но и распространить его на Тихий океан, то есть распространить его на обширные склоны Скалистых гор. Сэр, поведение правительств, как и поведение отдельных людей, подчиняется законам и возмездию Провидения. Следовательно, если в этом учреждении есть какой-либо элемент неправды, мы не должны принимать его или допускать, даже если это прольет богатство золотым дождем на всю поверхность земли. Говоря о моральном облике рабства, сэр, я не имею в виду произнести ни слова с целью оскорбить чувства какого-либо человека. С другой стороны, я не хочу наносить ущерб делу истины, воздерживаясь от произнесения любого слова, которое я должен произнести.

Институт рабства противоречит естественному праву. Юристы времен Юстиниана; ораторы времен Цицерона; поэты времен Гомера заявляют, что это неправильно. Писатели, занимающиеся моральными или этическими науками, — толкователи закона народов и Бога, —

осуждают рабство как посягательство на права человека. Они не находят оправдания этому в вечных принципах справедливости; и в том великом разделении, которое они проводят между добром и злом, они относят рабство к категории преступлений. Все благороднейшие инстинкты человеческой природы восстают против этого. Все, чему учили мудрецы или что воспевали поэты в пользу свободы, фактически является осуждением рабства. Всякий раз, когда мы аплодируем великим поборникам свободы, которые, пожертвовав жизнью во имя свободы, завоевали уважение всего мира и бессмертную славу, мы записываем свидетельство наших сердец против рабства. Везде, где патриотизм и филантропия горели ярче всего, где благочестие и благочестивое религиозное чувство горели наиболее пылко, там было самое решительное признание всеобщих прав человека.

Сэр, давайте проанализируем этот предмет и посмотрим, не является ли рабство самой компактной, концентрированной и сгущенной системой зла, которую когда-либо изобрела порочность человека. Говорят, что рабство возникло во время войны. Утверждается, что похититель имел право лишить жизни своего пленника; и что если он сохранял эту жизнь, он делал ее своей собственной и таким образом приобретал право контролировать ее. Я отрицаю право похитителя на жизнь своего пленника; и даже если бы это право было признано, я отрицаю его право на жизнь потомства пленника. Но такие отношения между захватчиком и пленницей исключают идею мира; ибо мир не может быть достигнут там, где нет свободы воли. Поскольку мир исключен, из этого неизбежно следует, что состояние войны продолжается. Следовательно, состояние рабства - это состояние войны; и хотя активные боевые действия, возможно, прекратились, они могут вспыхнуть, и могут по праву вспыхнуть, в любой момент. Как долго должны были оставаться в рабстве наши сограждане, поработанные в Алжире, прежде чем они потеряли бы право на побег или сопротивление?

Джентльмен из Вирджинии [мистер Бокок] в своей речи сегодня утром поставил право рабовладельца на несколько иную почву. Он сказал, что человек мог приобрести собственность на лошадь еще до существования гражданского общества, поймав дикую лошадь. И поэтому, добавил он, один человек мог приобрести собственность на другого человека, подчинив его своей воле. Превосходящая сила давала право, будь то лошадь или человек. Итак, если это так, и если в любой момент превосходящие силы перейдут на другую сторону, то из этого неизбежно следует, что отношения сторон могут быть законно изменены новым обращением к силе.

Тот же джентльмен ссылается на авторитет Библии в отношении рабства. Он говорит: "Я вижу, что рабство там терпимо, я чуть было не сказал - привито. Я вижу такой язык, подобный этому: "И рабы твои, и рабыни твои будут из язычников, которые вокруг тебя; из них ты купишь рабов и рабынь; и ты возьмешь их в наследство для своих детей после тебя, чтобы унаследовать их во владение'" и т. Д. Разве джентльмен не знает, что тем же авторитетом израильским рабам было приказано ограбить своих египетских хозяев и сбежать из рабства? Несомненно, последний является таким же авторитетом, как и первый. Если доводы джентльмена здравы, он обязан выступить за отмену закона 1793 года. Если аргумент джентльмена обоснован, свободные штаты, вместо того чтобы выдавать беглых рабов их хозяевам, обязаны оказать этим хозяевам радушный прием и объятия на Красном море; а побег детей Израиля в Ханаан является прямым прецедентом для подземной железной дороги в Канаду.

И джентльмен из Кентукки [мистер Френч] вчера, и джентльмен из Вирджинии сегодня неоднократно и без малейшего разбора говорили о "рабе и лошади", "рабыне и муле" и т. Д. Что мы должны думать, сэр, об учителе наших детей или даже о пастухе нашего скота, который не видел разницы между людьми и мулами, между человечностью и кониной? Что мы должны подумать, если, открыв работу, претендующую на звание научного трактата по зоологии, мы обнаружим, что автор не знает разницы между двуногими и четвероногими, или между людьми и птицами, или людьми и рыбами? И все же такие ошибки были бы пустяковыми по сравнению с теми, которые были допущены в ходе всех этих дебатов. Это были бы простые ошибки в естественной истории, возможно, безвредные; но это ошибки — фатальные ошибки — в человечности и христианской этике. Нет, сэр; все законодательство рабовладельческих штатов доказывает, что они не относятся и не могут относиться к человеку как к животному. Я покажу, что они постоянно пытаются превратить его в животное, хотя им это никогда не удастся.

Эта сознательная идея о том, что состояние рабства — это состояние войны, - состояние, в котором превосходящая сила подавляет силу низшую, - развивается и проявляется постоянно. Это отражено в сводах законов рабовладельческих штатов, запрещающих образование рабов, делающих в высшей степени уголовно наказуемым обучение их хотя бы азбуке; разгоняющих и наказывающих все собрания, на которые они собираются в поисках знаний. Загляните в своды законов свободных штатов, и вы найдете закон за законом, поощрение за поощрением, направленные на обеспечение распространения знаний. Загляните в свод законов рабовладельческих штатов, и вы найдете закон за законом, наказание за наказанием, призванные обеспечить исчезновение знаний. Кто не читал с восторгом те книги, которые были написаны как в Англии, так и в нашей стране, озаглавленные "Стремление к знанию в трудных условиях", содержащие биографии выдающихся людей, которые благодаря неустрашимому и неукротимому духу поднялись из бедности и безвестности к вершинам выдающегося положения и благословили мир своими достижениями в литературе, науке и морали? И все же здесь, в так называемой республиканской Америке, пятнадцать великих штатов соперничают друг с другом в том, кто из них накроет три миллиона людей самым черным и непроницаемым покровом невежества; более того, кто может сделать больше всего для того, чтобы этот покров распространился по всему континенту, от Атлантики до Тихого океана.

Разве знание - это не благо? Разве оно не одно из самых драгоценных даров, которыми Щедрый Даритель одарил человечество? Сэр Джон Гершель, обладающий огромным состоянием, его обширный ум полон сокровищ знаний, окруженный самым образованным обществом в самой культурной столице мира, говорит: "Если бы я молился о вкусе, который заменил бы меня при любых обстоятельствах и был бы для меня источником счастья и жизнерадостности на протяжении всей жизни и щитом от ее невзгод, как бы все ни шло наперекосяк, и мир не одобрял бы меня, это был бы вкус к чтению". И все же теперь предлагается заселить обширные регионы запада миллионами наших братьев, которые никогда не смогут прочесть книгу или написать ни слова; которым знания не принесут ни радости в детстве, ни облегчения в тяжкие часы болезни или выздоровления, ни утешения в старости; которые ничего не почувствуют в красоте искусства, которые ничего не узнают о чудесах науки, которые никогда не достигнут какого-либо возвышенного интеллектуального представления об атрибутах своего великого Создателя; — глухие ко всем хвалебным осаннам, которые природа поет своим создателям. Создатель; слеп в этом великолепном храме, который построил Бог.

Сэр, одно из самых благородных качеств человека - то, что он может черпать знания у своих предшественников. Мы обладаем знаниями, накопленными веками. Из десяти тысяч сливающихся потоков до нас дошла река истины, расширенная и углубленная; и одно из наших самых больших удовольствий состоит в том, что, если мы сможем увеличить ее объем по мере того, как она течет, она принесет более богатый груз благословений нашим преемникам. Но здесь предлагается отменить этот благодетельный закон природы, отвергнуть эту предложенную щедрость Небес. Предлагается создать расу людей, для которых погаснут все огни опыта; чье сотовое поколение будет таким же невежественным и варварским, как и первое.

Сэр, я считаю всякое добровольное невежество преступлением; я считаю всякое вынужденное невежество еще большим преступлением. Знание необходимо для любого рационального наслаждения; оно необходимо для полного и адекватного выполнения каждого долга. Следовательно, тот, кто перехватывает знание при его передаче человеческой душе; тот, кто отбивает руку, протянутую, чтобы схватить его, виновен в одном из самых отвратительных преступлений. Прибавь к своей добродетели знание, говорит апостол; но здесь заповедь такова: будь облачен и ничтожен по неведению, какой бы добродетелью ты ни обладал.

Сэр, позвольте мне оправдать серьезность этих выражений, описав смену чувств, через которую я недавно прошел. Я родом из сообщества, где знание стоит рядом с добродетелью в классификации благословений. Десятого апреля прошлого года, за день до того, как я уехал из дома в это место, я присутствовал на посвящении здания школы в Бостоне, которое обошлось в 70 000 долларов. Председательствовал мэр, и на этом мероприятии присутствовала большая часть интеллигентных и достойных людей города. Из бумаги, которую я получил сегодня, я вижу, что в понедельник на этой неделе была освящена другая школа в том же городе. Там мэр заявил, что стоимость городских школ, строительство которых было завершено в течение последних трех месяцев, составила 200 000 долларов. Во вторник на этой неделе состоялось освящение нового здания средней школы в городе Кембридж. Мистер Эверетт, президент Гарвардского колледжа, присутствовал на церемонии и обратился к собранию с длинной и, мне нет нужды добавлять, прекраснейшей речью. Это здание школы, а также два других, которые будут сданы в эксплуатацию в течение недели, обойдутся в 25 000 долларов. На прошлой неделе в соседнем городе Чарльзтаун новое здание средней школы, самое великолепное и дорогостоящее, было освящено мэром и городскими властями, духовенством и мирянами. Но не только мэры городов и президенты колледжей участвуют в работе по освящению храмов образования для служения молодежи. С тех пор как я здесь, губернатор содружества мистер Бриггс отправился в Ньюберипорт, расположенный на расстоянии сорока миль, чтобы присутствовать на открытии школы, стоимость которой составила 25 000 долларов. Позднее, когда тот же самый превосходный главный судья проехал сорок миль, чтобы присутствовать на открытии школы в сельской местности, какой-то оратор поздравил аудиторию с тем, что губернатор содружества спустился с исполнительного кресла, чтобы почтить это событие. "Нет, - сказал он, - я воспользовался случаем, чтобы удостоиться этой чести". За последний год отдельные лица пожертвовали Гарвардскому колледжу 200 000 долларов. В течение чуть более длительного времени, чем это, два других колледжа штата вместе получили еще более значительные пожертвования от частных лиц или государства.

Эти меры являются частью великой системы, которую мы осуществляем для возвышения расы. В прошлом году избиратели Массачусетса в своих городах добровольно выделили налогом около миллиона долларов на поддержку обычных школ. У нас есть старый закон в своде законов, требующий, чтобы города облагали себя налогом на содержание государственных школ; но люди давно потеряли из виду этот закон из-за щедрости своих взносов. В Массачусетсе сейчас возводится исправительная школа для бродячих и незащищенных детей, — многие из которых приезжают к нам из—за границы, — которая обойдется штату более чем в сто тысяч долларов. Неизвестный человек пожертвовал на это двадцать тысяч долларов. Мы обучаем всех наших глухонемых и слепых. Последний законодательный орган выделил ассигнования на создание школы для идиотов, в подражание тем прекрасным учреждениям в Париже, Швейцарии и Берлине, где самых отвратительных и злобных из этого прискорбного класса приручают к послушанию, делают любителями порядка и опрятности и способными оказывать многие ценные услуги. Будущий учитель этой школы сейчас находится за границей, готовясь к своей работе. Несколько лет назад мистер Эверетт, нынешний президент Гарвардского колледжа, а затем губернатор содружества, выразил глубокие убеждения жителей Массачусетса, когда в публичном обращении по вопросам образования он призвал отцов и матерей Массачусетса следующими словами: “Спасайте, — сказал он, — спасайте, щадите, скупитесь, морите голодом, делайте что угодно, только не воруйте”, чтобы дать образование своим детям. И доктор Хоу, благородный директор Учреждения для слепых, недавно выразил глубочайшие чувства наших граждан, когда, говоря о наших обязанностях перед слепыми, глухонемыми и идиотами, он сказал: “Вид любого человеческого существа, оставленного на произвол грубого невежества, всегда деморализует окружающих. По течению жизни плывет не обломки человечества, столь совершенно разбитого и искалеченного, но его сигналы бедствия должны привлекать внимание и требовать помощи”.

Сэр, я был весь светящийся и пылкий подобными чувствами, когда несколько недель назад я вошел в этот Дом, — чувствами, проникшими в мою душу извне, даже если у меня не было живой искры благородства, чтобы зажечь их внутри. Представьте себе тогда мое сильное отвращение, когда первая продуманная речь, которую я услышал, была речью джентльмена из Виргинии, предлагавшего распространить невежество до самых крайних пределов этой республики, — узаконить его, навязать его, сделать его необходимым и сделать его вечным. После него многие другие отстаивали ту же отвратительную доктрину. Не удовлетворенные тем, что обрекают целую расу наших собратьев на ментальную тьму, непроницаемую и вечную, — не удовлетворенные тем, что опускают этот черный занавес невежества между человеком и природой, между человеческой душой и ее Богом, от Атлантики до Рио-Гранде, через половину континента, — они желают увеличить эту расу еще на десять, двадцать миллионов и развернуть этот черный занавес по другой половине континента. Когда, сэр, в законодательных палатах люди выступают за подобные меры, не будет фигурой речи сказать, что их слова подобны звону множества оков; каждый жест их рук разрывает человеческую плоть десятками тысячами ударов кнутом; каждый выдох их дыхания распространяет облака моральной тьмы от горизонта до горизонта.

Двадцать лет назад острая сенсация пробежала по нервам цивилизованного мира, услышав историю молодого человека по имени Каспар Хаузер, найденного в городе Нюрнберг, в Баварии. Хотя ему было шестнадцать или семнадцать лет, он не мог ни ходить, ни говорить. Он слышал, не понимая; он видел, не воспринимая; он двигался без определенной цели. Это была душа младенца в теле взрослого человека. После того, как он научился говорить, он рассказал,

что, по его самым ранним воспоминаниям, его всегда держали в такой маленькой норе, что он не мог вытянуть свои конечности, где он не видел света, не слышал звуков и даже не видел лица служанки, которая приносила ему скудную еду. В течение многих лет ходило множество догадок относительно его истории, и по всей Германии были проведены поиски, чтобы выяснить его происхождение. После долгого периода бесплодных расследований и спекуляций общественное мнение утвердилось в убеждении, что он стал жертвой какого-то великого противоестественного преступления; что он был наследником какого-то трона и был изолирован из-за честолубия; или наследником огромного богатства, и его спрятала алчность; или отпрыском преступного потворства своим желаниям и был похоронен заживо, чтобы избежать разоблачения и позора. Немец фон Фейербах опубликовал рассказ о Каспаре, озаглавленный “Пример преступления против жизни души”. Но зачем ехать в Европу, чтобы проникнуться пафосом человека, оторванного от света природы и лишенного знания долга и Бога? Сегодня в этой хваленой стране света и свободы проживает три миллиона Каспаров Хаузеров; и, как будто этого недостаточно, предлагается увеличить их число в десять раз и завалить весь западный мир этими доказательствами человеческой алчности и вины. Предлагается, чтобы мы сами создали и опубликовали миру не один, а неисчислимые миллионы “Примеров Преступления против Жизни Души”. Предлагается, чтобы самозванные свободные люди, самозванные христиане из пятнадцати великих штатов этого Американского союза занимались размножением, выращиванием и *продажей* Каспаров Хаузеров, часто из своих собственных чресел; и если американским жертвам позволено какое-либо дальнейшее развитие души или тела, чем было разрешено баварскому ребенку, то это только потому, что такое развитие увеличит их рыночную стоимость в баггасоонс. Это происходит не из-за какой-либо разницы в мотивах, а только для того, чтобы лучше обеспечить потворство этому мотиву. Ребенку-рабу должно быть позволено пользоваться своими конечностями, иначе как он мог бы влачить жалкую жизнь на службе своему хозяину? Младенца-раба нужно научить ходить, иначе как *под сенью этого трижды славного Капитолия* он сможет присоединиться к каравану, отправляющемуся в Новый Орлеан?

Я знаю, сэр, что совсем недавно говорили, что Каспар Хаузер был самозванцем, а его история - выдумкой. Молю Бога, чтобы это когда-нибудь можно было сказать о его товарищах по жертвам в Америке!

По другой причине рабство - это невыразимое зло. Рабу запрещается давать показания против белого человека. Суды не будут заслушивать его в качестве свидетеля. Согласно принципам общего права, если какой-либо человек подвергается насилию со стороны другого, он может подать жалобу магистратам или большому жюри присяжных в судах, которые обязаны возместить ему ущерб. Поэтому говорят, что закон поднимает свой щит перед каждым человеком для его защиты. Он окружает его на людной улице и в уединенном месте. Он охраняет его сокровища с большей бдительностью, чем замки или железные сейфы; и от преднамеренных посягательств на него самого, его жену или его детей он запирает его двери каждую ночь надежнее, чем тройные медные засовы. Но во всех этих священных средствах защиты рабу отказано. Находясь под властью закона силы, он закрыт от закона права. Ему причинили вред, но он никогда не получит возмещения. За личную жестокость, за раны, от которых сотрясается его плоть, и удары, ломающие кости, за грабеж или убийство ни он, ни его друзья не могут получить превентивного, средства правовой защиты или компенсации. Отец, который является рабом, может видеть, как сына или дочь забивают, калечат или насилуют у него на глазах, и он должен быть нем, как овца перед стригущими ее. Жена может быть

обесчещена в присутствии мужа, и, если он будет протестовать или восстанет, негодяй, который мог бы вспылать похотью, будет гореть не менее яростным желанием отомстить своему обидчику.

Предположим, что внезапно, в результате какого-то катастрофического изменения в порядке природы, целое королевство или община оказались бы окутаны кромешной тьмой, и никогда больше не было бы ни дня, ни рассвета, только полночь! В какие бесконечные формы насилия и несправедливости вылились бы порочные страсти человеческого сердца, если бы их больше не сдерживал дневной свет и опасность разоблачения! Что касается законных прав против своих угнетателей, то раб живет в таком мире тьмы. Сотня его товарищей может стоять вокруг него и быть свидетелями несправедливости, от которой он страдает, но ни один из них не может обратиться к присяжным, магистрату или судье с просьбой о наказании или возмещении ущерба. Самый порочный белый человек в компании рабов ведет заколдованную жизнь. Нет ни одной из низменных страстей, бушующих в его груди, которой он не мог бы предаваться с распутством и досыта, и у суда нет ушей, чтобы выслушать жалобу потерпевшего. Как высоко каждый благородный человек ценит характер! Закон лишает раба характера; ибо, как бы ни клеветали, юридическое оправдание невозможно.

И все же, какой бы вопиющей ни была аномалия, раб подчиняется законам страны за все правонарушения, которые он может совершить против других, хотя он бессилен защитить себя тем же законом от правонарушений, которые другие могут совершить против него. Он может пострадать от любой несправедливости, и суды не прислушаются к его показаниям; но за первую же несправедливость, которую он совершит, те же самые суды налагают на него свои самые суровые наказания. Такова взаимность рабского права. — вечно быть виновным, но никогда не иметь возможности доказать свою невиновность; подвергаться всем наказаниям, но, благодаря своей собственной клятве, не иметь никакой защиты. Послушайте, что говорит высший судебный трибунал Южной Каролины: “Хотя рабы считаются абсолютной собственностью своих владельцев, все же они имеют право совершать преступления”. — *Представитель 2-го Нотта и Маккорда.*, стр. 179. Негр настолько подчиняется общему праву, что он может быть одним из трех человек, составляющих число, необходимое для поднятия бунта. — *Представитель 1-го залива*, 358. По законам того же штата негр может быть украден сам, и у него нет права на возмещение ущерба; но если он украдет негра у другого, он будет повешен. — *2-й Нотт и представитель Маккорда*, 179. [Пример такого наказания, которому подвергся раб.] Именно так законодательные органы и суды рабов толкуют заповедь Христа: “Во всем, что вы хотите, чтобы люди делали с вами, делайте то же самое и вы с ними”. Более того, по законам некоторых рабовладельческих штатов, где хозяин и раб совершают совместные действия, раб подлежит обвинению, а хозяин - нет.

Какие права для нас более священны или дороги, чем супружеские и родительские? Еще не было обнаружено ни одного дикого народа, как бы далеко он ни был удален от границ цивилизации, где эти права были бы неизвестны или не соблюдались. Лесные звери чувствуют их и уважают. Только в стране рабов они стираются с лица земли и уничтожаются.

Рабство - это невыразимое зло для совести. Слово “совесть” передает сложную идею. Она включает в себя добросовестность, то есть чувство или инстинкт добра и зла, а также интеллект, который является проводником этого чувства. *Совесть*, таким образом, подразумевает как желание или импульс поступать правильно, так и знание того, что правильно. Природа наделяет

нас чувствами, но знания мы должны приобретать сами. Следовательно, мы говорим о “просвещенной совести”, подразумевая под этим не только моральное чувство, но и то знание обстоятельств, отношений, тенденций и результатов, которое необходимо для того, чтобы направить моральное чувство к справедливым выводам. Каждый из этих элементов в равной степени необходим для того, чтобы человек мог правильно чувствовать и действовать. Простое знание, лишенное морального чувства, не может осознать вечных различий между добром и злом; и поэтому слепой инстинкт, не управляемый знанием, всегда будет ошибаться в своих выводах. Они были созданы для сосуществования и совместной деятельности Тем, кто создал человеческую душу. Но нечестивая рука человека разводит эти двойные способности везде, где она отрицает знание. Если одна из этих согласованных сил в ментальной сфере будет аннулирована законодательным органом, это может быть названо *законом*; но это противоречит любому закону и атрибуту Бога.

Но, не довольствуясь тем, что вторглись в человеческую душу и уничтожили одно из ее самых священных атрибутов в лицах трех миллионов наших братьев; не довольствуясь тем, что убили совесть, насколько это может быть убито человеческим замыслом и человеческой силой, в целой расе; сейчас мы призваны умножить эту расу, распространить ее на регионы, еще не затронутые ее существованием, и там вызвать к жизни другие миллионы людей, над душами которых и над душами потомков которых такое же нечестивое разграбление будет совершаться вечно.

Рабство - это невыразимое зло для религиозной природы человека. Самое дорогое из всех прав человека - это право на личное суждение в вопросах религии. Ничто другое не интересует меня так сильно, как атрибуты моего Создателя и отношения, которые он установил между мной и самим собой на время и на вечность. Самому исследовать эти отношения и их важнейшие последствия; “исследовать Священные Писания”; исследовать дела Божьи во внешней и видимой вселенной; просить совета у мудрецов и богословов минувших веков — это права, отказаться от которых было бы святотатством с моей стороны; узурпировать которые было бы худшим святотатством со стороны любого человека или человеческого правительства. И все же, отказывая рабу в образовании, вы уничтожаете не только *право*, но и *силу* личного изучения всего, что наиболее близко касается интересов души. Кто настолько низок, чтобы не почитать могущественных поборников свободы вероисповедания в те дни, когда темница, дыба и вязанка были аргументами правительственной теологии? Кто не почитает, я говорю, Уиклифа, Гуса, Лютера и всю армию мучеников, чья кровь обагрила топор английской нетерпимости? И все же только ради этого права на личное суждение, ради этой независимости от контроля другого человека в религиозных вопросах богоподобные поборники религиозной свободы подвергли себя опасности и гибели. И все же именно этот религиозный деспотизм над миллионами людей сейчас предлагается не уничтожить, а создать. Предлагается не ломать старые оковы и не отбрасывать их, а выковать новые и приклепать их. Сэр, на европейском континенте и в Лондонском Тауэре я видел топоры, цепи и другие ужасные орудия смерти, которыми великие защитники свободы души были доведены до своей окончательной гибели, — которыми была разрублена политическая и религиозная свобода; но прекраснее и прелестнее на вид были топор и цепи и все ужасные орудия смерти, когда—либо изобретенные религиозным фанатизмом или гражданским деспотизмом, чтобы выжимать свободу из души человека пытками; - прекраснее и прелестнее были все они, чем пергаментный свиток священного писания. Этот Дом, на котором будет начертан закон о осквернении еще одного фута американской земли проклятием рабства.

После того, как была произнесена вышеупомянутая речь, меня сослались на Тракта, написанный жителем Вирджинии на тему рабства; и, благодаря вежливости его автора, я впоследствии получил его копию. Оно озаглавлено *“Обращение к народу Западной Вирджинии; показывающее, что рабство наносит ущерб общественному благосостоянию и что его можно постепенно отменить без ущерба для прав и интересов рабовладельцев.* Рабовладелец из Западной Вирджинии. Лексингтон: Р. К. Нозль. 1847.” Это обращение было написано преподобным Генри Раффнером, доктором медицинских наук, президентом Лексингтонского колледжа, Лексингтон, Вирджиния. Некоторые отрывки этого Обращения настолько поразительны; оно повсюду настолько подтверждает один из аргументов, содержащихся в речи; и исходит, как это и есть, от жителя Вирджинии, очевидца последствий рабства и владельца рабов, что я подумал, что было бы полезно их дополнить. Выдержки, конечно, не идут, как здесь, последовательно.

Нигде с незапамятных времен две системы рабского и бесплатного труда не подвергались столь справедливому и решающему испытанию их влияния на общественное процветание, как в этих Соединенных Штатах. Здесь две системы работали бок о бок на протяжении веков, при таких равных условиях, как политических, так и физических, и с таким количеством времени и возможностей для каждой из них, чтобы выработать свои надлежащие эффекты, что все должны признать эксперимент завершенным, а результат решающим. Ни один здравомыслящий человек, наблюдавший этот результат, не может ни на мгновение усомниться в том, что система свободного труда способствует росту и процветанию государств в гораздо большей степени, чем система рабского труда. При первом заселении страны, когда рабочая сила дефицитна и дорога, рабство может дать временный импульс к улучшению; но даже это не так, за исключением стран с теплым климатом, где свободных людей мало и они либо болезненны, либо ленивы; и когда мы сказали это, мы сказали все, что опыт Соединенных Штатов позволяет нам сказать в пользу политики использования рабского труда.

Это общее замечание всех, кто путешествовал по Соединенным Штатам, что свободные штаты и рабовладельческие штаты демонстрируют разительный контраст во внешнем виде. В старых свободных штатах видны все признаки процветания; — плотное и постоянно растущее население; процветающие деревни, поселки и мачты; аккуратное и продуктивное сельское хозяйство, растущие мануфактуры и активная торговля.

В старых частях рабовладельческих государств, — за немногими местными исключениями, — напротив, видны слишком явные признаки застоя или полного упадка; — малочисленное население, неряшливая обработка обширных полей, которые изнашиваются, среди других, уже изношенных и запустевших; деревни и поселки, “немногочисленные и расположенные далеко друг от друга”, редко растущие, часто приходящие в упадок, иногда просто остатки того, чем они были, иногда заброшенные руины, в которых обитают только совы; как правило, нет ни мануфактур, ни даже ремесел, за исключением немногих необходимых; торговля и мореплавание, насколько это возможно, заброшены. народу свободных штатов; и вообще, вместо шума и суеты промышленности - унылая и мечтательная тишина, нарушаемая, если нарушается вообще, только словесной перепалкой политики.

В 1790 году в Новой Англии и средних штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания проживало 1 968 000 человек, а в 1840 году - 6 760 000; прирост за этот период составил 243 процента.

В 1790 году население четырех старых рабовладельческих штатов составляло 1 473 000 человек, а в 1840 году - 3 279 000; за тот же период оно увеличилось на 122%, что примерно вдвое меньше, чем в свободных штатах. Они должны были бы получить примерно вдвое больше, ибо сначала у них было всего семь жителей на квадратную милю, в то время как у свободных штатов было не только более двенадцати, но и, в целом, гораздо меньшие преимущества почвы и климата. Даже холодная, бесплодная Новая Англия, хотя и была более чем в два раза густонаселенной, росла в населении более быстрыми темпами, чем эти старые рабовладельческие штаты.

Около половины территории этих старых рабовладельческих штатов составляют новые страны, и в них сравнительно мало рабов. В основном в этой части произошло увеличение населения. На старых низменностях, где трудились рабы, появилось необычное явление; там, в пределах этих быстрорастущих Соединенных Штатов, — да, там население долгое время стояло на месте; да, на обширных территориях, — особенно в Вирджинии, - оно сократилось, и на обработанные земли наползает новая дикая местность! Что привело к этой опустошительной работе? Не война, ни моровая язва; не гнет правителей, гражданских или духовных; но *рабство*, проклятие разрушительнее по своим последствиям, чем любое из них. Трудно было бы найти в старой Европе, управляемой королями, священниками, перегруженной налогами, такую большую страну, где за последние двадцать лет появились такая растущая бедность и запустение.

Именно в последний десятилетний период, с 1830 по 1840 год, эта всепоглощающая чума рабства продемонстрировала свои наихудшие последствия в старых Южных Штатах. С учетом увеличения числа их вновь заселенных и западных графств, их население увеличилось всего на 71½%; в то время как холодная, бесплодная, густонаселенная Новая Англия увеличилась на 15, а старые Средние Штаты - на 26%. Население Восточной Вирджинии фактически сократилось на 26 000 человек; и, за исключением Ричмонда и одного или двух других городов, ее население продолжает сокращаться. Старая Вирджиния была первой, кто посеял рабство на нашей земле; она также первая, кто полностью пожинает плоды разрушения. Ее соседи по равнинным районам Мэриленд и Каролина не сильно отстали в *посеве*; не сильно они отстали и в сборе урожая опустошения.

Давайте возьмем богатый и красивый штат Кентукки по сравнению с его свободным соседом Огайо. Рабы в Кентукки составляют менее четвертой части его населения. Но обратите внимание на их влияние на сравнительный рост штата. В 1800 году в Кентукки проживало 221 000 человек, а в Огайо - 45 000. За сорок лет население Кентукки выросло до 780 000 человек, а Огайо - до 1 519 000. Эта удивительная разница не могла быть обусловлена каким-либо природным превосходством страны Огайо. Кентукки почти такой же большой, почти такой же плодородный и совершенно равный по другим дарам природы. У нее также было значительное преимущество в начале этой сорокалетней гонки населения. Она начала с 51½ жителей на квадратную милю и вышла с 20: Огайо начал с одного жителя на квадратную милю и вышел с 38. Кентукки изначально полностью владел своей территорией. Большая часть Огайо находилась тогда и долгое время после этого во владении индейцев. К этому времени Огайо более чем в два раза густонаселеннее Кентукки; и все же он продолжает выигрывать как за счет

естественного прироста, так и за счет притока эмигрантов; в то время как Кентукки в течение двадцати лет принимает гораздо меньше эмигрантов, чем Огайо, и множество его граждан ежегодно переезжают во все новые и новые страны.

Сравните этот естественный прирост с данными переписи населения, и окажется, что за десять лет с 1830 по 1840 год Вирджиния потеряла в результате эмиграции не менее 375 000 человек, из которых Восточная Вирджиния потеряла 304 000, а Западная - 71 000. С такой скоростью Вирджиния каждые десять лет снабжает запад населением, равным по численности населению штата Миссисипи в 1840 году!

Некоторые политики Вирджинии с гордостью, — да, с гордостью, сограждане, — называют наше старое содружество *Матерью Штатов*! Эти просвещенные патриоты могли бы сделать ей еще больший комплимент, назвав ее *Бабушкой* Государств. Со своей стороны, мы опечалены и огорчены, думая о худом и изможденном состоянии нашей достопочтенной матери. Ее черные дети высосали из нее столько молока, что теперь, в течение долгого времени, у нее не хватает молока для своего потомства, ни черного, ни белого.

Она отправила — или, вернее сказать, изгнала — со своей земли по меньшей мере треть всех эмигрантов, переехавших из старых штатов в новые. Еще более трети уехали из других старых рабовладельческих государств. Многие из этих многочисленных людей, покинувших рабовладельческие государства, избегали регионов рабства и поселились в свободных странах запада. Как правило, это были трудолюбивые и предприимчивые белые люди, которые на печальном опыте убедились, что страна рабов — не для них. Это правда, несомненная правда, что *рабство изгоняет свободных рабочих — фермеров, механиков и всех остальных, и некоторых из лучших из них тоже, — из страны и заполняет их места неграми.*

Всеми признано, что рабский труд лучше приспособлен к сельскому хозяйству, чем к какой-либо другой отрасли промышленности; и что, если он не полезен для сельского хозяйства, то действительно ни на что не годен.

Следовательно, поскольку в сельском хозяйстве доказано, что рабский труд гораздо менее производителен, чем труд свободных, *доказано, что рабство не только невыгодно, но и наносит глубокий вред общественному процветанию.*

Мы не имеем в виду, что рабский труд никогда не сможет заработать ничего для того, кто его использует. Вопрос заключается в выборе между свободным трудом и рабским трудом. Тот, кто предпочитает использовать такой вид труда, который дает лишь половину того, что дал бы другой, делает выбор, который не только невыгоден, но и глубоко вредит его интересам.

Сельское хозяйство в рабовладельческих государствах можно охарактеризовать в целом двумя эпитетами: *обширное, исчерпывающее*, — которые во всех сельскохозяйственных странах предвещают две вещи: *обнищание и депопуляцию*. Общая система рабовладельческих фермеров и плантаторов во все времена и в разных местах заключалась, есть и всегда будет состоять в том, чтобы обрабатывать много земли, плохо, ради текущей выгоды, — короче говоря, убивать курицу, несущую золотые яйца. Они не могут поступать иначе с рабочими, которые работают по принуждению, на благо только своих хозяев, и чей единственный интерес в этом вопросе состоит в том, чтобы делать как можно меньше и потреблять как можно больше.

Эта разорительная система крупных ферм, возделываемых рабами, показала свои результаты в Италии восемнадцать столетий назад, когда Римская империя была на пике своего величия.

Плиний, писатель того времени, в своей "Естественной истории" (книга 18, с. 1-7) рассказывает нам, что в то время как небольшие фермы прежних времен обрабатывались свободными людьми, и даже великие военачальники не брезговали трудом своими руками, сельское хозяйство процветало, и провизии было в избытке; но что впоследствии, когда земли были захвачены несколькими крупными собственниками и обрабатывались закованными и заклеяменными рабами, страна была разорена, и зерно приходилось импортировать. Та же система сеяла разруху по провинциям, и таким образом процветание империи было подорвано. Плиний осуждает, как худшую из всех, систему владения большими поместьями в стране, обрабатываемыми рабами, или, более того, говорит он, *“чтобы что-либо делали люди, которые трудятся без надежды на вознаграждение”*.

Итак, Ливий, великий римский историк, заметил за несколько лет до Плиния (книга 6, с. 12), что “неисчислимые толпы людей некогда населяли те части Италии, где в его время никто, кроме рабов, не спасал страну от дезертирства”; то есть плотное население свободных рабочих сменилось редким населением рабов.

Даже обычные механические ремесла не процветают в рабовладельческом государстве. Некоторые механические операции, действительно, должны выполняться в каждой цивилизованной стране; но общее правило на юге заключается в импорте из-за границы всех готовых вещей, которые можно перевезти на кораблях, таких как домашняя мебель, лодки, доски, рейки, тележки, плуги, топоры и топорищные полки, помимо бесчисленного множества других вещей, которые свободные сообщества привыкли изготавливать для себя. Что самое замечательное, так это то, что леса и железные рудники юга в значительной степени обеспечивают материалы, из которых изготавливаются эти вещи. Свободные люди севера приплывают на своих кораблях, привозят домой древесину и чугун, обрабатывают их, частично удовлетворяют свои потребности, а затем с хорошей прибылью продают остальное на южных рынках. Теперь, хотя механики, открыв свои мастерские на юге, могли бы сэкономить все эти грузы и прибыль, все же так оно и есть, что северные механики не осядут на юге, а южные механики недооценены их северными конкурентами.

Теперь соедините с этими замечательными фактами другой факт, и тайна будет разгадана. Количество механиков в разных частях юга обратно пропорционально количеству рабов; или, другими словами, там, где рабы составляют наибольшую долю населения, там механиков и фабрикантов меньше всего. Только в тех краях, где рабов сравнительно мало, можно найти много механиков и ремесленников; но даже в этих краях они не процветают так, как тот же полезный класс людей процветает в свободных штатах. Даже в нашей долине Виргинии, удаленной от моря, многие наши механики с трудом могут противостоять конкурентам с севера. Это можно объяснить только рабством, которое парализует нашу энергию, рассеивает наше население и делает нас немногочисленными и бедными, несмотря на щедрые дары природы, которыми милосердное Провидение наделило нашу страну.

Из всех штатов этого Союза ни один не располагает в целом такими разнообразными и обильными ресурсами для производства, как наша собственная Вирджиния, как Восточная, так и Западная. Только подумайте о ее обширных лесах из древесины, о ее железных горах, о ее районах добычи каменного угля, о ее долинах из известняка и мрамора, о ее соляных фонтанах,

о ее огромных пастбищах для шерсти, о ее близости к хлопковым полям, о ее бесчисленных водопадах, о ее заливах, гаванях и реках, по которым повсюду циркулируют продукты, - короче говоря, о всех материалах и удобствах, необходимых для обрабатывающей промышленности.

Прежде всего, подумайте о Ричмонде, месте, выбранном природой для строительства величайшего промышленного города Америки, — о его залежах угля и железа, до которых рукой подать, о его несравненной водной мощи, о навигации во время приливов, проводящей морские суда от подножия водопадов, а над ними - о прекрасном канале, ведущем в горы, через который пролегают кратчайшие пути от восточных приливов к великим рекам запада и юго-запада. Подумайте также, что этот Ричмонд в старой Виргинии, “матери штатов”, пользовался этими несравненными преимуществами с тех пор, как Соединенные Штаты стали нацией; — и затем подумайте еще раз, что в том же Ричмонде, столице всей Виргинии, меньше мануфактур, чем в третьеразрядном городке Новой Англии; - меньше, — не больше, чем в новом городе Лоуэлле, который вне всякого сравнения, — но меньше, чем в безвестном местечке под названием Фолл—Ривер, среди бесплодных холмов Массачусетса; — и тогда, сограждане, что вы подумаете, - что *должны* вы подумать, — о нем? в чем причина этого странного явления? Или, чтобы расширить рамки вопроса: что, по вашему мнению, заставило виргинцев в целом пренебречь своими превосходными преимуществами в области обрабатывающей промышленности? — пренебречь очевидными подсказками природы, указывающими им на этот плодотворный источник населения, богатства и комфорта?

Не говорите, что такое положение вещей связано с *апатией* виргинцев. Это не имеет отношения к цели, поскольку не раскрывает сути предмета. Что вызывает апатию? Вот в чем вопрос.

В последней переписи была также указана стоимость строительства новых зданий в каждом штате без учета стоимости материалов. Эта сумма является хорошим показателем увеличения благосостояния в стране. Чтобы сравнить различные штаты в данном конкретном случае, мы должны разделить общую стоимость строительства на количество жителей и посмотреть, каким будет среднее значение для каждого жителя. Мы находим, что в Массачусетсе он составляет 3 · 60 долларов; в Коннектикуте - 3 · 50 долларов; в Нью-Йорке - 3 · 00 долларов; в Нью-Джерси - 2 · 70 долларов; в Пенсильвании - 3 · 10 долларов; в Мэриленде - 2 · 30 долларов; и в Вирджинии - 1 · 10 долларов.

Ни в одном штате нет таких удобств для судоходства и судостроения, как Вирджиния. И все же на всех ее прекрасных приливных водах мало судоходства, а то, что у нее есть, почти полностью состоит из небольших судов в бухте и нескольких каботажных шхун.

Мы не виним наших южан за то, что они воздерживаются от всех занятий такого рода. Что они могли поделать? Заставили своих негров строить корабли? Кто когда-либо представлял себе такую нелепость? Но разве они не могли нанять белых мужчин для выполнения таких задач? Нет; ибо, во-первых, белые люди юга не имеют навыков в таких делах; и, во-вторых, северные рабочие не могут быть наняты на юге без получения высокой премии за работу в рабовладельческом государстве.

Гордостью нашей Западной Вирджинии является хороший город Уилинг. Если бы она была в шесть раз больше, чтобы сравняться с Питтсбургом, и росла в пять раз быстрее, чтобы не отставать от нее!

Мы гордимся Уилингом, потому что только он в Вирджинии заслуживает того, чтобы называться промышленным городом. За это ее граждане заслуживают коронации — не лавром, — а чистым золотом процветания. Но как получилось, что Уилинг и соседний с ней Уэллсбург — из всех городов Вирджинии — стали промышленными городами? Ответ: Они дышат атмосферой свободных штатов, почти соприкасаясь с ними с обеих сторон. Но опять же; учитывая, что Уилинг, как центр мануфактур, равен Питтсбургу и не уступает ни одному городу в Америке, кроме Ричмонда; и что, более того, в нем почти нет рабов; почему Уилинг так сильно отстает от Питтсбурга и сравнительно так медленно развивается? Ответ: Она находится в стране, в которой законом установлено рабство.

Мы объясним на примерах, как несколько рабов в стране могут нанести ее гражданам более непосредственный вред, чем большое их количество.

Когда белая семья владеет пятьюдесятью или сотней рабов, они могут, пока их земля хорошо плодоносит, позволить себе леность и дороговизну в своих привычках; ибо, хотя каждый из них приносит лишь небольшую прибыль, все же у каждого члена семьи есть десять или пятнадцать этих черных рабочих животных, которых нужно содержать. Только после того, как поля состарятся, а урожай станет мало, и негры и надсмотрщик заберут почти все, день разорения больше нельзя будет откладывать. Если семья не будет *очень* ленивой и *очень* дорогой, этот неизбежный день может наступить не раньше, чем у третьего поколения. Но разорение мелких рабовладельцев часто совершается за одну жизнь.

Когда белая семья владеет пятью или десятью рабами, они не могут позволить себе быть ленивыми и дорогостоящими в своих привычках, поскольку один чернокожий рабочий не может прокормить одного белого джентльмена или леди. И все же, поскольку они рабовладельцы, эта семья будет испытывать некоторое стремление к легкой аристократической жизни; а поскольку полевые работы и работа на кухне - это работа негров, молодым джентльменам не понравится ходить с неграми на грязные полевые работы, а юным леди не понравится присоединяться к черным шлюхам в любом виде домашней работы. Такие небрежные чувства являются естественным следствием появления рабов в семьях страны, особенно негритянских рабов. Они безошибочно растут и распространяются, вызывая у белых семей отвращение ко всякому подневольному труду и желание обзавестись рабами, которые могли бы снять с них всю тяжелую работу. Таким образом, общая трудолюбивость постепенно уступает место ленивой расслабленности, ложным представлениям о достоинстве и утонченности, а также вкусу к модной роскоши. Затем незаметно накапливаются долги. В результате многие семьи из-за своего затруднительного положения вынуждены распродавать имущество и покидать страну. Многие, кто не в состоянии купить рабов, также покидают его, потому что чувствуют себя униженными и не могут процветать там, где существует рабство. Жители долины! разве это не так? Разве это не главная причина, по которой ваша прекрасная страна не процветает, как северные долины?

Мы изучили данные переписи населения округов за последние тридцать или сорок лет в Мэриленде, Вирджинии и Северной Каролине с целью выявить закон народонаселения в северных рабовладельческих штатах. Среди общих результатов можно выделить следующие:—

Когда в графстве поначалу было сравнительно мало рабов, численность рабов, за исключением районов вблизи свободных границ, увеличивалась за счет белых, и быстрее всего в более старых частях страны.

Население в целом увеличивалось до тех пор, пока рабов было меньше, чем белых, но медленнее по мере приближения к равенству. В нашей долине меньшая доля рабов привела к увеличению доли рабов в Восточной Вирджинии, что замедлило рост населения.

Когда рабов стало так же много, как белых в восточных и более старых частях страны, численность населения пришла в упадок; когда они превзошли белых численностью, она сократилась. Следовательно, рабовладельческое население имело тенденцию равномерно распределяться по стране, увеличиваясь более быстрыми темпами, поскольку оно было еще ниже белого населения, и снижаясь, когда оно поднималось над ними.

Цена хлопка регулировала цены на негров в Виргинии; и так должно продолжаться и дальше; потому что рабский труд здесь невыгоден, и ничто не поддерживает цены на рабов, кроме их ценности как товарного вида на юге. Восточные негры и западный крупный рогатый скот схожи в том, что, если рынок за границей рухнет или его закроют, оба вида животных, рогатые и с шерстью на голове, станут бесполезным наркотиком дома. Дело в том, что наши восточные братья должны отказаться, на любых условиях, от увеличения числа своих рабов, потому что их обнищавшая страна не может прокормить даже нынешнее поголовье негров. Мы не присоединяемся к английским и американским призывам об отмене "рабовладения" в Восточной Вирджинии, как если бы это было избранным занятием и, следовательно, достойным порицания. Это не что иное, как крайняя необходимость, и многих душевных страданий это стоит тамошним хорошим людям. Но взгляните на востоке на печальные последствия того, что рабство переросло в гнетущее и вызывающее тошноту бремя для общества! Отбросьте это, жители Западной Вирджинии, пока у вас еще есть власть; ибо, если вы позволите этому беспрепятственно снизойти до ваших детей, оно превратится в гору страданий на их головы.

Правильная политика вскоре потребует от Южных штатов закрыть свои рынки для негров с севера. Когда южный невольничий рынок будет закрыт или когда из-за снижения прибыли от рабского труда на юге он станет переполненным, тогда поток негров из Вирджинии, до сих пор изливавшийся на юг, будет отброшен назад в штат и, подобно реке, перекрытой плотиной, должен будет распространиться по всей территории содружества. Главный источник в Восточной Вирджинии не может сдержаться; он должен найти выход; он прольет свои черные потоки через каждую расщелину Голубого хребта и разольется по Аллегани, пока его не остановит аболиционизм на границах. Но даже аболиционизм не может окончательно остановить это. Сам аболиционизм будет мириться с рабством, когда рабовладельцам это надоест.

Проще говоря, сограждане, восточные рабовладельцы придут со своими многочисленными рабами, чтобы поселиться на новых землях Западной Вирджинии. Восточных рабов будут тысячами отправлять на рынок в Западную Вирджинию. Каждая долина будет оглашаться криком: "Негры! Негры на продажу! Дешево как собака! Дешево как собака!" И поскольку они стоят по-собачьи дешево, многие наши люди будут их покупать. Мы показали, как рабство подготовило людей к этому; как небольшое рабство уступает место большему, и как действует

закон увеличения числа рабов, чтобы заполнить каждую часть страны рабами до одинакового уровня.

И тогда, сограждане, когда вы допустите, чтобы ваша страна наполнилась неграми-рабами вместо белых свободных людей; когда ее население будет таким же пестрым, как многоцветный плащ Иосифа; таким же пестрым и пестролистным, каким было стадо отца Иакова в Падан-Аrame, — какую пользу принесет вам белая основа представительства, если вы ее получите? Получите вы это или нет, Восточная Вирджиния восторжествует; или, скорее, *рабство* восторжествует, и вся Вирджиния станет страной тьмы и смертной тени.

Затем, проявив снисходительность, которая не имеет никаких заслуг, и бездеятельность, которой нет оправдания, вы передадите своим детям в наследство эту прекрасную землю, почерневшую от негритянского населения, — отбросы Восточной Вирджинии, предвестие рабства, отвратительные остатки той чаши мерзости, от которой уже смертельно устала восточная половина нашего содружества.

Тогда, мы умоляем вас, не медлите, воздвигните барьер против этого стигийского наводнения, встаньте на Голубом хребте и с суверенной энергией скажите этому Черному морю страданий: “Доныне ты придешь, и не дальше”.

СНОСКИ:

[1] Мистер Мэдисон счел первоначальный указ явно недействительным. См. Federalist, № 38. Столь же очевидно, что он считал, что конституция придает этому силу. См. "Федералист", № 43.

[2] Здесь мистер Хиллиард из Алабамы поднялся, чтобы спросить, не отказался ли юг в результате компромисса с Миссури от своего права переносить рабство к северу от компромиссной линии? Его вопрос не был понят. Если бы это было так, то был бы дан ответ, что существование рабства в Новом Орлеане и нескольких других местах Луизианы на момент заключения договора с Францией никоим образом не давало права переносить его в Тихий океан, если бы действие договора простиралось так далеко. Рабство, противоречащее естественному праву, может существовать только в силу позитивного права, подкрепленного силой, достаточной для его защиты. Таким образом, он не мог законно существовать ни в одной части Луизианы, которая не была бы заложена, организована и подчинена гражданской юрисдикции правительства. Такого не было ни в одной части территории к северу от компромиссной линии, и поэтому ничего не было сдано. С другой стороны, при формировании территориальных правительств Орлеана, Миссури, Арканзаса и Флориды огромная территория страны была отдана в рабство. И это независимо от вопроса о том, имеет ли Конгресс, согласно конституции, больше прав устанавливать рабство *где бы то ни было*, чем учреждать инквизицию, учреждать дворянский орден или помазывать короля.

[3] Очерки отечественной промышленности, или исследование целесообразности создания Хлопчатобумажных мануфактур в Южной Каролине, 1845.

НАБРОСОК

Вступительного аргумента по делу Соединенные Штаты *против* Дэниел Дрейтон, обвиняемый (в сорока одном обвинительном заключении) в краже и вывозе на шхуне "Жемчужина" груза рабов из Вашингтона, округ Колумбия, в ночь на 15 апреля 1848 года; предстал перед Томасом Х. Кроуфордом, судьей уголовного суда округа Колумбия. П. Б. Ки, окружной прокурор; Гораций Манн и Джеймс М. Карлайл, адвокаты заключенного.

Господа присяжные заседатели;

Я встаю перед вами при обстоятельствах, которые редко бывают чрезмерно смущающими. Я совершенно не знаком с его честью, судьей, и со всеми вами, джентльмены, которые составляют жюри присяжных. Среди всех нетерпеливых лиц в этом переполненном зале нет ни одного, с которым я был бы знаком. Я полагаю, что в этом огромном собрании нет ни одного человека, который испытывал бы хоть малейшую симпатию к моему клиенту или ко мне.

Рассматриваемое нами дело признано всеми сторонами как одно из важнейших. Это напрямую затрагивает человеческие интересы, — крупные денежные интересы, — и они относятся к числу наиболее активных и могущественных человеческих побуждений. Этот случай вызвал большое волнение. Об этом с чудовищными преувеличениями писали в государственных газетах; это гневно обсуждалось в обеих палатах Конгресса и разнеслось по всей стране. Из того, что произошло в этом зале суда и вокруг него с момента начала процесса, я вижу, что каждый человек, кажется, не только убежден в том, что подсудимый за стойкой совершил тяжкое преступление, но и, подобно свету, отражающемуся от увеличительного стекла, он видит, что это преступление тысячекратно умножилось на мнения и чувства окружающих его людей. Я не могу удержаться от того, чтобы добавить, что это также дело, которое в некоторых своих аспектах затрагивает самые глубокие и нежные чувства человеческого сердца; поскольку это судебное преследование касается не только людей как правонарушителей, но и людей и прав человека как объектов преступления.

Нас тоже вызвали в суд в неурочный час. У меня не было времени на подготовку и расследование, которых требует столь важное дело. Вдобавок к этому, мой коллега [мистер Карлайл] заболел в день, когда его задержали, и до вечера, непосредственно предшествовавшего началу судебного разбирательства, у меня не было возможности ни разу побеседовать с ним, да и то лишь в течение часа, в его комнате для больных. В течение всего этого времени, как некоторые из вас, возможно, знают, мое внимание также было отвлечено официальными обязанностями в другом месте.

Джентльмены, позвольте мне немного ближе подойти к моему отношению к этому делу и к вам самим. Я стою здесь, по эту сторону стола; вы садитесь там, по другую сторону. Наши *личности* близки друг другу; но не должен ли я сильно обманывать себя, если предположу, что наши *мнения* были так же близки друг другу, как и наши личности? Мы находимся на расстоянии рукопожатия друг от друга; тем не менее, наши убеждения и настроения по некоторым предметам могут расходиться, как полюса. Говоря о предмете огромной важности, — предмете, отраженном в каждой детали этого дела, — я родился и с самого рождения воспитывался в одном наборе идей; и я не хочу показаться невежливым, когда говорю, что вы родились и воспитывались в другом наборе идей. Следовательно, естественно, да, это неизбежно, — не так

ли? — что мы должны подходить к этому предмету с совершенно разных точек зрения и, так сказать, с противоположных точек морального компаса. Итак, с самого начала я предупрежден, что ваши предубеждения направлены против меня. Состояние вашего ума, должно быть, неблагоприятно для восприятия моих взглядов. Мы находимся в положении, когда слушатель, сознательно или бессознательно, сопротивляется давлению аргументов говорящего. И из всех трудных положений, в которые когда-либо попадал адвокат или оратор, самое трудное - это столкнуться с искренней антипатией своих слушателей. Сердце, уверенное в своих собственных убеждениях, закрывается от аргументов, которые могли бы их опровергнуть, подобно тому, как любящий родитель запирает свои двери перед врагом, который может похитить его детей.

Но, джентльмены, среди всех этих неблагоприятных обстоятельств и среди этих столкновений враждебных и, возможно, непримиримых чувств, разве нет какой-то общей основы, на которой вы и я могли бы стоять вместе и приветствовать друг друга как братья? Неужели нет ни одного места, где мы могли бы стоять бок о бок, как друзья, сочувствовать друг другу и действовать сообща в гармонии? Да, джентльмены, здесь *есть* одно такое место. *Это основа ДОЛГА*. В данном случае у меня есть определенные обязанности, которые я должен выполнить; у вас тоже есть определенные обязанности, которые нужно выполнить; а чувство общего долга всегда порождает чувство братства. Мы призваны к этим обязанностям как бы голосом Божьим; мы должны выполнять их как бы под оком Всеведущего. Здесь мы участвуем в общем деле. Итак, с этого момента пусть все чувства отчуждения или отвращения исчезнут из наших отношений.

Джентльмены, этот заключенный попросил меня быть его адвокатом; и я, возможно, неразумно, согласился на его просьбу. Я дал клятву быть верным ему. Это налагает на меня определенную ответственность, от которой, перед лицом Небес, я не могу уклониться. В этом я нахожу свою силу. С яростным возбуждением, которое вспыхнуло в этом Районе, когда узники “Жемчужины” были впервые арестованы, все еще жарко вокруг меня; с общими враждебными чувствами, которые, я полагаю, вы испытываете по отношению к стороне дела, которое я отстаивал, и, следовательно, против его защитника; с этими толпящимися зрителями, которые на каждом шагу и инциденте судебного процесса демонстрируют, каковы их чувства к заключенному и его защитникам, я не смог бы стоять здесь ни минуты, если бы не поддерживающее, возвышающее чувство, пронизывающее каждую клеточку моего тела, что я здесь, в зале суда. выполнение высокого и святого долга. Во всем остальном я могу быть слаб; в этом я силен.^[4]

Итак, вы, джентльмены, сидите здесь, чтобы выполнять свой долг. Клянясь Святыми Евангелистами, вы призываете месть Небес на свои души, если сознательно отклоняетесь хоть на волосок от линии справедливости; если вы позволяете какой-либо пристрастности в пользу уважаемого учреждения или какому-либо предубеждению против заключенного закрывать вам глаза или закрывать ваш разум от любого факта доказательства или верховенства закона, которые могут быть приведены в его пользу.

Я мог бы даже добавить соображение более легкого характера, ведущее к тому же результату. Я полагаю, что ваше и мое состояние на несколько дней вперед будет улажено. Я не знаю, насколько затянется это испытание, но, джентльмены, мы участвуем в нем, дольше или короче, к лучшему или к худшему; и пока мы участвуем в нем, мы будем вынуждены собираться вместе изо дня в день и жить в присутствии и компании друг друга. Теперь, я надеюсь, у тебя слишком много философии о себе, чтобы делать плохое еще хуже. И обо мне тоже. Если бы мы ехали

попутчиками в одном дилижансе или пароходе и были обречены оставаться так неделю или две, было бы крайне неразумно добавлять к нашим неизбежным неудобствам стремление досаждать друг другу; поэтому, когда мы собрались вместе в этой комнате, которая, кажется, была создана для существ, которые не дышат, и при температуре термометра выше девяноста градусов, я верю, что любые ледяные чувства, которые мы могли испытывать друг к другу, быстро растают. Одним словом, я искренне согласен, и я надеюсь, что вы поступите так же, с мнением старика, который заявил, согласно анекдоту, что после опыта долгой жизни он счел за лучшее смириться с тем, с чем он никак не мог помочь.

Какое же тогда нам предстоит дело? Дэниел Дрейтон находится здесь, в коллегии адвокатов, обвиняемый в тяжком преступлении, и вам поручено судить его. И кто такой Дэниел Дрейтон? Мы докажем вам, что он человек трезвой и трудолюбивой жизни, против чьей репутации справедливого, порядочного, образцового гражданина никогда ранее не выдвигалось никаких обвинений. Каковы бы ни были его ошибки в отношении сделки, которая привела его к вам, вследствие этого он пережил сцены, которые должны тронуть ваше сочувствие. Его оторвали от семьи и замуровали в отвратительной камере. Испытывая то чувство защищенности от незаконного насилия, которое имеет право испытывать каждый человек, виновный или невиновный, он подвергся неминуемой опасности быть разорванным на куски разъяренной толпой. Да, джентльмены, во вторник, восемнадцатого апреля прошлого года, этот человек, этот наш соотечественник, в этой столице страны, в пределах видимости Конгресса и дома президента, а также в пределах слышимости от них, был преследуем толпой, от берега реки к югу от нас до самых дверей тюрьмы на севере, - толпа, по оценкам, насчитывала от четырех до шести тысяч человек, — многие из них были вооружены смертоносным оружием; удары кинжала, который был направлен на него, проходили в дюйме от его тела; среди толпы, которая, по оценкам, состояла из четырех—шести тысяч человек. гневные крики “Повесьте его!”, “Линчуйте его!” сопровождалась всеми ругательствами и мерзостями, которые обычно вырываются из грязной глотки этого отвратительного монстра — ТОЛПЫ. Прибыв в тюрьму, толпа осадила его там. Когда впоследствии и во время допроса перед городскими судьями, выдающийся джентльмен и член Конгресса [достопочтенный. Джошуа Р. Гиддингс из Огайо] явился по его просьбе и в его защиту, толпа окружила ворота тюрьмы, требуя немедленной высылки адвоката; и тюремщик, чтобы избежать кровопролития, настоял на его уходе. Буря разразилась за пределами тюрьмы и заключенного. Она обрушилась на всех, кто должен был ему сочувствовать. Офису газеты в этом городе (the National Era) угрожал снос. На собрании толпы было принято решение — без какого-либо пристального изучения, я полагаю, квалификации избирателей, — что выпуск газеты должен быть прекращен. К редактору газеты ночью или в полночь явился избранный толпой комитет и предъявил ему беспелляционное требование перенести свое заведение за пределы Округа или покинуть его.

Но я не буду больше останавливаться на этих деталях, столь позорных для столицы республики, которая называет себя *свободной*, и столь отвратительных для чувств каждого здравомыслящего человека. Если бы я стал перечислять все опасности, унижения и лишения, которым подвергался мой клиент, день был бы слишком коротким для повествования.

После осмотра Дрейтона его выпустили под залог. И какова, по-вашему, была сумма залога, которую потребовали? Семьдесят шесть тысяч долларов! и семьдесят шесть тысяч долларов также за каждого из других заключенных, — 228 000 долларов за семьдесят шесть предполагаемых рабов, когда обычная рыночная стоимость таких рабов в этом районе, я

полагаю, не превысила бы трехсот-четырёхсот долларов за штуку; — и хотя все они тоже были возвращены и в то время находились во владении своих заявителей. Неужели магистраты округа Колумбия до сих пор не узнали о том факте, что конституция Соединенных Штатов провозглашает, что “чрезмерный залог не требуется”?

Но, джентльмены, это не единственные трудности и притеснения, которым подвергался мой клиент. Сколько, самое большее, нарушений законов этого округа он совершил? Он прибыл сюда 13 апреля на шхуне “Жемчужина”. Он отбыл 15-го. 17-го числа он был арестован недалеко от устья Потомака с компанией предполагаемых рабов на борту своего судна. Разве все это не было одной сделкой? Можно ли разделить его на множество отдельных правонарушений? Может ли это одно деяние быть признано преступлением против различных законов? Если нет, то в конституции есть еще один пункт, сведенный на нет, — тот пункт, который гласит, что ни одно лицо не может быть “подвергнуто за одно и то же преступление двойной опасности для жизни или здоровья”.

И все же, джентльмены, что мы находим в протоколах этого суда? Сто пятнадцать обвинительных актов против этого заключенного за одно это деяние; и сто пятнадцать обвинительных актов также против каждого из других заключенных за участие в том же самом. Триста сорок пять обвинительных актов! Пачки обвинительных заключений за одно-единственное деяние! И это не единственная несправедливость. Каждому из заключенных предъявлены обвинения в нарушении этим одним актом отдельных законов. В Мэриленде существует старый закон, запрещающий кражу рабов, и другой закон, запрещающий их вывоз за пределы юрисдикции; и утверждается, что эти законы в силу акта Конгресса действуют в этом округе. Теперь, если заключенный украл рабов, он не виновен в отдельном преступлении транспортировки. Если он виновен в перевозке, он не виновен в краже. То, что эти два преступления должны были быть совершены одним и тем же деянием, с юридической точки зрения невозможно. Если большое жюри сначала признавало заключенного виновным в краже рабов, они тем самым заявляли, что он не был виновен в другом преступлении, связанном с транспортировкой. Или, если они сначала признавали его виновным в преступлении, связанном с перевозкой, они тем самым заявляли, что он не был виновен в отдельном преступлении, заключающемся в краже. Таким образом, после установления факта совершения одного преступления предъявлять заключенному обвинение в совершении другого было не только юридическим абсурдом, но и вопиющей несправедливостью.

Кроме того, если бы эти рабы были украдены, как утверждается, у сорока одного разных хозяев, все они могли бы быть обвинены по разным пунктам в одном обвинительном заключении, и заключенный мог бы быть признан виновным по стольким пунктам, сколько того требовали закон и доказательства.

Итак, был только один акт транспортировки. Следовательно, даже если бы речь шла просто о предъявлении заключенному обвинения в нарушении двух разных законов за одно и то же деяние, все равно, поскольку перевозка всего груза была всего лишь одним актом, обвинение должно было быть предъявлено только в одном обвинительном заключении.

Посмотрите, насколько фатальным для любого человека должен быть такой ход событий. Если бы обвинение в краже было включено в одно обвинительное заключение, оно рассматривалось бы одним судом присяжных; и поскольку доказательства в значительной степени совпадают, весь судебный процесс мог бы быть начат в течение ограниченного периода времени. Но с

сорока одним обвинительным заключением должен состояться сорок один судебный процесс перед сорока одним различным составом присяжных; ибо ни правительство, ни заключенный не согласятся, чтобы присяжные, вынесшие неблагоприятный вердикт, рассматривали другое дело. Итак, джентльмены, меня не волнуют огромные расходы на такое судебное разбирательство — по десять долларов на каждое обвинительное заключение в пользу окружного прокурора, —

Тут мистер Ки, окружной прокурор, прервал меня и сказал: "Если мистер Манн думает, что я получу по десять долларов за каждое из этих обвинений, он ошибается; и в своих аргументах перед присяжными я буду это отрицать.

Мистер Карлайл. Мистер Манн не ошибается в общем утверждении, что окружной прокурор получает десять долларов за каждое обвинительное заключение. Он получает по десять долларов с каждого, пока доход его конторы не достигнет шести тысяч долларов в год. Только когда вознаграждение в офисе достигает этой суммы, он перестает получать свои десять долларов по каждому обвинительному заключению.

Мистер Манн. Я говорил, джентльмены, что меня сравнительно не волнует сумма расходов, понесенных в результате этих трехсот сорока пяти обвинительных актов. Это влечет за собой гораздо более серьезные последствия, чем простая трата денег. Кто может поддерживать или выжить в борьбе с таким множеством обвинительных актов, поддерживаемых всей властью и ресурсами правительства? Будь человек богат, как Крез, это истощило бы его средства. Будь он храбр, как мученик, это истощило бы его выносливость. Будь он невинен, как нерожденное дитя, все равно, исходя из простой доктрины случайностей, он мог бы потерпеть неудачу в каком-то одном случае из такого множества. Будь он в расцвете сил, заходящее солнце могло бы погрузиться во тьму и печаль, прежде чем в его пользу был бы вынесен окончательный оправдательный вердикт. При такой практике в отношении обвинительных заключений в сочетании с такой практикой в отношении освобождения под залог обвинение было бы столь же фатальным, как и само преступление, каким бы невиновным ни был обвиняемый. Закон предусматривает срок давности в отношении правонарушений. Если бы суд мог предвидеть подобное злоупотребление, он бы установил срок давности для количества судебных преследований за одно преступление; с таким же успехом правительство могло бы судить человека по отдельному обвинительному акту за каждый волосок украденной им лошади и требовать от него по каждому из них отдельного освобождения под залог. Английские суды, джентльмены, предусмотрели средство правовой защиты от зарождения этой несправедливости. Они снова и снова решали, что, когда против человека будут выдвинуты даже два обвинения за одно и то же преступление, они вынудят прокурора сделать выбор между ними — продолжить рассмотрение одного и отказаться от другого. 2 Cr. Cas. Лича, 608, Рекс против Доран. 3 Карр. и Стр. 412, Рекс против Смит. Иб. Рекс против Цветок, 413, 3 т. Р. Янг против Король, (по ошибке) 106. Смотрите также, в поддержку того же принципа, Пересмотренный устав Нью-Йорка, том 2, часть 4, глава 2, § 42, где содержится положение о том, что "если в какой-либо момент против одного и того же подсудимого находятся на рассмотрении два или более обвинительных акта за одно и то же преступление или два обвинительных акта по одному и тому же делу, хотя они обвиняются в разных преступлениях, обвинительный акт, вынесенный первым, считается замененным таким вторым обвинительным актом и подлежит отмене".

Но, джентльмены, есть еще один аспект этого дела, который еще более наглядно демонстрирует чудовищность судебного разбирательства, которому мы подвергаемся. По каждому из сорока одного обвинительного акта против этого заключенного в краже, в случае признания его виновным, он может быть приговорен к двадцати годам тюремного заключения, что в совокупности составило бы более восьмисот лет тюремного заключения. Сам Мафусаил, должно быть, был пойман молодым, чтобы пережить такой приговор. Самый короткий срок, который суд, по своему усмотрению, мог бы назначить после вынесения обвинительного приговора по всем этим обвинительным актам, составил бы двести восемьдесят семь лет! Рассматривал ли закон когда-нибудь столь жестокое и мстительное судебное разбирательство? Предполагал ли закон когда-нибудь, что суд, приговорив человека к восьмистам годам тюремного заключения или даже к двумстам восьмидесяти годам тюремного заключения, должен продолжить и приговорить его к двадцати годам или даже к еще семи годам? - когда суд должен знать, что это будет вынесение приговоров, которые будут приведены в исполнение спустя столетия после смерти заключенного и после того, как он покинет свою тюрьму не для того, чтобы вернуться в этот мир, а для того, чтобы отправиться в другой.

Но даже это еще не все. За этими сорока одним обвинительным актом в краже, составленным в боевом порядке против того же заключенного, стоят семьдесят четыре других обвинительных акта в перевозке тех самых рабов, которых он обвиняется в краже. Наказанием за каждое из этих правонарушений является штраф в размере двухсот долларов с лишением свободы до его уплаты. Общая сумма этих штрафов составит 14 800 долларов. Но наказанием, налагаемым не законом, а дополняемым этой необоснованной процедурой правительства, является защита в семидесяти четырех последовательных делах, по которым самый богатый, сильный и невинный человек должен сломаться и разориться.

Деспотичному характеру всех этих предварительных слушаний соответствовала манера обвинителя в его вступительном слове. Он счел нужным использовать в отношении заключенного самые яростные и обличительные выражения. Он приписал ему все низменные мотивы, которые могут привести в действие развращенное сердце, и осыпал его самыми грубыми эпитетами, которые только могут описать злодея. Теперь, если выяснится, что мой клиент невиновен, тогда все эти обвинения несправедливы и жестоки; и даже если будет доказано, что он виновен, это не является частью его наказания - быть вынужденным сидеть здесь в вынужденном молчании час за часом и слушать, как его обличают и поносят в выражениях, не соответствующих как его характеру, так и трезвости судебного разбирательства.

Господа, представитель правительства, как и само правительство, должен быть бесстрастным и спокойным. Величие - один из атрибутов суверенитета, а безмятежность неотделима от величия. Правительство не является существом гневным, свирепым, мстительным; и проявление таких страстей так же неподходяще представителю правительства, как и самому правительству. Хотя образ правосудия может быть представлен как держащий меч власти в одной руке, все же она также представлена как поддерживающая равновесие справедливости в другой; но когда правительство признает вину подсудимого до того, как она будет установлена, и обзывает его самыми горькими эпитетами как преступника, в то время как закон все еще предполагает его невиновность, — единственной надлежащей эмблемой такого правительства является изображение, которое несколько лет назад можно было увидеть на куполе здания суда в Тонтоне, графство Сомерсетшир, США. в Англии, которой художник

изначально подарил и весы, и меч; но буря, пронесшаяся по небу, унесла весы прочь, так что не осталось ничего, кроме меча возмездия; и там возвышалась ненавистная фигура, воплощение гнева, не сдерживаемого справедливостью.

Но, джентльмены, позвольте мне надеяться, что заключенный наконец сбежал от бурных и опасных сцен, которые до сих пор нарушали его покой и угрожали его жизни. Позвольте мне верить, что упадочное настроение, вызвавшее предложение, сделанное одним из его похитителей, когда он еще находился на борту парохода, и до его возвращения в этот город, чтобы его вывели и повесили на рее, - о чем свидетельствовали свидетели правительства, — наконец изгнано; позвольте мне верить, что демонический крик о мести, который выкрикивала толпа, и жажда крови, о которой свидетельствовало их поведение, когда заключенного, связанного и беззащитного, вели от реки к тюрьме, нашли отклик. никакого приветственного отклика в вашей груди. Позвольте мне также надеяться, что грубость манер и горечь языка, которые так свободно использовались при раскрытии этого дела, не нарушили равновесия ваших умов и не нарушили их безмятежность настолько, чтобы образы истины были искажены по мере отражения от них.

Джентльмены, место, на котором заседают присяжные, должно быть местом, отделенным от остального мира; священным и недоступным страстям и предрассудкам, которые движут обществом извне. Это должно быть место, посвященное исследованию “Что такое истина?” и применению ее выводов к поведению людей. Когда вы заняли свои места в этом зале, суд поочередно спросил вас, сложилось ли у вас какое-либо мнение относительно вины или невиновности заключенного, и вы поочередно ответили отрицательно. Таким образом, окончательное мнение, которое должно быть выражено в вашем вердикте, должно быть мнением, которое вы сформировали с того времени, а также на основе закона и свидетельских показаний, представленных здесь. В это мнение не должно быть допущено никакого другого элемента. Предрешенная вина заключенного, проявляющаяся в неоднократных попытках лишить его жизни; требование, которое может существовать, и которое, я полагаю, действительно существует, за дверью, чтобы он был осужден, невиновен или невиновен; ожидание, что вы столкнетесь с разгневанным сообществом, если оправдаете его; — все эти соображения, если они навязываются вам в голову, должны быть строго осуждены и изгнаны. Запись вашего приговора переживет эти временные волнения. Следовательно, это должен быть приговор, на который вы сможете смотреть в конце жизни с сознательным удовлетворением. Это должен быть тот, на который ваши дети могли бы смотреть с сыновним и почтительным уважением к честности своих отцов. В деле, которое привлекло такое большое внимание как здесь, так и по всей стране, вы тоже должны ожидать, что предстанете перед судом; ваш вердикт войдет в великую летопись истории и будет передан вашей стране и потомкам.

Однажды, джентльмены, в штате, к которому я принадлежу, произошел случай, который сильно возбудил самые глубокие и святы чувства общества. Одной из прелюдий к великой драме американской революции стало убийство британскими солдатами в 1770 году пяти американских граждан на улицах Бостона. Предполагаемые преступники предстали перед судом за убийство. Их защищали Джон Адамс и Джосайя Куинси — знаменитые имена! Грудь публики трепетала от возбуждения. Вид убитых соотечественников заставлял кровь бурлить в сердцах их сограждан. Если когда-нибудь мог быть случай, когда закон можно было бы побороть, чтобы удовлетворить народный протест о возмещении ущерба; если когда-либо мог быть случай, когда доказательства могли быть натянуты и искажены, чтобы привести факты в

соответствие с натянутым и искаженным законом, чтобы нанести высокому возмущению моральное, если не юридическое наказание, то “Бостонская резня” 1770 года обеспечила все необходимые условия. Это дело было рассмотрено судом, и заключенные были оправданы. Буря народного недовольства вскоре улеглась, и теперь на доске славы нет имен более чистых и справедливых, чем имена тех двенадцати присяжных, которые осмелились бросить вызов общественному мнению и совершить акт трудного, если не опасного правосудия. Благородная и прославленная храбрость души, которая, когда вопящие демоны народных страстей и предрассудков осаждают восходящий путь добродетели, может обратиться к совести, к потомству и к Богу и бросить вызов им всем! Следуйте их примеру, джентльмены, и, какие бы яростные звуки общественного осуждения ни звучали сейчас в ваших ушах, вы получите такую же славную награду, а ваши дети и все хорошие люди вашей страны будут чтить вашу память.

Джентльмены, в яростных призывах, с которыми обратился к вам адвокат правительства с просьбой осудить заключенного, вам было сказано, что он “вторгся в этот район и безжалостно унес его имущество стоимостью более ста тысяч долларов”; и вас предупредили, что, если вы позволите такому человеку сбежать, вы можете с таким же успехом немедленно передать все имущество рабам. Но так случилось, джентльмены, что вы поклялись судить этого заключенного за кражу Джона и Сэма, двух рабов некоего Эндрю Гувера, предполагаемой стоимостью всего в тысячу четыреста долларов. Следует ли раздувать каждое из этих сорока одного дела против заключенного, обвиняя его в разграблении Округа на сумму более ста тысяч долларов? Довольно сильное усилие фантазии, не так ли? превратить тысячу четыреста долларов в обвинительном заключении в более чем четыре миллиона в аргументации! Должно ли это быть еще одним из тяжелых последствий умножения одного предполагаемого преступления заключенного на сорок одно отдельное преступление? Должен ли адвокат правительства сфальсифицировать какое-либо гнусное обвинение против заключенного, а затем призвать вас признать его виновным на основании этих натянутых и чрезмерно преувеличенных данных о его поведении? Нет, джентльмены! Это значило бы предположить, что вы сидите там, чтобы вершить наихудший вид закона Линча, — вид, который имеет всю свою несправедливость, прикрываясь при этом от гнусности своего насилия. Целью гражданского общества является защита прав и возмещение причиненного вреда. Для достижения этих великих целей принимаются законы, учреждаются суды, назначаются присяжные и устанавливаются правила доказывания. Без гражданского общества каждый человек имел бы право отстаивать свои собственные права и исправлять свои собственные ошибки. Гражданское общество кое-что отнимает у человека в правах, но оно значительно расширяет его возможности; оно делает его сильнее любого отдельного угнетателя и, в целом, защищает своих членов гораздо лучше, чем они могли бы защитить себя сами. Но гражданское общество, как и все человеческое, несовершенно. Один раз из десяти или один раз из двадцати оно может не достичь цели, для которой оно было создано. Сами инструменты, которые она создала, иногда могут быть причиной ее провала. Что тогда? Мы терпим неудачу в каждом десятом или каждом двадцатом случае, когда без социальной организации неудача могла бы быть общим правилом. И, следовательно, даже если виновному человеку иногда удастся скрыться, все, что мы можем сказать, это то, что гражданское общество не выполнило свою работу безупречно. Оно сделало хорошо, хотя и не все. Но предположим, что это самое гражданское общество, обладающее объединенной и ужасной силой всего сообщества, обратит свою собранную силу против невинного человека и сокрушит его, тогда в каком полном и безнадежном разорении оно окажется! Насколько лучше для него было бы, если бы его

мощной машины никогда не существовало, чем если бы он был стерт в порошок под ее колесами! Теперь так могло бы быть с каждым заключенным, если бы присяжные действовали без строгого подчинения закону и строгого соблюдения форм закона. Поэтому любые обращения к вам, что, поскольку этот заключенный, возможно, совершил *какое-то* преступление против закона, вы должны отбросить все сомнения и признать его виновным в *этом* преступлении, я расцениваю как измену правосудию, как чудовищное извращение судебного разбирательства; да, как в тысячу раз худшее, чем любая вина заключенного, даже если предположить, что искаженные черты картины, нарисованной адвокатом правительства, являются подлинными. Это было бы не что иное, как самосуд, совершенный двенадцатью отобранными и приведенными к присяге людьми, а не толпой.

Джентльмены, окружной прокурор в своем вступительном слове не соизволил сообщить нам, по какому закону он действует. Он достаточно часто обвинял заключенного в воровстве, но не читал никакого закона и не ссыался ни на одно решение, которое создает или описывает какое-либо подобное преступление. Следовательно, задача, которая явно принадлежала ему, возложена на меня.

После того, как округ Колумбия был передан Соединенным Штатам, Конгресс принял общий закон, утверждающий законы штата Мэриленд для той части округа, которая была передана Мэриленду. Таким образом, этот судебный процесс должен проходить в соответствии с законами, первоначально принятыми Мэрилендом. Законом 1737 года, ч. 2, § 4, предусмотрено, что любое лицо, "которое украдет любого негра или другого раба", "или которое посоветует, наймет, поможет, подстрекнет или прикажет любому лицу или личностей" сделать это, подлежит смертной казни как преступник. С тех пор наказание было заменено на тюремное заключение в тюрьме Соединенных Штатов на срок не менее семи и не более двадцати лет. [Здесь были сделаны подробные комментарии по преамбуле статута и категории дел, к которым предполагалось применять закон.]

Этот закон был разработан для предотвращения *кражи*. Но человек может потерять раба и без того, чтобы его украли. Раба можно было соблазнить или убедить сбежать. Опыт, несомненно, заставил хозяев осознать это. Следовательно, четырнадцать лет спустя, законом 1751 года, гл. 14, § 10, было предусмотрено, что "если какое-либо лицо соблазнит и убедит любого раба в пределах этой провинции сбежать, и кто действительно сбежит от хозяина" и т. Д., Он должен быть наказан и т. Д.

Но был еще один способ лишить хозяина возможности служить своему рабу. Следовательно, закон 1796 года, гл. 67, § 19, квалифицировал как отдельное преступление для любого лица, виновного в "транспортировке любого раба или лица, удерживаемого на службе", из государства.

Итак, джентльмены, вот четыре отдельных правовых положения, все они предназначены для защиты собственности рабов. В соответствии с этими положениями создаются четыре отдельных юридических правонарушения. Закон, создавая и определяя эти преступления, авторитетно заявил, что одно из них не является ни одним из других. "Воровство" - это одно. "Консультирование, наем" и т.д. человека для кражи - это еще не воровство само по себе. "Соблазнение и убеждение" раба сбежать от своего хозяина - это не воровство.

“Транспортировка” раба за пределы юрисдикции - это не кража. Следовательно, вас интересует, виновен ли заключенный в каком-либо из этих преступлений, и если виновен, то в каком именно.

Теперь, джентльмены, позвольте мне воспользоваться картой, которая случайно оказалась передо мной, чтобы проиллюстрировать этот случай. Здесь представлены четыре штата — Пенсильвания, Мэриленд, Вирджиния и Северная Каролина. Границы между ними четко обозначены. Пенсильвания - это не Мэриленд, как и ни один из других. Мэриленд - это не Вирджиния, ни один из других; и так же обстоит дело с остальными. Точно так же обстоит дело с правонарушениями, предусмотренными этими законами. Ни один из них не является ни одним из остальных. Столь же очевидно, что преступление, связанное с “транспортировкой” раба за пределы юрисдикции, так же отличается от преступления, связанного с кражей раба, как географическая форма Мэриленда отличается от географической формы Пенсильвании. Следовательно, как если бы вам показали географические размеры и границы штата Мэриленд, вы не смогли бы сказать под присягой, что это описание штата Пенсильвания; так и если вам будет доказано преступление, связанное с “транспортировкой”, вы не сможете сказать под присягой, что это преступление, связанное с кражей.

Или возьмем иллюстрацию из других вещей. Назначение солнечных часов, хронометра и хронометража одно и то же. Все они созданы для измерения времени, так как все эти законы были созданы для защиты собственности рабов. Но можете ли вы, таким образом, под присягой осудить человека за кражу хронометра, когда он взял только часы? Нет, вы могли бы признать его виновным только в том, что было доказано.

Или, опять же, предположим, что следует принять закон для защиты собственности человека на его книги; и кража книг, как правило, должна караться пятью годами тюремного заключения. Такой общий закон охватывал бы все книги. Предположим, что последующий закон должен налагать более мягкое наказание за кражу тома в октаво и еще более мягкое - за двенадцатичастную. Тогда в обвинительном заключении было бы необходимо указать, какого рода украденная книга, и ни один человек не мог бы быть законно наказан за более тяжкое преступление, если бы совершил только более легкое. Итак, здесь первый закон карал “воровство”, следующий - “заманивание” и следующий - “транспортировку”.

Итак, джентльмены, я утверждаю, что, самое большее, против этого заключенного не было доказано ничего, кроме преступления в виде “перевозки”. Но ему предъявлено обвинение в краже. Каковы же тогда, давайте спросим, составляющие преступления кражи, которые необходимы для его совершения? Они заключаются в следующем: 1. Что имущество должно быть изъято вором из владения владельца. 2. Что оно должно быть передано во владение вору, то есть что берущий должен осуществить какой-либо акт контроля или владения им. И, 3. Что это изъятие вором из владения владельца в его собственное владение должно осуществляться с преступной целью преобразования указанного имущества в его собственное пользование.

Теперь, я думаю, не будет преувеличением сказать, что ни один из этих трех обязательных компонентов воровства не был доказан в данном случае.

1. Не доказано, что заключенный забрал двух рабов, упомянутых в обвинительном заключении, *из владения* Эндрю Гувера. Разве кто-то другой, кроме заключенного, не мог вбить этим рабам в головы мысль покинуть своего хозяина? В этом городе есть белые люди, враждебно

настроенные к институту рабства и желающие свободы для всех рабов. Разве они не могли сказать рабам Гувера: “Вот шхуна у причала; она должна отплыть в такое-то время; будьте там, и вы сможете сбежать в свободное государство”? В этом Районе также проживают тысячи свободных негров или цветных, с которыми рабы находятся в ежедневном и открытом общении. Разве они не могли внушить этим рабам идею свободы? Разве не в тысячу раз более вероятно, что это было сделано каким-нибудь гражданином Округа или их цветным знакомым или другом, пользующимся средствами постоянной связи с ними, чем то, что это было сделано совершенно незнакомым им человеком, каким был заключенный? Можно ли представить себе что-либо более абсурдное, чем то, что заключенный должен разъезжать по улицам Вашингтона, подбирая рабов то тут, то там, чтобы довершить свой груз, подобно тому, как кучер почтовой кареты разъезжает, подбирая пассажиров? Если бы он подошел к цветному человеку на улице и спросил его, был ли он рабом, то шансы три к одному, что обратившийся к нему человек окажется свободным; поскольку я полагаю, что в этом Районе соотношение свободных цветных людей и рабов столь же велико. Если бы четвертый мужчина или женщина, которых он мог бы встретить, оказались рабами, откуда ему было знать, кроме того, что он мог бы сказать человеку, настолько привязанному к этому месту, к своему дому и родственникам, а также к своему хозяину, что даже сладости свободы не побудили бы его уйти; и что следствием было бы немедленное сообщение о беседе, внезапное обнаружение и наказание? Но человек на месте знал бы, кто такие рабы и какие рабы недовольны своим положением; он мог бы выбрать случай, когда раб был наказан своим хозяином, когда его тело болело, а разум пылал негодованием против него, а затем посеять семена недовольства и надежды на побег в плодородную почву. Таким образом, если рабов действительно подстрекали покинуть владения своего хозяина, то вероятность тысяча к одному, что их подстрекали к этому какое-то другое лицо или лица, проживающие здесь, а не заключенный. Если это было так, и они попали на борт арестантской шхуны после того, как скрылись от своего хозяина, то он не забирает их из владения Гувера и, следовательно, не виновен в первом компоненте преступления - воровстве.

Но разве нет еще другого способа, которым рабов можно заставить покинуть владения их хозяина? Хотя мы можем называть людей рабами, все же разве они не человеческие существа? — Униженные до естественного достоинства мужественности, это правда, и приниженные в своем умственном развитии, но все же человеческие существа; подверженные страстям нашей общей природы, одушевленные ее надеждами, воспламеняемые ее обидами, сжимающиеся и убегающие в страхе от занесенного жезла. Как человеческие существа, не могло ли желание сбежать из—под власти своего хозяина возникнуть у них самих? - вызванное внутренним и инстинктивным стремлением к свободе, которое вечно рождается в человеческой груди.

Государственный поверенный в своем вступлении долго и серьезно останавливался на стоимости этого вида собственности. Он описал это как самый ценный вид собственности, известный в Округе, и поэтому его следует охранять наиболее бдительно. Несомненно, она имеет определенную денежную ценность; и по мере того, как она повышается в интеллекте, активности и навыках, ее ценность значительно возрастает. Но с этим повышенным значением приходит *per contra*. С повышением интеллекта и умственного развития возникают естественные для мужчины желания; — стремление к свободе и обладанию свободой воли; желание самому выбирать сферу труда и средства наслаждения; желание распоряжаться вознаграждением за свой собственный труд. Таким образом, по мере увеличения ценности раба срок владения, которым он удерживается, становится менее надежным. Это вес золота, подвешенного на

шнуре. Хозяин желает увеличить массу. Он прибавляет понемногу, пока от веса не лопаются шнур, и он теряет все целиком.

Гувер говорит, что ему предложили 1400 долларов за двух рабов, упомянутых в обвинительном заключении, и он отказался от предложения. Их услуги, вероятно, стоили ему доллар в день за каждого. Один из них был нанят возить повозку по городу. Когда он видел горсть денег, выплачиваемых его хозяину каждую неделю или каждый месяц из его собственного заработка, думаете, он никогда не спрашивал себя, почему эти деньги не могли принадлежать ему? Когда трое из каждых четырех цветных мужчин, которых он встречал изо дня в день, получали свой собственный заработок и использовали этот заработок для своих удобств и удовольствий, разве рабы Гувера не могли сказать: "Почему наши заработки не принадлежат нам самим? и если мы не можем обладать ими здесь, почему бы нам не отправиться в страну, где работник, выражаясь языком Священного Писания, считается достойным своей платы?" и поэтому бежали по собственной воле? ибо, хотя мы склонны применять заповеди Евангелия к другим, а не к самим себе, все же это отрывок, который они, скорее всего, запомнят до конца.

Но это еще не все, джентльмены. В столице страны, которая так хвастается своей свободой, воздух пропитан духом свободы. Многие цветные люди умеют читать. Кто знает, может быть, некоторые из них читали Декларацию независимости Америки; и, в своей слепоте и простоте ума, применили ее бессмертные истины к себе? "Все люди созданы равными!" и среди их "неотъемлемых прав" "есть жизнь, СВОБОДА и стремление к счастью!" Кто знает, но, возможно, они видели эти доктрины с созвездием подписанных под ними имен, столь же славных, как все, что когда-либо сияло на небосводе истории? Если такие идеи когда-то овладевали разумом человека, неужели вы думаете, что огонь или вода могли бы когда-нибудь сжечь их или заглушить? Те, кто не умеет читать, могут слышать; и если вы хотите скрыть от них постоянно повторяющиеся образы и звуки, которые должны пробудить инстинкты свободы, вы должны затушить их глаза и запечатать их уши в вечной тишине. Прошлая весна была своеобразным "освежением" для ярых любителей свободы. Недавние события в Европе были темой всех разговоров. Не только на рыночной площади, на улице и в разговорах после обеда освобождение Европы было предметом обсуждения, но и бурное красноречие вырвалось из столицы нации, подобно ветрам из пещеры Эола, и ревело и бесновалось так, что все, кроме мертвых, должно было слышать это. Более того, джентльмены, один из свидетелей назвал день, когда шхуна обвиняемого "Жемчужина" бросила якорь в водах этого города, потому что он запомнил его как день "факельного шествия". А что это было за "факельное шествие"? Вы все знаете; —бьют барабаны, играет музыка, пылают костры, дом президента и высокопоставленных официальных лиц иллюминирован, деревья на аллее причудливо подсвечены разноцветными фонарями; мужчины, женщины, дети и рабы, все вышли на улицу, и всем не терпится увидеть и услышать о замечательных вещах, которые "либерти" сделала или не сделала по другую сторону Атлантики. Там тоже длинной процессией двигались люди, избранные по этому случаю из числа избранных нации, — главы департаментов, сенаторы и представители, — люди, переполненные красноречием в защиту возрожденной Европы, которые должны говорить или умереть! Они прошли маршем к открытому пространству на Пенсильвания-авеню, где на импровизированной трибуне дали волю своему патриотизму; в то время как люди всех видов, состояний и цветов кожи стояли внизу, опустошенные и разинув рты, чтобы получить то, что могли ниспослать высшие божества. А теперь позвольте мне зачитать вам, господа присяжные, некоторые ценные вещи, которые были сказаны в тот

памятный вечер — всего за две ночи до побега рабов на шхуне "Жемчужина", — и посмотрите, сможете ли вы удивиться брожению после того, как отведаете дрожжей:

“...События, которые несут *всему человечеству* столь яркое обещание *всеобщего установления ГРАЖДАНСКОЙ и религиозной свободы* общего уничтожения монархической власти во всем мире”.

“Новые и привлекательные связи” — “между народом освобожденной Франции и *двадцатью миллионами свободных людей*, которые живут во всей полноте социального и политического счастья между великими морями, омывающими восточные и западные берега этого огромного континента”.

“Я чувствую себя уполномоченным заявить, что в этом огромном множестве людей нет *ни одного*, чьи симпатии не были бы глубоко проникнуты к Франции и французам”.

“...Таков был экстраординарный ход событий во Франции и в Европе за последние два месяца, что чем внимательнее мы рассматриваем сцену, которая раскинулась перед нами, и чем строже мы исследуем поведение ее действующих лиц, тем более уверенными становятся наши убеждения в том, что *славная работа*, которая была так хорошо начата, не может не завершиться; что эпоха ТИРАНОВ И РАБСТВА быстро подходит к концу; и что счастливый период, ознаменованный *всеобщей эмансипацией человека от освобождение от оков гражданского угнетения* и признание *во всех странах* великих принципов *народного суверенитета, равенства и БРАТСТВА* в этот момент явно начинается”.

[Тут судья Кроуфорд вмешался с большой резкостью и сказал: “Мистер Манн, подобные подстрекательские высказывания не могут быть допущены в этом суде. У нас есть институты, которым это может угрожать. Суд считает своим долгом вмешаться. Адвокату нельзя позволять выступать с такими подстрекательскими высказываниями”.

Тут встал мистер Карлайл и в течение десяти или пятнадцати минут, когда переполненная аудитория погрузилась в гробовое молчание, он перемежал непреклонную логику с благородными чувствами, проявляя редко превзойденное красноречие, если вообще когда-либо проявлял его. Он подтвердил каждое слово, сказанное его коллегой, как по существу, так и по манере поведения, и воззвал к Небесам, чтобы Они уберегли американские суды от следования примерам худших времен английской судебной тирании, когда самые низкие приспешники короны были возведены на скамью подсудимых, чтобы они могли внушать благоговейный страх и стыдиться выступать в защиту заключенных, которых король заранее обрек на наказание.

Судья Кроуфорд. (Дрожа от волнения.) Аргументация мистера Манна была совершенно законной. Я возражал против подстрекательских формулировок. Возражения вызывали именно формулировки, а не аргументы.]

Мистер Манн. Господа присяжные, поскольку запрет на аргументацию, которой я придерживался и которая теперь признана справедливой и уместной, был снят, я продолжаю с того места, где я ее оставил.

Мистер Ки, окружной прокурор. Я требую знать, какую газету читает этот джентльмен.

Мистер Манн. (Поднимая газету и указывая на заголовок.) Из газеты мистера Ричи "Вашингтон Юнион" от 20 апреля. Разве это не хороший авторитет в этом вопросе?

Мистер Ки. Из чьей речи этот джентльмен зачитывает?

Мистер Манн. Из речи почтенного. Генри С. Фут, сенатор в Конгрессе от штата Миссисипи.

Мистер Ки. Джентльмен не может зачитать документ присяжным, если только он не собирается доказать это.

Мистер Манн. Я принципиально отрицаю это; но, если потребуется, вызову мистера Фута, чтобы он подтвердил свою речь под присягой.

Судья Кроуфорд. Мистер Манн знает, что мистер Фут не имел в виду, что его слова относятся к *нашим* рабам. (Сдавленный смех в баре.)

Мистер Манн. С позволения вашей чести, хотя ничто, с одной стороны, никогда не удержит меня от исполнения моего долга перед клиентом, все же, с другой стороны, я тронут, чтобы сказать, что меня с юности приучали к такому уважению к суду, что я не сказал бы ему ничего такого, что не было бы уместным, как золотые яблоки на серебряных картинках. Позвольте мне тогда повторить свой аргумент, чтобы мы могли увидеть, было ли и кем нарушено это правило. Я повторяю, тогда, если рабы являются собственностью, они представляют собой особый вид собственности. Они инстинктивно разделяют общие желания человечества, и среди них одним из самых глубоких и сильных является любовь к свободе. И точно по мере того, как их ценность повышается благодаря интеллекту и развитию, точно в такой же пропорции ослабевают узы, которыми они удерживаются. Во всех местах рабы что-то слышат, но в этом месте они слышат многое из того, что говорится в защиту человеческой свободы и прав человека. Если они услышат это и будут выше состояния животных, они применяют это к себе. Каждая речь Четвертого июля, если ее правильно понять, - это факел, который зажжет еще один Сан-Доминго. Если они услышат слово "*раб*", используемое по отношению к тем, кто был лишен своих естественных прав в других странах, они применяют это слово к своему собственному положению в этой. Если они услышат слово "*тираны*", используемое по отношению к тем, кто лишает других их прав, вместо "*тираны*" они прочтут "*хозяева*"; и никакая смертная сила, или закон, или искусство не могут помочь этому, кроме как изгладив все человеческое в них. Рабы в этом городе постоянно слышат то, что должно напоминать им о том, что они рабы; и поэтому их постоянно подстрекают сбежать из своего рабства. Факельное шествие с его речами и парадом было *одним* из десяти тысяч подобных подстрекательств. Следовательно, рабы, поднявшиеся на борт "Жемчужины", могли почерпнуть идею побега не от пленника, а от кого-то другого, от какого-нибудь оратора, устанавливающего правила для европейского меридиана, которые не совсем соответствуют американскому. Следовательно, они могли пойти и попросить у заключенного разрешения на проезд. На это он мог бы согласиться. И если это так, то его преступление не может быть ничем иным, кроме преступления "*перевозки*", и не является преступлением *кражи*, как указано в этом обвинительном заключении.

А что касается подстрекательских высказываний, в использовании которых суд обвиняет меня: каждое слово, которое было произнесено мной и которое суд характеризует и осуждает как "*подстрекательское*" и считает неуместным произносить в этом зале суда, поскольку оно может поставить под угрозу институты этого города, было в точности языком почтенного мистера Фута, сенатора в Конгрессе от штата Миссисипи, произнесенного им с трибуны на

Пенсильвания-авеню, самом общественном месте в этом городе, вечером 13 апреля прошлого года перед тысячами людей, собравшихся там. , мужчины, женщины, дети, негры и все такое.

Я отметил, с позволения суда, несколько других отрывков — для этой цели наиболее острых - из речей того вечера, которые будут зачитаны по этому случаю; но поскольку я думаю, что и суд, и присяжные уже достаточно хорошо осведомлены об уместности и силе моих аргументов по этому вопросу, я ограничусь чтением еще одного отрывка. Это изречи достопочтенного . Фредерик П. Стонтон, представитель в Конгрессе от Теннесси, выступил по тому же поводу и напечатал в той же газете:—

“Сегодня вечером здесь действительно было сказано, что наш пример сослужил Франции важную службу. Кто может в этом сомневаться? Насколько иной была бы борьба за свободу, которую обеспечивал республиканизм, если бы не было примера стабильного республиканского правительства, на который патриот мог бы указать для ободрения своего народа! Говорят, что мы пропагандисты. На самом деле мы не распространяем наши принципы мечом власти; но в одном смысле мы пропагандисты. Мы не можем не быть таковыми. Наш пример заразителен. В той части этой великой страны, где я живу, на берегах могучей реки Миссисипи, у нас есть настоящая эмблема - дерево свободы. Там вы можете увидеть гигантский тополь, широко раскинувший свои ветви навстречу небесным ветрам. Иногда течение обнажает его корни, и вы видите, как они простираются далеко вокруг и проникают на огромную глубину в почву. Когда наступает сезон зрелости, воздух наполняется субстанцией, похожей на хлопок, которая разлетается во всех направлениях, неся на своих легких крыльях живые семена могучего дерева. Они селятся на каждой песчаной отмели, выступающей из недр отступающего прилива, и вскоре можно увидеть, как молодой лес поднимает голову над поверхностью бесплодной пустоши. Таким образом, семена свободы проросли с дерева наших свобод. Они наполняют воздух. Они разносятся по всем уголкам обитаемого земного шара. И даже в бесплодных песках тирании им суждено пустить корни. Дерево свободы взойдет повсюду, и народы будут отдыхать в его тени”.

И поэтому, господа присяжные, я говорю, что, хотя некоторые семена свободы, которые мы разбрасываем, уносятся в чужое царство и падают на чужую почву, другие попадут в сердца рабов и прислужниц дома и там дадут плоды и созреют в свой соответствующий урожай.

Таковы, джентльмены, соображения, которые заставляют меня поверить, что рабы, обнаруженные на борту шхуны "Перл", покинули владения своих хозяев по собственному желанию, или по личному предложению какого-то друга, а не заключенного; или потому, что их публично подстрекали к этому те хвастливые духи среди нас, которые вечно восхваляют свободу, ограничивая применение ее принципов. Следовательно, я делаю вывод, что заключенный не совершал деяния, составляющего первую составляющую преступления воровства, — изъятия имущества из владения владельца.

2. Чтобы квалифицировать воровство как преступление, заключенный должен был завладеть рабами самостоятельно. Так вот, этому нет ни малейших доказательств. Судя по всему, рабы могли быть пассажирами на борту его шхуны за плату. Они сами могли оплатить эту плату, или другие могли заплатить за них. В любом случае, они владели заключенным не больше, чем вы или я владеем железнодорожной корпорацией, когда путешествуем в ее вагонах.

3. Третий вопрос заключается в том, действительно ли, даже если заключенный забрал рабов, указанных в этом обвинительном заключении, из владения Эндрю Гувера в свое собственное владение, он сделал это с преступной целью использовать их в своих целях.

Акт воровства, джентльмены, проистекает из стремления приобрести собственность как средство удовлетворения. Этот импульс или желание получить средства наслаждения универсальны. Закон осуждает воровство, чтобы подавить чрезмерность этой склонности и ограничить ее честными приобретениями. Следовательно, один человек может тысячью способов посягать на собственность другого, не будучи виновным в воровстве. Следовательно, воровством является не простое завладение собственностью другого человека, а завладение *ею для того, чтобы использовать ее в интересах берущего* и таким образом избавить себя от труда ее зарабатывания. Следовательно, я могу взять плуг человека с его поля или повозку из его сарая и временно воспользоваться ими; но если я верну их владельцу, это не воровство, а всего лишь незаконное проникновение. Итак, согласно книгам, я могу взять лошадь человека из его конюшни, проехать на ней тридцать миль, чтобы скрыться от правосудия, а затем, если я брошу лошадь, это не будет воровством. Это всего лишь незаконное проникновение.

Доктрина, джентльмены, которую я хочу внедрить в ваши умы, заключается в том, что каждый акт присвоения чужой собственности не является воровством. Когда шутник, ехавший со священнослужителем в церковь, вытаскивал у него из кармана проповедь, чтобы насладиться его смущением, когда тот взойдет на кафедру и окажется в присутствии врага без всякой амуниции, такое взятие не было воровством; ибо, несомненно, мошенник не имел намерения присваивать ни проповедь, ни ее мораль для собственного использования.

Итак, о сэре Вальтере Скотте рассказывают, что, когда он был мальчиком в школе, он был одним из старост в своем классе. Но мальчик во главе никогда не ошибался, и поэтому он стоял там так же упорно, как буква А стоит во главе алфавита. Но сэр Уолтер заметил, что, когда его одноклассник рассказывал, его пальцы всегда теребили пуговицу на пиджаке, и, воспользовавшись удобным случаем во время их следующей возни на игровой площадке, он отрезал пуговицу от пиджака своего соперника; и уже на следующем уроке мальчик, смутившись из-за того, что не нашел пуговицу, пропустил его ответ, и сэр Уолтер поднялся во главе. Но, конечно же, это было не воровство.

Причина, по которой в каждом из этих случаев человек не был бы виновен в краже, заключается в том, что он не собирается присваивать украденную вещь себе. Он получает от этого временную выгоду, но не совершает действий, подтверждающих намерение постоянного или неограниченного владения. Отсюда самая широкая и поразительная разница между воровством и злонамеренным хулиганством. Если один человек присваивает собственность другого просто для того, чтобы уничтожить ее, из недоброжелательности или мести по отношению к владельцу, это всего лишь злонамеренный поступок, а не воровство. Это не наказывается как воровство. С моральной точки зрения это может быть так же неправильно, возможно, хуже, чем само воровство. Но этот импульс, побуждающий к *уничтожению* чужой собственности, значительно слабее того, который приводит к ее *присвоению*. Последнее удовлетворяется тысячу раз там, где первое - один раз, и поэтому закон карает первого более мягким наказанием. Если отнятие собственности у ее владельца из мести и со злонамеренной целью ее уничтожения является не кражей, а всего лишь злонамеренным вредительством, то,

несомненно, отнятие собственности с благожелательной целью оказать услугу самой собственности, — как рабу, — не является воровством.

Приведите пример. Дикие животные не являются ничьей собственностью. Неприрученные зайцы, которые бегают по моим полям, голуби, которые летают над моим домом, или рыбы, которые плавают в моих ручьях, не являются моей собственностью, чтобы они могли стать предметом воровства. Если мужчина возьмет их, он будет привлечен к ответственности за незаконное проникновение на мою территорию, и это все. Но если я запираю зайцев в муравейнике, или голубей в лазейке, или рыб в неводе, тогда они являются моей собственностью и предметом воровства, потому что я низвел их до владения. При таких обстоятельствах, если человек стреляет или ловит их для своего стола. — то есть, чтобы использовать их в своих целях, — он их крадет; но если человек просто освобождает их из заточения, взламывает их вольеры, чтобы выпустить на свободу, он в лучшем случае виновен только в злонамеренном проказничестве. Английская знать посылает во Францию за лисицами. Их ловят в Пиренеях или других горах, перевозят через Ла-Манш и помещают в парках знати, готовясь к варварскому развлечению - охоте на лис. Теперь, если бы один лорд взял лису из парка другого лорда ради удовольствия поохотиться на нее на его собственной территории, это было бы воровством; но если бы он только помог лисе сбежать из парка с благожелательной целью вернуть ей естественную свободу, это было бы не воровством, а всего лишь посягательством. В таком случае человек, который увеличивает лисицу, делает это не для того, чтобы сэкономить себе труд или расходы на поимку лисицы; то есть он не использует лисицу для своих собственных нужд.

Позвольте мне привести вам еще одну иллюстрацию, которую я выбираю из-за красоты языка, на котором она передана, и благородства чувств, которые ее сопровождают. В “Сентиментальном путешествии” Стерна рассказывается о следующем инциденте: —

В самый разгар этого монолога меня прервал голос, который, как мне показалось, принадлежал ребенку, который жаловался, что не может вырваться наружу. Я оглядел коридор и, не увидев ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, вышел, не привлекая больше внимания.

Возвращаясь обратно по коридору, я услышал, как одни и те же слова повторились дважды, и, подняв глаза, увидел, что это был скворец, подвешенный в маленькой клетке. - Я не могу выбраться, я не могу выбраться, - сказал скворец.

“Я стоял и смотрел на птицу, и каждому человеку, проходившему по проходу, она, трепеща крыльями, бежала в ту сторону, к которой они приближались, с тем же плачем о своем пленении: ‘Я не могу выбраться’, — сказал скворец. Помоги тебе Бог! - сказал я, - но я выпущу тебя, чего бы мне это ни стоило; поэтому я обогнул клетку, чтобы добраться до двери. Она была так быстро скручена проволокой, что открыть ее было невозможно, не разорвав клетку на куски. Я взялся за нее обеими руками.

Птица подлетела к тому месту, где я пытался ее выволить, и, просунув голову сквозь решетку, прижалась к ней грудью, словно в нетерпении. - Боюсь, бедняжка, - сказал я, - что не смогу освободить тебя. ‘Нет, - сказал скворец, ‘ я не могу выбраться. Я не могу выбраться, - сказал скворец.

- Клянусь, никогда еще моя привязанность не пробуждалась с такой нежностью.

И затем он разражается апострофом к рабству, который волновал сердца всех его читателей в прошлые времена и будет продолжать волновать сердца каждого читателя во все грядущие времена: —

“Маскируйся, как хочешь, по-прежнему, Рабство, по-прежнему ты горький напиток! и хотя тысячи людей во все века были напоены тобой, от этого ты не становишься менее горьким. Это ты, трижды сладкая и милостивая богиня Свобода, которой все поклоняются публично или в частном порядке, чей вкус благодарен и всегда будет таким, пока не изменится сама Природа. Никакой *оттенок* слов не может запятнать твою белоснежную мантию, или химическая сила не превратит твой скипетр в железо. Когда ты улыбаешься ему, когда он ест свою корочку, поклонник счастливее своего монарха, от двора которого ты изгнан. Милостивые Небеса! даруй мне только здоровье, ты, великий Дарующий его, и дай мне только эту прекрасную богиню в качестве моей спутницы, и пролей свои митры, если твоему божественному провидению будет угодно, на те головы, которые болеют за них”.

Если бы Стерн выпустил эту птицу и отправил ее радоваться жизни на родных воздушных просторах, осудили бы его мириады читателей, пришедших в восторг от этой истории, за *кражу*?

Теперь о применении. Эти рабы, по закону природы, были такими же свободными, как вы или я. По закону и силе человека они были заключены в рабство. Если заключенный брал их, и брал либо для того, чтобы продать, либо для того, чтобы использовать самому, то он брал их, выражаясь языком закона, с преступной целью использования в своих целях; и такое взятие было бы воровством в соответствии с законом. Но если он взял их с целью привести в свободное состояние и таким образом восстановить их естественную свободу, то он не намеревался использовать их для собственного использования и не виновен в краже.

Существует и другая точка зрения на это дело. Самые суровые доктрины в пользу рабства лишь утверждают, что хозяин имеет право на *услуги* своего раба. Он не имеет права на его плоть и кости, чтобы резать первые на собачье мясо, а вторые измельчать на компост. Таким образом, чтобы представлять собой кражу такого рода имущества, заключенный должен был лишиться хозяина *услуг* его рабов с намерением, с преступным умыслом, воспользоваться *этими услугами* самому или продать их другому, что было бы наиболее эффективным актом использования. Но никаких доказательств какого-либо подобного намерения в данном случае представлено не было. Поэтому я утверждаю, что ни один из трех компонентов, необходимых для составления состава преступления воровства, не был доказан правительством.

А теперь, джентльмены, в заключение я расскажу вам о самом худшем случае заключенного. Я признаюсь ему во всей полноте его преступления. В этом городе проживает человек по имени Дэниел Белл, которого когда-то держали как раба, но который сам купил себе свободу. У него была семья, состоящая из жены и восьми или десяти детей. Они были освобождены своим учителем, когда его привели к самому суровому из всех земных судов — к смертному одру. После смерти хозяина его наследники попытались вернуть собственность, поскольку у живых и умирающих очень разные взгляды на предмет рабства. Их основанием для иска было то, что хозяин не был в здравом уме, когда он совершал акт об освобождении. Но магистрат, который подготовил акт, и перед которым он был оформлен и признан, опроверг это утверждение,

поскольку знал, что лицо, предоставившее право, находится в здравом уме; и таким образом, семья Белл считалась свободной, и с ней обращались как со свободной, в течение многих лет. В конце концов этот судья умер, и сразу же была возобновлена попытка закабалить семью. Был проведен судебный процесс, и из-за отсутствия показаний ныне покойного судьи был вынесен вердикт против них. Но были обнаружены новые доказательства, и один из самых уважаемых советников этого суда, Джозеф Х. Брэдли, эсквайр, принес присягу о своей вере в достаточность этих доказательств и ходатайствовал о новом судебном разбирательстве. Именно во время рассмотрения этого дела в интересах жены и детей они забеспокоились, как бы их тайно не отправили на юг и там не ввергли в безвозвратное рабство. Считая себя свободными, и боясь рабства, они послали в Филадельфию за помощью (я расскажу вам самое худшее), чтобы спастись от такой участи. Этот обвиняемый, Дрейтон, которого также убедили в том, что они свободны, действительно пришел им на помощь. Дрейтон мог бы сказать себе: “Мужчины идут помогать полякам, венграм и даже техасцам и получают за это славу; и почему бы мне не помочь свободным женщинам и детям, которым грозит неминуемая опасность попасть в рабство?” Он прибыл сюда в четверг вечером, 13 апреля, и, не имея других особых дел, приготовился отплыть отсюда, что и сделал в субботу вечером, 15-го. Семья Белла знала место, где стояло на якоре судно ответчика, и установленное время его отплытия. Дрейтон, ожидавший встретить их там в назначенное время, не был на своем судне в течение всего вечера. Но случилось кое-что, чего он не ожидал и чего не предусмотрел. У семьи Белла было несколько друзей, которых, как они думали, они могли бы взять с собой. Они не предлагали никакого разграбления египтян, но считали побег нескольких израильтян законным. Но у этих друзей были *свои* друзья, и они были еще одного круга; и поэтому, пока обвиняемый отсутствовал на своем судне в субботу вечером, и без его ведома или согласия они сбежались вниз и укрылись в трюме; так что, — и я говорю сейчас, джентльмены, то, во что я свято верю, является правдой, — когда этим рабам было приказано выйти на палубу после поимки, подсудимый был поражен не меньше любого другого количеством рыбы, попавшей в его сеть.

Таковы, джентльмены, факты, и, как я полагаю, все важные факты, относящиеся к этому делу; и на основании этих фактов мы заявляем, что вы должны оправдать подсудимого по обвинению в воровстве.

Примечание. Это дело и одно или два других рассматривались, и в результате серии самых экстраординарных решений суда был вынесен вердикт “*виновен*”.

Каждый юрист знает, что в ходе судебного разбирательства, когда у адвоката не может быть времени на изучение или размышления, они делают исключения, когда возражение против решения судьи кажется вероятным или даже правдоподобным. Таким образом, будет дан ключ к пониманию курса, которого суд придерживался на протяжении всех этих судебных процессов, когда будет установлен тот факт, что при подаче апелляции в Вышестоящий суд *семнадцать* из *двадцати четырех* постановлений судьи, в отношении которых было сделано исключение, были отменены.

Дела о воровстве были возвращены для повторного рассмотрения, когда по всем ним был вынесен вердикт “невиновен”.

Дрейтон, капитан, и Сейрес, его помощник, впоследствии были признаны виновными в “перевозке” рабов и оштрафованы.

Инглиш, “мальчик”, хотя и был обвинен по ста пятнадцати пунктам, был освобожден без суда.

Часть свободной семьи Белла была выкуплена; остальных продали и отправили на Юг.

Хотя факты, относящиеся к мафии, неоднократные покушения на жизнь Дрейтона, осада тюрьмы и изгнание из нее адвоката Дрейтона, когда он защищал его, - все это было обнародовано перед большим жюри, которое вынесло эти десятки и сотни обвинительных заключений, и хотя было общеизвестно, кем были некоторые из главарей мафии, ни против кого из них так и не было найдено обвинительного заключения.

СНОСКИ:

[4] На суде присутствовали люди, которые держались как можно ближе к адвокату защиты и взводили курки пистолетов и обнажали кинжалы в сторону Дрейтона в толпе, преследовавшей его.

ПИСЬМО

Съезду вигов (а также Съезду Свободной почвы, с соответствующими изменениями), принимающему их соответствующие кандидатуры на тридцать первый съезд.

[Один абзац этого Письма опущен как относящийся к теме, не связанной с объектом настоящего тома.]

Уэст-Ньютон, 23 сентября 1848г.

Джентльмены;

Я с живейшими чувствами благодарности получил копию резолюций, принятых на окружном съезде, состоявшемся в Дедхэме, штат Калифорния; из одной из которых явствует, что съезд единогласно выдвинул меня кандидатом в депутаты Тридцать первого Конгресса Соединенных Штатов.

Конвенция, которую вы имеете честь представлять, была рада сослаться на мои взгляды в отношении института рабства. Некоторые из этих взглядов были частично выражены в замечаниях, сделанных мной в Палате представителей 30 июня прошлого года; в письме моим избирателям, о котором говорилось ранее; и в моих аргументах в *Уголовном* суде округа Колумбия по делу “Перл”. Эти и родственные взгляды я использую при любой подходящей возможности, которая мне когда—либо представится, чтобы расширить и утвердить; и будь у меня язык ангела или вдохновенное перо, я полагаю, что не смог бы использовать их ни на какую более святую тему, чем разжигание отвращения к несправедливостям, которым подвергается раб, и растопление всеобщего сердца человечества в сострадании к его участи; ибо я считаю невозможным, чтобы душа раба, — погруженная во мрак, задущенная и

похороненная заживо, - когда-либо в полной мере познала и ощутила радость той духовной свободы, с которой Христос освобождает своих учеников.

Будьте рады, джентльмены, принять мою благодарность за то, что вы очень любезно ознакомили меня с решением конвенции, которую вы представляете, и поверьте мне,

Искренне ваш, и проч., и проч.,
ГОРАЦИЙ МАНН.

РЕЧЬ

Произнесено в Палате представителей Соединенных Штатов 23 февраля 1849 года по вопросу о рабстве и работорговле в округе Колумбия.

Г-н Председатель;

На столе спикера лежит законопроект, предусматривающий отмену работорговли в округе Колумбия. Три дня подряд мы тщетно пытались добиться этого в порядке вещей. Его противники сводили на нет наши усилия. Наша трудность не в том, чтобы внести законопроект, а в том, чтобы его достичь. Я не без опасения, что последние дни этого Конгресса иссякнут без каких-либо действий по этому вопросу. Даже если законопроект будет принят, вполне вероятно, что все дебаты по нему будут подавлены этим суверенным глушителем — предыдущим вопросом. Поэтому я пользуюсь настоящей возможностью, поскольку это, вероятно, единственная возможность, которая у меня будет в ходе нынешней сессии, чтобы высказать свое мнение по этому поводу.

С самого начала я откровенно признаю, что законопроект предусматривает только часть зла, устранение которого, как мне кажется, является не только объектом разумного желания, но и праведного и законного требования. Законопроект предлагает отменить не рабство, а только работорговлю в округе Колумбия. Мой аргумент покажет, что в пределах этого Округа рабство не должно существовать фактически и не существует по закону.

Сэр, прежде всего, давайте выясним, как обстоят дела в этом Районе по данному вопросу. Джентльмен из Индианы [мистер Р. У. Томпсон], который обратился к нам несколько дней назад, использовал следующий язык:

“Что такое работорговля в округе Колумбия? Я много слышал о "загонах для рабов" — о рабынях, продаваемых с аукциона, — и о том, как мать отрывают от ребенка, а мужа - от жены. Эти вещи могут существовать здесь, но я о них не знаю. С тех пор как у меня вошло в привычку посещать этот Район, — а это с моего детства, — я никогда не видел, чтобы здесь продавали негров, - я никогда не видел банду негров, увезенных работорговцем. Я не помню, чтобы я когда-либо видел самого работорговца. Я ничего не знаю о "загоне для рабов", о котором так много говорят.

Однако это может быть здесь, и подобные вещи могут происходить каждый день на глазах джентльменов, которые решат поохотиться за ними; но что касается меня, то я не испытываю вкуса к подобным вещам ”.

Итак, сэр, если джентльмен хочет сказать, что он лично ничего не знает о “загонах для рабов” и о торговле рабами в этом Районе, это одно; но если он хочет отрицать или поставить под сомнение существование самой торговли или притонов, где сосредоточены ее беззакония, составляющие повседневное занятие людей, это совсем другое дело. Сэр, с западного фасада этого Капитолия, с площади, которая выходит из вашей библиотеки конгресса, когда вы окидываете взглядом горизонт и бросающиеся в глаза объекты ландшафта — Особняк президента, Смитсоновский институт и место установки Памятника Вашингтону, вы не можете не увидеть ужасные и черные вместилища, в которых людей загоняют, как скот, и содержат, как скот, чтобы их можно было продать, как скот, — так же строго и буквально, как держат и продают быков и свиней в Smithfield shambles в Лондоне или в The Washington Monument. ярмарка крупного рогатого скота в Брайтоне. В сообщении, сделанном во время последнего заседания мэром этого города почетному члену этой Палаты, он признает существование здесь загонов для рабов. Вверх и вниз по красивой реке, протекающей вдоль западной окраины Округа, приходят и уходят работоторговцы, неся свой груз человеческих душ для продажи на этой рыночной площади; и после того, как они переходят из рук в руки, в зависимости от форм торговли, их перевозят обратно: отец семейства отправляется, возможно, на рисовые поля Южной Каролины, мать - на хлопковые поля Алабамы, а детей разбрасывают по сахарным плантациям Луизианы или Техаса.

Сэр, общеизвестно, что работоторговцы этого округа размещают объявления о поиске рабов в газетах соседних округов Мэриленда для доставки в любых количествах в их загоны для рабов в этом городе; и что у них есть агенты в городе и за его пределами, которые занимаются поставкой жертв для их разборок. С тех пор как джентльмен из Индианы был избран в этот Конгресс, и, я полагаю, с тех пор, как он занял свое место в этом Конгрессе, в этот город прибыла одна колонна из примерно шестидесяти рабов, закованных в цепи и ведомых, и примерно в то же время еще одна колонна из ста. Здесь они пробыли короткое время, затем были проданы и отправились в обратный путь на юг ингульфинга.

Сэр, все это делается здесь на наших собственных глазах и в пределах слышимости наших собственных ушей. Все это делается сейчас, и это делалось в течение пятидесяти лет, — с тех пор, как в этом месте была создана резиденция национального правительства, и с тех пор, как Конгресс, в соответствии с конституцией, осуществляет над ним “исключительное законодательство”. Но джентльмен из Индианы, хотя и привык посещать этот район с детства, “никогда не видел, чтобы здесь продавали негров”; он “никогда не видел группу негров, увезенных работоторговцем”; он не помнит, “чтобы видел самого работоторговца”; он “ничего не знает о “загоне для рабов”, о котором так много говорят”. Сэр, глаз видит не меньше от внутреннего, чем от внешнего света. Глаз видит то, что разум склонен распознавать. Изображение на сетчатке - ничто, если нет внутреннего чувства, позволяющего его различить. Художник видит красоту; философ видит причинно-следственную связь; доброжелательный человек улавливает малейший оттенок печали; но бесчувственное сердце может пробираться сквозь слезы и не видеть плача, и может жить среди стонов страдания, и воздух не будет проводником звука. Я знаю правдивый анекдот об американском джентльмене, который прогуливался по улицам Лондона с британским аристократом; и поскольку на каждом шагу его

осаждали убогие попрошайки, американец в конце экскурсии заявил, что они устроили драку между нищими. - Каких нищих? - спросил его светлость. - *Я не видел ни одного.*

Но джентльмен из Индианы говорит: “Что касается меня, то у меня нет вкуса к подобным вещам”. Его вкус объясняет его видение. Предположим, что Уилберфорс и Кларксон не испытывали “вкуса” к подавлению ужасов африканской работорговли. Предположим, что Говард и миссис Фрай, похоже, не испытывал “вкуса” к раскрытию мерзостей тюрьмы и к тому, чтобы давать заключенным облегчение. Предположим, что у мисс Дикс не было “вкуса” нести душевнобольным утешение и излечение. Предположим, что аббат Л'Эпе не имел “вкуса” к обучению глухонемых; или аббат Оуи к обучению слепых; или мсье Сеген и другие к обучению идиотов и воспитанию послушания, порядочности и любви к порядку из тех почти незаметных зародышей разума и здравомыслия, которые едва отличают их от животных! Предположите все это, и в каком ином состоянии были бы благотворительность и страдания мира! У Ирода не было “вкуса” к тому, чтобы щадить жизни детей Вифлеема и всех его окрестностей; и, несомненно, он мог бы сказать со всей правдой, что никогда не слышал в Раме голоса плача и великой скорби; и не видел среди всех матерей Сирии ни одной Рахили, оплакивающей своих детей и отказывающейся получить утешение, потому что их не было. Но, сэр, точно по мере того, как свет цивилизации и христианства озарит мир, будут найдены люди, у которых появится “вкус” к оказанию помощи страждущим и исправлению обиженных. Это было самым ярким доказательством миссии Великого Учителя, что у него был “вкус” к тому, чтобы творить добро.

За последние пятьдесят лет, и особенно за последнюю половину этих пятидесяти лет, мир добился больших успехов в реализации принципов свободы. Права человека были признаны, и их практическое осуществление, в некоторой степени, обеспечено. В Европе нет ни одного правительства, даже самого железного и деспотичного из всех, которое не участвовало бы в улучшениях, характерных для нынешнего века. Палата общин Великобритании отняла у британской знати список благородных прав. Во Франции и Италии произошли революции. Даже папа Римский, чья власть казалась такой же вечной, как холмы, на которых он восседал, пал под ударом. Пруссия и все германские державы, за исключением Австрии, были наполовину революционизированы; и даже ледяные деспотизмы Австрии и России вынуждены смягчиться перед теми центральными огнями свободы, которые вечно горят в сердце человека, как центральные огни земли вечно горят в ее сердцевине. Великобритания отменила африканское рабство во всех своих королевствах. Франция заявила, что любое лицо, которое добровольно станет владельцем раба или добровольно продолжит оставаться владельцем раба, переданного ему по завещанию или наследству, перестает быть гражданином Франции. Дания отменила рабство везде, где оно существовало в ее владениях. Тунисский бей, действуя в свете магометанской религии, отменил его. Персидские священники заявляют, что это предание пришло от самого Магомета, “что худший из людей - это продавец людей”. Не только все цивилизованные нации, но и получивилизованные, полуварварские действуют под руководством более ясного света и высших мотивов наших дней. Но есть одно бросающееся в глаза исключение; есть одно правительство, которое закрывает глаза на этот растущий свет; которое сопротивляется убеждению в этих облагораживающих мотивах; которое в великой теме человеческой свободы и прав человека остается неподвижным и даже отступает назад, в то время как весь мир вокруг развивается; спит, в то время как все остальные пробуждаются; любит свою темноту, в то время как все остальные стремятся и возносятся к более чистому воздуху и более светлому небу. Это правительство тоже самое хвастливое и тщеславное, славящееся своей свободой; и если уж говорить унижительную правду, то это наше собственное

правительство. Что касается рабства и работорговли в этом Округе, где мы обладаем исключительной законодательной властью, мы стоим там же, где стояли пятьдесят лет назад. Не было принято ни одного улучшающего закона. На практике мы находимся там, где были тогда; в духе есть доказательства того, что мы отклонились назад.

В настоящее время на поверхности земного шара есть два заметных места, — места, которые привлекают взоры всего цивилизованного мира, - куда мужчин и женщин привозят с больших расстояний для продажи, и откуда их везут на большие расстояния, чтобы они претерпели самые тяжелые обиды, какие только может вынести человеческая природа. Одно из таких мест - побережье Африки, которое является одним из самых языческих и погруженных во мрак регионов земли; другое - округ Колумбия, столица и резиденция правительства Соединенных Штатов.

Еще в 1808 году Конгресс сделал все возможное, чтобы отменить работорговлю на побережье Африки. В 1820 году он объявил иностранную работорговлю пиратством; но 31 января 1849 года в Палату представителей был внесен законопроект об отмене внутренней работорговли в этом округе, — здесь, в центре и сердцевине нации, — и семьдесят два представителя проголосовали против него, проголосовали за то, чтобы положить его на стол, где, как мы все знаем, он будет спать сном без сновидений. Это было в Палате представителей. Хорошо известно, что Сенат все еще более сопротивляется прогрессу, чем Палата представителей; и многие придерживаются мнения, что, даже если законопроект пройдет и Палату, и Сенат, на него наложат вето Исполнительной власти. По решению Конгресса город Вашингтон является столицей Американского Конго.

Но есть еще более унижительный контраст, чем этот, который мы представляем всему цивилизованному миру. Те самые рабы, на которых мы наступали, возвысились над нами, и их моральное превосходство делает наше поведение позорным. Не только европейцы, не только арабы и турки избавляются от бесчеловечности и чудовищности работорговли; но даже наши собственные рабы, переселенные на землю своих отцов, возводят барьеры против распространения этой отвратительной торговли. На берегах Африки возникает республика, жители которой были переселены из этого Египта рабства. А теперь взгляните на правительство, которое установили эти рабы и потомки рабов, и сравните его с нашим собственным. Они отвергают институт рабства, в то время как мы им дорожим. Гораздо большая часть их детей, чем белых детей рабовладельческих штатов этого Союза, ходят в школу. В метрополии их страны их флаг не защищает работорговлю и не развешивается над невольничьим рынком. О, Боже, если бы прямо противоположное не относилось к нам! Их законы наказывают товары, созданные людьми; наши законы одобряют и поощряют это. Они возвели и возводят укрепления и военные посты вдоль берегов Атлантики на протяжении семисот миль, чтобы помешать пиратам вторгаться во владения их соседей и похищать людей, которые для них являются иностранными государствами. Мы открываем рынки здесь, в центре страны, куда с семисот миль побережья могут приезжать продавцы продавать, а покупатели - покупать, и откуда рабов везут почти так же далеко от их родины, как Африка от Америки. Губернатор Либерии недавно совершил поездку в Англию и Францию и заключил с ними договоры о дружбе и торговле; и он получил от них военно-морские силы, чтобы положить конец этой торговле людьми. В то же время мы предоставляем гарантии для того же трафика. Вирджиния и Мэриленд для работорговли - то же самое, чем когда-то были внутренние районы Африки. Потомак и Чесапик - это Американский Нигер и Бенинский залив; в то время как этот район

является великим правительственным барракуном, откуда коффы перегоняют через всю страну в Алабаму или Техас, как когда-то корабли с невольниками перевозили свой ужасный груз страданий и горя через Атлантику. Итак, та самая раса, которая была сначала похищена, привезена в эту страну, лишена всех прав, данных им Богом, и содержалась в рабстве в течение многих поколений, наконец, после искупления или восстановления своей естественной свободы каким-либо другим способом, пересекла океан, установила для себя правительство и теперь подает нам пример, который должен заставить наши щеки покрыться волдырями от стыда.

Сэр, здесь и в других местах часто выдвигается идея, направленная против любого ограничения рабства или любого улучшения условий рабства, которую я хотел бы рассмотреть. На днях это было гнусно и подчеркнуто выдвинуто джентльменом из Пенсильвании [мистером Чарльзом Брауном]. Идея заключается в том, что рабы в этой стране находятся в лучшем состоянии, чем они были бы дома. Утверждается, что среди нас они находятся под некоторым цивилизующим и очеловечивающим влиянием, которого они не почувствовали бы на земле своих отцов.

Давайте сначала рассмотрим философию этого понятия, а затем его мораль. Все те, кто использует этот аргумент как защиту или смягчение зла рабства, или как *конечную причину* его существования, *предполагают*, что если бы нынешние три миллиона рабов, которые сейчас затемняют наш южный горизонт и наполняют воздух своими стонами, не были здесь в их нынешнем состоянии рабства, они были бы в Африке, в состоянии язычества. Теперь малейшее размышление показывает, что это предположение не имеет под собой никаких оснований. Ни один из них не существовал бы сейчас, если бы их предки не были привезены в эту страну. И, согласно законам народонаселения, действующим среди варварских народов, в Африке сейчас столько же жителей — язычников, каннибалов или кого вам угодно, — сколько было бы, если бы грабитель никогда не вторгнулся в их дом, не насиловал и не уводил их в рабство. У диких народов или кочевых племен численность населения равна средствам существования. Отнимите два, три или четыре процента. потребителей, и вакуум немедленно заполнится. Население поддерживает уровень производства. Среди таких людей всегда есть тенденция увеличиваться быстрее, чем увеличиваются средства к существованию. Уберите часть из них, и эта тенденция к увеличению вступает в силу своей собственной энергией — она реализуется сама по себе. Это подобно луку, который разгибается, или пружине, которая раскручивается, как только снимается внешнее давление. Запрудите фонтан, и вес накапливающихся слоев в конечном итоге остановит отток воды из источника. Итак, это дикое население. Из них мальтузианская теория верна.

И насколько бесконечно абсурдно и нелепо утверждение, что рабам здесь лучше, “чем ОНИ были бы в Африке”! Выйди на улицы этого города и возьми первого встречного, возможно, это мулат. Если бы не то, что он был здесь, он был бы мулатом посреди Африки, не так ли? Возьмите их всех — мулатов, метисов, замбо и все “огромное разнообразие людей”, что касается цвета кожи, — и если бы они не существовали здесь, они бы жили в Африке! Такова доктрина. Носили бы они те же американские имена? Говорили бы они на том же языке и носили бы хлопок, выращенный на тех же полях? Последнее так же несомненно, как и первое. Все это еще глупее, чем сетования глупых девочек, которые горевали из-за того, что их мать не вышла замуж за некоего богатого поклонника, чьи ухаживания в молодости она отвергала; ибо тогда, говорили они, какими богатыми *мы* должны были бы быть! Нет, ни один из этих трех миллионов мужчин, женщин и детей не существовал бы в Африке. Все преступления, связанные с их похищением;

все ужасы среднего коридора; все их страдания на протяжении двух столетий или шести поколений; и все бедствия, которым еще предстоит вырасти из их состояния, — все эти преступления и агонии являются беспричинными преступлениями и агонией. Для них нет никакой компенсации или смягчения. Они были без необходимости и безжалостно добавлены к количеству человеческой вины и страданий, за которые белая раса должна ответить в день отчета. Таким образом, идея отправки рабов обратно в *их* страну является вопиющей ошибкой. Если бы их нужно было отправить *обратно* туда, откуда они пришли, то не в Африку, а в небытие.

Если бы предки нынешних трех миллионов рабов никогда не были привезены сюда, — если бы их потомки никогда не размножились здесь, из-за предполагаемой ценности их услуг, их места были бы заняты белыми рабочими, — мужчинами кавказской расы, — свободными людьми. Вместо трех миллионов рабов всех цветов кожи у нас, несомненно, теперь должно быть по меньшей мере три миллиона белых, свободнорожденных граждан, что способствует реальному процветанию страны и могуществу Республики. Если бы у южан не было рабов, которые выполняли бы за них их работу, они стали бы такими же изобретательными, как север, и поставили бы себе на службу огромные силы природы — ветер, и огонь, и воду, и пар, и молнию, могучие энергии тяготения и тонкие силы химии. Возможно, в стране не было бы такой безвкусной и показной цивилизации, как сейчас, но она была бы бесконечно более чистой и здоровой.

Но признайте предполагаемое утверждение, каким бы абсурдным и ложным оно ни было; признайте, что эти три миллиона рабов принадлежали бы Африке, если бы они не принадлежали Америке, — что они родились бы там от тех же отцов и матерей, что и здесь, так что те из них, кто являются американскими мулатами, были бы мулатками Эфиопии; и признайте, далее, что их нынешнее состояние лучше, чем предполагаемое альтернативное состояние, — и что тогда? Выполнен ли ваш долг? Достаточно ли того, что вы немного улучшили положение человека или расы или улучшили хоть немного, если вы не сделали это настолько, насколько могли? Какой стандарт морали предлагают себе джентльмены? Если ближний страдает от сотни болезней, и мы можем избавить его от них всех, то какого рода благожелательность та, которая хвастается избавлением его от одной и позволяет ему страдать от остальных девяноста девяти? По закону природы и Бога раб, как и любой другой человек, имеет право “на жизнь, свободу и стремление к счастью”; он имеет право на свой заработок, — на удовлетворение своих общественных привязанностей, — на развитие своих интеллектуальных и моральных способностей, — на то культивирование своей религиозной натуры, которое позволит ему не просто чувствовать, но рассуждать о праведности, воздержании и грядущем суде; — он имеет право на все эти права, которых он был жестоко лишен; и когда он улавливает слабый проблеск некоторых из них. от них мы отказываемся от остального, защищаем себя и гордимся тем, что ему живется лучше, чем было бы в какой-то другой стране или в каких-то других условиях. Предположим, самарянин перевязал одну-единственную рану или облегчил одну-единственную боль истекающего кровью путника, попавшего в лапы воров, а затем зашел в соседнюю гостиницу и похвастался своей благосклонностью. Он бы только показал разницу между “добрым самаритянином” и “фанатичным самаритянином”. Сами воры могли бы сделать то же самое.

Но есть еще один вопрос, на который поборники рабства должны ответить перед миром и перед Небесами. Если американские рабы живут лучше, чем коренные африканцы, кого следует

благодарить за это? Улучшилось ли их состояние в результате какого-либо целенаправленного плана, какой-либо хорошо усвоенной, систематизированной меры, тщательно продуманной и аргументированной и направленной на их благо? Вовсе нет. Во всех сводах законов юга и законодательных актах нет и следа какой-либо подобной схемы. Законы, судебные решения, труды политэкономистов — все они рассматривают раба как вещь, на которой можно делать деньги. Сельскохозяйственные общества присуждают награды за лучший урожай. Общества конных жокеев улучшают быстроту породы для занятий спортом на траве. Даже у собак есть профессиональные тренеры. Но ничего не делается для того, чтобы выявить те мужские качества, которые скрыты в рабе. Просмотрите свод законов юга и посмотрите, какие драконовские наказания налагаются за обучение раба чтению, — посмотрите, как его бьют плетью за то, что он посещает собрание, чтобы услышать Слово Божье. На каждой большой дороге его подстерегают патрули, чтобы наказать плетью, если он попытается навестить отца, мать, жену, ребенка или друга на соседней плантации. Днем и ночью, в любое время и где бы то ни было, он является жертвой энергичной и всеобъемлющей системы мер, которые притупляют его чувства, парализуют его разум, унижают и ожесточают его природу и подавляют инстинктивную работу правды, великодушия и мужественности в его груди. Все хорошее, что достигает его, достигает вопреки этим лишениям и ограничениям. Если какой-то свет проникает в его душу, то это потому, что человеческое искусство не может соткать облако, достаточно плотное и темное, чтобы быть полностью непроницаемым для него. Есть некоторые благословения, которые благодать Божья дарует, несмотря на человеческие усилия перехватить их. Только они достигают раба. И после того, как были воздвигнуты все барьеры, препятствующие доступу к совершенствованию; после того, как невежество запечатало его чувства и более чем наполовину уничтожило его способности из-за пренебрежения и извращений, угнетатель поворачивается, и поскольку из самого плачевного его положения вытекают некоторые мизерные, случайные выгоды, он оправдывает себя перед миром и требует одобрения Небес, потому что раба здесь лучше, чем ему было бы в Африке. Сэр, подобный аргумент оскорбляет Небеса. Я считаю, что он настолько же хуже атеизма, насколько христианство лучше. И когда такой аргумент исходит от джентльмена, принадлежащего к свободному штату; когда он исходит от джентльмена из Пенсильвании, [мистера Брауна], от представителя города Уильяма Пенна; когда он без мотива, без побуждения предлагает дьяволу такую награду, я могу объяснить это только принципом человека, который, испытывая острое пристрастие к мясу свиньи, сказал, что хотел бы быть евреем, чтобы иметь удовольствие есть свинину и совершать грех одновременно.

Но эта тема представляет собой еще более болезненный аспект. Как делают рабов лучше и по каким мотивам их делают лучше в этой стране? То, что я собираюсь рассказать, ни для кого не секрет. Есть определенные добродетели и святости, которые увеличивают денежную стоимость определенных рабов; и есть определенные пороки и принижения, которые повышают рыночную цену других. Если господин желает обрести личное доверие к своему рабу, он желает, чтобы тот был честен и верен истине. Но если он желает использовать его, чтобы обманывать, задабривать и жульничать, тогда он хочет сделать его хитрым, изощренным и лживым. Если хозяин учит раба заботиться о своих собственных детях или о своих любимых животных, то он хочет, чтобы тот был добрым; но если он готовит его для выполнения заданий или полевого надсмотрщика, то он хочет, чтобы он был суровым. Так вот, именно таким образом некоторые из христианских качеств характера, будучи непосредственно конвертируемыми в деньги или денежную ценность, повышают ценность раба. Следовательно, в рекламе

говорится, что раб благочестив, а на аукционе ожесточенный и бессердечный продавец рассуждает о христианских достоинствах и религиозном характере некоторых рабов с помазанием апостола. Покупатель выражает сочувствие и всего лишь желает знать, принадлежит ли изделие настоящему христианину или мнимому. Если простые кости и мускулы, спрессованные в человеческую форму, стоят пятьсот долларов, то, если аукционист может гарантировать, что предмет обладает кротостью Моисея и терпением Иова, тот же предмет может стоить семьсот. Если раб простит обиды, не просто семьдесят раз по семь, но обиды, нанесенные на протяжении всей его жизни, то за него могут предложить еще сто. Если он обладает всеми атрибутами религии и благочестия, выносливостью героя, постоянством святого, твердостью мученика, доверчивостью ученика, — всеми, кроме тех, которые позволяют ему чувствовать себя мужчиной и считать себя мужчиной, — тогда то, что в виде простых костей и мускулов стоило пятьсот долларов, теперь стоит тысячу. Сэр, разве это не продажа Святого Духа? Разве это не превращение Спасителя в товар? Разве это не тот случай, когда Иуда снова продал своего Учителя, за важным исключением раскаяния, которое заставило первоначального виновника пойти и повеситься? Но предположим, что речь идет о женщине; предположим, что ее трудоспособность и способность к производству стоят пятьсот долларов; предположим, вдобавок к этому, она молода, энергична и чувственна; предположим, что неоднократное вливание саксонской крови почти смыло смуглость с ее кожи; и предположим, что она не прочь отдаться в объятия распутника; тогда тоже то, что раньше стоило всего пятьсот долларов, теперь принесет две тысячи. И таким образом, как адские, так и небесные качества превращаются в деньги в соответствии с требованиями рынка и потребностями покупателя.

Так вот, только таким случайным образом и в отношении некоторых людей можно сказать, что их положение здесь лучше, чем было бы в Африке. И это улучшение, там, где оно существует, не является результатом какой-либо системы мер, разработанных для их блага, но является продуктом эгоистичных мотивов, превращающих благочестие в выгоду; и там, где больше выгоды или большего удовлетворения можно получить за счет унижения, безбожия, осквернения раба, там инстинкты целомудрия, святость брачных отношений, святость материнской любви — все это оскверняется, чтобы придать безопасность и пикантность преступным удовольствиям чувственников и развратниц. Есть отдельные исключения из того, что я сказал, — исключения, которые среди окружающего беззакония сияют, “как драгоценный камень в ухе эфиопа”, но это исключения. Законы, институты и преобладающие общественные настроения таковы, как я уже описал.

Поэтому я считаю аргумент джентльмена из Пенсильвании [мистера Брауна] не только совершенно необоснованным и ложным в своих послылках, но и кощунственным в своих выводах. Обычное богохульство редко выходит за рамки восклицания. Это какой-то пламенный порыв нечестивой страсти, который вспыхивает и гаснет. Но джентльмен хладнокровно рассуждает об этом. Это аргументированное богохульство, заимствование форм логики, которые, как может показаться, обладают своей силой, и перенос ее со страстей на интеллект, чтобы придать ей постоянства.

Но джентльмен из Пенсильвании возражает против Массачусетса и ссылается на определенные моменты в ее истории, которые, по его мнению, порочат ее репутацию. В этом за ним последовал джентльмен из Вирджинии [мистер Бединджер], который обрушил поток оскорблений на мой родной штат и который попытался подкрепить свои собственные невозддержанные обвинения брошюрой в защиту рабства, которая была в изобилии разбросана

по этому Дому в течение нескольких дней назад и которая не просто полна лжи, но и состоит из лжи; так что, если бы кто-то извлек из нее ложные утверждения и ложные аргументы, не осталось бы ничего, кроме обложек.^[5] Сэр, я очень далек от того, чтобы приписывать Массачусетсу все достоинства, которыми она должна обладать. Я скорблю о ее ошибках и скорее умру, чтобы исправиться, чем потрачу хоть один вздох на их защиту. Ни для чьих ушей перечисление ее проступков не может быть более печальным, чем для моих собственных. Но для штата, как и для отдельного человека, покаяние является первым шагом к исправлению. Массачусетс совершал ошибки; но когда они были признаны ошибками, она отбросила их. Когда-то она держала рабов, но когда увидела, что рабство противоречит правам человека и закону Божьему, она освободила их. Она была первым правительством в цивилизованном мире — во всем мире, древнем или современном, — отменившим рабство везде, где у нее была на это власть. Это честь, которую ни один соперник никогда не сможет отнять у нее. Когда—то, - говорю я это с унижением, — она занималась работоторговлей. Но все золото, которое можно было заработать на проклятой торговле, хотя и было потрачено на роскошь и соблазны гостеприимства, не могло спасти самого торговца от позора и презрения; и я уверен, что прав, говоря, что работоторговля перестала вестись массачусетскими торговцами и осуществляться на кораблях Массачусетса, из портов Массачусетса, прежде чем она была оставлена торговцами и прекращена на кораблях и из портов любого другого торгового государства или нации в мире. Это тоже честь, которую она будет носить одна на протяжении всего бессмертия веков. Но в Массачусетсе, до сих пор говорят, есть свои идолопоклонники Маммоны в других формах. Ее обвиняют в том, что многие из ее детей все еще погрязают в невоздержанности; что ее спиритуализм неистовствует в религиозных причудах; и что что-то от старой закваски преследований все еще цепляется за ее сердце. Отстаивая то, что правильно, я не буду защищать то, что неправильно. Я не могу отрицать, — молю Бога, чтобы я мог, — что среди нас все еще есть пороки и порочные люди. Там, как и везде, есть те, кто, если бы они впервые услышали о Реке Жизни, быстро текущей у престола Божьего, инстинктивно спросили бы, есть ли на ней хорошие места для мельниц. Там, как и везде, есть те, чьи высшие устремления к небесам и счастью, будь то в этой жизни или в другой, - это винокурня и сахарная фабрика с паровыми машинами для смешивания продуктов. Там, как и везде, есть религиозные деятели, которые быстро подражают Спасителю, когда он наносит удары, но презирают его пример, когда он исцеляет.

Но, сэр, позвольте мне сказать это от имени Массачусетса, что какие бы грехи она ни совершила в прежние времена, — каких бы инакомыслящих она ни преследовала, или ведьм, которых она вешала, или африканцев, которых она крала и продавала, — она уже давно отказалась от этих преступлений и приносит плоды, достойные покаяния. И разве государство не должно пользоваться сроком давности? Должно ли преступление, совершенное предками, навсегда вменяться их потомкам? Это хуже, чем непощение; это делает наказание наследственным. Сэр, в этих преступлениях Массачусетс раскаялся и исправился; и она дает это благороднейшее из искуплений, которое состоит в исправлении причиненного зла; и если жертва зла сама скончалась и ей уже нечем помочь, то в уплате с большими процентами долга человечеству, который специальный кредитор больше не может получить, путем поиска предметов нужды и страданий, где бы они ни находились. Сэр, наши обвинители бессознательно оказывают нам высочайшую честь, когда в своем рвении очернить нас они ищут исторических упреков. Если бы они могли найти нынешние проступки, в которых можно было бы упрекнуть нас, они не стали бы эксгумировать прошлое. Но они осуждают себя, ибо

показывают, что даже воскрешение ошибок умерших доставляет им больше удовольствия, чем созерцание добродетелей живых. Одно можно сказать наверняка: в тот момент, когда другие государства последуют нашему нынешнему примеру, они перестанут осуждать нас за наши прошлые преступления. Сочувствие, вызванное общим желанием совершенствоваться, уничтожит удовольствие от криминализации.

И где, спрашиваю я, на поверхности земли есть население численностью всего в восемьсот тысяч человек, которые так искренне стремятся и так много делают для продвижения дела человечества и цивилизации, как это делают жители Массачусетса? Где еще, где разрешено всеобщее избирательное право, те самые люди, которые должны его платить, ежегодно выделяют миллион долларов на государственное бесплатное образование каждого ребенка в штате?

Где еще, при таком ограниченном населении, еще один миллион долларов добровольно выделяется и выплачивается каждый год только на зарплату священнослужителям? Где еще, где население так мало, а природные ресурсы так скудны, еще один миллион долларов ежегодно жертвуется на благотворительность? — большая часть которых направляется за пределы их собственных границ, поступает в каждый штат Союза и не оставляет ни одной нации на земном шаре, ни одного острова в море, не орошенного ее оплодотворяющими потоками. Загляните в свод законов Массачусетса за последние двадцать лет, и вы увидите, как весь ход его законодательства направлен на улучшение человека — на борьбу с болезнью или излечение от нее, на восполнение природных лишений, на исправление порочных, на всеобщее возвышение, — на всеобъемлющность сферы охвата, охватывающей каждого человека, и энергию действия, которая следует за каждым человеком с благословением в его доме. Когда другие откажутся от своих проступков, пусть память о них будет стерта.

Но, сэр, я считаю уместным сослаться на тот факт, что в ходе нынешней сессии Конгресса у меня были и другие доказательства того же духа криминализации и клеветы, который был так полно развит в речах джентльмена из Пенсильвании [мистера Брауна] и джентльмена из Вирджинии [мистера Бединджера]. Через почтовое отделение Палаты представителей я регулярно получаю анонимные письма, состоящие в основном из небольших листов, вырезанных из газет, печатавшихся на севере, с описанием какого-либо случая убийства, самоубийства, ограбления или другого правонарушения. Они были составлены под заголовками разных штатов — Огайо, Пенсильвании, Нью-Йорка, Коннектикута и других и сопровождалась на полях грубыми рисунками школьного учебника или школьного здания, и все они относились к обычным школам, как к их источнику. Только два из всего собранного таким образом числа были родом из Массачусетса, и один из них был случаем самоубийства, совершенного мужчиной, который сошел с ума из-за потери своей жены. Какое из этих событий, по мнению моего анонимного корреспондента, составляло преступление, — тяжелая ли утрата, вызвавшая безумие, или самоубийство, совершенное в одном из его пароксизмов, — я не могу сказать. Теперь, я не могу себе представить, какое удовлетворение мог бы получить даже плохой человек, относя преступления против закона и морали к учреждению государственных школ, когда он должен был знать, что само существование преступлений только доказывает, что образование еще не выполнило свою работу в совершенстве. И какая злоба против образовательной организации, которую я когда-то занимал, или против учреждения, достойного всяческих почестей, могла быть настолько низкой и ничтожной, чтобы получать удовольствие, отсылая меня к длинным спискам правонарушений, только одно из

которых было совершено в моем родном штате, я должен предоставить другим строить догадки. Несомненно, автор этих писем, должно быть, мало знал об Обычных школах и извлек из них так же мало пользы, как и из своих знаний. Если бы он упомянул сколько-нибудь значительное количество преступлений, совершенных в Массачусетсе, я бы забрал его письма домой и принес их в наши государственные школы, и сделал бы из них текст для проповеди, в которой я бы предупредил детей остерегаться всех преступлений, и особенно подлости и порочности, которые находят удовлетворение в преступлениях других или могут приписать им ложное отцовство. И, сэр, я был бы уверен в ответе; ибо из этих школ выходит более благородная группа молодых мужчин и женщин, чем когда-либо прежде, наделенных умом, добродетелью, утонченностью и известностью любого народа или сообщества на земном шаре.

Но что бы ни говорилось о смягчении или осуждении рабства в других странах, существуют особые причины, по которым оно должно быть прекращено в этом Округе. Этот округ является общим достоянием нации. Имея над ним исключительную законодательную власть, мы все несем ответственность за существующие в нем институты. Следовательно, хотя в нем существуют рабы, север можно обвинить в том, что они поддерживают рабство. Это несправедливо по отношению к нам, потому что ставит нас перед миром в позицию поддержки того, что мы осуждаем. Это ранит наши моральные и религиозные чувства, потому что мы считаем этот институт жестоким по отношению к людям и греховным в глазах Небес; и все же мы, по-видимому, созданы для того, чтобы санкционировать его. Это похоже на тот вид несправедливости, когда человека заставляют налогом поддерживать религию, в которую он не верит, и платить иерархии, которую его совесть заставляет его осуждать. Но существование рабства здесь не является необходимым для веры или практики наших южных братьев. Если они верят, что это полезный и оправданный институт, то они демонстрируют искренность этой веры, поддерживая и увековечивая ее у себя дома. Для этой цели нет необходимости в крестовом походе, чтобы распространять его или поддерживать где-либо еще.

Взгляните на наше отношение к этому с другой стороны. С самого раннего детства меня учили, что “все люди созданы равными”. Это стало для меня не просто убеждением разума, но чувством сердца. Эта максима является моим принципом действия всякий раз, когда меня призывают действовать; и она спонтанно возникает у меня в голове, когда я размышляю о человеческом долге. Самым очевидным следствием доктрины естественного равенства людей является то, что когда я вижу человека или группу людей, которые не равны мне по возможностям, дарованиям, средствам совершенствования или по мотивам и побуждениям к возвышенному характеру и образцовой жизни, — я говорю, что самым очевидным следствием является то, что я должен желать возвысить этих людей до равенства со мной. Как бы далеко моя собственная жизнь ни опускалась ниже стандартов христианства и джентльменства, все же я считаю ясным, что ни один человек не является христианином или джентльменом, который не придерживается привычного образа мыслей, который побуждает его, насколько у него есть для этого средства, наставлять всех невежественных, облегчать все лишения, облегчать все страдания и восполнять все недостатки тех, с кем он встречается в повседневной жизни; и, поскольку он человек, обладающий влиянием, авторитетом или осуществляющий законодательную власть, он не является христианином. обязан использовать свои дары и свои привилегии для улучшения положения своих собратьев. Это самый низкий стандарт долга, который любой человек, стремящийся быть христианином или джентльменом, может установить для своего руководства. Теперь возьмем случай с человеком с севера, который включил эти взгляды или любое подобие этих взглядов в свой характер и которому довелось

посетить этот Район. Предположим, что его изберут и направят сюда в качестве члена Конгресса, или назначат на должность в каком-нибудь департаменте, или посетят этот город по общественным делам, или приедут сюда из любопытства; какое зрелище представится ему, когда он впервые ступит ногой в это общее достояние нации, — когда он впервые войдет в этот дом, где проживает и руководит глава нации? Сэр, когда он впервые выходит из вагонов, которые доставляют его в ваши пределы и под вашу юрисдикцию, он видит деградировавшую касту — расу людей, которых Бог наделил способностями к интеллекту, но которых человек лишил возможности развивать эти способности, убогих в своей одежде, выдающих невежество каждым произносимым ими словом, некультурных в своих манерах и вкусах, заискивающих перед одолжением, вместо того, чтобы стоять прямо, как люди, сознающие свои права; или, если они переросли раболепные и льстивые привычки, то они могут быть убиты. заблуждаясь на стороне дерзости и наглости так же сильно, как раньше они заблуждались на стороне раболепия. Он возвращается к себе домой, и там тоже все его моральные чувства потрясены и оскорблены, когда он видит класс мужчин и женщин, безнадежно деградировавших, отрезанных законом и обычаем от всякой возможности выйти из своего унижения; которых никакой талант, вкус или добродетель никогда не смогут вернуть к удовольствиям и правам социального общения. Он видит мужчин и женщин, которые унижаются не из—за выполняемых ими услуг, — ибо “честь и стыд не возникают ни от каких условий”, — а унижаются из-за мотивов и духа, с которыми эти услуги выполняются; мужчин и женщин, у которых нет стимулов к трудолюбию и бережливости, поскольку все их заработки будут захвачены другими; у которых нет стимулов к самоуважению, поскольку они никогда не смогут выйти из своего рабского положения; которые лишены всех чудес и славы знания, чтобы при его расширении их природа не разрушила рабство, которое порабощает их; и все чьи мужские качества, все чьи высшие способности, следовательно, безвозвратно и безнадежно подавлены, погашены, уничтожены, так что не остается ничего, кроме животного, которое хозяин может использовать в своих эгоистичных целях.

Мистер Бродхед, [из Пенсильвании.] Хотели бы вы обеспечить рабам равные социальные и политические условия с белой расой?

Мистер Манн. Я бы дал каждому человеку наилучшую возможность, какую только мог, развивать способности, которыми Бог наделил его и которыми, следовательно, он обладает в соответствии с божественным уставом. Я бы снял с его шеи каблук, который его попирал; я бы развеял из его разума облако, окутавшее его моральной тьмой; я бы устранил препятствия, которые мешали его душе устремляться; и, сделав это, я бы оставил его, как оставил бы любого другого человека, найти свой уровень — занять положение, на которое он должен иметь право благодаря своему уму и своим добродетелям. Я не испытываю никаких опасений по поводу столь страшной темы объединения. Законное слияние рас никогда не произойдет, если только в изменившихся условиях общества не появятся причины, оправдывающие и санкционирующие его; и в этом случае оно будет иметь свое собственное оправдание. Но одного я никогда не мог понять: почему те, кого так ужасает идея *теоретического* объединения, должны демонстрировать миру во всех своих городах, на всех своих плантациях и во всех своих семьях такие бесчисленные доказательства *практического* объединения. Я никогда не мог понять, почему те, кто так яростно обвиняет нас на севере, потому что, как они говорят, мы совали свои любопытные глаза в то, что они называют “домашним” или “домашним очагом”, должны без колебаний демонстрировать миру, через все свои границы, десять тысяч, и еще десять раз по десять тысяч, живых свидетелей того, что они превращают это заведение в ночлежку.

Множество рабов юга носят на своих лицах клеймо, такое же несмываемое, как клеймо Каина; но клеймо было наложено на них не за их собственные преступления, а за преступления их отцов. В цвете лица раба мы читаем ужасную историю вины поработителей. Они демонстрируют, что одна раса была для другой не объектом благожелательности, а жертвой распушенности.

Но продолжим. Когда приезжий в этот город с севера покидает свое жилище и выходит на людные улицы, половина людей, которых он там встречает, принадлежат к тому же деградировавшему классу. Их изодранная одежда и неприличные манеры указывают на врожденную низость. Их язык свидетельствует об их невежестве. Если у вас есть возможность отправить их с поручением, они не могут прочитать направление записки или вывеску на доске объявлений. Их идеи ограничены самыми узкими рамками. Они говорят на естественном языке подострастия и носят ливреи низшего сословия. Уму постоянно навязывается убеждение в их плачевном состоянии. Вам не нужен их цвет, чтобы напоминать вам об их деградации. Цвет, сэр! Они часто почти такие же белые, как мы. Сэр, нет ни одного члена Конгресса, который не видел бы весной некоторых своих коллег-членов с желтушной кожей, более желтоватой, чем у многих рабов, которых покупают, продают и которыми владеют в этом городе. Я видел членов этого Дома, которым я был расположен дружески предостеречь хранить свои “бесплатные документы” при себе, чтобы внезапно, исходя из предположения о цвете кожи, они не были схвачены и проданы как беглые рабы. Желтый цвет лица здесь настолько распространен как признак рабства, что тот, чья кожа окрашена болезнью, ни в коем случае не находится вне опасности. Чтобы наслаждаться безопасностью, человек должен делать больше, чем заботиться о своей жизни; он должен заботиться о своем здоровье. Недостаточно прислушиваться к размышлениям своего сердца; он должен также следить за выделениями своей печени.

Но, сэр, пришелец с севера посещает суды в этом городе; он заходит в отдельные залы, предназначенные даже в темные и полуязыческие периоды английской истории для установления истины и отправления правосудия; но если он видит там представителей цветной расы, то видит в них только прислугу. Они не могут явиться туда в качестве свидетелей. Каким бы жестоким ни было нанесенное им лично или жене или детям зло, они не могут обратиться в суд, чтобы отомстить за него или возместить ущерб. Если их туда вообще привозят, то это происходит так, как привозят тук с товарами или как привозят быка или лошадь в их загон с целью рассмотрения какого-то спорного вопроса о личности или праве собственности. Они идут не как женихи, а как жертвы. В судах; в храмах, с которыми связаны все наши представления о справедливости, о добрых отношениях между людьми; там, где истина должна быть подтверждена, где невинность бежит, чтобы быть отомщенной, — в этих судах целая часть человеческой расы известна не как люди, а как движимое имущество, как скот. Где, по их мнению, Великая хартия вольностей, которую старые бароны вырвали у короля Иоанна? Неужели целая раса будет навсегда обречена на это беззаконие? Неужели они вечно будут носить “волчью голову”, которую каждый белый человек может отрубить, когда ему заблагорассудится? Сэр, не может быть, чтобы такое положение вещей сохранялось вечно. Если таким образом лишить их всех прав черной расы, то столь же несомненно, как и ход времени, что у них тоже будут свой Раннимид, своя Декларация независимости, свой Банкер-Хилл и свой Йорктаун.

Таковы, сэр, достопримечательности, которые досаждают нам, когда мы приезжаем сюда с севера, — которые досаждают нам в отелях, которые досаждают нам на улицах, которые досаждают нам во дворах, которые досаждают нам повсюду. Но проходит неделя, и наступает суббота — день отдыха от мирских трудов, день, отведенный для общественного богослужения, когда люди собираются вместе и своим взаимным присутствием и помощью возвышают сердца друг друга в благодарности Богу. Но где сейчас цветное население, которое, казалось, было таким многочисленным повсюду? Неужели у них нет Бога? Неужели их не интересуют пример и заповеди Спасителя? Неужели они не нуждаются в утешении, в вере в Невидимое, чтобы помочь им выстоять перед бременем и тревогами жизни? Неужели их будущее настолько неопределенно или настолько никчемно, что им не нужен проводник в лучшую страну, или что их можно свернуть с пути с таким же невежественным и слепым проводником, как они сами?

Из судов и церквей мы направляемся в школы. Но там нет ни одного ребенка, в коже которого была бы хоть тень африканского оттенка. Каналы настолько перерезаны, что все священные и целебные воды знания текут не к нему, а мимо него. Сэр, из всех безжалостных и бессмысленных жестокостей, когда-либо совершенных в этом мире зла и горя, я считаю это самым безжалостным и распутным поступком, который лишает всех средств обучения существо, наделенное Богом способностями к знанию и вдохновленное божественным желанием *знать*. Уничтожьте цветение и красоту весеннего времени года и сделайте его мрачным и безрадостным; уничтожьте гармонию, с которой весенние птицы оглашают поля и леса, и пусть ликующая Природа станет безмолвной и унылой; иссушите даже те источники радости и благолепия, которые непрошеною струятся из сердца детства, и пусть лучезарное лицо юности станет тусклым и каменным, как у старости; делайте все это, если хотите, но удержите свою нечестивую руку от тех созидательных источников знания, которые дадут вечно обновляющийся жизненный опыт. и постоянно возрастающий восторг на протяжении всех циклов бессмертия, и которые обладают способностью все больше и больше приближать конечное создание к бесконечному Творцу. Сэр, тот, кто отказывает детям в приобретении знаний, творит дьявольские чудеса. Если человек разрушает мою способность слышать, для меня это в точности то же самое, как если бы, оставив мою способность слышать нетронутой, он уничтожил все мелодии и гармонии вселенной. Если человек лишает меня способности видеть, для меня это в точности то же самое, как если бы он заслонил свет солнца и набросил покров тьмы на все красоты земли и величие небесного свода. Итак, если узурпатор прав человека отнимает у ребенка способности к познанию или средства и возможности познавать, для этого ребенка это в точности то же самое, как если бы была уничтожена вся красота и чудеса, все великолепие и слава самой вселенной. Для того, кому позволено ничего не знать о прелестях и возвышенностях науки, вся наука не существует. Для того, кому позволено ничего не знать об историческом прошлом, все прошлые поколения людей - ничтожество. Для того, чей ум не сделан вместительным для будущего и не открыт для его восприятия, все великие интересы будущего имеют меньше реальности, чем мечта. Поэтому я говорю в строгом, буквальном, философском смысле, что тот, кто отказывает детям в знаниях, творит дьявольские чудеса. В той мере, в какой он лишает их способности к познанию, он уничтожает объекты познания; он стирает историю; он уничтожает бесчисленные материалы в мире природы, которые могли бы с помощью полезных искусств быть преобразованы в удобства и благословения человека; он приостанавливает возвышенный порядок и прогрессирование Природы и стирает те чудесные причинно-следственные связи, которые принадлежат ее неизменным законам. Более того, в каком-то смысле можно сказать, что такой нечестивый разрушитель знаний уничтожает

атрибуты самого Творца, ибо он действительно уничтожает способность формировать представление об этом Творце и, таким образом, препятствует душе, созданной по образу Божьему, когда-либо получить образ, который она была создана отражать. Такой разрушитель знаний затемняет высшее моральное величие Вселенной. Бог для меня больше, чем великое и одинокое Существо, хотя и сияющее бесконечными совершенствами. Созерцаемое как восседающее на троне посреди своих трудов, его духовное детище во всем великом круговороте миров, которые он сформировал, становится зеркалом для умножения, отражающим Оригинал в изобилии и неисчислимости бесконечности. Но когда порочность человека лишает целые поколения и целые расы способности отражать этот лучезарный образ Творца, тогда вся та часть Вселенной, где они обитают, становится черной и отвратительной, и вся та часть Зеркала Душ, которая была предназначена для воспроизведения и возрождения славы Вечного, поглощает и гасит лучи, которые оно должно было уловить и вспыхнуть заново, умножить и вернуть. И еще более того, сэр, я утверждаю словами столь же правдивыми и буквальными, как и все, что относится к геометрии, что человек, утаивающий знания от ребенка, творит дьявольские чудеса не только для разрушения добра, но и для сотворения зла. Тот, кто закрывает доступ к истине, тем же самым действием открывает дверь всему заблуждению, которое занимает ее место. Невежество порождает монстров, чтобы заполнить все пустоты души, незанятые истинами знания. Тот, кто ниспровергает идею закона, приветствует хаос вместо него. Суеверие - это математическое дополнение религиозной истины; и насколько меньше жизнь человека обращена к добру, настолько больше она отдана злу. Следовательно, человек или учреждение, которые утаивают знания от ребенка или от расы детей, используют ужасную силу изменения мира, в котором им предстоит жить, точно так же, как если бы он уничтожил все самое прекрасное и величественное на нашей планете или перенес жертву своей жестокости в какую-нибудь темную и холодную зону Вселенной, где неведомы сладости знания, а ужасы невежества властвуют бесспорно и безжалостно. Сэр, законы, записанные в сводах законов свободных штатов, обеспечивающие средства образования и побуждающие детей получать блаженство истинного знания, достойны того, чтобы быть начертанными в виде эмблем и иероглифов на золотых воротах рая; но те законы, которые искажают своды законов рабовладельческих штатов этого Союза, объявляя обучение людей уголовным преступлением и обрекая бессмертные души на вечное невежество, стали бы наиболее подходящим украшением, которым можно украсить надписями и барельефами колонны зала совета Пандемониума.

Сэр, если и есть что-то, ради чего я хотел бы вернуться в детство и прожить эту утомительную жизнь заново, так это ради жгучего, возвышающего, захватывающего трепета и экстаза, с которыми юные способности переживают свое самое раннее приобщение к знаниям. Когда задыхающаяся и жаждущая душа впервые пьет восхитительные воды истины; когда нравственные и интеллектуальные вкусы и желания впервые вкушают ароматные плоды, которые цветут в саду знания; тогда ребенок улавливает проблеск и предвкушение рая. Он наслаждается нектаром и амброзией богов. В конце жизни этот вкус редко ощущается так остро, как в начале, если вообще когда-либо ощущался. Так не должно быть на самом деле; но наши тела так систематически подвергаются насилию из-за нарушения законов здоровья и диеты, что сочувствующая душа теряет остроту своего раннего наслаждения. Однако даже в этом случае возраст дает свои плоды. Старики могут по-новому ощутить прелесть обучения в рефлекторном удовольствии видеть, как учатся дети. Но это возвышенное и непреходящее удовлетворение, это удовольствие, — не будет преувеличением сказать, это блаженство

познания, как для родителя, так и для ребенка, удерживается, жестоко, безжалостно удерживается от раба. Мы знаем все это; мы видим его пагубные последствия; и мы вынуждены видеть их, потому что правительство будет поддерживать здесь рабство.

Таково, сэр, зрелище, которое предстает перед всеми северянами всякий раз, когда по долгу службы, по делам или для удовольствия они посещают эту столицу. Куда бы мы ни пошли, где бы мы ни находились, отвратительные, вызывающие отвращение сопутствующие явления этого института навязываются нашему наблюдению и становятся постоянной горечью в чаше жизни. Вся система, со всеми ее дополнениями, непримиримо противоречит нашим представлениям о справедливости. Мы считаем, что это отрицание прав человека; мы считаем, что это противоречит закону Божьему. Стираются ли эти чувства с течением времени и укрепляющей силой привычки, я не знаю; но, во-первых, я надеюсь никогда не стать ожесточенным и черствым на вид; ибо это тот случай, когда я не смог бы испытать облегчения своих страданий без соответствующего унижения своей натуры.

Теперь, со всей искренностью и добротой, я спрашиваю наших южных братьев, что для них такого ценного и желательного в сохранении рабства здесь, как компенсация за всю боль и зло, которые его существование причиняет северу? Конечно, оставление его здесь было бы для них мелочью, в то время как для нас его продолжение - великое дело. Для нас это великое дело, потому что мы несем ответственность за это перед всем цивилизованным миром. Этот округ является общим достоянием нации. Конгресс имеет над ним исключительную законодательную власть. Следовательно, Конгресс несет ответственность за свои институты, как человек несет ответственность за состояние своего дома и обычаи своей семьи. Правительство общей юрисдикции не несет ответственности за местные институты Массачусетса или Миссисипи. Каждый из них имеет высший контроль над своими собственными внутренними проблемами. Они могут с честью выплатить свои долги или отказаться от них; они могут создавать институты благотворительности, образования и религии; или они могут допустить, чтобы бесчеловечность и насилие, невежество и язычество восторжествовали; и мы здесь ничего не можем с этим поделать и, следовательно, не несем за это ответственности. Но совершенно иначе обстоит дело с институтами, которые преобладают в этом Округе; их честь или позор связаны с нами. Они судят о нас по всему миру. Мы, жители Северных Штатов, чувствуем это дома; за границей нас заставляют чувствовать это еще глубже. Во всех странах Европы общим языком и общим чувством является то, что институт, существующий в половине государств этого Союза, находится в вопиющем контрасте с теорией нашего правительства. Когда нам напоминают об этом — будь то в доброжелательной и укоризненной форме наши друзья или в оскорбительной и язвительной - наши враги, — мы, жители севера, можем сказать, по крайней мере, что мы не несем за это ответственности. Мы можем объяснить, почему мы не более послушны местным законам Арканзаса или Миссури, чем католической религии в Мексике или революциям в южноамериканских республиках. Это наш ответ. Но они по-прежнему возражают нам и говорят, что есть одно место, за которое вы несете ответственность, — округ Колумбия. Вы могли бы отменить рабство там, если бы захотели; вы этого не делаете; и поэтому грех его сохранения лежит на вас в такой же степени, как если бы оно существовало в Нью-Йорке или Массачусетсе. Теперь я спрашиваю джентльменов-южан, насколько это согласуется с великодушием и честью, с братскими чувствами по отношению к северу, если они навязывают нам ненависть к этой непоследовательности? Конечно, они не получают от этого ни кредита, ни репутации; мы теряем и кредит, и репутацию. Существование рабства здесь не приносит им пользы; оно наносит нам невыразимый вред. Они ничего не потеряют, отказавшись от этого; мы страдаем от

всего, что связано с его продолжением. Изменение не нанесло бы им вреда; оно было бы бесценно для нас. Я прошу их, руководствуясь принципами общей справедливости и добрососедства, вежливо и добровольно уступить нам этот пункт, который унял бы столько горечи и сердечного горя на севере и который, согласно их взгляду на этот вопрос, наполнил бы юг сладким ароматом великодушного поступка.

Я знаю, сэр, что некоторые джентльмены с юга заявляют, что видят в подобном курсе принцип, который не позволяет им его принять. Они говорят, что если бы рабство в этом округе было отменено, это лишь дало бы противнику выгодную позицию, на которой он мог бы обосноваться для нападения на рабство в штатах. Я полностью не согласен с этой точкой зрения. Разве джентльмен из Огайо, [мистер Гиддингс], который, как предполагается, представляет крайние антирабовладельческие взгляды, существующие в этой Палате, — разве он не заявлял здесь сто раз, что он отказывается от всякого права, что он отказывается от всякой законной власти и предлога, согласно конституции, возложить руки этого правительства с целью его освобождения на единственного раба в рабовладельческих штатах? Но очевидно, что принцип в отношении рабов в этом Округе иной, где мы обладаем властью “исключительного законодательства”. Но если джентльмены на юге видят принцип, который не позволяет им отказаться от рабства в этом Районе, то мы на севере видим принцип, который побуждает нас и будет побуждать нас, пока работа не будет завершена, к новым усилиям. На том же основании, на котором рабство в этом Районе защищалось в течение последних пятидесяти лет, его можно защищать в течение следующих пятидесяти или следующих пятисот лет; его можно защищать вечно. Эта идея вечного рабства в самом доме республики свободных людей неприемлема и не может быть терпима. Но я не буду больше останавливаться на этой теме. Я завершаю эту часть моего аргумента предложением, которое кажется мне справедливым. Юг удерживал этот мегаполис в качестве рабовладельческой столицы в течение пятидесяти лет. Пусть теперь он останется свободной столицей на пятьдесят лет; и если по истечении этого периода какой-либо нации, цивилизованной или нецивилизованной, на лице земли будут представлены достаточные доводы в пользу того, чтобы снова вернуть его в рабство, я, со своей стороны, не буду опасаться заключения договора на таком условии, что он снова станет “землей Египетской и домом рабства”.

Несмотря на то, что я так долго останавливался на социальных и моральных аспектах этой темы, я все еще испытываю искушение не отказываться от того, что было моей главной целью при выступлении, а именно, представить аргумент по вопросу о законности или конституционности рабства в этом Округе. Я уделил этому вопросу много пристального внимания с самым искренним желанием достичь истинных, законных и конституционных результатов. Я излагаю свои взгляды с уважением, потому что знаю, что они противоречат взглядам других людей, к знаниям и способностям которых я испытываю глубокое уважение.

Законность рабства в округе Колумбия предполагалась и практически признавалась в течение пятидесяти лет. Если бы вопрос о его действительности был поднят и аргументирован на принципах конституции сразу после создания Округа, я полагаю, что эта территория была бы объявлена свободной землей. По моему добросовестному мнению, рабство существует в этом Районе только в результате первоначальной узурпации и последующего молчаливого согласия.

Если это так, нельзя слишком быстро призвать Конгресс отказаться от власти, которую он узурпировал.

1. Первая позиция, которую я занимаю, такова: *рабство нигде не имеет законного существования, кроме как в силу позитивного права.*

Если какой-либо человек претендует на власть над телом, разумом и душой одного из своих собратьев, и претендует на эту власть не только на всю жизнь своей жертвы, но и на подобную власть над всеми своими потомками, то нет такой части цивилизованного мира, где от него не потребовали бы предъявить какой-нибудь позитивный закон, санкционирующий власть и рабство. Если истец говорит: “Я сильнее или я мудрее его”; или: “У меня англосаксонский мозг, в то время как у него только африканский мозг”; или: “моя кожа белая, а его кожа не белая”; или: “я произошел от Сима, а он от Хама; и, следовательно, он мой раб”, — в христианском мире нет суда, который, хотя и может признать этот факт, утвердил бы вывод. Если истец утверждает, что с *моральной* точки зрения для него является правильным захватывать своих ближних и обращать их в рабство; если он приводит в суд Библию в качестве своего свода законов и ссылается на Авраама и Исаака, Иакова и Павла как на свои авторитеты; тем не менее, я утверждаю, что в христианском мире нет суда, который не опроверг бы законность титула и не осудил бы высокомерие требования.^[6] Таким образом, позитивное право является единственной основой рабства. Авторитеты многочисленны, если не бесчисленны, чтобы утвердить эту позицию. Я не буду усложнять этот аргумент цитированием многих из них. Те немногие, которые я приведу, будут содержать ссылки на остальные.

Главный довод против рабства, приведенный лордом Мэнсфилдом в деле Сомерсета, заключался в том, что “оно настолько порочно по своей сути, что его невозможно внедрить ни в одной стране по каким-либо моральным или политическим причинам и может основываться только на позитивном праве”.²⁰ Государственные суды, 1.

Главный судья Маршалл говорит: “Вряд ли можно отрицать, что это [рабство] противоречит закону природы. То, что каждый человек имеет естественное право на плоды своего собственного труда, общепризнано; и то, что никто другой не может по праву лишить его этих плодов и присвоить их против его воли, по-видимому, является необходимым результатом этого признания”. Антилопа, 10 зерен пшеницы, 120г.

“Первое возражение, ” говорит судья Бест по делу Форбса и Кокрейна, “ которое приходит мне в голову в данном случае, заключается в том, что в данном особом случае не представляется, что право на рабов существует в Восточной Флориде. *Это право является не общим, а местным*; следовательно, следовало доказать, что оно существовало во Флориде и что ответчики знали о его существовании. Предполагая, однако, что эти факты действительно имели место, тем не менее, при обстоятельствах данного дела это действие не могло быть продолжено.

Вопрос в том, были ли эти люди рабами в то время, когда сэр Г. Кокберн отказался совершить действие, которое от него хотели совершить? Я твердо придерживаюсь мнения, что они больше не были рабами. В тот момент, когда они ступали на борт *британского* военного корабля, находящегося не в водах Восточной Флориды (где, несомненно, преобладали законы этой страны), те люди, которые раньше были рабами, становились свободными.... Рабство - это местный закон, и поэтому, если человек хочет сохранить своих рабов, пусть он привязывает их к себе любовью, или укрепляет прутья их тюрьмы, или хорошенько заклепывает их цепи; *в тот*

момент, когда они выходят за пределы, где рабство признано местным законом, они разорвали свои цепи, они сбежали из своей тюрьмы и свободны.” 2 Сарай. & Cres. 466-7; Форбс против Кокрейна, Южная Каролина, 3 Доул. и Райленд, 679.

“Я придерживаюсь мнения, - говорит Холройд Дж. по тому же делу, - что в соответствии с принципами английского права право на рабов, даже в стране, где такие права признаны законом, должно рассматриваться как основанное не на законе природы, а на особом законе этой страны”.

“Закон о рабстве - это закон *in invitum*; и когда сторона покидает территорию, на которой она преобладает, и выходит из-под власти своего хозяина и попадает под защиту другой державы без каких-либо противоправных действий, совершенных стороной, предоставляющей эту защиту, право хозяина, которое основано только на муниципальном праве конкретного места, не действует, и нет права предъявлять иск против стороны, которая просто получает раба в этой стране, не совершая никаких противоправных действий”.

Определение рабства, данное римским правом, подразумевает, что оно является местным: *Servitus est constitutio juris gentium, как у доминио алиено*, ПРОТИВ ПРИРОДЫ, субъективно. Содружество против Эйвс, 18 подборов, 193; Лансфорд против Кокийон, 14 Представитель Мартина, 402. “Отношения владельца и раба - это порождение муниципального права”. Рэнкин против Лидия, 3 Маршалла, 470 лет, Кентукки; Батлер против Хоппер, 1 Выс. суд. 499; *Ex parte Simmons*, 4 Выс. суд. 296; *Мари Луиза* против *Маро* и др., 9 Curry's Louisiana, 473.

Этот момент можно представить в другом свете. По закону природы все люди свободны. Но в некоторых правительствах закон государства, поддерживаемый государственной властью, превалирует над законом природы и порабощает часть людей. Закон природы отступает перед этим узаконенным насилием; но он отступает не дальше, чем узаконенное насилие оттесняет его назад. Таким образом, в пределах юрисдикции таких государств рабство является **законным**, хотя и не является *правильным*. Но если раб переходит из юрисдикции, где насилие преобладает над правом, в юрисдикцию, где право превосходит насилие, тогда он свободен; не потому, что в человеке происходят какие-либо изменения, а потому, что меняются законы, которым подчиняется этот человек.

Однако может существовать какой-то дополнительный позитивный закон, который, хотя и не разрешает покупку или продажу раба, все же предусматривает, что сбежавший раб может быть пойман и повторно передан в рабство. Таков третий абзац второго раздела четвертой статьи конституции Соединенных Штатов. Таков и акт Конгресса от 12 февраля 1793 года, предусматривающий повторный захват беглых рабов. Этого, однако, не было бы без позитивного права.

Дебаты на всех конвенциях по принятию конституции Соединенных Штатов ведутся на том основании, что существование рабства зависит от позитивного права. Если бы этого не произошло, — если бы человек, имеющий законное право на раба в Вирджинии, имел законное право на него где угодно, — тогда положение конституции и закона 1793 года о возвращении беглых рабов было бы ненужным.

Таким образом, на южной стороне пограничной линии рабство может существовать в силу позитивного закона; в то время как на северной стороне, в отсутствие какого-либо такого закона, рабство является незаконным. Раб, переходящий из юрисдикции, где рабство

легализовано, в юрисдикцию, где его нет, становится свободным. Это все равно, как если бы человек мигрировал с одного из тех островов Южного моря, где каннибализм легализован и где государственные власти, согласно сообщениям путешественников, не только осуждают и казнят преступника, *но и съедают его после казни*, — я говорю, как если бы подданный такого правительства мигрировал на тот, где каннибализм незаконен, и где, следовательно, хотя он и должен быть осужден и казнен за преступление, то съедение его судьями не было бы частью приговора или церемонии. Он находится вне юрисдикции каннибалов.

Право на свободу является естественным правом. Это позитивное существование. Это моральная сущность. Как и право на жизнь, оно принадлежит, по закону природы и Бога, каждому человеку. Это моральное право продолжает существовать до тех пор, пока его не отменяют. Следовательно, должен быть доказан какой-то акт, отменяющий эту свободу; это должно быть доказано утвердительно, иначе факт свободы останется. Это твердая и нерушимая основа максимы о том, что рабство может существовать только на основании позитивного закона; что это *местный* институт; что право на свободу должно быть сначала отменено, прежде чем рабство сможет существовать.

2. Моя вторая позиция такова: *Правовое положение человека может быть изменено сменой власти над ним, пока он остается на том же месте, точно так же эффективно, как это может быть изменено его переездом в другое место и подчинением другому правительству.* Жители североамериканских колоний не меняли своего места жительства, когда переходили из-под власти правительства Великобритании и переходили под власть правительства конфедерации. Мексиканцы, населявшие тогда штаты Калифорния и Нью-Мексико, не меняли своего места жительства, когда тридцатого мая прошлого года они перестали быть гражданами мексиканской республики и стали гражданами, или *квази* гражданами Соединенных Штатов. Их политические отношения изменились не из-за того, что они вышли из-под власти одного правительства и перешли под власть другого правительства, а из-за того, что одно правительство перестало управлять ими и распространило на них определенные *политические* права и возможности при другом правительстве. До этого тридцатого мая они могли совершить государственную измену Мексике, но не после этого. До этого они не могли совершить государственную измену против Соединенных Штатов; но когда они станут гражданами Союза, они смогут. Эти жизненно важные изменения в их отношениях происходят без каких-либо изменений в их месте жительства. Насколько я помню, в Массачусетсе умер пожилой джентльмен, который жил в пяти разных городах, но все равно остался там, где родился, как один из старых дубов на нашей ферме. Часть первоначального города, где он родился, была выделена и включена в состав нового города; а та часть второго города, где он жил, — в состав третьего; и так далее, пока он не умер в пятом городе без какой-либо смены места жительства. Так вот, этот человек жил под юрисдикцией и подзаконными актами пяти городов, поскольку они последовательно включались в него, точно так же, как если бы он пять раз ударил по своей палатке и поместил себя, путем последовательных миграций, под юрисдикцию пяти различных муниципальных образований.

Подобное, должно быть, произошло с тысячами наших сограждан по всему Союзу. Некоторые из них сначала жили при иностранном правительстве, затем при правительстве одной территории, затем при правительстве другой и, наконец, стали гражданами государства без какой-либо смены места жительства. Действительно, казалось бы, ничто не может быть яснее, чем предположение, независимо от того, рассматривается ли оно как юридическое или

политическое, что законы и юрисдикция могут быть изменены в отношении человека, который продолжает проживать в том же месте, точно так же эффективно и столь же полно, как человек может изменить законы и юрисдикцию в отношении самого себя, переехав в другое место. Во многих случаях первое приводит к более тщательным изменениям, чем второе. Законы Великобритании не признают права на самостоятельную экспатриацию; в то же время считается, что жители иностранной провинции, включенной в состав королевства, меняют свою лояльность, не меняя места жительства.

3. Мое третье предложение заключается в следующем: *Что юрисдикция, под которой проживали жители того, что сейчас является округом Колумбия, до передачи округа Мэрилендом Соединенным Штатам, была полностью изменена в момент передачи — в момент, когда, согласно положениям конституции, они перестали быть гражданами штата Мэриленд и стали гражданами округа Колумбия.*

17-м параграфом (Конституция Хикки) 8-го раздела 1-й статьи предусмотрено, что Конгресс имеет право “осуществлять исключительное законодательство во всех случаях, когда бы то ни было, в таком округе (площадью не более десяти квадратных миль), который может, путем уступки отдельных штатов и согласия Конгресса, стать резиденцией правительства Соединенных Штатов”.

Таким образом, Конгресс обладает полномочиями принимать единственное и исключительное законодательство “во всех случаях” в отношении округа Колумбия. Что означает слово “исключительный” в этой связи? Это не означает *абсолютной и бесконтрольной*; ибо, если бы это произошло, это сделало бы Конгресс в качестве суверенных, как российский самодержец. Это означает, что никакое другое правительство, никакой другой орган власти, какой бы то ни было, не должен обладать параллельной законодательной властью над Округом; да и вообще никакой подчиненной властью, за исключением той, которая может быть получена от Конгресса. Над каждым человеком, являющимся гражданином одного из Соединенных Штатов, действуют две юрисдикции— юрисдикция правительства общей юрисдикции и юрисдикция правительства штата. Есть два правительства, которые имеют право издавать законы за него; но есть только одна власть — Конгресс Соединенных Штатов, — которая может издавать законы за гражданина округа Колумбия.

В *Кендалле против Соединенные Штаты*, 12 Питерс, 524, говорится: “В округе Колумбия нет разделения полномочий между генеральным правительством и правительствами штатов. Конгресс полностью контролирует Округ для достижения любых целей правительства”.

Итак, было установлено, что мировой судья округа Колумбия является должностным лицом правительства Соединенных Штатов и, следовательно, освобожден от несения службы в ополчении. *Мудрый против Холка*, 3 Крэнча, 331; 1 Продолжение 552.

Гражданин округа Колумбия не является гражданином ни одной из Соединенных Штатов. *Хепберн и др. против Эллера*, 2 Крэнч, 445; *Арендатор Уэсткотта против Жители -*, Питерс, округ Колумбия, 45.

До момента уступки жители этого округа находились под двумя юрисдикциями — Мэриленда и Конгресса; но после уступки - только под юрисдикцией Конгресса. Теперь, когда жители этого округа вышли из-под юрисдикции Мэриленда и перешли под исключительную юрисдикцию Конгресса, давайте посмотрим, как повлияло на них такое изменение юрисдикции.

В акте Конгресса 1790 г., с. 28, раздел 1, который был актом об учреждении резиденции правительства Соединенных Штатов, есть следующее положение: *“При условии, тем не менее,, что это принятие не повлияет на действие законов штата [Мэриленд] в таком округе, до срока, установленного для смещения правительства в нем, и до тех пор, пока Конгресс не установит иное законом”*.

Таким образом, здесь Конгресс *прямо* предусмотрел и заключил контракт со штатом Мэриленд, что законы Мэриленда в этом округе не должны нарушаться до переноса резиденции правительства в это место; и Конгресс аналогичным образом *косвенно* предусмотрел и заключил контракт, что когда резиденция правительства будет перенесена в это место, он выполнит обязанность, возложенную на него конституцией Соединенных Штатов, и примет на себя и будет осуществлять “исключительное законодательство”, предусмотренное в этом документе. Этот акт Конгресса был одобрен 16 июля 1790 года.

По законам Мэриленда от 1791 г., с. 45, раздел 2, этот штат уступил Соединенным Штатам территорию, которая в настоящее время составляет округ Колумбия, и слова уступки таковы: *“По полному и абсолютному праву, как на землю, так и на лицо, проживающее или намеревающееся проживать на ней”* и т.д. ... при условии, что юрисдикция законов Мэриленда *“не прекращается и не определяется до тех пор, пока Конгресс законом не обеспечит ее управление”*.

Таким образом, положение дел было просто таково: 1. Конституция наделяла Конгресс полномочиями “исключительного законодательства” в отношении такого округа, который мог быть передан в качестве резиденции правительства. 2. Конгресс вышеупомянутым законом 1790 года предложил штату Мэриленд принять часть ее территории для этой цели, но обязался не вмешиваться в ее законы до тех пор, пока он не вступит в фактическое владение уступленной территорией. 3. Мэриленд принял предложение, повторив условие в этих словах; а именно, что *“законы Мэриленда не прекращают действовать до тех пор, пока Конгресс законом не обеспечит его управление”*.

В соответствии с 6-м разделом закона 1790 года, с. 28, Конгресс предусмотрел, что он переедет в этот округ и сделает его резиденцией правительства в первый понедельник декабря 1800 года. Он так и сделал; и теперь его прямая обязанность по конституции и подразумеваемое обещание штату Мэриленд должны были быть выполнены путем применения “исключительного законодательства” в этом округе.

Во исполнение этого долга и обещания Конгресс 27 февраля 1801 г. законом от 1801 г., ст. 15, приступил к принятию законодательных актов для округа Колумбия; и в первом разделе этого закона было предусмотрено следующее:—

“Быть введенным в действие и т. Д., Что законы штата Вирджиния в том виде, в каком они существуют сейчас, будут действовать и продолжать действовать в той части округа Колумбия, которая была передана указанным штатом Соединенным Штатам и ими принята в качестве постоянного места пребывания правительства; и что законы штата Мэриленд в том виде, в

каком они существуют сейчас, будут действовать и продолжать действовать в той части указанного округа, которая была передана этим штатом Соединенным Штатам и ими принята, как указано выше”.

Таким образом, этим актом Конгресс взял на себя осуществление и действительно осуществлял то исключительное законодательство в отношении округа Колумбия, которое было предусмотрено конституцией.

Та часть округа, которая была передана Конгрессу Вирджинией, была возвращена этому штату актом Конгресса от 9 июля 1846 г. (stat. 1846, с. 35). все, что относится к ней, может, для целей данного аргумента, быть исключено.

Таким образом, 27 февраля 1801 года законы Мэриленда, *как таковые*, были отменены в этом округе. Законодательная власть Конгресса была *де-факто* исключительной. Вся законодательная власть, которой Мэриленд ранее обладал над ним, затем прекратилась. Связь Мэриленда с этим округом, как частью его бывшей территории, оккупированной его бывшими гражданами, была расторгнута. У него было не больше законодательной власти над округом, чем у штата Мэн или Джорджии. Исторически мы можем говорить о законах Мэриленда в том виде, в каком они когда-то существовали здесь; но практически, с точки зрения строгих законов и фактов, ее законы больше не были известны в Округе. Законы, которыми руководствовались жители этого округа после 27 февраля 1801 года, были законами Конгресса, а не законами Мэриленда.

Чтобы показать, что эта часть округа вышла из-под власти правительства Мэриленда и перешла под управление правительства Соединенных Штатов, я ссылаюсь на *Рейли, апеллант*, против *Ламара и др.*, 2 Cranch, 344; 1 Cond. Rep. 322, где сказано: “В результате отделения округа Колумбия от штата Мэриленд жители той части Мэриленда, которая стала частью округа, перестали быть гражданами штата”. В этом случае было постановлено, что гражданин округа Колумбия не может быть уволен в соответствии с законом штата Мэриленд о несостоятельности.

Гражданин округа Колумбия не может подать иск в окружной суд Соединенных Штатов за пределами Округа, поскольку он не является гражданином штата по смыслу положений законодательства Соединенных Штатов, регулирующих юрисдикцию судов Соединенных Штатов. *Хелберн и др.* против *Элзи*, 2 Cranch, 445; 1 Cond. Rep. 444. Смотрите также *Лафборо* против *Блейк*, 5 Уит. 317, и *Суд Леви Вашингтона* против *Ринггольд*, 5 Питерс, 451.

4. Следующий вопрос заключается в том, *какова юридическая сила и воздействие на тему рабства акта Конгресса 1801 года, упомянутого выше?* Его слова гласят: “Что законы штата Мэриленд в том виде, в каком они существуют сейчас, будут продолжать действовать в той части указанного округа, которая была передана этим штатом Соединенным Штатам”, и с. И здесь я признаю, что действие этого пункта в точности такое же, как если бы Конгресс переписал все законы штата Мэриленд, слово в слово, буква в букву, в свой собственный свод законов, с префиксом “Быть принятым Сенатом и Палатой представителей Соединенных Штатов Америки в Конгрессе в сборе”, и Президент Соединенных Штатов поставил под ним свою подпись. Я признаю далее, что законы Мэриленда легализовали рабство на территории штата Мэриленд и определили, какие классы лиц могут содержаться там в качестве рабов.

Но из того, что Конгресс предложил пересмотреть для этого округа все законы Мэриленда, никоим образом не следует, что, следовательно, он их изменил. Из того, что два законодательных органа используют одни и те же слова, не следует, что эти слова обязательно должны иметь одинаковый эффект. Это имеет огромное значение в мире, используют ли слова те, кто обладает властью, или те, кто лишен власти. Конгресс мог бы принять закон точно в тех же выражениях, что и парламент Великобритании, и все же закон Конгресса был бы недействительным и не действовал, в то время как акт парламента был бы действительным и обязательным для исполнения. У нас есть писаная конституция; у Великобритании нет писаной конституции. Британский парламент по многим вопросам обладает более широкой юрисдикцией, чем Американский Конгресс. Закон Конгресса может быть неконституционным и недействительным, в то время как закон британского парламента, сформулированный точно на том же языке, может быть конституционным и обязательным.

Таким образом, закон штата Мэриленд мог бы действовать в соответствии с конституцией штата Мэриленд и, следовательно, быть обязательным для граждан штата Мэриленд; в то время как закон Конгресса, хотя и сформулированный точно такими же словами, противоречил бы конституции Соединенных Штатов и, следовательно, не имел бы юридической силы.

Сейчас перед нами именно такой случай. Конгресс, пытаясь ввести в действие законы Мэриленда, чтобы поддержать рабство в этом округе, вышел за пределы своих конституционных полномочий. Оно действовало неконституционно. Оно действовало в явном противоречии с некоторыми из самых простых и очевидных принципов, провозглашенных конституцией. Если это так, то никто не будет оспаривать, что его акт недействителен. Таким образом, я не отрицаю, что Конгресс использовал достаточно размашистые слова для прикрытия рабства; но что я отрицаю, так это то, что он имел какое-либо право придавать юридическую силу этим словам.

5. Следовательно, мое следующее предложение таково: *поскольку Конгресс не может делать ничего, кроме того, на что он уполномочен конституцией, и поскольку конституция не уполномочивает его устанавливать рабство здесь, он не может ни установить рабство здесь, ни продолжать его.*

Где есть какие-либо *явные* полномочия, предоставленные Конгрессу конституцией для установления рабства? Где находится статья, раздел или параграф? Я требую, чтобы было показано название. Тысячи человеческих существ не должны быть лишены всех их самых дорогих прав, и они сами и их дети навсегда обречены на рабство из-за искаженных конституций или апокрифических авторитетов. Скажут ли те, кто говорит, что Конгресс не может ни создать банковское учреждение путем строительства, ни способствовать внутренним улучшениям, ни ввести тариф, — скажут ли они, что Конгресс может сделать человека рабом, и все его потомство рабами, путем строительства?

Также никакие полномочия по установлению рабства не могут быть выведены из 18-го пункта 8-го раздела 1-й статьи конституции, который наделяет Конгресс полномочиями “принимать все законы, которые необходимы и уместны для приведения в исполнение” предоставленных полномочий.

Какие полномочия предоставлены Конгрессу, для осуществления которых установление рабства в этом Округе является необходимым средством или предварительным? Конгресс имеет

право устанавливать и собирать налоги; занимать деньги; регулировать торговлю; устанавливать единые правила натурализации; чеканить монеты; наказывать фальшивомонетчиков; учреждать почтовые отделения и почтовые дороги; способствовать прогрессу науки и искусств; учреждать суды; определять и наказывать пиратство в открытом море; объявлять войну; набирать и поддерживать армии; обеспечивать и содержать военно-морской флот; организовывать и содержать ополчение; и так далее, и тому подобное. Но для какой из всех этих сил власть установить рабство в округе Колумбия является необходимым инцидентом? Если бы рабство в округе Колумбия прекратилось сегодня, разве не могло бы правительство продолжать выполнять все функции, которые оно выполняло до сих пор? Если это так, то существование рабства в этом Округе не является “необходимым” для осуществления каких-либо из прямо предоставленных полномочий. Я призываю любого джентльмена назвать какую-либо власть этого правительства, которая не может быть реализована, которая обязательно должна прекратиться, если рабство прекратится в этом округе Колумбия? - Я делаю паузу в ожидании ответа.

Что ж, тогда, если полномочия на установление рабства в этом Округе не входят в число предоставленных полномочий, и если это не необходимо для осуществления какой-либо из предоставленных полномочий, то это — неведомо где; - этого не существует вообще. Таким образом, у Конгресса нет полномочий ни для создания, ни для продолжения рабства в этом округе; и все законодательство Конгресса по этому вопросу выходит за рамки конституции или противоречит ей.

Позвольте мне проиллюстрировать это по-другому. Предположим, что на момент уступки в Мэриленде существовало религиозное учреждение; предположим, что под покровительством лорда Балтимора католическая религия была установлена в качестве религии штата; и что для наказания за ересь и обеспечения соответствия религии штата была учреждена инквизиция, и что резиденция этой инквизиции находилась в пределах округа Колумбия на момент уступки; мог ли Конгресс в отсутствие каких-либо явных или подразумеваемых полномочий по вопросу установления государственной религии поддержать католическую религию здесь и назначить офицеры инквизиции, которые будут руководить этим? Эта идея противоречит всему духу конституции. Но Конгресс имел столько же полномочий для установления здесь национальной религии, в отсутствие каких-либо явных или подразумеваемых полномочий на это, сколько и для установления здесь рабства.

Таким образом, Конгресс не легализует и не может легализовать рабство в этом Округе. Он обнаружил существование рабства в штатах; и он не отменяет его и не вмешивается в него, потому что у него нет в них силы “исключительного законодательства”. Но Конгресс имеет такое же право войти в любой штат и отменить там рабство, как любой штат, даже Вирджиния или Мэриленд, должен войти в этот округ со своими законами и установить здесь рабство. Я полагаю, что ни один юрист не станет утверждать, что Конгресс мог бы принять закон 1793 года о возвращении беглых рабов, если бы не третий пункт второго раздела четвертой статьи конституции, который предусматривает повторную доставку беглого раба по требованию его хозяина. В соответствии с этой статьей конституции речь идет только о *беглых* рабах. Если хозяин добровольно переводит своего раба в свободное состояние, а раб покидает его владения, он не может вернуть его обратно. Почему бы и нет? Почему Конгресс не может принять закон, согласно которому, если человек везет дюжину рабов в Бостон, и они там считают нужным объявить забастовку из-за заработной платы и покинуть его владения, потому

что их условия не выполняются, — почему, спрашиваю я, Конгресс не может принять закон, разрешающий их захват и передачу в руки хозяина? Причина в том, что конституция не наделила Конгресс такими явными полномочиями, и никакие такие полномочия не подразумеваются как необходимые для осуществления какой-либо выраженной власти. И если Конгресс не может даже вернуть раба хозяину, который добровольно перевез его в свободный штат, как он может продолжать рабство в этом округе после того, как Мэриленд передал его этому правительству, основной органический закон которого не дает ему права создавать или продолжать рабство здесь?

Предположим, Мэриленд уступил бы свою долю округа Массачусетсу, разве каждый раб в нем не стал бы мгновенно свободным в соответствии с конституцией Массачусетса? Они были бы переведены в свободную юрисдикцию — точно так же, как индивидуальный владелец раба переводит его в свободную юрисдикцию, когда он добровольно увозит его на север. Законное существование рабства было отменено в этом округе, когда Конгресс осуществил свою “исключительную” власть над ним, точно так же, как было отменено право должника на освобождение от ответственности в соответствии с законом штата Мэриленд о банкротстве.

Но я иду дальше этого; и я говорю, что конституция не только не уполномочивает Конгресс устанавливать или продолжать рабство в этом округе, но снова и снова, самым решительным образом из возможных, запрещает осуществление таких полномочий.

Что касается всего этого вопроса о рабстве, конституция затрагивает эту тему с отвращением. Отвратительное слово “раб” в нем нигде не упоминается. Конституция стыдится произносить такое название. Страна, только что прошедшая боевое крещение — Американскую революцию, - не осквернила бы свои уста этим неосвященным словом. Следовательно, прибегают к околичностям. Он стремится избежать признания вины. Подобно преступнику, в котором все еще сохранилась некоторая любовь к характеру, он говорит о своем проступке, не называя его по имени. В нем используется уважаемое слово “люди” вместо проклятого слова “рабы”. Как тирская королева, собиравшаяся совершить поступок, который опорочил бы ее репутацию, назвала это священным именем “брак” и совершила его, —

“Hoc prætexit nomine culpam;”

таким образом, конституция, готовая признать самые преступные и жестокие из всех отношений между людьми, стремилась отвести глаза от содеянного и утихомирить угрызения совести против любого участия в преступлении, прикрыв содеянное уважаемым словом.

Но давайте обратимся к запретам конституции; ибо я утверждаю, что в конституции не только нет полномочий, явных или подразумеваемых, разрешающих Конгрессу создавать или продолжать рабство в этом округе, но и что это запрещено делать снова и снова.

Я полагаю, никто не будет отрицать, что позитивные запреты на осуществление определенных перечисленных полномочий применимы к Конгрессу при принятии законов от имени этого округа в той же степени, что и при принятии законов от имени союза в целом. Эта доктрина недавно была решительно отстаена мистером Кэлхуном в Сенате Соединенных Штатов; и, поскольку я с удовольствием произвел бы впечатление убежденности в умах южан, я пользуюсь этим авторитетом южан. Он подтверждает, что Конгресс, принимая законодательные решения для территорий, “подчиняется многим важным ограничениям и условиям, из которых некоторые выражены, а другие подразумеваются. К первым можно отнести все общие и абсолютные

запреты конституции, то есть все те, которые запрещают осуществление определенных полномочий при любых обстоятельствах. К этому классу относятся запрет на присвоение дворянских титулов; принятие *законов и биллей о правах постфактум*; приостановление действия *хабеас корпус*, за исключением определенных случаев; принятие законов, касающихся установления религии или ее свободного исповедания, и любых других подобных действий”.

Скажет ли кто-нибудь, что Конгресс может принять *закон для этого округа постфактум* и защищать себя, ссылаясь на свою власть “исключительного законодательства” над ним? Может ли Конгресс принять закон о правах, оскверняющий кровь жителя этого округа, или отменить или приостановить в любое время его право на *хабеас корпус*, или установить здесь религию, или запретить свободное ее осуществление? Ни один юрист, ни один государственный деятель не станет притворяться на это.

Но в конституции есть еще один запрет, ничуть не менее полный и недвусмысленный, чем любой из этих. Пятая статья поправки гласит, что “никто не может быть лишен жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры”.

Здесь конституция использует слово “личность” — наиболее полное слово, которое она смогла найти. “Никто не может быть лишен жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры”. Итак, что означает это слово “человек”? Или кто, согласно конституции, является таким “лицом”, которое не может быть лишено жизни, свободы или имущества на основании акта Конгресса *без соблюдения надлежащей правовой процедуры*? Давайте возьмем наше определение слова “личность” из самой конституции. “Ни одно *лицо* не может быть представителем, если оно не достигло возраста двадцати пяти лет” и т.п. (см. 2-й пункт 2-го раздела 1-й статьи.) “Представительские и прямые налоги распределяются между несколькими штатами, которые могут быть включены в этот союз, согласно их соответствующей численности, которая определяется путем прибавления ко всему числу свободных *лиц*, включая обязанных служить в течение нескольких лет, и исключая индейцев, не облагаемых налогом, трех пятых всех других *лиц*”. (третий пункт того же раздела.) “Ни один *человек* не может быть сенатором, если он не достиг тридцатилетнего возраста” и т.п. (1-я статья, 3-й раздел, 3-й пункт). “Ни одно *лицо* не может быть осуждено [Сенатом за преступление, подлежащее импичменту] без согласия двух третей голосов”. (1-я статья, 3-й раздел, 6-й пункт.) “Ни один *человек*, занимающий какую-либо должность в Соединенных Штатах, не должен быть членом ни одной из палат во время своего пребывания в должности”. (1-я статья, 6-й раздел, 2-й пункт.) “Миграция или ввоз таких *лиц*, которых любое из ныне существующих государств сочтет нужным признать, не должны быть запрещены”, — “но на такой ввоз может быть наложен налог, или пошлина, не превышающие десяти долларов за каждого *человека*” и т.д. (1-я статья, 9-й раздел, 1-й пункт.) “Ни одно *лицо*, занимающее какую-либо коммерческую или трастовую должность”, “не должно принимать никаких подарков” и т.п. (1-я статья, 9-й раздел, 8-й пункт.) “Ни одно *лицо*, занимающее трастовую или прибыльную должность в Соединенных Штатах, не может быть назначено выборщиком”. (2-я статья, 1-й раздел, 2-й пункт.) “Выборщики должны собраться в своих соответствующих штатах и проголосовать тайным голосованием за двух *человек*” и т.д. “Президентом является *лицо*, получившее наибольшее число голосов” и т.д. “Если ни у одного *человека* нет большинства” и т.д. “В любом случае, после выбора Президента, *лицо*, получившее наибольшее количество голосов выборщиков, становится вице-президентом”. (2-я статья, 1-й раздел, 2-й пункт.^[7]) “Ни одно *лицо*, кроме гражданина по

рождению” и т. Д., “Не имеет права занимать должность президента; также ни одно *лицо* не имеет права занимать эту должность, если оно не достигло возраста тридцати пяти лет” и т. Д. “Ни один человек не может быть осужден за государственную измену, кроме как на основании показаний двух свидетелей” и т.п. (третья статья, третий раздел, третий пункт). “*Лицо*, обвиняемое в любом штате в государственной измене” и т.п. (4-я статья, 2-й раздел, 2-й пункт). “Никто из *лиц*, привлекаемых к службе или труду” и т.п. (4-я статья, 2-й раздел, 3-й пункт)

Теперь из всего этого будет видно, что слово “*лицо*” используется в конституции в самом широком смысле. Она распространяется на индейцев, если они облагаются налогом; она распространяется на уроженцев Африки; она распространяется на подмастерьев и рабов или на тех, кого заставляют прислуживать или трудиться; и она охватывает каждого гражданина, от самого скромного до самого высокого, от самых верных до самых предательских. Она охватывает всех, от раба до президента Соединенных Штатов. И после того, как это слово было использовано для обозначения всех этих классов и описаний людей, далее в поправке говорится, что “*ни одно ЛИЦО не может быть лишено жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры*”. (Поправка, статья 5.)

Закон штата Мэриленд передал этот округ Конгрессу “с полным и абсолютным правом, как на землю, так и на человека, проживающего или намеревающегося проживать в нем”.

Теперь Конгресс, пытаясь легализовать рабство в округе Колумбия, своим принятием законов штата Мэриленд предусмотрел условия, согласно которым один человек может держать другого человека в рабстве в этом округе “БЕЗ НАДЛЕЖАЩЕЙ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕДУРЫ”, да и вообще без какой-либо правовой процедуры; может держать его в рабстве с момента его рождения; может зачать его и до сих пор держать в рабстве его и его потомство. “Правовой процесс” означает судебное разбирательство и суд присяжных. Это выражение относится не к законодательной власти, а к судам. Это означает возбуждение судебного иска по гражданским делам; составление обвинительного заключения или информации по уголовным делам; выдачу повесток свидетелям и т.д., в обоих случаях. (См. статью 6 Поправок к Конституции.)

Итак, раб - это человек, лишенный свободы и собственности без какого-либо судебного разбирательства. Не было никакого “надлежащего” судебного процесса, который довел бы его до этого жалкого состояния; вообще не было никакого судебного процесса. Следовательно, раб в этом Округе лишается свободы и собственности в соответствии с законами Конгресса, без *какого-либо* судебного процесса, и, следовательно, это вопиюще противоречит пятой статье Поправок к Конституции Соединенных Штатов. Следовательно, акт Конгресса, призванный сохранить действие законов Мэриленда, касающихся рабства в этом округе, был, есть и навсегда должен быть, пока конституция не будет изменена, недействительным.

Существует поразительный исторический факт, касающийся формулировки этой пятой статьи поправки. Ее содержание было предложено несколькими государствами. Вирджиния предложила это в следующих словах: “Ни один *свободный* человек не должен быть схвачен, заключен в тюрьму или лишен принадлежащих ему свобод, привилегий или привилегий, объявлен вне закона или сослан, или каким-либо образом уничтожен или лишен своей жизни, свободы или собственности, кроме как по закону страны”. (См. 3 Дебаты Эллиота, 593—Материалы от 27 июня 1788 г.. Также, 4 Дебата Эллиота, 216, по той же поправке, предложенной штатом Нью-Йорк.)

Поправка Вирджинии использовала слово “свободный человек”. В ней предлагалось, чтобы ни один “свободный человек” не был лишен прав и т.д. В нью-йоркской поправке использовалось слово “лицо”. И поправка была принята и ратифицирована почти в соответствии с нью-йоркской фразеологией. Было выбрано слово “личность”, и поэтому Конгресс не имеет конституционного права лишать жизни, свободы или имущества *без соблюдения надлежащей правовой процедуры*, что бы ни охватывалось определением этого слова. Своим собственным подбором слов она лишена права не просто лишать “свободного человека”, но и лишать “человека” этого права.

Когда Конгресс попытался легализовать и увековечить рабство в этом округе, он нарушил четвертую статью Поправок, которая провозглашает “право людей на *безопасность* своей личности, домов, бумаг и имущества от необоснованных обысков и конфискаций”. Если Конгресс не может санкционировать обыски и конфискации по месту жительства в отношении одного человека, может ли он низвести целую расу людей до положения рабов, а затем сказать, что *поскольку они рабы*, они не должны быть “в безопасности”; но должны быть во власти любого предполагаемого хозяина в отношении их личности, которым можно командовать и ограничивать, покупать и продавать? Если Конгресс не может санкционировать обыски и изъятия домов, бумаг и имущества, может ли он обойти конституцию, заявив, что мы создадим класс лиц, которые не будут иметь права владеть какими-либо домами, бумагами или имуществом, подлежащими обыску или изъятию?

Еще раз; Конгресс не должен принимать “закон о лишении прав”. Что такое закон о лишении прав? Это закон, который приводит к растлению крови. Это лишает избирательных прав свой объект. Это отнимает у него обычные привилегии гражданина. Это делает человека неспособным приобретать, наследовать или передавать собственность; неспособным занимать должности или выступать в качестве адвоката для других; и это закрывает перед ним двери судов. Эти инвалидизирующие последствия могут распространиться на детей мужчины после него, хотя в этом нет необходимости. Сейчас Конгресс не может принять такой законопроект. Но когда Конгресс взялся легализовать рабство в этом Округе, он взялся сделать все это, и даже хуже всего этого. Это коснулось не только отдельных людей, но и целой расы. Раб вне закона; то есть он не может заключить контракт; он не может преследовать в судебном порядке и защищать в суде; собственность не может быть приобретена им, изобретена для него или передана через него. Белый человек может дать свои показания против него, но он не может дать свои показания против белого человека. У него отнимают его *liberam legem*, право, данное ему по рождению. Он не может владеть едой или одеждой, которые заработал. То, что принадлежит ему, принадлежит его хозяину. И это растление крови, вызванное законом рабства, не прекращается ни с первым, ни со вторым поколением, ни с десятым, ни с десятитысячным; но, по теории закона, продолжается вечно. В течение наихудших периодов мировой истории судебные акты применялись только к отдельным лицам или, самое большее, к семье. Но здесь Конгресс, вопреки конституции, взял на себя обязательство создать в обществе деградировавшую касту и увековечить ее на протяжении всех поколений. Теперь, может ли какой-нибудь разумный человек на мгновение предположить, что конституция имела целью запретить Конгрессу принимать репрессивные акты против отдельных лиц, но разрешить ему принимать массовые, радикальные законы, лишаящие целую расу гражданских прав и влекущие за собой деградацию навсегда?

Давайте посмотрим на другой общий запрет конституции: “Соединенные Штаты не должны присваивать дворянский титул”. (статья 1, § 9, пункт 8.) “Различие званий и почестей, “ говорит Блэкстоун, - необходимо в каждом хорошо управляемом государстве, чтобы награждать выдающихся людей за их заслуги перед обществом”. Но создатели конституции так не думали; народ Соединенных Штатов так не думал; и поэтому они включили в свой органический закон положение о том, что “дворянский титул не должен предоставляться”. Но не имеет значения, называется ли избранный человек “Маркизом” или “Хозяином”. Если правительство наделяет его монопольными правами и привилегиями в силу его титула и его юридических последствий, без каких-либо соответствующих гражданских обязанностей, он принадлежит к дворянскому сословию, — он дворянин. Мистер Макдаффи защищает институт рабства на том основании, что он устанавливает высшие из всех рангов и широчайшие из всех различий между людьми. Он говорит, что еще не существовало нации, которая в той или иной форме не создала бы различия между классами, — такими как патриций и плебей, или гражданин и илот, или лорд и простолюдин, — и что институт рабства стоит здесь вместо этих порядков и заменяет их все, будучи эквивалентным им всем. Теперь, не является ли немислимым, что конституция должна запрещать предоставление особых услуг выдающимся личностям за заслуги, и в то же время должна разрешать Конгрессу предоставлять высшую из всех земных прерогатив — прерогативу собственности, свободы и самой воли одному классу людей над другим классом людей? И все же, если Конгресс сможет создать или легализовать рабство, он может установить наихудший порядок дворянства, который когда-либо существовал. Это может дать одному классу людей власть владеть и контролировать, наказывать и разорять другой класс; продавать отца, мать, жену и детей в рабство. Запрещать Конгрессу делать одно из этих действий и разрешать ему делать другое - все равно что ловить комара и проглатывать верблюда — целый караван верблюдов!

Но тот же самый пункт конституции, который наделяет Конгресс исключительными законодательными полномочиями в отношении этого округа, также уполномочивает его “осуществлять аналогичную власть над всеми местами, приобретенными с согласия законодательной власти штата, в которых то же самое должно быть, для возведения фортов, складов, арсеналов, верфей и других необходимых зданий”. Таким образом, если Конгресс имеет какие-либо конституционные полномочия легализовать рабство в этом округе, он имеет такие же полномочия легализовать его (то есть создать его) во всех местах штата Массачусетс, или Нью-Йорка, или любого другого, где он мог получить территорию от штата для форта, склада, арсенала, дока или другого необходимого здания. Там, где она получила землю в центре города - Филадельфии, Нью-Йорке, Бостоне или Чикаго, — для таможни, она может создать там рабство. Полномочия на это выражены точно такими же словами, как и полномочия, с помощью которых было установлено, что рабство может быть установлено в округе Колумбия.

А теперь я займу те несколько минут, которые у меня остались, рассмотрением того, что кажется мне единственным правдоподобным аргументом, который можно привести в пользу конституционности рабства в этом Округе.

Можно сказать, что когда территория отвоевывается одной нацией у другой, будь то путем завоевания или по договору, законы, которыми руководствовались жители во время завоевания

или уступки, остаются в силе до тех пор, пока они не будут отменены законами завоевывающей или покупательной силы. В подтверждение этого принципа можно сослаться на авторитет лорда Мэнсфилда в деле "*Кэмпбелл против Холла*", 1 Cowper, 208. Решения наших собственных судов имеют тот же эффект. (См. *Соединенные Штаты, заявитель, против Хуана Перчемана*, 2 Отчета Галлисона, 501; *Джонсон против Макинтош*, 7 Питерс, 51; 8 Уит. 543.) Я не оспариваю авторитетность этого дела. Но это не касается вопроса, который я обсуждаю; или, насколько это вообще имеет к нему отношение, это подтверждает взгляды, которые я бы отстаивал. Принцип заключается в том, что существующие законы остаются в силе до их отмены. Я согласен с этим. Но в случае с округом Колумбия между Мэрилендом и Соединенными Штатами существовало специальное соглашение, согласно которому, как только Соединенные Штаты начнут издавать законы для этого округа, законы Мэриленда, *как таковые*, должны прекратить свое действие здесь. Таким образом, на 27 февраля 1801 года всеми правами, которыми обладали граждане этого Округа, они обладали по закону Конгресса, а не по закону штата Мэриленд. Днем ранее гражданин мог проголосовать за губернатора или других должностных лиц штата Мэриленд; но на следующий день он больше не мог голосовать ни за одного такого должностного лица. Днем ранее он мог проголосовать за выборщиков президента и вице-президента Соединенных Штатов; но на следующий день он был лишен всех таких прав избирательного права и должен был принимать таких должностных лиц и законодателей, которых могла выбрать за него остальная часть страны. За день до этого он мог бы, как несостоятельный должник, быть освобожден от ответственности в соответствии с законами штата Мэриленд о несостоятельности; но на следующий день он уже не мог быть освобожден от ответственности таким образом. За день до этого от него, как от мирового судьи штата Мэриленд, могли потребовать исполнения обязанностей ополченца; но на следующий день, если бы его назначили мировым судьей округа Колумбия, его нельзя было бы заставить выполнять обязанности ополченца, потому что в таком случае он был бы офицером Соединенных Штатов. За день до этого он мог бы подать иск в окружной суд Соединенных Штатов, как гражданин штата Мэриленд; но на следующий день он не мог подать такой иск, поскольку перестал быть гражданином штата. Таким образом, смена юрисдикции над ним лишила его некоторых привилегий и освободила от некоторых тягот. Это лишило его этих привилегий и освободило его от этого бремени, несмотря на то, что в акте Конгресса недвусмысленно говорилось: "*законы штата Мэриленд в ТОМ ВИДЕ, в КАКОМ ОНИ СУЩЕСТВУЮТ СЕЙЧАС, должны быть и продолжать действовать* в той части указанного округа, которая была передана этим штатом Соединенным Штатам". Но самым важным изменением, которое было вызвано переводом гражданина из юрисдикции Мэриленда в юрисдикцию Соединенных Штатов, было то, что для него стало невозможным больше держать раба. По законам Мэриленда он мог бы содержать своего раба, поскольку ее законы узаконили рабство; но по конституции Соединенных Штатов он не мог содержать раба; поскольку эта конституция не давала Конгрессу полномочий легализовать рабство в этом округе и зашла так далеко, что ввела запрет на это. Затем его право содержать рабов истекло или утратило силу, как и его право голосовать за должностных лиц Соединенных Штатов или за должностных лиц штата, или его право быть уволенным в соответствии с законом штата Мэриленд о несостоятельности, или его право подавать иски в определенные суды, и т.д., и т.п.

Еще одно замечание, сэр, и я сделал это. Почему, говорит мой оппонент, право держать рабов не сохранилось после смены юрисдикции, так же как и право держать лошадей? По самой

простой из всех причин я отвечаю: по той причине, что лошадь является *собственностью* по всеобщему согласию человечества, по признанию каждого цивилизованного суда христианского мира, без какого-либо позитивного закона, объявляющего ее предметом собственности. Но человек не является собственностью без позитивного закона; без закона, объявляющего его субъектом собственности. Такой позитивный закон существовал в Мэриленде, но Конгресс из-за отсутствия конституционных полномочий не мог принять, возродить или продолжить его действие. И я искренне верю, что таким было бы решение Верховного суда Соединенных Штатов, если бы этот вопрос был вынесен на их рассмотрение сразу после акта 1801 года. Но теперь, поскольку рабство практически существует в этом районе уже полвека, уместно принять закон, отменяющий его. При нынешних обстоятельствах лучше, чтобы рабство было отменено здесь законом Конгресса, чем решением суда; потому что Конгресс может выплатить компенсацию владельцам и отпустить рабов на свободу. Но если бы это было отменено законным решением суда, каждый раб был бы поспешно отправлен на юг и продан, он и его потомки, в вечное рабство.

Итак, ради справедливости по отношению к северу, который не должен терпеть позора рабства в этой столице нации; ради справедливости по отношению к рабам, которые здесь содержатся в рабстве вопреки законному, а также естественному праву; и, более чем из справедливости по отношению к хозяевам, предполагаемые требования которых я готов при любых обстоятельствах удовлетворить, пусть немедленно будет принят закон об установлении рыночной стоимости рабов и об отмене всех законов, поддерживающих рабство в этом Округе.

СНОСКИ:

[5] Лекция о Севере и Юге. Прочитана в Колледж-холле 16 января 1849 года перед Молодежной ассоциацией коммерческих библиотек Цинциннати. Автор: Эллвуд Фишер.

[6] анекдот, которым я располагаю из лучших источников, не является неуместным. Несколько лет назад гражданин штата Коннектикут скрылся, оставив после себя жену. Он отправился в штат Миссисипи, где взял себе в наложницы цветную женщину, родил от нее детей, приобрел собственность и умер. Жена и наследники в Коннектикуте заявили права на имущество, приобретенное в Миссисипи. Иск был оспорен. Достопочтенный Генри С. Фут, ныне сенатор от этого штата, вел защиту. Он отрицал титул жены в Коннектикуте, подтвердил титул наложницы и ее детей в Миссисипи и привел случай Авраама, Сарры и Агари, чтобы доказать законность и уместность наложничества и божественное право на это. И, конечно, если библейский аргумент в пользу рабства обоснован, аргумент мистера Фута в пользу сожительства столь же обоснован.

[7] Этот пункт конституции отменен; но для всех целей определения истинного толкования слов он хорош, как никогда.

РЕЧЬ

Произнесено в Палате представителей Соединенных Штатов. 15 февраля 1850 года, на тему рабства на Территориях и последствий распада Союза.

Г-н Председатель;

С момента основания этой Палаты, до ее организации и даже на предварительном собрании, предшествовавшем началу сессии, джентльмены-южане настаивали на том, чтобы мы выступали не только за рабство людей, но и за распространение рабства. Из соображений снисходительности, а не из-за каких-либо вопросов относительно наших прав, мы, жители севера, хранили нерушимое молчание. Несомненно, пришло время, когда голос свободы должен найти выражение. Молю Бога, чтобы в данном случае оно нашло более способного защитника, чем я, хотя, если бы моя способность защищать его была равна любви, которую я к нему питаю, оно не могло бы требовать более сильного защитника.

Я хотел бы сказать несколько слов о уместности и истинном значении некоторых эпитетов, которыми характеризуются участники этой дискуссии. Термин “Свободный нарушитель” постоянно используется на этом этаже как термин позора и порицания; тем не менее, я утверждаю, что в его первоначальном и законном смысле, как обозначающий сторонника доктрины о том, что все наши территориальные владения должны быть посвящены свободе, нет языка, который мог бы предложить более почетное название. Она выражает решимость со стороны ее учеников сохранить свободной территорию, которая сейчас свободна; стоять на ее границах, как херувимы стояли у врат Рая, с пылающим мечом, обращенным во все стороны, чтобы грех рабства не переступил ее границ. Если, в любом случае, первоначальные защитники Свободной земли отказались от своей честности и искали союзников, которые не сочувствовали их принципам, а лишь стремились присоединиться к ним в борьбе за простое политическое господство, то, по моему мнению, они потеряли бесконечно больше моральной силы, чем приобрели в численности. Они перестали быть искренними Свободолюбивыми Людьми, которых я люблю, и превратились в приверженцев, которых я осуждаю. Что касается меня, я пойду на любые благородные меры, которые, скорее всего, обеспечат свободу новым территориям. Я буду сопротивляться любым мерам, которые предлагают оставить их в рабстве. Следовательно, эпитет “Свободный от загрязнений”, при правильном понимании и правильном применении, подразумевает как политическую, так и моральную ценность; и я жажду чести применить его к себе. Но что означает его противоположность? Что означает термин “Рабовладелец”? Он обозначает того, кто желает и проектирует, чтобы вся почва была создана для выращивания рабов. Его ужасное значение заключается в том, что после Великой хартии вольностей и Петиции о праве в Великобритании и после Декларации независимости в этой стране мы должны с презрением отбросить не только учения христианства, но и самые ясные принципы естественной религии и естественного права и должны отступить от нашей хваленой цивилизации в Темные века, — да, в периоды, которые темные века можно было бы назвать темными. Это означает, что эта *Республика*, как мы ее называем, созданная для установления свободы, должна вступить в крестовый поход против свободы.

И снова: те из нас, на севере, кто сопротивляется распространению рабства, кто намерен противостоять его распространению за пределы, в которых оно сейчас существует, объявляются аболиционистами. Этот эпитет применяется к нам как термин, выражающий упрек и поношение; как клеймо и клеймо позора на наших характерах и принципах. Не проводится никакого различия между теми немногими людьми среди нас, которые желают отменить конституцию Соединенных Штатов, и той огромной группой людей, которые, хотя их верность этой конституции непоколебима, намерены также сохранить свою верность истине и долгу,

противостоя до сих пор наступающему маршу рабства. Среди представителей последнего класса г-на Колламера, генерального почтмейстера, называют аболиционистом. г-на Джона Куинси Адамса осудили как закоренелого аболициониста. Так называется каждый человек, который защищает оговорку Джефферсона против распространения рабства; и если невыразимое отвращение к этому институту и вера в то, что это второе по величине злодеяние, которое угнетатель в своей власти когда—либо совершал против угнетенных, в своей слабости, уступающее только тому церковному господству, которое попирало религиозную свободу человека, — я говорю, если это отвращение к рабству и эта вера в его преступность дают право человеку называться аболиционистом, тогда я радуюсь в своем сердце. неоспоримое право на это название.

По моему мнению, сэр, прежде чем мы сможем принять решение о чести или позоре термина “Аболиционист”, мы должны знать, что это за вещи, которые он предлагает отменить. Вы говорите, что мы, жители севера, аболиционисты; но аболиционисты чего? Являемся ли мы аболиционистами неотъемлемых, неосуществимых, нерушимых прав человека? Являемся ли мы аболиционистами знания, аболиционистами добродетели, образования и человеческой культуры? Стремимся ли мы уничтожить великолепные моральные и интеллектуальные качества, которые Бог дал своим детям, и таким образом, насколько это в наших силах, привести факты рабства в соответствие с законом о рабстве, стирая различие между человеком и животным?

Стремятся ли наши законы и наши институты стереть образ Божий в человеческой душе? Отменяем ли мы брачный завет; и вместо того, чтобы сказать вместе с апостолом, что жены должны подчиняться своим мужьям, приказываем им подчиняться любому телу и своему господину как мужу над всеми? Неужели мы безжалостно разрываем священные узы любви, которыми Бог связал родителя с ребенком, а ребенка с родителем? Стремимся ли мы уничтожить все те благородные инстинкты человеческой души, благодаря которым она стремится к совершенствованию и прогрессу; и утоляем ли мы ее возвышенные стремления к знаниям и добродетели? Посторонний человек, услышав эпитеты “оскорбительно”, которыми нас осыпают, предположил бы, что мы были сторонниками отмены всякой истины, чистоты, знаний, совершенствования, цивилизации, счастья и святости. В этом вопросе извращение языка и идей было сведено к системе, а ложь наших клеветников исключает истину с точностью науки.

Но если слово “аболиционист” следует использовать в укоризненном и оскорбительном смысле, не правильнее ли его отнести к тем, кто хотел бы распространить систему, которая по самой своей природе отменяет свободу, справедливость, равноправие и чувство человеческого братства? Разве оно не принадлежит тем, кто отменил бы не только все социальные и политические, но и все естественные права; кто отменил бы “свободу и стремление к счастью”; кто закрыл бы все пути к знанию; кто сделал бы невозможными свободу мысли и свободу совести, подавив способности, с помощью которых только мы можем думать и принимать решения; кто лишил бы ближнего его родительских прав, а невинных детей нежности и радостей сыновней любви; кто ввел бы грязное сожительство вместо института брака и кто безжалостно растоптал бы все принципы брака? самые нежные и святые чувства, на которые способна человеческая душа? После того, как мистер Джефферсон в Декларации независимости перечислил несколько деспотических поступков британского короля по отношению к своим американским колонистам, он назвал его “принцем, характер которого был

отмечен каждым поступком, который мог определить тирана”. Сейчас в этой стране столько же рабов, сколько было колонистов в 1776 году. Сравните состояние этих трех миллионов рабов с состоянием трех миллионов колонистов. Поведение этого монарха, который был осужден перед землей и небесами как совершивший все зверства, которые могут “характеризовать тирана”, было милосердием и любящей добротой по сравнению с несправедливостью и лишениями трех миллионов наших братьев, ныне существующих среди нас. Если слово “аболиционист”, таким образом, должно использоваться в укоризненном смысле, пусть оно будет применено к тем, кто в середине девятнадцатого века, вопреки всем светилам эпохи, распространял ужасы института, который одним всеобъемлющим преступлением против беспомощной расы делает невозможным совершение какого-либо нового преступления против них, — разве что для того, чтобы расширить территорию их рабства и умножить число их жертв.

Если мы аболиционисты, то мы аболиционисты человеческого рабства; в то время как те, кто выступает против нас, являются аболиционистами человеческой свободы. Мы предотвратили бы распространение одного из величайших зол, от которых когда-либо страдал человек на земле; они перенесли бы телесные и ментальные цепи, — цепи в буквальном и цепи в переносном смысле, — в сферы, где даже полуцивилизованные потомки испанцев и индейцев перестали звенеть. Мы предотвратили бы надвигающуюся ночь невежества и суеверий; они отменили бы славную свободу, которой Бог освобождает своих детей. Следовательно, используя это слово, чтобы оклеветать нас, они принимают тьму за свет, а свет за тьму; добро за зло и зло за добро.

Конституционное право Конгресса издавать законы для территорий все еще обсуждается. Изложив ранее свои взгляды по этому вопросу, я теперь кратко изложу их. В речи генерала Касса, которая была недавно опубликована, этот уважаемый сенатор, чтобы доказать, что Конгресс не имеет полномочий принимать законы по вопросу рабства на территориях, попытался доказать, что он вообще не имеет права принимать законы для территорий. Я имею в виду сенатора от Мичигана, потому что сейчас он предстает перед страной в двойном качестве главы Демократической партии, выступающей за “*наибольшую свободу*”, а также крайне выступающей за рабство партии, выступающей за *наибольшее рабство*. Он разорвал бы все дипломатические отношения между этой страной и Австрией, потому что она отняла у венгров *часть* их свобод, в то время как он укрепляет политические узы, которые связывают его с югом, который лишил три миллиона представителей африканской расы *всех* их свобод, и теперь намерен пропагандировать другие миллионы для новых репрессий. Он утверждает, как великое завещание баронов Раннимиды, что жители территорий, при любых обстоятельствах младенчества, бедности или слабости, будут иметь единственное и исключительное право управлять самими собой, когда практическим результатом этой доктрины, столь удачно рассчитанной, будет то, что одна часть этих жителей будет увенчана властью, подобной королям Джоном, чтобы господствовать ею над своими вассалами. Под именем свободы он вступает на путь, который заканчивается рабством. Все джентльмены-южане признавали полномочия Конгресса издавать законы для территорий, хотя и отрицали особый вывод, вытекающий из общей власти, о том, что они могут издавать законы, запрещающие рабство на них. Но, видя, что право издавать законы по предмету рабства неотвратимо вытекает из права издавать законы по всем другим предметам, потому что никакое правило толкования, которое предоставляет право издавать законы, касающиеся политических привилегий, судов, преступлений, должностных лиц и ополчения, не может остановиться на предмете рабства; видя все это, генерал Касс отрицает как выводы, так и предпосылки, *и ставит генеральное*

правительство в положение иностранной державы по отношению к территориям, которыми оно владеет над которыми оно обладает признанным суверенитетом. Он напоминает человека, который отрицал существование будущего наказания, и под давлением аргументов, почерпнутых из человеческих заслуг и Божьей справедливости, он внезапно остановил своего противника, отрицая существование Бога!

Когда о какой-то чрезвычайно длинной речи, произнесенной в британской палате общин перед Шериданом, говорили как о *светящейся*, он выразил как отрицательное, так и положительное мнение относительно нее одним словом, ответив, что это было *во-светящийся*. Генерал Касс в речи, которая занимает более девятнадцати колонок в "Вашингтонском союзе", проанализировал решения всех судей Верховного суда, которые когда—либо выражали какое—либо мнение по вопросу о власти конгресса над законодательством территорий; он прокомментировал взгляды всех юристов, которые писали об этом, и большинства ораторов в обеих палатах Конгресса, которые обсуждали это; он проанализировал ход администрации всех президентов, которые у нас когда-либо были; и пришел к четкому выводу, что все они - судьи, юристы, законодатели, и президенты систематически нарушали конституцию Соединенных Штатов или одобряли ее нарушение при каждом практически возможном случае на протяжении последних шестидесяти лет.

Опуская сотни способов, которыми абсурдность этого вывода может быть разоблачена, позвольте мне подвергнуть его одной практической проверке. Мы приобрели территорию у Мексики. Генерал Касс проголосовал за ратификацию договора об уступке. Были приняты меры для формирования трех отдельных правительств на этой Территории — Калифорнии, Дезерета, [Юты] и Нью-Мексико. Границы, обозначенные Калифорнией и Дезеретом, накладываются друг на друга на площади в тысячи квадратных миль. Если у них есть исключительное право на самоуправление, как заявляет генерал Касс, а у Конгресса его нет, то они должны сами решить этот вопрос о границах. Они могут объявлять войну друг другу, заключать союзы с иностранными державами, снаряжать армии, строить флоты; в то время как Конгресс ничего не может сделать в их пределах, кроме как продавать землю.

Но что делает доводы генерала Касса еще более необычными, так это тот факт, что, согласно его собственной доктрине, большую часть своей политической жизни он потратил на нарушение конституции, постоянно повторяя свою клятву поддерживать ее. Как маршал Огайо, как губернатор Мичигана, как агент по делам индейцев, он назначал офицеров и магистратов и исполнял законы, когда, согласно его собственным показаниям, он был простым нарушителем спокойствия и узурпатором; он встречался с законодательными органами территорий, которые имели не больше прав собираться, чем толпа; он, несомненно, заключил в тюрьму, если не казнил, многих предполагаемых преступников, которые имели такое же законное право казнить или заключить его в тюрьму; и он получал жалованье в течение более чем двадцати лет, на которое татарский хан имел такое же право, как и он. Теперь, если он вернет заработную плату, которую получил неконституционно; возместит штрафы или конфискации, которые он неправомерно вымогал; проявит некоторые признаки раскаяния за людей, которых он незаконно заключил в тюрьму или повесил, это снимет подозрения многих умов в отношении искренности, если не обоснованности, его аргументации.

Я упоминаю эти факты не из личных чувств по отношению к сенатору от Мичигана, а только для того, чтобы показать, до каких отчаянных крайностей доводят людей, защищая право

распространения рабства от Атлантики до Тихого океана; и потому, что это последнее чтение конституции, которая была изобретена для этой цели.

Со времени последней сессии Конгресса состояние части этой территории сильно изменилось. Беспрецедентная скорость, с которой живой поток людей хлынул в него в течение последних двенадцати месяцев, изменила его состояние и решила его судьбу. В других странах *отдельные люди* пытаются разбогатеть, меняя место жительства. Под неистовыми действиями нашего предприятия *города* мигрируют. Новые жители Калифорнии разработали конституцию, подали заявление о приеме в этот Союз, и их заявление сейчас находится на рассмотрении у нас. По собственному желанию они исключили рабство из своих границ своим основным законом. До открытия золота в этой стране и до тех пор, пока не было преодолено всякое недоверие к этому замечательному факту, на юге с уверенностью ожидали, а на севере сильно опасались, что весь регион будет наводнен рабовладельцами и рабынями. Еще в 1842 году мистер Уайз из Вирджинии, глава администрации в Палате представителей, смело заявил, что *“рабство должно беспрепятственно распространяться по всему миру и не находить границ, кроме Южного океана”*. Война с Мексикой велась с двойной целью: отнять у этой республики ее территорию, а затем отнять у этой территории ее свободу. Ораторы в Конгрессе и южная пресса признавали, что целью приобретения территории было распространение “божественного института”. Я мог бы процитировать несколько страниц в доказательство этого утверждения. У севера не было никакой надежды, у юга не было страха, если территории останутся без контроля, но они сначала будут заполнены рабовладельцами, а затем включают рабство в свой основной закон. Хотя эти перспективы сохранялись, юг настаивал на том, чтобы оставить эти территории свободными. Выдающиеся люди в этой Палате, мистер Калхун и другие сенаторы, правительственный орган, который должен был выражать взгляды президента Полка и его кабинета, - все они провозгласили, что территориям следует предоставить свободу устанавливать такое правительство, какое они выберут.^[8] Но с тех пор, как в Калифорнии была принята *свободная* конституция, какие внезапные перемены произошли в убеждениях мужчин! В течение текущей недели у нас было три самых продуманных выступления в этом Доме, в которых принятие Калифорнии с ее свободной конституцией категорически отвергается на конституционных основаниях. Да, сэр, вы знали об этом? *конституция Соединенных Штатов только что была изменена*; или, что предназначено для достижения того же эффекта, без необходимости внесения изменений в порядке, установленном самой конституцией, было изменено ее толкование. В то время как Калифорния обещала быть рабовладельческим штатом, любое вмешательство было неконституционным. Теперь, когда она желает быть свободным штатом, вмешательство и отталкивание от нее стало конституционным. Не только так, но, по словам джентльмена из Алабамы (мистера Инге), поклявшись поддерживать конституцию, мы поклялись увековечить, и не только увековечить, но и *распространить* рабство. “Тем,” говорит он, “кто склонен противостоять моим взглядам, я рекомендую более внимательное прочтение этого документа. Они обнаружат, что он не только гарантирует рабство, но и предусматривает его продление”. Или, как он говорит в другом месте, это предусматривает “продление института на неопределенный срок”. И, следовательно, когда территория просит признать ее свободным государством, ей следует дать отпор и фактически сказать: “Если вы включите рабство в свою конституцию, вы будете приняты; если нет, то нет”. Если бы человек, впервые произнесший изречение “обстоятельства меняют дела”, предвидел наше время, он бы сказал: “обстоятельства меняют *принципы*”.

Тот же джентльмен защищает рабство, апеллируя к Библии. Но если Библия является авторитетом для принцепала, разве она не является авторитетом и для инцидентов? Если является авторитетом в отношении жестокости рабства, разве это не равный авторитет в отношении смягчения его последствий? Разве повеление “освятить пятидесятый год” как юбилейный и “провозгласить свободу по всей земле всем жителям ее” не содержится в том же кодексе и в той же главе того же кодекса, а также в часто упоминаемом полномочии покупать рабов и невольниц язычников? Если Библия - это ваше поручение, почему вы не следуете условиям этого поручения, соблюдая его ограничения, а также его полномочия? Это пятидесятый год столетия, сам по себе юбилейный год; и все же, вместо “возвращения каждого человека в его владения и каждого человека в его семью”, этот год выбран для порабощения новых царств. Он не должен быть “освящен” как юбилейный год, но должен быть осквернен как год плена и скорби.

Сэр, я должен выразить самое решительное несогласие с теми, кто оправдывает современное рабство левитским законом. Мой разум и совесть восстанут против тех толкований, которые

“Истязать священные страницы Библии,

Санкционировать преступление, грабеж и кровь,

И, служа ненависти угнетения, клевета

И человек, и Бог”.

Во времена Галилея священники обращались к Библии, чтобы опровергнуть истины астрономии. Более двухсот лет один и тот же класс людей взывал к одному и тому же авторитету, чтобы опровергнуть геологическую науку. И теперь этот авторитет приводится не просто для того, чтобы опровергнуть закон физической природы, но и для того, чтобы отрицать великий закон человеческой души, закон человеческого сознания, закон Божий, начертанный на скрижали сердца каждого человека, подтверждающий его право на свободу. Сэр, пусть те, кто почитает Библию, остерегаются того, как они подкупают ее совершить эту измену и лжесвидетельство против священных прав человека и святого закона Бога. Все, что они получают в поддержку своего учения, будет в значительной степени лишено авторитета Священных Писаний. Если Библия пересекла Атлантику, чтобы распространить рабство на континенте, где оно раньше было неизвестно, тогда Библия - это книга смерти, а не книга жизни.

Далее выдвигаются возражения против признания Калифорнией того, что ее размеры слишком велики для одного штата. Сила этого возражения несколько ослабевает, когда мы размышляем о том, что оно исходит от людей, которые наиболее настойчиво добивались принятия Техаса. Однако я не буду очень серьезно возражать против сокращения его пределов. Я скажу откровенно, что считается, что южная часть Калифорнии еще больше привязана к свободе, чем северная. Следовательно, результатом может быть, если это возражение будет сохранено и будет проведено разделение, то вскоре у нас будет два свободных государства вместо одного. Предыдущая администрация заявила, что Мексика должна быть расчленена, чтобы “расширить зону свободы”. Самым справедливым возмездием за эту дьявольскую иронию является буквальное выполнение декларации.

Но теперь я перехожу к более существенной части этого великого вопроса. Юг основывает свои претензии на новой территории на великой доктрине равенства. Существует пятнадцать

рабовладельческих штатов; есть только пятнадцать свободных штатов. Юг выделил людей и деньги на завоевание не меньше, чем север; отсюда равная собственность и равные права пользования. Это аргумент. В длинной и очень продуманной речи, произнесенной в Сенате на этой неделе одним из самых выдающихся юристов Южных Штатов (судьей Берриеном), он основывает все претензии юга на этой доктрине равенства.

Теперь я признаю этот принцип в его полном объеме и без колебаний. Эта страна одинаково свободна для всех жителей Соединенных Штатов. Правительство может продавать земли, на которые еще не оформлены действительные права собственности; и любой гражданин, который согласится на его условия, может купить их. Жители каждого из Соединенных Штатов могут отправиться туда и установить свое постоянное место жительства. Законы Конгресса не допускают никакой дискриминации между ними. Конституция не допускает такой дискриминации. Закон природы и наций не допускает никакой дискриминации. Север не имеет привилегий перед югом, а юг не имеет привилегий перед севером. Если север имеет на это больше прав, чем юг, равенство уничтожается. Если юг имеет на это больше прав, чем север, равенство в равной степени разрушается.

А теперь, практически, какое право имеет север или на какое право претендует север, которым юг не обладает в равной степени? Какой предмет собственности может иметь при себе гражданин Массачусетса, который гражданин Джорджиине может иметь при себе? Можем ли мы перенести туда какие-либо из наших местных законов, даже если все жители штата должны переехать туда всем скопом? Конечно, нет. Когда мы покидаем наш штат, мы оставляем наши местные законы позади. Гражданин Бостона имеет право обучать своих детей в школе за государственный счет. В государственных школах Бостона он может подготовить своего сына к поступлению в любой колледж этой страны, даже если он слишком беден, чтобы заплатить хоть цент за налоги, и никогда не платил ни цента за налоги. Имеет ли он какое-либо такое право по прибытии в Сан-Франциско? Если город Бостон лишит его права обучать своего сына за государственный счет, он может подать иск против него и возместить полный ущерб. Может ли он сделать то же самое в Сан-Франциско или Сан-Хосе? Конечно, нет. Он оставил законы и институты Массачусетса позади. Но, как говорится, мы можем перевезти туда наше *имущество*, а вы не можете перевезти туда свое *имущество*. Я думаю, что те, кто использует этот аргумент, подобно древнеримским авгурам, должны искоса улыбаться друг другу из-за доверчивости или простодушия тех, кого они этим обманывают. Разве каждый человек, даже с самой слабой проницательностью, не увидит ошибочности, которая здесь скрывается под словом “*собственность*”? Что подразумевается под этим вводящим в заблуждение термином “*собственность*”? Если вы имеете в виду серебро, или золото, или семена, или злаки, или овец, или лошадей, не могли бы вы отнести их туда так же свободно, как мы можем? Но у вас есть особые законы; местные и своеобразные законы, — законы, противоречащие великим принципам общего права, по которым вы называете *мужчин и женщин* собственностью. И потом, конечно, поскольку мы можем перевезти туда *собственность*, когда *собственность* означает зерно и скот, вы можете перевезти туда *собственность*, когда это означает людей, — возможно, ваших собственных братьев, или сестер, или детей. Поскольку мы можем нести туда свою *собственность*, когда *собственность* означает неодушевленные вещества, вам нужно только назвать человека *собственностью*; — вам нужно только назвать существо, созданное по образу Божьему, *собственностью*, и тогда его можно будет ввезти контрабандой под новым именем. Да ведь, сэр, в стране нет ни одной респектабельной деревни, где, если бы жонглер или шарлатан попытался подсунуть своей публике такой неубедительный трюк, как этот, его бы

не освистали со сцены. Есть определенные виды собственности и прав, которые мы можем унести с собой на территорию, и другие виды, которые мы не можем. Мы можем перевозить движимое имущество, но не недвижимое — бриллиант или библиотеку, но не хлопчатобумажную фабрику или хлопковое поле.

Просматривая газеты этого города каждое утро, я вижу, что лотереи разрешены более или менее во всех Южных штатах. Их “схемы” регулярно рекламируются. Я помню, когда останавливался на день в одном из южных городов, в отель зашли какие-то полуофициального вида личности, расчистили большое пространство в общем зале, установили вращающуюся машину и приступили к розыгрышу лотереи. Сейчас в Массачусетсе и во многих Северных штатах лотереи запрещены под страхом суровых наказаний. У нас строго запрещено рекламировать лотерею в любой форме, размещать плакаты на углах улиц или выставлять какой-либо план или эмблему лотереи в витрине магазина. Мы действуем в соответствии с хорошо известной истиной, что существует гораздо меньшее число людей, получающих какой-либо значительный приз в лотерее, чем тех, кого убивает молния; и поэтому, каковы бы ни были шансы владельца билета получить какой-либо значительный приз, мы знаем, что у него гораздо больше шансов быть убитым молнией. Теперь, когда гражданин Вирджинии и гражданин Массачусетса отправляются на новые территории, сохраняет ли первый свое право учреждать и разыгрывать лотерею, или последний сохраняет свое право преследовать другого за это в судебном порядке? Ни то, ни другое; определенно ни то, ни другое. Оба оставили местный закон позади. Если бы какое-либо государство в этом Союзе приняло полигамию в качестве своего особого института, мог бы житель этого штата взять с собой дюжину жен на новые территории и отстаивать свое право жить с ними там, потому что он мог бы сделать это дома? Или, предположим, в соответствии с принципом “явного предназначения” мы должны *повторно* присоединить часть Китая к этому Союзу, могли бы китайцы, переехав в Калифорнию, унести с собой практику детоубийства? Точно так же, отвечаю я, и точно на том же юридическом основании, что юг может переносить рабство в Нью-Мексико. Причина в том, что закон о рабстве является *местным* законом. Подобно лотереям, полигамии или детоубийству, это не может легально существовать ни в одной стране, где преобладают принципы общего права, до тех пор, пока это не будет легализовано и санкционировано специальным законом. Тогда это разрешается на том простом основании, что та часть общего права, которая обеспечивает свободу и собственность, право на *хабеас корпус* и свободу слова каждому человеку, была вырезана и отброшена. Конституция исходит из этой доктрины, когда предусматривает возвращение беглых рабов. Почему она не предусматривала поимку беглой лошади или быка? Почему в нем не было предусмотрено, что, если лошадь или бык сбежит из рабовладельческого состояния в свободное, они должны быть переданы или подлежать возврату в судебном порядке? Потому что лошади и быки являются *собственностью*, по общему согласию человечества. Не нужен был закон, чтобы сделать их собственностью. Они являются собственностью по праву наций, по английскому общему праву, по закону каждого штата в этом Союзе, — *в то время как мужчины и женщины таковыми не являются*. Беглый раб не мог быть возвращен до принятия конституции. Право арестовывать беглых рабов было одним из мотивов ее принятия. Эти соображения демонстрируют, что рабы не являются *собственностью* в значении этого слова, когда утверждается, что если север может перенести *свою* собственность на территории, то и юг может. Поскольку конституция, в терминах, принимает общее право, она не оставляет рабству ничего, на что можно опереться, кроме местных законов штатов, где оно установлено. Свобода - это правило, рабство - исключение. Таким образом,

любимая доктрина судьи Беррьеана о равенстве была бы разрушена, если бы исключение возобладало над правилом. Ибо, если рабство может быть введено на какой-либо из наших территорий силой конституции, оно может быть введено на всех них; и если оно будет введено на всех, исключение станет правилом, а правило исчезнет. Да, правило перестает быть даже исключением из того, что было его собственным исключением. Оно полностью поглощено и утрачено.

Я знаю, что говорят, что *факт* рабства всегда предшествует *закону* о рабстве; что *закон* не предшествует институту и не создает его, а приходит позже, чтобы санкционировать и регулировать его. Но это не более верно в отношении рабства, чем в отношении любого другого института или практики среди человечества, будь то правильного или неправильного. Человекоубийство существовало до появления закона; закон появился впоследствии и провозгласил, что тот, кто незаконно лишил жизни невинного человека, должен лишиться своей собственной по закону. Закон был принят, чтобы регулировать убийства; разрешать лишение человека жизни за преступление, точно так же, как мы разрешаем принудительное рабство за преступление; и с таким же успехом можно утверждать, что убийство является естественным правом, потому что оно существовало до закона, как и рабство является естественным правом, потому что оно существовало до закона. *Этот аргумент апеллирует к преступлению, для предотвращения которого был принят закон, чтобы установить превосходство преступления над законом, его запрещающим.*

В аргументах, которые используют джентльмены-южане по этому поводу, есть еще одна ошибка, которая, хотя и не столь прозрачна, как предыдущая, столь же несостоятельна. Они говорят *о правах* рабовладельца на новых территориях. Они говорят так, как будто коллективная собственность правительства на территории была собственностью отдельных людей; как будто каждый гражданин мог пойти туда и провести линию вокруг “россыпи” и сказать, что *это мое*; а затем, *поскольку это его*, представить на ней своих рабов. Но нет ничего более очевидного, чем то, что такого *индивидуального* права не существует. Право правительства - это, *во-первых*, право на суверенитет и юрисдикцию; и, *во-вторых*, право собственности на все земли, судоходные воды и т.д., которые не были переданы ранее существовавшим правительством. Отдельные люди сохраняют свое гражданство, отправляясь туда, как и в Великобританию или Францию; но раб имеет такое же право на часть общественных земель в Калифорнии, когда он туда попадает, как и его хозяин.

Опять же, если хозяин привозит в Калифорнию законное право содержать рабов, которым он обладал дома, разве раб также не сохраняет свои законные права, когда его переводят туда? Законы, регулирующие рабство, столь же разнообразны, как и штаты, в которых они существуют. В некоторых штатах вольная относительно беспрепятственна. В Делавэре даже продажа раба известному работорговцу является уголовным преступлением. В Грузии закон запрещает или недавно запрещал ввоз рабов для продажи. Итак, как грузин может ввозить рабов в Калифорнию из Джорджии, когда сами законы его собственного штата, по которым он утверждает, что держит рабов, и по которым он утверждает, что возит рабов с собой, запрещают их ввоз?

И далее, политические привилегии являются такой же частью прав человека, как и любой материальный товар. В Южной Каролине владение десятью рабами является имущественным

цензом для того, чтобы быть членом законодательного органа. Переехав в Калифорнию, будет ли гражданин Южной Каролины, владеющий десятью рабами, иметь при себе право на участие в законодательном собрании Калифорнии? Нет, эта политическая привилегия в Южной Каролине идет дальше. Каждый владелец десяти рабов имеет право на то, чтобы ни один человек, не владеющий десятью рабами (или каким-либо юридическим эквивалентом), не был членом законодательного органа. Претендент на должность имеет законное право на ограничение числа своих конкурентов, как и на что-либо другое. Может ли он взять *это* с собой в Калифорнию? Неизбежен вывод, что если жители пятнадцати рабовладельческих штатов могут ввозить рабов в Калифорнию в силу законов своих соответствующих штатов, то они также должны перевозить все случаи рабства, известные их соответствующим кодексам. Ибо, как можно отделить инцидент от основного? Следовательно, по соседству с пятнадцатью семьями могут одновременно действовать пятнадцать кодексов поведения рабов - явный абсурд.

Таким образом, напрашивается вывод, что когда вы подходите к границе между рабовладельческим государством и свободным государством, вы подходите к границе самого рабства. По одну сторону черты, вплоть до надир и до зенита, чернота рабского кодекса пронизывает все; но по другую сторону, так же высоко вверху и так же глубоко внизу, находится чистота свободы. Вирджиния не может распространить свои законы ни на волос за пределы Пенсильвании или Огайо, потому что их территория находится вне ее юрисдикции. Таким образом, ни Вирджиния, ни все пятнадцать рабовладельческих штатов, вместе взятых, не могут ни на волос распространить свои законы о рабстве на новые территории; и по той же причине — территории находятся вне их юрисдикции.

Что касается аргумента о том, что конституция Соединенных Штатов признает рабство и что после уступки новых территорий конституция, благодаря какой-то волшебной и непостижимой эластичности, распространяется на них и несет в них рабство, я думаю, что говорю со всем должным уважением, когда говорю, что он не заслуживает звания софизма. Где строгие конструкционисты или даже сторонники широтного конструктивизма находят какой-либо пункт, или фразу, или слово, которые показывают, что конституция - это что угодно, только не соглашение между *штатами*? Где они находят что-либо, указывающее на то, что это соглашение между территориями или между объединенными *территориями* и государствами? На первый взгляд, конституция встречает это утверждение отрицанием. В преамбуле говорится: “Мы, народ Соединенных Штатов”, — не люди на территориях, ни людей, государств *и* территорий, — “для того, чтобы сформировать более совершенный союз” — “не повелевал и устанавливаем настоящую Конституцию для *Соединенных Штатов Америки*”. Если конституция представляет собой соглашение между Соединенными Штатами *и* территориями, то жители территорий обладают всеми вытекающими из нее правами, которыми обладают жители штатов, — правом выбирать выборщиков на пост президента и вице-президента и т.д., а также быть представленными в Конгрессе членом, который может голосовать так же, как и выступать. Единственный способ, которым конституция когда-либо была распространена или когда-либо может быть распространена на любую часть земной поверхности за пределами “первоначальных тринадцати”, заключается в следующем: Конституция в явных выражениях разрешает прием новых штатов, и, следовательно, когда принимается новый штат, он становится одним из этих “Соединенных Штатов Америки”. Конституция не распространяется на территории, но Конгресс, будучи творением конституции, при принятии законодательных

актов для территорий не только наделен конституционными полномочиями, но и ограничен конституционными ограничениями.

Это было бы намного правдоподобнее претензии, когда покупка Луизианы и Флориды, что Конституция нес свободу на эти территории, потому что Конституция была построена на основе общего права, и, с точки зрения, принимает общее право на его правовых процессах и ее правила судебного толкования; и каждое тело знает, что существует принцип более дорогой к общему праву, чем то, что все договоры, уставы, и таможенные органы должны толковаться в пользу жизни, в пользу свободы.

Опровергнув, как я полагаю, аргумент рабовладельца о том, что запрет рабства на территориях является актом несправедливости по отношению к его правам, я рассмотрю его следующее утверждение о том, что это оскорбление его чувств. Нам говорят, что исключение рабства с территорий является оскорблением благородных чувств юга; и что молчаливое согласие с этим исключением повлекло бы за собой их бесчестие и деградацию.

На эту жалобу есть два ответа. Первый заключается в том, что среди джентльменов никогда не произносится оскорбление, если оно не предназначено. Может быть неосторожное поведение, может быть непреднамеренное задевание чувств; но не может быть оскорбления там, где отсутствует намерение оскорбить. Он не джентльмен, а трус и хвастун, который притворяется оскорбленным и продолжает мстить за оскорбление, в то время как все оскорбления искренне отвергаются. Так вот, цель севера бесконечно далека от того, чтобы подвергать юг какому-либо унижению, исключая рабство с этих территорий. Их враждебность к рабству проистекает из честной преданности тому, что они считают высшим моральным и религиозным долгом; она подкрепляется мнениями человечества и вполне совместима с самыми братскими чувствами по отношению к югу. Они хотят обличать зло таким образом, чтобы остановить зло, а не, распалая беззаконника, увеличивать зло. Какими бы ошибочными ни были их формулировки или чувства, они не являются оскорбительными или оскорбляющими; и, когда все подобные цели отвергаются, те, кто стремится встать на позицию джентльмена, не могут повторить обвинение.

Но есть и другое соображение, которое относится к стороне, предположительно подвергшейся оскорблению, а не к стороне, обвиняемой в оскорблении. В своей “Теории моральных чувств” Адам Смит утверждает, что именно суждение людей — мнение сторонних наблюдателей — доставляет нам удовольствие от одобрения или боль от неодобрения нашего поведения. Итак, в этом соревновании между севером и югом по вопросу распространения рабства, кто является сторонним наблюдателем? Это цивилизованные нации земли. Мы, север и юг, сражаемся на арене. Все цивилизованные люди стоят вокруг нас. Они представляют собой кольцо зрителей. Это величественное зрелище. Это более многочисленное собрание, чем когда-либо было свидетелем какой-либо другой борьбы в истории человечества; и их крики одобрения или презрительное шипение достойны нашего внимания. И что говорят эти зрители во время чередования боев? Призывают ли они юг к более решительным действиям, к более широкому распространению рабства и умножению его жертв? Кричат ли они, когда она торжествует? Когда выковываются и клепаются новые цепи, когда новые царства покоряются надменными надсмотрщиками и наводняются невоспитанными рабами, приветствуют ли ваши уши их аплодисменты и побуждают ли вас к более неистовым усилиям? Всенаоборот; совершенно наоборот. Теперь они смотрят на это с отвращением. Они стонут, они насмеваются, они шипят. Самые яркие страницы их литературы изображают вас покрытыми знаками бесчестия; их

ораторы выставляют ваши цели как объекты для проклятия человечества; их остроумие метает молнии сатиры в ваших лидеров; их своды законов изобилуют законами, в которых учреждения, подобные вашему, клеймятся как преступления; их моралисты со своих высоких и безмятежных мест правосудия обвиняют и осуждают вас; их теологи находят ваше возмездие в Божьих оракулах. Англия отменила рабство. Франция в один страстный момент свободы сбросила цепи со всех своих рабов, подобно тому, как могущественной силой Божьей были освобождены узы Павла и Силы во внутренней тюрьме. Швеция отменила его. Более двадцати лет назад бессильная, получивилизованная Мексика сделала то же самое. Тунис, берберийское государство, и, я мог бы добавить, варварское государство, отменило рабство. Магометанство предшествует христианству и подает ему пример добродетели. Либерия, республика освобожденных рабов, самих братьев и сестер тех, кого вы сейчас держите в рабстве, была признана в качестве независимого государства и принята в семью наций двумя самыми могущественными правительствами на земном шаре. Этим актом свобода обеспечивает новые владения на восточном континенте, в то время как вы стремитесь предоставить новые владения рабству на западном. Монархия приветствует приход свободной нации в Африке, где раньше существовало рабство; республика стремится создать десять тысяч абсолютных деспотий в Америке, где раньше существовала свобода.

Итак, вот свидетели и созерцатели этого великого и ужасного состязания. Все они, как один человек, согласны со своим мнением по этому поводу. Они единодушно посещают ваш курс с проклятиями. На земном шаре нет ни одной страны, у которой есть печатный станок и люди, умеющие читать, от которых вы могли бы вырвать хоть один знак одобрения. Я бы согласился передать вопрос, который сейчас обсуждается между севером и югом, на рассмотрение любого народа на лице земли, не совсем дикого, и подчиниться его решению. Более того, дикие племена Кавказа и Верхней Индии, которые так благородно защищались от агрессии, отвергли бы ваши притязания и высмеяли бы их предлоги. И все же вы говорите, что вы оскорблены, обещены, опозорены в глазах человечества, если вам не позволено обрушить на наши головы те же проклятия, которые они изливают на ваши. Это настолько далеко от истины, что, если бы вы быстро и радостно посвятили новые территории свободе, каждая нация в мире вознесла бы свои аплодисменты вашему поведению до небес.

Но джентльмены юга не только спорят о праве и чести; они идут дальше и говорят нам, что они будут делать, если мы не уступим их требованиям. Подавляющее большинство законодательных органов юга торжественно “постановили”, что если Конгресс запретит рабство на новых территориях, они будут сопротивляться закону “при любой опасности”. И все же они говорят, что не собираются угрожать нам. Они желают воздержаться от любых угроз, поскольку угрозы недостойны джентльменов. Сэр, что означают термины “угрозы” и “пародии”? Мистер Троуп, бывший губернатор Джорджии, говоря о нас, находящихся на этом этаже, и о других, кто сопротивляется распространению рабства, называет каждого из нас “фанатиками”. Он говорит, что только страх смерти остановит наши действия; и затем добавляет: “Этот страх вы должны представить ему в видимой, осязаемой форме”. “Если, - говорит он в другом месте, - аболиционисты решат принудить к эмансипации или *обесчестить южные штаты каким-либо актом Конгресса*, то я твердо убежден, что с учетом указанной здесь военной подготовки в сочетании с хорошими добровольцами вместо системы ополчения штат должен выступить маршем на Вашингтон и распустить правительство”. Джентльмен из Северной Каролины [мистер Клингман,] предупреждает нас, что если будут приняты определенные меры — а это юридические и конституционные меры, на которые он указывает, — для продолжения

законодательной деятельности в этой Палате, то сама Палата станет “Лексингтоном” новой революции, и что “такая борьба не оставит кворума для ведения дел”. Я мог бы занять свой час цитированием пассажей аналогичного характера из южной прессы и от южан. Так вот, если это не угрозы — угрозы самые грубые, вопиющие и оскорбительные, — то я не знаю значения этого слова. Возможно, те, кто высказывает подобные чувства, всего лишь практикуют инверсию языка, равную инверсии их идей по этому вопросу, и назвали бы их “соблазнами”; подобно матросу, который сказал, что его заманили присоединиться к мятежу, и когда его спросили, какие уловки были использованы, чтобы заманить его, сказал, что главарь набросился на него с пикой и поклялся, что если он не присоединится к нему, то вышибет ему мозги.

А те джентльмены, которые выступают с этими угрозами, трезво ли рассматривают, насколько глубоко они клянутся ими самим себе и своим избирателям? Угрозы роспуска, в случае их исполнения, становятся мятежом и государственной изменой. Механизм этого правительства в настоящее время движется вперед своим величественным курсом. Таможни, почтовые отделения, сухопутные управления, армия, военно-морской флот выполняют предписанный им круг обязанностей. Они будут продолжать выполнять их до тех пор, пока не будут арестованы насильственным путем. Если на них будет наложена рука насилия, тогда наступит необходимость, прямо предусмотренная конституцией и инаугурационной присягой президента, “ПОЗАБОТИТЬСЯ О ТОМ, ЧТОБЫ ЗАКОНЫ НЕУКОСНИТЕЛЬНО ИСПОЛНЯЛИСЬ”. Господин Председатель, такое столкновение было бы *войной*. Такое насильственное противодействие правительству было бы *государственной изменой*. Его агенты и подстрекатели были бы *предателями*. Где бы это восстание ни достигло своего апогея, будет объявлено военное положение; и те, кого обнаружат с оружием в руках, должны готовиться к участи преступника.

Сэр, я не могу созерцать это зрелище без трепета ужаса. Если две части этой страны когда-нибудь выступят друг против друга, и их эскадрильи ринутся на конфликт, это будет война, ведущаяся такими интеллектуальными силами, воодушевляемая такой неистовой страстью и поддерживаемая таким изобилием ресурсов, какого мир никогда прежде не видел. “Десять иностранных войн,” хорошо сказано, - это роскошь по сравнению с одной гражданской войной”. Но я с содроганием отворачиваюсь от этой сцены. Если, по карающему провидению Божьему, вулкан гражданской войны когда-нибудь обрушится на нас, это будет среди раскатов грома вверху и землетрясений внизу, а вокруг — тьма; и когда эта тьма рассеется, мы увидим этот некогда славный союз - это единство правления, при котором мы процветали и благословлялись так, как Небеса никогда не процветали и не благословляли ни один другой народ, - расколотый надвое с востока на запад, с пропастью между нами, широкой и глубокой, за исключением того, что эта пропасть будет заполнена и завалена растерзанными телами наших соотечественников; и когда мы придем в сознание, мы увидим, что одежды и руки выживших обгажены братоубийственной кровью.

И какова цель, ради которой мы готовы принести эту ужасную жертву? Это вернуть царство к свободе? Нет! Но подчинить царство рабству. Это для защиты прав человека? Нет! Но для отмены прав человека!

Мистер Боудон. Не думает ли джентльмен, что такая картина, как он нарисовал, побудила бы север уступить часть новых территорий институту рабства?

Мистер Манн. Я верю, что никакие картины *и никакие реальности* никогда не побудят нас распространить рабство за его нынешние пределы. За этими пределами “Больше никаких рабовладельческих территорий, никаких рабовладельческих штатов” - вот доктрина, по которой я, например, буду жить и умру.

Теперь, сэр, поскольку это событие роспуска Профсоюза так часто заставляют нас задуматься, я предлагаю потратить остаток моего часа на рассмотрение некоторых из его наиболее очевидных последствий. У южных газет и авторов южных резолюций есть любимая фраза, что если Конгресс примет какой-либо закон против распространения рабства, они будут сопротивляться ему “любой опасностью”. Давайте трезво разберемся, каковы некоторые из этих опасностей:

Во-первых, что касается возвращения или невозвращения беглых рабов, что является одним из предполагаемых факторов, провоцирующих роспуск. Возьмите карту Южных Штатов и разложите ее перед собой. Хотя они занимают площадь около девятист тысяч квадратных миль, все же весьма примечательным фактом является то, что лишь ничтожно малая часть этой обширной территории находится более чем в двухстах пятидесяти милях от свободной границы; а в тех частях, которые действительно лежат за пределами этого расстояния, содержится очень мало рабов. Те части Северной Каролины, Южной Каролины, Джорджии, Алабамы и Теннесси, где их верхние границы сходятся среди гор, находятся чуть дальше этого расстояния от свободной границы; но эта территория относительно незначительна по размеру и малонаселена рабами. Внешний пояс или пограничный регион рабовладельческих штатов, ни одна часть которого не должна находиться более чем в ста милях от свободной границы, охватывал бы почти половину всей их территории; и, как я полагаю, гораздо больше половины всего их рабского населения. Что может помешать легкому побегу рабов, живущих в этих пределах? Хотя Бог посылает ночи на землю, ничто не может этому помешать. Я рискну предсказать, что при таком положении вещей рабы подешевеют, а лошади станут дорогими. Я знаю о ваших законах, которые запрещают рабам пересекать мосты или паромы без пропуска; но у вас не может быть закона, запрещающего периоды низкой воды. Старая пословица гласит: “У богатства есть крылья”. Вы обнаружите, что у этих богатств есть ноги. Реки Миссисипи и Огайо, где они граничат со свободными штатами, будут полны жизни, как от косяков морских свиней. Помните, что в настоящее время в Соединенных Штатах нет конституции. Которую вы нарушили. Следовательно, свободные штаты освобождены от всех обязательств по выдаче беглецов. Действие закона 1793 года подошло к концу. Не могут быть продолжены никакие действия по оказанию им помощи в побеге, а также по укрывательству или сокрытию их. Уважаемый сенатор от штата Кентукки, [г-н Клей в своей последней речи сказал, что, насколько ему известно, никогда не было случая, чтобы иск о укрывательстве беглецов не был подан в суды свободных штатов и ущерб не был возмещен. Но это средство вы аннулируете. Поскольку действие конституции Соединенных Штатов и закона 1793 года подошло к концу, закон природы оживает. Согласно этому закону, каждый случай побега раба является всего лишь *самовосстановлением украденного*. Когда они переходят черту свободного государства, они свободны — так же свободны, как вы или я. Поскольку государства разделены, я бы так же быстро вернул своего брата или сестру в рабство, как вернул бы беглого раба. Перед Богом, Христом и всеми христианами они мои братья и сестры. Поскольку наши законы признают пиратством похищение рабов в Африке или отправку их оттуда, то для любого южного хозяина будет уголовным преступлением, караемым смертной казнью, похитить цветного человека в свободном штате или вывезти его из него на основании предполагаемого права собственности.

Вы любите цитировать нам Священное Писание в оправдание рабства. Мы возразим Писанию, что “тот, кто украдет человека и продаст его, или *если это будет найдено в руках его*, непременно будет предан смерти”.

Таким образом, здесь проходит граница свободной суши протяженностью около двух тысяч миль и граница свободного океана протяженностью около двух с половиной тысяч миль; и более половины всех ваших рабов находятся в пределах двух дней пути от нее. Более четверти из них находятся в пределах ночной досягаемости. Тысячи и десятки тысяч могут сбежать, даже пока вы обедаете. Канада, которая сейчас так далека, приблизилась на пятьсот миль. Подземная железная дорога будет заброшена, а ее запасы инвестированы таким образом, чтобы приносить более быструю прибыль. Какие возможности для побега также предоставит океан. Флотилии судов постоянно проходят мимо в пределах нескольких часов плавания от побережья. Настанет день прихода к власти и триумфа тех, кого вы ненавидите как аболиционистов. Пароходы могли находиться вне поля зрения суши днем, заходить ночью и снова исчезать из виду до восхода солнца. Охранять две с половиной тысячи миль побережья невозможно. Если вы объявляете войну, чтобы отомстить за свои потери, то эта война делает ваше побережье законно доступным как днем, так и ночью и во сто крат увеличивает возможности и средства для самовосстановления украденных товаров.

Я знаю, говорят, что некоторые Северные штаты неохотно принимают чернокожих. Давайте проанализируем эту идею. Сейчас, по оценкам, рабов насчитывается три миллиона. Допустим, половина из них либо слишком стара, либо слишком молода, чтобы иметь достаточно сил или интеллекта для побега. Осталось полтора миллиона; пятьсот тысяч из них будут иметь привязанность к своим собственным родителям или детям, или к своим хозяевам, слишком сильную, чтобы ее можно было сломить; или они могут быть настолько деградированы, что будут довольствоваться рабством; ибо их удовлетворенность всегда является одним из показателей их деградации. Это оставило бы миллион беглецов, состоящих исключительно из наиболее трудоспособных и умных. Северные Штаты занимают территорию в пятьсот тысяч квадратных миль. Миллион беглых рабов - это всего лишь два человека на квадратную милю, и это, конечно, не было бы огромным числом, даже там, где цветофобия сильна сильнее всего. Предположим, что в семье из четырнадцати рабов — двух бабушек и дедушек, слишком дряхлых для работы, шести атлетически сложенных сыновей или дочерей и шести внуков. Что, как не привязанность, должно помешать трудоспособным и прибыльным сбежать и оставить пожилых и молодых на попечение их хозяев. Привязанность, действительно, привязала бы родителей к их детям, но они слишком хорошо знают, как часто эта связь безжалостно разрывается учителем; и, кроме того, осознанная привязанность всегда была бы направлена на будущих детей и их потомство, а также на тех, кто у них уже есть.

Сделаете ли вы свои законы ужасно карательными, чтобы удержать рабов от побега из-за страха? Будете ли вы калечить их или бичевать до минуты смерти? Сделайте это. Все подобные наказания не только питают любовь к свободе, но и порождают стремление к мести; и это своего рода урок, на который ожесточенная натура всегда склонна ответить улучшениями. Сделаете ли вы побег тяжким преступлением для раба и уничтожите жертву, которую не сможете удержать? Сделайте это. Хотя вы можете причинить смерть в приступе гнева, все же из всех ваших наказаний это самое милосердное. Это не только освобождает самого раба, но и является перспективной и бессрочной амнистией - настоящим актом забвения — для всех его потомков. Но к такому суровому наказанию вряд ли прибегнут. Просматривая уголовные

кодексы рабовладельческих штатов, я, кажется, отмечал случаи, когда раб не наказывался смертной казнью за преступление, совершенное белым человеком. *Ценность* умеряет жажду мести. Не многие, подобно Клеопатре, могут позволить себе растворить жемчужину в чаше мести и проглотить ее залпом, когда на рынке за эту жемчужину можно выручить пятьсот или тысячу долларов.

Джентльмены-южане, когда они угрожают разобщению, конечно, не могут быть настолько виноваты, чтобы забывать, что рабство существует здесь так, как никогда прежде в мире. В Греции были рабы; — в некоторых случаях, высокоинтеллектуальные и образованные рабы. Они могли бы сбежать, если бы захотели; но куда им бежать? Все соседние народы, — весь окружающий мир, — были варварами. Следовательно, этим рабам некуда было бежать туда, где господствовали лучшие институты и более справедливые законы. Так было и с Римом. Куда могли бежать ее рабы, как не в варварскую Испанию, или еще более варварскую Галлию, или к какой-нибудь нации, языка которой они не понимали. Незнание языка - более непреодолимый барьер, чем горы или океаны. Здесь все как раз наоборот. На английском языке говорят со всех сторон; и наша страна рабов окружена свободной землей или свободным океаном — Ямайкой, Бермудскими островами и двумя тысячами миль северной границы. И недавно я увидел оценку из заслуживающего доверия источника, согласно которой, если бы был открыт межокеанский канал через Дариенский перешеек, через него ежегодно проходило бы тысяча двести кораблей; и, плавая туда-сюда, они будут огибать все побережье вашего Мексиканского залива и все ваше атлантическое побережье, причем большая часть пути проходила бы в пределах видимости или в пределах дневного плавания от ваших берегов. Так вот, невежественный раб мало что смыслит в географии, но он знал бы об этих путях к свободе, и ничто, кроме смерти, не могло бы уничтожить это знание и надежды, которые оно внушало бы. Я говорю, сэр, при таких обстоятельствах рабство растаяло бы на ваших границах, как айсберг в тропиках. Частицы, то есть отдельные элементы открытой поверхности, исчезли бы; и вы могли бы с таким же успехом попытаться остановить солнечное испарение с помощью установленных законом законов, как и предотвратить их утечку. Возможно, распад Союза - это средство, предначертанное Богом для искоренения рабства; и если бы я не предвидел его гибели по прошествии какого-либо очень длительного периода, без невыразимых ужасов гражданской и рабской войны, я не могу сказать, к какому выводу привели бы меня вышеприведенные соображения.

Показав, как “устранение” разобщенности подействует на одно из недовольств, заявленных в качестве его мотива и оправдания, давайте посмотрим на другое из тех “опасностей”, список которых неопределенной длины, которым юг так готов противостоять. В случае восстания или отделения, кому будут принадлежать территории? Согласно правилу политического, а также муниципального права, любой, кто выходит из сообщества, оставляет за собой его общую собственность. У меня есть прямой интерес и право собственности на церковь в моем приходе, на здание школы в моем городе, а также на здание штата и другую общественную собственность, принадлежащую моему штату. Но если я сам уеду за границу, я оставляю все эти интересы и право собственности позади. Если графство Брук в Вирджинии отделится от штата Вирджиния и присоединится к Огайо или Пенсильвании, никто не сомневается, что оно утратит все свои права на любую общественную собственность, которой владеет штат Вирджиния. Подобным образом, если “ЮгСоединенных Штатов” - как новая конфедерация уже была названа “Ричмонд Инкуайер” — отделится, они самым актом отделения сдадут и откажутся от всех прав, титулов и интересов на новых территориях. В результате такого отделения все их граждане становятся иностранцами. У них нет никаких прав по договору с Мексикой. Новый

гражданин Испании, чья верность была передана в соответствии с договором с Мексикой, и чье гражданство еще не исполнилось двух лет, будет иметь право выслать их. “Юг Соединенных Штатов”, это правда, может объявить войну и попытаться захватить территории силой; но в таком противостоянии армия, флот и военные запасы правительства, которые они также потеряли из-за отделения, будут обращены против них. Но я осмелюсь пророчествовать, что если рабовладельческие штаты пройдут через одну войну в одиночку, то впоследствии они станут самой миролюбивой нацией, которую когда-либо видел мир. Каждой пограничной стране и каждой военно-морской державе они отдали три миллиона заложников за их хорошее поведение.

Давайте рассмотрим третью жалобу, которую они намерены устранить, и третью “опасность”, с которой они готовы столкнуться. Они жалуются на агитацию северян по поводу рабства и подстрекательство северян самими рабами. Что касается “агитации”, я отрицаю, что север когда-либо выходил за пределы своих конституционных прав. Они никогда не поднимали вопрос о рабстве в штатах. Это касалось только рабства в этом Округе, или аннексии Техаса, или приобретения территории для распространения рабства, или заключения в тюрьму ее собственных граждан в южных портах, или отказа в неприкосновенном праве на петицию; только по таким вопросам север поднимал голос упрека и увещевания. Даже этими конституционными правами она пользовалась терпеливо. Она никогда не применяла силу и не угрожала силой ни для сохранения права на подачу петиций, ни для освобождения своих собственных граждан, заключенных в тюрьмы юга.

Что касается подстрекательства рабов к побегу, я признаю, что такие случаи были, но их было немного. Виновные были преданы суду и сурово наказаны, и север молча согласился; ибо они признают, что, если человек отправится в рабовладельческое государство и нарушит его законы, они должны судить его. Но я никогда не знал ни об одном случае — я полагаю, что в записях нет ни одного достоверно подтвержденного случая, — когда северянин подстрекал рабов к восстанию и мщению их хозяевам за обиды, которые они и их раса претерпели. Поскольку я боюсь беспорядочной резни и пожаров, я должен испытывать отвращение к исполнителю такого преступления. Но принесет ли разлука облегчение или безопасность? Нет, сэр; это увеличит опасность в мириады раз. Поднимутся тысячи людей, которые будут считать таким же долгом и честью помогать рабам в любой борьбе с их хозяевами, как помогать грекам, полякам или венграм в сопротивлении их тиранам. На севере существуют две вещи, которые юг не оценивает должным образом, — глубина и интенсивность нашего отвращения к рабству и то почтение к закону, которое держит его в узде. Последнее уравнивает первое. Мы законопослушный народ. Но освободите нас от наших обязательств, своими собственными руками разорвите узы, скрепляющие нашу совесть и подавляющие наши чувства, уничтожьте те компенсации, которые мир и потомство извлекли бы из продолжения этого Союза, и пусть вы трепещете за результат. Я видел беглых рабов на севере и слышал из их собственных уст ужасный рассказ об их злодеяниях; и если я хоть немного разбираюсь в естественном языке людей; если я могу по внешнему выражению угадать, какие страсти пылают внутри, то у каждого из них в груди было сто пожаров и сто массовых убийств. Они чувствовали то же, что чувствовали бы мы с вами, если бы попали в алжирское рабство. И сомневаетесь ли вы, сэр, сомневается ли хоть один южный джентльмен на этом этаже хоть на мгновение, что, если бы его схватил берберийский корсар, продал в алжирское рабство и увез за сотню миль в глубь страны, он воспользовался бы первой возможностью сбежать, хотя на каждом шагу своего бегства он уносил бы человеческие жизни и оставлял за собой все расширяющееся

пространство пожара? Если агитация и подстрекательство сейчас являются злом, горе тем, кто попытается смягчить или подавить их средствами разобщения и гражданской войны. Пусть люди, живущие на пороховой фабрике, остерегаются того, как они сводят с ума пиротехников.

Но говорят, что в случае распада "Юг Соединенных Штатов" может заключить союз с Великобританией. А разве в Англии нет подстрекателей и аболиционистов? Да, сэр, десять в Англии, где есть один на севере. Фредерик Дуглас только что вернулся из Англии, где ему оказали честь и устроили оvation. Уильям Уэллс Браун, еще один беглый раб, сейчас путешествует по Англии. Его путешествия с места на место подобны "путешествиям" одного из магнатов этой страны, проезжающего везде, где ему заблагорассудится, с бесплатными билетами и пользующегося гостеприимством самых утонченных и образованных людей. Самый последний пароход привез отчет о его публичном приеме в Ньюкасле. Для него было устроено представление, на котором присутствовали четыреста леди и джентльменов. Своим присутствием его украсили люди с высоким положением. Дамы приготовили кошелек с двадцатью соверенами, который они подарили ему. Деньги были представлены в красивом кошельке, который одна из них, успешная соперница за эту честь, сделала своими руками. Всю свою щедрость и доброту они считали вознагражденной, услышав из его собственных уст трогательную историю его плена и героизма его побега. Сэр, каждый человек, путешествовавший по Англии, знает, что там есть большие, богатые и утонченные круги, ни один член которых не позволил бы рабовладельцу сесть за свой стол или войти в свои двери. Не только церкви, но и нравственные и религиозные люди во всем мире начали вытеснять рабовладельцев из их общения. Если юг надеется избавиться от агитации и аболиционизма, разорвав свои связи с севером и заменив нашу нынешнюю конституцию союзом с Великобританией, они могут позавидовать мудрости гусей, которые пригласили лису стоять на страже над ними, пока они спали. Вмешательство Севера возрастет во сто крат; и вся мощь и богатство британского аболиционизма, основанного не только на моральных принципах, но и на национальной гордости, обрушатся непосредственно на них.

Я сказал, что раб не очень разбирается в географии, но он понимает в ней достаточно, чтобы знать, где находится граница свободы. Раб не очень разбирается в астрономии, но есть одна звезда на небосводе, которая для него дороже, чем все небесное воинство для халдеев. Он поклоняется полярной звезде больше, чем персидскому идолопоклонству. Но пусть юг заключит торговые союзы с Великобританией; пусть транзитная торговля будет вестись на британских судах; и раб найдет звезду на востоке такой же красивой для своего глаза и такой же вдохновляющей для своих надежд, как звезда на севере.

Забыв ли случай с *"Амистадом"*, когда несколько невежественных, опустившихся негодяев, только что вышедших из джунглей самой погруженной во тьму Африки, захватили судно, на котором их перевозили, и вынудили капитана, рискуя жизнью, держать курс на полярную звезду — тот свет, который Бог зажег на небесах и который он погасит так же скоро, как погасит любовь к свободе, которую он зажег в груди каждого человека?

И будет ли раб, сбежавший в Великобританию или в любое из ее колониальных владений, подлежать возврату? Изучите дело Сомерсета в поисках ответа. Нет, сэр. Ни третий пункт второго раздела четвертой статьи конституции, ни закон 1793 года никогда не будут распространяться на Три королевства или их зависимости.

Конечно, это не ниже достоинства места или возможности взглянуть на еще одну из тех "опасностей", на которые ссылается юг. Они гордятся своей прошлой историей, и я не сомневаюсь, что их мыслящие и патриотичные люди, по крайней мере, разумно заботятся о своей будущей славе. Когда они соберутся на августейший совет, чтобы открыть великое событие создания независимой конфедерации рабовладельческих штатов и роспуска политических групп, которые сейчас объединяют их с нами, "достойное уважение к мнениям человечества" "потребует от них изложения причин, которые побудили их к отделению". И найдут ли они образец для своего манифеста в той славной Декларации независимости Америки, которую подготовил их бессмертный Джефферсон и под которой подписаны многие величайшие из всех их исторических имен? Увы, им придется читать это Заявление, как дьявол читает Священное Писание, задом наперед! Я не знаю, какими могут быть риторические термины и фразы новой Декларации, но я точно знаю, что ее *историческая* форма и содержание не могут сильно отличаться от этого:—

“Мы считаем эти истины самоочевидными, что люди не созданы равными; что они не наделены их Творцом неотчуждаемыми правами; что белые люди, в англо-саксонской расе, родились, чтобы грабить и тиранить, и наслаждаться, и черные люди, африканские расы, чтобы трудиться и страдать, и повиноваться; что человек, с капля африканской крови в жилах, не имеет политических прав, и, следовательно, никогда не будет ни голосования; что он не имеет никакого морального права, и поэтому все, что он может заработать или получить, принадлежит его господину; что он не имеет никаких юридических прав, и поэтому он никогда не будет заслушан в качестве свидетеля на возмещение неправильно, или насилием, или разбой, совершенные белыми людьми на нем, что он не имеет родительских прав, и, следовательно, его дети могут быть разорваны из-за пазухи, по воле или капризу своего хозяина; что он не имеет права супругов, и поэтому жена может быть законно продана в далекое рабство, или нарушены перед глазами; что у него нет прав разума и совести, и поэтому он никогда не будет разрешено читать или думать, и все его стремление к совершенствованию утрачивается; что он не имеет никакого религиозного права, и поэтому он никогда не читал Библию; что у него нет небаспустился, данные Богом права на свободу, и поэтому он и его потомки будут рабами во веки веков. Мы считаем, что правительства были учреждены среди людей, чтобы обеспечить и укрепить это господство одной расы над другой; что это господство основано на силе, утвержденной законом, а также на невежестве и унижении, вызванных интеллектом и превосходством; и когда какой—либо народ, с которым мы связаны политически, запрещает нам распространять наши доктрины или расширять наше господство в новых сферах и на свободных территориях, нашим долгом становится отделиться от них и относиться к ним, как мы относимся к остальному человечеству, - друзьями, когда они превращаются в рабов, врагами, когда они становятся свободными людьми ”.

Я говорю, сэр, из каких бы слов и фраз ни состояла “Великая хартия вольностей” юга, это или что-то подобное должно быть ее сутью и реальностью.

Таким образом, преамбула к их конституции должна звучать следующим образом: “Мы, народ ”Юга Соединенных Штатов”, чтобы сформировать более совершенный заговор против прав африканской расы, установить несправедливость, обеспечить домашнее рабство, обеспечить содержание трех миллионов наших собратьев со всеми бесчисленными миллионами их потомства в рабстве и обеспечить себе и нашим потомкам пользование властью, роскошью и

праздностью, предписываем и устанавливаем эту конституцию для "Юга Соединенных Штатов".

Сэр, если между севером и югом начнется гражданская война (которую да предотвратит Бог в своей милости) в результате попытки расторгнуть этот Союз и определенного сопротивления, которое будет оказано такой попытке, было бы трудно преувеличить непосредственные бедствия, которые обрушились бы на интересы Новой Англии и некоторых других частей севера. Наше производство и наша торговля пострадали бы, по крайней мере, от временного расстройтва. Но у нас есть безграничные ресурсы в нашей предприимчивости и нашем интеллекте. Знания и трудолюбие - это восстанавливающие силы, которым никогда нельзя надолго препятствовать в их стремлении к процветанию. Люди, перенесшие эмбарго 1807 года и войну 1812 года, когда весь их капитал был вложен в торговлю, могут пережить любые перемены, которые не остановят смену времен года или приостановят действие великих законов природы. И, когда снова наступит мирный день, бизнес снова вернется в свое старое русло. Юг, несмотря на любую личную неприязнь, будет с такой же готовностью принимать северное золото, как если бы оно поступало с английского монетного двора; и в первую очередь они наймут тех, кто будет выполнять их производственный или коммерческий труд дешевле и лучше всего. Золото - великое средство умиротворения между нациями; и в наш век любви к деньгам взаимные интересы, в конце концов, подавят взаимную вражду. Следовательно, наша доля в бедствиях гражданской войны будет в основном денежной. Они не будут невыносимыми. Они не вторгнутся ни в одно из убежищ нашего дома; они не будут связывать яд с нашей повседневной пищей, убийства и пожары - с нашим ночным отдыхом; черное надругательство - со святынями наших дочерей и наших жен.

Даже с финансовой точки зрения разрыв наших политических связей вызвал бы менее немедленные и сильные страдания на севере, чем на юге. Все наши законы и институты составлены таким образом, чтобы поощрять бедняков и с помощью образования возвышать своих детей над положением их родителей; но все их законы и институты стремятся возвеличить богатых и увековечить власть в их руках. Если бы не видения ужаса и кровопролития, которые южные угрозы так тесно связывают с этим спором, одна замечательная черта, которая до сих пор была затмеваема, была бы наиболее заметной.

У каждого филантропичного северянина побочным мотивом сохранения новых территорий свободными является то, что они могут стать землей надежды и обетования для бедняка, к какому бы из всех наших штатов он ни принадлежал; куда он может отправиться и обрести дом, приусадебное хозяйство и изобилие. Но юг, пытаясь открыть эти территории для рабовладельцев, отдал бы их только богатым, — отдал бы их менее чем трем сотням тысяч человек из шестимиллионного населения. Интересы всех беднейших классов юга требуют свободной территории, куда они могли бы отправиться и сразу же достичь равенства со своими согражданами, чего они никогда не смогут сделать дома. Они прирожденные аболиционисты, и если их не ослепит невежество или не внушит благоговейный трепет их социальное начальство, они заявят о себе именно так. Каждая умная и любящая добродетель жена или мать на юге, когда она думает о своем муже и сыновьях, вынуждена быть аболиционисткой. Следовательно, попытка подчинить новые территории закону о рабстве предпринимается не от имени половины населения Соединенных Штатов; это делается не для шести миллионов, более или менее, населяющих рабовладельческие штаты; но это делается для менее чем трехсот тысяч рабовладельцев из более чем двадцати миллионов человек.

Есть еще одна “опасность”, сэр, на которую ссылается юг и которой бросает вызов, которая для ее благородных и любящих честь сыновей должна быть более грозной, чем все остальные. Она бросает вызов Духу Эпохи. Она не только бросает вызов суждениям современников, но и навлекает на себя проклятия потомков. Обратите внимание на прогресс общественных настроений христианского мира за последние несколько столетий по поводу рабства и прав человека. После открытия этого континента Колумбом духовенство Испании проводило соборы, чтобы обсудить вопрос о том, были или не были у аборигенов этой страны души, подлежащие спасению. Они оставили этот вопрос нерешенным; но они сказали, что, поскольку возможно, что народы нового света обладают бессмертным духом, они пошлют им Евангелие, чтобы быть в безопасности; и результатом стала миссия Лас Касаса. Во времена лорда Кока, немногим более двух столетий назад, в Вестминстерском зале открыто провозглашалась доктрина, согласно которой язычники не имели никаких прав; и, следовательно, для христиан было законно изгонять их из их наследия и разорять их, как евреи разорили египтян и изгнали хананеев. В течение семнадцатого века все торговые нации Европы занимались африканской работорговлей без угрызений совести и упрека. В прошлом, или восемнадцатом веке, ужасы этого ремесла были усугублены и очернены такими демоническими зверствами, которые, если бы не некоторые искупительные качества людей, сделали бы человеческую расу навеки ненавистной. Даже когда в 1787 году была принята наша собственная конституция, эта ужасная торговля была не только санкционирована, но и был заключен торжественный договор, по которому на двадцать лет было запрещено любое ее запрещение. И все же в 1820 году, по прошествии всего тридцати трех лет, этот самый промысел был объявлен пиратством - тягчайшим преступлением, известным закону, — и смерть преступника была осуждена всеми руководителями и подстрекателями. Джентльмены с юга часто напоминают нам, что на момент принятия этой конституции рабство существовало почти в каждом штате Союза; и что некоторые северные торговцы с помощью дьявольской алхимии превращали золото из слез и крови. Но неужели они не могут извлечь урока относительно прогресса эпохи из того факта, что все эти государства с тех пор отказались от рабства по собственной воле; и что в наши дни для любого северного торговца было бы более терпимо, чем быть обоснованно заподозренным в вине в этой торговле, быть брошенным в раскаленную печь Навуходоносора, раскаленную семь раз? В Европе волна свободы, хотя и встречает препятствия со стороны прочно обосновавшихся династий и укрепленных временем прерогатив, все еще поднимается и неудержимым потоком несет вперед. Во Франции революции следуют одна за другой все быстрее и быстрее. Эти революции - всего лишь гигантская борьба народной воли за освобождение от угнетения; и в каждой борьбе гигант разрывает цепь.

Великобритания, которая в прежние времена посылала к побережью Африки для похищения и транспортировки своих туземцев больше судов, чем все другие нации земли вместе взятые, теперь содержит флот на том же побережье, чтобы подавить торговлю, которую она так недавно поощряла. Трижды в течение нынешнего столетия это правительство избегало гражданских волнений, идя на большие уступки правам народа. С 1814 года народ вымогал письменные конституции у более чем трех четвертей всех суверенов Европы. Какая буря обрушивается сейчас на Австрию со всех сторон, потому что в течение прошлого сезона она пыталась лишь наполовину поработить венгров, потому что она пыталась сделать то, что в течение прошлого столетия она могла бы сделать без возражений! Права отдельных лиц, не в меньшей степени, чем права сообществ, перешли из забвения в признание и стали законом. Были смягчены

уголовные кодексы, а варварские обычаи отменены. Сейчас на земном шаре есть только два места, где женщину можно публично выпороть, — в Венгрии и в Южных Штатах! И всеобщее презрение и шипение, с которыми подверглись правители бывшей страны за их порку женщин и казнь тех, чьим единственным преступлением была их любовь к свободе, только предвещают то еще более свирепое презрение и громкое шипение, с которым со всех сторон цивилизованного мира вскоре подвергнутся правители последней. Пусть благородные сыны юга - те, “кто чувствует пятно на своей чести, как рану”, — подумают обо всем этом как об одном из длинного списка “опасностей”, навстречу которым они бросаются.

Сэр, ведущие умы общества в основном ответственны за судьбу этого сообщества. Согласно Богу, образованные, талантливые и достигшие успехов люди меняют ход человеческих дел. Там, где существуют большие социальные различия, интеллект и богатство немногих стимулируют или подавляют волю масс. Они являются сенсориумом тела политического, а их социальные подчиненные - это могучие конечности, которыми они, к добру или ко злу, орудуют. Таково отношение, которого придерживаются триста тысяч или менее трехсот тысяч рабовладельцев юга к своим согражданам. Они могут зажечь факел гражданской войны или погасить его. Но если однажды вспыхнет гражданская война, смертным не дано мудрости погасить ее или контролировать. Это происходит по другим и более могущественным законам, под руководством других и более могущественных сил. Человеческие страсти питают пламя; и пламя, которое разожгло дыхание человека, страсти толпы, более сильные, чем дыхание урагана, будут распространяться. Среди этих страстей одной из самых сильных и смелых является любовь к свободе, которая живет в каждой груди. У образованных и цивилизованных людей эта любовь к свободе является регулируемым, но первостепенным желанием; у невежественных и униженных это дикий, неистовый инстинкт. Это неразрушимая часть природы человека. Оно может быть ослаблено, но его нельзя уничтожить. Это асбестовая нить в паутине души, которую не могут поглотить все огни угнетения.

Сотворив каждого человека, Бог заново создает эту любовь к свободе. Раб разделяет ее со своим хозяином, и она снизошла в его лоно из того же высокого источника. Дремлющее или бодрствующее, оно лишь ждет возможности стать руководящим импульсом души. Гражданская война - это такая возможность. Находясь под гнетом, оно выжидает своего часа. Гражданская война - это полнота времени. Это буквальная правда, что юг возвращает в своих домах три миллиона скрытых бунтовщиков. Заключение в материал, который легко воспламеняется, он смеется над огнем. Есть ли какие-нибудь препятствия, удерживающие дух свободы, наэлектризовавший Старый Свет, от пересечения его собственных границ и побуждения его рабов к бунтарской жизни? — не все из них, но один из десяти тысяч, один из ста тысяч из них. Если среди них нет Спартака с его возвышенным героизмом и его мастерским умением нападать и защищаться, неужели вымерла раса Натуралистов, которые в своих религиозных размышлениях и немой меланхолии принимают порывы своих собственных страстей за вдохновение Бога и после молитвы и евхаристии приступают к резне и пожарищу? В невежественных и извращенных умах действуют тысячи мотивов, которые мы не можем предугадать. Тысячи возбуждений сводят их с ума, которые мы не можем контролировать. Это может быть текст Священного Писания, это может быть содержимое винного погреба; но результат будет тот же — опустошение везде, где есть богатство, убийство везде, где есть жизнь, надругательство везде, где есть целомудрие. Пусть этот лесной пожар восстания рабов вспыхнет только в одном месте штата; нет, только в десяти местах или в пяти местах во всех пятнадцати штатах; и тогда на всей их протяженности спокойного сна больше не будет. Не

Макбет, а ангел возмездия “убьет сон”. Мать прижмет своего младенца к груди и, прижимая его к себе, умрет двойной смертью. Но где рабы найдут оружие? “*Furor arma ministrat.*” Ярость обеспечит их оружием. Прочтите историю тех рабов, которые сбежали из рабства; отметьте их выносливость и изобретательность, и пусть недоверие прекратится навсегда. Они прятались под навесами; рыли ямы и зарывались в землю, чтобы спрятаться; ныряли в пруды и поддерживали жизнь, дыша через тростинку, пока их преследователи не проходили мимо; бродили по “Мрачным болотам”, вдали от человеческого жилья; почти постились сорок дней и сорок ночей, как Христос в пустыне; запирали себя в ящики, но размером в половину гроба, чтобы их заколотили и перевезли за сотни миль в качестве товара; и в этом ужасном состоянии терпели голод и жажду и, стоя на голове у людей, убивали их. , без стога или вздоха; — и будут ли люди, которые замышляют такие вещи и терпят такие вещи, остановлены в своих целях надежды и мести, когда ангел разрушения в облике ангела свободы снизойдет в их грудь?

Состояние рабства - это всегда состояние войны. При своем глубочайшем спокойствии это всего лишь перемирие. Активные боевые действия могут возобновиться в любой час. Гражданская война между севером и югом — все, что пробуждает идею свободы в сознании раба; что предоставляет ему возможности для побега или иммунитет к мести, — выпустит на волю ищущих восстания. Можете ли вы тайно собрать армии и провести их в поход так, чтобы раб не узнал, что они собраны и двинуты маршем, чтобы увековечить его рабство и продлить рабство его расы? Разве все командование майора Дейда не должно было быть уничтожено из-за предательства раба? Набег в пределах ваших границ ставит вас в такое положение по отношению к рабу, что вы беспомощны без него и вместе с ним подвергаетесь опасности убийства. Тот, кто защищает рабство войной, воюет против вечных законов Бога и бросается на толстых боссов щита Иеговы. Таковы некоторые из “опасностей”, на которые лидеры общественного мнения юга, законодатели и наставники людей в этот темный и опасный час, призывают себя и своих братьев; не ради интересов целого, а ради воображаемых интересов одних только рабовладельцев и против реальных интересов огромного большинства людей. Пусть Бог даст последователям ту мудрость, которой он, по-видимому, еще не поделился с лидерами.

Сэр, в этих замечаниях я старательно воздерживался от всего, что казалось мне возмездием или недоброжелательностью. Я, конечно, не допустил, чтобы с моих уст сорвалось какое-либо преднамеренное уголовное слово. Если я и высказывал суровые истины, я не искал суровых выражений, чтобы облечь их в них. То, что я сказал, я сказал как о брате, спящем на краю пропасти, где одно движение во время его беспокойного сна или растерянного пробуждения может ввергнуть его в безнадежную гибель.

В заключение я должен только добавить, что такова моя торжественная и непоколебимая убежденность в характере рабства, что, руководствуясь полным чувством моей ответственности перед моей страной и моим Богом, я намеренно говорю: лучше разобщение, лучше гражданская или рабская война, лучше все, что пошлет Бог в своем провидении, чем расширение границ рабства.

По окончании выступления мистера Манна,

Мистер Берт из Южной Каролины встал и сказал, что он не прерывал джентльмена из Массачусетса во время его выступления, но он предположил, что тот не хотел, чтобы какая-либо ошибка была допущена с санкции его имени; и поэтому он призвал его взять назад то, что он

сказал относительно того, что рабы когда-либо освобождались от смертной казни за преступления, за которые казнили белых. Он призвал его также отказаться от обвинения в том, что денежная стоимость раба была мотивом для любого такого различия в законах, касающихся их. Он заметил, что по законам Южных штатов такое различие не проводится. Я не знаю, сказал он, ни одного случая, когда бы оно существовало. Напротив, рабов наказывают смертной казнью за проступки, которые не караются таким образом, когда их совершают белые люди. В Южной Каролине рабы никогда не допускались в пользу духовенства за нарушения общего права; и, таким образом, раб наказывается смертной казнью за нанесение увечий или жестокое избиение белого человека. Также было понято, что мистер Берт сказал, что в Южной Каролине было “шесть или восемь” или “восемь или десять” правонарушений, за которые рабы были наказаны смертной казнью, но за которые белые люди не были.

Мистер Манн ответил, что он высказал то, что считал правдой; но если он допустил какую-либо ошибку, он был бы очень рад, если бы его исправили. Он также был заверен джентльменом из Джорджии, сидевшим слева от него, [мистером Тумсом], что такого различия не существует, как он предполагал; и было разумно полагать, что эти джентльмены были более знакомы с законами юга, чем он сам.

Г-н Манн добавил, что он (г-н Манн) не мог ожидать, что в то время перед ним будут лежать своды законов Южных штатов, и что он столкнется со столь неожиданным отказом. Ни один уважаемый джентльмен также не мог ожидать, что он откажется от своих слов, пока у него не будет времени убедиться, насколько убедительны выдвинутые им аргументы.

Записка мистера Манна. Когда я отправился в Юридическую библиотеку, чтобы выяснить, какая сторона была права в отношении вышеупомянутого расхождения во мнениях, вторая книга, которую я открыл, содержала по меньшей мере три дела, где судам было разрешено приговаривать раба к транспортировке за совершение преступления, за которое белый человек должен быть безоговорочно повешен. См. Rev. Stat Северной Каролины, том i, глава. 3, §§ 36, 37, 39. Конечно, причиной этой разницы является денежная стоимость раба. Повешенный, он был бы бесполезен; перевезенный на Кубу, он мог бы принести пятьсот долларов.

Раньше закон был таким в штате самого мистера Берта.

В седьмом томе статута в большой Южной Каролины г. № 344, § 5, я нахожу следующее: “Итогда какбыло обнаружено, что выполнение нескольких негров для преступлений небольшой природы, на которую они были обречены на смерть, имеет большую стоимость и расход общественности, и будет продолжаться (если лекарство не нашли,), быть как платным, так и обременительным для этой провинции; *быть поэтому принят*, орган оный, что все негры или других рабов, которые должны быть осуждены и признаны виновными в совершении преступления, (убийство исключено,), для которых они использовали, чтобы получить смертный приговор, как закон предписывает, будут перевезены из этой провинции, государственным приемником на время, в любое другое Его Величества плантации, или другие иностранные части, где он возмечтал подобае^т посылать их, *для пользы общественности.*”

Раб, приговоренный к перевозке, подлежал оценке, и его хозяин платил из государственной казны, и эта сумма, конечно, должна была быть возмещена из того, что должно было быть получено от продажи за границу. Исходя из заявления мистера Берта о том, что в Южной

Каролинесейчас такого закона не существует, я полагаю, что вышеупомянутый закон, должно быть, был отменен.

Таким образом, *факт*, заявленный в речи, доказан, хотя примеров может быть меньше, чем я предполагал. Что касается приписываемого мотива, то здесь не может быть никаких сомнений. Таких случаев больше всего в Южных Штатах, где белых мужчин просто *сажают в тюрьму* за правонарушения, за которые рабов бьют кнутом, клеймят, обрезают или иным образом подвергают телесным наказаниям. Время раба слишком ценно, чтобы теряться в тюрьме, но время белого человека - нет; кожа белого человека слишком священна, чтобы с нее сдирать кожу или клеймить, но время раба - нет.

Но законы, которые карают смертью “*шесть или восемь*”, или “*восемь или десять*”, или любое другое количество преступлений, совершенных рабами, в то время как те же преступления караются более мягким наказанием, когда их совершают белые; или законы, лишаящие раба привилегий духовенства (где этот пережиток варварства все еще преобладает), в то время как они предоставлены белому человеку, несомненно, относятся к числу величайших зверств, зарегистрированных в истории расы. Задумайтесь на мгновение над этим проклятым фактом. Свободный человек, действующий по всем мотивам самоуважения; движимый всеми стимулами к хорошему поведению; пользующийся всеми средствами образования; вдохновленный всеми влияниями Евангелия; и способный понять все мощные ограничения и возвышенные награды, связанные с загробной жизнью, *освобожденный* от наказания смертью; в то время как смерть во всех ужасах, которыми ее могут наделить невежество и суеверия, обрушивается на людей, попавших в рабство; лишенных всякого мотива для благородного поведения; лишенных всякого пути к знанию жестокими наказаниями; ослепленных светом истины. евангелие; и в стране хваленного христианства, оставленной во тьме язычества! Это не обычаи беззаконных бандитов, изгоев или ренегатов, а торжественные постановления законодательных органов штатов, разработанные талантом и знатью, проводимые в жизнь и сохраняемые немногочисленной олигархической верхушкой, фактической знатью и цветом густонаселенных сообществ. Такие законы требуют возврата пяти талантов под страхом смертной казни, если был доверен только один талант; они освобождают того, кто получил пять талантов, хотя он не возвращает ни одного из них обратно. Такие законы заставляют читать Священное Писание, что слуга, который знает волю своего господина, но не исполняет ее, будет побит лишь несколькими ударами; но слуга, который не знал этого, которому сам его господин запретил знать это, будет побит многими ударами; ибо тому, кому много дано, мало что потребуется; но тому, кому люди много сделали, с него мало что спросится. Что следует думать о системе И О РАСПРОСТРАНЕНИИ СИСТЕМЫ, которая так извращает сердца людей, в остальном трезвомыслящих, возвышенных и великодушных!

Какую более подходящую тему можно было бы придумать, если бы заклятый враг человечества сочинил *бурлеск* в насмешку над *республиками* для представления в этом Театре, который весь состоит из “*Ямы*”?

Однако мы сейчас намерены предотвратить не *существование* рабства, а его *распространение*.

Последний абзац предыдущей речи послужил поводом для следующей переписки, которая была опубликована в "Нэшнл Интеллидженсер":—

ПИСЬМО От МИСТЕРА МАННА.

Господа . Редакторы, Ваша утренняя газета содержит фрагмент речи distinguished мистера Бэджера из Северной Каролины, произнесенной в Сенате 19-го числа, в которой он комментирует некоторые замечания, недавно сделанные мной в Палате представителей. Уважение, которое (без какого-либо личного знакомства) То, что я долгое время поддерживал этого уважаемого сенатора, удержало бы меня от того, чтобы замечать какие-либо подобные неправильные толкования моих замечаний, которые непреднамеренно мог бы совершить непреднамеренно непредубежденный ум; но искажения, сделанные сенатором, настолько беспричинны и грубы, что я вынужден их заметить. Поэтому я прошу об одолжении предоставить мне место в вашей газете, где он мог бы ответить мне, если пожелает, хотя он и выбрал место для своих анимадверсий, где, как он знал, я не смогу ему ответить.

Ниже приводится отрывок из его речи:—

Также, г-н Президент, я не должен забывать, что, рассматривая влияние, которое эта оговорка, вероятно, окажет на состояние ума южан, мы должны обратиться к тому, что было сказано джентльменами-северянами в связи с этим предметом. Позвольте мне обратить внимание Сената на очень краткий отрывок из речи, произнесенной на другом конце капитолия:

“В заключение я должен только добавить, что такова моя торжественная и непоколебимая убежденность в характере рабства, что, руководствуясь полным чувством моей ответственности перед моей страной и моим Богом, я намеренно говорю: лучше разобщение, лучше гражданская или рабская война, лучше все, что пошлет Бог в своем провидении, чем расширение границ рабства".

“ Несколько сенаторов. Чья это речь?

- Сенатор, принадлежащий мистеру Манну.

Мистер Бэджер. Мы много слышали, господин Президент, о жестокости южной декламации. Я самым тщательным образом избегал читать речи джентльменов с юга, которые, как предполагалось, были привлечены к ответственности по этому обвинению. Однако мне довелось в начале этой сессии, и до того, как была организована другая Палата, находиться в этом органе, когда раздались несколько взрывов чувств и осуждений со стороны джентльменов-южан, которые я выслушал с болью, унижительностью, почти с душевной мукой. Но, сэр, это были всплески чувств; это были страстные и взволнованные заявления; все говорило в пользу того, что они были спонтанными и пламенными порывами людей, сгорающих в данный момент от чувства неправоты. И где среди них вы найдете что-либо равное хладнокровному, спокойному, обдуманному заявлению философского ума, который произнес в другом доме отрывок, который я прочитал: "Лучше разобщение, лучше гражданская или рабская война, лучше все, что пошлет Бог в своем провидении, чем расширение границ рабства".

Другими словами, это обдуманное, устоявшееся мнение distinguished джентльмена, произнесшего эту речь, что вместо распространения рабства *одну ногу*, — да, сэр, нет никаких оговорок, на *одну ногу*, — он предпочел бы разъединение этих штатов; он предпочел бы все ужасы гражданской войны, все чудовищные, невыразимые и почти немыслимые зверства рабской войны; он усеял бы землю мертвецами; он осветил бы небеса полуночными пожарами; все это, да, и многое другое, — все чаши гнева, которые Бог в своем провидении мог бы посчитать нужным излить на нас, он скорее потерпел бы, чем позволил бы ни одному человеку, который сейчас свободен, стать рабом, — это было бы достаточно экстравагантно, — но скорее позволил бы одному человеку, который сейчас стоит рабом на земле Северной Каролины, оставаться рабом на земле Нью-Мексико:

“Да, сэр, здесь принесена в жертву жизнь и счастье, и все, что дорого черной и белой расам вместе взятым, простому идеализму, — жертва, предложенная джентльменом, который называет себя философом, и, говоря языком спокойных рассуждений, — жертва нашего славного Союза, предложенная патриотом, — не лучше, чем свободные люди должны быть превращены в рабов, — не лучше, чем хотя бы одно человеческое существо должно стать хуже, чем оно есть сейчас, — но лучше, чем один человек должен переехать из одной точки земли в другую без улучшения своего положения, не переходя от рабства к свободе. Сэр, после этого заявления, сделанного таким образом, которого, смею заметить, сэр, я не искал, — ибо речи я никогда не читал; отрывок я нашел в одной из газет того времени, — после этого заявления не говорите о насилии на юге, не говорите о южном эгоизме, не говорите о нашей склонности жертвовать нашими особыми представлениями и нашими особыми отношениями, миром и счастьем, растущим процветанием и взаимным согласием этого великого Союза. Итак, сэр, если это заявление попадет за границу, в южную страну, сопровождаемое бессмысленным применением этого условия Уилмота, раздражающим комментарием к этому патриотическому заявлению, чего можно ожидать? Что, как не глубочайшие эмоции негодования в сердцах тех, кто родился и вырос там, где существует рабство, и придерживается совершенно иных взглядов на этот институт, чем те, которых придерживается distinguished джентльмен, занявший эту холодную и обдуманную, гуманную и философскую позицию”.

По его собственному признанию, мистер Бэджер не читал мою речь. Поэтому он берет одно предложение для комментариев, не обращая внимания на контекст. Он подобен человеку, который должен заявить, что Священные Писания говорят “Бога нет”, когда это заявление делает глупец, а не Библия. В моей речи обсуждался вопрос о распространении рабства на наши территории и предлагаемое южанами средство для запрета такого распространения, а именно разобщение штатов. Вывод, к которому я пришел, состоял в том, что северу лучше подчиниться применению южного средства правовой защиты, чем отдавать новые территории всем ужасам рабства. За пределами наших нынешних границ “больше никаких рабовладельческих территорий и рабовладельческих государств” - вот именно на этой почве я и остановился. Но мистер Бэджер представляет меня так, будто я “предпочел бы разъединение этих штатов” и все другие пороки из его длинного и кропотливого каталога, “нежели распространение рабства *одну ногу*”; “да, - повторяет он с ударением, - ”на *одну ногу*”. Так вот, я никогда не делал подобного заявления. Я никогда не говорил ничего, что могло бы поддержать или покрасить такое заявление. Многие люди, видя заявление distinguished сенатора и полагаясь на его честность и правдивость, поверили, что я так и сделал. Но он ввел их в заблуждение. Мои аргументы и заключение относились к новым территориям рабов или к новой территории рабовладельцев. мистер Бэджер истолковывает, или, скорее, неверно

истолковывает это как означающее “одной ногой”. Если моя речь в достаточной степени поддается такому построению, я хотел бы пока отказаться от нее. Он должен получить мое согласие на территорию “одной ноги” и на столько рабов, сколько он сможет содержать на ней в соответствии с местным законодательством.

Мистер Бэджер далее обвиняет меня в том, что я ссылаюсь на все бедствия, которые он перечисляет, “вместо того, чтобы позволить одному человеку, который сейчас стоит на земле Северной Каролины в качестве раба, оставаться рабом на земле Нью-Мексико”. Это заявление не просто вынужденное, а сфабрикованное. Конечно, я ничего подобного не говорил. Я не намекал и не думал о таком. Возможно, у кого-то из людей, которые сейчас “стоят рабом”, не будет особого выбора, будет ли он “стоять рабом” в том или ином месте, *если это все*. С национальной точки зрения и с точки зрения государственного деятеля, приписываемые мне чувства просто нелепы. Но это неправомерное вменение такого чувства, без содержания или видимости, оправдывающей его, гораздо хуже, чем просто смешно; оно становится несправедливым и малодушным; и тем не менее оно является таковым из-за того, что было сделано в месте, где, как он знал, я не мог его отвергнуть. Весь размах и напряженность моих аргументов были направлены против того, чтобы отдать в рабство любую часть наших новых приобретений, которая могла бы образовать либо государство, либо территорию. Восемь или десять законодательных собраний юга, восемь или десять губернаторов южных штатов, южные сенаторы и представители в Конгрессе, а также конфедераты при созыве Съезда в Нэшвилле никогда, насколько мне известно, не предлагали компромисс на платформе территории “одной ногой” или выражали готовность пощадить Союз, если “одному человеку, который является рабом в Северной Каролине”, будет разрешено “остаться рабом в Нью-Мексико”. Когда такой вопрос будет выдвинут всерьез, к нему будут относиться серьезно. Но реальная проблема по этому вопросу заключается в том (и сенатор должен это знать), будут ли жертвы рабства бесконечно умножаться за счет добавления к его владениям регионов, которые сейчас свободны. То, что создание новой рабовладельческой территории увеличит число жертв рабства, - это утверждение слишком простое, чтобы его можно было оспаривать. Отрицать это - значит утверждать, что если бы рабство было ограничено штатом Вирджиния или поселением в Джеймстауне, где был выгружен первый груз рабов, нынешнее количество рабов в этой стране было бы не меньше, чем сейчас; или, другими словами, сейчас в пределах Вирджинии или в пределах Джеймстауна насчитывалось бы три миллиона рабов.

Я дал этот ответ достойному сенатору от Северной Каролины с большой неохотой и без каких-либо мотивов личной недоброжелательности. Я давно привык относиться к его характеру с уважением, а к его мнениям - с почтением; и я счастлив, что имею возможность выразить чувство личной благодарности за его прежние попытки отвести советы нации от обсуждения предмета этого самого прискорбного спора.

Искренне ваш и др. ГОРАЦИЙ МАНН.

Вашингтон, 28 марта 1850 г.

P. S. Еще один момент в речи достойного сенатора, в котором он пытается защитить уголовный кодекс о рабах Северной Каролины и других южных штатов от налета алчности,

можно смело оставить без комментариев для разумных людей. Каждый, кто изучает уголовное законодательство Южных штатов в отношении рабов, знает, что их законы изобилуют доказательствами того, что чувства человека приносятся в жертву духу наживы.

СНОСКИ:

[8] В феврале 1847 года мистер Кэлхун предложил ряд резолюций в Сенате Соединенных Штатов, среди которых была следующая:—

“Постановили, что фундаментальным принципом нашего политического кредо является то, что народ при разработке конституции имеет безусловное право формировать и утверждать правительство, которое, по его мнению, лучше всего подходит для обеспечения его свободы, процветания и счастья; и, в соответствии с этим, Федеральная конституция не налагает на штат никаких других условий для принятия в этот Союз, за исключением того, что его конституция должна быть “республиканской”; и что введение любого другого Конгрессом было бы не только нарушением конституции, но и прямым конфликтом с принципом, на котором зиждется наша политическая система”.

Поддерживая эти резолюции, он сказал:

“Сэр, я считаю фундаментальным принципом нашей политической системы то, что народ имеет право устанавливать то правительство, которое он сочтет подходящим для себя; что каждый штат, собирающийся стать членом этого Союза, имеет право ФОРМИРОВАТЬ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ; и что для того, чтобы быть принятым, есть только одно условие, а именно, что правительство должно быть республиканским. Прямого положения на этот счет нет, но оно вытекает из того важного раздела, который гарантирует каждому штату в этом Союзе республиканскую форму правления”.

Г—н сенатор Даунс от Луизианы предложил следующую резолюцию:—

“Постановлено, что правомочно и целесообразно, и не противоречит практике правительства в некоторых случаях, немедленно принять Калифорнию или ту ее часть, которую Конгресс может счесть надлежащей, в состав Союза наравне с другими штатами; и что комитету по ... поручено представить законопроект с этой целью для той части Калифорнии, которая лежит к западу от вершины гор Сьерра-Невада”.

Доктрина этих резолюций была полностью поддержана Вашингтонским союзом, несомненно, выражавшим (поскольку он никогда не говорил ничего другого) настроения тогдашней администрации.

“Юг отрицает, что Конгресс обладает какой-либо юрисдикцией в отношении вопроса рабства, и утверждает, что только жители территорий, когда они разрабатывают конституцию, подготовительную к вступлению в Союз, имеют право говорить и быть услышанными по этому вопросу. Поскольку этот факт улажен, нам действительно кажется, что этот волнующий вопрос можно было бы быстро урегулировать, если возобладают спокойные советы. Юг борется за свою честь и за великие принципы невмешательства и государственного

равенства. Почему же тогда все не могут объединиться и позволить Калифорнии вступить в Союз, как только она сможет принять конституцию? Затем, согласно доктринам, которые преобладают по обе стороны линии Мейсона и Диксона, она может конституционно учредить свои внутренние институты на любой основе, соответствующей республиканским принципам. Юг ничего не теряет, приняв этот курс. Напротив, она сохранила бы все, за что борется.”

ОТВЕТ МИСТЕРА БАДЖЕРА.

Редакторам "Нэшнл Интеллидженсер";

Сообщение в вашей вчерашней газете от distinguished. Хорас Манн из Палаты представителей, похоже, требует от меня краткого уведомления.

Distinguished джентльмен обвиняет меня в том, что я отнесся к нему с вопиющей несправедливостью в недавней речи, в которой я сослался на заключительный абзац его речи и сделал несколько комментариев по этому поводу.

Итак, в чем заключается несправедливость? Я процитировал этот абзац из его речи, и он не отрицает, что цитата была правдивой. Нет ни одного слова или слога, приписываемого ему, ни одного слова или слога, предположительно произнесенного им, за исключением этого абзаца, который, как он признает, был произнесен и напечатан им точно так, как я его процитировал. Тогда, выражаясь его языком, я не был к нему несправедлив.

В своих комментариях я дал “другими словами”, — моими собственными словами, — то, что я считал его правильной интерпретацией; и, поскольку я не приписал ему ни одного языка, который он не использовал; поскольку все, против чего он возражает, является всего лишь моим собственным комментарием к единственной цитате, правильно взятой из речи джентльмена, и, судя по моим замечаниям, явно претендует на это, совершенно очевидно, что я ничего не “сфабриковал”. Является ли толкование, данное языку distinguished джентльмена, правильным или неправильным, справедливым доведением его до истинных результатов или несправедливым преувеличением, разумные люди смогут решить, прочитав мою речь, в которой представлены вместе и текст, и комментарий, и я готов предоставить это им.

Но джентльмен говорит, что в своей речи он “обсуждал вопрос о распространении рабства на наши территории”, и что “нет больше рабовладельческих территорий и нет больше рабовладельческих штатов” - вот точное обоснование, которого он придерживался. И какое это имеет отношение к его жалобе на меня? Я не ссылаясь на его обсуждение или приведенные в нем основания. Я рассматривал не ход или обоснованность его рассуждений, а вывод, к которому он пришел. Это было изложено в его речи следующими словами: —

В заключение я должен только добавить, что такова моя торжественная и непоколебимая убежденность в характере рабства, что, руководствуясь полным чувством моей ответственности перед моей страной и моим Богом, я намеренно говорю: лучше разобщение, лучше гражданская или рабская война, лучше все, что пошлет Бог в своем провидении, чем расширение границ рабства.“

Здесь нет упоминания о какой-либо конкретной степени, виде или способе распространения рабства. Он не говорит о “предлагаемом или желаемом расширении”, о “расширении наших территорий” или даже о “*the* расширении”, но он говорит о “расширении границ рабства”, без ссылки на что-либо в речи или где-либо еще, с помощью чего общность его языка могла бы быть изменена или объяснена. Поэтому обращаться к речи, чтобы понять значение этого общего вывода, бесполезно. Если бы рассуждение в речи было частным, а дедукция общей, логический дефект заключения был бы слишком велик для посылок, *нозначения* заключения остались бы, и отсутствие аргументации в его поддержку не уменьшило бы его абсолютной и всеобъемлющей общности.

Таким образом, очевидно, что независимо от того, подкреплено ли это каким—либо рассуждением, частным или общим, вывод джентльмена остается неизменным: разобщенность, гражданская война, война порабощения, с некоторыми неопределенными судами Небес в придачу, предпочтительнее “расширения границ рабства”; но неопределенный артикль “ан” здесь в точности эквивалентен “любому”, и поэтому все, что составляет “любое расширение”, каким бы маленьким оно ни было — квадратная миля, или акр, или фут, - строго соответствует смыслу языка, который он счел нужным намеренно сохранить в своей печатной речи.

Но я охотно принимаю данное сейчас объяснение его значения и сожалею только о том, что, записывая свою речь, он тогда не дал объяснения, которое превратило бы его общее утверждение в частное. Из этого объяснения я узнаю, что в своем заключении он имел в виду говорить не о каком-либо расширении, каким бы незначительным оно ни было, а о распространении рабства на наших территориях.

Тогда вывод джентльмена, измененный им самим, будет таким: “Лучше разобщение” [ропуск нашего правительства и разрушение Союза, созданного нашими отцами;] “лучше гражданская или рабская война” [самая катастрофическая, свирепая и жестокая из всех войн;] “лучше все, что пошлет Бог в своем провидении” [например, мор и голод;] “чем расширение границ рабства” на наших территориях!

Я охотно предлагаю всем “интеллигентным людям”, если они в то же время гуманны и патриотичны, передать такое чувство. Его собственным умным, патриотически настроенным и гуманным избирателям я представляю это с полной уверенностью, что оно не встретит их одобрения; но, напротив, они сочтут, что достопочтенный джентльмен был предан всепроникающим волнением по вопросу рабства экстравагантному, — я бы не сказал фанатичному, — заявлению, которое он не в состоянии защитить или пока не желает отречься или уточнить.

Я полагал, что достопочтенный джентльмен под возбуждающим влиянием дискуссии бессознательно совершил несправедливость по отношению к моему собственному состоянию, но замечание, добавленное к его сообщению, возможно, оправдало бы меня, если я склонен судить недоброжелательно, в предположении, что несправедливость была умышленной. Но я к этому не склонен и не делаю подобного вывода. Я, скорее, делаю вывод, что сбивающее с толку возбуждение, под которым была произнесена речь, еще не прошло, но все еще продолжает неблагоприятно влиять на ясное понимание и честные намерения достопочтенного джентльмена.

ГЕО. Э. БАРСУК.

Вашингтон, 30 марта 1850 года.

ОТВЕТ МИСТЕРА МАННА.

Господа. Редакторы, Ваша утренняя газета содержит сообщение достопочтенного мистера Бэджера в ответ на мое сообщение от 29-го ultimo. Я прошу вашего снисхождения и кратко отвечаю ему.

Моя жалоба заключалась в том, что он взял полдюжины строк из моей речи и придал им значение, в некоторых отношениях одиозное, в других отношениях нелепое и во всех отношениях неоправданное. По его собственному признанию, он также сделал это, не читая саму речь; хотя, если бы он счел справедливым выслушать меня, прежде чем осудить, он обнаружил бы, что и предмет, и контекст опровергают его интерпретацию.

Его первый ответ заключается в том, что он не “приписывал” мне “слово” или “слог”, которые я не использовал; и, повторяясь, он добавляет, что он не “утверждал” или “намекал” на “слово” или “слог”, которые я сейчас отрицаю. В связи с этим он спрашивает с видом триумфатора: “В чем заключается несправедливость?”

Я отвечаю, как и прежде; несправедливость состоит в придании ложного значения истинным “словам” и “слогам” — значения, которое отвергается как предметом, так и контекстом моей речи. Я не вижу, что придавать ложное значение правильно процитированным словам менее неоправданно, чем подделывать цитаты. Несомненно, достопочтенный сенатор слишком хороший юрист, чтобы не знать максимы “*qui hæret in litera*” и т.д.; и слишком хороший теолог, чтобы не читать, что “буква убивает”, если ее отделить от духа. Когда Бомонт и Флетчер уединились, чтобы разработать план одной из своих совместных пьес, в которой должен был быть убит король, было подслушано, как они по отдельности говорили: “Я убью короля” и “Я убью короля”; после чего они были арестованы, доставлены в Лондон и привлечены к ответственности за заговор с целью убийства правящего монарха. Предположим, что они были осуждены за государственную измену и приговорены к виселице; разве лжесвидетель не мог бы с очаровательной детской простотой использовать точный язык мистера Бэджера и сказать: “Я свидетельствовал о точных “словах” и “словах”. “В чем заключается несправедливость?”

Но достопочтенный сенатор продолжает говорить, что его не касалась моя *речь*, а только мое *закключение*. Его формулировка такова: “Я рассматривал не ход или обоснованность его рассуждений, а вывод, к которому он пришел”. Затем он повторяет цитату и добавляет: “Следовательно, ссылаться на речь, чтобы понять значение этого вывода, бесполезно”.

При всем уважении к сенатору, — а мое, безусловно, велико, — я утверждаю, что это ложная логика и еще худшая этика. С таким же успехом можно объявить решение суда законным или незаконным, милосердным или тираническим, не оглядываясь на утверждения и доказательства, на которых оно основано. С таким же успехом можно утверждать или отрицать “Q. E. D.” геометра, без ссылки на проблему или демонстрацию, с которыми она связана. Когда идет дискуссия относительно “*расширения границ рабства*” (а это были мои слова), и я говорю,

что предпочел бы определенные перечисленные пороки, а не расширение, о котором идет спор, безусловно, становится чрезвычайно важным знать, должно ли это расширение охватить всю землю и продолжаться во все времена, или это всего лишь добавление одного атома или гранулы к существующей территории рабства, или одного вдоха, или одного сердцебиения существующего раба на территории, которая теперь свободна. Таким образом, я утверждаю, что знание посылок*is* необходимо для вынесения суждения о заключении.

Но он принимает мое объяснение, а затем обращается от меня к тем, кого он с удовольствием называет (и я благодарю его за справедливость, вызвавшую заслуженный комплимент) моими “умными, патриотичными и гуманными избирателями” - “с полной уверенностью, что это не вызовет их одобрения”. Я с радостью присоединяюсь к этому призыву. Как “разумные” люди, мои избиратели предвидят, что распространение рабства на наши территории будет не только чудовищным преступлением само по себе, но и превратится в средство совершения будущих чудовищных преступлений в дальнейшем расширении. Как “патриотичные” люди, они предпочитают нести любое бедствие, которое может обрушиться на них самих, вместо того, чтобы перекладывать накопленные бедствия, возникающие из-за их собственного пренебрежения долгом, на своих потомков. Как “гуманные” люди, они осудили бы и предотвратили величайшую из бесчеловечностей, обрекающую тысячи и миллионы их собратьев на ужасное наследие рабства. И как религиозные люди, как люди, которые “трепещут при мысли о том, что Бог справедлив и что его правосудие не дремлет вечно”, они намерены использовать все конституционные средства, чтобы остановить рабовладельческую политику этого правительства, пусть двести или триста тысяч рабовладельцев из наших двадцати миллионов людей делают, что хотят.

Чтобы правильно понять суть вопроса, следует помнить, что моя речь была произнесена 15 февраля, после десяти недель угрожающего разлада по некоторым конкретным и не маловероятным обстоятельствам. “Мой вывод:” Итак, неагрессивный, но покорная. Я только заявил, какую ветвь предложенной ими альтернативы я предпочел бы.

Заключительный абзац сообщения уважаемого сенатора намекает на *мотивы* тех широких и болезненных различий, которые проводятся между белыми и рабами в *уголовном* законодательстве Южных штатов. Ничто не может быть более поучительным в отношении деморализующей природы рабства и его воздействия на людей, которые, подобно сенатору, в остальном благородны и великодушны, чем сравнение двух кодексов законов и двух систем юриспруденции, которые правители соответственно установили для себя и для своих рабов. Законы или обычаи, известные цивилизованным людям и варварам, не более разнообразны. С моей стороны было бы опрометчиво спорить с уважаемым сенатором по любому другому вопросу; но по этому поводу я бы сказал, как сказал рыцарь на старом турнире, что он был настолько уверен в справедливости своего дела, что предоставил бы своему противнику преимущество солнца и ветра.

ГОРАЦИЙ МАНН.

Вашингтон, 1 апреля 1850 года.

ПИСЬМА

О распространении рабства на Калифорнию и Нью-Мексико; и об обязанности Конгресса Обеспечивать суд присяжных над предполагаемыми беглыми рабами.

Достопочтенный. Гораций Манн;

Уважаемый сэр, узнав, что вы проведете несколько дней дома, и одобряя курс, который вы проводите в Конгрессе, так умело поддерживая чувства и убеждения, которые мы поддерживаем и лелеем в отношении важнейших национальных вопросов современности, мы почтительно просим вас, прежде чем вернуться в Вашингтон, предоставить вашим избирателям возможность услышать несколько более подробно, чем позволяет регламент, ваши взгляды и суждения по вопросу о немедленном присоединении Калифорнии и другим вопросам, стоящим сейчас перед Конгрессом и возникающим в связи с приобретением территории по договору с Мексикой.

Если вы удовлетворите наш запрос, пожалуйста, назовите удобный для вас день, чтобы мы могли своевременно уведомить вас через ваш округ.

Дедхэм.

- Джеймс Ричардсон,
- И. Кливленд,
- Джон Гарднер.

Роксбери.

- Дэвид А. Симмонс,
- Г. Р. Рассел,
- Джозеф Х. Биллингс,
- Л. М. Сарджент,
- Джон Дж. Кларк,
- Джос. Н. Брюер,
- В. М. А. Крафтс,
- В. М. Капен,
- Фрэнсис Хиллиард,
- Дэниел Джексон,
- Дж. Б. Кеттелл.

Бруклин.

- Чарльз Уайлд,
- Маршалл Стернс,
- У. М. Дирборн,
- Г. Григгс,
- Дэвид Уайлдер-младший,

- Г. Ф. Гомер.

Дорчестер.

- Э. Шарп,
- Н. Ф. Саффорд,
- Дж. Дж. Назро.
- *Брайтон*, Дж. Брек.
- *Фоксборо*", А. Ходжес.
- *Уолпол*, А. Бигелоу.
- *Рэндольф*, Дж. Уэльс.
- *Куинси*, Л. Ричардс.
- *Франклин*, Л. Хардинг.
- *Стаутон*, Дж. Смит.
- *Милтон*, Дж. Рид.
- *Кохассет*, Гео. Бил.

Ньютон.

- Э. К. Дайер,
- Р. Э. Паттерсон,
- У. С. Уайтвелл.

Хингем.

- К. В. Кушинг.

23 апреля 1850 года.

БУКВА I.

Уэст-Ньютон, 3 мая 1850 года.

Достопочтенному . Джеймс Ричардсон, И. Кливленд и Джон Гарднер из Дедхэма;
достопочтенный Д. А. Симмонс, Джон Дж. Кларк, Фрэнсис Хиллиард и Джордж Р. Рассел из
Роксбери, &с., & с.

Джентльмены;

Будучи вызван домой в связи с болезнью моей семьи, я только что получил в этом месте ваше
любезное приглашение встретиться и обратиться к моим избирателям в 8-м избирательном
округе Конгресса и изложить им свои “*взгляды и заключения по вопросу о немедленном*

присоединении Калифорнии и другим вопросам, стоящим сейчас перед Конгрессом, возникающим в связи с приобретением территории по договору с Мексикой”.

Просьба из столь высокого источника имеет силу почти приказа. И все же я не смею обещать выполнить ее. Я могу в любой момент быть отозван и вместо того, чтобы выступать здесь, проголосовать там по вопросам, на которые вы ссылаетесь. Меня могут вызвать вернуться в день, назначенный для нашей встречи. Следовательно, единственная альтернатива, которая мне остается, - обратиться к вам письмом. Это я сделаю, если смогу выкроить время. Таким образом, я выполню вашу просьбу, если не по форме, то по существу.

По многим причинам я испытываю крайнее нежелание появляться перед публикой в связи с нынешним событием. Мои взгляды по некоторым жизненно важным вопросам самым существенным образом отличаются от взглядов джентльменов, к которым я испытываю глубочайшее уважение; и к некоторым из которых я питаю самую сильную личную привязанность. Но, с другой стороны, я чувствую, что мои избиратели, доверив мне некоторые из своих самых ценных интересов, имеют право знать мои "взгляды и заключения" относительно надежд и опасностей, которые их окружают. Поэтому я не возьму на себя ответственность отказываться.

Далее я предположу, что мои отношения к политическим партиям на протяжении многих прошедших лет делали меня настолько свободным от любых партийных предубеждений, “насколько это допустит большинство человечества”. Двенадцать лет я занимал должность, обязанности которой требовали от меня воздерживаться от всякого активного сотрудничества в политических конфликтах; и этот долг выполнялся с такой религиозностью, что, насколько мне известно, меня никогда не обвиняли в его нарушении. Во время президентских выборов 1848 года эти обязательства нейтралитета все еще лежали на мне. В течение года после этого меня не призывали совершать никаких официальных действий, неугодных какой-либо из наших партий. Этот промежуток времени я использовал для формирования наилучшего мнения, какого только мог, об общественных деятелях и мерах, а также об их влиянии на моральные и промышленные интересы страны. Я долгое время придерживался самых решительных убеждений в пользу защиты американского труда, дешевых почтовых расходов и безопасности жизни и имущества наших сограждан, занятых в торговле. Но возник новый вопрос — великий вопрос о свободе или рабстве на наших недавно приобретенных территориях, — и этот вопрос я считал на данный момент хотя и не исключаящим другие, но первостепенным для них. Или, скорее, я увидел, что ничто не может быть столь благоприятным для всех названных интересов, как надлежащее согласование первых. Тот, кто хочет обеспечить благополучие человечества, должен в первую очередь обеспечить его свободу.

Сочувствуя, таким образом, по разным пунктам разным сторонам, но ни с кем особо не связывая себя, я стояла в отношении великого вопроса о территориальной свободе или рабстве в позиции *истинной* матери в судебном процессе перед Соломоном, предпочитая, чтобы объект моей любви был пощажен в чьих-либо руках, а не погиб в моих собственных.

Наши нынешние трудности, которые, как вам хорошо известно, привлекли внимание нации и почти приостановили законодательные функции Конгресса, связаны с судьбой свободы или рабства, которым должны быть посвящены наши новые территории. После приобретения Луизианы, Флориды и Техаса для усиления и обеспечения безопасности рабовладельческой державы; после того, как коренные жители земель Южных штатов были вырезаны или изгнаны

из своих домов ценой не менее ста миллионов долларов и бесконечным ущербом для нашей национальной репутации в области справедливости и человечности; и после того, как площадь рабовладельческих штатов была увеличена почти вдвое по сравнению со свободными штатами, в то время как население свободных примерно вдвое превышает население рабов; причины кажутся настолько вескими, что их вряд ли можно усилить, почему так много людей, живущих на земле Южных Штатов. карьера нашего правительства, как державы, распространяющей рабство, должна быть остановлена. С другой стороны, олигархия, правящая югом, видя, что, несмотря на свои богатые и почти безграничные владения, они быстро отстают от севера по всем отличительным элементам цивилизации и благосостояния — промышленности, воздержанности, образованию, богатству, — не только защищает Упас, который опустошает их почву, как если бы это было древо жизни, но и стремится пересадить его на другие земли. Имея всего около трех рабов на квадратную милю — три миллиона рабов на почти миллион квадратных миль, — они говорят, что им слишком тесно; что они испытывают чувство удушья и должны иметь больше места, когда вся их слабость и боль происходят не от ограниченного количества, а от пагубного качества атмосферы, которой они дышат. Отсюда началась и продолжалась война с Мексикой, направленная на добавление рабовладельческой территории и рабовладельческих штатов к южной части. Отсюда отказ принять предложения о мире, если нам не будет уступлена территория южнее 36° 30 широты (так называемая компромиссная линия Миссури). Следовательно, когда мексиканские переговорщики предложили включить запрет на рабство в цессионный договор и заявили, что инквизиция не будет более отвратительной для американского народа, чем восстановление рабства для них, наш министр, мистер Трист, сказал им, что он не согласился бы на такой запрет, даже если бы они покрыли землю золотом на фут глубиной. И отсюда также решимость части южных членов Конгресса остановить весь механизм правительства, пожертвовать всеми великими интересами страны и напасть даже на сам Союз, если рабству не будет разрешено пересечь Рио-Гранде и проникнуть в обширные регионы запада, как оно до сих пор в своем агрессивном походе пересекло Миссисипи и Сабин.

Даже в 1846 году, когда была объявлена война против Мексики, все проницательные люди предвидели нынешний конфликт. Если бы этот вопрос был решен по существу, или если бы институты, которые должны были быть установлены на территории, которую мы могли бы приобрести, были определены беспристрастным голосованием американского народа, война не была бы объявлена и территория не была бы приобретена. Но великие политические лидеры юга рассчитывали компенсировать как свою численную слабость, так и несправедливость своего дела, связав вопрос о продлении рабства с вопросом о будущих президентских выборах и с борьбой партий. Они пообещали себе, что смогут привлечь на свою сторону ведущих людей севера, предложив им Тantalову чашу президентских почестей; а затем, силой партийной сплоченности и дисциплины, заручиться поддержкой огромного числа кандидатов на нисходящий пост. В начале нынешней сессии Конгресса из высокопоставленного источника на юге было четко заявлено, что юг должен сделать больше всего для тех северян, которые готовы сделать больше всего для них. Из нескольких слов станет ясно, насколько точно соблюдался этот план и насколько успешным он может стать.

Ни один северный демократ, выступающий против распространения рабства, не мог рассчитывать на поддержку южной демократии. Поэтому генерал Касс немедленно выступил вперед и заявил в своем письме Николсону, что Конгресс не имеет полномочий исключать рабство на территориях. Технически это было названо его “заявкой”, или его “первой заявкой”.

Юг счел это удовлетворительным, поскольку, согласно их философии, отношения хозяина и раба являются естественными или нормальными отношениями человечества; и поэтому там, где на это нет запрета, рабство течет на свободную территорию, как вода стекает с холма. Это признание генерала Касса стало более знаменательным и ценным для юга, потому что на протяжении большей части своей политической жизни он приносил присягу, занимал должности и вводил законы, что бесспорно противоречило сделанному тогда заявлению. Постановление 1787 года было прямо признано первым конгрессом, проведенным в соответствии с конституцией, [см. Главу 8.] Оно было частично изменено и подтверждено в отношении остального; и, занимая должности в соответствии с этим, генерал Касс заложил основу своих почестей и своего состояния. Таким образом, его заявление против любого запрета рабства, сделанное при столь экстраординарных обстоятельствах и противоречащее всему течению его прошлой жизни, было встречено одобрительными возгласами юга, и в Балтиморе он был единогласно объявлен принятым кандидатом от демократической партии на пост президента. Общепринятое мнение таково, что человек проявляет свою любовь к делу количеством жертв, на которые он готов ради него пойти; а поскольку последовательность, честь и правдивость являются самыми ценными элементами характера, он продемонстрировал свою преданность югу, пожертвовав ими всеми.

К чести партии вигов следует сказать, что не нашлось ни одного северянина, который, чтобы заручиться поддержкой юга, поддержал бы его прорабовладельческие доктрины или изобрел бы какое-либо новое прочтение конституции, чтобы придать им подобие закона. Следовательно, на съезде в Филадельфии ни один северный виг не получил даже даже одобрительного голоса. Выдающийся юрист судья Маклин, выдающийся военный генерал Скотт были презрительно обойдены вниманием; а мистер Уэбстер, признанный величайшим государственным деятелем своего времени, получил всего четырнадцать голосов из почти трехсот; и двенадцать из них были от Массачусетса. Мистер Вебстер произнес больше красноречивых слов в защиту свободы, чем любой другой из ныне живущих людей, и это выдающееся пренебрежение, несомненно, было направлено на то, чтобы преподать ему урок о том, что путь к президентским почестям лежит не через защиту прав человека. Генерал Тейлор был выдвинут и избран. Считалось, что он занял нейтральную позицию. Несмотря на право вето, если Палата представителей, избираемая непосредственно народом, и Сенат, избираемый штатами, примут территориальный законопроект, либо с запретом рабства, либо без него, он одобрит его. Это общепринятое мнение, и я не сомневаюсь в его правильности.

В этих обстоятельствах перед закрытием последнего Конгресса была предпринята самая отчаянная попытка создать правительство для территорий, на которых не было запрета на рабство. Если бы был избран генерал Касс, в таких усилиях не было бы необходимости, поскольку он был обязан наложить вето на запрет. Предполагалось, что генерал Тейлор придерживается противоположного курса; отсюда и борьба. Факты должны быть настолько свежи в памяти всех, что их вряд ли нужно пересказывать. Палата представителей выполнила свой долг перед страной и свободой, направив в Сенат территориальные законопроекты, содержащие запретительную статью. Сенат, сравнившись с северянами голосами южан и намного превосходя вигов численностью демократов, оставил эти законопроекты спать смертным сном у себя на столе. Но в часы закрытия сессии он включил положение о правительстве территорий в законопроект об общих ассигнованиях и пригрозил, что этот законопроект вообще не будет принят, если вместе с ним не будет принят пункт о территории. Сложность этого разбирательства трудно понять и невозможно описать. Законопроект об

ассигнованиях - это тот, от которого зависит работа и даже продолжение деятельности правительства. Без этого государственная машина должна перестать работать. Контракты правительства на выплату денег должны быть нарушены. Офицеры не могут получать свою зарплату. Семьи должны остаться без средств к существованию. Если бы это продолжалось долго, все судьи ушли бы в отставку, а суды были бы распущены; и когда правосудие перестало бы вершиться, насилие, грабеж и все формы преступности буйствовали бы по всей стране.

Кроме того, законопроект об ассигнованиях и законопроект о правительстве территорий не соответствуют друг другу. Они не имеют отношения к делу. Ни один из них не имеет отношения к другому. Всем известно, что это обычное парламентское правило, согласно которому, когда вносится предложение, которое может быть разделено, любой *один* депутат имеет право потребовать этого. Согласно конституции, все законопроекты о повышении доходов также должны исходить от Палаты представителей; и Палата имеет такое же право вмешиваться, чтобы помешать Сенату ратифицировать международный договор, как Сенат должен препятствовать принятию законопроекта о доходах, добавляя в него посторонние положения. Именно эта попытка со стороны Сената включить в законопроект об ассигнованиях положение, самое несправедливое само по себе и самое отвратительное для свободных настроений севера, привела к затянувшемуся заседанию в ночь на 3 марта 1849 года. Поведение лидеров, выступающих за рабство, в этом случае напоминало поведение сумасшедшего, который схватил факел, встал над корабельным складом и провозгласил, что он пошлет людей и судно на гибель, если они не направятся в его порт. Часть Палаты представителей объединилась с большинством Сената в этой беспринципной махинации; но большая часть осталась неустрашимой, и после опасностей, с которыми столь ценный интерес никогда прежде не сталкивался, поправка в пользу рабства была отменена, а ее сторонники были сорваны. В ту памятную ночь "друзья свободы" боролись, как Иаков с ангелом Божиим, и хотя заседание не заканчивалось до тех пор, пока солнце субботнего утра не засияло в окнах Капитолия, в тот святой день никогда не совершалась более святая работа.

Я испытал радость, которую невозможно выразить никакими словами, когда увидел территории, освобожденные из тисков рабства по истечении срока полномочий Тридцатого Конгресса. Я был уверен, что, когда соберется Тридцать первый конгресс, он пройдет под лучшей эгидой и с более сильной фалангой на стороне свободы. В отношении Калифорнии эти надежды оправдались; но я продолжаю излагать, как они были почти уничтожены в отношении остальной территории.

Нашей первой катастрофой стало избрание самого ловкого, талантливого и рьяного оратора, выступающего за рабство. Лучшего органа для достижения своих целей сторонники рабства не могли бы найти, а друзья свободы - более грозного противника. В то время как сторонники рабства на юге, почти без различия партий, ликовали по поводу этого триумфа, это стало поводом для самых прискорбных уголовных преследований и взаимных обвинений на севере. Южане отказываются от всех отличий вигов или демократов ради дела рабства. Если бы, моля Бога, мы могли сделать так же много для дела свободы.

За выбором выступающего за рабство спикера немедленно последовало назначение большинства ультраправых комитетов, выступающих за рабство. Некоторые члены "Свободной земли", это правда, были включены в состав этих комитетов; но в этом спикер только более полно осуществил свои собственные цели и цели своей партии, заключив тех, кого они считали

сумасшедшими, под строгий арест, вместо того, чтобы позволить им разгуливать на свободе. Однако он проявил либо недостаток храбрости в себе, либо недоверие к избранным им охранникам; ибо в комитете округа Колумбия он составил досье из пяти человек, в судебном комитете - досье из четырех, а в территориальном комитете - досье из шести сильных мужчин, выступающих за рабство, для обеспечения безопасности одного вольноотпущенника.

В течение часа после организации Палаты представителей мистер Рут из Огайо представил резолюцию, предписывающую комитету по территориям представить доклад о территориальных законопроектах, запрещающих рабство. Многие истинные друзья свободы считали это движение несвоевременным и неудачным; и хотя Палата представителей тогда большинством голосов отказалась выносить резолюцию на обсуждение, все же, когда она снова была вынесена на рассмотрение, первое решение было отменено примерно тем же большинством. Существует множество доказательств того, что последнее голосование не выражало истинных настроений Палаты представителей. Немало людей открыто проголосовали против резолюции из—за его отцовства, тем самым оплевав благородного сына из-за его несносного отца. Другие раскаялись в своих голосованиях, как только осознали, что протокол будет опубликован там, где к нему не смогут прилагаться их объяснения.

Но, к сожалению, было слишком поздно. Это рекорд, который должен был выжить во все времена и быть почитаемым всеми людьми. Поборники рабства ухватились за это голосование как за благоприятное предзнаменование. Они высмеивали и критиковали это положение с невиданной ранее яростью. Они выкрикивали свои угрозы разобщения более вызывающим тоном, если будет предпринята какая-либо попытка того, что они называли его возрождением. Мистер Клингман из Северной Каролины произнес речь, в которой была отчетливо затушевана резня большинства членов Палаты представителей, так что “кворум не должен быть оставлен для ведения дел”. Эффект от этого голосования был почти таким же ужасным, как если бы оно означало то, что было сказано.

Позже, когда был представлен законопроект о приеме Калифорнии, была применена тактика затягивания, и в полночь мы уже более чем в тридцатый раз выкрикивали "да" и "нет" по вопросам, легкомысленность и назойливость которых нельзя выразить цифрами.

Однако процессы в Сенате сейчас грозят самыми катастрофическими последствиями. В начале сессии, чтобы донести до своих друзей-северян доктрину о том, что принятие законов против рабства на территориях противоречит конституции, генерал Касс выступил с речью, в которой он отрицает, что Конгресс имеет *какие-либо* полномочия, при *любых* обстоятельствах, принимать *какой-либо* закон, касающийся их жителей. Согласно этой речи, Соединенные Штаты находятся в отношениях иностранного правительства с населением своих собственных территорий; и если они назначат короля или установят религию, мы ничего не можем с этим поделать; ибо у нас не больше власти или права контролировать их, чем у нас есть подданные Великобритании или граждане Франции. Было сказано, что доктрины генерала Касса и генерала Тейлора по этому вопросу идентичны; но между ними есть одно чрезвычайно важное различие: генерал Тейлор сохраняет за Конгрессом право издавать законы для территорий и, несомненно, одобрит любой законопроект о запрещении рабства на них; но генерал Касс, отрицающий это право в Конгрессе, в случае избрания президентом наложил бы вето на такой законопроект. Следовательно, он оставил бы территории открытыми для вторжения и владения рабами; а в законах и практике юга владение составляет более девяти пунктов.

Затем последовали так называемые компромиссные резолюции мистера Клея. В соответствии с ними Калифорния должна была быть признана штатом; территории были организованы без каких-либо ограничений в отношении рабства; юго-западная граница Техаса должна была быть расширена до Рио-Гранде; часть ее долга в десять или двенадцать миллионов должна была быть выплачена Соединенными Штатами при условии отказа от ее притязаний на часть Нью-Мексико, лежащую к востоку от Рио-Гранде; отмена работорговли в округе Колумбия и неприкосновенность рабства в округе, что доставляло удовольствие Мэриленду и жителям округа; более эффективное обеспечение возвращения беглых рабов и вечная свободная торговля рабами между штатами, если только они сами не запретят это.

Компромисс - это разрешение трудностей путем взаимных уступок. Давайте рассмотрим взаимность уступок, предлагаемых резолюциями г-на Клея.

Во-первых, Калифорнии должно быть разрешено оставаться свободной, если территории Нью-Мексико и Юты могут быть открыты для рабства. Но Калифорния уже свободна; свободна своим собственным поступком; свободна без каких-либо уступок с их стороны и без какой-либо милости, кроме милости Божьей. Здесь в основном проживает северное население, которое делает свою работу собственными руками или собственными мозгами. Пятьдесят отважных золотоискателей с севера никогда не будут стоять весь день по колено в воде, разгребать землю лопатами, промывать камни и т. Д. Под палящим солнцем и видеть человека со своими пятьюдесятью рабами, стоящего в тени дерева, или с зонтиком над головой, с кнутом в руке, и не намочив свою изящную перчатку, или не запачкав свой японский сапог, прикармливающего ночью столько же, сколько все они вместе взятые. Или, скорее, они никогда не допустят существования институтов, которые терпят подобную несправедливость. Калифорния, следовательно, свободна; так же свободна, как Массачусетс; и мистер Клей с таким же успехом мог бы сказать в таких выражениях, что, хотя Массачусетс свободен, следовательно, Нью-Мексико и Юта будут рабами или рискнут стать таковыми.

Следующий пункт компромисса мистера Клея заключается в том, что Техас продлит свою юго-западную границу от Нуэсес или вблизи нее до Рио-Гранде и получит, вероятно, около шести или восьми миллионов долларов за отказ от своих притязаний на ту часть Нью-Мексико, которая лежит к востоку от реки с последним названием. Теперь Техас не имеет никаких законных или правдоподобных претензий ни на фут всей этой территории. Но предположим, что это предмет сомнений и, следовательно, компромисса. Взаимность, таким образом, заключается в разделе всей территории, на которую претендует Техас, с последующим предоставлением ей действительного права собственности на одну ее часть и выплатой ей платы за все остальное. Техас, или, что в этой связи одно и то же, рабство не отдает абсолютно ничего, получает хороший титул на примерно семьдесят тысяч квадратных миль территории и платит за это гораздо больше!

Но что делает почти невероятным, что какой-либо человек может трезво выдвинуть такое предложение и осмелиться назвать его компромиссом, так это следующее: вся та часть Нью-Мексико, на которую претендует Техас, и которая лежит между параллелями 36 ° 30' и 42 ° °, согласно решениям об аннексии, должна быть навсегда свободной. Со временем я рассмотрю конституционность этих резолюций; сейчас я считаю их действительными. Теперь компромисс предлагает купить эту территорию, столь обеспеченную свободой, и присоединить ее к Нью-Мексико, который должен быть открыт для рабства. Мы должны подвергнуть опасности весь

обширный регион между 36 ° 30 и 42 ° и заплатить Техасу около шести или восьми миллионов долларов за привилегию сделать это! Мистер Клей не менее известен своей государственной мудростью, чем своим остроумием. Если бы ему удалось разыграть этот розыгрыш над севером и если бы не ужасные последствия, которые это повлекло бы за собой, взрыв смеха, подобный *шутке*, звучал бы на протяжении веков. Как бы то ни было, смех будет звучать “в другом месте”.

Следующий момент относится к отмене работорговли и сохранению рабства на неопределенный срок в округе Колумбия. Этот округ имеет площадь около пятидесяти квадратных миль; и г-н Клей предлагает, при рассмотрении вопроса о переносе его невольничьих рынков в Александрию, на стороне Вирджинии, или в какое-нибудь удобное место в Монтгомери или округе Принс-Джордж, на стороне Мэриленда, навсегда лишить Конгресс его права “исключительного законодательства” над ним. Если этот план восторжествует, то вечное рабство в Округе будет защищено более неприступными барьерами, чем любой другой институт в христианском мире. Президент имеет право вето на Конгресс; но две трети обеих палат все равно могут принять любой закон, несмотря на его несогласие. Г-н Клей предлагает предоставить как Мэриленду, так и гражданам Округа право вето по этому вопросу; абсолютное вето, не ограниченное, как у президента Соединенных Штатов, но такое, которое будет контролировать не просто большинство, но абсолютное единодушие в обеих ветвях Конгресса. Таким образом, по его плану, три отдельные, независимые державы должны иметь право вето на отмену рабства в округе Колумбия. И не только это, но, хотя для упразднения института потребуются их *совместные* или *одновременные* действия, любой из них может сохранить его. Законы Мидии и персии не давали таких гарантий вечности, как эта.

Последнее замечание мистера Клея действительно слишком шутовское. Столь серьезная тема не допускает столь длительного легкомыслия, как бы оно ни маскировалось трезвостью выражения лица. Она заключается в том, что Конгресс должен принять более эффективные меры по поимке и доставке беглых рабов; и, в качестве эквивалента этого, он обязуется никогда не вмешиваться в межгосударственную торговлю рабами. Мы должны ловить рабов с Юга, и, как если бы это было благодарной привилегией для нас, мы должны разрешить им свободную торговлю рабами, как на побережье, так и в глубине страны. Таким образом, рабов можно перевозить к устью Рио-Гранде и на несколько сотен миль вверх по этой реке, в сторону Нью-Мексико, вместо того, чтобы перегонять в фургонах через всю страну. Компромисс заключается в том, что за каждого пойманного нами раба мы должны облегчить переправку сотни рабов в Нью-Мексико.

Такова взаимность компромиссов мистера Клея. Это те компромиссы, которые волк предлагает ягненку или стервятник голубю. Они ставят законный прием Калифорнии в Союз с ее свободной конституцией в зависимость от открытия новых территорий для рабства; они ратифицируют одну часть грабительских притязаний Техаса и предлагают выделить ей миллионы за другую часть; они накладывают безусловное вето на штат Мэриленд и граждан округа Колумбия при единогласном голосовании обеих палат Конгресса, даже если это одобрено президентом; в связи с законопроектом мистера Батлера и поправками мистера Мейсона они подвергают наших белых граждан тяжким наказаниям и тюремному заключению за невыполнение того, что Верховный суд Соединенных Штатов они решили, что мы не обязаны поступать по отношению к беглым рабам, и они предлагают похищать наших цветных граждан и угонять их в рабство; и они отказываются, в пользу юга, от спорного вопроса о межгосударственной торговле рабами.

Только в одном конкретном случае они, по-видимому, в чем-то уступают северным правам, или северным убеждениям, или северным чувствам. Они предлагают перенести работорговлю из округа Колумбия по идеальной линии в Виргинию или Мэриленд, чтобы плантатор-работорговец, когда он приезжает в наше Американское Конго для пополнения своего поголовья человеческого скота, был вынужден пройти милю или две до невольничьих рынков, вместо того, чтобы идти по Пенсильвания-авеню. Я считаю, что это никакая не уступка. Если почетно производить кукурузу и хлопок, то почетно покупать и продавать их, а если почетно держать в рабстве существ, созданных по образу Божьему, то почетно стоять между производителем и потребителем и делать товаром тела и души людей. Пусть этот Свет Века будет установлен на холме, чтобы все народы могли узреть его.

Я буду ссылаться на резолюции мистера Белла не более чем для того, чтобы сказать, что они предлагают образование трех рабовладельческих штатов на территории, на которую сейчас претендует Техас, один из которых должен быть немедленно принят в Союз в качестве компенсации Калифорнии.

Мистер Бьюкенен не относился к действиям своего соперника, генерала Касса, с безразличием. Он провел значительную часть зимы в Вашингтоне, и понятно, что он придерживается компромиссной линии штата Миссури, от западной границы штата Миссури до Тихого океана, в качестве приманки для южан, чтобы они благосклонно отнеслись к нему в ходе последующей президентской кампании.

Теперь я должен в хронологическом порядке рассмотреть некоторые жизненно важные точки зрения, которые были представлены некоторыми членами Палаты представителей, а также мистером Вебстером и другими в Сенате. Упомянув имя этого великого государственного деятеля и признавая, что я один из многих, кого его недавно высказанные мнения не смогли убедить, я обязан самому себе, каким бы безразличным это ни было для него или его друзей, выразить свое восхищение его способностями, свою благодарность за его прошлые заслуги и ту неуверенность, с которой я поначалу не соглашался с его взглядами. Но я долго размышлял над ними, и чем дольше я размышлял, тем более сомнительными они казались. Поэтому я возьму на себя опасную задачу выяснить их правильность; и хотя я делаю это с почтением, присущим его характеру, я буду делать это также с той верностью совести и суждениям, которые присущи мне. Он велик, но истина больше всех нас.

Я ограничусь главным образом, а может быть, и полностью, взглядами мистера Вебстера, потому что он отстаивал интересы юга с гораздо большим умением, чем это было доказано кем-либо из них самих. Таким образом, если его выводы окажутся несостоятельными, их дело проиграно.^[9]

Мистер Уэбстер вообще отвергает это “Условие”. Он говорит: *“Если бы сейчас перед нами стояла резолюция или закон о создании территориального правительства для Нью-Мексико, я бы не голосовал за то, чтобы вводить какие бы то ни было запреты”*. (стр. 44.) Указанная причина заключается в том, что рабство уже исключено из “Калифорнии и Нью-Мексико” “по закону природы, физической географии, закону формирования земли”. (стр. 42.) “Калифорния и Нью-Мексико являются азиатскими по своему образованию и пейзажу. Они

состоят из обширных горных хребтов огромной высоты, с изломанными хребтами и глубокими долинами”. (стр. 43.)

Итак, это вывод моральных выводов из физических предпосылок. Это рассуждение от физики к метафизике. Это определение закона духа с помощью географических явлений. Это обязательство решать с помощью гор и рек, а не с помощью Десяти Заповедей, великий вопрос человеческого долга. Это отвергает вторую заповедь Христа и все билли о правах, принятые в соответствии с ней, и оставляет наши обязательства перед нашим “ближним” определяться случайностями на земле, в воде и воздухе. Чтобы убедиться, будет ли народ повиноваться Божественному повелению и поступать с другими так, как поступили бы они сами, он смотрит на термометр. Какой проблемой это могло бы стать: “Требовалось, чтобы высота над уровнем моря, на которой угнетатель “снимет тяжелое бремя и позволит угнетенным выйти на свободу, и свергнет всякое ярмо”, определялась барометрически”. Увы! это невозможно. Рабство зависит не от климата, а от совести. Куда могут завести порочные страсти человеческого сердца, туда может завести и рабство. Рабство - это следствие. Алчность, лень, гордыня и любовь к господству являются ее причиной. Поднимаясь по склонам гор, на какой высоте люди оставляют эти страсти позади? Различные растения произрастают на разной высоте, в зависимости также от зоны. Это я могу понять. Есть высота пальмы, высота дуба, высота сосны, а далеко над ними - полоса вечных снегов. Но, что касается невинности и вины, где находится *белая линия*? Как высоко может подняться рабовладелец и не потерять свою свободу действий? На какой высоте кнут упадет с руки хозяина, а кандалы - с конечностей раба? Такой точки нет. Свобода и рабство, с одной стороны, и климат и геология - с другой, являются несоизмеримыми величинами. С таким же успехом мы могли бы попытаться определить вопрос в теологии с помощью кубического корня или вопрос в этике с помощью черной магии. Рабство, будучи преступлением, основанным на человеческих страстях, может распространиться везде, где эти страсти необузданны. Она существовала в Азии с древнейших времен, несмотря на ее “формирование и ландшафт”. Сейчас она трудится и стонет на склонах Уральских гор. Сегодня в России насчитывается сорок восемь миллионов рабов, ни одно из которых не опускается так низко, как северная граница Калифорнии и Нью-Мексико.

Если бы философия мистера Вебстера была верна, то Калифорния приложила бы излишние усилия, когда включила постановление 1787 года в свою конституцию. Вместо того чтобы говорить, что “рабство и подневольное состояние (за исключением преступлений) должны быть навсегда запрещены”, ей следовало бы сказать: “В то время как по закону природы, физической географии, закону формирования земли”, “рабство не может существовать в Калифорнии”, поэтому мы не будем “подтверждать закон природы или воспроизводить волю Бога”.

Следует ли говорить, что рабство не распространится на новые территории, потому что это невыгодно; Я спрашиваю, где это выгодно? Где невежество так выгодно, как знание? Где выгода от нечестия, даже в вещах этой жизни? Как мало стоит кисть на одном конце руки, если на другом нет мозга! Разве Мэриленд, Вирджиния, Северная Каролина и другие штаты не предоставляют тысячи и десятки тысяч свидетелей того, что рабство приводит к обнищанию? И все же с каким энтузиазмом они лелеют это! Как правило, невежество является необходимым спутником рабства. Белых лиц старше двадцати лет, не умеющих читать и писать, насчитывалось, согласно последней переписи, 58 787 в Вирджинии, 56 609 в Северной Каролине, 58 513 в Теннесси и так далее. Передо мной письмо, полученное сегодня утром,

датированное Индианой, в котором автор сообщает, что он переехал из Северной Каролины в 1802 году, когда ему было четырнадцать лет, и в то время он никогда в жизни не видел газет. Может ли существовать гениальность, изобретательский талант или прибыльный труд там, где так густо невежество? Может ли угнетение, которое подавляет добровольное трудолюбие, предприимчивость, интеллект и стремление к независимости, привести к богатству? Тем не менее, это делается везде, где существует рабство, и является неотъемлемой частью его функционирования. Выгодна ли какая-либо другая форма грабежа? И все же отдельные люди и сообщества практиковали это и жили в соответствии с этим, и мы можем с таким же успехом полагаться на “закон физической географии”, чтобы остановить как то, так и другое. Это не поэзия, а буквальная истина, что дыхание раба уничтожает растительность, его слезы отравляют землю, а его стоны поражают ее бесплодием. Было бы легко показать, почему хозяин не отказывается от рабства, даже несмотря на то запустение, которым оно его окружило. Существует сочетание бедности и гордыни, которое порождает рабство, *согласно доктрине естественного влечения*, и которому, следовательно, оно точно соответствует. Беспомощность хозяина в отношении всех личных потребностей, по-видимому, обуславливает рабство, которое породило его. Все моральные и религиозные принципы принижаются до тех пор, пока они не будут соответствовать повседневной практике. Обычай ослепляет совесть до тех пор, пока, без каких-либо попыток освободить или улучшить положение своих жертв, люди не смогут проповедовать, молиться и удерживать рабов, как шутит и поет могильщик Гамлета, выискивая черепа.

Но рабство не может распространиться на Калифорнию или Нью-Мексико, потому что основными продуктами их производства являются не “табак, кукуруза, хлопок или рис”. (стр. 44.) Это сельскохозяйственные продукты. Но ограничивается ли рабский труд сельским хозяйством? Предположим, что дорабовладельческое рабство не станет обычным явлением на новых территориях. Разве слуги не могут работать в поле? Если рабы не могут выполнять полевые работы, не могут ли они выполнять работу по дому? Сегодня на новых территориях открыто место для ста тысяч рабов в качестве домашней прислуги. И, кроме того, позвольте мне спросить, кто обладает таким геологическим видением, что на расстоянии тысячи миль может проникнуть в долины и ущелья Нью-Мексико и сказать, что там еще не найдут золота, как в Калифорнии, — не только в песке и гравии, но и в сорока восьми- и пятидесятишестифунтовых руд? Это тот самый вид труда, на котором рабы во все времена так широко использовались, — тот самый труд, на котором погиб миллион рабов на Эспаньоле в течение нескольких лет после ее открытия Колумбом. В настоящее время в двадцати пяти милях от Санта-Фе разрабатываются месторождения золота. Последнее сообщение, которое я видел, о группе эмигрантов, переправляющихся из Санта-Фе в Калифорнию по реке Хила, сообщает о богатых находках золота на этой реке. Мой согражданин только что вернулся домой и говорит, что видел раба, проданного на рудниках в Калифорнии в сентябре прошлого года. Пока что отдаленные районы Гилы и Колорадо не могут быть обработаны из-за апачей, юта и других индейских племен. Но признайте там рабство, и власть правительства будет задействована для уничтожения этих индейцев, как это было раньше для уничтожения чероки и семинолов, — не для того, чтобы изгнать их за Миссисипи, а за Стикс. Несколько дней назад в газетах было опубликовано письмо, датированное прибытием на борт парохода, плывущего по Миссисипи, в котором говорилось, что на борту находится значительное количество рабов, направляющихся в Калифорнию, по соглашению со своими хозяевами о том, что они должны быть освобождены

после двухлетней работы на рудниках. Мы также знаем, что причина включения положения в конституцию Калифорнии, разрешающего ее законодательному органу принимать законы об исключении свободных чернокожих из штата, заключалась в том, что рабы будут доставляться туда именно по этой форме соглашения, и мало-помалу страна будет наводнена цветными людьми, которые купили свою свободу. Проницательные люди, создавшие конституцию Калифорнии, приехали со всех концов территории и, будучи собраны на месте, обследовав все ее горы, подышав ее воздухом любой температуры и вскопав ее золотую почву, — эти люди так и не открыли ни одного “закона физической географии”, который не мог бы нарушить падший дух рабства. Рабов перевозили в Орегон, на десять градусов выше по широте. Его колонисты повторно ввели в действие указ 1787 года, прежде чем Конгресс предоставил им территориальное правительство. В территориальном правительстве, которое им было предоставлено, запрет был введен; и президент Полк подписал законопроект с явным протестом, что он ратифицировал это исключение рабства только потому, что страна лежит к северу от компромиссной линии Миссури; но заявил, что, если бы он охватывал тот самый регион, о котором идет речь, он наложил бы вето на законопроект.

Генерал Касс никогда не утверждал, что рабство *не может* существовать на новых территориях; и немалая часть оппозиции, высказанной ему в Массачусетсе и в других свободных штатах, была прямо обоснована тем, что он его не запретит. Мистер Вебстер в своей Маршфилдской речи 1 сентября 1848 года выступил против избрания генерала Касса, потому что из-за его приверженности принципам севера рабство вторглось бы на эти территории. Это было выражено с его обычной ясностью и силой следующим образом: —

“Он, [генерал Касс,], несомненно, получит Сенат; и при покровительстве правительства, с учетом всех интересов, которые он, как северянин, может реализовать, сотрудничая со всеми интересами, которые может реализовать юг, мы просим о безопасности, прежде чем выберемся из леса, *если мы чувствуем, что на этих новых территориях нет опасности*”.

Однако теперь мистер Уэбстер говорит, что поддержать “Оговорку” означало бы “опозорить его собственное понимание”. (стр. 46.)

Во время той же кампании достопочтенный Дж. Руфус Чоут, один из самых красноречивых людей Новой Англии и, как известно, личный друг мистера Уэбстера, произнес в Салеме речь, в которой встречается следующий отрывок:

“Это принятие закона, гласящего, что Калифорния и Нью-Мексико навсегда останутся свободными. Это, сограждане, несомненно, цель великой и заповедной важности; ибо нет никого, кто будет отрицать, что мы должны дойти до самых пределов самой конституции и с мудростью мудрейших и рвением самых ревностных должны объединиться, чтобы достичь этой великой цели и победить всегда ненавистный объект темных амбиций того кандидата от Балтиморского конвента (генерала Касса), который осмелился заранее поклясться, что наложит вето на будущий закон о свободе; и пусть Бог предотвратит безумие всех тех, кто всегда будет ненавидим. которые ненавидят рабство и любят свободу, которые объединились бы, чтобы поместить его в то место, где его трижды проклятый обет может быть искуплен!... Есть ли в этом зале виги, которые сомневаются в том, что сила партии вигов в марте следующего года обеспечит свободу Калифорнии и Нью-Мексико, если по конституции они вообще имеют право на свободу? Есть ли член Конгресса, который не проголосовал бы за свободу? Вы знаете, что нет ни одного. Разве не все члены Конгресса-виги из свободных штатов голосовали на прошлой

сессии за свободу? Вы знаете, что каждый из них вернулся домой, охваченный благодарностью своих избирателей за этот голос. Есть ли хоть один избирательный округ вигов в любом свободном штате этой страны, который вернул бы любого человека, который не стал бы голосовать за свободу? *Верите ли вы, что самого Дэниела Вебстера можно было бы вернуть, если бы по этому вопросу возникли хоть малейшие сомнения?*”

Затем мистер Чоут добавляет: “Только по этому вопросу мы всегда расходимся с вигами юга; и по этому вопросу мы *предлагаем просто проголосовать против них*”. Мистер Уэбстер теперь говорит, что не присоединится к голосованию против них.

При таких обстоятельствах, является ли легкомысленным или придирчивым требовать чего-то большего, чем догматическое утверждение о том, что рабство не может оплодотворить эти новые регионы и заставить их вечно плодить монстров? По вопросу такой бесконечной важности я не могу удовлетвориться изречением; я хочу демонстрации. Я не могу принять пророчество, не поинтересовавшись, какой дух вдохновил пророка. Как откровение с Небес, это было бы восхитительно; но, поскольку это противоречит всему человеческому опыту, требуется по крайней мере одно несомненное чудо, чтобы подтвердить божественность его происхождения.

Согласно последней переписи населения, в Массачусетсе проживало более восьми тысяч человек африканской крови. Уничтожьте моральные и религиозные убеждения нашего народа, пусть рабство покажется им не только законным и похвальным, но и желанным как знак аристократического отличия и как “политическое, социальное, моральное и религиозное благословение”, и какое препятствие помешает этим восьми тысячам человек быть превращенными в рабов в любой день путем легкого, дешевого и сокращенного похищения законодательным актом? Африканцы могут существовать здесь по самой лучшей из всех причин — они действительно существуют здесь. Состояние рабства не остановило бы их дыхание и не заставило бы их раствориться “в воздухе”. Задумайтесь на мгновение о жалобах, которые мы постоянно слышим в определенных кругах, о трудностях и досадности командования домашней прислугой. Если бы не существовало моральных или религиозных возражений против содержания рабов, разве многие из тех респектабельных и богатых джентльменов, которые подписали благодарственное письмо мистеру Вебстеру и сотням других, вместо того чтобы обращаться в разведывательные службы или посещать эмигрантские корабли в поисках “прислуги”, как мы их называем, не пошли бы сразу на аукцион и не купили мужчину или женщину с таким же отсутствием колебаний или угрызений совести, с каким они сейчас посылают в Брайтон за бивсом или в Таттерсоллз за лошадью? Если холод более высоких широт останавливает приток африканской крови или сковывает большие пальцы африканских конечностей, рабовладелец очень хорошо знает, что незначительные дополнительные расходы на кнуты компенсируют разницу.

Но предположим, что можно было бы обоснованно усомниться в том, что рабство вторгается на новые территории. Даже предположим, что шансы противостоять этому преобладают. Что тогда? Должны ли мы предоставить вопрос о свободе человека на обширных территориях и в течение неопределенного периода времени воле случая? Всеми своими силами я говорю: *Нет!* Позвольте мне спросить любого человека, позвольте мне со всем уважением спросить самого мистера Уэбстера, если бы его собственным отцу и матери, братьям и сестрам, сыновьям и

дочерям грозила такая участь, бросил бы он их на произвол судьбы, даже на благоприятный случай? Допустил бы он, чтобы их судьба определялась игрой в кости или гаданием, когда в его власти был категорический запрет? И по какому правилу христианской морали или даже просвещенной языческой морали мы можем обращаться с чужими родственниками иначе, чем со своими собственными? Он не христианин, чья человечность ограничена законными степенями родства или общими типами черт.

Но мистер Вебстер не стал бы “насмехаться” над югом. Я бы тоже этого не сделал. Я бы не стал насмехаться ни над каким благородным человеком, тем более над преступником. И все же, когда самые драгоценные интересы человечества находятся в опасности, я бы не стал робеть. Я бы не стал останавливаться слишком надолго, чтобы отобрать фразы влюбленных. Стоя перед Божьим оком, на форуме мира и перед августейшим трибуналом потомков, когда сторонами тяжбы являются свобода и тирания, а человеческим счастьем и человеческим несчастьем - награда, которую они оспаривают, присяжному защитнику свободы следовало бы, как, по словам Квинтилиана, это случилось с Демосфеном, “не говорить и умолять, но громыхать и зажигать молнии”. Мистер Вебстер не стал бы насмехаться над югом; и все же я говорю, что южан никогда раньше так не оскорбляли, как он оскорбил их. Обычные насмешки, глумления, поношения - это лесть и подхалимаж по сравнению с теми унижениями, которыми он их осыпал. Посмотрите на факты. Юг вел войну с Мексикой по одному-единственному мотиву; ради одной — единственной цели - распространения рабства. Они отказывались от мира, если не будет отдана территория. Эта территория, должно быть, находится к югу от ненавистной линии 36 ° 30. Тот же президент, который отказался от широкой полосы земель на нашей северной границе, от 49 ° до 54 ° 40 °, на которую у нас, по его собственным словам, был “неоспоримый титул”, не допустил бы введения запрета на рабство на территории, которую уступила Мексика, хотя бы она зарыла ее на фут в золото. Это условие с самого начала встречало сопротивление во всех формах. Южные виги проголосовали против ратификации договора, предвидя борьбу, которая должна была последовать. В конце последней сессии Конгресса были предприняты отчаянные попытки тайно ввести неограниченное территориальное правительство вопреки всякому парламентскому правлению и всем конституционным последствиям. Весь юг, как один человек, заявлял об этом как о “поддающемся описанию, весомому, уважаемому, осязаемому” и наиболее ценном “праве” перевозить туда рабов. Калхун, Берриен, Бэджер, Мейсон, Дэвис — вся южная фаланга, виги и демократы, выступали за это, доказывали это, и большинство из них заявили, что готовы бороться за это; и все же мистер Вебстер встает на свое место и говорит им, что все они помешались, у них галлюцинации, они глупы; потому что “закон природы и воля Божья” решили этот вопрос против них с самого начала мира. Мистер Калхун сказал сразу после этой речи: “Дайте нам свободу действий и достаточно времени, и мы примем меры”. позаботься обо всем остальном".

Мистер Мейсон сказал:—

“Мы слышали здесь из разных источников, в том числе из высших кругов, и повторяли это со всех сторон, — повторено здесь снова сегодня distinguished сенатором от Иллинойса [мистером Шилдсом], - что существует закон природы, который исключает южан из любой части штата Калифорния. Я не знаю такого закона природы, вообще никакого; но я знаю обратное, что если бы Калифорния была организована только с территориальной формой

правления, и за которую на последних двух сессиях Конгресса она получила голоса всего юга, жители Южных Штатов отправились бы туда свободно и в большом количестве приводили бы туда своих рабов. Они бы так и сделали, потому что ценность труда этого класса возросла бы для них во много сотен раз. Почему в ходе дебатов, которые состоялись на съезде в Калифорнии, который сформировал конституцию, и с которым теперь любой сенатор может ознакомиться сам, после того, как было согласовано положение, исключающее рабство, было предложено полностью запретить африканскую расу, как свободную, так и порабощенную. По этому поводу разгорелись дебаты, и, как показали эти дебаты, была четко выдвинута точка зрения, что если бы не исключалась вся африканская раса, их труд был бы признан настолько ценным, что владельцы рабов привезли бы их туда, даже несмотря на то, что рабство было запрещено, по контракту на освобождение в течение двух или трех лет. Истребовалось очень мало рассуждений со стороны тех, кто выступал против этого класса населения, чтобы показать, что производительность их труда была бы такова, чтобы вызвать этот результат. Была проведена оценка стоимости труда этого класса людей, показавшая, что она будет увеличена до такой степени на шахтах Калифорнии, что их невозможно будет не пускать. Было решено, что труд раба в любом из штатов, из которых они будут вывезены, будет стоить не более ста-ста пятидесяти долларов в год, и что в Калифорнии он будет стоить от четырех до шести тысяч долларов. Через один или два года они будут работать бесплатно, и, таким образом, страна будет заполнена классом свободных чернокожих, и их бывшие владельцы заключат выгодную сделку, переправляя их туда”.

Однако мистер Уэбстер встает перед всей этой толпой и говорит: “Джентльмены, вы вне себя. Вы съели ‘безумный корень’. Вы больше соответствовали бы характеру, если бы надели ‘колпак с колокольчиками’. В трезвом смысле, ясно видя свою цель и прямо преследуя ее, Дон Кихот был доктором Франклином по сравнению с *вами*. Собака из басни, которая уронила мясо, чтобы укусить свою тень, в вашем случае - это не аллегория. Я вижу вокруг себя два класса — мудрецов и дураков; *вы* не принадлежите к первому. Канцлер, который содержит королевских идиотов, должен опекать вас”. Таково точное изложение того, что мистер Вебстер сказал южным сенаторам, а через них и всему югу.

Это, безусловно, было отражением понимания и интеллигентности юга, какого никогда не было на них раньше. Но бальзам прошел вместе с болью. Они терпели оскорбление своих суждений, потому что это было так выгодно их политике и карманам. Я не думаю, что будет несправедливо по отношению к этим сенаторам сказать, что они чуть не разорвали бы мистера Вебстера на куски за такое коллективное оскорбление, если бы оно не пообещало увеличить, как выразился мистер Мейсон, “во много сотен раз” их личную собственность и обеспечить и увековечить их политическое господство.

Чтобы улучшить наши представления о курсе мистера Вебстера по этому вопросу, давайте представим параллельный случай — или, скорее, приблизительный, поскольку параллели быть не может. Предположим, что борьба между севером и югом по поводу тарифов бушует уже много лет. Трезвая кровь севера накалена до предела. Газеты ни о чем другом не пишут. На публичных собраниях и в частных беседах не обсуждаются никакие другие темы. Сотни делегатов ждут Конгресса, чтобы добавить, пусть даже самую малость, на чашу весов, на которой стоят их интересы. Петиции поступают тысячами и десятками тысяч. Объявлено, что мистер Кэлхун изольет свой великий ум по вопросу. Ожидание приближается. Все взгляды со всех сторон страны обращены к Вашингтону, как мусульмане - к Мекке. Зал заседаний сената

переполнен, и знаменитый сенатор встает. После исторического очерка существующих трудностей, после прочтения речей, произнесенных им в 1832 и в 1846 годах, он продолжает говорить, что он снимает все возражения против тарифа, — против любого тарифа! Он не станет оскорблять нежные нервы северных промышленников дальнейшей враждебностью. Будь тогда на его рассмотрении законопроект, он не стал бы возражать против него. “Возьмите графики, ” презрительно говорит он северным сенаторам, - и заполните пробелы от А до Я с таким процентом, какой вам заблагорассудится. Для *адвалорных* ставок указывайте минимальные и максимальные значения по своему усмотрению. Я больше не буду ‘дразнить’ вас. Я за мир и славный Союз. Я открыл непреложный и необратимый закон природы, который перевешивает все ухищрения людей. В Новой Англии нельзя изготовить и ярда шерсти или хлопка. Там вода не имеет силы тяжести, пар не имеет силы воздействия, а колеса не вращаются. В Вермонте и Нью-Йорке шерсть не будет расти на спинах овец. Я проник в геологию Пенсильвании, и, несмотря на все ее наслоения, там нет ни наперстка угля, ни унции железной руды; а если бы они и были, сжигание не помогло бы выковать их, потому что кислород и углерод разведены. Поскольку Массачусетс выделил треть людей и треть денег на продолжение войны за независимость, я готов компенсировать ей потерянную кровь и сокровища в размере сотен миллионов долларов, которыми она сможет восполнить бесплодие своего гения и потакать своей безумной любви к церквям и школам ”. Если бы великий сенатор-южанин высказался таким образом, я думаю, что даже идолопоклонническая Южная Каролина, боготворящая мужчин, — штат, которым мистер Кэлхун правил и двигал последние двадцать пять лет, как кукловод играет Панча и Джуди, - разослала бы по всем своим органам голос единодушного несогласия.

Насколько свобода выше тарифов, настолько сильнее их несогласие должно быть и у нас.

Заявление мистера Вебстера о том, что он не стал бы “повторно подтверждать законы природы или исполнять волю Бога” (стр. 44), было прокомментировано более резко, чем я могу или желаю сделать. Хорошо было сказано, что любой закон и любая воля должны быть в гармонии с волей Доброго Духа или с волей злого; и если мы не будем претворять в жизнь волю первого, то либо все законодательство прекращает свое действие, либо мы должны регистрировать постановления последнего. Но к этой теме относится одно важное и уместное соображение, которое я нигде не видел разработанным. Дело вот в чем: среди людей существуют бесконечные сомнения и противоречия относительно того, какова воля Божья; и ни по одному вопросу не существует более широкого разнообразия мнений, чем по этому самому вопросу о рабстве. Чей закон был изменен указом 1787 года? чей, когда африканская работорговля была запрещена? чей, когда она была объявлена пиратством? Правда, бесполезно вносить в наши своды законов астрономический закон, регулирующий восход солнца или приливы; но это физически и вне юрисдикции человека, в то время как рабство относится к морали и находится в пределах юрисдикции человека. Перестаньте записывать в свод законов то, что наши мудрейшие и лучшие люди считают волей Божьей в отношении наших мирских дел, и страсти, которые, по нашему мнению, присущи дьяволам, вскоре овладеют обществом. Что касается рабства, пиратства и так далее, то есть множество людей, чей страх перед уголовными наказаниями в другой жизни очень сильно подкрепляется небольшим благотворным штрафом и тюремным заключением в этой. Взгляните на тот благородный набор принципов, который содержится в Декларации прав в конституции штата Массачусетс. Разве это не самое грандиозное и прекрасное изложение “воли Божьей” — так сказать, расшифровка из Книги Жизни? Так же и с поправками к конституции Соединенных Штатов. И все же наши отцы считали, что их исполнение не является посягательством на святыни; и во времена борьбы и

опасностей они были для многих искушаемых людей якорем для души, надежным и непоколебимым.

Я отношусь к трактовке мистером Уэбстером техасского вопроса без обычного беспокойства. Поскольку с самого детства я привык считать его почти непогрешимым толкователем конституционного права, невозможно описать ту борьбу, то душевное смятение, с которым я перешел от просвещенного и радостного согласия с его прежними мнениями к решительному несогласию с его нынешними.

Я должен исходить из того, что не вижу никакой необходимой или полезной связи между субъектом новых техасских штатов и принятием Калифорнии и правительством территорий. Первое относится к какому-то неопределенному будущему, когда Техас попытается извергнуть из своего плодотворного лона рабства преждевременное рождение. В этом возбужденном состоянии страны, на этом критическом этапе наших дел, когда идут трезвые разговоры о том, чтобы уничтожить большинство членов Палаты представителей на их собственном этаже, и сенатор, вместо того, чтобы просто угрожать повесить брата-сенатора на самом высоком дереве, при условии, что он сможет поймать его в своем собственном штате, теперь наставляет шестизарядный револьвер на другого брата-сенатора, в зале Сената, в середине сессии; в такое время, говорю я, когда, как бы мало Авелей ни действовало на политическом поле, Каинов более чем достаточно, было бы разве не правильно было поступить в соответствии с заповедью: “Довольно для дня зла этого”?

В качестве основы своего аргумента мистер Вебстер цитирует следующую резолюцию о приеме Техаса, принятую 1 марта 1845 г.:—

“Новые штаты удобного размера, числом не превышающие четырех, в дополнение к указанному штату Техас, и имеющие достаточное население, впоследствии могут быть образованы с согласия указанного штата на его территории, которая будет иметь право на прием в соответствии с положениями федеральной конституции. И такие штаты, которые могут быть образованы из той части указанной территории, лежащей к югу от 36 ° 30 северной широты, широко известной как компромиссная линия Миссури, должны быть приняты в Союз с рабством или без него, в зависимости от желания жителей каждого штата, просящего о приеме; и в таком штате или штатах, которые будут образованы из указанной территории к северу от указанной компромиссной линии Миссури, рабство или принудительное рабство (за исключением преступлений) должны быть запрещены ”.

Обратите здесь внимание, во-первых, что только “*четыре*” штата должны быть приняты “в дополнение к указанному штату Техас”; и, во-вторых, что “такой штат или *штаты*” (во множественном числе), которые будут образованы из территории к северу от 36 ° 30, *должны быть свободными*. Если на северной стороне линии будут существовать два или только одно свободное государство, то сколько их останется на южной стороне? Я бы выставил себя на посмешище, если бы подсчитал это арифметически: *четыре* минус *один*, что равно *трем*. И все же г-н Вебстер говорит: “Гарантия заключается в том, что из нее [территории Техаса] будут образованы новые штаты и что такие штаты, которые будут образованы из той части Техаса, лежащей к югу от 36 ° 30, могут войти в состав рабовладельческих штатов в *количестве*

ЧЕТЫРЕХ, в дополнение к штату, существовавшему тогда и признанному в то время этими резолюциями”. (стр. 29.)

Здесь мистер Вебстер прямо указывает на юг и рабство, на одно государство больше, чем было предусмотрено контрактом, — при условии, что контракт действителен. Он делает пожертвование, безвозмездную передачу целого рабовладельческого государства, большего, чем многие европейские княжества. Он переносит целое государство, со всеми его бьющимися сердцами, настоящими и будущими; со всей его бесконечной восприимчивостью к богатству и горестям, со стороны свободы на сторону рабства, в бухгалтерскую книгу человечества. Какой свадебный подарок для блудницы рабства!

Разве сделка не была достаточно сложной по своим условиям? Должны ли мы выполнить ее и выйти за ее рамки? Является ли рабовладельческое государство, которое обрекает наших братьев по роду человеческому, возможно, на бесконечную судьбу вассалов, настолько незначительной мелочью, что ее можно бросить, как разменную монету при сведении счетов? Был ли юг настолько щедрым партнером, чтобы заслужить этот выдающийся знак нашей благодарности?

Почему, исходя из паритета рассуждений, он не мог заявить, что все четыре штата, “в дополнение к упомянутому штату Техас”, являются свободными штатами? Резолюции разделяют территорию на две части, одну к северу и одну к югу от линии 36 ° 30. Разве мистер Вебстер не мог провозгласить четыре штата свободными с такой же здравой логикой и с гораздо большей гуманностью, чем он отдал их всех в рабство? Когда Техас и юг присоединят свои рабовладельческие штаты “в количестве четырех” к Союзу, откуда мы возьмем один или несколько свободных штатов? Контракт будет выполнен, и в согласии Техаса на переход в другой штат будет отказано.

Несмотря на все это, мистер Вебстер подтверждает право на рабство еще в четырех штатах следующими словами: “Я не знаю никакой формы законодательства, которое могло бы усилить это. Я не знаю способа признания, который мог бы придать этому хоть каплю веса”. Уловив тон его утверждения, я отвечаю, что не знаю ни формы заявления, ни процесса рассуждения, которые могли бы сделать более ясным, что это абсолютный и бессмысленный отказ от прав севера и прав человечества.

Но я считаю резолюции Техаса совершенно недействительными; и продолжаю излагать причины моего мнения.

Я начну с цитаты мистера Вебстера против него самого. В обращении к народу Соединенных Штатов, подготовленном на съезде штата Массачусетс против штата Техас, состоявшемся 29 января 1845 года, можно найти следующий отрывок, который, как понимают, или, скорее, я могу сказать, теперь хорошо известно, был продиктован самим мистером Вебстером:

“ Но мы не хотим, чтобы нас неправильно поняли. Согласно нашим убеждениям, ни у одной ветви правительства, или у всех его ветвей, нет полномочий присоединять иностранную территорию к этому Союзу. Мы сделали вышеупомянутые замечания только для того, чтобы показать, что, если какая-либо справедливая конструкция могла бы показать, что такая власть существует где угодно или может осуществляться в какой угодно форме, все же предлагаемый сейчас способ ее осуществления лишен всякого подобия конституционной законности.”

Таким образом, отменяя полномочия мистера Вебстера в 1850 году полномочиями мистера Вебстера в 1845 году, я продолжаю аргументацию.

Хотя аннексия Техаса была осуществлена в соответствии с ничтожным условием, все же это четкий принцип права, согласно которому, когда недействительный контракт между сторонами был *выполнен* ими, он не может быть аннулирован. В случае исполнения оно становится действительным не в силу контракта, а в силу исполнения. Я склоняюсь перед этим правовым принципом и буду его выполнять. Но любое независимое условие, которое остается неисполненным, остается недействительным. Такова та часть резолюций об аннексии, которая предусматривает прием ряда техасских штатов. В самих резолюциях прямо говорится, что новые штаты должны быть приняты “в соответствии с положениями федеральной конституции”; а в федеральной конституции говорится: “Новые штаты могут быть приняты *Конгрессом* в этот Союз”. Каким Конгрессом? Очевидно, Конгрессом, заседающим на момент подачи заявления о приеме; и никем другим. Четвертый штат Техаса, возможно, не будет готов к приему в ближайшие пятьдесят лет; и может ли Конгресс 1845 года связать Конгресс 1900 года? Конгресс 1900 года и все будущие конгрессы будут руководствоваться конституцией Соединенных Штатов, а не каким-либо предыдущим конгрессом. Изложите дело в отрицательной форме. Мог ли Конгресс 1845 года обязать все будущие конгрессы *не* признавать новые штаты и, таким образом, *pro tanto* аннулировать конституцию? Положительный или отрицательный, результат один и тот же. Ни один предыдущий конгресс по такому вопросу не может расширить или ограничить власть последующего. Поэтому всякий раз, когда на рассмотрение выносится вопрос о создании нового штата Техас, Конгресс *в таком случае* должен решать его по существу, не стесненный ничем из того, что делали их предшественники; и, особенно, свободным от закона, который, хотя и схож по духу, в принципе в тысячу раз более одиозен, чем статуты мортмейна.

Допуская, что будущий Конгресс по такому вопросу может быть связан *международным договором*, я отвечаю, что никакого международного договора не было; в то время как тот факт, что в резолюции Сената была включена оговорка о международном договоре ради получения определенных голосов, которые иначе никогда бы не были отданы в их пользу, и под прямым обещанием исполнительной власти о том, что должен быть принят международный метод, это обещание было немедленно несправедливо нарушено президентом, не оставляет элемента низости и мошенничества, которым не была бы запятнана эта процедура. Итак, во имя конституции и справедливости, пусть каждый честный человек осудит эти резолюции как недействительные как на форуме закона, так и на форуме совести; и, признавая, что сам Техас входит в Союз, все же, когда подается заявка на любой новый штат с этой территории, пусть вопрос решается по существу, которым он тогда может обладать.

И разве мистер Уэбстер не придерживался того же мнения, когда в Фаней—холле в ноябре 1845 года, после принятия резолюции об аннексии, он сделал следующее решительное, но непрофессиональное заявление:

“Считается, я не говорю, насколько обоснованно, что еще может быть надежда на сопротивление завершению акта аннексии. Я могу сказать только одно, что *если на мою долю выпадет голосовать по такому вопросу*, а я голосую за принятие в этот Союз ЛЮБОГО штата с конституцией, которая запрещает даже Законодательному собранию когда-либо видеть рабов свободными, я НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПОКАЖУСЬ, ПОВЕРЬТЕ, В ФАНЕЙ-ХОЛЛЕ ”.

Есть еще одно возражение против любых будущих претензий Техаса на разделение на штаты, которое проистекает из ее собственного пренебрежения условиями и духом соглашения. На “территории к северу от компромиссной линии Миссури рабство или подневольное состояние (за исключением преступлений) должны быть запрещены”. Так гласит обязательство. Но если Техас допустит распространение рабства на эту часть своей территории, то, когда он станет достаточно густонаселенным для приема и будет переполнен рабством, новый штат может представить свободную конституцию, быть принят Конгрессом и, прежде чем рабы успеют сбежать или поставить вопрос о свободе перед судебными трибуналами, *вуаля!* эта свободная конституция будет заменена на рабовладельческую конституцию в соответствии с предполагаемым правом государства определять свои собственные внутренние институты; и таким образом слово обещания, которое было услышано, будет разбито о надежду. Если Техас намеревался соблюдать резолюции об аннексии и претендовать на что-либо в соответствии с ними, его ясным и настоятельным долгом было немедленно принять закон, гарантирующий свободу каждому жителю к северу от компромиссной линии. Только так резолюции могут быть выполнены в их истинном духе. Эта территория сейчас находится в состоянии яйца. Она проходит инкубацию. Из него в дальнейшем должно вылупиться потомство; но прежде чем обещать принять цыпленка, было бы неплохо узнать, оплодотворила ли яйцо гадюка.

Есть еще одно возражение, в обоснованности которого я не сомневаюсь; но если я ошибусь в отношении него, ошибка не отменит ни одного другого аргумента. Участники этого соглашения оговорили это на основе взаимности, без которой все контракты недействительны. Некоторые государства должны были быть допущены для усиления власти рабства, а некоторые - свободы. Была проведена демаркационная линия. Теперь, после расследования, я полагаю, наиболее убедительно выяснится, что к северу от оговоренной линии нет ни дюйма территории Техаса. Все это принадлежит Нью-Мексико, так же, как Нантакет или Беркшир принадлежат Массачусетсу. Это была ошибка со стороны договаривающихся сторон; если со стороны Техаса это не было чем-то худшим, чем ошибка. Тогда взаимность терпит неудачу. Контракт - это *nudum pactum*. Техас ничего не может дать взамен того, что она должна была получить; и, следовательно, имеет право получить только то, что у нее есть.

Что касается “обеспечения выдачи лиц, скрывающихся от правосудия”, - говорит г-н Вебстер, - “Мой друг, возглавляющий судебный комитет, [г-н Батлер из Южной Каролины], сейчас рассматривает в Сенате законопроект по этому вопросу с некоторыми поправками к нему, который я предлагаю поддержать со всеми его положениями в полной мере”.

Вот законопроект мистера Батлера с поправками мистера Мейсона:

СЧЕТ

Обеспечить более эффективное исполнение третьего пункта 2-го раздела 4-й статьи Конституции Соединенных Штатов.

Да будет установлено Сенатом и Палатой Представителей Соединенных Штатов Америки, в Конгрессе собранных, что, когда человек провел на службе или труду в какой-либо государстве или на территории Соединенных Штатов, в соответствии с законодательством такого государства или территории, должны уйти в любой другой из указанных государств или на территориях, лица, которым такие услуги или труда может быть связано, его агентом или

поверенным, настоящим уполномочен изымать или арестовывать таких беглых из службы или труда, и принять его или ее перед любым судьей окружного или районного судов Соединенных Штатов, или комиссар, или клерк из таких судов, или фельдмаршал, или их почтмейстером Соединенных Штатов, или коллектор таможенного Соединенных Штатов, проживающие или находящиеся в таком состоянии, в котором такое изъятие или арест производится, и на доказательства к удовлетворению таких судья, комиссар, писарь, маршал, почтмейстер, или коллектор, в случае необходимости, либо устные свидетельские показания или показания до и сертифицирован любое лицо, уполномоченное распоряжаться присягу в соответствии с законами Соединенных Штатов или какого-либо государства, что человек так изъят или арестованы в соответствии с законодательством государства или территории, с которой он или она бежала, задолжал или сервиса труда для лица, претендующего на его или ее, его обязанностью судьи, комиссар, писарь, маршал, почтмейстер, или коллектор, подарить сертификат об таких истца, его агент или поверенный, какой сертификат должен быть достаточным основанием для взятия и удаления таких беглых из службы или труда, чтобы государство или территория, из которой он бежал.

Разд. 2. *И далее принято*, что когда человек провел на службе или труде, как уже упоминалось в первом разделе данного закона, должны бежать с такой службы или труда, как упомянутые в ней, лицо, которому такие службы или труда может быть из-за его или ее агента или адвоката, может обратиться к любому из офицеров США назван в указанном разделе, кроме Маршала Соединенных Штатов, за ордером на изъятие и арест такого беглеца, и на показания, которые предпринимаются прежде чем такой офицер, (каждый из которых для целей настоящего закона имеет право распоряжаться присягу или заявление,) такими истца, его или ее агента, что такой человек действительно, по законам государства или территории, с которой он или она бежала, долгу службы или трудового такого заявителя, он должен быть, и тем самым, обязанность такого сотрудника, и прежде чем кого такое ходатайство и заявление принято, выдать ему ордер на любые Маршала любого из судов Соединенных Штатов, чтобы захватить и арестовать такого предполагаемого беглеца и привести ее немедленно, или в день, чтобы быть названным в такие ордера, перед офицером выдачи ордера, либо из офицеров, упомянутых в первой части, за исключением Маршала, которому сказал, что ордер является режиссер, который сказал, ордер или органу сказал Маршал официально разрешено и режиссер во всем подчиняться.

Раздел 3. *И далее будет введено в действие*, что на основании аффидевита, сделанного, как указано выше, заявителем такого беглеца, его агентом или адвокатом, после выдачи такого свидетельства, у него есть основания опасаться, что такой беглец будет вызволен силой из его или их владения, прежде чем его можно будет вывезти за пределы штата, в котором произведен арест, должностное лицо, производящее арест, обязано оставить такого беглеца под стражей и вывезти его в штат, из которого он бежал, и там передать его указанному заявителю, его агенту. или адвокат. И с этой целью вышеупомянутый офицер настоящим уполномочен и обязан нанимать столько людей, сколько он сочтет необходимым для преодоления такой силы, и удерживать их у себя на службе столько, сколько могут потребовать обстоятельства. Указанное должностное лицо и его помощники, пока они работают таким образом, должны получать ту же компенсацию и нести те же расходы, которые в настоящее время разрешены законом для перевозки преступников, должны быть удостоверены судьей округа, в пределах которого производится арест, и оплачены из казначейства Соединенных Штатов: *При условии*, что до предъявления таких обвинений истец, его агент или поверенный должен обеспечить указанному должностному лицу такую же выплату, и в случае, если не будет применено

фактическое принуждение, они должны быть оплачены таким истцом, его агентом или поверенным.

Раздел 4. *И будет ли это введено в действие в дальнейшем*, когда ордер будет выдан любым из должностных лиц в соответствии со вторым разделом настоящего закона, и в радиусе десяти миль от места выдачи такого ордера не должно быть маршала или заместителя маршала, обязанностью должностного лица, выдающего такой же ордер, по просьбе заявителя, его агента или поверенного является назначение какого-либо подходящего и осмотрительного лица, которое будет готово действовать в качестве маршала, с целью исполнения указанного ордера; и назначенное таким образом лицо в пределах исполнения указанного ордера и задержания и перевозающий указанного в нем беглеца, обладает всей властью и полномочиями и вместе со своими помощниками имеет право на ту же компенсацию и расходы, которые предусмотрены настоящим законом в случаях, когда услуги предоставляются судебными приставами.

Раздел 5. *И будет далее введено в действие*, Что любое лицо, которое сознательно и добровольно препятствует такому заявителю, его агенту или адвокату, или любому лицу или лицам, помогающим ему, ей или им, в таком отбывании наказания или аресте такого беглеца от службы или работы, или спасет такого беглеца от такого заявителя, его агента или адвоката при его аресте таким образом, в соответствии с данными или объявленными здесь полномочиями, или окажет помощь, подстрекательство или содействие такому лицу, обязанному таким образом службе или труду, скрыться от такого заявителя, его агента или адвоката, или приютит или скроет такое лицо, после уведомления о том, что он или она скрывался от работы, как указано выше, должен за любое из указанных правонарушений лишиться права собственности и выплатить сумму в тысячу долларов, которая может быть взыскана таким истцом и в его пользу путем судебного иска о взыскании долга в любом суде, подходящем для рассмотрения того же дела, сохраняя, кроме того, за лицом, требующим такого труда или услуги, его право на предъявление иска в связи с указанными травмами или любым из них.

Раздел 6. *И да будет далее введено в действие*, что, когда указанное лицо схвачено или арестовано на основании указанного ордера таким судебным исполнителем и предстает перед любым из вышеупомянутых должностных лиц, кроме указанного судебного исполнителя, в обязанности такого должностного лица входит действовать в отношении такого лица таким же образом, как ему предписано и уполномочено поступать, когда такое лицо схвачено и арестовано лицом, заявляющим на него права, или его или ее агентом или адвокатом, и предстает перед таким должностным лицом в соответствии с положениями первого раздела настоящего закона.

ПОПРАВКИ

Предназначено для внесения г-ном Мейсоном в законопроект (Сенат, 23), предусматривающий более эффективное исполнение третьего пункта второго раздела четвертой статьи Конституции Соединенных Штатов.

В конце раздела 5 добавить:

И любое лицо или лица, нарушающие положения настоящего раздела, которые, кроме того, будут признаны виновными в мелком правонарушении или в препятствовании надлежащему исполнению законов Соединенных Штатов, и в случае признания их виновными в этом, будут

оштрафованы на сумму в одну тысячу долларов, половина из которых будет направлена в пользование информатору; а также будут заключены в тюрьму сроком на двенадцать месяцев.

В конце раздела 6 добавить:

И ни в одном судебном процессе или слушании в соответствии с настоящим законом показания такого скрывающегося от правосудия лица не должны приниматься в качестве доказательств.

Следует отметить, что в первом разделе законопроекта, после учреждения судей судов, семнадцати тысяч почтальонов, сборщиков налогов и т. Д., Трибуналов, *без апелляции*, для выдачи любого лица, которое приведено к присяге любым органом, где бы он ни находился, как беглого раба, упомянутые выше должностные лица упоминаются словами “проживающие или находящиеся в таком государстве, где произведено такое изъятие или арест”. То есть судья, почтмейстер, коллектор и т.д. Не обязательно должны быть жителями штата или занимать свою должность в штате, где производится арест; но достаточно, если он является таким должностным лицом в любом месте на территории Соединенных Штатов. Мистер Батлер или мистер Мейсон, следовательно, могут отправить почтмейстера из своего города или деревни в Массачусетс с агентом или адвокатом, который привезет свои письменные показания из Южной Каролины или Вирджинии в кармане; агент или адвокат может арестовать любое лицо в любое время, доставить его к его сообщнику, ознакомиться с судебными бланками и т. Д. и поторопите его на юг; офицер, после того как его судебные функции выполнены, становится судебным приставом, защищает добычу и ускоряет бегство!

Далее; этот законопроект высмеивает суд присяжных, закрепленный конституцией. Человек не может потерять лошадь без права на это судебное разбирательство; но он может лишиться свободы. Мистер Вебстер выступал за юг и рабство, а не за север и свободу, когда он отказался от этого права. В подобную заброшенность было бы невозможно поверить человеку, снискавшему такую славу защитника конституции; разумнее было бы предположить существование какого-то странного недоразумения, если бы мистер Уэбстер с присущей ему точностью и решительностью не заявил о своей решимости поддержать этот отвратительный законопроект “со всеми его положениями в полном объеме”, когда в тот же момент на рассмотрении Сената находился другой законопроект, на который он не обратил внимания, представленный мистером Сьюардом из Нью-Йорка, обеспечивающий бесценную привилегию суда присяжных.

Я презираю использовать в качестве трезвого аргумента чувствительность населения по этому вопросу; и я признаю свои обязательства перед конституцией, пока она сохраняется. Но все же я говорю, что человек, который может прочесть этот законопроект без того, чтобы кровь закипела у него в жилах, обладает способностью охлаждать, которая охладила бы тропики.

Я не сомневаюсь, что мистер Вебстер еще увидит необходимость пересмотреть свою позицию по всему этому вопросу.

Мистер Вебстер говорит: “На сегодняшний день я твердо убежден, что за последние двадцать лет обществам по отмене рабства, издательствам по отмене рабства и лекторам по отмене

рабства было собрано и выплачено столько денег, сколько хватило бы на покупку свободы каждому рабу, мужчине, женщине и ребенку, в штате Мэриленд, и отправку их всех в Либерию”.

Общее количество рабов в Мэриленде, согласно последней переписи, составило 89 405 человек. По 250 долларов за штуку, что составляет лишь половину стоимости, обычно присваиваемой рабам—южанам мужчинами-южанами, это составило бы 22 373 750 долларов. С учетом 30 долларов КАЖДОМУ на транспортировку в Либерию, без какого-либо обеспечения их после прибытия туда, вся сумма составила бы 25 058 600 долларов - в круглых цифрах двадцать пять миллионов долларов! более миллиона с четвертью в год и около трех с половиной тысяч долларов в день. Я и не предполагал, что аболиционисты располагают такими ресурсами!

Я так долго останавливался на речи мистера Вебстера, потому что в связи с его двумя голосами в пользу комитета компромисса мистера Фута, голоса которого, будь они другими, привели бы к полному поражению комитета, считается, что это поставило под угрозу великое дело свободы на территориях больше, чем любое другое событие этой катастрофической сессии. Я назвал мистера Вебстера по имени, и, я надеюсь, в исключительно уважительных выражениях. Я мог бы назвать другие имена или проанализировать его позиции, не упоминая его самого. Я избрал то, что казалось мне более мужественным, и если эти взгляды когда-нибудь случайно попадутся ему на глаза, я верю, что у него достаточно великодушия, чтобы еще больше уважать меня за мою откровенность. Если я ошибаюсь, я не стану добавлять к ошибочному суждению подлость тайного нападения. Если я прав, никто не может жаловаться, ибо мы все должны склониться перед величием истины.

Теперь я обратил внимание на основные события, произошедшие в Конгрессе и приведшие к тому, что военные называли бы “деморализацией” многих рядовых его членов. Некоторые недавние движения живо напомнили о некоторых исторических событиях, связанных с африканской работорговлей, которая в настоящее время вызывает отвращение у всех цивилизованных наций. Когда бессмертный Уилберфорс выставил на всеобщее обозрение секреты этой ужасной торговли, его биограф говорит: “Первый взрыв великодушного негодования обещал не что иное, как немедленную отмену торговли, *номеркантильная* зависть подняла тревогу, и защитники вест-индской системы обнаружили, что их укрепил независимый союз *коммерсантов*”.—*Жизнь Уилберфорса*, том i, стр. 291.

Опять же; оппозиция предложению Уилберфорса “возникла среди гвинейских купцов”, “однако вскоре ее усилила большая часть плантаторов Вест—Индии”. —*Там же*.

Корпорация Ливерпуля потратила, в первую и последнюю очередь, свыше 10 000 фунтов стерлингов на защиту дорожного движения, которое с тех пор даже серьезность и спокойствие судебных решений называли “адским”.

“Помимо печатных работ в защиту работорговли и выплаты вознаграждения их авторам; оплаты расходов делегатов, прибывших в Лондон и наблюдавших за работой мистера Уилберфорса, они выплатили пенсии вдовам Норриса и Грина и проголосовали за мистера Пенни за их усилия в этом деле”. —*Там же*. стр. 345.

Говорится, что корпорация Ливерпуля в то время “твердо верила, что само существование города зависит от продолжения дорожного движения”. Взгляните теперь на Ливерпуль и задумайтесь, какие большие награды, даже временного характера, Бог уготовил людям, которые отрекаются от нечестности и преступлений.

В этом вопросе были задействованы все побочные мотивы, как и в настоящее время. Гвинейскую торговлю защищали “как рассадник для моряков”.—*Там же*. с. 293.

Даже в 1816 году тот же класс людей в той же стране выступал против отмены “белого рабства” в Алжире, руководствуясь теми же низменными интересами. Считалось, что опасность плавания по Средиземному морю, вызванная берберийскими корсарами, была выгодна британской торговле, поскольку это могло отпугнуть торговые суда других стран от посещения этого места. После того, как лорд Эксмут вынудил алжирцев освободить своих европейских рабов, он двинулся против Туниса и Триполи. Давая отчет о том, что он сделал, он защищает свое поведение “исходя из общих принципов”, но добавляет: “применительно к нашей собственной стране [Великобритании] это может быть необоснованно, *против этого выступают старые коммерческие интересы*”. —*Жизнь Ослера в Эксмуте*, стр. 303.

Итак, после того, как адмирал Блейк во времена Кромвеля напал на Тунис, он говорит в своем послании госсекретарю Турлоу: “И теперь, видя, что Богу было угодно столь явно оправдать нас в этом, я надеюсь, что это не оскорбит ни его высочество, ни любого, кто должным образом заботится о чести нации, *хотя я ожидаю услышать крики ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛЮДЕЙ*”. — *Государственные документы Турлоу*, том ii, стр. 390.

И неужели коммерция, дочь свободы, навсегда поднимет свою отцеубийственную руку на родителя, который ее родил? Неужели богатые люди вечно будут использовать свои “тридцать сребреников”, или свои “десять тысяч фунтов стерлингов”, или свои сотни тысяч долларов, чтобы вознаградить иудеев за предательство своего Спасителя? Рассматриваемый в свете наших возросших знаний и наших более высоких стандартов долга, распространение рабства в Калифорнии или Нью-Мексико в настоящее время или даже терпимое отношение к нему там, является гораздо большим преступлением, чем сама африканская работорговля в прошлом столетии; и я предпочел бы встретить приговор потомков или небес за то, что был вовлечен в торговлю людьми тогда, чем за то, что был соучастником ее распространения сейчас.

Пусть те, кто помогает, подстрекает или потворствует распространению рабства, сейчас, когда они читают ужасный приговор, вынесенный историей действующим лицам, подстрекателям и пособникам африканской торговли, *изменяют имена*, и они прочтут о себе. Если наши новые территории впоследствии будут заполнены стонущими рабами, если они станут американским Египтом, тиранизированным десятью тысячами фараонов, тем, кто это допустил, не будет оправдания сказать: “Мы надеялись, мы предполагали, мы верили, что рабства там не будет”; Немезида, нанося удары своей скорпионьей плетью, ответит: “*Вы могли бы сделать это наверняка*”.

По этому великому вопросу о свободе или рабстве я с грустью, нет, с тоской наблюдал, что мы, на севере, распадаемся на враждебные партии, бросаем друг другу уголовные и ответные обвинения и тратим на уничтожение друг друга те силы, которые должны быть направлены против врагов свободы; в то время как на юге, всякий раз, когда рабство оказывается под угрозой, все партийные линии стираются, разногласия излечиваются, враги становятся друзьями, и все находятся в сплоченной колонне, с непрерывным фронтом. Неужели дети тьмы всегда будут *настолько* мудрее детей света? При недавнем отборе делегатов на съезд в Нэшвилле, я не видел ни одного случая, когда виги и демократы не были бы выбраны так, как если бы они были сиамскими близнецами и должны были идти вместе. Но здесь часто случается, что как только становится известно, что одна сторона выступает за одного человека,

само это предпочтение считается достаточной причиной, по которой другая сторона должна выступить против него. Почему мы не можем объединиться ради священного дела свободы, как они объединяются ради рабства? Ни одна мысль или желание не выходят у меня из головы дальше, чем вмешательство в избирательное право любого человека; но если бы (что ни в коем случае не является ни невозможным, ни, возможно, невероятным) судьба Нью-Мексико была решена одним голосованием, и мой голос стал бы причиной образования вакансии в каком-либо избирательном округе, которая могла бы отправить друга на свободу, я бы сказал вместе с Каином: “Мое наказание больше, чем я могу вынести”.

Что касается нынешнего отчуждения и разногласий между севером и югом, я хочу сказать, что у меня самое сильное желание примирения и дружелюбия, какое только может быть у любого человека. В рамках конституции нет такой *денежной* жертвы, на которую я бы добровольно не пошел ради столь желанной цели. Я бы присвоил государственные доходы, я бы вынес частное налогообложение, чтобы избавить эту трижды славную республику от бедствия и несправедливости рабства. Я не только буду сопротивляться дьяволу, но и, если он убежит от меня, я построю золотой мост, чтобы облегчить ему побег. Я упоминаю об этом, чтобы доказать, что я отстаиваю территориальную свободу не в *денежной* ценности, а в ее *характере, справедливости, человеческом счастье*. Хотя я категорически отрицаю претензии юга, все же я бы с радостью согласился, чтобы мои южные сограждане отправились на территории и перевезли туда все имущество, которое я могу перевезти; я бы тогда передал Южным штатам их полную долю всех доходов, которые когда-либо будут получены от продажи государственных земель или сдачи в аренду государственных шахт; и все, что после этого вычета останется в государственной казне, должно быть присвоено для всей нации, как это делалось до сих пор. То есть, принимая во внимание исключение рабства с этих территорий, я бы выделил югу двойную или даже трехкратную долю всего дохода, который когда-либо может быть получен от них. Я бы с радостью пожертвовал деньгами ради мира, но не ради самого мира я отказался бы от свободы.

Было бы предположить, что наши торговцы и промышленники лишены здравого смысла, если бы они верили, что уступка сейчас принесет безопасность в будущем. Уступая моральному вопросу, они ставят под угрозу свои денежные интересы. Если южане преуспеют в своей нынешней попытке захватить территории, они будут с нетерпением ждать отставки генерала Тейлора с поста главы исполнительной власти, чтобы добавить “Государство Куба” с его 500 000 рабов, его невежеством и деморализацией в список своих триумфаторов. Калифорния станет штатом свободной торговли, согласно наиболее очевидному из всех предубеждений. Им нечего будет продавать, кроме золота; у них будет все, что можно купить, — колыбели, гробы и все остальное. Если Нью-Мексико будет рабовладельческим, то это также будет свободная торговля; и Куба, безусловно, тоже, хотя на этом острове возможности для контрабанды сведут разницу между тарифами и свободной торговлей к нулю. Следовательно, капитуляция наших северных бизнесменов будет иметь самые катастрофические последствия для того самого бизнеса, который побуждает их к капитуляции. Неужели они не обратят внимания на тот факт, что из-за их апатии по отношению к Техасу был отменен тариф 1842 года? Я признаю, что это низменный мотив; но он может быть противопоставлен мотиву, который, по-видимому, оказывает влияние на некоторых из них. Не было никакой необходимости, ни тени необходимости, подвергать опасности какой-либо принцип или какой-либо интерес. Если бы север стоял твердо, если бы они были верны великим принципам, которые они так часто и так торжественно провозглашали, волны насилия южан безвредно обрушились бы к их ногам. Не

сведущ в погоде тот, кто не знает, что бури с юга, хотя и сильные, непродолжительны. Сейчас на нас нападают, потому что мы уступили раньше. Компромисс 1820 года породил аннулирование 1832 года; компромисс 1832 года вдохновил на безумный подвиг по обходу Техаса, который наше еще большее безумие сделало разумным. Моральный паралич, который не смог противостоять мексиканской войне, дал нам эти территории. Если территории будут сейчас сданы, у нас будет Куба, и на нашей юго-западной границе начнется бесконечная карьера завоевания и порабощения. Каждая новая уступка передает силу с нашей стороны на сторону наших противников; и если мы не можем остановить свой собственный курс, когда только входим в стремнину, то как мы можем остановить его, когда приближаемся к краю водопада? Юг может править Союзом, но он не может разделить его. Все их атлантическое побережье открыто для нападения и бессильно для обороны; а река Миссисипи может быть разделена как физически, так и политически на независимые части. Обладая этими преимуществами, давайте никогда не посягать на их права, а будем отстаивать свои собственные.

Сограждане, я бы с радостью рассеял мрак этой картины несколькими проблесками света. Есть две надежды, которые еще не совсем угасли в моем сознании. Вне всякого сомнения, комитет тринадцати представит компромиссный законопроект, в соответствии с которым свободная Калифорния будет вынуждена нести настолько тяжелое бремя рабства, насколько она в состоянии это вынести. Все еще возможно, что Палата представителей отнесется к этому прелюбодейному союзу так, как она того заслуживает. Один голос может перевернуть чашу весов, и Массачусетс может отдать этот голос. Не исключено также, что судьба законопроекта может зависеть от серьезности и решительности, с которыми избирательные округа севера доводят свои чувства до сведения своих представителей, будь то посредством петиций, частных писем или публичных резолюций. Пусть каждый ценитель свободы сделает все, что в его силах.

Если север потерпит неудачу, у меня остается еще одна надежда. Она заключается в том, что Нью-Мексико сделает для себя то, что мы подло не смогли сделать для нее. Если обе эти надежды рухнут, наша страна обречена продолжать свою беспрепятственную карьеру завоеваний, деспотизма и позора.

Теперь, мои сограждане, я изложил вам свои "Взгляды и заключения" по поводу нынешнего кризиса в наших общественных делах. Если бы я считался со своими собственными чувствами, я бы говорил менее пространно; но тема повелела мне. Я надеюсь, что говорил с уважением к тем, с кем я не согласен, при этом выражая свои собственные чувства справедливо и правдиво. Я не использовал резкости, ибо все мои эмоции были вызваны горем, а не гневом. Мои слова были холодны, как телеграфные провода, в то время как мои чувства были подобны молнии, пронзающей их. Мысль о том, что Массачусетс должен способствовать распространению человеческого рабства или соглашаться с ним! — разве этого недостаточно, чтобы пробудить не только живых от их оцепенения, но и мертвых от их могил! Если бы я помог этому, нет, если бы я не воспротивился этому всеми силами и дарованиями, которые дал мне Бог, я увидел бы мириады искаженных агонией лиц, глядящих на меня из будущего, более ужасных, чем у Дункана в "Макбете"; и я предпочел бы чувствовать кинжал убийцы в своей груди, чем вечно после этого видеть "занесенный в воздухе кинжал" виновного воспоминания. В Массачусетсе началась великая драма революции. Некоторые из ее героев все еще живут среди нас. В Лексингтоне, Конкорде и на Банкер-Хилл трава все еще растет зеленее там, где почва была

напитана кровью наших отцов. Если, по провидению Божьему, мы должны быть побеждены в этом состязании, пусть это произойдет благодаря силе всемогущих и непостижимых сил, стоящих над нами, а не из-за нашего собственного низкого предательства.

Я, джентльмены, ваш почтенный, обязанный и покорный слуга,

ГОРАЦИЙ МАНН.

ПИСЬМО II.

Редакторам "Бостонского атласа";

Джентльмены, Ваш полугодовой выпуск от 1-го мгновения содержит письмо достопочтенного. Дэниел Вебстер, некоторым гражданам Ньюберипорта, в котором он имел удовольствие сослаться на меня, и в частности на отрывок из письма, которое я адресовал части моих избирателей 3 мая прошлого года [предыдущее письмо.] Его ссылка на меня носит настолько необычный характер, как по манере, так и по содержанию, что я хочу ответить. Чтобы исключить всякую возможность ошибки, я цитирую следующие отрывки:—

“Но в то же время нет ничего более ложного, чем то, что такого рода суд присяжных требуется в делах подобного рода конституцией, либо по ее букве, либо по ее духу. Конституция провозглашает, что при любом уголовном преследовании должно быть судебное разбирательство с участием присяжных. Заявление беглого раба не является уголовным преследованием.

“Конституция также заявляет, что в судебных процессах по общему праву должно быть сохранено судебное разбирательство с участием присяжных; возвращение беглого раба не является судебным процессом по общему праву; и в конституции нет другого пункта или предложения, имеющего наименьшее отношение к этому вопросу.

“Я видел публикацию мистера Горация Манна, члена Конгресса от Массачусетса, в которой я нахожу это предложение. Говоря о законопроекте, находящемся на рассмотрении Сената, он говорит: ‘Этот законопроект высмеивает суд присяжных, закрепленный конституцией. Человек не может лишиться лошади без права на этот суд, но он может потерять свою свободу. Мистер Вебстер выступает за юг и рабство, а не за север и свободу, когда он отказывается от этого права.’ Эта личная брань не раздражает меня, но мне жаль видеть общественного деятеля Массачусетса таким грубым и запутавшимся в своих юридических представлениях и так мало знакомым с конституцией своей страны, каким, согласно этим мнениям, является мистер Манн. Приведенная им ссылка на предполагаемый случай, как указано выше, если она имеет какую-либо аналогию с данным вопросом, доказала бы, что, если лошадь мистера Манна заблудилась на поле его соседа, *он не может привести ее обратно без предварительного суда присяжных для установления правоты.* Действительно, если то, что г-н Манн говорит о положениях конституции в этой публикации, является проверкой его точности в понимании этого документа, ему было бы лучше не пытаться защитить свои особые представления с ее санкции, а сразу же

обратиться, как это делают другие, к той высшей власти, которая восседает на троне над конституцией и над законом”.

Я должен отрицать это обвинение в “личной брани”; ничто не шло дальше от моих мыслей; и я сожалею, что мистер Уэбстер, отрицая “раздражение” по поводу того, что я сказал, выдал его. Я полагаю, что каждая часть моего “Письма” находится в рамках вежливого и уважительного обсуждения. В нем нет ничего такого, что не могло бы пройти между джентльменами, не нарушая отношений вежливости или дружбы. Хотя он полон сожаления о своем новом положении и несогласия со своими непривычными доктринами, все же это изобилует доказательствами уважения к нему самому. Однако теперь мне будет позволено добавить, что высочайшее положение становится незавидным, когда оно порождает нетерпимость к инакомыслию или лишает самого скромного человека возможности свободно выражать свое мнение.

Мистер Уэбстер “сожалеет, что общественный деятель Массачусетса настолько груб и запутался в своих юридических представлениях и так мало знаком с конституцией своей страны, каким, по мнению этих экспертов, является мистер Манн”. Тем не менее, он не указывает на ошибку во мнении. Он ничего не называет необоснованным. Появляются только суждение и осуждение. Кажется, он считал само собой разумеющимся, что ему нужно было только сказать, что я виновен, а затем приступить к наказанию. Я протестую против такого метода действий и подвергаю сомнению любого человека, каким бы высоким он ни был, против любого человека, каким бы скромным он ни был.

Когда мистер Вебстер писал свои “сетования” по поводу моей грубости, растерянности и невежества, он, несомненно, намеревался нанести мне смертельный удар. Удар, безусловно, был тяжелым, но все еще остается открытым вопрос, *попал ли он*. Полифем наносил сильные удары, но его слепота не трогала объекты его страстей.

Но в чем состоят эти ошибочные “мнения”, которые мистер Вебстер не соизволяет указать, но предполагает осудить? К счастью, при написании предложения, которое он цитирует для *animadversion*, я следовал точному смыслу Истории судьи, изложенному в его Комментариях; и в отношении единственного пункта, который остается открытым для обсуждения, *я воспользовался точными словами* этого великого юриста. Он говорит о “праве на суд присяжных по гражданским делам” как о существующем праве *до того*, как была принята седьмая статья поправки к конституции, которая *сохраняет это право* “в судебных процессах по общему праву”. (3 Комм., 628.) Вместо того чтобы расшифровывать слова судьи Стори “по гражданским делам”, которые не представляют четкого представления для обычных умов, я предположил, что речь идет о повседневном судебном процессе по поводу лошади, который является “гражданским делом”; и эта разница в форме - единственное различие между моим языком и языком ученого судьи. Я не могу пожелать мистеру Уэбстеру более подходящего возмездия после того, как он отдохнул от этого злобного нападения на меня, чем проснуться и обнаружить, что он клеветал на судью Стори.

Разве авторитет судьи Блэкстоуна также не подтверждает мою позицию? Он говорит: —

“Повторный захват или репрессии - это еще один вид средства правовой защиты, осуществляемый простым действием пострадавшей стороны.... Но поскольку общественный порядок является высшим соображением по отношению к частной собственности любого

человека; и поскольку, если бы отдельным лицам однажды было разрешено использовать частную силу в качестве средства правовой защиты от личных травм, всякая социальная справедливость должна была бы прекратиться, сильный передал бы закон слабому, и каждый человек вернулся бы к естественному состоянию; по этим причинам предусматривается, что это естественное право на возвращение никогда не должно применяться, если такое применение может вызвать раздоры и телесные повреждения или поставить под угрозу мир в обществе. Если, например, у меня заберут лошадь, и я нахожу ее в общественном месте, на ярмарке или в гостинице, я могу законно изъять ее для собственного использования; но я не могу оправдать взлом частной конюшни *или проникновение под предлогом третьего лица, чтобы забрать ее*, если она украдена преступным путем; *но я должен обратиться в суд.*” —Комм. 4, 5.

Но мнение, выраженное мной по этому поводу, не нуждается в авторитете какого-либо имени, чтобы подтвердить его; и иллюстрация, которую я привел, не только понятна каждому здравомыслящему человеку, но и уместна. Я сказал: “Человек не может потерять свою лошадь [то есть свою собственность на лошадь] без права на это судебное разбирательство”. Комментарий мистера Вебстера заключается в том, что это дело, “если оно имеет какую-либо аналогию с делом”, означает, что если лошадь человека *забрела на поле соседа, он не может привести ее обратно без предварительного суда присяжных, чтобы установить правоту*”. Менялся ли когда-нибудь более точно простой смысл предложения примерно из конца в конец? Мистер Вебстер может излагать соммерсету свои собственные доктрины, но он не имеет права излагать их вместе с моими. Я сказал, что человек не может *потерять* свою лошадь или свое имущество, связанное с лошадью, без права на суд присяжных. Он говорит, что я сказал: человек не может *найти* или *вернуть* потерянную лошадь без предварительного испытания! *Dulce est desipere in loco*. Или приятно видеть, как серьезный сенатор играет словами, хотя в нем должно быть немного остроумия, чтобы избавить его от ребячества.

Но ребячество этой критики - не самая худшая ее черта. Какова великая *истина*, которую мистер Вебстер и его апологеты пытаются здесь высмеять? Она заключается в следующем: хотя каждый человек среди нас в отношении любого имущества стоимостью более двадцати долларов, которого он может попытаться лишиться насилием или мошенничеством, имеет право на суд присяжных; однако свобода человека, и свобода его потомства навсегда, могут быть отняты у него, согласно нынешнему нашему закону, без такого суда. Разве это не означает, что свобода человека стоит меньше двадцати долларов? Если два противоположных претендента оспаривают право собственности на предполагаемого раба, рыночная стоимость которого превышает эту сумму, каждый из них имеет право на суд присяжных для проверки факта владения. Но если предполагаемый раб заявляет здесь, в Массачусетсе, что он владеет собой, он лишается этого права. И эту истину или обычную ее иллюстрацию мистер Вебстер и его апологеты считают подходящей темой для насмешек или острот! Французская пословица гласит, что для мужчины убивать свою мать *не в духе хорошего тона*. Я полагаю, что нравственные и религиозные жители Массачусетса обладают слишком *хорошим вкусом*, чтобы получать удовольствие от шуток на подобную тему.

Еще раз; я сказал, что законопроект мистера Батлера “высмеивает” суд присяжных. Согласно этому законопроекту, каждый комиссар и клерк суда Соединенных Штатов, каждый маршал и сборщик таможенных пошлин, а также семнадцать тысяч почтмейстеров Соединенных Штатов по отдельности наделяются юрисдикцией и полномочиями во всех частях Соединенных Штатов по передаче любого мужчины, женщины или ребенка в Соединенных Штатах под стражу в

качестве раба на основании *письменных показаний под присягой ex parte*, сделанных в любом месте Соединенных Штатов. Это письменное показание под присягой могло быть составлено за тысячу миль отсюда, неизвестно кем, и заверено человеком, который никогда не видел и не слышал об упомянутом в нем человеке. Поддельные письменные показания под присягой или фиктивные письменные показания под присягой часто также отвечали бы поставленной цели, поскольку было бы трудно, а во многих случаях и невозможно доказать их подложность. Задумывалось ли когда-либо прежде угнетение о таком трибунале, столь бесчисленном по численности, столь обширной юрисдикции, столь ужасной силе? Если бы подобный законопроект был предложен в британском парламенте с 1763 по 1776 год, что бы сказали о нем наши отцы? Тем не менее, этот законопроект с некоторыми аналогичными поправками, усиливающими его черты жестокости, мистер Вебстер пообещал “поддержать со всеми его положениями в полной мере”.

Что усугубляет несправедливость, так это то, что жестокость этой меры обрушится на бедных, беспомощных, невежественных, лишенных друзей. Законопроект был бы гораздо менее позорным, если бы его положения легли на плечи людей, которые должны были его принять, потому что в таком случае было бы достигнуто некоторое равенство. Итак, если этот законопроект не “*высмеивает*” все гарантии защиты свободы человека, то это только потому, что мое слово осуждения слишком слабо. Это только потому, что нужно “вырвать лист из книги проклятий Пандемониума”, чтобы описать его подходящими эпитетами.

Другой замечательной особенностью законопроекта мистера Батлера является то, что он не предусматривает никакого наказания для любого лица, которое злоупотребит или обманным путем воспользуется опасными полномочиями, которые он дает. Оно предоставляет бесконечные искушения и возможности для совершения несправедливых поступков; оно не налагает ограничений; оно не предупреждает угрозами возмездия.

Мистер Вебстер призывает меня к ответу за некое неуказанное ошибочное “мнение”, выраженное в отношении этого законопроекта. Может ли какое-либо мнение быть настолько ложным по отношению к конституции, как этот законопроект по отношению к человечеству? Я осуждаю всякого рода ошибки, но считаю более простительным ошибаться в суждениях, чем в сердце.

Я сказал, что, пообещав поддержать законопроект мистера Батлера “со всеми его положениями в полном объеме”, мистер Вебстер “отказался” от права на суд присяжных. Я говорил о нем как о сенаторе, как о человеке, который вместе со своими коллегами-законодателями был обязан, выполняя свой конституционный долг, обеспечить такую форму судебного разбирательства предполагаемому рабу или известному свободному человеку, захваченному в качестве раба. Законопроект мистера Сьюарда, предусматривающий суд присяжных в таких случаях, был перед ним. Он не обратил на это внимания. Он прошел мимо “с другой стороны”, в то время как он выразил свою лучшую похвалу законопроекту мистера Батлера, пообещав поддержать его. Разве это не было “оставлением” ни под одним из синонимов, приведенных в словаре?

Мистер Вебстер советует мне в определенных обстоятельствах “обратиться к той высшей власти, которая стоит на троне выше конституции и закона”. Я не делаю исключений из этого

совета из-за его официальности, но был бы благодарен ему за это. Мои представления о долге требуют, чтобы я с тревогой искал истинное толкование конституции, а затем соблюдал ее, не поддаваясь влиянию надежд или страхов. Если конституция потребует от меня сделать что-либо, чего не позволяет мое чувство долга, я спасу свою совесть, подав в отставку со своего поста. Однако я волен сказать, что если при исполнении своих политических обязанностей я передам свою преданность какой-либо другой власти, я должен последовать ироническому совету мистера Вебстера и обратиться к власти, “которая восседает на троне наверху”, а не спускаться в противоположную сферу, откуда должен был появиться законопроект, который он так сердечно обещал поддержать.

Я хотел бы, однако, отметить, что, хотя я признаю конституцию своим руководством, пока даю клятву поддерживать ее, все же мне не нравится этот выпад ни в адрес властей, стоящих над нами, ни в адрес тех, кто их почитает. Я считаю не только правильным, но и доказательством здравых моральных и религиозных чувств обращаться к совершенному закону Божьему в поисках света, который позволил бы нам более справедливо интерпретировать несовершенные законы человека. Особенно, когда мы предлагаем принять закон или внести в него поправки, должны ли мы исходить из самых высоких стандартов оценки наших целей и действий.

Ной, этот Соломон закона, счел вполне уместным сказать: “Низший закон должен уступить место высшему; законы человека — законам Бога”. -*Максимы*, стр. 6, 7.

“Закон природы, ” говорит Блэкстоун, “ будучи ровесником человечества и продиктованный самим Богом, конечно, превосходит по обязательности любой другой. Она обязательна для исполнения по всему миру, во всех странах, во все времена. Никакие человеческие законы не имеют силы, если они противоречат этому; и те из них, которые являются действительными, черпают всю свою силу и весь свой авторитет, опосредованно или непосредственно, из этого оригинала”. -1 *Ком.* 41.

У Фортескью, канцлера Генриха VI, в его *Книге "Закон Англии"*, глава 42, есть следующий отрывок, рассмотрение которого я почтительно рекомендую ему в благодарность за совет, данный мне мистером Вебстером:—

“Это неизбежно должно быть признано жестоким законом, который усиливает рабство и уменьшает свободу. Ибо природа человека непрестанно молит о свободе. Рабство введено человеком и через его порок. Но свобода - это дар Божий человеку. Поэтому, будучи оторванным от человека, оно всегда стремится вернуться; и то же самое происходит со всем, что лишено своей естественной свободы. По этой причине жестоким следует признать того человека, который не одобряет свободу. Исходя из этих соображений, законы Англии в любом случае благоприятствуют свободе”.

Защитив свои собственные положения, я возьму на себя смелость рассмотреть некоторые из положений мистера Вебстера; и, поступая таким образом, я изучу конституционные положения о суде присяжных и подкреплю свое мнение историческими ссылками. Я подумаю,

I. Там, где Конгресс уполномочен предусмотреть такое судебное разбирательство.

II. Когда это входит в обязанности Конгресса.

Г-н Вебстер говорит, что “конституция провозглашает, что при любом уголовном преследовании должно быть судебное разбирательство с участием присяжных”; и что “в судебных процессах общего права должно быть сохранено судебное разбирательство с участием присяжных”. Затем он добавляет: “В конституции нет другого пункта или предложения, имеющего хоть малейшее отношение к данному вопросу”. Запомните его слова: “В конституции нет другого пункта или фразы, *имеющих наименьшее отношение к данному вопросу*”. Я это отрицаю.

Здесь г-н Вебстер фактически заявляет, что, если бы не два вышеназванных положения, право на суд присяжных не было бы закреплено за нами конституцией *в любом случае*. Конечно, в отсутствие этих положений Конгресс не был бы обязан и, по сути, не имел бы никаких полномочий предусматривать законом проведение таких судебных процессов.

Если бы я сказал, что это утверждение граничит с невероятным, то можно было бы спросить, по какую сторону черты оно лежит?

Положение о суде присяжных *при уголовном преследовании* содержится в третьем пункте второго раздела третьей статьи и повторяется и несколько расширяется в пятой и шестой статьях поправок.

Но положение о суде присяжных *по искам общего права* содержится в седьмой статье поправки; и ни это положение, ни какое-либо подобие его нельзя найти в прямых выражениях ни в одной части конституции, поскольку оно вышло из рук ее создателей и было принято штатами.

Таким образом, по словам г-на Вебстера, Конгресс не был обязан и не имел полномочий издавать закон, предусматривающий суд присяжных, *за исключением уголовного преследования*, до тех пор, пока *после* ратификации седьмой статьи поправки; ибо, если они имели какие-либо такие полномочия или были связаны какими-либо подобными обязательствами, это должно быть в силу какого-либо пункта или предложения конституции, *имеющего “отношение к предмету”*.

Итак, первая сессия Конгресса началась 4 марта 1789 года, но эта седьмая статья поправки не была ратифицирована и, согласно Хики, не стала частью конституции (Hickey's Const. стр. 36) до 15 декабря 1791 года.

Таким образом, до этого времени, по словам г-на Вебстера, конституция не гарантировала права на суд присяжных, *за исключением случаев уголовного преследования*; потому что до этого времени в ней не было ни одного пункта или предложения, “имеющего наименьшее отношение к предмету” суда присяжных ни по каким делам, кроме уголовных.

Тем не менее, 24 сентября 1789 года, *и более чем за два года до принятия седьмой поправки* (только благодаря которой, по словам г-на Вебстера, они имели какие-либо полномочия действовать в помещениях) Конгресс принял закон о судебной власти; девятым, двенадцатым и тринадцатым разделами которого предусмотрено, что рассмотрение фактических вопросов в окружных судах, в окружных судах и в верховном суде, за некоторыми исключениями, осуществляется судом присяжных.

Закон также уполномочивает суды назначать новые судебные разбирательства “по причинам, по которым новые судебные разбирательства обычно назначались в судах общей юрисдикции”.

В каких судах общей юрисдикции? Разве это не означало, что суды в Вестминстер-Холле и в этой стране были сформированы по этой наследственной модели? И разве это не показывает без вопросов и придилок, что принцип суда присяжных по гражданским делам изначально был включен в конституцию Соединенных Штатов; и что это повсеместно понималось как таковыми ее создателями и их современниками, членами первого Конгресса?

Таким образом, только из конституции, а не из какой-либо власти, стоящей над ней или вне ее, Конгресс получил право 24 сентября 1789 года, более чем за два года до принятия седьмой поправки, принять закон о судебной власти и полностью дополнить его фактами и доктриной суда присяжных по гражданским делам. И если бы Конгресс в то время принял закон по вопросу о беглых рабах, разве у него не было бы таких же полномочий обеспечить суд присяжных для решения вопроса о рабах или свободных, как и предусмотреть такой способ судебного разбирательства в других случаях?

Все съезды штатов по принятию конституции, дебаты по которым сохранились, и все ведущие деятели, участвовавшие в них, утверждали, вопреки мистеру Вебстеру, что третья статья конституции, предусматривающая суды, предусматривает рассмотрение гражданских дел с участием присяжных. Мистер Маршалл, впоследствии главный судья Маршалл, сказал на съезде Вирджинии: “Означает ли слово “суд” [в конституции] только судей? Разве решение присяжных не обязательно приводит к вынесению решения судом? Есть ли что-либо, что наделяет судей исключительной юрисдикцией в отношении фактических вопросов? Какова цель суда присяжных? Информировать суд о фактах. Если суду известны факты, не следует ли из этого, что он может проводить расследование с участием присяжных? Иначе и быть не может”. - *Дебаты Эллиота*, 506.

Третья статья билля о правах Вирджинии гласила:—

“В спорах, касающихся собственности, и в судебных тяжбах между людьми древний суд присяжных предпочтительнее любого другого и должен почитаться священным”.

Зачитав эту статью конвенции, судья Маршалл сказал, что *суд присяжных также гарантирован конституцией Соединенных Штатов, как и биллем о правах Вирджинии.*—lb. 524. Он сказал это, имея в виду гражданские дела.

В Массачусетском конвенте было сказано, без всяких сомнений, ни с чьей стороны, что “слово суд ни по популярной, ни по технической конструкции не исключает использования присяжных для проверки фактов. Когда люди на обычном языке говорят о судебном разбирательстве в суде общей юрисдикции или верховном судебном суде, разве они не включают в себя все отделения и членов таких судов, присяжных заседателей, а также судей? Они, безусловно, это делают, независимо от того, упоминают ли они присяжных прямо или нет. Законодатели нашего штата истолковали слово “суд” таким же образом”. -2 *Дебаты Эллиотта*, 127.

Такова была доктрина, которой придерживались ведущие умы съездов штата; Кристофер Гор в Массачусетсе; судья Уилсон и Главный судья Маккин в Пенсильвании; Главный судья Маршалл, судья Пендлтон и мистер Мэдисон в Вирджинии; судья Айределл в Северной Каролине и многие другие выдающиеся имена.

В конвенции Вирджинии было выдвинуто возражение против конституции, поскольку она *прямо* не предоставляла обвиняемому привилегии отвода присяжных заседателей по уголовным

делам или исключения из них. Но мистер Пендлтон, президент конвента и в течение стольких лет после этого высший судебный чиновник штата, ответил: “Когда конституция гласит, что суд должен проводиться с участием присяжных, разве в ней не говорится, что каждый инцидент будет соответствовать этому?”-3 *Дебаты Эллиота*, 497.

Итак, когда конституция предусматривала “суды” и определяла их юрисдикцию, она четко предусматривала суд присяжных в отношении всех таких прав гражданина, которые до сих пор обычно рассматривались присяжными. Конгресс, действительно, может не выполнить свой долг; но в таком случае никакие положения конституции, какими бы четкими и императивными они ни были, не обеспечат прав народа.

Каждому, кто изучает конституцию, прекрасно известно, что единственной причиной, по которой в этом акте не было *прямого* положения о суде присяжных по гражданским делам, была трудность проведения разграничительной линии между многими делами, которые должны рассматриваться таким образом, и теми немногими, которые не должны. Все согласились с тем, что девяносто девять процентов. все гражданские дела должны рассматриваться судом присяжных; но они не смогли договориться о категориях дел, из которых следует брать оставшийся один процент. .

В этой связи стоит обратить внимание на заголовок или преамбулу совместных резолюций о представлении штатам определенных предлагаемых поправок к конституции, среди которых была седьмая. Это выглядит следующим образом:—

“Конвенции ряда штатов, принимавшие конституцию на момент ее принятия, выразили желание, чтобы предотвратить неправильное толкование или злоупотребление ее полномочиями, добавить дополнительные декларативные или ограничительные положения; и поскольку расширение оснований для общественного доверия к правительству наилучшим образом обеспечит достижение благотворных целей его института, решено”.

Из этого следует, что первый Конгресс лишь предложил внести определенные “*дополнительные декларативные и ограничительные положения*”, которые должны были “предотвратить неправильное толкование или злоупотребление его полномочиями”. Этот заголовок, конечно, не расширяет и не ограничивает значение поправок; но он показывает мнение их авторов об их объеме и намерениях. И что такое седьмая поправка, как не “декларативное и ограничительное положение”, обеспечивающее суд присяжных в делах общего права, “когда стоимость спора должна превышать двадцать долларов”, и отказ от нее, когда стоимость меньше?

Фразеология поправки полна значения: “Право суда присяжных должно быть сохранено”. Не создано, а сохранено. Не учреждено *de novo*, а продолжено. Не подскажет ли мне мистер Вебстер, как можно *сохранить* право, которого еще не *существует*?

Говоря о суде присяжных по уголовным делам, судья Стори использует то же слово. Он говорит, что это было “законсервировано”. Ни в одном из классов дел, гражданских или уголовных, оно никогда не было оставлено или утеряно по вине конституции. Если гражданин и не всегда пользуется этим, то только из-за бездействия Конгресса, не принявшего необходимые законы.

Великие люди, внесшие эту седьмую поправку в штаты, рассматривали суд присяжных по гражданским делам как существовавшее в то время конституционное право. Они приняли

закон, чтобы передать практическое осуществление этого права в руки народа, хорошо зная, что едва ли существует право, которым мы обладаем в соответствии с конституцией, которым мы можем выгодно обладать или использовать без вмешательства какого-либо закона в качестве его канала или посредника.

Предположим, что эта седьмая поправка никогда бы не была принята, на каком основании суд присяжных по гражданским делам продолжался бы до сегодняшнего дня? Мог ли он быть отнят у всех нас, во всех случаях, кроме уголовных, каким-либо коррумпированным Конгрессом?

Утверждая, следовательно, что, помимо сделанных им ссылок, в конституции нет другого “пункта или предложения, *имеющего наименьшее отношение к предмету*” суда присяжных, г-ну Вебстеру противостоят члены общего собрания, съезда штатов, сенаторы и представители, которые приняли закон о судебной власти, президент Вашингтон, который подписал его, и все судьи, которые исполняли этот закон до принятия седьмой поправки.

II. Где обязанность Конгресса заключается в обеспечении суда присяжных.

Но другое утверждение мистера Вебстера еще более необычно. Он говорит, что “нет ничего более ложного, чем то, что такой суд присяжных [суд присяжных над предполагаемым рабом или свободным человеком, признанным рабом] требуется конституцией либо по ее букве, либо по ее духу”.

Я делаю предварительное замечание о грубости ошибки, заключенной в форме этого предложения.

“*Нет ничего более ложного*”; то есть, если бы я или кто-либо другой утверждал, что наша конституция запрещает суд присяжных во всех случаях под страхом смертной казни; или что это создает наследственный деспотизм; или что это устанавливает католическую религию в сопровождении инквизиции для каждого штата; или что это делает все эти вещи вместе; это не было бы более “*ложным*” для “*духа*” конституции, чем сказать, что она требует суда присяжных, когда человек, который схвачен как раб, но утверждающий, что он свободен, взывает к его защите.

Но это относится только к *форме* его утверждения и несущественно для аргументации. Я перехожу к вопросу, не является ли его содержание столь же неоправданным, как и его форма.

В другой части письма мистера Вебстера он говорит, что не видит “никаких возражений против положений закона” от 1793 года. Конечно, ибо он не видит возражений против законопроекта мистера Батлера и поправок к нему, но предпочитает их законопроекту мистера Сьюарда. И теперь он говорит, что ни в букве, ни в “духе” конституции нет ничего, что требовало бы суда присяжных для предполагаемого раба или для свободного человека, захваченного в плен и готового быть уведенным в рабство.

Каким бы слабым и смиренным я ни был, каким бы великим и грозным ни был он, я присоединяюсь к нему в этом важном вопросе и ставлю себя на защиту страны.

Наша конституция, как всегда учили нынешнее поколение, стремится к свободе и правам человека. Суд присяжных по важным делам, касающимся жизни, свободы и собственности, имеет важное значение для соблюдения этих прав. Следовательно, эти два понятия имеют такое тесное сродство друг к другу, что делает весьма вероятным, если не морально бесспорным, то, что создатели первого предусмотрели бы второе; что они воспользовались бы им, как законом инстинкта, для осуществления своих благотворных целей. Суд присяжных был необходим для жизнеспособности конституции; и, я думаю, не было бы слишком сильным выражением сказать, что конституция, вышедшая из рук ее основателей, требовала суда присяжных.

Цель, ради которой была создана конституция, изложенная в ее преамбуле, а именно “установить правосудие”, “способствовать общему благосостоянию” и “обеспечить людям блага свободы”, никогда не могла быть достигнута без суда присяжных. К преамбуле не апеллируют как к источнику силы; но она касается, как пальцем, объектов, которые она рассматривала; она предлагает средства, с помощью которых должны были быть достигнуты ее благотворные цели, и указывает правила толкования, с помощью которых должны быть разъяснены все ее положения.

И не только цели, ради которых провозглашается существование конституции, но и исторические факты со времен Великой хартии вольностей и до этого времени; практика английских и наших колониальных и провинциальных судов до революции и во времена конфедерации; — короче говоря, все аналогии и тенденции конституционного права и все, что относится к идеям свободы, сговариваются, чтобы заставить нас ожидать, что в таком обширном вопросе, как пожизненная свобода или неволя человека и его потомства, это не оставило нас без права судебного разбирательства по закону. присяжные.

Самый первый закон “для общего блага колонии Нью-Плимут” (1623) гласил, “что все преступные деяния, а также все вопросы, связанные с *правонарушениями* и ДОЛГАМИ, между людьми, должны рассматриваться приговором двенадцати честных людей”.

В том ужасном перечне преступлений, в которых Декларация независимости обвиняет короля Великобритании, этот величественный документ перечисляет следующие среди наиболее вопиющих: “За лишение нас во многих случаях преимуществ суда присяжных” и “за защиту своих войск, *путем инсценировки судебного процесса*, от наказания за любые убийства, которые они совершат против жителей этих штатов”.

По словам Блэкстоуна, право на суд присяжных “с незапамятных времен” считалось неотъемлемым правом англичан. 29-я глава Великой Хартии гарантировала это право не только в случаях свободы, жизни и увечий, но и в случаях собственности, реальной и личной.

В Англии стало традиционной поговоркой и вышло из обихода, что главная цель короля, лордов и палаты общин - посадить двенадцать человек на скамью присяжных.

Судья Стори говорит: “Когда наши более близкие предки переселились в Америку, они принесли эту великую привилегию с собой, *как свое право по рождению и наследству*, как часть того замечательного общего права, которое со всех сторон ограждало и вставляло барьеры против подходов произвольной власти. Теперь это включено в конституции всех наших

штатов в качестве основного права; и конституция Соединенных Штатов была бы справедливо неприемлема для самых убедительных возражений, если бы она не признавала и не подтверждала это в самых торжественных выражениях”.-3 Ком. 652, 3.

Мыслимо ли тогда, чтобы герои и мудрецы революции, которые поднялись в сопротивлении самой грозной силе на земле; многие из которых восстали против своих сородичей в метрополии, потому что они любили свободу больше, чем отца или мать, брата или сестру, и которые перенесли лишения и ужасы семилетней войны; — мыслимо ли, говорю я, что, когда они добились своей независимости и больше не было никакой земной силы, способной контролировать их, они должны были сформулировать основной закон, а не наполнять этот закон ложью? “дух” суда присяжных, как его дыхание жизни? Как британские подданные, они имели право на этот суд. Как американцы, отказались ли они от него? Ввели ли они войну в течение семи лет, чтобы поставить себя в худшее положение, чем то, в которое их поставил их “тиран”? Мистер Вебстер говорит, что они это сделали. Он обвиняет их в этой бесконечной глупости и слепоте, поодиночке и коллективно, всех до единого.

Теперь я подкреплю этот исторический взгляд ссылкой на некоторые решения верховного суда, которые объясняют и определяют значение седьмой поправки.[\[10\]](#)

Каково истинное значение этих описательных слов “иски по общему праву”? Не слишком ли быстро мистер Вебстер, полагаясь на свою высокую репутацию, разобрался с этим вопросом? Он говорит: “Конституция гласит, что при рассмотрении дел по общему праву должно быть сохранено судебное разбирательство с участием присяжных”; но он добавляет: “Возвращение беглого раба не является иском по общему праву”.

Но верховный суд Соединенных Штатов предоставил нам авторитетное толкование слов конституции, относящихся к этому вопросу. В деле *Коэнс против Вирджинии*, 6 Уитон, Р. 407, они определяют, что подразумевается под “иском”. Вот их слова:—

“Что такое *костюм*? Мы понимаем, что это судебное преследование какой-либо *претензии*, требования или просьб. На юридическом языке это судебное преследование по какому-либо требованию в суде. "Средством правовой защиты от любого вида неправомерных действий является, — говорит судья Блэкстоун, - предоставление права, которого лишена потерпевшая сторона", инструментами, с помощью которых достигается это средство правовой защиты, являются различные *иски* и действия, которые the Mirror определяет как "законное требование своего права"; или, как выражают Брактон и Флета словами Юстиниана, "*jus prosequendi in judicio quod alicui debetur*" (форма обвинения в судебном разбирательстве или судебного решения, которая это связано с кем-то одним.) Затем Блэкстоун переходит к описанию всех видов средств правовой защиты по искам; и все они представляют собой случаи, когда сторона, подающая иск, утверждает, что хочет получить что-то, на что она имеет право.

“Возбудить судебный процесс - значит потребовать чего-либо со стороны института судопроизводства в суде; а возбудить иск - значит, согласно общепринятому языку, продолжить это требование”.

Таким образом, согласно верховному суду, *иск* - это судебное преследование по какому-либо *иску*, требованию или заявке. Теперь, согласно самой букве конституции, уголовное дело в отношении беглого раба возбуждено для предъявления *иска*. Лицо, привлекаемое к службе или

труду, должно быть выдано “по *требованию* стороны, которой может быть причитаться такая служба или труд”.

Кроме того, в решении, непосредственно касающемся права на суд присяжных, Верховный суд дал определение термину “общее право”, сделав специальную ссылку на его значение в поправке к конституции, которая закрепляет это право “при рассмотрении исков по общему праву”. Вот их слова:—

“Хорошо известно, что при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции и адмиралтействе присяжные не вмешиваются; и что суды общей юрисдикции используют суд присяжных только в исключительных случаях, чтобы успокоить совесть суда. Таким образом, когда мы обнаруживаем, что [7-я] поправка требует сохранения права суда присяжных в судах общего права, естественным выводом является то, что это различие присутствовало в сознании разработчиков поправки. Подобным правом они подразумевали то, что конституция обозначила в третьей статье термином “закон”; не просто иски, которые *общее* право признавало среди своих старых и устоявшихся разбирательств; но иски, в которых должны были быть установлены и определены *юридические* права, в отличие от тех, в которых признавались только справедливые права и применялись справедливые средства правовой защиты, или в которых, как в адмиралтействе, в одном и том же иске часто встречалась смесь публичного права и морского права и справедливости. Вероятно, в Союзе было мало штатов, если таковые вообще были, в которых не использовались некоторые новые средства правовой защиты, отличающиеся от старых форм общего права; но в которых, однако, применялся суд присяжных, а общие положения в других отношениях соответствовали общему праву. Процедуры по делам о разделе имущества и о наложении ареста на имущество за рубежом и внутри страны могут быть приведены в качестве примеров, по-разному принятых и измененных. Таким образом, в справедливом смысле поправка вполне может быть истолкована как охватывающая все иски, которые не относятся к юрисдикции акционерного капитала или адмиралтейства, КАКУЮ БЫ ОСОБУЮ ФОРМУ ОНИ НИ ПРИНИМАЛИ ДЛЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРАВ”. —Парсонс против Бедфорд, 3 представителя Питерса. 456, 7.

Последнее предложение я подчеркнул. В этом предложении верховный суд прямо заявляет, что, если предмет судебного разбирательства или целью разбирательства является определение “законного права”, которое ранее определялось “судебным иском по общему праву”, то такое разбирательство охватывается седьмой поправкой, и любая заинтересованная сторона имеет право на суд присяжных. Итак, разве не ясно, что любое судебное разбирательство, которое определяет, владеет ли человек собой или находится в собственности другого человека, и которое передает одного человека под опеку другого в качестве его раба или отказывается таким образом передать его, является, “какую бы особую форму оно ни принимало”, судебным разбирательством, “направленным на установление законного права”, — высшего законного права? Это не право по справедливости, по адмиралтейству или по морскому праву; но строго и исключительно *законное право*, и ничего больше. Согласно доктрине верховного суда, в приведенном выше случае стороны такого разбирательства имеют право, в соответствии с седьмой поправкой, на суд присяжных. По крайней мере, разве не таков “дух” поправки?

Но есть еще один хорошо известный факт, который придает актуальность и строгость приведенной выше точке зрения. В обычном праве судебный приказ *de homine replegiando*, —

судебный приказ о личном переподчинении или о повторном обращении к человеку, — был оригинальным судебным приказом; судебный приказ, который сторона могла подать в суд по праву; тот, который был предоставлен по ходатайству, без указания причины, и который канцлерский суд не мог отменить. Это было, согласно самому языку нашего верховного суда, признано общим правом “среди его старых и устоявшихся разбирательств”. Его форма содержится в огромном арсенале судебных актов общего права - *Registrum Brevium*. Человек, говорит Комин, может иметь *homine replegiando* для негра; или для индейца, привезенного им в Англию и удерживаемого у него; или это может быть предъявлено младенцем против своего опекуна по завещанию; или *деревенским жителем против своего лорда*. (Диг., заглавие “Тюремное заключение”, Л. 4.)

Если это могло быть предъявлено вилланом против своего господина, то это был тот самый судебный приказ предполагаемого раба против предполагаемого владельца. Это был способ, предусмотренный общим правом для определения *законного права*, закрепленного за человеком. Я всегда понимал, что до революции и до принятия нашей конституции “Сборник Комина” был работой высшего авторитета. Это, должно быть, было хорошо известно всем юристам на съезде. Ожидали ли они, таким образом, что, когда предполагаемый раб или известный свободный человек будет схвачен, его поспешат заключить в рабство без какого-либо права на этот древний элемент свобод подданного?

Но “возвращение беглого раба, “ говорит мистер Вебстер, - не является иском по общему праву”. Разбирательство, предусмотренное статутом 1793 года, против которого он “не видит возражений”, не имеет аналогии с судебным приказом *возвращения домой*. Но можете ли вы уничтожить право на суд присяжных, изменив процесс? Землепашец из Джорджии или Северной Каролины не может приехать в Массачусетс и изгнать мистера Вебстера с его фермы в Маршфилде, не будучи вынужденным вынести вопрос о праве собственности на суд присяжных. Но предположим, что Конгресс фактически скажет, что любой из семнадцати тысяч почтмейстеров в Соединенных Штатах может быть доставлен в Массачусетс (и среди столь многочисленного контингента не будет клеветой сказать, что есть несколько безрассудных людей) и что упомянутый обработчик песка может предстать перед упомянутым импортным почтмейстером и после доказательства “к его удовлетворению”, “либо устными показаниями, либо аффидевитом”, - аффидевит, напомним, принимается в любом месте Соединенных Штатов, — тогда истец будет немедленно передан во владение указанной фермой. , с правом взыскания издержек; и предположим, что мистер Вебстер отвергнет авторитет этого незаконного суда и потребует соблюдения древних форм права и суда присяжных в соответствии с седьмой поправкой; тогда истцу остается только позаимствовать собственные слова мистера Вебстера и сказать: “Это иск не по общему праву” — предположим все это, говорю я, и тогда я хотел бы спросить, удовлетворит ли такое разбирательство последнего названного джентльмена? Здравый смысл человечества - это авторитет, достаточный для ответа на такой вопрос; но вдобавок у нас есть высокий юридический авторитет.

В *Baker*, против. *Риддл*, мистер судья Болдуин, один из судей верховного суда Соединенных Штатов, постановил, что Конгресс также не во власти отнять право суда присяжных, закрепленное седьмой поправкой “1. Путем организации судов таким образом, чтобы не передавать их истцам”; или— “2. Уполномочивая суды осуществлять или предполагать, что они обладают юрисдикцией справедливости или адмиралтейства в отношении судебных дел”. “Эта

поправка, — говорит он, - защищает право суда присяжных от любых нарушений со стороны любого государственного ведомства”. - *Представитель Болдуина* 404.

Итак, чем был законопроект мистера Батлера, как не "новой организацией судов", или, скорее, новым созданием примерно двадцати тысяч судов, "таким образом, чтобы не обеспечивать [право суда присяжных] истцам"? Это действительно было нарушением обоих принципов, установленных судьей Болдуином. Это было создание трибуналов, неизвестных общему праву, и наделение этих трибуналов полномочиями выносить решения по правам, не относящимся ни к "юрисдикции справедливости, ни адмиралтейства".

В этой связи я сошлюсь на дело *Ли ПРОТИВ. Ли*, представитель 8-го *Питерса*. 44.

Актом Конгресса от 2 апреля 1816 года было объявлено, что никакое дело не должно быть передано из окружного суда округа Колумбия в верховный суд путем апелляции или судебного приказа об ошибке, "за исключением случаев, когда спорный вопрос имеет стоимость в тысячу долларов или выше". Истцы по ошибке были признаны рабами. Их ходатайство о свободе в нижеприведенном суде было рассмотрено не в их пользу; и на основании этого решения они подали апелляцию. Ответчик по ошибке выдвинул возражение, что они — их тела и души — не стоили одной тысячи долларов и, следовательно, не имели права на апелляцию. Но суд сказал:

"Спорным вопросом в данном случае является свобода заявителей. Нижеприведенное решение суда направлено против их требований о свободе; следовательно, для ошибающихся истцов предметом спора является ценность их свободы, *и это не подлежит денежной оценке*. Если бы судебное решение было вынесено в пользу заявителей и судебный приказ об ошибке был подан стороной, утверждающей, что она является владельцем, стоимость рабов как *собственности* была бы предметом спора, и могли бы быть приняты письменные показания под присягой для установления такой стоимости. Но письменные показания под присягой, оценивающие ценность свободы, совершенно неприемлемы; и нет никаких сомнений в юрисдикции суда".

Теперь, если верховный суд Соединенных Штатов, при толковании закона, чувствовал себя обязанным своими клятвами считать свободу человека — любого человека, даже если он полоумный идиот или лежит на смертном одре, которому осталось дышать всего час, — стоимостью более тысячи долларов, как может сенатор Соединенных Штатов сказать, что, принимая закон, согласно которому свобода человека может быть сохранена или утрачена, он не обязан, по крайней мере, "духом" конституции, если не ее буквой, считать, что свобода человека может быть сохранена или утрачена? свобода должна иметь большую ценность, чем двадцать долларов, и, следовательно, обеспечить суд присяжных для ее защиты? Что может быть более поразительным доказательством того, что г-н Вебстер нарушает весь "дух" конституции, когда разработчики и ратифицировавшие эту поправку заключили завет и постановили суд присяжных за такую ничтожную сумму денег; и когда судьи верховного суда сочли свободу человека ценнее любой названной суммы денег, в то время как он рассматривает ее как вещь, которой может распоряжаться любой коррумпированный почтмейстер, которого может коррумпированно назначить любая коррумпированная администрация. Тем не менее, он говорит: "Ничто не может быть более ложным, чем то, что конституция требует суда присяжных в делах такого рода либо по ее букве, *либо по ее духу*".

Хотелось бы мне найти или почувствовать себя вправе подобрать какое-нибудь более мягкое слово; но за неимением лучшего я должен сказать, что мистер Вебстер, как мне кажется, во всем этом деле *догматизирует*. Он делает сильные утверждения, не приводя даже слабых доводов. Такого характера было его сообщение об открытии нового закона — “закона физической географии”, - который должен был приостановить моральную свободу действий и отнять у человека его способность совершать преступления против своего брата; как будто на восходящих склонах холмов свобода и рабство лежат в разных атмосферных слоях и непроходимо граничат друг с другом; как будто существовала гора настолько “необычайно высокая”, на вершину которой мог подняться даже Иисус Христос, что сатана не мог проникнуть туда, чтобы искушать его. Обычному уму это не кажется настоящим открытием, как, например, закон всемирного тяготения, открытый Ньютоном, или существование планеты Нептун, открытое Леверье. Это скорее похоже на то самое раннее мнимое открытие, которое было сделано для того, чтобы соблазнить, и действительно соблазнило, прародителей всех нас. *Вы можете есть от запретного дерева, ибо вы НЕ наверняка умрете*. Итак, мистер Вебстер говорит, пусть рабов везут в повозках или в корабельных трюмах на новые территории; они не могут там жить. Не будут ли результаты этих двух экспериментов иметь живую аналогию друг с другом и, вероятно, не окажут ли аналогичного влияния на их авторов?

То же самое было и тогда, когда он вырвал несколько самых ярких страниц из Нового Завета, провозгласив, что “в учении Евангелия Иисуса Христа или кого-либо из его апостолов нет никаких предписаний против таких отношений [рабства] между людьми”! На сколько христианских сердец обрушилось это чувство, как анафема против всякой истины. Он не произносит *никакого явного* судебного запрета, но “никакого судебного запрета”; ничего подобного. В Новом Завете нет *положительного* судебного запрета против рабства!—книга, призванная регулировать нашу жизнь и условия в двух мирах; но, в целом, не такая большая, как многие отчеты конгресса; менее объемная, чем постановления многих правительств наших городов; —следовательно, книга, которая, по необходимости дела, должна касаться великих и бессмертных принципов и не может опускаться до конкретизации и деталей;—и поскольку такая книга, как эта, не содержит *прямого* предписания против рабства, следовательно, рабство не запрещено ею, но подразумевается одобрение ее молчания! Несомненно, никогда еще не было более зловещего, необоснованного, нехристианского аргумента, высказанного неверующим или язычником. Существует ли какое-либо *прямое* предписание “в учении Евангелия Иисуса Христа или любого из его апостолов”, предписывающее нам объявлять африканскую работорговлю пиратством? Существует ли какое-либо *прямое* предписание “в учении Евангелия Иисуса Христа или любого из его апостолов” против каннибализма? Говорят ли они где-нибудь: “Вы не должны есть друг друга”? И все же какой чудовищностью и подлостью было бы предположить, что, следовательно, мужчины и женщины могут превращаться в людоедов и великанш и есть человеческое мясо так же, как баранину и вырезку. Вывод в последнем случае ничуть не менее обоснован, чем в первом. Тем не менее, я считаю, что этот теологический аргумент не нарушает “дух” Евангелия, так же как его конституционный аргумент не нарушает “дух” конституции. Джон Уэсли, живший среди рабства, называет его “суммой всех злодеяний”, и если Христос пришел в этот мир и покинул его, не наполнив все свои учения предписаниями против несправедливости, жестокости, гордыни, алчности, похоти, любви к господству и любви к низкопоклонству, которые являются неотъемлемыми спутниками рабства, то, я думаю, христианский мир возопит, что в том, что касается этой жизни, его миссия была по существу бесплодной.

“О, звездноокая Наука! не бродила ли ты там,

Чтобы вернуть нам эти отчаянные вести?

Итак, если конституция Соединенных Штатов не содержит даже каких-либо *подразумеваемых* гарантий свободы всего цветного населения свободных штатов и территорий и суда присяжных как единственного адекватного средства обеспечения этой свободы, то не было бы большей чести для ее создателей никогда не ставить под ней своих подписей?

Позвольте мне здесь сравнить относительную ценность жизни или собственности, с одной стороны, и свободы, с другой, и посмотреть, какой вывод следует сделать в пользу предоставления последнему такой же защиты, как и первому.

Пятая статья поправки гласит, что “никто не может быть лишен жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры”. Комментаторы говорят, что эти слова “надлежащая процедура закона” эквивалентны фразе “закон страны” в 29-й главе Великой хартии вольностей; и, следовательно, что “этот пункт фактически подтверждает право на судебное разбирательство в соответствии с процессом общего права”, то есть с участием присяжных. (Смотрите статью в Story's Comm. 661; 2 Inst. 50, 51; 2 Kent's Comm. 10; 1 Tucer's Black. Приложение. 304.)

Теперь учтите, что общее право на суд присяжных в случаях, касающихся *жизни*, было прямо закреплено конституцией в том виде, в каком она была принята первоначально; что чуть более трех лет спустя то же право было прямо закреплено *заимуществом* в исках по общему праву, когда стоимость спора превышала двадцать долларов; и затем скажите, нет ли самых веских доказательств в пользу того же права в случаях, когда речь идет о свободе человека, которая намного ценнее жизни и собственности вместе взятых. Я здесь не говорю, что это подтекст, который обязывает суды применять закон. Это не обсуждаемый вопрос. Но разве это не подтекст, который связывает *законодателя*, так что, принимая закон по данному вопросу, он не может сознательно и умышленно отказаться от него, не нарушая своей клятвы? Я не верю, что в Конгрессе когда-либо найдется много людей из свободных штатов, которые не будут придерживаться такого взгляда на этот предмет. Действительно, немало лучших юристов и правоведов считали, что последствия связывают суды; и, следовательно, статут 1793 года является неконституционным.^[11]

Мистер Вебстер рассматривает два случая - лиц, скрывающихся от правосудия, и лиц, скрывающихся от службы, одинаково; хотя можно почти перенять его собственный язык и сказать, что “нет ничего более ложного”, чем то, что они похожи. В отношении первого класса конституция гласит, что это лицо, “*обвиненное*” в государственной измене и т.д.; Но в отношении второго класса в ней говорится, что ни одно лицо не “*задержано*” и т.д.

Согласно очевидному смыслу этой формулировки, должно быть *доказано*, что предполагаемый беглец был *задержан, связан, обязанный*. Недостаточно, чтобы ему было “предъявлено” *обвинение* в “привлечении” к службе, хотя достаточно, чтобы человек был “*обвинен*” в преступлении. Чтобы отнести первое дело ко второй правовой категории, его условия должны быть такими: “лицо, *виновное* в государственной измене” и т. Д., Должно быть выдано. Если бы такова была фразеология, стал бы кто-нибудь сомневаться в том, что доказательство вины должно предшествовать доставке и что для этого не может быть никакого другого основания?

Мистер Вебстер говорит, что “возможно, единственная непреодолимая трудность” для суда присяжных “была создана самими штатами”. Предположим, что это так, я бы спросил, чья обязанность действовать первой — Конгресса обеспечить судебное разбирательство или штатов устранить препятствие? Должны ли штаты сначала отменить свои законы и поставить под угрозу свободу граждан; или Конгресс не должен сначала принять закон и обеспечить эту свободу? Что важнее: чтобы владелец вернул своего раба или чтобы гражданин сохранил свою свободу? Я отвечаю в соответствии с формулировками, которые использует уголовный закон в отношении вины и невиновности, что лучше, если девятьсот девяносто девять, то есть неопределенное количество рабов, совершат побег, чем если один свободный человек будет отдан в рабство.

Кроме того, я думаю, что ни один штат не принимал законов по этому вопросу для защиты своих граждан до 1842 года. Это было после того, как Конгресс более пятидесяти лет пренебрегал выполнением своего долга. Почему же тогда мистер Вебстер должен возлагать вину на штаты, которые более пятидесяти лет воздерживались от действий по защите самих себя, когда Конгресс, ведущим членом которого он был почти сорок лет, подвергал опасности свободу своих граждан, вместо того чтобы обеспечивать ее? Когда он сказал, что “каждый член законодательного собрания каждой северной страны связан клятвой поддерживать конституцию Соединенных Штатов”, почему ему внезапно не пришло в голову возразить, что он был связан клятвой не меньше, чем они; и что его клятва касалась людей, которым принадлежала свобода, не меньше, чем людей, которые владели рабами? Кроме того, он обвиняет только *часть* свободных штатов в том, что они виновны в несправедливом законодательстве. Должны ли невиновные штаты страдать из-за проступка других? Скорее, не должен ли Конгресс сначала предоставить средства защиты всем гражданам?

Мне также кажется, что четвертая поправка имеет важное “*отношение к предмету*”, потому что она показывает, что главной мыслью наших отцов при разработке конституции было обеспечение свобод гражданина. Он предусматривает защиту от “необоснованных арестов” “лиц”. Я полагаю, основная идея этой поправки заключалась в том, чтобы обезопасить гражданина от “необоснованного ареста” даже в тех случаях, когда впоследствии он должен был, и *через некоторое время*, предстать перед судом в соответствии с нормами общего права. Но какой “захват” может быть более “неразумным”, чем тот, целью которого является не окончательное испытание, а вечное рабство без суда и следствия? Может ли воображение смертного представить себе какой-либо припадок, менее достойный называться “разумным”, чем этот?” С каким негодованием хмурились наши отцы из-за того, что их перевезли за моря, *чтобы судить*; однако, по нашему нынешнему закону и по закону, который мистер Вебстер обещает поддерживать, свободный человек может быть перевезен если не за моря, то по крайней мере за пределы земель и штатов, *не для того, чтобы его судили*, а для вечного содержания в рабстве без суда. Если бы свободный гражданин Массачусетса был схвачен и брошен в массачусетскую тюрьму, чтобы содержаться там пожизненно; и его дети, в результате его судьбы, были помещены в ту же самую или в другие тюрьмы, как только они родились, чтобы также содержаться пожизненно; и таков был первоначальный объект и общепризнанная цель ареста, не противоречило ли бы это немного “духу” четвертой поправки? И не противоречит ли такое поведение этому “духу” в меньшей степени из-за того, что тюрьма представляет собой рисовое болото на юге или хлопковое поле, где ближайшая дверь или выход для побега

находится более чем в сотне миль от места заключения? В делах общего права, таких как trover, detinue, replevin и т. Д., И т.п., судебное разбирательство должно проводиться в окрестностях, за исключением случаев, когда есть какая-либо непреодолимая причина для изменения места проведения судебного разбирательства. Но здесь речь идет о передаче партии не для суда, а за уклонение от суда.

Таким образом, я представляю общественности, что вот три положения конституции, каждое из которых действительно имеет “отношение к данному вопросу”. Каждое усиливает другое. Они образуют тройственный подтекст, если *нетриноду необходимости*, которую ни один человек, каким бы могущественным он ни был, не может нарушить.

Аргумент, который юристы называют *ab неудобный*, — аргумент от неудобства, — был поставлен на службу рабовладельцу, чтобы поставить под угрозу свободы гражданина. Я отвечаю, в этом аргументе есть две стороны; ни со стороны рабовладельца, ни со стороны его друзей-северян не было мудрости предлагать это. Мне кажется, что для свободного человека потерять свою свободу так *жестко*, как для рабовладельца потерять своего раба. Если южанин подает в суд на северянина из-за стоимости тюка хлопка или бочки риса, не должен ли истец дожидаться следующего срока судебного разбирательства, прежде чем он сможет начать свой иск, соблюдать правила суда, касающиеся отсрочки, и подчиниться порядку ведения дела, выступая в свою очередь перед присяжными? Чтобы устранить это неудобство, предлагал ли когда-либо какой-либо законодательный орган или какой-либо суд отменить или аннулировать сразу все ценные бумаги, с помощью которых мы храним собственность и жизнь? И как обстоит вопрос с доказательствами? Если претенденту на рабство из Техаса трудно доказать право собственности на своего раба в Массачусетсе, то насколько бесконечно труднее гражданину Массачусетса доказать право собственности на себя в Техасе. Но мистер Вебстер говорит, что на юге есть независимые суды, “всегда открытые и готовые принимать решения по петициям или ходатайствам о свободе”. Предположим, что это правда; как мужчина или женщина, хозяин которых знает, что они свободны, могут обратиться в суды? Мистер Вебстер, похоже, думает, что как только работорговец, похищающий людей, перевезет свою человеческую добычу на юг, он сразу же заберет его туда, или позволит ему предстать перед судом, или продаст его какому-нибудь брату-самаритянину, который это сделает. Разве все не знают, что любой человек, способный на огромную вину в захвате или покупке свободного человека, сделает невозможным для этого свободного человека восстановление своего права по рождению?

Мистер Вебстер убедительно утверждает, что предполагаемый раб “передается только для выяснения его прав государству, из которого он бежал”. Но предположим, что он никогда не “бежал”, а унижал себя как мирный гражданин, находящийся под торжественно обещанной защитой правительства на земле, где он родился! Это ложная идея, лежащая в основе всего соблазнительного письма мистера Вебстера, что по такому законопроекту, как у мистера Батлера, никто, кроме рабов, никогда не будет арестован.

Я не сомневаюсь, что то, что мистер Вебстер говорит о южных судах как о “справедливых и прямолинейных”, в общих чертах верно; но я немного лично знаком с южными судами, и я без колебаний заявляю, что, по крайней мере, был один суд, перед которым, если бы раб подавал в суд за свою свободу, и если бы против него поднялся какой-либо общественный шум, у него было бы не больше надежды получить свою свободу через “справедливость” суда, чем, если бы

его выбросили за борт посреди Атлантического океана, у него было бы надежды спасти свою жизнь вплавь. на берег.

Мистер Уэбстер выставляет Массачусетс на посмешище всему миру, потому что, как он говорит, он “становится ярым против несправедливостей Пенсильвании”; и он счел своим долгом выяснить, сколько захватов беглых рабов произошло в Новой Англии за наше время. Является ли это христианским мериллом, по которому следует оценивать зло посягательств на самые священные права людей? Если я пребываю в довольстве и безразличии, потому что мой собственный район, или штат, или графство пока еще лишь частично страдают, почему бы мне не оставаться довольным и безразличным, пока я сам в безопасности? Обеспечивая свободы гражданина при общем правительстве, я считаю, что Массачусетс достоин всяческих почестей, а не насмешек, потому что он действительно “возмущается несправедливостями Пенсильвании” и несправедливостями целой расы, будь то в Пенсильвании или Калифорнии, или в любом другом месте в пределах границ нашей собственной страны. Я не вижу причин, по которым мои симпатии как человека или обязательства по моей присяге как офицера в отношении более близких или отдаленных штатов должны быть обратно пропорциональны квадратам расстояний. Даже в отношении зарубежных стран мистер Уэбстер думал так же в те лучшие дни, когда его красноречивый призыв к угнетенной и истекающей кровью Греции будил нацию, подобно гласу рога. Считал ли мистер Вебстер необходимым провести расследование по всем штатам Новой Англии, чтобы узнать, скольких венгерских патриотов они видели застреленными при звуке барабана, или сколько благородных венгерских женщин было раздето и выпорото плетью на их рыночных площадях, прежде чем он взволновал сердца нации злодеяниями Кошута и его соотечественников и призвал проклятия всего мира на австрийских и русских деспотов? Я не вижу разницы между этими делами, которая не в пользу наших *домашних интересов*, наших собственных *внутренних прав*, за исключением разницы в их отношении к партийной политике и президентскому соперничеству. Г-н Вебстер цитирует и отдает должное г-ну Бисселлу, который сказал, что те южные штаты, которые меньше всего пострадали от потери рабов, подняли наибольший шум. Эта констатация факта была хорошо сформулирована мистером Бисселлом; но правильно ли ее применил мистер Вебстер? В заявлении речь шла о потере имущества. В заявлении речь идет о лишении свободы. Следовательно, последнее не является “аналогом” первого. Слепота к различию между ценностью и *принципом* собственности и ценностью и *принципом* свободы могла быть единственной причиной такого сравнения.

Но я расширил это общение намного дальше моей первоначальной цели. Несколько других тем, содержащихся в речи мистера Вебстера или вытекающих из того, что с тех пор произошло в связи с ней, и едва ли менее важных, чем те, которые уже рассматривались, должны дожидаться другой возможности для обсуждения; если, конечно, какое-то решение вопроса не сделает дальнейшее обсуждение ненужным.

Я не забываю о положении, в котором нахожусь. Я не могу не осознавать, что обстоятельства поставили меня в антагонистическое положение по отношению к человеку, чьими необъятными способностями интеллекта мир долгое время так ярко пользовался и так глубоко восхищался. Я хорошо знаю, что *личное* состязание между нами кажется неравным, гораздо более чем предстоящая схватка между еврейским юношей и тем чемпионом филистимлян, у которого на голове был медный шлем, на ногах - медные поножи, а древко копья походило на ткацкую перекладину. Но это соревнование не между *нами*. Это находится между истиной и

заблуждением; и точно так же, как дух Добра восторжествует над духом Зла, точно так же несомненно, что Истина в конечном счете восторжествует. В таком случае, как этот, есть одна точка зрения, с которой мистер Уэбстер является желанным противником; ибо яркие и далеко разливающиеся лучи света, которые он оставлял на протяжении всего своего прежнего жизненного пути, не могут не показать всем, кроме его собственного, окольный путь, по которому он сейчас забрел.

ГОРАЦИЙ МАНН.

Вашингтон, 6 июня 1850г.

Поскольку несколько изданий предыдущих Писем были исчерпаны, было напечатано другое, датированное 8 июля 1850 года, с примечаниями.

СНОСКИ:

[9] Все мои цитаты из мистера Вебстера взяты из редакции его речи, которую он посвятил “Народу Массачусетса” 18 марта 1850 года. Среди многочисленных появившихся чтений я полагаю, что это наиболее достоверное.

[10] Этот аргумент может быть повторен и расширен в последующей части настоящего тома, стр. 409, *и далее*. Оно сохранено здесь только для сохранения логической и юридической симметрии письма.

[11] Смотрите подробное мнение канцлера Уолворта, 14 стр. 507, *Джек ПРОТИВ. Мартин*.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРЕДЫДУЩИМ ПИСЬМАМ.

Я надеялся, что от меня не потребуется больше говорить по теме, обсуждаемой в вышеупомянутых письмах; но на прошлой неделе мистер Вебстер опубликовал в форме брошюры речь, произнесенную им в Сенате 17-го апреля, сопровождаемую его письмом, датированным тем же днем, к некоторым джентльменам на реке Кеннебек. В этом письме мистер Вебстер снова сослался на меня; и я с величайшим сожалением должен сказать, что он, по-видимому, дал себе полное право отступать от всех правил вежливости, свойственных джентльмену, и не подчиняться обязательствам правдивости, принадлежащим мужчине.

Чтобы никто не мог предположить, что я делаю какие-либо преувеличения относительно характера высказываний мистера Вебстера по отношению ко мне, выраженных в этом письме, я привожу пару примеров из него.

“Была выпущена в обращение брошюра, - говорит он, имея в виду первое из двух вышеупомянутых писем, - в которой говорится, что мое замечание заключается в том, что я ”обязуюсь решать вопрос о долге человека с помощью гор и рек, а не Десяти заповедей“, ”Перестаньте записывать, - добавляет он, - в свод законов то, что наши мудрейшие и лучшие

люди считали волей Божьей в отношении наших мирских дел, и страсти, которые, по нашему мнению, присущи дьяволам, скоро овладеют обществом“. Затем он добавляет: "Едва ли кто-то знает, что именно". больше всего презирать бессмыслицу или нечестность таких комментариев к чужим словам. Я не знаю страсти, более подходящей для дьяволов, чем страсть к грубому искажению фактов и клевете” и т.д., и т.п.

Гневные и укоризненные высказывания, которые позволил себе здесь мистер Вебстер, освобождают меня от всех дальнейших обязательств относиться к нему с личным уважением. И все же я не собираюсь пользоваться этим освобождением. Однако при наших нынешних отношениях я чувствую себя вправе выражаться достаточно просто.

1. Позвольте мне сначала сослаться на искажение мистером Вебстером простого факта. Заявляя, что цитирую из своей речи от 7 марта отрывок, по поводу которого я выступил с критикой, он изменяет отрывок таким образом, чтобы избежать критики, а затем осуждает меня за то, что я это сделал. Первоначальный отрывок из его речи гласил следующее: “Я бы не стал прилагать усилий к тому, чтобы заново утвердить закон Природы или исполнить волю Бога”. Это было то чувство, которое я критиковал. В этих словах это фигурирует в *"Нэшнл интеллидженсер"*, в *"Вашингтон Юнион"*, в *"Республике"*, в *"Глоуб"*, а также в издании брошюры с его речью, которую он посвятил народу Массачусетса. Но в письме Кеннебека, чтобы ускользнуть от моей критики, он вставил в предложение слово, которое полностью меняет его значение. Подтверждая, что он цитирует самого себя, он говорит: “Я бы не стал НАПРАСНО прилагать усилия, чтобы заново утвердить законы Природы или воспроизвести волю Бога”. Вставляя слово, которое я подчеркнул, он меняет весь характер высказанного чувства. Как уже было сказано, никто не может с этим не согласиться; ибо кто стал бы заявлять в четком предложении, что он будет *бесполезно* делать что-либо? Но, как было первоначально заявлено, никто не может согласиться с этим. Это изменение его формулировки после моей критики не только несправедливо по отношению ко мне, но и содержит скрытое признание в том, что он знал, что был неправ, но считал это тайное изменение своей доктрины меньшим злом, чем откровенное признание своей ошибки. Если бы он действительно процитировал первоначальное ложное утверждение, мир увидел бы, что я был прав; но в своей дилемме он ложно вставил истинное мнение, не только для того, чтобы избежать силы моей критики в его адрес, но и для того, чтобы создать повод для необоснованного обвинения меня.

Я не возьмусь определять или описывать подобный процесс своими словами. Но мне может быть позволено, не проявляя невежливости, использовать высказанное им самим мнение и предоставить его применение автору. Именно в этой связи м-р Вебстер делает следующее замечание: “Я не знаю страсти, более подходящей дьяволам, чем страсть к грубому искажению фактов и клевете”. Может ли какой-либо смертный указать на более грубый пример “грубого искажения фактов и клеветы”, чем когда одна из сторон публичной дискуссии высказала неприятное чувство, и когда это чувство встретило всеобщее осуждение, и когда в ходе обсуждения виновная сторона заявляет, что переформулировала дело, что затем он должен опровергнуть ложное чувство, которое он первоначально выдвинул, и когда это чувство вызывает всеобщее осуждение. навязать вместо него что-то банальное, затем применить критику подавленного чувства к фальсифицированному и продолжить осуждать своего критика за “бессмыслицу” или “нечестность”? Разве это не такой же очевидный случай изменения, как изменение даты вручения, чтобы отменить срок исковой давности, или стереть описание помещения в акте купли-продажи и заменить его более ценным имуществом? Это

разбирательство хуже, если это возможно, чем прежнее “искажение и клевета” на мои аргументы и на меня самого, содержащиеся в письме из Ньюберипорта. Но эта тема болезненна, и я оставляю ее.

2. Продолжая свою атаку на меня, мистер Вебстер продолжает говорить:

“В классические времена существовала группа маленьких, но жадных критиков, именуемых *captatores verborum*, которые хватались за определенные выражения; тратили свои силы на *разделенную мембрану* языка; хищные птицы, которые охотились на слова и слоги и насыщались отбросами фраз, кромсали, вывихивали и разрывали на части самих себя, как плоть и конечности когтями нечистых птиц”.

Могу ли я со всем уважением спросить мистера Вебстера, на основании какого источника он утверждает, что “в классические времена” существовала какая-либо “группа” “маленьких, но алчных критиков”, о которых он здесь говорит — или приводит примеры? По своему невежеству я всегда предполагал, что “*похититель*” классических времен был своего рода “гением”, полной противоположностью тому, что описывает мистер Вебстер. Гораций, Ювенал и Ливий представляют его как эгоистичного, льстивого искателя подарков или охотника за приданым; а не как хитреца, мучителя или даже переводчика слов и фраз. Если *captator* означало придирчивый, циничный критик, то *captatrix* должна была означать ругань, лисицу или вираго; но его истинное значение было “льстивый сплетник” или “подлый льстец”.

Не могло быть большей ошибки, чем то, что старые *капитаторы* “тратили свои силы на *расчлененную мембрану* языка” или “объедались отбросами фраз, искромсанных, вывихнутых и разорванных на части в одиночку”. Напротив, они были “нежны, как сосущие голубки”. Сопровождающими словами, описывающими “*captator*”, были не *torve*, *ringi* и так далее, а *collide*, *blande* или *blandicula*. В них не было ничего похожего на гарпию, как, по-видимому, полагает мистер Вебстер в этом своем замечательном описании, которое столь же риторически неприятно, сколь и классически не соответствует действительности.

Поскольку в классические времена не существовало никакого “набора” критиков, именуемых и известных как *captatores verborum*, я сомневаюсь, что даже абстрактное существительное “*captatio*” встречается полдюжины раз во всех классических произведениях в связи с родительным падежом его предполагаемого наименования. Вряд ли он мог совершить большую или более нелепую ошибку. После многочисленных примеров плохой логики, плохой человечности и плохих открытий естественного права мистера Вебстера, которые мы недавно получили, крайне прискорбно, что теперь он оскорбляет классический вкус страны и дискредитирует колледжи Новой Англии своей плохой латынью. Весь этот антиклассический абзац о “*разделении мембраны*”, и “измельчении”, и “обжорстве”, и “нечистоте” - это его собственная нечистая концепция; не чистое, а нечистое изобретение, и по своему происхождению оно кажется скорее эпигастральным, чем интеллектуальным. [12]

3. Теперь я приведу пару примеров географических ошибок мистера Вебстера и его ложных ссылок на авторитетные источники. Тогда будет видно, что его географические утверждения достойны того, чтобы быть помещенными рядом с его классическими работами. В том же письме он говорит, что протяженность Нью-Мексико, к северу и югу, по линии Рио-Гранде, “вряд ли может быть меньше тысячи миль”. Это составляет немногим более *четырнадцати* градусов широты. Теперь, поскольку его северная граница проходит по 42 °, его южная граница

должна быть всего лишь 28 °. Это на *четыре* градуса ниже температуры Эль-Пасо-дель-Норте. Тем не менее, мистер Вебстер 13 июня прошлого года заявил, что выступает за установление северной границы Техаса в Эль-Пасо или около него и более чем на четыре градуса широты севернее того, что, по его словам, является южной границей Нью-Мексико. Он также поддержал ту часть компромиссного законопроекта, в которой предлагается выделить Техасу не только эти четыре градуса широты, но и миллионы денег за то, чтобы забрать то, что, как он теперь говорит, принадлежит Нью-Мексико и Соединенным Штатам. Как эти взгляды могут сочетаться?

В своей речи от 7 марта мистер Вебстер заявил о естественной невозможности существования африканского рабства “в Калифорнии или Нью-Мексико”. (стр. 42.) Теперь он определяет южную границу Нью-Мексико. Это вряд ли может быть меньше, говорит он, чем “тысяча миль” от сорок второго градуса северной широты. Таким образом, это на четыре градуса южнее Эль-Пасо. Он выступает за ту часть законопроекта, которая дает эти четыре степени Техасу. Поэтому, по его словам, если Техас получит во владение эти четыре степени того, что сейчас является территорией Нью-Мексико, рабство будет существовать вплоть до старой южной границы Нью-Мексико в силу законов Техаса, но за этой линией, хотя и в пределах Техаса, оно не будет существовать, потому что запрещено “волей Божьей”. Следовательно, будет продемонстрировано экстраординарное зрелище существования рабства, распространяющегося на южную сторону воображаемой линии по законам Техаса, в то время как на северной стороне указанной воображаемой линии его существование будет полностью прекращено “волей Божьей”, хотя обе стороны находятся в пределах одной политической юрисдикции. Это будет чудом, по сравнению с которым предполагаемое чудесное сохранение еврейских черт и цвета лица в течение двух тысяч лет будет недостойно упоминания. Однако еще неизвестно, будет ли это чудо даровано мистеру Вебстеру в качестве доказательства божественной милости.

5 июня мистер Вебстер проголосовал против включения “Оговорки” в правительства Нью-Мексико и Юты, потому что рабство там уже было запрещено “азиатскими пейзажами” и законом “физической географии”. На следующий день он также проголосовал против следующей поправки, предложенной мистером Уокером: “И что рабство пеонов навсегда отменяется и запрещается”. Проголосовал ли он так потому, что этот вид рабства (который является существующим институтом в настоящее время) был запрещен “пейзажем” и “географией”, не сообщается.

Но 17 июня мистер Вебстер в Сенате предложил уточнить свою доктрину, изложенную 7 марта, а именно, что “каждый фут территории Соединенных Штатов имеет фиксированный характер рабства”. Неопределенность относительно линии границы между Нью-Мексико и Техасом послужила основанием для такой квалификации. “Позвольте мне сказать джентльменам, ” сказал мистер Уэбстер, “ что если какая-либо часть, которую они или я не считаем Техасом, должна рассматриваться как становящаяся Техасом, то, пока что, эта квалификация моего замечания применима”. (*Конгресс. Globe*, 31-й конгресс, 1-я сессия, стр. 1239.) То есть, если компромиссный законопроект установит границу между Нью-Мексико и Техасом таким образом, что “любая часть [Нью-Мексико], которую они или я [другие джентльмены или мистер Вебстер] не считаем Техасом, должна рассматриваться как становящаяся Техасом”, тогда как

территория Техаса, она может потерять свой “фиксированный характер” и стать территорией рабов, несмотря на “законы природы” и “волю Божью”, утверждающую обратное. Но, как ни странно, в тот же день, 17 июня, было написано письмо Кеннебека, в котором южная граница Мексики проходит по восточной стороне Рио-Гранде, на четыре градуса ниже Эль-Пасо, и, конечно же, включает весь этот регион в пределах Нью-Мексико, и, следовательно, в рамках “закона природы” и “воли Божьей”! Так что, в конце концов, он признает, что “законы природы” и “воля Божья”, как он их излагает, могут быть отменены законами Техаса; с этой точки зрения он, несомненно, прав.

Но его ссылка на авторитетные источники является одной из самых удивительных из всех его отклонений от фактов. Сначала он цитирует майора Гейнса, который, по его словам, “пересек часть этой страны во время мексиканской войны”. Под “этой страной”, я полагаю, он имеет в виду Нью-Мексико. Если он не имеет в виду Нью-Мексико, то цитата не имеет отношения к теме. Если он имеет в виду Нью-Мексико, то он утверждает то, что не соответствует действительности. Майор Гейнс во время войны не приближался к Нью-Мексико ближе чем на четыреста или пятьсот миль; и если его цитата была призвана создать впечатление, что в том, что сказал майор Гейнс, он имел в виду Нью-Мексико, это было самое грубое навязывание, какое только могло быть сделано.

Следующая цитата взята из полковника Хардина. Взяты два предложения. Я переписываю первое, выделенное курсивом мистера Вебстера.

“Вся страна находится в плачевном состоянии; в крупных районах вообще нет воды. Ручьи маленькие и находятся на большом расстоянии друг от друга. Однажды мы прошли маршем по дороге из Монкловы в Паррас, тридцать пять миль, без воды; довольно тяжелый дневной переход для пехоты”.

И какую страну это описывает?

“От Монкловы до Парраса тридцать пять миль”! говорит полковник Хардин. А где Монклова? Далеко на юге, в Коауиле, в сотнях миль от любой части Нью-Мексико.

Я представляю следующие записки, одну от полковника полка, в котором мистер Гейнс был майором; а другую от майора полка, полковником которого был мистер Хардин. Оба письма от джентльменов, которые в настоящее время являются членами Конгресса.

Палата представителей, 27 июня 1850 г.

Сэр, В ответ на вашу записку от этой даты я заявляю, что майор Гейнс во время мексиканской войны не проезжал ни по одной части Нью-Мексико. Майор Гейнс вступил в Мексику у Камарго, на Рио-Гранде; участвовал в бою близ Сальтильо, пока не был схвачен и доставлен в город Мехико; оттуда он вернулся в Соединенные Штаты через Веракрус.

Я, сэр, с большим уважением и т. Д.,

ХАМФРИ МАРШАЛЛ.

P.S. В ответ на ваш устный запрос, был ли полковник Хардин в Нью-Мексико, я заявляю, что полковник Хардин был прикреплен к командованию генерала Вула и перешел из Сан-Антонио-де-Бексар через Президио Рио-Гранде, Монклову и Паррас в Сальтильо; так что он не входил в Нью-Мексико.

Х. М.

Достопочтенный Х. Манн.

Палата представителей, 28 июня 1850 г.

Достопочтенный Х. Манн. Сэр, В ответ на ваше сообщение об этой дате, я имею честь сообщить, что я был офицером первого полка добровольцев Иллинойса, которым командовал полковник Дж.Дж. Хардин, во время мексиканской войны, и что в то время, когда полковник Хардин командовал полком, его не было в Нью-Мексико. Его ближайшим пунктом к Нью-Мексико была Монклова или Паррас, до которых было несколько сотен миль. По моему мнению, полковник Хардин никогда не был в Нью-Мексико; его уж точно не было в этой стране во время мексиканской войны.

С уважением,

У. А. РИЧАРДСОН.

Теперь, какое возможное оправдание можно предложить этим вводящим в заблуждение цитатам? Какую информацию можно было бы получить о почве долины Дженези в Нью-Йорке, доказав состояние песков Кейп-Кода?

Далее мистер Вебстер во второй раз цитирует письмо Хью Н. Смита, эсквайра. Это письмо, взятое само по себе, сделало бы, по мнению мистера Смита, маловероятным, что рабство проникнет в Нью-Мексико; но оно никоим образом не доказывает физической невозможности его существования там. Но какие другие формулировки использовал мистер Смит с тех пор в своем обращении к своим избирателям в самом Нью-Мексико? Я процитирую несколько отрывков из этого обращения, чтобы показать его общий ход и намерение.

“Вашему штату [Нью-Мексико] угрожает расчленение и, что еще более фатально, введение рабства в его недрах”. (стр. 1.)

“Самая грозная часть этой комбинации против вас - это то, что исходит из интересов рабовладельцев. Это не только спланирует против вас весь рабовладельческий юг, но и все влияние эгоистичных, продажных и амбициозных людей на севере, стремящихся к спекуляциям дискредитированными облигациями и захвату земли, или к политическим почестям, которые может обещать объединенное голосование юга”. (стр. 2.)

“Доктрина рабовладельческих штатов в отношении их внутренних институтов заключается в невмешательстве; но что касается вашей, то это немедленное вмешательство, сводящее на нет запрет рабства, который вы принесли с собой в Союз” и с. 1b.

“Я сам уроженец секции [мистер Смит - кентуккиец], о судьбе которой я сожалею, и если бы мой долг не требовал, я был бы последним, кто обратился бы к болезни, которая отнимает у нее жизнь.... Планы тех, кто хотел бы связать вас с судьбой рабовладельческих штатов, делают необходимым исключение вашего представителя из залов Конгресса”. (стр. 3.)

“Вы остаетесь ниц из-за того, что Техас может расчленить и разделить Нью-Мексико и подчинить ее влиянию юга; что негритянское рабство может быть введено на остатках территории, которые, возможно, не будут переданы Техасу; и, наконец, что регион, таким образом закрепленный за политикой юга, может стать основой для новых завоеваний Мексики.” (стр. 4). [Эти выделены курсивом мистера Смита.]

“Первым шагом в этом процессе является замена основных муниципальных институтов, которые Нью-Мексико принесла с собой в Союз, правительством территории, которое, опуская запрет на рабство в законе о Конгрессе, не оставляя в силе то, что содержится в кодексе Мексики, и не позволяя населению территории принимать законы по вопросу рабства и повторно вводить в действие запрещающую статью, несомненно, отменит все меры защиты от этого института; и, действительно, более эффективное законодательство о распространении рабства на Нью-Мексико не могло быть принято ”. (стр. 5.)

“Теперь, когда добыча полезных ископаемых превратилась в манию, все силы юга объединились бы, чтобы создать огромную колонию рабов в Нью-Мексико. Следствием этого было бы уравнивание всего населения Нью-Мексико в правах с новой кастой, вызванной к конкуренции; и вы, мои мексиканские сограждане, которые обрабатывают свою землю собственными руками, были бы вынуждены покинуть свою страну или лишиться статуса свободных людей, утратив свои надежды подняться на новую высоту, обещанную вашим союзом с великой североамериканской республикой, и жить только для того, чтобы наблюдать крушение всего, что делает жизнь желанной ”.

Вот что говорит мистер Смит, когда пишет домой своему народу, который знает все о своей стране и об опасности захвата ее рабством.

Теперь пусть читатель предположит, что он сам прочитал из выступления мистера Смита нечто подобное приведенному выше, а затем скажет, насколько его доказательства подтверждают открытие мистера Вебстера о том, что рабство никогда не распространится в Нью-Мексико. Выступление мистера Смита публиковалось в течение двух месяцев; оно было на столах членов клуба, опубликовано и цитируется в газетах, и все же мистер Вебстер продолжает ссылаться на мистера Смита как на свидетеля в свою пользу. Какие факторы были использованы, чтобы побудить мистера Смита умолчать в письме мистеру Вебстеру о фактах и взглядах, которые он так ясно изложил в письме своим избирателям?

Следующая и последняя цитата взята от офицера из Санта-Фе. Имя не приводится. Мы не осведомлены ни о характере автора, ни о его способах получения информации; и если этот авторитет столь же ошибочен и вводит в заблуждение, как и предыдущий, это гораздо хуже, чем ничего. Это было бы похоже на свидетельские показания, которые иногда даются в суде, что разрушает дело и бесчестит адвоката.

4. В своем письме Кеннебеку мистер Вебстер говорит: “Я усердно изучал географию Нью-Мексико, прочитав все, что смог найти в печати, и расспросил многих интеллигентных людей, которые были в этой стране, пересекли ее и познакомились с ней”. Он излагает свои знания таким уверенным тоном, чтобы его впечатления в пользу *естественного* запрета рабства были восприняты легче. Согласно этому заявлению, он, должно быть, читал письма мистера Джеймса С. Калхуна, индийского агента в Санта-Фе, переданные Конгрессу президентом 23 января прошлого года. Говоря о навахо, племени из 7000 индейцев, в пределах того, что предлагается включить в Нью-Мексико, м-р Кэлхун говорит, что это “не редкий случай, когда у одного человека есть от 5000 до 10000 овец и от 400 до 500 голов другого скота” (стр. 184;) и что их страна “богата своими долинами, хлебными полями, овощами и персиковыми садами”. (стр. 199.) “Мы разбили лагерь, “ говорит он, - возле обширных кукурузных полей, принадлежащих навахо” (стр. 197). Их “почва легка в обработке и способна прокормить почти столько же миллионов жителей, сколько у них тысяч”. (стр. 202.) Взгляните на это: страна, принадлежащая одному племени, способному, по словам мистера Кэлхуна, прокормить почти 7 000 000 жителей, и все же, как утверждает мистер Вебстер, недоступная для рабства из-за своего бесплодия!

Говоря об индейцах (пуэбло) на Рио-Гранде, мистер Кэлхун говорит: “Эти люди могут выращивать огромное количество кукурузы и пшеницы и иметь большие стада овец и коз. Пастбища для крупного рогатого скота в целом превосходны”. (стр. 206.) Что касается более западных пуэбло, то, по его словам, они имеют “площадь страны почти в четыреста квадратных миль”; — более чем в двадцать раз больше Массачусетса; — “у них есть богатые долины для возделывания, они выращивают большое количество кукурузы и пшеницы и разводят огромные стада лошадей, мулов, овец и козлов, и все это можно значительно увеличить, должным образом стимулируя их трудолюбие и обучая их сельскому хозяйству”. (стр. 215.)

Я мог бы привести гораздо больше из того же источника с той же целью; но я ссылаюсь на мистера Кэлхуна не столько для того, чтобы показать сельскохозяйственные возможности Нью-Мексико, сколько для того, чтобы спросить, почему мистер Вебстер не процитировал эту недавнюю официальную работу, которая месяцами лежала на столах членов комиссии, вместо того, чтобы цитировать описания военных офицеров о стране, которую, как он хорошо знал, они никогда не видели?

Есть веские основания полагать, что между Сьерра-де-лос-Мимбрес и Сьерра-Невадой, на востоке и западе, между 32-м и 35-м градусами широты, лежат обширные участки плодородной земли. Воды в устье реки не дают никаких сомнений в том, из какой страны они вытекают. Если объем воды велик, мы знаем, что она должна осушать обширную область, поскольку воды большой реки не могут поступать с узкой поверхности. Так что, если вода мутная, как, говорят, в случае с рекой Колорадо, это доказательство того, что она протекает по мелководной местности. Но как бы то ни было, все источники сходятся в том, что Нью-Мексико богат рудниками; а рудники - излюбленная сфера рабства, как океан - для торговли.

В своей последней речи в Сенате мистер Дэвис из Массачусетса сказал, что, как бы там ни было в отношении использования рабов в Нью—Мексико для выращивания кукурузы или хлопка, все же есть одна цель, к которой они могут быть применены, -самая отвратительная из всех целей, — выращивать урожай самим. Из этого “Южного Улья” рынки Техаса и Луизианы могли бы снабжаться “живыми” культурами человеческих существ. Мистеру Вебстеру придется

изобрести какой-нибудь новый "физический" закон, отвечающий этому проницательному предложению его коллеги. "Азиатские пейзажи" вряд ли соответствуют его цели здесь.

Со ссылкой на авторитет Гумбольдта утверждается, что в пределах предполагаемой территории Нью-Мексико когда-то проживал могущественный и сравнительно цивилизованный народ ацтеки. Может ли кто-нибудь хоть на мгновение поверить, что ацтеки когда-либо достигли богатства и могущества в таком стерильном и пустынном регионе, как это изображено в "прилежном чтении" мистера Вебстера?

Но что должно удовлетворить каждого человека, чья слепота связана не с душой, а скорее с чувствами, так это тот факт, что народ Нью-Мексико в конституции, которую они только что приняли, закрепил запрет рабства в своем основном законе. Если бы рабство было запрещено там каким-либо "азиатским пейзажем" или каким-либо "законом физической географии", кто мог бы знать это лучше, чем они? Среди них и раньше было рабство, и поэтому они знают, что оно может вторгнуться в них снова, и поэтому они запрещают это; и при выборе сенаторов в Конгресс в рамках новой организации, если какой-либо кандидат выдвинет причуду, фантазию, обмолвку, что рабство *может* существовать среди них, они, несомненно, сочтут его менее подходящим для Сената Соединенных Штатов, чем для санитарной обработки.

Каковы же тогда доказательства по вопросу о том, являются ли "Калифорния и Нью-Мексико" из-за их геологии, географии или азиатского пейзажа недоступными для вторжения рабства? Хорошо известно, что война с Мексикой была спровоцирована и насильственно обрушилась на страну с целью расширения владений и власти рабства. Ведя переговоры об уступке Калифорнии и Нью-Мексико, мексиканские комиссары стремились включить в договор запрет на рабство. Это демонстрирует, что они думали, что рабство там может существовать. Наш министр заявил, что он не согласится ни на одно такое условие, даже если они покроют всю землю золотом толщиной в фут. Это показывает упорство, с которым администрация мистера Полка и все его друзья-южане придерживались своей первоначальной цели получения новой территории для порабощения. Ввиду этого Палата представителей снова и снова голосовала за применение этого положения к любой территории, которая должна быть получена. Когда договор был ратифицирован, многие ведущие сенаторы проголосовали против пункта о приобретении, предвидя нынешние разногласия и надеясь предотвратить их. Даже после ратификации договора ведущие южные виги в Палате представителей проголосовали против выплаты первого взноса в соответствии с ним, все еще цепляясь за надежду, что территория может быть возвращена Мексике, и эта причина разногласий будет устранена. В течение всего этого периода четырнадцать законодательных собраний севера, многие из которых снова и снова голосовали за то, чтобы это положение было применено. Нынешнее шестимесячное противостояние в Сенате и Палате представителей между севером и югом проводится исключительно на основе убеждения, что рабство *может* существовать на территориях; и что оно будет или не будет существовать там, в зависимости от того, разрешает или запрещает это закон. В противном случае это была бы самая бессмысленная и бессмысленная дискуссия, когда-либо проводившаяся в сумасшедшем доме. Однажды разъясните это так же ясно, как любой закон физической природы, что рабство никогда не может выйти за пределы новых территорий, и нет человека настолько безумного, чтобы он больше не боролся ни за это условие, ни против него. Мистер Вебстер всегда придерживался того же мнения и заявлял об этом сто раз. В своей речи в Маршфилде 1 сентября 1848 года он сказал: "Он [генерал Касс], несомненно, получит Сенат, и при покровительстве правительства, с учетом всех интересов,

которые он, как северянин, может реализовать, сотрудничая со всеми интересами, которые может реализовать юг, мы просим о безопасности, прежде чем выберемся из леса, *если мы чувствуем, что на этих новых территориях нет опасности* [рабства]”. Затем, вплоть до 7 марта 1850 года, когда он отказался от всех доктрин и настроений, которые он когда-либо отстаивал по этому вопросу, и когда он заслужил публичное, сердечное одобрение и похвалы мистера Кэлхуна своей моральной ловкостью, одним прыжком перескочив из Массачусетса в Южную Каролину; — до этого времени мистер Вебстер всегда считал, что рабство вторгнется на новые территории, если не запретить ему въезд на них позитивным законом. И что было бы еще более примечательным, если бы в доктринах речи от 7 марта была хоть тень здравости, так это то, что они были представлены публике более четырех месяцев назад, и, насколько я знаю, ни один южанин не был обращен ими. Разве мистер Бентон, мистер Мейсон, полковник Дэвис и тысячи других, по отдельности, не такие же хорошие судьи или свидетели, как и он? После выступления народ Нью-Мексико запретил рабство в своей конституции, потому что они знали, что оно возможно среди них. До выступления Калифорния сделала то же самое и по той же причине. Нэшвиллская конвенция только что постановила, “Что Калифорния особенно приспособлена для рабского труда, и что если бы владение собственностью рабов было закреплено признанием такого рода в этой части страны к югу от 36 ° 30, это за короткое время образовало бы один или несколько рабовладельческих штатов, увеличивающих число и мощь уже существующих”. Даже те, кто стремится извиниться за мистера Вебстера, в то же время признают свое неверие в его доктрину. Таковы свидетельства, как с одной, так и с другой стороны, относительно возможности или невозможности рабства на этих территориях. Мистер Вебстер против всего мира, и весь мир против него, и это тоже по вопросу, уже решенному историей и опытом. Ему можно верить так же, как человеку, который смотрит в чистое полуночное небо и отрицает существование небесного воинства, в то время как все звезды небосвода светят ему в глаза.

Чтобы усилить неопровержимые доказательства против мистера Вебстера, я добавляю следующее:—

Палата представителей, 1 июня 1850 г.

Достопочтенный С. Р. Терстон, делегат от штата Орегон.

Уважаемый сэр, Насколько я понял, в речи, произнесенной вами в Палате представителей в марте прошлого года, вы сказали, что были в долине Большого Соленого озера и что из личных наблюдений вы ознакомились со значительной частью территории Калифорнии. Не будете ли вы так добры высказать мне свое мнение и причины для его принятия относительно вероятности или невероятности внедрения рабского труда в любой части территории, недавно приобретенной Соединенными Штатами у Мексики; при условии, что такое внедрение не будет запрещено законом.

Я хотел бы узнать ваше мнение относительно других видов труда, а также сельскохозяйственного; потому что, как мне кажется, была предпринята крайне неоправданная, если не самая лицемерная попытка заставить общественность поверить, что никакая форма рабского труда никогда не будет введена там, потому что, возможно, или вероятней всего, он не может быть введен для сельскохозяйственных целей.

Ответ при первой же возможности вас очень обяжет

Искренне ваш,
ГОРАЦИЙ МАНН.

Вашингтон, 10 июня 1850г.

Достопочтенный. Гораций Манн;

Несколько дней назад я получил от вас записку с определенными запросами, но до сих пор не смог ответить на них. Я не желаю принимать участия в вопросе, который сейчас разделяет страну; но поскольку вы спросили моего мнения по вопросу, который представляется спорным, я не могу, следуя закону вежливости, отказать вам в ответе. Этот ответ будет соответствовать тому, что я часто говорил ранее в частных беседах с джентльменами на эту тему.

Вопрос, по-видимому, заключается в том, можно ли с прибылью использовать рабский труд в Орегоне, Калифорнии, Юте и Нью-Мексико. Если природа климата и ресурсов этих стран таковы, что создают прибыльный рынок для рабского труда, то, по-видимому, все стороны признают, что он был бы введен, если бы ему предоставили свободу искать прибыльные инвестиции, как и другому капиталу. Таким образом, весь рассматриваемый вопрос зависит, как это представляется, от определения первой точки исследования. Следовательно, только этим пунктом мне необходимо ограничить свой ответ.

Мне нет нужды напоминать вам о законе, регулирующем вложение капитала. Он всегда будет направлен туда, где при любых обстоятельствах принесет владельцу наибольшую отдачу. Исходя из этого принципа, я совершенно ясно заявляю, что рабский труд, если его не ограничивать, мог бы применяться в Орегоне с прибылью для владельца раба по меньшей мере вдвое большей, чем сейчас он приносит в любом штате Союза. Я не осведомлен об обычной цене рабского труда в штатах, но цена, которую платили индейцам в Орегоне за рабочую силу в течение прошлого года, колебалась от двух до трех долларов в день. Домашняя прислуга-негритянка, будь то мужчина или женщина, разбирающиеся в домашней работе, с *готовностью* получали бы пятьсот-шестьсот долларов в год. Я хорошо помню, что на борту судна, на котором я плыл из Орегона в Сан-Франциско, был мулат, которому платили *сто* восемьдесят долларов в месяц за его услуги повара. Я не буду останавливаться на дальнейших подробностях в отношении стимулов, которые Орегон мог бы предложить неограниченному рабскому труду, а просто добавлю, что в настоящее время в Орегоне может быть занято очень большое количество рабов за годовую заработную плату, достаточно большую, чтобы выкупить свою свободу. Поэтому я думаю, что в отношении штата Орегон этот вопрос решен, и что рабский труд, если бы ему была предоставлена возможность свободно искать прибыльную работу, легко нашел бы дорогу на эту территорию.

Что касается Калифорнии, то я столь же ясен. Калифорния всегда будет горнодобывающей страной, и заработная плата будет высокой. В настоящее время рабский труд в Калифорнии был бы более прибыльным, чем в Орегоне. И я всегда придерживался мнения, что везде, где есть

горнодобывающая страна, если не в климате, неблагоприятном для рабского труда, этот вид труда был бы прибыльным. Очевидно, что это будет на калифорнийских рудниках. Хороший трудоспособный раб в Калифорнии за последний год заработал бы от восьмисот до десяти сотен долларов в год. Если вспомнить, что в среднем сто долларов в год считается хорошей компенсацией за их труд в Южных Штатах, то, на мой взгляд, бессмысленно утверждать, что рабов не вывозили бы на калифорнийский рынок, если бы они были защищены законом.

Величайшее препятствие, с которым приходится сталкиваться белым рабочим на шахтах, - это сильная жара и распространенность желчных заболеваний. Первое почти невыносимо, в то время как другое губительно. Против обоих этих явлений негр почти беззащитен. Теперь, когда рабочая сила белых так высока, очевидно, что никто не может нанять белого рабочего, кроме как по ставке, которая поглотит его прибыль. С рабочей силой негров дело обстоит иначе. Этот вид труда можно было бы получить за половину суммы, которую вам пришлось бы заплатить за труд белых. Результатом была бы прибыль как для нанимателя, так и для продавца рабского труда. По моему мнению, нет никаких сомнений в том, что в Калифорнии можно было бы нанять почти любое количество рабов, если бы белые согласились на это, за сумму от восьмисот до десяти сотен долларов в год. Это плата настолько выше, чем за их услуги в штатах, что, чтобы удовлетворить любого, кто мог бы защитить этот вид услуг в Калифорнии, он устремился бы в Тихий океан практически в любом количестве.

Давайте теперь обратим наше внимание на Юту и Нью-Мексико. Исходя из того, что я знаю об этих странах, я не сомневаюсь, что они окажутся заполнены богатейшими рудниками. Я вырезаю следующее из недавней газеты, содержащей новости из Техаса и Чиуауа:—

“Майор Соседи и мистер Ли Вайнинг сообщили мистеру Джеймсу, что майор Стейн показал им немного золота, добытого его войсками на реке Гила, во время короткой экскурсии к этому ручью.

“Сообщается, что на медных рудниках над Эль-Пасо на земле залегают около ста тонн чистой меди. Его достали мексиканцы и бросили, когда на него напали индейцы.

“В Эль-Пасо в руках разных лиц находится несколько крупных партий серебряной руды, добытой на рудниках в этом районе. С гарантиями прав собственности на земли и защитой от индейцев прошло бы совсем немного времени, прежде чем все эти рудники были бы хорошо отработаны, и у нас было бы большое количество металла, ищущего рынок сбыта через это место”.

И если вы обратитесь к карте Фремонта, напечатанной по распоряжению Сената в 1848 году, вы обнаружите, что недалеко от истока одного из рукавов реки Гила заложены “медные и золотые рудники”. И если я не сильно ошибаюсь, то окажется, что мормоны владеют самыми богатыми рудниками к востоку от Сьерра-Невады. Известно также, что в Нью-Мексико на протяжении многих лет разрабатывались серебряные и медные рудники; и Хью Н. Смит, эсквайр, сообщил мне, что на этой территории есть золотые, серебряные, медные, свинцовые и цинковые рудники самого высокого качества, и что причина, по которой в последнее время их не разрабатывали более широко, заключается в том, что этому помешали вторжения индейцев. Он придерживается мнения, и оно подтверждается той историей, которую мы можем получить по этому вопросу, что, когда эти рудники будут разведаны, их богатство окажется огромным. Когда

вы однажды окинете взглядом страну, лежащую к западу от Скалистых гор и к востоку от Сьерра-Невады, и узнаете об особенностях золотоносного региона, вы сразу же убедитесь, что Соединенные Штаты обладают такими огромными минеральными богатствами, что века не смогут измерить их масштабы. И когда эти рудники начнут разрабатывать и станет известно об их неоспоримом богатстве, население пойдет по этому пути, что повлечет за собой обычные последствия, высокие цены и спрос на рабочую силу. Если рабский труд подобен другому капиталу, если он будет направлен туда, где за него лучше всего платят, тогда мы имеем право сказать, что он будет стремиться к этим рудникам и станет частью производственного капитала страны, где расположены эти рудники. То, что целые эти регионы заполнены богатыми рудниками, немногим менее чем несомненно, и то, что их можно с прибылью обрабатывать рабским трудом, несомненно. Следовательно, если бы я был южанином и мое имущество было вложено в рабов, я бы счел рынки Нью-Мексико, Юты и Калифорнии для рабского труда достойными почетного состязания.

Я, сэр, с должным уважением, искренне ваш,
СЭМЮЭЛ Р. ТЕРСТОН.

5. В письме Кеннебека есть еще один весьма необычный и дискредитирующий отрывок. Мистер Вебстер цитирует речь, произнесенную им в Сенате 23 марта 1848 года, говорит, что она была опубликована в газетах и распространялась в виде брошюры, и что эта речь содержала те же доктрины в отношении “юридической конструкции и действия резолюций” о принятии Техаса, которые содержатся в речи от 7 марта. Он говорит, что тогда никто не жаловался, и он удивляется, что кто-то должен жаловаться сейчас.

Весьма примечательно, что такой человек, как мистер Уэбстер, приводит в самой цитате, которую он приводит, средство полного опровержения сделанного им утверждения. Я полагаю, это можно объяснить только тем, что сейчас он занимает позицию, настолько противоположную той, от которой отказался, что вряд ли может ссылаться на свои прежние взгляды без самобичевания и самоубеждения. Давайте поместим отрывки из двух речей рядом, чтобы показать не их идентичность, а их полную непримиримость.

23 марта 1848 года.

[Отрывок, процитированный им самим.]

“Отныне во власти Конгресса будет создать *четыре* других новых штата за пределами территории Техаса”.

7 марта 1850 года.

“Я хочу, чтобы сегодня было ясно понято, что, согласно моему взгляду на этот вопрос, это правительство *торжественно обязано законом и контрактом* создать новые штаты на территории Техаса” и т. Д. (стр. 42.)

Первая цитата лишь утверждает “власть” Конгресса создавать новые штаты; последняя подтверждает обязательство “по закону и контракту” делать это. Как мог мистер Вебстер ожидать, что такое широкое различие *междувластью и долгом*, между *возможностью* выбора и *обязательством*, ускользнет от внимания его читателей?

Но есть другое несоответствие, еще более примечательное:

23 марта 1848 года.

“Отныне во власти Конгресса будет создать *четыре* других новых штата за пределами территории Техаса”.

7 марта 1850 года.

“... гарантия состоит в том, что из него будут образованы новые штаты и что такие штаты, которые будут образованы из той части Техаса, лежащей южнее 36 ° 30, могут войти в число рабовладельческих штатов в количестве *четырех*, в дополнение к существующему на тот момент штату”. (стр. 29.)

В первой речи говорится о *власти* Конгресса, а в последней - о *обязательстве* Конгресса принимать новые штаты за пределами территории Техаса. В первом говорится о “четырех других новых штатах”, а в последнем - о “гарантии” принятия “РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ штатов в число четырех”. И все же первая речь, обращенная к мужчинам, умеющим читать и писать, цитируется как идентичная “по юридической конструкции и эффекту” последней. Девизом, под которым Дантон пытался пронести себя через свою кровавую карьеру, было: “*Одушевление, одушевление, крепче одушевления*”. “Дерзость, дерзость, всегда дерзость”.

Но что еще сказал мистер Вебстер в своей речи от 23 марта 1848 года? Ссылаясь на состоявшиеся в декабре 1845 года дебаты по заключительному акту о принятии Техаса, г—н Вебстер сказал: “И я добавил, что, хотя я с такой же верностью, как и любой гражданин страны, придерживался всех первоначальных договоренностей и компромиссов конституции, в соответствии с которой мы живем, я никогда не мог и никогда не должен был заставить себя выступить за прием каких-либо штатов в Союз в качестве рабовладельческих”.^[13] Это то, что, по сообщениям самого г-на Вебстера, сказал, когда окончательное голосование по приему Техаса должно было состояться немедленно. и когда он начал свою речь словами: “Я вполне осведомлен, господин президент, что резолюция будет принята”, - имея в виду резолюцию о приеме Техаса. Книга мистера Уэбстера “никогда не мог и никогда не должен был” касалась конкретного случая предполагавшихся в то время будущих рабовладельческих штатов, которые должны были образоваться из Техаса. Хотя в широте своих терминов он охватывал все рабовладельческие штаты, где бы они ни находились, он имел особое и целенаправленное применение к любому рабовладельческому штату, который впоследствии будет образован на территории Техаса.

В той же речи от 22 декабря 1845 года мистер Уэбстер говорил следующее:

“Можно сказать, что в соответствии с положениями конституции новые штаты должны приниматься на тех же условиях, что и старые штаты. Это может быть и так; но из этого положения вовсе не следует, что каждая территория или часть страны может по своему желанию установить рабство, а затем заявить, что мы станем частью Союза; и принесем с собой принципы, которые мы, возможно, таким образом приняли, и которые должны приниматься на тех же условиях, что и старые штаты. Всегда будет возникать вопрос, не имеют

ли старые штаты права (и я думаю, что у них есть самое очевидное право) требовать, чтобы государство, вступающее в Союз, достигло равенства; и, если существование рабства является препятствием для достижения равенства, тогда государство, предлагающее вступить, должно быть обязано устранить это неравенство путем отмены рабства или выбрать альтернативу исключения”.

В той же речи он также сказал: “Я согласен с единодушным мнением законодательного собрания Массачусетса”.

И каково же было это “единодушное мнение законодательного собрания Массачусетса”? Среди многих других, не менее решающих, решений законодательное собрание Массачусетса 26 марта 1845 года — и, конечно, спустя долгое время после принятия резолюций об аннексии — заявило следующее:

“И поскольку резолюцией, принятой 27 февраля прошлого года, исполнительному и законодательному департаментам правительства Соединенных Штатов было дано согласие на принятие предварительных мер для реализации этого гнусного проекта [принятие Техаса с условием исключить еще четыре штата из своей территории;] следовательно, пусть будет так

“Постановлено, что Массачусетс настоящим отказывается признавать акт правительства Соединенных Штатов, разрешающий прием Техаса, в качестве правового акта, каким-либо образом обязывающего его прилагать максимальные усилия в сотрудничестве с другими штатами, всеми законными и конституционными мерами, чтобы аннулировать его условия и помешать его выполнению.

“Решено, Что ни одна территория, отныне претендующая на вступление в Союз в качестве штата, не должна быть принята без условия о том, что домашнее рабство должно быть полностью искоренено в пределах ее границ, и Массачусетс отрицает действительность какого бы то ни было компромисса, который мог быть заключен или который может быть заключен впоследствии лицами в правительстве Союза, направленного на то, чтобы воспрепятствовать будущему применению такого условия народом, действующим через своих представителей в Конгрессе Соединенных Штатов”.

Таковы были мнения, которые мистер Уэбстер тогда открыто выразил, и таковы резолюции законодательного собрания Массачусетса, с которыми он полностью согласился. Тем не менее, теперь он заявляет, что удивляется, что какой-либо орган может увидеть какую-либо разницу между доктриной этих речей и резолюций и доктриной его речи, произнесенной 7 марта.^[14]

6. Ссылка на несколько других искажений фактов завершает мои замечания по этому вопросу.

Мистер Вебстер говорит, что перед написанием своего письма в Ньюберипорт он “тщательно запросил” членов Конгресса Новой Англии, чтобы выяснить, сколько арестов беглых рабов было произведено в их время; и он добавляет: “результат всего, что я могу узнать, таков: в штате Мэн никогда не производилось ареста предполагаемых рабов”.

Итак, два таких случая произошли в штате Мэн. Один произошел в восточной части штата, примерно в 1835 или 36 году. Другой случай произошел в Томастоне или около него, немного позже. В этом последнем случае беглец прибыл в Мэн на судне Thomaston, владельца которого впоследствии потребовали как скрывающегося от правосудия. Это требование послужило

поводом для длительной переписки, я думаю, не менее чем с тремя губернаторами штата Мэн. Эта переписка широко распространялась в газетах или на нее ссылались сами газеты, и вряд ли было возможно, чтобы мистер Вебстер ее не видел. С тех пор как было опубликовано письмо из Ньюберипорта, это искажение факта было замечено в газетах штата Мэн, однако никаких опровержений сделано не было. Искажение может быть распространено по всей стране без исправления его автором. Затем мистер Вебстер добавляет: “В Вермонте никогда не производился арест предполагаемого беглого раба”. Традиция и, как я полагаю, подлинная история противоречат здесь мистеру Вебстеру. “Члены Конгресса” из Вермонта утверждают, что предполагаемый беглец предстал перед судьей Харрингтоном из Вермонта в 1807 году, и когда его спросили, какие доказательства убедили бы его в том, что этот человек был рабом, он ответил: “Купчая от Всемогущего Бога”.

Но даже если бы все эти заявления мистера Вебстера относительно штатов Новой Англии были правдой, это ничего бы ему не дало; ибо с точки зрения патриотизма не имеет значения, где производятся такие изъятия. Я ссылаюсь на это только для того, чтобы показать, что на мистера Вебстера нельзя полагаться в этих вопросах ни в отношении точности его первоначальных позиций, ни в отношении их опровержения, когда на их ошибку указывает публичная пресса. Я не хочу, чтобы меня *поэтому конкретному пункту* поняли как то, что я вменяю мистеру Вебстеру намеренное искажение фактов; потому что он сопровождал свое первоначальное заявление залпом. Он признался — и он имеет право в полной мере воспользоваться этим признанием, — что его информация, возможно, не была “полностью точной”, хотя он и предположил, что она не была “существенно ошибочной”. Это “существенная ошибка”; и хотя в газетах штата Мэн была обнаружена одна ошибка, он не исправляет ее. Возможно, он этого не знает.

Обвиняя Массачусетс в “растущем рвении к несправедливостям Пенсильвании”, мистер Вебстер пользуется поддержкой Общества друзей, и особенно “Друзей Пенсильвании”. Он говорит, что они остаются “в здравом уме и располагающей памяти”; и он противопоставляет их мудрость и хладнокровие “неистовым и пустым заявлениям, дикому и фантастическому поведению как мужчин, так и женщин, которые так долго тревожили и так сильно позорили содружество” Массачусетс. Затем он добавляет: “Я введен в заблуждение властью, которая не должна вводить в заблуждение, если это неправда, что это большое собрание [Друзей] одобряет чувства, которые я высказал в Сенате”. Теперь я покажу, что это предполагаемое одобрение Друзей, хотя и достойное любой цены, кроме правды, было куплено слишком дорогой ценой.

Хорошо известно, что “Друзья” делятся на две большие конфессии. У каждой есть свое периодическое издание, одно выпускается восьмой год, другое - четвертый. В номерах, опубликованных после появления Newburyport letter, оба этих периодических издания не “одобряют”, а отвергают и осуждают чувства, которые мистер Вебстер высказал “в зале заседаний Сената”.

The *Friend's Intelligencer* подробно разбирает “чувства” мистера Вебстера по поводу “Законопроекта о беглых рабах”; законодательства севера о защите своих граждан; его псевдо-открытий в области “физической географии”; и о “юридической конструкции и эффекте” резолюций Техаса; и осуждает их все.

The *Friend's Review* не менее положительно расходится с позицией мистера Вебстера; и оба строго призывают его к ответу за клевету на них самих, что подразумевается в его письме.

Что касается его “чувств” в отношении беглых рабов, “*Review*” отмечает, что им еще предстоит узнать, “была ли эта часть его речи одобрена кем-либо из членов или профессоров общества”.

Я хотел бы, чтобы у меня было достаточно места для цитирования этих замечательных статей, но вынужден воздержаться.

Джон Г. Уиттиер, эсквайр, выступая от имени квакеров Новой Англии, дает “категорическое опровержение” заявлению мистера Вебстера. Я цитирую следующий его абзац:—

“Теперь мы беремся заявить, что нет ни одного члена Общества друзей, в свободных или рабовладельческих штатах, который, действуя в качестве магистрата или гражданина, мог бы выполнить положения этого самого ужасного законопроекта, не подвергая себя немедленному изгнанию из общества, чей характер был бы опозорен, а дисциплина нарушена такими действиями. В прошлые времена несчастьем Общества друзей было то, что его поносили, изображали в карикатурах и в ложном свете; но мы помним, что ничто, даже в старые времена преследований, не было таким тяжелым, как комплименты сенатора от Массачусетса. Каким бы ни был его “авторитет”, мы без колебаний объявляем его безоговорочно ложным до последней степени”.

Теперь, что следует думать о деле, требующем такой серии измышлений, которые, как здесь доказано, совершил мистер Вебстер, или о человеке, который может это сделать!

Есть много других моментов, представленных речью мистера Вебстера от 7 марта или тем, что он с тех пор сказал и написал в ее защиту, которые кажутся мне столь же необоснованными фактически и столь же предосудительными в принципе, как и все вышеперечисленное. Я завершу эти заметки, однако, еще одним комментарием; оставляя за собой другие, хотя искренне надеюсь, что никогда не представится случая ими воспользоваться.

Среди оскорблений, которыми мистер Вебстер развлекал себя и своих новоиспеченных поклонников-южан, выступающих за рабство, 7 марта прошлого года он никого и вполнину не ободрал так глубоко и самодовольно, как своих старых коллег-сенаторов, господ Дж. Дикс из Нью-Йорка и Найлс из Коннектикута. Он забивал их до живой плоти, а затем успокаивал их жгучие раны купоросом и едкостью, как будто любил их. Их участие в техасской афере он сделал одиозно заметным. Он дразнил их пронзительными намеками на их принудительный уход из общественной жизни. А затем он изобразил их как занятых своим вынужденным отпуском в попытке поднять народ на спасение этих регионов от проклятия рабства, которое, если бы не их грехи, никогда бы не подверглось ему. Он изобразил сцену так наглядно, что все насмеялись над их жалким положением и над нелепым контрастом между быстротой их преступления и хромотой искупления. Эффект был драматичным. Сторонники рабства на галерее и в зале ответили взрывом смеха. И все же там были преданные и испытанные друзья мистера Уэбстера, которым никакая тьма слепоты не могла помешать увидеть, что его горький сарказм в адрес бывших сенаторов, хотя и рассчитанный на то, чтобы рассмешить “неумелых”, должен огорчить “рассудительных”. Они не могли не видеть, что он, сам мистер Уэбстер, в тот самый момент занимал точно такую же позицию в защиту рабства, какую г-н Уэбстер отстаивал. Дикс и Найлз

оккупировали Техас и “реанимировали” Калифорнию и Нью-Мексико. Он использовал все свои великие таланты, чтобы совершить поступок точно такого же характера, который совершили господа Дж. Дикс и Найлз сделали это, то есть открыли новую территорию для рабства. И, несомненно, первой мыслью, возникшей в умах многих, была та же самая меланхолия, которая спонтанно возникла в моем собственном, что если бы ему удалось оспорить или посмеяться над “Уилмотом”, как он дважды презрительно назвал великое условие свободы; и если бы он затем обратился к покаянию и молитве и годами усилий стремился удержать от рабства регионы, которые он обрек на это, он только поднял бы себя на ту самую “платформу”, на которой стоят господа Уилмоты, а не Я. Дикс и Найлз устояли, *когда он сделал их объектами своих насмешек!*

СНОСКИ:

[12] Приведенная выше критика латиноамериканства мистера Вебстера побудила многих мнимых ученых или, по крайней мере, неплохих знатоков латинской грамматики взяться за перо в его защиту. Но, к несчастью, иглы, которые они захватили, были вырваны не из римского орла, а из крыльев какой-то из тех “нечистых птиц”, с которыми их познакомил мистер Вебстер. Среди наиболее заметных защитников нелепой ошибки мистера Вебстера был профессор Фелтон из Гарвардского колледжа. Если кто-либо желает увидеть один из самых аккуратных, элегантных и в то же время основательных случаев *опустошения*, какой только можно найти в истории литературы, когда человек, вышедший на сцену в качестве *павлина*, вскоре был вынужден покинуть ее в качестве *галки*, ему достаточно прочитать статьи доктора Бека в “Литературном мире”, в которых сфабрикованная цитата мистера Вебстера и защита ее профессором Фелтоном показаны чрезвычайно плохими с точки зрения латыни и гораздо худшими с точки зрения логики.

[13] Конгресс. Глобус, 1-я сессия 30-го Конгресса, стр. 533.

[14] Профессор Стюарт в брошюре, озаглавленной “Совесь и конституция”, стр. 78, 9, вступает в защиту позиции мистера Вебстера о том, что по договору с Техасом мы обязаны допустить на ее территорию “рабовладельческие штаты в количестве четырех”; и он случайно ссылается на мои взгляды по этому вопросу и оспаривает их.

Я со всем уважением представляю уважаемому и ученому профессору одно соображение, которое, я надеюсь, убедит его в том, что я не ошибаюсь.

Ради аргументации, признайте, что контракт с Техасом безупречен; хотя, если это так, я не вижу, почему какой-либо Конгресс не может использовать и исчерпать все полномочия по принятию новых штатов, которые содержатся в конституции, заключая контракты на столетия вперед для всех новых штатов, которые будут приняты; и для всех заявлений о приеме, которые будут отклонены. Но, признавая действительность техасского контракта, что он подразумевает? Что “новые штаты”, “не превышающие четырех”, “могут быть образованы на его территории”. Те, кто к югу от 36 ° 30, могут быть рабами; они или те, кто к северу от 36 ° 30, должны быть свободны; всего “не более четырех”. Итак, здесь приводится в исполнение взаимный контракт. Оно подлежит исполнению, потому что оно должно быть выполнено не во время создания, а в *будущем*. Это взаимно, потому что для штата Техас и для одного или нескольких рабовладельческих штатов к югу от 36 ° 30, к северу от него должны быть один или несколько свободных штатов.

Итак, принцип настолько ясен, что, я думаю, никто ни на минуту не станет оспаривать его, что когда исполнительный и взаимный контракт должен быть исполнен, скажем, в четыре разных момента времени, каждый предшествующий акт исполнения должен быть таким, чтобы обеспечить окончательное исполнение всего в целом. Ни первый, ни второй, ни третий акт исполнения не должен быть выполнен таким образом, чтобы сделать четвертый невозможным. Ни первое, ни второе, ни третье действие не должно быть исполнено в пользу какой-либо из сторон таким образом, чтобы сделать невозможным исполнение четвертого, в пользу другой стороны. Но если в Техасе могут быть последовательно сформированы “рабовладельческие штаты в количестве *четырёх*” на его территории, то, поскольку общее число формируемых штатов не должно превышать “четырёх”, в соответствии с предполагаемым контрактом не может быть сформировано *никакого* свободного штата.

Насколько мне известно, подобная интерпретация этого предполагаемого контракта никогда не предлагалась ни одним гражданином Техаса или каким-либо южанином. Я полагаю, что это было выдвинуто, *первым*, северным сенатором; и поддержано, *первым*, северным священнослужителем.

ПИСЬМО

Отвечаю на приглашение отпраздновать годовщину Указа 1787 года в Кливленде, штат Огайо.

Уэст-Ньютон, 9 июля 1849 года.

Джентльмены;

Я получил ваше любезное приглашение присутствовать в Кливленде 13 сентября, чтобы отпраздновать годовщину великого “Указа”, который навсегда исключил рабство и обеспечил свободу Северо-западной территории. Если бы я мог сказать вам, как глубоко я сочувствую вам в этом движении и как сильно моя душа желает не просто отпраздновать, но и освятить это событие, вы бы тогда поверили мне, когда я скажу, что мне стоило больших усилий не отказаться от всех соображений бизнеса и здоровья ради того, чтобы присоединиться к вашему фестивалю. Я рассматриваю Постановление, которое освободило территорию площадью *более двухсот шестидесяти тысяч квадратных миль* от невыразимого греха и проклятия рабства и посвятило ее свободе, как одно из величайших моральных событий в анналах человечества.

Без этого Постановления сама Декларация независимости в ее применении к этому обширному и плодородному региону была бы лишена своей силы даровать ему благословение и процветание; и никогда не следует забывать, что первоначальная Декларация и первоначальный Указ были составлены одним и тем же великим поборником прав человека, чья ненависть к рабству стала сильной и глубокой благодаря его личному знанию его несправедливостей и его бедствий.

Без этого Постановления сама Революция в ее применении к этой территории и мирный договор 1783 года, по которому ее обширные владения были закреплены за Союзом, были бы лишены своей славы и ценности.

Без этого Постановления открытие этого Западного континента, поскольку эта территория составляет его часть, не дало бы нам повода с благодарностью вспомнить имя Колумба.

Без этого Таинства было бы лучше, если бы при сотворении мира вся та его часть, которая сейчас составляет ваши пять прекрасных и процветающих государств, с остатком пространства, достаточно большим для еще одного, была оставлена как “Мертвое море”, горькие и ядовитые воды которого не позволили бы ни живому существу плавать под его поверхностью, ни летать над ней, ни растить зелень на его берегах.

И без этого Постановления не будет непочтением сказать, что даже всемогущий Дух Божий, действующий через естественные законы для человеческого прогресса и человеческого блаженства, столкнулся бы с препятствиями и угрозами в своих действиях и влияниях на искупление человечества.

Примите, джентльмены, заверения в моем сочувствии и уважении.

ГОРАЦИЙ МАНН.

Господа Дж. К. Воган,
Томас Браун, Комитет.

ПИСЬМО

Принимаю кандидатуру Конвенции о свободной почве на пост представителя в Тридцать втором Конгрессе.

Уэст-Ньютон, 24 октября 1850г.

Достопочтенный К. Ф. Адамс;

Уважаемый сэр, Ваше одолжение от 21 сентября сегодня получено. Оно информирует меня о том, что на съезде (на котором вы имели честь председательствовать), состоявшемся в Дедхэме 16 сентября, я был единогласно выдвинут кандидатом в депутаты тридцать второго Конгресса Соединенных Штатов. Примите мою благодарность за любезные выражения, в которых выражено ваше сообщение.

Эта номинация не ставит меня в новое положение по отношению к друзьям свободы и человечества, где бы они ни находились. Я полагаю, что мое имя впервые было предложено избирателям этого округа (уже почти три года назад) на основании моей предполагаемой преданности правам мужчин. Резолюции, принятые на всех съездах, на которых я был выдвинут, и особенно те, которые неоднократно и единогласно принимались законодательным

собранием нашего штата, носили характер инструкций; или, по крайней мере, срочных советов и просьб относительно моего курса по важным вопросам, которые с тех пор будоражат страну. Мои собственные убеждения в отношении долга, столь полно и безоговорочно соответствующие возложенным на меня таким образом предписаниям, позволили мне действовать в полном соответствии с пожеланиями подавляющего большинства моих избирателей и государства, поскольку эти пожелания неоднократно высказывались. Это делает ненужным какое-либо подробное изложение ожиданий с вашей стороны или заверений с моей. Я знаю, что ведущая и наиболее ценная статья вашего вероучения - это святость и безопасность человеческой свободы. Вы знаете, что я принимаю этот же символ веры всем сердцем. Другие вопросы могут быть очень важными, но все же являются второстепенными. Особые формы организации сравнительно несущественны. Они всего лишь средства для достижения цели, и в отношении них следует делать большую скидку на честные расхождения во мнениях. Но естественное право каждого человека на свободу, которую дал ему Бог, до тех пор, пока он не будет лишен ее в результате собственного преступления; долг нашего правительства спасти каждую часть этой земли, над которой оно имеет юрисдикцию, от самого страшного из всех земных проклятий и величайшего из всех социальных преступлений — проклятия и преступления рабства; — это одни из первых ужасных обязанностей, которые возлагаются на разумных и бессмертных созданий.

Я считаю также, что долгом правительства является обеспечение экономического или денежного благосостояния народа; поощрять трудолюбие, обеспечивая вознаграждение за труд работника, и препятствовать соревнованиям, в которые те, кто правит и контролирует обедневших, деградировавших и почти растерзанных рабочих других стран, стремятся вступить с нашим собственным народом, — соревнованиям, которые, если их не предотвратить, в значительной степени доведут наших рабочих до такой же нищеты и лишений, как у них самих. Я считаю, что деньги и приобретаемые на них удобства, которые такие соревнования отнимают у здешних рабочих, не идут на улучшение положения местных рабочих, а перехватываются и присваиваются другими. Я делаю это заявление о своих взглядах с тем большей готовностью, потому что я не желаю получать неинтеллигентный голос от кого бы то ни было, и поэтому я отказываюсь от всякой маскировки и сдержанности. Из моих прошлых голосований и выступлений в Конгрессе мои избиратели знают, по каким принципам и с какими целями я действовал. Я ссылаюсь на них и считаю излишним говорить больше.

Те, кто взял на себя труд прочитать то, что я сказал в зале заседаний Палаты представителей, должны были видеть, что, хотя я и пытался выразить некоторые суровые истины по жизненно важным вопросам недвусмысленным языком, все же я никогда не произносил ни слова, призванного причинить ненужную боль нашим политическим братьям на юге; или задеть чувства, которые люди могут ошибочно назвать благородными. Я хочу следовать одним и тем же курсом всегда и со всеми мужчинами. Дело свободы - это то, в котором истинной целью честолюбия является максимально четкое изложение великих принципов, а не использование резких выражений в отношении поведения или мнения других. Так же необходимо, чтобы человек, которого я хочу убедить, находился в спокойном состоянии ума, как и я сам должен быть в таком состоянии. Раздражение парализует суждения. Важные вопросы, по которым люди и партии так яростно расходятся во мнениях, могут быть окончательно решены только судом разума и совести.

На последней сессии Конгресса было принято несколько законов, по которым я желал и намеревался выступить от имени моих избирателей. Но я был вынужден действовать в соответствии с ними, несмотря на молчание, вызванное предыдущим вопросом. Один из них, в частности, был настолько враждебен всем принципам, которым история и разум когда-либо учили меня, и настолько ранил все чувства, которые я когда-либо впитывал из доброжелательности и религии, что я решил воспользоваться первой представившейся возможностью, чтобы изобразить некоторые из его черт. Я имею в виду так называемый закон о беглых рабах; и я надеюсь, что это не будет сочтено неподходящим случаем, чтобы обнажить часть его чудовищности. Замечу, что я подготовил поправку о безопасности наших вольных цветных моряков в южных портах, но был лишен всякой возможности предложить ее. Мне пришло в голову, что если будут приняты новые репрессивные меры для возвращения предполагаемых рабов в рабство, то следует также что-то предпринять для возвращения свободных людей на свободу. В то время как юг искал новые гарантии для мужчин, которые утверждают, что владеют другими мужчинами, пришло время северу потребовать новых гарантий для мужчин, которые владеют самими собой. Но все дебаты были подавлены; собственность победила свободу; и был принят чисто рабовладельческий закон, не запятнанный никаким сплавом свободы.

В связи с этим актом о беглых рабах, разве не удивительно, что люди вообще задаются вопросом, *требуется* ли конституция суда присяжных? вместо вопроса, *позволит ли* это конституция? Первый - это вопрос тирана, дающего не больше, чем он вынужден давать. Последний вопрос касается республиканца, который добровольно предлагает все, что он может предоставить. В свободном правительстве, где суд присяжных считается самой надежной гарантией личной свободы, никогда не должно задаваться вопроса о том, *обеспечивает ли конституция или требует* этой формы судебного разбирательства; ибо достаточно, если конституция *позволит* или *потерпит* это. Вместо того чтобы искать отговорки, точные построения и выискивать среди заплесневелых прецедентов темных времен, чтобы исключить суд присяжных в делах о личной свободе, истинный ценитель свободы попросил бы только интерпретации, которая *оправдывала бы* это. Это не было бы одной из его последних мыслей; он не стал бы ждать, пока суровая необходимость вынудит его к такому построению; но его первым желанием и усилием было бы найти какую-нибудь законную причину для этого. Он не спрашивал, в скольких случаях он должен, но в скольких мог бы признать это. Тем не менее, этот вопрос обсуждался и до сих пор обсуждается, с одной стороны, так, как будто мы были обязаны избежать суда присяжных, если бы могли; а не так, как если бы мы были обязаны разрешить его, если бы могли это сделать при честном толковании. Обсуждалось так, как будто суд присяжных для защиты права человека на самого себя был злом; и как будто внезапный арест, вынесение "суммарного" судебного решения и быстрое заключение ближнего в рабство были слишком драгоценным благословением, чтобы подвергать его опасности, подчиняясь двенадцати добрым и законопослушным людям. Не то, как много мы можем сделать для свободы, а то, как много мы можем сделать для рабства, было молчаливым предположением аргумента. Но я пропускаю это мимо ушей из-за более серьезных возражений.

Закон о беглых рабах направлен на наделение судебной властью лиц, которые не являются судьями. Он предусматривает создание десятков и сотен должностных лиц, называемых "комиссарами", и на них, как утверждается, возлагаются высокие полномочия по наделению первоначальной и окончательной юрисдикцией в вопросах свободы человека. Конституция

провозглашает, кому “должна быть передана судебная власть Соединенных Штатов”. Она должна быть передана “одному верховному суду и таким судам низшей инстанции, которые Конгресс может время от времени учреждать”. Ни один комиссар или любое количество комиссаров не входят в состав одного из этих судов. “Судьи как верховного, так и нижестоящих судов должны занимать свои должности при условии примерного поведения”. Уполномоченный может быть назначен и смещен в любой день. Эти судьи должны “получать за свои услуги вознаграждение, которое не должно быть уменьшено в течение срока их пребывания в должности”. Члены комиссии получают компенсацию в виде дополнительных гонораров, а не фиксированной заработной платы. Президент назначает судей верховного и нижестоящих судов, а Сенат утверждает их. Комиссары - это всего лишь “низшие должностные лица”, которые могут быть назначены “судами общей юрисдикции”.

Мне не нужно настаивать на том, что власть, которую этот закон призван наделить комиссарами, является *судебной*. Она обладает всеми атрибутами судебной власти. Это *оригинально, окончательно и эксклюзивно*. Они должны “выслушать и *определить*”. В четвертом разделе говорится, что они “должны обладать *параллельной* юрисдикцией с судьями окружных и окружных судов Соединенных Штатов”. Генеральный прокурор Соединенных Штатов в письменном заключении, составленном по приказу президента Соединенных Штатов, гласит следующее: “Эти должностные лица, [комиссары] и каждый из них обладают *судебными* полномочиями и юрисдикцией для заслушивания, изучения и принятия решения по делу”. “Свидетельство, выдаваемое владельцу, следует рассматривать как акт и решение судебного трибунала, обладающего компетентной юрисдикцией”. “Конгресс учредил трибунал с исключительной юрисдикцией для определения в упрощенном порядке и без апелляции лиц, скрывающихся от службы”. “Решение трибунала, созданного этим законом, является окончательным для всех трибуналов”. Таким образом, власть комиссара является *судебной* в самом высоком смысле этого слова — в смысле конституции. Его решение не может быть повторно рассмотрено каким-либо судьей или каким-либо другим судом какого-либо штата или Соединенных Штатов. Ни в каком другом случае уполномоченный не может совершить какой-либо судебный акт или издать какой-либо исполнительный приказ, действительность которого не может быть пересмотрена в суде, от имени которого он действует, или в каком-либо другом. Он не может ни нанести удар, ни оштрафовать на доллар, ни наказать тюремным заключением на час. Посредством апелляции, судебного запрета, *mandamus* или *certiorari* может быть возбуждено производство в судах низшей инстанции или магистратах и проверена их законность или конституционность. Но здесь учреждено множество трибуналов, надзор за разбирательствами которых осуществляет не верховный суд какого-либо штата, нет, даже не Верховный суд Соединенных Штатов. И что решают эти уполномоченные? Что человек не имеет прав на самого себя; что его тело, конечности, способности являются *собственностью* другого; что он *обязан служить*. Предположим, вопрос заключался в том, должен ли ответчик истцу доллар. Может ли комиссар вынести судебное решение и исполнить его? Конечно, нет. Но все же он здесь уполномочен решать вопросы, бесконечно более важные, чем любая сумма денег. Он должен решить, что мужчина обязан пожизненно служить самому себе и всем детям своих потомков.

Но выдача предполагаемого беглеца со службы сравнивалась с выдачей лица, скрывающегося от правосудия; и поскольку закон 1793 года требует от высшей исполнительной власти штата выдавать лиц, скрывающихся от правосудия, утверждается, что любой комиссар может выдавать лиц, скрывающихся от службы, *без ответственности за допрос или повторное*

рассмотрение со стороны какой-либо человеческой власти. Но между этими случаями существует огромная разница. Когда скрывающийся от правосудия преступник выдается, он передается под стражу закона. Против него, должно быть, был начат судебный процесс в государстве, из которого он бежал. Его возвращают, чтобы начатое таким образом разбирательство могло быть завершено. Его никогда не передают в частные руки. Щит закона продолжает прикрывать его. После ареста он просто передается из рук закона в одном штате в руки закона в другом штате. Его переводят не для того, чтобы избежать суда, а для того, чтобы иметь его. Но предполагаемый раб передается не на попечение закона, где могли бы быть рассмотрены его права, а в частные руки; не в руки нейтрального или безразличного человека, а в руки стороны, заинтересованной в лишении его всех его прав; — если он не раб, то в руки похитителя людей. Мистер Клей понимал это, и его план предусматривал, что предполагаемый беглец должен быть отправлен домой *для суда*. Но юг становился все смелее и смелее, пока не был принят закон, по которому один класс людей менее защищен от своей свободы, чем другой класс от своего скота.

Можно с уверенностью сказать, что, когда предполагаемый беглец доберется до места жительства своего истца, он может там ходатайствовать о освобождении. Если бы он это сделал, это было бы независимое и оригинальное судебное разбирательство, возбужденное *при другом* правительстве. Изменилась бы не только юрисдикция, но и характер тяжущихся сторон — истца на ответчика и ответчика на истца. Старое дело не подлежит повторному рассмотрению, но рассмотрено новое. Действительно, очень умный автор по этому вопросу задался вопросом, не может ли свидетельство комиссара быть использовано в качестве эстоппеля. Таким образом, я говорю, что, по сути, комиссар в соответствии с этим законом обладает *первоначальной, окончательной и исключительной* юрисдикцией в отношении "дела" "по закону", "возникающего в соответствии с конституцией и законами Соединенных Штатов". В этом заключается сама функция судей и судов. Это те же полномочия, которыми конституция Соединенных Штатов наделяет судей, которые должны быть назначены президентом, утверждены Сенатом, занимать свои должности при хорошем поведении и получать фиксированную заработную плату.

Опять же, этот акт обрекает человека на рабство без совершения преступления, на основании доказательств, которые у него не было возможности оспорить. Заявитель должен доказать комиссару три факта: 1. Что лицо, указанное в ордере, обязано истцу оказать услугу; 2. Что он сбежал; 3. Личность.

Теперь, согласно закону, первые два пункта — факты должной службы и побега — могут быть доказаны за спиной ответчика. Это доказательство может быть получено против предполагаемого беглеца без какого-либо уведомления его, фактического или конструктивного; без возможности того, что он столкнется с ним или опровергнет его, каким бы ложным оно ни было. Если это не лишение человека его "свободы" "без соблюдения надлежащей правовой процедуры", то что же это может быть? Почему бы не сделать все дело доказуемым за спиной этого человека, в другом штате, за тысячу миль отсюда, и отвергнуть формы правосудия, после того как отвергли его суть? Это связывание человека доказательствами, полученными без его ведома, неизвестно общему праву и вызывает у него отвращение. Это никогда не разрешается, даже лишать худшего человека самого скромного права. Наши законы защищают права всех лиц с ограниченными возможностями. Кто находится в столь тяжелом положении, как тот, кто ничего не знает и не может знать о том, что происходит против него? Несмотря Конституция

провозглашает, что “полное доверие и кредит должны быть приведены в каждом государстве публичные акты, официальные документы и судебные решения любого другого штата”, все-таки было проведено, что судебное решение, вынесенное на территории другого государства, без предварительного уведомления, не наносит ущерба партии, в отношении которых оно было вынесено. Такой акт нарушает основные принципы справедливости. Все гарантии жизни, свободы и собственности всех нас будут уничтожены, если такие принципы могут быть установлены.

Еще раз: В законе говорится, что свидетельство “должно окончательно подтверждать право лица или лиц, в пользу которых выдано разрешение, выдворить такого беглеца в штат или на территорию, с которой он сбежал, и должно предотвращать любое растление такого лица или лиц посредством любого процесса, выданного любым судом, судьей, магистратом или любым другим лицом, кем бы оно ни было”. Согласно этому, сертификат является талисманом, который защищает своего владельца от любого закона, любых доказательств и любой судебной власти. Похититель может схватить свободного человека в Бостоне, купить доказательства того, что он в этом таинственном долгу службы, получить необходимое свидетельство против своей жертвы, и тогда ни мать, которая его родила, ни старшие братья и сестры, которые выросли вместе с ним, ни соседи, которые знали его с колыбели, ни священник, который крестил его, не смогут засвидетельствовать, что он свободен; и все судьи и корты содружества не смогут остановить человека, который уводит одного из их сограждан в рабство, худшее, чем смерть, чтобы узнать о его титуле. Он находится в заколдованном кругу, в который не могут войти ни закон, ни правосудие. Вы спрашиваете, где тот старый, освященный веками закон *охабеас корпус*, за который погибли мученики и пролились реки крови, и действие которого, как провозглашает конституция, НЕ должно приостанавливаться, “за исключением случаев восстания или вторжения, когда этого может потребовать общественная безопасность”? Ответ заключается в том, что судебный приказ *охабеас корпус* - это не что иное, как “процедура, выданная” судом, и в законе говорится, что владелец сертификата должен быть освобожден от любого “домогательства” “в рамках любого процесса, выданного любым судом”. Одним словом, закон содержит положение о том, что его собственная конституционность не должна подвергаться сомнению; по крайней мере, до тех пор, пока его жертва не достигнет места своего заключения и не окажется вне досягаемости спасающих рук.

Теперь, даже если этот закон не совершает таких грубых нарушений конституции, что суды отменяют его, все же, казалось бы, ни один здравомыслящий человек не мог не видеть, что он противоречит всем нашим представлениям о справедливости; что он отвергает и презирует все великие гарантии свободы, установлению которых мудрые и добрые люди на протяжении веков отдавали свои труды и жизни; и что он превращает огромный механизм социального государства не в средство защиты, а в посягательство на свободы гражданина. Что касается назначения уполномоченных, это не дает нам конституционных гарантий, что неподобающие люди не будут наделены этими высокими прерогативами вопреки нашим самым дорогим правам; а что касается способа получения доказательств, то это напоминает послания, которые инквизиция в старые времена рассылала против еретиков, чтобы хватать без закона, судить без защиты и наказывать без милосердия или надежды. Это напоминает официальные бланки, которые перед великой революцией деспоты Франции раздавали незаполненными бланками негодяям-придворным и негодяйкам-куртизанкам для заполнения именами тех людей, чьей гибели они хотели подвергнуться.

В этом законопроекте есть и другие пункты, о чудовищности которых нужно только заявить, чтобы их увидели и возмутились. Один из них настолько невыразимо низок и презрителен, что все северяне должны чувствовать оскорбление острее, чем несправедливость. Он предусматривает, что если уполномоченный обрекает человека на рабство, его гонорар должен быть в два раза больше, чем если бы он вернул ему свободу. Теперь каждый орган знает, что истцы редко, если вообще когда-либо, предстанут перед комиссарами бездела *prima facie*. Если защиты не будет, разбирательство будет кратким. Но случай увольнения предполагает защиту и судебное разбирательство. Таким образом, рассмотрение дела об увольнении, вероятно, займет столько же времени, сколько и полдюжины дел о явке с повинной. Однако за эту большую работу уполномоченный должен получить всего лишь полцены. Нападая на все, что мы любим в свободе, разве создатели и сторонники этой меры не могли воздержаться от того, чтобы ранить нас во всем, что мы считаем честью!

Дела должны быть “заслушаны и решены”, как это было при Робеспьере, “в кратком порядке”. Шекспир называет “промедление закона” одной из причин самоубийств. Согласно этому закону, настоящие самоубийства, несомненно, будут вызваны *распоряжением закона*.^[15] Этот “обобщающий способ” содержит сумму ошибок. Разве каждый юрист и каждый клиент не знают, что, когда возбуждается иск за недобросовестное исполнение контракта, при строительстве дома или корабля, или за остаток средств на счете, или за земли, пригодные для затопления, или за клевету, ответчику требуются недели, а часто и месяцы, чтобы подготовиться к своей защите. Его свидетели могут находиться в другом государстве или за границей; может возникнуть необходимость проверить древние титулы в реестрах сделок или завещаний, произвести осмотр помещений или провести расследование личности и поведения. Часто случается, что, когда процесс впервые предстает перед человеком, он не знает оснований для собственной защиты. Они могут состоять из фактов, которые он забыл, или из законов, о которых он ничего не знает. Наши суды, руководствуясь этой хорошо известной истиной, установили правило, согласно которому сторона, даже после получения уведомления за четырнадцать дней, имеет право на отсрочку по праву, за исключением особых обстоятельств; и он всегда может добиться этого по предъявленной причине. Я спрашиваю любого ответчика, которого когда-либо заставляли в суде сопротивляться иску любого масштаба или сложности, был ли он готов сделать это в тот момент, когда ему предъявили иск? Тем не менее, это то, что ответчик должен сделать в соответствии с законом о беглых рабах. 26 сентября прошлого года Джеймс Гамлет мирно занимался законным делом на Уотер-стрит, штат Нью-Йорк, и честно зарабатывал на содержание своей жены и детей. Через три часа, закованный в кандалы и окруженный вооруженными людьми, он был на пути в дом рабства. Ему не дали времени на то, чтобы обратиться за помощью к адвокату. Он заявил, что он свободен, что его мать была свободной женщиной, а он - свободным мужчиной. Но другим положением закона провозглашается, что “ни в одном судебном процессе или слушании в соответствии с настоящим законом показания такого предполагаемого скрывающегося от правосудия лица не должны приниматься в качестве доказательств”. Во всех других случаях, в широком смысле общего или статутного права Великобритании или этой страны, сторона, подающая иск, может представить доказательства, относящиеся к данному иску. В некоторых случаях он может давать показания по существу дела; во всех случаях он может давать письменные показания под присягой по промежуточным вопросам. Человек, побывавший в тюрьме штата, преступник, покрытый шрамами от преступления, все еще может дать письменные показания под присягой по своему собственному делу при определенных обстоятельствах, хотя он не может

свидетельствовать ни за, ни против какого-либо другого лица. Но предполагаемый беглец не может давать присягу ни по какому факту и ни при каких обстоятельствах из-за задержки или по другой причине. Это противоречило бы тому “упрощенному порядку”, которым считается целесообразным распоряжаться свободой человека.

Рассмотрим это положение в свете нескольких фактов. В деле *Махони* против *Эштон*, (4 Отчета Harris & mchenry's Maryland Reports), ходатайствующий о свободе, утверждал, что предок по материнской линии, *четыре поколения назад*, которого привез лорд Балтимор в первые дни существования колонии, был свободным; и с помощью необычной цепочки доказательств он проследил свое происхождение от этого свободного источника. Это был иск, который любой суд Массачусетса удовлетворил бы без колебаний.

Теперь о том, насколько много свидетельств истории, записей, условно-досрочного освобождения свидетельствует само упоминание о таком деле? Кто бы мог быть готов попробовать это за три часа; да, как только его можно было схватить и поспешно доставить в офис адвоката?

Среди предполагаемых беглецов по так называемым “Жемчужным делам”, которым я помогал в судебном разбирательстве в Вашингтоне в 1848-49 годах, была семья Дэниела Белла, состоящая из его жены и восьми или десяти детей. Мать и дети были освобождены много лет назад по акту о неволе, совершенному их хозяином во время его последней болезни, и с тех пор они считались свободными. Вскоре после смерти лица, предоставившего право, был запущен механизм доказательства его “невменяемости” и, таким образом, возвращения семьи в рабство. Но мировой судья, который подготовил акт, засвидетельствовал его исполнение и принял подтверждение, заявил, что он готов засвидетельствовать *компетентность* лица, предоставляющего право, и действительность документа. Прошли годы, и *он* умер. Немедленно наследники заявили права на семью как на рабов; и, после потери показаний покойного магистрата, доказали, что лицо, предоставившее право, было “не в своем уме”, и, таким образом, аннулировали акт и были признаны владельцами *движимого имущества*. На основании вновь обнаруженных улик было подано ходатайство о новом судебном разбирательстве; но семья, встревоженная тем, что их могут тайно схватить и отправить на юг, попыталась совершить побег на борту “Жемчужины” в ночь на 15 апреля. Теперь предположим, что им это удалось, и что после прибытия в свободный штат их схватили и доставили к комиссару для суда таким “упрощенным способом”, даже не дожидаясь глашатая, открывающего заседание суда, и лишили права давать показания под присягой о том, что в городе Вашингтон существуют доказательства их свободы. Я не буду тратить слов на то, чтобы указывать на невозможность их защиты и неизбежность их гибели! Тот, у кого есть уши, чтобы слышать вопль угнетенных, пусть услышит!

За несколько дней до закрытия последней сессии Конгресса один житель Вашингтона спросил меня о положении семьи, удерживаемой в качестве рабов в этом городе. Я обнаружил, что они были свободны по законам Округа, но они этого не знали.

Сэр, по всем Южным штатам есть тысячи и тысячи предполагаемых рабов, которые по закону, а также по законам тех штатов, в которых они содержатся, так же свободны, как губернатор Массачусетса или верховный судья; но в своем вынужденном и грубом невежестве жертвы не

знают этого; и если бы они приехали в свободный штат и были бы там выслежены, схвачены и доставлены к комиссару, они были бы лишены права давать присягу относительно фактов, которые послужили бы основанием для продления срока, чтобы можно было утвердить их право на свободу. Но при таких препятствиях и конфузах свобода не могла быть уничтожена достаточно “кратким образом”.

Согласно конституции Соединенных Штатов, все *преступники*, от мала до велика, должны быть проинформированы о характере и причине предъявленного им обвинения; иметь возможность встретиться лицом к лицу со свидетелями против них; иметь обязательную процедуру привлечения свидетелей в их пользу; и пользоваться помощью адвоката в своей защите. И все же здесь, всегда в случае *сневиновным* человеком, часто в случае со свободным человеком, не должно быть предварительного уведомления, процедуры привлечения свидетелей и предоставления адвоката; и хотя суду запрещено допускать отсрочку без предъявления уважительной причины, сторона, чья свобода поставлена на карту, не может доказать эту причину своей присягой; но, с полным осознанием в своей душе, что он свободен, он должен молча предстать перед служителем закона, который надевает на него кандалы.,,

Я не буду подробно останавливаться на тех частях закона, которые касаются маршалов и заместителей маршалов. Если какой-либо человек решит не занимать должность в соответствии с таким законом, он может отказаться принять ее или уйти в отставку. Однако это явное доказательство порочного законодательства, когда гуманные и добросовестные люди не могут занимать должности, которые оно создает. Но пятый раздел содержит положение, которое является чудовищным. Это возлагает на маршала или его заместителя ответственность за побег, независимо от того, был ли он совершен “с его согласия или без него”, то есть *во всех случаях*. Хотя предполагаемый беглец должен вывести его из строя, хотя враги страны должны схватить его, хотя Божий акт должен поразить его, хотя вооруженная толпа должна совершить спасение, — все же он по-прежнему несет ответственность.

У всех цивилизованных правительств есть сроки давности. Благосостояние людей требует, чтобы требования, с которыми они долгое время добровольно соглашались, не возобновлялись. Следовательно, наши законы запрещают право на иск, в остальном неоспоримое, после того молчаливого отказа, доказательством которого является простой ход времени. Личные права, как правило, нарушаются из-за шестилетнего пренебрежения к их соблюдению. Даже недвижимое имущество может находиться во владении в течение двадцати лет без права собственности на что-либо другое. Это исключение распространяется на преступления. За единственным исключением убийства, все преступления в Массачусетсе пресекаются шестилетней отсрочкой судебного преследования. Но закон о беглых рабах не знает пощады или сострадания такого рода. Безжалостно он цепляется за все случаи. Пока длится жизнь, его клыки вонзаются в плоть. Предполагаемый раб мог прожить среди нас пятьдесят лет; он мог заработать состояние, быть женатым и окружен детьми. Это все одно и то же. Неумолимое свидетельство комиссара обрекает его на рабство и отчаяние.

Закон не только заключает его в рабство, но и, при обстоятельствах, из которых будет мало исключений, предписывает отправить его домой за государственный счет. Конституция гласит, что он должен быть “предан суду”. На этом действие этого документа прекращается. Только закон добавляет, что он должен быть *доставлен обратно*. Вы и я, сэр, должны помочь оплатить расходы по отправке ближнего в рабство, хотя по конституции мы обязаны делать это не

больше, чем оплачивать расходы работоторговца, который отправляет свои грузы прямо из Африки.

Но законопроект стал законом, и практический вопрос теперь заключается в том, как можно оправдать страну от преступления и бесчестья. Что касается меня, то я не принимаю доктрину насильственного аннулирования. Я верю, что никогда не присоединюсь к толпе для сопротивления закону, пока не буду готов к революции. Единственное верное и долговечное средство - это отмена. Те, кто будет насильственно сопротивляться закону, теряют половину своего мотива и импульса к отмене; ибо, если мы отменим его, не отменяя, скорее всего, он останется в своде законов вечным памятником позора нации. Пусть усилия никогда не прекращаются, пока не будет проведен суд присяжных.

Но такой взгляд на гражданский долг применим только к *гражданину*. Беглеца это не касается. Одна свобода у раба всегда есть — всякий раз, когда он сочтет это целесообразным, он может вновь облачить себя в права, которые дали ему Бог и природа и которые, хотя они и могут быть у него отняты, никогда не могут быть уничтожены.

Однако до отмены есть еще один повод для надежды. Если, как сказал г-н Криттенден в уже цитированном заключении, “Конгресс учредил трибунал с *исключительной* юрисдикцией для принятия решений в упрощенном порядке и без апелляции”; и если, как он далее говорит, “решение каждого трибунала исключительной юрисдикции, не подлежащего обжалованию, обязательно является окончательным для каждого другого трибунала, И, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, РЕШЕНИЕ ТРИБУНАЛА, СОЗДАННОГО ЭТИМ ЗАКОНОМ, ЯВЛЯЕТСЯ ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ ДЛЯ ВСЕХ ТРИБУНАЛОВ”; тогда все дело во всех его аспектах и взаимосвязях, его источниках и проблемах рассматривается комиссаром; даже не верховным судом. суд Соединенных Штатов может вмешаться в его дела; и первый вопрос, который он должен “выслушать и определить”, заключается в том, действительно ли существует какой-либо такой закон, не является ли весь этот позорный акт неконституционным и недействительным; и, следовательно, не является ли его первой и единственной обязанностью не прекращать разбирательство и “отпустить пленника на свободу”. Я не теряю надежды, что таков будет результат; и, таким образом, многие добросовестные и законопослушные люди будут избавлены от морального беспокойства и конфликта, которые сейчас угнетают их умы.

Искренне ваш покорный слуга,
ГОРАЦИЙ МАНН.

СНОСКИ:

[15] С момента написания вышеизложенного я вижу, что мужчина в Нью-Джерси был настолько напуган слухом о том, что в городе появились ловцы рабов, что быстро наступил паралич и смерть.

РЕЧЬ

Произнесено в Дедхэме 6 ноября 1850 года по Специальному запросу Съезда избирателей-вигов Восьмого избирательного округа.

Господа и сограждане;

Поскольку меня специально пригласили выступить на этом собрании и выступить на нем, мой друг мистер Рассел представил меня вам со многими добрыми словами; и он решительно объявил меня “вашим старым другом”. Тем самым, джентльмены, он затронул живую струну в моем сердце; ибо, оглядываясь вокруг, я вижу много знакомых и дорогих лиц и вспоминаю, что в этом городе я провел одни из самых счастливых лет своей жизни. Вид каждого предмета вокруг меня пробуждает воспоминания о доме. Прямо напротив нас находится здание суда, на форуме которого впервые прозвучал мой слабый голос, и где, я благодарю Бога, он никогда не звучал в защиту угнетателя или на стороне какого-либо дела, которое я считал неправильным. Вокруг этой церкви, в которой мы собрались, есть улицы, по которым я привык ходить, есть скамья, на которой я привык сидеть, и повсюду вокруг меня люди, которых на протяжении многих лет я видел ежедневно и близко знал, и знал их только с уважением. Я уверен, что действительно встречаю “старых друзей” — настоящих мужчин, которые держат свое сердце в руках и чья жизнь основана на убеждениях в своем долге.

Джентльмены, я не без смущения обращаюсь к вам. И все же я мог бы привести высокий пример для своего курса, если бы был достоин в каком-либо отношении упомянуть себя в связи с моим почитаемым предшественником, который своей мудростью и чистотой сделал прошлую историю своей страны такой светлой, а название этого района, который он представлял, таким почитаемым и запоминающимся. Молю Бога, я мог бы вознести вас на какую—нибудь высоту Фасги и показать вам одним взглядом прошлое, настоящее и будущее, как это имел обыкновение делать он, когда, по своему обыкновению, он обращался к вам на те важные темы, которые занимали его энергию, - о принципах, которыми вы должны руководствоваться, и об опасностях, которым вы подвергались.

Мы переживаем, джентльмены, знаменательные времена. Великие события произошли в быстрой последовательности как в этом, так и в другом полушарии. По-видимому, произошел грандиозный отрыв элементов общества от его глубоких основ. Мы так часто испытывали потрясение за потрясением и конвульсию за конвульсией, что, боюсь, начинаем терять нашу моральную чувствительность к политическим катастрофам, какими бы грандиозными или фатальными они ни были.

Вы знаете, что недалеко от реки Миссисипи есть место, известное частотой своих землетрясений. Джентльмен, побывавший там несколько лет назад, рассказал мне, что вскоре после того, как он вошел в отель в местечке под названием Нью-Мадрид, его внимание внезапно привлекло дребезжание посуды, сотрясение домашней мебели и тряска кресла, в котором он сидел. Встрепенувшись, он бросился к двери. “О, ” сказал его хозяин, “ не беспокойтесь. *Это не что иное, как землетрясение.* Эти явления, похоже, стали настолько обычными, что утратили свою силу вызывать тревогу. Так же, я боюсь, обстоит дело и с недавними волнениями в Европе; и особенно в связи с некоторыми чудесными действиями Конгресса в нашей собственной стране. Из-за их поразительного характера и быстрой преемственности, я боюсь, что мы становимся нечувствительными к их важности, подобно

жителям, обитающим у подножия Этны, которых ни грохот горы, ни реки лавы, стекающие по ее склону, не могут вывести из оцепенения до тех пор, пока они, подобно Помпеям или Геркулануму, не окажутся погребенными под руинами.

В старом свете, кажется, все уже возвращается в свое прежнее состояние, и надежды превращаются в страхи. Я все еще верю, что в этой стране мы сможем искупить что-то из прошлого и обеспечить будущее. И все же события последних нескольких месяцев носят удручающий характер, если что-либо вообще может привести в уныние истинно любящего свою страну человека. Мне выпала удача и мой долг быть в гуще этих событий. Я наблюдал за ходом битвы бессонными глазами; и когда Свобода, наконец, была повержена, мое сердце обливалось кровью вместе с ее.

Полагаю, я понимаю, джентльмены, чего вы от меня хотите в данном случае; и поэтому я постараюсь кратко, но беспристрастно изложить вам скромную роль, которую я, как ваш представитель, сыграл в тех событиях, которые наполнили сердца добрых людей тревогой.

Я хотел бы, однако, сказать несколько слов, чтобы показать, как мы шаг за шагом пришли к тому ужасному положению, которое сейчас занимаем.

Очень рано в нашей истории, когда республика была создана для защиты прав человека, была приобретена территория, равная всей, которой мы обладали раньше; и это дополнение принесло особое преимущество тем, кто отстаивает в качестве первого великого пункта своего вероучения несправедливость человека. Те же самые европейские войны, которые позволили администрации мистера Джефферсона купить Луизиану за пятнадцать миллионов долларов — сумму, в основном выплаченную Севером, — затронули коммерческие интересы севера также в разрушительном размахе этих соперничеств, и следствием этого стали закон о запрете сношений и эмбарго. Они обрушились на Новую Англию в то время, когда торговля была ее единственным ресурсом. Они обрушили на штаты Новой Англии такое же бедствие, какое обрушилось бы сейчас на юг, если бы весь их урожай хлопка или на запад, если бы весь урожай зерновых был неурожайным в течение ряда лет. Они парализовали нашу промышленность, а без промышленности люди, где бы они ни находились за пределами Рая, будут бедны. За этим бедствием последовала война 1812 года, которую мы перенесли, как могли, и в полной мере внесли свой вклад в то, чтобы вывести страну из нее, хотя она лишила нас самих средств к существованию. Та война выявила плачевное положение вещей. Она выявила тот факт, что, несмотря на нашу политическую независимость, в коммерческом смысле мы были крайне прискорбно зависимы. Это указывало на новую политику. Это привело страну ко второму обретению независимости — независимости, по крайней мере, в том, что касается предметов первой необходимости, от иностранных механиков, фабрикантов и ремесленников, поскольку она уже достигла своей политической независимости от иностранных королей, аристократии и духовенства. Это породило американскую систему, в которой Кэлхун, Лондес, Чивз и Клей — все выходцы из рабовладельческих штатов — взяли на себя ведущую роль. Я упоминаю первые три имени, в частности, потому, что они были из штата Южная Каролина. Они так искренне восприняли новую политику, что заняли свои места в Конгрессе, одетые в домотканую одежду. Они сказали, что будут демонстрировать свои принципы в одежде и носить ее как снаружи, так и внутри своего тела. Мне жаль, что их принципы просуществовали немногим дольше, чем их одежда, — один костюм изношен, и все, как снаружи, так и внутри, исчезло начисто. Даже мистер Мэдисон хвастался, что его пальто было соткано на американском ткацком станке. Юг

лидировал в этой политике, и Новая Англия, столица которой потерпела крушение в океане, была неохотно вынуждена последовать их примеру. Таково было происхождение защитного тарифа, детища Южной Каролины, хотя в более поздний период принятого Массачусетсом. Однако только в 1824 году Новая Англия, и Массачусетс в частности, отказались от своей приверженности политике протекционизма. Затем наш народ занялся промышленным производством. Ручьи были перекрыты, и могучие силы природы были направлены на прядение и ткачество, крашение и книгопечатание под руководством того гения, который был зажжен и взращен в наших школах. Были основаны те заведения, которые произвели столь чудесные перемены в наших домашних условиях, окружив все таким количеством удобств и наполнив наши жилища таким огромным разнообразием изысков и роскоши жизни. Те из вас, кто достиг моего возраста и, следовательно, знаком с положением вещей в наших провинциальных городах тридцать лет назад, знают, что перемена почти волшебная. Хотя с самого начала ей противостояли города и торговцы, все же она способствовала их процветанию не меньше, чем процветанию народа.

В 1820 году возник национальный вопрос, имевший большое моральное значение. Юг, чья политика ранее закрепила за собой территорию размером с первоначальные тринадцать, стремился распространить рабство на всю ее территорию. Миссури подал заявку на вступление в Союз в качестве рабовладельческого штата. Мораль и религия севера считали, что пришло время остановить распространение рабства, и они выступили против его применения. Было оказано серьезное сопротивление. Битва велась упорно, но в конце концов север, или, скорее, достаточное количество отступников севера, сдались, и день был потерян. Юг купил или запугал достаточное количество беспозвоночных существ, которых мы посылаем в Конгресс, и восторжествовал над нами. Это была первая крупная принципиальная капитуляция со стороны севера, и это была роковая капитуляция. Мы, человечество и все, что дороже всего сердцу и мыслям человека, могли бы одержать победу, если бы не несколько случаев подлого предательства дела свободы. О, если бы возмездие за ту измену было столь ужасным, что трусливый мотив страха, если не ангельский импульс человечества, мог бы удержать всех людей в последующие времена от того, чтобы когда-либо осмелиться повторить это.

Следующая великая борьба разразилась в 1833 году, когда аннулирование впервые подняло свою отвратительную голову. В ту эпоху юг, и особенно Южная Каролина, заметив, что наш капитал был слишком глубоко вложен в промышленность, чтобы его можно было вывести, изменили свою политику и стремились получить двойной урожай — как от введенной ими производственной системы, так и от системы свободной торговли, от которой они отказались. Поэтому она собиралась задушить то защитное потомство, которое сама же и родила. Даже в Виргинии пальто мистера Мэдисона считалось неконституционным, а идея американской шерсти так подействовала на нежные чувства мистера Джона Рэндольфа, что он сказал, что прошел бы милю, чтобы пнуть овцу. Сопротивление Южной Каролины начинало приобретать военную форму. Затем представилась замечательная возможность испытать на прочность наше правительство — узнать, сделаны ли столпы этого Союза из гранита или из трубных стержней. У нас был наглядный пример правоты. На государственном посту был человек римской воли, который обрадовался бы возможности *убедиться, что республика не пострадала*. Он презирал эту бессмыслицу так же сильно, как и обман, крики о том, что Профсоюз в опасности. Если бы оно было в какой-то опасности, он бы спас его таким образом, чтобы его не нужно было спасать снова каждые двенадцать месяцев. Но шанс был упущен. Был предложен компромисс, по которому Южная Каролина согласилась на своего рода вооруженное перемирие со своей

стороны при условии, что тариф, хотя и не будет отменен, будет снижен почти до нуля. Хотя, по многим причинам, я испытываю большое уважение к автору этого компромисса, все же я рассматриваю его как самый прискорбный акт, когда—либо совершенный, - самый фатальный прецедент, когда-либо созданный этим правительством. Это научило юг эффективности крика; это научило их, что бывают случаи, когда Бомбастес Фуриозо столь же силен, как Юлий Цезарь; и это также научило их, несмотря на всю кажущуюся солидность и твердость, из какой тонкой нервной ткани состоит денежный мешок.

Когда у этого компромиссного закона было время для решения своих законных проблем, вы все знаете результат. Вихрь банкротств пронесся по стране. Его опустошительные действия затронули даже самые скромные слои общества. Рабочий пострадал даже больше, чем капиталист. Последний пострадал в своих прибылях, а первый - в своем хлебе. Все классы поняли причину; и они сплотились, почти как один человек, для того, чтобы приложить огромные усилия по изменению политики страны, результатом которых стало избрание на пост президента генерала Харрисона. Хотя всего через несколько дней после его инаугурации бразды правления выпали из его безжизненных рук, все же тариф 1842 года стал следствием его избрания. Это восстановило пошатнувшееся благосостояние Новой Англии. Затем, когда мы были погружены в наш бизнес и зарабатывание денег, политики юга обратились к этому великому плану усиления борьбы за рабство — аннексии Техаса. Вы все знакомы с деталями этой сделки, и возвращаться к ним больно. Ребенок был вскормлен с молоком матери. Демократы Севера отдали голоса, которые отдали Техас югу, и разрушили наше собственное процветание. Техасу было разрешено как раз вовремя отменить своими голосами в Сенате тариф 1842 года и тариф 1846 года. Это снова поставило под угрозу все наши средства, вложенные в производство. Молю Небеса, чтобы этой мерой не было принесено в жертву ничего более дорогого, чем денежные интересы.

Я не виню юг за то, что он стремится к равновесию с севером; но они не стремятся к истинному равновесию. Если они хотят выдержать конкуренцию с нами в экономических делах, они должны поощрять труд и делать его почетным. Они должны, все они, трудиться так же, как и мы, так или иначе, руками или головой; или, — что единственно верный способ, — обоими вместе. Они должны строить школы, чтобы развивать умы своих детей, и церкви, чтобы воспитывать их нравственность. Если бы они только делали это, а не пытались управлять всем с помощью голосов, полученных от рабов, и добавляя новые штаты, чтобы породить еще больше рабских голосов, они вскоре превзошли бы нас; ибо природа сделала для них гораздо больше в отношении почвы, климата и во всех средствах земного процветания, чем для нас. Превосходство, полученное таким образом, на которое мы, ценители человеческого счастья, должны не роптать, а радоваться.

Следующей борьбой, в которую они ввязались ради политического возвышения, была мексиканская война. Действительно, это едва ли можно было назвать борьбой — север так легко и позорно уступил. Они хотели больше территории. Техаса, и без того насыщенного будущими рабовладельческими штатами, было недостаточно. И хотя все еще было несколько неясно, не запретит ли Конгресс распространение рабства в этой стране, даже если они ее завоюют; тем не менее, поскольку они всегда побеждали в своих состязаниях с нами, они пошли на риск и доверили свою будущую доблесть и умение монополизировать добычу. Территория была завоевана; и тогда, возможно, возник самый важный вопрос, который когда-либо вставал перед этой страной со времени Провозглашения независимости. Решение этого

вопроса приостановило самые важные последствия. В наши руки была, так сказать, вложена созидательная сила. Нам было доверено определять судьбы половины континента. Однажды проявив нашу власть, этот акт был бы бесповоротным, и судьба всего этого региона была бы предрешена, как указом Всемогущего. Когда Бог дает миру поколение детей, и они погибают из-за родительского пренебрежения, он дает другое поколение, чтобы можно было подвергнуться другому испытанию. Но если мы однажды допустим рабство в этих огромных регионах, составляющих все незаселенные остатки этого континента, Бог не даст нам нового континента, на котором можно было бы исправить эту ошибку.

Теперь, отвечая на этот важный вопрос, что было сделано? С прискорбием должен сказать, что, боюсь, битва проиграна. Если его не потерять, ничто не сможет спасти его, кроме бодрости и напора со стороны севера, каких они в последнее время не проявляли. Что касается законодательства, то все поле битвы находится во владении врага. Позвольте мне зачитать отрывок из одного из актов последней сессии Конгресса, который устанавливает этот факт. Законом о создании территориального правительства Нью-Мексико прямо предусмотрено,—

“Что при принятии в качестве штата указанная территория или любая ее часть будут приняты в состав Союза С РАБСТВОМ Или БЕЗ НЕГО, в соответствии с их конституцией, которая может предписывать момент их принятия”.

Закон о создании территориального правительства штата Юта содержит положение, в точности аналогичное. Что касается Техаса, то мы безвозмездно предоставили ему право сформировать на один рабовладельческий штат больше, чем ему было разрешено сделать резолюцией об аннексии. В соответствии с третьей статьей второго раздела этой резолюции Техасу было разрешено образовывать новые штаты, не более *четырех*, из которых должны быть приняты те, что южнее 36 ° 30, с рабством или без него, по выбору их народа, в то время как в штате или *штатах*(и, следовательно, должен быть по крайней мере один), которые должны быть образованы к северу от 36 ° 30, не должно быть рабства или принудительного труда, за исключением преступлений. Но актом последней сессии об установлении границы Техаса, хотя Соединенные Штаты и выкупают претензии Техаса на всю территорию к северу от 36 ° 30, все же они разрешают Техасу образовывать из остатков своей территории столько рабовладельческих штатов, сколько он мог бы образовать в результате решения об аннексии, как рабовладельческих, так и свободных. Это подтверждается следующим положением:—

“При условии, что ничто, содержащееся в настоящем документе, не должно быть истолковано как умаляющее или квалифицирующее что-либо, содержащееся в третьей статье второго раздела совместной резолюции о присоединении Техаса к Соединенным Штатам, принятой 1 марта 1845 года, *либо в отношении количества штатов, которые впоследствии могут быть образованы из штата Техас, либо иным образом*”..”

Таким образом, здесь вместо трех штатов предусмотрены четыре, с полным согласием на то, что все они будут рабовладельческими штатами. Теперь я спрашиваю, является ли этот дар рабовладельческого государства такой же мелочью, как ценность мелкой монеты при расчете по счету? В некоторых выступающих за рабство газетах севера, которые заявляли, что публикуют этот закон для сведения своих читателей, я заметил, что этот пункт был опущен! Они не осмелились доверить своим читателям знание этого во время нынешней политической кампании.

Я знаю, кое-где отдельные люди говорят, что рабство не может распространиться на эти территории. Но следует помнить, что весь юг, почти как один человек, не согласен с этим утверждением. Они говорят, что это возможно и должно быть; и разве их мнение по этому вопросу не имеет большего веса, чем мнение любого северянина? Они угрожают распустить Союз, если там запретят распространение рабства. Неужели они такие сумасшедшие, что распускают Профсоюз, потому что мы предполагаем запретить то, что природа уже сделала невозможным? Рабовладельческие государства граничат с этими территориями, и если возникнет какой-либо ажиотаж эмиграции в их сторону, как это может быть из-за открытия шахт или по другим причинам, их немедленно накроет облако рабов. Если скажут, что местное законодательство территорий запрещает рабство, я отвечу, что так было и в Техасе. Рабство было отменено по всей Мексике, провинцией которой был Техас. Но хотя рабство там больше не было узаконено, пеонаж был. Поэтому южные плантаторы, по крайней мере некоторые из них, собираясь переехать в Техас, выделяли себе собственных рабов в качестве пеонов, чтобы они могли содержать их по мексиканскому закону о пеонаже, пока не станут достаточно сильными, чтобы принять закон о рабстве. Ввести рабство в Нью-Мексико и Юте будет не сложнее, чем это было в Техасе.

Я не буду сейчас возвращаться к вопросам, которые волновали страну и партию вигов в то время, когда генерал Тейлор был выдвинут на пост президента. Что бы я ни думал о нем и о целесообразности его выдвижения, будет лишь справедливостью сказать, что теперь я верю, что он был настоящим человеком и выступал против рабства. Он намеревался честно выполнять волю Конгресса и исполнять законы своей страны, невзирая на диктат рабовладельцев. Он бы подавил первое движение за разобщение; или, скорее, знание того, что он будет делать, предотвратило бы любое такое движение. Собственными устами, в своем собственном доме, он сказал мне, что в случае, если какой-либо штат попытается аннулировать акт Конгресса, он должен немедленно приказать военно-морским силам блокировать его побережье; он не допустит, чтобы что-либо проходило в мятежное государство или выходило из него; и через шесть месяцев, сказал он, оно прекратит сопротивление без пролития крови. Как вы хорошо знаете, планом президента Тейлора было оставить урегулирование вопроса о рабстве на усмотрение самих территорий; не потому, что он не был готов к тому, чтобы этот вопрос был решен Конгрессом и введен запрет, а потому, что он видел, что, хотя запретительный акт может быть принят Палатой представителей, он, безусловно, будет отклонен Сенатом. Поэтому он бросился вперед к тому, каким, по его мнению, должно быть положение вещей после того, как были предприняты все безрезультатные попытки принятия законодательства по этому вопросу; и он принял это будущее состояние и результат событий в качестве своего нынешнего плана действий. Если члены Палаты представителей от северян окажутся верны своим избирательным округам и своим обещаниям, они никогда не позволят организовать территории без соответствующего условия; и страх перед таким запретом исключит рабство на территориях, так же несомненно, как и сам запрет. Рабовладельцы не рискнули бы ввозить рабов в страну, где в любой момент акт Конгресса мог освободить их. И если бы рабство могло быть сохранено за пределами территорий только до тех пор, пока они оставались территориями, оно, конечно, было бы запрещено самим государством, когда условие территориальной принадлежности должно было бы смениться условием государственной независимости. Мальчик, воспитанный в добродетельных поступках до того дня, когда ему исполнится двадцать один год, не станет перенимать все пороки на следующий день.

Недавний закон предоставил Техасу более пятидесяти тысяч квадратных миль свободной территории Нью-Мексико и обещание выплаты десяти миллионов долларов через четырнадцать лет с процентами в размере пяти процентов. до этого времени; что при сложных процентах составляет предполагаемый грант в размере двадцати миллионов долларов. Это сделано под предлогом погашения долгов, которые она имела на момент аннексии. Но эти долги, по самым высоким оценкам, не превышают семи миллионов, так что ей оставлено явное вознаграждение в размере по меньшей мере трех миллионов в дополнение к предоставлению еще одного рабовладельческого штата. Интересы этих трех миллионов будут поддерживать ее правительство и обеспечивать ее средствами для борьбы с рабством.

Есть что-то совершенно экстраординарное в притязаниях Техаса на территорию, за которую она получила столь непомерную цену. Ее титул был получен не путем завоевания или покупки, а актом ее собственного законодательного органа. Она претендовала на эту территорию только потому, что распространила на нее свое законодательство, хотя у нее было не больше прав издавать законы для нее, чем для Канады. Я привез с собой для вашего ознакомления, если кто-нибудь из вас пожелает их увидеть, серию карт, иллюстрирующих рост Техаса. Согласно карте Гумбольдта 1804 года, Техас занимал 71 752 квадратных миль. Согласно карте Таннера 1826 года, он занимал 108 097 квадратных миль. Согласно карте Остина 1839 года, он разросся до 179 567 квадратных миль. Последним требованием его законодательного органа было огромное количество в 325 000 квадратных миль, которое акт Конгресса урезал всего до 237 321! Согласно его собственным законодательным установкам, он вырос с 70 000 до 325 000 квадратных миль. Благодаря хорошему земледелию в этой части страны мы можем выращивать больше урожая на одной и той же земле, но в Техасе они заставляют расти саму землю. Я думаю, что сам Гумбольдт был бы поражен любой подобной геологической теорией подъема земли, которая менее чем за пятьдесят лет увеличила бы площадь в 70 000 квадратных миль во внутренней стране до более чем 300 000.

Но, сограждане, рабство уже существует на территориях, независимо от того, запрещено оно Богом и природой или нет! Линия 36 ° 30 пересекает территорию, присвоенную индейцам, которая и так полна рабов. Всякий раз, когда индейский титул будет аннулирован, рабство будет обнаружено там во владении земель. Сегодня в Юте есть рабы, и джентльмен, избранный делегатом от этой территории в Конгресс, сообщил мне, что религия мормонов ничего не предписывает по этому вопросу.

Мне нет необходимости сейчас останавливаться на другом акте прошлой сессии - Законе о беглых рабах, — потому что, по-моему, пока в Массачусетсе не прозвучало ни одного голоса в его защиту или смягчении. Это акт, который может превратить всех нас здесь, в этот момент, в охотников за рабами; который может прервать это собрание в настоящее время, если офицер, облеченный властью Соединенных Штатов, появится в этой двери и прикажет нам преследовать предполагаемого беглеца, возможно, местного свободного человека, через могилы наших отцов-пилигримов.

Стоя здесь, перед вами, мои избиратели, чтобы дать отчет о моем руководстве, я должен сказать, что своим голосом, путем увещаний, всеми средствами, которые были в моей власти, я, в меру своих возможностей, сопротивлялся принятию всех этих законов. Почему я так поступил? Потому что, во-первых, я чувствовал себя моральным и ответственным существом; и,

как таковой, я не мог поступить иначе. Я сделал это, во-вторых, потому, что я был вашим представителем и считал, что действую в соответствии с вашими пожеланиями, пожеланиями партии вигов Массачусетса и моих избирателей в целом. Я ошибся? [Залп отрицательных ответов.]

Чтобы выяснить, каковы были пожелания партии вигов и тех, кто выдвинул мою кандидатуру, я отсылаю вас к ряду резолюций съездов и деклараций наиболее аккредитованных авторитетов этой партии по этому вопросу за прошедшие годы. Нижеследующее входит в число резолюций конвента вигов, собравшегося в этом городе в марте 1848 года, чтобы назначить преемника достопочтенного. Джона Куинси Адамса. Они были приняты единогласно:—

“Постановлено, что члены настоящего съезда собрались вместе с целью выдвижения кандидата на замещение вакансии, имеющейся в восьмом избирательном округе конгресса, скорбят вместе со штатом и нацией о событии, лишившем их услуг этого выдающегося сына Массачусетса, чей голос всегда возвышался в борьбе за свободу, чьи обширные и разнообразные полномочия, больше, чем у любого другого государственного деятеля его времени, были посвящены служению своей стране, проливанью света на ее институты и ведению ее по пути долга, процветания, справедливости. и слава.

“Решено, что потеря его службы в залах Конгресса в настоящее время заслуживает более глубокого сожаления, когда его огромный вес характера, его влияние, его таланты, его мудрость, его рвение и неукротимая энергия были бы так благотворно сказаны при решении великих вопросов свободы и рабства, которые предстоит обсудить и разрешить в наших недавно приобретенных владениях, простирающихся от Мексиканского залива до Тихого океана.

“Решено, Что нам надлежит объединиться в выборе кандидата, который будет представлять этот округ в Конгрессе, принципы которого будут соответствовать принципам его предшественника, чья верность великим принципам свободы человека должна быть непоколебимой, чей голос при любых обстоятельствах будет использоваться для расширения и обеспечения свободы человеческой расе”.

В сентябре 1848 года съезд вигов штата Массачусетс собрался в Вустере, когда была принята следующая резолюция, среди прочих, сообщенная достопочтенным Дж. Джозеф Белл из Бостона, с тех пор председатель Сената Массачусетса, был единогласно утвержден:—

“Решили, что, будучи проникнуты глубоким чувством нашей ответственности как представителей Вигов Массачусетса, той ответственности, которая накладывается на наши слова, поступки и голоса, мы не можем не заявить в этом случае, как мы никогда не подводили ни на одном другом общем собрании вигов Массачусетса, самым торжественным и обдуманном образом, о нашем безоговорочном несогласии с любым распространением института рабства на нашу территорию или любыми приобретениями территории с целью такого расширения. По этому вопросу голос вигов Массачусетса был непоколебимым и единым, и никогда еще этот голос не звучал с таким красноречием и силой, как тогда, когда наш уважаемый сенатор в Конгрессе, выступая от своего имени и от имени всего народа Содружества, сказал: ”Я не даю согласия ни на дальнейшее расширение сферы рабства в Соединенных Штатах, ни на дальнейшее увеличение представительства рабов в Палате представителей”.

В сентябре того же года в этом месте собрался еще один съезд вигов, чтобы выдвинуть кандидата на Тридцать первый съезд. Мои взгляды, зафиксированные моими голосами по всем вопросам рабства и выраженные в моей речи, произнесенной 30 июня предыдущего года, были тогда представлены народу. На этом съезде, среди прочих резолюций, путем аккламации были приняты следующие:

“Решено, Что мы сердечно одобряем курс достопочтенного . Гораций Манн и что его позиция в отношении свободных принципов, свободного труда и свободы слова, подкрепленная такими выдающимися способностями, была всего лишь удовлетворительным соответствием ожиданиям, которые мы возлагали на него, когда назначали преемником прославленного Адамса. Рассматривая прошлое как лучший и единственный почетный залог будущего, этот съезд единогласно предлагает его имя жителям этого округа для переизбрания”.

На съезде вигов штата, состоявшемся в Спрингфилде 29 сентября 1847 года, мистер Вебстер заявил, что не согласится на продление рабства. Разве законы, которые я только что прочитал, не являются согласием? — полным согласием? Он назвал оговорку Уилмота своим “ударом” и сказал, что ее у него украли. Украли у него или нет, я не решаю. Похоже, он определенно утратил власть над этим; ибо теперь мы видим, как он гремит с другой стороны; да, с высокого Олимпа, на который его вознесли голоса Массачусетса, он бросил свои стрелы против самых дорогих интересов своих благодетелей. Но говорят, что мы зарегистрировали эти акты рабовладельческого законодательства под диктовку юга, чтобы спасти Союз. Когда губернатора Дэвиса однажды попросили поступиться правами человечества ради спасения Союза, он ответил вопросом: “Сколько раз у нас есть, чтобы спасти Союз?” Если мы уступим любой угрозе раскола, нам придется спасать Союз всякий раз, когда какой-либо фракционный и беспринципный его член будет угрожать сопротивлением законам. Взгляните на нынешнюю угрозу, исходящую от Техаса. Какими ресурсами он располагает, чтобы противостоять правительству в целом? У нее нет никаких средств, кроме школьного фонда в размере 34 000 долларов, который ее губернатор в одном из своих последних посланий объявил нерушимо преданным образованию. Конечно, с тех пор, как прозвучал этот призыв к восстанию, он сказал, что этот фонд, который не может быть использован ни на какие полезные цели, может быть присвоен предательскому фонду сопротивления. Но посмотрите на сумму этого фонда — 34 000 долларов. Военные говорят мне, что ни один полк конных рейнджеров не смог бы продержаться дольше месяца; а все более населенные районы Техаса находятся по крайней мере в месячном переходе от Санта-Фе, который является ближайшей точкой атаки. Никогда не было ничего более нелепого, чем угрозы Техаса о том, что он вооруженным путем овладеет восточным берегом Рио-Гранде, если он не будет ей сдан. Она не может даже защитить себя от индейских племен, которые бродят по регионам, лежащим между ней и людьми, которых она угрожает поработить. Помогут ли ей недовольные штаты юга оружием, деньгами или людьми? Единственные штаты, на которые она могла хоть как-то положиться, — это Миссисипи и Южная Каролина. Можно ли организовать вооруженные силы, а затем пройти маршем почти тысячу или почти полторы тысячи миль по стране, чтобы поддержать техасское знамя на границах Рио-Гранде? Если бы экспедиции отправлялись морем, разве не могли бы устье Миссисипи, гавань Чарльстона и ворота Мексиканского залива, лежащие между мысами Флорида и Вест-Индскими островами, да и само побережье Техаса быть блокировано и охраняться, чтобы сделать невозможным вторжение враждебных сил в Нью-Мексико? Говорите о сопротивлении техасцев правительству этих Соединенных Штатов, мои сограждане; это настолько нелепо, что невозможно представить себе ничего не менее нелепого, и что, следовательно, самим

сравнением сняло бы часть этой бессмыслицы. Такая капитуляция перед угрозой разобщения подобна глупой матери, которая дала своему сыну конфетку, чтобы он перестал ругаться. Вскоре он разразился потоком ненормативной лексики, и когда мать спросила его, зачем он это сделал, он сказал: “Я хочу еще сахарных слив”. Генерал Тейлор охватил всю тему в коротком предложении, когда сказал, что больше боится техасских оков, чем техасских штыков. Их узы оказались в десять тысяч раз сильнее их штыков в достижении этого катастрофического компромисса.

Но не только на съездах партии вигов выражались настроения, совершенно несовместимые с теми великими уступками, на которые мы пошли. Такие настроения исходили из более авторитетных источников. Они — голос нашего содружества, повторяющийся голос, повторяемый снова и снова на протяжении ряда лет. Позвольте мне выбрать несколько из множества постановлений законодательного собрания Массачусетса, относящихся ко времени, предшествующему тому, когда я был в Конгрессе. В 1847 году было принято следующее постановление:—

“Решено, единогласно, что законодательное собрание Массачусетса рассматривает существование человеческого рабства в пределах Соединенных Штатов как великое бедствие, огромное моральное и политическое зло, которое должно быть отменено, как только эта цель может быть достигнута должным образом и конституционно, и что против его распространения должны выступать все добрые и патриотичные люди по всему Союзу”.

Снова, в 1849 году, законодательное собрание Массачусетса

“Решено, что, когда Конгресс создаст правительства для территорий Калифорнии и Нью-Мексико, его обязанностью будет установить в них основополагающие принципы указа от тысячи семьсот восемьдесят седьмого по вопросу о рабстве, с тем чтобы этот институт мог быть навсегда исключен из него вне всяких шансов и неопределенностей”.

И снова, в течение текущего года, а не шесть месяцев назад, тот же суд общей юрисдикции вынес следующее решение. Я мог бы прочитать из печатного тома “Актów и постановлений 1850 года”; но я предпочитаю прочитать из *этого официального циркуляра*, который я держу в руках, который заверен государственным секретарем и был направлен мне в Вашингтон, как и всем другим членам Конгресса от Массачусетса, чтобы мы могли быть проинформированы о взглядах правительства штата, а также наших соответствующих избирательных округов по этому важному вопросу:

“Решено, что народ Массачусетса искренне настаивает на применении Конгрессом постановления 1787 года со всеми возможными санкциями и юридической строгостью к территориальным владениям Союза во всех частях континента и на все грядущие времена.

“Решено, что народ Массачусетса, придерживаясь этих своих хорошо известных и непобедимых принципов, ожидает, что все его должностные лица и представители будут придерживаться их всегда, при любых обстоятельствах”.

И все же через шесть месяцев мы призваны поддержать эти законы. Это “все грядущее время”? Неужели эти “непобедимые принципы” законодательного собрания массачусетских вигов должны растаять, как воск, под дуновением партии? Они уведомили меня под своей печатью и подписью, что ожидают, что “все их должностные лица и представители будут придерживаться

их в любое время, при любых обстоятельствах”. И все же, не прошло и шести месяцев, как некоторые из тех самых людей, которые проголосовали за то, чтобы дать мне такие инструкции, или предписания, или называйте их как вам угодно, отказавшись от своих собственных торжественных заявлений о принципах, теперь упрекают меня, потому что я тоже не буду им повиноваться. Неужели вы должны ожидать от людей, которых вы избрали своими голосами и которым были доверены важнейшие интересы миллионов и честь страны, что их клятвы будут подобны клятвам вероломных любовников, которые клянутся в “вечной верности” во время медового месяца? В связи с этими решениями, которые принял некий слушатель Уитфилда, мы не можем найти оправдания тому, что он казался невозмутимым во время одной из его патетических речей, в то время как все остальные были растроганы до слез. Когда его спросили, почему он тоже не плакал, он ответил, что “он не принадлежал к этому приходу”. Мы действительно принадлежим к этому приходу. Это “акты и резолюции” нашего собственного государства, только что отчеканенные. Мы не можем отрицать их подлинность. Если мы где-то и вменяем мошенничество, то это должно быть связано с мотивами тех, кто их передавал. Послушайте также, что говорит по этому же поводу губернатор Бриггс в своей последней инаугурационной речи: —

“Не сомневаясь в конституционном праве Конгресса исключать рабство на своих территориях и полагая, что такого исключения требуют высшие принципы морали и справедливости, она никогда не сможет согласиться с его распространением на один фут территории, где его сейчас нет. Если другие свободные штаты согласятся с ней в этой резолюции, дело будет сделано, а последствия предоставлены самим себе”.

Таким образом, партия вигов в этом штате и ее исполнительная власть обязались не распространять рабство “ни на шаг”. Сколько футов на шестьсот тысяч квадратных миль, на которые законодательство последнего Конгресса разрешает распространение рабства? — какое законодательство партия вигов теперь призвана утвердить, — то есть, сколько бесчисленных обязательств они требуют от нас нарушить?

Позвольте мне теперь процитировать другого высокопоставленного представителя вигов — генерала Джеймса Уилсона из Нью-Гэмпшира. В течение многих лет, вероятно, ни один человек не считался более авторитетным выразителем настроений вигов. Он был нанят партией или партийными органами для поездки по стране с целью пропаганды принципов вигов, и везде его слушали с большим одобрением. В Конгрессе он высказался следующим образом: —

“Я считаю, что Конгресс обязан заботиться о территориях и таким образом распоряжаться трастом, который наилучшим образом будет способствовать интересам тех, кто в дальнейшем может иметь право на их полезное использование. Как член этого Конгресса, я чувствую, что несу часть этой ответственности, и я желаю достойно выполнить ее. Я так хочу оправдать себя, что моя собственная совесть не будет упрекать меня, и что, когда я уйду из жизни, никакие упреки не падут ни на меня, ни на моих детей после меня за мои действия здесь по этому важному вопросу. У меня есть, сэр, единственный сын, теперь уже совсем маленький, которого кто-то из членов этого комитета, возможно, видел здесь. Думаете ли вы, что, когда меня не станет, и он повзрослеет и выйдет вперед, чтобы играть свою роль среди граждан страны, я позволю бросить ему в зубы в качестве упрека тот факт, что его отец проголосовал за введение рабства на этих территориях? Нет! О, нет! Я благоговейно вззираю на Отца всех нас и горячо умоляю его избавить этого ребенка от подобных упреков. Да упаси бог от этого!

“Я уже говорил, что для рабовладельческой власти характерно достигать всех своих политических целей в этом правительстве. Теперь я должен сказать, что сила и влияние рабства на деятельность Конгресса ослаблены, если не исчезли полностью. [Какая бесконечная ошибка!] Я делаю это заявление не потому, что у меня есть какое-то доверие к нынешним политикам. Нет, сэр, у меня его вообще нет. Политики сейчас так же готовы предать своих избирателей, как и раньше. С сожалением должен сказать, что доказательств этому достаточно. Я верю в людей. Они взяли дело в свои собственные руки; они построились в боевой порядок без приказа какого-либо политического лидера. Вот они стоят, выстроившись в переднюю шеренгу, и в заднюю шеренгу, и рядовыми-приближенными на позиции, с готовыми к атаке штыками. Они говорили со своими представителями громовым голосом и предостерегали их ототказа от своих интересов. Они предложили им делать это на свой страх и риск. Избиратели призвали своих представителей предать их доверие, прятаться и отступать перед ними, *если они посмеют*.

И, сэр, избиратели высказались ‘по чести’. Они полны решимости и будут добиваться своих целей. Было время, когда, если рабовладельческой власти требовалось выполнить какую-то особую работу и для этого требовался северянин, они разыскивали его из Нью-Гэмпшира. Маленькому, несчастному Нью-Хэмпширу пришлось предоставить мусорщика для выполнения грязной работы. Этот день, слава Богу, прошел, и он наступит еще не скоро. [Подождите короткий год, мистер Уилсон, и увидите, кем станет Азаил.]

“Северяне не расположены нарушать границы или вмешиваться в права юга. Там, где рабство существует в штатах, северяне не заявляют о своем праве вмешиваться в него посредством каких-либо политических действий этого правительства. Люди не требуют от Конгресса никаких действий по вопросу рабства в штатах. Но джентльмену не нужно спрашивать меня о моем голосовании за расширение института рабства на один дюйм за пределы его нынешних границ. Я сказал "на дюйм", мистер Председатель? Да, я бы не стал расширять его ни на шестнадцатитысячную долю ширины волоса. Я бы не стал продлевать его, потому что это нанесло бы непоправимый вред моим ближним; потому что это нанесло бы непоправимый вред тем территориям, для которых мы сейчас должны принимать законодательные акты; потому что это было бы насилием над природой и Богом природы; и потому что это было бы злым и бессмысленным предательством доверия, оказанного мне свободным, разумным электоратом, который оказал мне честь, отправив меня сюда.

“Ни один человек не сможет угрожающе погрозить мне пальцем, посмотреть мне в лицо с насмешкой презрения и сказать мне оскорбительным языком бывшего представителя Виргинии [мистера Рэндольфа]: ‘Мы завоевали вас, и мы завоюем вас снова; мы покорили вас не черными рабами юга, а белыми рабами севера’. Нет, сэр, это замечание никогда не относится ко мне. Джентльменам не нужно разговаривать со мной или пытаться напугать меня угрозами роспуска Профсоюза. Сэр, я не позволяю себе говорить или даже думать о роспуске Союза; очень немногие северяне делают это. Мы все считаем это невозможным. Но, сэр, сэр, если бы мне была представлена альтернатива продления рабства или роспуска Союза, я бы сказал, что вместо того, чтобы продлевать рабство, пусть Союз, да, сама Вселенная будет распущена! Никогда, никогда я не подниму руку или свой голос, чтобы проголосовать за то, чтобы он был продлен. Поскольку Бог мне судья, я не могу, я не отступлю от цели, о которой я сейчас объявил”.

И все же тот же самый генерал Уилсон проголосовал за каждый из этих законов, за исключением, возможно, последнего, который был принят ночью — подходящая темнота для такого мрачного дела, - и на следующее утро он уехал в Калифорнию. Как может такой человек остановить эту сторону Ботани-Бей? Итак, сограждане, вы хотели, чтобы я опозорил себя, и вас, и человеческую природу тоже таким актом вопиющего отступничества? (Грохот "нет".) И все же, если эти меры приняты и поддерживаются партией вигов, и если те люди, которые совершили эти гнусные поступки, оправданы и поддержаны вами, то чем вы менее виновны, чем генерал Уилсон?[16]

Позвольте мне процитировать пару отрывков из речи, произнесенной одним из моих коллег в Конгрессе, достопочтенным Дж. Джордж Эшмун, который, я полагаю, обычно считался довольно хорошимавторитетом для вигов. В речи, произнесенной им 27 марта прошлого года, касаясь темы рабства на территориях и возвращения предполагаемых беглых рабов, он сказал:

—
“Однако я обязан сказать, что, если юг будет упорствовать в объединении, требуя введения рабства на наши свободные территории, я, со своей стороны, должен соответствовать одновременно взглядам моих избирателей и убеждениям моего собственного суждения; и если меня вынудят к альтернативе, я без колебаний проголосую за это условие”. —*Приложение к Конгрессу. Глобус, 1-я сессия. 31-й Конгресс, стр. 401.*

“Хотя я желаю сделать все, что может защитить права собственности, которые гарантированы гражданам рабовладельческих штатов, я не могу согласиться пожертвовать правами на свободу, которые принадлежат гражданам свободных штатов. Для достижения обеих этих целей я не вижу другого способа, кроме как урегулировать эти права в судебных инстанциях, *на основании вердиктов присяжных и постановлений судов....* Когда цветной человек арестован в Массачусетсе по обвинению в том, что он является собственностью гражданина рабовладельческого штата, и он утверждает, что является гражданином Массачусетса, и ссылается на защиту законов Массачусетса, следует ли говорить, что он может быть в срочном порядке отправлен за границу по постановлению любого магистрата без привилегии отстаивать свое право на гражданство перед судом присяжных страны? Почему, сэр, этого нельзя было сделать в случае с лошадью, сбежавшей из одного штата в другой и найденной во владении гражданина. Ее нельзя было отнять сильной рукой, силой. Истец должен прибегнуть к судебному процессу. Он должен оспорить свой судебный приказ о возмещении ущерба, и титул ответчика должен быть оспорен по месту его жительства. Этот подсудимый может быть негром; и, конечно, если без суда присяжных вы не можете отобрать то, что он считает своей собственностью, вы вряд ли можете требовать схватить самого человека и увезти его, прежде чем его право на свободу будет проверено судом, по крайней мере, таким же респектабельным и безопасным, как право на его лошадь”. —*ib. стр. 399.*

И еще один мой коллега, [г-н Дункан] еще 7 июня прошлого года решительно заявил в Палате представителей следующее:—

“Если правительству Нью-Мексико и Юты будут представлены территориальные законопроекты, я проголосую за исключение рабства на этих территориях.

Позвольте мне подкрепить эти цитаты еще одной цитатой одного из признанных лидеров партии вигов, достопочтенного Дж. Руфус Чоут:—

“По всем важным вопросам дня, кроме рабства; по исполнительной власти, по внутреннему благоустройству, по защите труда, по миру и конституции, мы намерены оставаться той же партией вигов, единой и неделимой, от штата Мэн до Луизианы, — одним огромным объединением единодушных чувств по всей стране; и только по этому вопросу мы всегда расходимся с вигами юга; и по этому вопросу мы предлагаем просто проголосовать против них”.^[17]

Я также процитирую отрывок из недавнего письма достопочтенного . Зено Скаддер, бывший президент—виг в Сенате Массачусетса, а ныне кандидат от партии вигов в Конгресс по округу № 10: -

“Я был на съезде в Спрингфилде, когда мистер Вебстер сказал: "Ни одного дюйма территории рабов;*нет, ни одного дюйма!*" С помощью его замечаний по этому поводу я утвердился во взглядах, которых придерживался раньше, и пока не видел причин менять их.

“В 1847 году я имел честь и удовольствие выразить свое "да" в поддержку резолюций "о существовании и распространении рабства в пределах юрисдикции Соединенных Штатов" и "о войне в Мексике и институте рабства", которые были приняты законодательным органом в прошлом году; и если бы я был членом этого органа на его последней сессии, я бы поддержал резолюцию "о рабстве", которая была тогда принята.

“Когда я записывал свое "да" и защищал резолюции 1847 года, я не предполагал, что они были *пустыми словами*, написанными для того, чтобы ими болтали и декламировали в Массачусетсе, и которые были *надежно спрятаны*, если я когда-нибудь покину юрисдикцию. Я предполагал, что они включают в себя великие принципы свободы человека, которые должны применяться по всей длине и широте нашей страны, когда бы и где бы время и место ни предоставляли для этого законные возможности ”.

На съезде вигов штата, состоявшемся в Спрингфилде в 1847 году, доктором Пэлфри была представлена резолюция, “что виги Массачусетса не поддержат на постах президента и вице-президента никого, кроме тех, чьи действия или заявленные мнения известны как выступающие против распространения рабства”; а мистер Уильям Дуайт, в то время из Спрингфилда, как сообщается, сказал: “Вы не можете голосовать за кандидата, о котором не известно, что он выступает против распространения рабства;*это было бы проявлением вины*”.

Но, сограждане, я мог бы продолжать ссылаться на авторитеты такого рода до заката; нет, до тех пор, пока снова не зайдет солнечный свет, и все равно оставить большую часть моих ресурсов нетронутыми. Я сошлюсь с вами еще на одну резолюцию, принятую всего несколько дней назад на съезде вигов штата, которая гласила следующее:

“*Решено*, Что Массачусетс признает свою неизменную решимость поддерживать все принципы и цели, которые она в прошлом подтверждала и переутверждала в отношении распространения рабства; и мера успеха, сопутствовавшая ее усилиям, является новым стимулом продолжать и

упорствовать во всех конституционных усилиях, пока великая и благая работа не будет завершена и доведена до совершенства”.

А теперь, джентльмены, позвольте мне спросить вас, соответствовали ли мои действия этим чувствам, выраженным в высших партийных актах и самых торжественных постановлениях государства? [Всеобщее одобрение.]

Здесь, сограждане, я подхожу к контрольному вопросу: делали ли мы, как истинные виги и как честные люди, все эти заявления искренне, намереваясь придерживаться их до конца; или это делалось время от времени, чтобы выманить голоса у части наших сограждан, руководствуясь мерзкой доктриной о том, что “в политике все честно”? Были ли мы откровенны и серьезны, или мы были пустыми и мошенническими?

Я очень хорошо знаю, какое влияние оказали на нас. Я знаю, что мы - народ, стремящийся к процветанию и к земному благоденствию. Каждый молодой человек среди нас вступает в жизнь с решимостью улучшить свое положение. Для меня это не повод для сожаления, а повод для радости. Если дух бережливости не выходит за рамки чести и долга, это не только правильно, но и похвально. Животные потребности человека должны быть удовлетворены до того, как он разовьет свои интеллектуальные или моральные силы. Вы можете найти людей, которые будут добродетельны среди нужды и лишений, — героев в добродетели; — но добродетельного сообщества в лохмотьях и голоде вы никогда не найдете. Мы должны привести общество в состояние физического комфорта, прежде чем оно достигнет умственного совершенства. Поэтому я горячий сторонник всех мер, направленных на увеличение богатства страны; но при том неизменном условии, что это делается без жертвования принципами. Любое расширение бизнеса, любое увеличение прибыли, любое приумножение богатства, полученного обществом за счет отказа от принципов, столь же ненадежно и постыдно, как и доходы отдельного человека за счет мошенничества, растраты или присвоения чужого имущества.

Поэтому в целях поощрения нашего отечественного труда я выступаю за введение защитного тарифа. Возможно, здесь присутствуют некоторые люди, которые не согласны с этим мнением; но я пришел сюда, чтобы признаться, а не скрывать свои чувства и поступки. Мне всегда казалось, что мы должны защищать наш труд от иностранной рабочей силы, иначе наши рабочие дома окажутся в положении нищих рабочих за границей. В Манчестере в Англии, Глазго в Шотландии и многих других промышленных городах Великобритании живут тысячи несчастных, деградировавших женщин-работниц, которые зарабатывают едва ли шиллинг в день. Покончив со своей дневной работой, они заходят в кабачки, бродят по улицам до полуночи, и если злобные люди не приглашают их уйти, они сбиваются в кучу в грязных ночлежках, где спят, мужчины и женщины, беспорядочно общаясь, пока утро не призвет их вернуться к своим обязанностям. Теперь, когда труд так скудно оплачивается, ткани можно производить дешевле; и если эти ткани можно будет отправлять в эту страну беспощинно, они будут продаваться у нас дешевле, пока цены на наш труд и условия наших работников не будут снижены до их уровня. Для защиты нашей промышленности не остается ничего, кроме более дешевой перевозки материалов, а это слишком незначительная компенсация, чтобы иметь какое-либо значение. В этом вся философия вопроса, и мне она всегда казалась неопровержимой.

Считалось и говорилось, что если мы уступим югу в вопросе о рабстве, они уступят нам в вопросе о тарифах. Мы отказались от вопроса о рабстве. Ввели ли мы тариф? Получили ли мы

что-нибудь, кроме позора в глазах цивилизованного мира? Мне кажется, что наши шансы на введение тарифа значительно уменьшились. Для получения большинства, которое необходимо для принятия закона о тарифах, мы должны полагаться на наших оппонентов. Из-за того, что мы уступили югу, их партийная дисциплина значительно укрепилась, и сейчас как никогда трудно заручиться их голосами за любую меру, отвечающую интересам севера. Кроме того, теперь они говорят, что оставят вопрос о тарифах открытым, чтобы поддержать наше хорошее поведение. Что теперь могут сказать в свое оправдание те, кто ввел часть нашего народа в заблуждение, что они могут безопасно обменять права человека на денежные преимущества, и оставил своим одуроченным как потерю преимуществ, так и позор отказа от своих принципов!

Но к нам обращен призыв ратифицировать эту капитуляцию перед рабовладельческой властью из-за нашей любви к Союзу. И всегда ли наша любовь к Союзу должна быть преобразована или, скорее, извращена в мотив действия, направленный против рабства? Я самым сердечным образом присоединяюсь ко всем вам, я присоединяюсь к любому человеку, заявляя о своем уважении к Союзу и о своей решимости поддерживать его. Но Союз следует использовать таким образом, чтобы расширять его, а не ограничивать человеческое благосостояние. Если, чтобы сохранить Союз, мы должны пожертвовать всеми великими целями, ради которых Союз был создан, — установлением справедливости, продвижением общего благосостояния и обеспечением благ свободы для нас самих и нашего потомства, — тогда Союз представляет собой уже не благодетельное божество, а грязного Дагона и достоин того, чтобы его разорвали на куски. Профсоюз, который должен быть обеспечен такими жертвами, на которые были недавно принесены в Нью-Йорке во имя так называемого “Профсоюзного собрания”, отменяет преимущества, которые он должен был обеспечить. Для созыва этого собрания было собрано восемь тысяч подписей; но для их сбора были прочесаны целые улицы, и людям угрожали обнародованием их имен и, как следствие, потерей южных обычаев, если они откажутся присоединиться к призыву. Многие были вынуждены платить *деньги за молчание*, чтобы предотвратить разоблачение. Идея Нью-Йорка - рабство и свободная торговля. Здесь это рабство и тарифы. Оба города не могут заплатить цену за отказ от принципа.

Нет, сограждане, чем больше мы уступаем требованиям юга ради спасения Союза, тем больше мы можем и должны. Их тоскующие взоры уже прикованы к Кубе. Сегодня существует большая вероятность и большая опасность того, что Куба будет присоединена к этому правительству в течение пяти лет, чем была аннексия Техаса за пять лет до этого события. Недавно я сказал одному луизианцу: “Скоро вы будете за создание рабовладельческого государства на Кубе”. “Нет, - сказал он, - мы собираемся сделать из этого два”.

Джентльмены, я и так слишком долго занимал ваше внимание. Но я вынужден сделать несколько кратких замечаний по теме, которой я бы с удовольствием избежал. Повод вашей нынешней встречи известен всем. Два года назад виги этого округа выдвинули меня кандидатом на место в Конгрессе, которое я сейчас занимаю. Благодаря благосклонности моих сограждан из всех партий я получил более одиннадцати тысяч голосов из примерно тринадцати тысяч, поданных на тех выборах. В то время я был уверен, что согласен во всех основных принципах политической веры с теми, кто оказал мне свою поддержку, иначе я не принял бы этот пост из их рук. Я старался добросовестно и в меру своих возможностей выполнить пожелания, которые они тогда высказали и которые, как они хорошо знали, у меня были. Тем не менее, на прошлой неделе конвент вигов (так называемый) собрался в этом месте, чтобы выдвинуть кандидата на тридцать второй конгресс; и после некоторого тщательного

голосования они выдвинули в качестве моего преемника distinguished Дж. Сэмюэл Х. Уолли, — джентльмен, я счастлив сообщить, к которому я всегда поддерживал отношения личной доброты. Говоря языком того времени, эта конвенция выбросила меня за борт. Теперь всему кругу моих личных друзей известно, что, как только Конгресс принял эти меры в защиту рабства, на которые я ссылался, у меня сформировалась решимость не баллотироваться на переизбрание. Я решил вернуться к людям и трудиться дома, а не в Вашингтоне, во имя свободы человека. Но вскоре в определенных влиятельных кругах стало известно, что меня больше не вернут в Конгресс и что я буду заклеен отказом. Как вы все знаете, были предприняты непревзойденные усилия для осуществления этой угрозы; даже государственный секретарь Соединенных Штатов воспользовался этим случаем для практического противоречия всему, что он когда-либо говорил против применения влияния правительства на свободу выборов; и слушания на съезде на прошлой неделе были первой частью наказания, которое я должен понести за защиту прав человека и разоблачение их нарушителей. Говорят, что съезд на прошлой неделе был переполненным, что он не отражал пожеланий народа. Приличия запрещают мне выдвигать какие-либо подобные обвинения, даже если они, вероятно, были правдой. Через несколько дней этот вопрос будет решен сувереном всех нас у урны для голосования.^[18]

Но два или три момента, на которые я хотел бы обратить ваше внимание, содержатся в обращении, сделанном на собрании, о котором я упоминал. Позвольте мне, однако, предположить, что я не делаю исключений из того факта, что мои действия и мнения должны стать предметом изучения и критики со стороны любой группы людей или любого мужчины. Лучше, чтобы *animadversion* была неверной, чем чтобы она не была бесплатной. Как и Аристидис, я бы написал голосование, которое должно изгнать меня, а не сковывать или контролировать волю избирателя. И теперь, изложив эти принципы в пользу свободы слова для других, я продолжаю демонстрировать их на собственном примере.

Первое обвинение, выдвинутое против меня в обращении, заключается в том, что я сказал в письме, датированном 3 мая прошлого года и адресованном части моих избирателей,^[19] что я “по разным пунктам симпатизировал разным партиям, но не был связан никакими обязательствами”. По этому поводу в обращении отмечается: “Если мы понимаем, что он имел в виду, то так оно и есть ... он не может быть нашим чемпионом и защищать наше дело, как подобает нашему истинному представителю, когда бы и где бы к нему ни обратились”. Нет, отвечаю я на это, я не буду заранее обещать быть чьим-либо “чемпионом” или защищать чье-либо “дело”, “когда и где бы к этому ни обратились”. Это означало бы предложить первенство и преданность мужчинам и мерам, независимо от того, правы они или нет. Если какой-либо мужчина предложит проголосовать за меня на таких условиях, я отказываю ему в своей помощи и презираю его поддержку. Возможно, я не знаю, для чего я был создан, но для чего я определенно никогда не был создан, так это для того, чтобы включать и выключать принципы под диктовку компании, подобно тому, как лакей меняет ливрею по приказу своего хозяина.

Еще одно замечание в обращении состоит в том, что так называемые компромиссные меры, за исключением закона о беглых рабах, были “мудрыми, и что они дали свободным штатам все, о чем они могли разумно просить”. Какое же это оупение, друзья мои, от нас самих, от нашей партии и от каждого департамента правительства нашего штата за последние десять лет. Что вы

делали, кроме как разрешали, оспаривали и помещали свои слова и поступки в исторические документы штата и нации, вопреки идентичным мерам, которые теперь объявлены “мудрыми” и всем тем, о которых свободные штаты “могли разумно просить”? Я заканчиваю этот пункт единственным замечанием. В обращении закон о беглых рабах исключается из числа мер, которые он одобряет. Не пройдет ли еще год, как этот самый отвратительный акт в современном законодательстве будет смягчен или принят теми, кто голосовал за это обращение?

Третье возражение против моей позиции состоит в том, что я рассматриваю вопрос о распространении рабства на наших территориях как первостепенный по сравнению с теми вопросами финансового характера, по которым мы желаем добиться благоприятного решения правительства. Пусть это возражение против меня обретет полную силу. Я признаю это во всей его длине и широте. Я действительно рассматриваю вопрос о свободе человека на наших обширных территориях, со всеми зависящими от него общественными и частными последствиями, как сейчас, так и в будущем, как первый, первостепенный, главнейший из всех вопросов, которые стояли перед правительством или, вероятно, будут стоять перед ним. Когда временные и коммерческие интересы вступают в конкуренцию с непреходящими и невыразимо драгоценными интересами свободы для всей расы, свободы для целой страны и послушания воле Создателя, мой ответ таков: “Ищите прежде царства Божьего и Его праведности, и все это приложится вам”.

В речи, произнесенной мистером Чоутом в 1848 году, он заявил, что вопрос о рабстве имеет “исключительную важность”; и за это чувство ему повсеместно аплодировали. Чем “*первостепенная важность*” настолько отличается от “*трансцендентной важности*”, что одному следует аплодировать, в то время как другое осуждается?

Позвольте мне обратить ваше внимание еще на одно замечание в обращении, и я оставлю его. Это наводит на мысль, что мой курс в Конгрессе по вопросам рабства был неприемлем для юга, и что мы должны направить представителя, который примирит их и заручится их доброй волей. Сograждане, неужели вы думаете, что какой-либо человек может быть верен памяти отцов-пилигримов и любви к свободе, которую они нам завещали, и в то же время верен духу Кавалеристов и желаниям их потомства-рабовладельца? Восемнадцать столетий назад было сказано, что ни один человек не может служить двум господам; но алчность современности предлагает решение проблемы, которую Христос объявил невозможной. Мое мнение таково, что причиной всех наших нынешних бедствий и непреходящего бесчестия последних мер является само это желание снискать расположение южан, вместо того чтобы мужественно защищать права северян.

Наконец, сограждане, нам посчастливилось жить во время великого исторического кризиса в мировых делах. Это век полезных искусств; открытий и изобретений, которые наполняют богатством кладовые и казну людей. Это век торговли, прибыли, финансов. Одна часть нашей природы подвергается интенсивной стимуляции. Давайте остерегаться воздействия этого стимула на ту благородную часть нашего существа, которую никогда не смогут удовлетворить ни великолепие, ни изобилие роскоши; которая требует верности Богу, справедливости и человечности по отношению к нашим ближним; и которая должна иметь их, или умереть второй смертью. Мы можем быть бедны, но давайте осуждать и предупреждать самую пагубную из всех бед - нищету духа. Мы можем пойти на большие жертвы; но давайте пожертвуем всем

остальным, нет, самой жизнью, прежде чем поступимся нашими принципами. Я рекомендую вам высказывания доброго епископа Ватсона, который, когда его попытались заглушить выражение своих убеждений надеждой на королевское покровительство, ответил, что “Лучше искать случайную пищу в каплях с самой бесплодной скалы в Швейцарии, обеспечив свободу своему другу, чем вкалывать как раб за самым роскошным столом величайшего деспота в мире”.

СНОСКИ:

[16] С тех пор администрация наградила мистера Уилсона прибыльным офисом в Калифорнии.

[17] См. также, *ante*, стр. 256.

[18] Народ решил вопрос, избрав мистера Манна большинством голосов по сравнению со всеми другими кандидатами.—*Издатели*.

[19] См. *ante*, стр. 237.

РЕЧЬ

Произнесено в Палате представителей Соединенных Штатов, в Комитете полного состава по положению в Союзе, 28 февраля 1851 г., по Закону о беглых рабах.

Господин Председатель;

Некоторое время назад я подготовил несколько комментариев по поводу тех важных мер прошлой сессии, которые с тех пор привлекли внимание всех сторонников конституционных свобод, а также моральных и религиозных людей во всем цивилизованном мире. Я не желаю закрывать нынешнюю сессию, не высказав сформировавшихся у меня размышлений; потому что я считаю разумным желание, чтобы мои мнения были занесены в протоколы того самого Конгресса, к мерам которого они относятся.

Кто-нибудь спрашивает, какую пользу я ожидаю от обсуждения этой темы в данный момент? Я отвечаю, по крайней мере, на это благо: на то, чтобы выразить торжественный протест против вопиющего зла и занести на скрижали истории моей страны то, что, как я полагаю, отражает взгляды подавляющего большинства моих избирателей, общие с подавляющим большинством жителей Массачусетса.

Некоторым из этих компромиссных мер суждено иметь огромное историческое значение. Они станут прецедентом. Когда в недобрые времена замышляются дальнейшие посягательства на права человека, эти старые меры будут приводиться в качестве санкции за новую агрессию; и, на мой взгляд, они всегда будут признаны достаточно широкими и достаточно плохими, чтобы охватить почти любое названное посягательство на свободу человека. Когда плохие люди захотят власти для совершения плохих поступков, им останется только вернуться к законодательству Конгресса 1850 года, чтобы найти арсенал, полный оружия несправедливости.

Сэр, законодательные прецеденты - это грозная вещь. Если они создаются без противодействия, и особенно если с ними соглашаются без жалоб, они становятся еще более грозными. Теперь, если бы не было других причин для возобновления этой темы на нынешней сессии Конгресса, одно это было бы достаточным оправданием — оно защищает аргумент от молчаливого согласия.

Когда были приняты некоторые из этих мер, и особенно когда была принята одна из самых отвратительных и преступных из них, — я имею в виду закон о беглых рабах, - эта Палата не была совещательным органом. На обсуждении воцарилась тишина. Те, кто знал, что не может согласиться с нашими доводами, подавились словами. Предыдущий вопрос, который изначально был разработан для того, чтобы пресечь злоупотребление слишком долгими дебатами, был искажен, чтобы остановить все дебаты. Слово было предоставлено известному стороннику законопроекта, который после краткой речи, смягчающей его чудовищность, перенес предыдущий вопрос; и таким образом нас заставили замолчать силой, вместо того чтобы победить аргументами. Ибо, сэр, я утверждаю, не опасаясь противоречий, что законопроект никогда не смог бы стать законом, если бы его оппонентам было позволено обсуждать его или предлагать поправки к нему. Поэтому для чести страны в настоящее время и для дела установления истины в будущем важно, чтобы отвратительные черты этого законопроекта, которые тогда были замаскированы, теперь были разоблачены. Аргументы, которые я тогда желал и намеревался выдвинуть против этого, я намерен выдвинуть и сейчас. Эти аргументы несколько не утратили своего веса из-за этой вынужденной задержки, и я несколько не утратил своего права их излагать.

Господин Председатель, я тем не менее склонен обсуждать этот вопрос, поскольку издан приказ о том, что он обсуждению не подлежит. Дискуссия была осуждена как агитация, а затем было диктаторски провозглашено, что “агитация должна быть подавлена”. Сэр, каким бы скромным я ни был, я не подчиняюсь подобной диктовке, откуда бы она ни исходила и от каких бы чисел она ни исходила. Если такой запрет предназначен для меня лично, я отвергаю его. Если это направлено на то, чтобы заставить замолчать меня как представителя убеждений и чувств моих избирателей, я отвергаю это еще более яростно. В этом правительстве недопустимо, чтобы какой-либо человек, каким бы высоким он ни был, или какое-либо сообщество людей, каким бы многочисленным оно ни было, предписывало, какие темы могут быть затронуты, а какие нет. Такое предписание в лучшем случае является разновидностью закона линча против свободы слова. Это так же отвратительно, как и любая другая форма этого отвратительного кодекса; и я всего лишь выражаю общее чувство всех благородных умов, когда говорю, что, во-первых, я тем более склонен использовать свою привилегию слова, когда властные люди и подхалимы властных людей пытаются запретить или ограничить меня. В Италии папа решает, какие книги можно читать; в Австрии император решает, какие книги можно писать; но мы более унижены, чем подданные понтифика или цезаря, если нам указывают, какие темы мы можем обсуждать. Если подданные деспотического правительства обязаны ревновать даже к тем ничтожным привилегиям, которыми они обладают, насколько чувствительными, насколько “трепетно живыми” должны быть мы все при этих угрожающих посягательствах на свободу слова и свободу мысли. Я думаю, что тем, кто так много говорит о том, чтобы напомнить нам о наших конституционных обязательствах, не мешало бы помнить, что самая первая статья поправок к конституции гарантирует свободу слова и свободу прессы. По общему согласию этой страны, проявлявшемуся во всех формах на протяжении более чем полувека, старый закон об иностранцах и подстрекательстве к мятежу был осужден. Был ли этот

закон осужден на пятьдесят лет для того, чтобы сделать наш позор более заметным благодаря его возрождению в условиях невыносимого обострения? Сэр, я считаю измену этому правительству огромным преступлением; но каким бы великим оно ни было, я считаю измену свободе слова и мысли преступлением несравненно большим.

Если справедливо и героично восстать против любых произвольных вторжений в свободу мысли и самовыражения, то разве не соразмерно низкому и подлому высказывать угрозы или угрожать социальными или политическими ограничениями за беспрепятственное осуществление этих неотъемлемых прав свободных людей? На первый взгляд, это должно быть плохое дело, которое не выдерживает обсуждения. Истина стремится к свету, вместо того чтобы избегать его. Тот обвиняет себя в неправоте, кто отказывается слушать аргументы своего оппонента. Монтескье хорошо сказал, что “пользование свободой и даже ее поддержка и сохранение состоят в том, что каждому человеку позволено *высказывать свои мысли и открыто выражать свои чувства*”. Почему же тогда в стране, до сих пор считавшейся свободной, нам говорят, что дискуссии должны быть прекращены, а агитация подавлена? Кажется, что когда свободный человек унижает свою душу, отдавая себя на защиту рабства, Бог наказывает его на месте, деморализуя его собственную природу тем духом тирании, который присущ рабству. В чем преимущество республиканского правительства перед деспотизмом, если свобода слова и печати, которая может быть задушена в одном произвольном приказом, может быть задушена в другом клеветой и доносом?

Примечательно также, что из всех “агитаторов” в стране нет более жестоких, чем те, кто агитирует против агитации. По всему северу та часть общественной прессы, которая добровольно предлагает свое влияние для расширения сферы рабства и поддержания его с помощью неконституционных законов, постоянно провоцирует агитацию, которую она осуждает. Что такое эти так называемые профсоюзные собрания в северных городах, как не разветвленный аппарат агитации — механизм для производства и отправки за границу тех самых предметов, которые его менеджеры объявляют контрабандой? Посредством публичных собраний, через публичную прессу и посредством корреспонденции, предназначенной для всеобщего обозрения, они сотрясают воздух, чтобы сохранить его спокойным; они агонизируют и бьются в конвульсиях, требуя покоя; они кричат, чтобы сохранить тишину. В самые шумные дни борьбы с рабством никогда не было сказано и половины того, что написано против этого института, как сейчас говорится и одобряется. Сэр, неужели право на агитацию должно быть монополизировано теми, кто ее осуждает? Должна ли свобода слова быть только на одной стороне; и является ли одной из функций свободы слова замалчивание чувств, которые ей не нравятся? Я думаю, что это второй случай в истории этой страны, когда была смело и беззастенчиво предпринята попытка задушить свободную дискуссию; и я не верю, что судьба тех, кто сейчас трудится для достижения столь гнусной цели, будет исторически более завидной, чем судьба их прототипов, которые приняли широко известный закон о борьбе с крамольными речами и писаниями.

Разве не удивительно также, что этот запрет на дискуссию применяется к предмету, который затрагивает высшие интересы человека и призывает к пылкому действию все самые благородные способности его натуры; который больше, чем что-либо другое, проверяет, является ли человек *человеком*? Мы можем обсуждать вопрос о банке или субфинансировании, о тарифах или свободной торговле; но единственная тема, слишком священная, чтобы к ней приближаться, — это рабство и его усиление. Это свободная страна, за

исключением тех случаев, когда человек желает отстаивать права на свободу. Можно войти во все другие части храма, но рабство - это ковчег завета, и всякий, кто прикоснется к нему своими нечестивыми руками, должен погибнуть.

Сэр, как случилось, что институт, который даже просвещенные язычники древности считали незаконным и который за восемнадцать дополнительных столетий христианского просвещения оказался совокупностью преступлений против Бога и человека, теперь должен быть защищен не только конституциями и законами; но что всеобщая война должна вестись против всех тех, кто хотел бы ограничить его в его нынешних пределах и не дать ему вооружиться новым оружием угнетения? Как получилось, что это должно быть сделано не при деспотизме Австрии и России, а в республиканской Америке? Сэр, это не должно быть сделано и не может быть сделано. Всемогущий Бог так устроил человеческую душу, что, пока на земле существует зло, все самые благородные побуждения этой души будут бороться с ним. Порядок природы будет бороться с этим. “Звезды на своих курсах” будут бороться против этого. Дискуссия, или агитация, если вам угодно называть это так, является одним из назначенных Небом средств, с помощью которых истина должна распространяться до тех пор, пока она не покроет лицо земли, как воды покрывают море. Именно путем дискуссий и агитации, в синагогах и в храмах, в отдаленных городах и в разных империях христианство было перенесено из своей колыбели в Иерусалиме на край света. Разве ученики Иисуса Христа не ходили “агитируя” из города в город, из Палестины в Грецию и из Греции в Рим, несмотря на то, что они были заключены в тюрьму и подвергались бичеванию, сдирали кожу заживо и сжигались, и преследовались как поджигатели и фанатики книжниками, фарисеями и первосвященниками? Само обвинение, выдвинутое против Спасителя, гласило: “Он возбуждает народ, уча по всему Иудейству, начиная от Галилеи и заканчивая этим местом”. Тема, по которой сейчас “агитируют” люди, выступающие против рабства, уступает по важности только той, по которой “агитировали” Христос и его ученики. Более того, единственная причина, по которой христианство не процветало должным образом в течение последних восемнадцати столетий и почему оно еще не распространилось по всей земле своими благословениями, заключается в том, что ему не была дана СВОБОДА как сфера деятельности. Это потому, что РАБСТВО существовало среди людей; и христианство никогда не проникнет и не сможет проникнуть на землю, пока не будут разрушены барьеры рабства. Именно путем дискуссий и агитации преобладающая религия этой страны — протестантская религия — прорвалась сквозь двойную фалангу гражданской и священнической власти и восторжествовала среди ведущих наций Европы под руководством неукротимой энергии этого старого героя Виттембурга, который не обращал внимания и не боялся этого князя рабовладельческой власти, самого воплощенного дьявола. Именно благодаря дискуссиям и агитации первые яркие искры свободы в груди Адамсов, Хэнкоков и Франклинов, Томаса Джефферсона и Патрика Генри были раздуты в пламя, которое поглотило воинство тирана, — того тирана, который стремился подавить эту ужасную агитацию средствами, ничуть не более предосудительными в свое время, чем те, с помощью которых некоторые ведущие люди пытаются заставить ее замолчать сейчас. Где когда-либо был написан или опубликован более зажигательный и фанатичный документ, чем Декларация независимости? — факел, который подожжет мир. В нынешнем столетии чего, кроме дискуссий и агитации во всех королевствах Великобритании и в этой стране, могло быть достаточно, чтобы уничтожить работорговлю — это самое грязное пятно на современной цивилизации? Нет, сэр; волнение - часть возвышенного порядка природы. При раскатах грома он сотрясает застоявшийся воздух, который в противном случае вызвал бы эпидемию. Во время бурь он

очищает глубины, которые в противном случае источали бы миазмы и смерть. И бессмертные мысли о долге, человечности и свободе так возбуждают сердца людей, что они считают себя вдохновленными Богом; и ни корыстолюбивый шум рыночной площади, ни вопли политиков, цепляющихся за награды честолюбия, не могут заглушить высказываний, которые истинные люди верят, что им поручено провозглашать Небесами.

В послании Президента говорится нам, что компромиссные меры последней сессии являются “ОКОНЧАТЕЛЬНЫМИ”. Я беру на себя смелость заявить об этом заявлении в послании, при всем должном уважении к высокому источнику, из которого оно исходит, что я разделяю мнение, что эти меры являются *окончательными* только в одном смысле. Их суть и цель были в крайней степени направлены против рабства и свободы. Они ознаменовали прохождение этого правительства через еще один долгий этап на мрачном пути угнетения. Они предоставили еще один аргумент для тех, кто отчаивается в человеческой природе; и они дают мизантропу правдоподобную причину для ненависти к человечеству. Они бросили еще одно пятно на страну и еще больше оттенили контраст между теорией нашего правительства и его практикой. В очередной раз они опровергли Евангелие любви и человеческого братства. Они снова бросили вызов мести Бога, который не уважает людей и который предаст грешника суду. Если такие меры должны быть “окончательными”, то только в этом смысле я принимаю предположение, что они должны быть последними в своем роде; что здесь, на данном этапе, развитие этого беззакония должно быть остановлено; что здесь объединенные силы честолюбия и богатства — тех, кто стремится к должности, и тех, кто жаждет золота, одержали свою последнюю победу. Только в этом смысле я принимаю заявление президента о том, что решение последнего Конгресса по этому вопросу следует считать *окончательным*; — что во всех будущих конфликтах право не должно быть попрано, но жертвы угнетения восторжествуют. Какой бы низменной ни была человеческая природа, иногда она проявляет божественную стойкость, благодаря которой она восстанавливается после своего грехопадения.

Я не вижу предзнаменования отчаяния в постигшем нас бедствии. Она учит всему, что есть в человечестве добродетельного и принципиального, задаче, которая была поставлена перед ними и выполнения которой Бог потребует от них.

В последней речи госсекретаря было сказано, что, если этот вопрос будет вновь поднят в Конгрессе, “друзья свободы” окажутся в “скудном и жалком меньшинстве”. Какое дело моей совести, сэр, к меньшинству я или к большинству, *если я прав*? Было ли когда-нибудь на земле начато какое-либо великое и славное дело, которое с самого начала не оказывалось в меньшинстве? Кларксон и Уилберфорс начали свое двадцатилетнее соревнование большинством? или не все чиновники и маммопоклонники были настроены против них? Началось ли сопротивление революционных патриотов правительству Великобритании с того, что большинство было на его стороне? Сопротивлялись ли отцы-пилигримы подчинению церковному гнету потому, что они составляли большинство народа? Рассчитывала ли славная группа реформаторов на большинство, когда они бросили вызов дыбам и пламени Рима? Каким было бы сейчас наше состояние, если бы пророки и герои былых времен, если бы воины за истину и мученики свободы по всей земле уступили столь низкому аргументу, как этот, и последовали за толпой, чтобы творить зло, вместо того чтобы сражаться за истину, хотя бы в одиночку? Я могу представить себе только одно воздействие, которое такое чувство должно производить на всех благородных и любящих правду людей. Это делается для того, чтобы

заставить их трудиться во имя правды с рвением, соизмеримым с бесконечной низостью призыва, которым их призывают отказаться от нее.

Но сейчас я перехожу, г-н Председатель, к основной теме моего выступления, которая касается характера закона о беглых рабах, принятого 18 сентября прошлого года.

Наиболее распространенные возражения против этого закона бывают двух видов:

1. Что это неконституционно; и

2. Что, даже если создатели конституции действительно оставили незащищенное отверстие, через которое такой закон мог быть введен без нарушения структуры этого документа, все равно, что это жестокий закон, что он отвергает все те принципы доказывания и формы судебного разбирательства, которые были разработаны мудростью веков для защиты невиновных от власти, и что во всем своем объеме и духе он противоречит нашим фундаментальным идеям свободы человека.

Из этого заявления будет видно, что я принимаю конституцию в соответствии с ее общепринятой интерпретацией. Есть класс защитников этого закона, с которыми я хотел бы встретиться на их собственной территории. Поэтому я возражаю здесь не против конституции в том виде, в каком они ее понимают, а против закона. Как бы сильно человек ни почитал конституцию, как бы он ни превращал ее в идола и поклонялся ей, все же я хочу показать ему, что этот закон является чем-то нечестивым в ее присутствии. Таким образом, я возражаю против закона как отхода от конституции — не просто отхода к деспотизму, но к деспотизму. Признавая то, что многие отрицают, что когда в конституции говорится о “лицах, привлекаемых к службе или труду”, это означает рабов, и признавая, что она предусматривает их возвращение, когда говорится, что они “должны быть выданы по требованию”, я все равно подвергаю сомнению закон о беглых рабах за тяжкие преступления и проступки, противоречащие духу и букве этого документа.

По вопросу конституционности этого закона юридические умы страны разделились. Возможно, будет нелегко правильно распределить мнения по этому вопросу по соответствующим классам и принять решение об их относительном преобладании. Если мы включим рабовладельцев и тех, чьи финансовые интересы напрямую связывают их с рабством, и особенно если к ним мы добавим сильную партию, которая из политических ассоциаций и надежд посвятила себя политике в поддержку рабства, вероятно, количество, если не весомость, мнений в пользу конституционности закона. Но если мы соберем мнения незаинтересованных и непредвзятых людей; тех, у кого нет денег, которые можно было бы заработать, или должности, на которую можно было бы надеяться благодаря торжеству закона, то я думаю, что преобладание мнений определено противоположное. Я знаю, что один выдающийся человек сказал, что он не слышал ни об одном человеке, чье мнение заслуживало внимания, который отрицал бы конституционность закона. Теперь, поскольку общеизвестен факт, что джентльмены, занимавшие и украшавшие высшие судебные посты в своих соответствующих штатах, вместе со многими из самых способных юристов во всей стране высказали мнения против конституционности этого закона, у меня есть только одно-единственное слово в ответ на такое высокомерное заявление, как это. Этот ответ заключается в том, что по важному моральному и политическому, а также юридическому вопросу — вопросу, который связан как с этикой, так и с

партийной политикой и успехом старых партий или формированием новых, — *честность* так же необходима для формирования здравого мнения, как и *интеллект*.

Я думаю, однако, что следует со всей откровенностью сделать еще одно замечание относительно различия мнений честных людей по этому вопросу. Конституционность или неконституционность закона о беглых рабах не является вопросом, который должен определяться исключительно каким-либо одним и простым положением основного закона. Многочисленные положения конституции имеют к нему отношение. Он связан с современной историей. Он представляет случай, когда комментаторы и толкователи должны апеллировать к прецедентам и аналогиям, а также к общим принципам, касающимся природы правительства и объекта любого права. Следовательно, это вопрос построения и интерпретации. И, что еще более важно, это определено относится к тому классу случаев, когда люди, которые были обучены в одном классе учреждений и чьи умы формировались под влиянием всеобщего преобладания одного набора мнений и одного направления практики, могут честно прийти к одному заключению, в то время как те, кто вырос в условиях противоположных мнений и неблагоприятной практики, — или, скорее, в чьих умах враждебные мнения и враждебная практика укоренились, пока не стали частью самой сути этих умов, — могут честно прийти к противоположному выводу. Мы также знаем, что в дополнение к мощному влиянию образования и тренинга общий склад ума людей предрасполагает их принимать ту или иную сторону в решении важных политических и религиозных вопросов. Естественные предубеждения действуют подобно закону всемирного тяготения, направляя разные умы в разные стороны. Поэтому, когда джентльмен-южанин, в восприятие, рассуждения и моральные чувства которого факты и кредо рабства были включены с момента его рождения, говорит мне, что он считает конституционным даже такой закон, как этот, я все еще могу признать полноту его честности, как бы сильно я ни не соглашался со здравостью его мнения. Это закон, который может быть признан конституционным коллегией рабовладельцев, в то время как все жители свободной страны сочли бы его неконституционным. Это закон, который может быть признан действительным судами Австрии, в то время как суды Англии признали бы его недействительным. Это закон, который судьи Вестминстер-холла могли бы признать действительным во времена Стюартов, который они могли бы и, вероятно, признали бы недействительным в восемнадцатом веке; а в девятнадцатом веке, несомненно, отменили бы.

Мое собственное мнение таково, принимая во внимание великие принципы гражданской свободы, из которых выросла конституция и которые она была призвана обеспечить, что этот закон не может быть справедливо и законно поддержан на конституционных основаниях. Я выражаю это мнение, потому что, сформировав его после тщательного обдумывания, теперь я обязан исходить из него и действовать в соответствии с ним. Я прочитал все аргументы и каждую статью в защиту закона, которые смог найти, из какого бы источника они ни исходили. Более того, мне больше хотелось ознакомиться с аргументами, приведенными в его пользу, чем с аргументами против; и я думаю, что увидел разумный юридический ответ на все первые. Что касается любого высокомерного изречения о том, что закон конституционен или что он неконституционен, не подкрепленного никакими доводами или ссылками, все мыслящие люди должны рассматривать его как явную дерзость, откуда бы она ни исходила.

Даже если верховный суд Соединенных Штатов объявит закон конституционным, тогда, хотя мы должны признать их решение по решенному вопросу законом страны, пока оно не будет отменено, все же, без какого-либо неуважения к этому суду, мы все равно можем

придерживаться нашего прежнего мнения. Мы знаем, как устроен этот суд. Большинство его членов - выходцы из рабовладельческих государств. Также независимо от всех других соображений, они будут испытывать сильное желание сохранить прежнее мнение, которое также было высказано, когда большинство судей были выходцами с юга. Следовательно, мы можем выразить свое несогласие на основаниях, которые два года назад, когда обсуждался так называемый “компромисс Клейтона”, были так хорошо изложены уважаемым сенатором от Огайо [мистером Корвином] — основаниях, совершенно уважительных с нашей стороны и не унижающих достоинство суда. Он сказал: "

“Это печальный комментарий к совершенству человеческого разума, что, за немногими исключениями, джентльмены происходят из рабовладельческого государства ... все видные юристы из этой части страны, находящиеся на этом этаже, согласились с тем, что у вас нет права запрещать введение рабства в Орегоне, Калифорнии и Нью-Мексико; в то время как, с другой стороны, в свободных штатах нет ни одного человека, за немногими исключениями (и среди них есть весьма уважаемые), образованного или необразованного, священнослужителя или мирянина, который хоть сколько-нибудь претендует на юридические познания, но по совести верит, что у вас есть право запрещать рабство.... Как это? Могу ли я доверять верховному суду Соединенных Штатов, когда мое доверие к сенаторам, которые меня окружают, падает? *Ожидая ли я, что члены этого органа будут более осторожны, чем сенаторы от Джорджии и Южной Каролины, при формировании своего мнения без какого-либо учета эгоистичных соображений?*”

Кроме того, верховный суд уже, как я покажу, решил определенные вопросы таким образом, что, если они оставят в силе закон о беглых рабах, они будут обязаны отменить эти пункты; и для них более похвально предположить, что они отменят свое решение по делу Пригга, чем предполагать, что они отменят другие решения по другим делам.

Во-первых, я считаю, что конституция не только разрешает, но и требует суда присяжных в случае предполагаемых беглых рабов, если они заявлены в свободных штатах.

Конституция провозглашает, что “Право народа на личную неприкосновенность” “от необоснованных” “арестов не должно нарушаться; и ордер может быть выдан только по уважительной причине, *подтвержденной присягой или заявлением с подробным описанием*” “лиц или предметов, подлежащих аресту”.—*Поправка.*, статья IV.

В нем также говорится, что “В исках общего права, стоимость которых превышает двадцать долларов, сохраняется право суда присяжных”. —*Изменить.*, статья VII.

И в нем также говорится: “Никто не может быть лишен жизни, свободы или имущества без соблюдения надлежащей правовой процедуры”.*Изменить.*, статья V. И наиболее важно отметить, что эти слова “надлежащая правовая процедура” используются всеми властями, *включая суд присяжных.*—3 *Ком Стори.* 661; 2 *Inst.* 50, 51; 2 *Ком Кента.* 10; 1 *Такерс Блэк.* Приложение. 304-5.

Чтобы не возникало сомнений в значении и силе этих слов, я цитирую следующий отрывок из канцлера Кента:

“Это может быть воспринято как самоочевидное утверждение, общепризнанное и признанное по всей стране, что никто не может быть схвачен или заключен в тюрьму, или лишен своего права собственности, или вольностей, или поместья, или сослан, или осужден, или лишен жизни, свободы или собственности, кроме как по закону страны или по решению его коллег. Слова ‘по закону страны’, используемые Великой хартией вольностей применительно к данному вопросу, понимаются как означающие ‘надлежащую правовую процедуру’. То есть, *путем предъявления обвинения или представления хороших и законных людей.*”-2 Ком. 13.

Теперь, в большинстве случаев, которые возникнут в соответствии с законом о беглых рабах, будет произведен “арест” на основании ордера; и во всех случаях обязательно будут затронуты вопросы как собственности, так и свободы. В любом случае истец будет ссылаться на имущество ответчика и будет стремиться лишить его свободы. Ответчик будет отказывать в иске о собственности и будет стремиться сохранить за ним свободу.

Теперь предположим, что человек прожил в Бостоне или Нью—Йорке двадцать лет; вступил в брак; покупал и продавал; нанимался другим людям и нанимал других обслуживать его; выступал в суде и был привлечен к ответственности; голосовал на выборах и был во всех отношениях так же свободен в соответствии с конституциями Массачусетса и Нью-Йорка, как и губернаторы самих этих штатов; и предположим далее, что этот человек внезапно схвачен и доставлен к комиссару, признан собственностью другого человека, такого же, как он, без возможности пересмотра. решение о проведении нового судебного разбирательства выносится под давлением, а затем насильно и против его воли перевозится в отдаленное государство на основании заявления о том, что он раб, и судебного решения о том, что такое заявление соответствует действительности, - предположим все это, говорю я, а затем ответьте мне на этот простой вопрос, был или не был такой человек “лишен свободы”? Другими словами, сохраняет ли такой человек свою свободу? Когда его уносят силой, вопреки молитвам, слезам и борьбе, остается ли он свободным? Может ли человек быть признан рабом; удерживаемым, принуждаемым, избиваемым как раб; со всеми его силами и способностями тела и разума, подчиненными и контролируемые как у раба, и все же обладать или сохранять свободу? Если такое судебное разбирательство не лишает человека свободы, то какими средствами он может быть лишен ее? Что *больше* или что *другое* вы бы сделали, чтобы лишить его этого? Лишит ли его этого пожизненное заключение? Это означает, что он обязан служить пожизненно. Лишит ли его этого тюремное заключение? Это заключает его в тюрьму и делает человека его хранителем, который заинтересован в том, чтобы это заключение длилось вечно в нем самом и передавалось по наследству его детям и детям его детей навсегда.

Разве бессрочное заключение не является природой и содержанием наказания, самым суровым наказанием? Конституция предусматривает, что “жестокие и необычные *наказания* не должны применяться” даже за совершение наихудших преступлений; однако здесь случай, когда самые жестокие наказания или лишения могут быть применены даже без предъявления обвинения в совершении преступления. И аргумент заключается в том, что эта форма наказания может применяться конституционно, потому что она была настолько невообразимо жестокой и дьявольской, что конституция ее не запрещала, — потому что конституция запрещает только “жестокие и необычные наказания” *за преступления*, а не за темную кожу.

Говорит ли кто-нибудь, что жертва этого закона не была “лишена” своей свободы, потому что он может подать на нее в суд и, возможно, вернуть ее в судах штата, в который он доставлен? Я

отвечаю, что с таким же успехом можно было бы сказать, что он, возможно, вернет себе свободу путем побега, или, возможно, его хозяин освободит его, или, возможно, вспыхнет восстание в Сан-Доминго, или, возможно, стены его тюрьмы могут быть разрушены землетрясением, и он может выйти на свободу, как Павел и Сила; *и поэтому* он не лишен своей свободы из-за порабощения. Ни одно из этих событий не имело бы ни малейшего юридического отношения к процессу, который действительно поработил его. Ни одно из них не имело бы обратной силы, отменяющей прошлое. Поскольку порабощение и свобода несовместимы, когда он страдает от первого, хотя бы на час, он лишается последнего. В тот момент, когда он окажется в пределах рабского государства, в этот момент он окажется в том же состоянии, что и три миллиона других таких же рабов; и было бы столь же рационально сказать, что они никогда не были лишены свободы, как и он. Когда наше правительство развязало войну против Алжира, выкупая американских пленников из их ужасного рабства и возвращая их в их дома, уничтожило ли это ранее существовавший факт, что они были порабощены? Позволяло ли это историку утверждать, что они никогда не были *лишены свободы*? Если бы Алжир был “реинкарнирован” в качестве одного из штатов этого Союза, могла бы она сказать: “Мы не нарушили конституцию, потому что эти люди снова свободны”? Итак, я утверждаю, что когда человек в Массачусетсе, который по конституции Массачусетса свободен, признается рабом, перевозится как раб и содержится в качестве раба в южном штате, хотя бы всего на один день, он лишается свободы. С ним делается то самое, что, согласно конституции, должно быть сделано только судом присяжных, состоящим из его равных.

Но вопрос СОБСТВЕННОСТИ затрагивается так же, как и вопрос свободы. “В судебных процессах общего права, - гласит конституция, - когда сумма спора превышает двадцать долларов, должно быть сохранено право суда присяжных”.

Теперь, сэр, в связи с этим важным пунктом основного закона я предлагаю продемонстрировать три следующих положения:—

Во-первых, иск, поданный компетентному мировому судье в отношении “лица, привлекаемого к службе или труду”, является, с учетом этого конституционного положения, “иском”.

Во-вторых, это “иск по общему праву”.

В-третьих, это иск по общему праву, “в котором сумма спора превышает двадцать долларов”.

Как юридический термин, лексикографы определяют слово “иск” как означающее “действие или процесс по восстановлению права или претензии; юридическое обращение в суд за правосудием; преследование права в любом суде; — как гражданский *иск*, уголовный *иск*, *иск* в канцелярии”.

Блэкстоун говорит: “В Англии несколько *исков*, или исправительных инструментов правосудия, подразделяются на три категории: действия, личные, реальные и смешанные”.

“Иск” происходит от “*secta*”, а *secta* от *sequor*; а фраза “предъявить иск”, издревле обозначавшаяся как “привлекать *secta*”, последователей или свидетелей, для доказательства требования истца. Сфера применения этого слова теперь расширена, так что оно охватывает

письменные формы, с помощью которых возбуждается иск, а также доказательства, которые его подкрепляют.

Однако мы не ограничиваемся авторитетом словаря. Верховный суд в деле *Коэнс против Вирджинии*, 6 Уит. 407, где само это слово “иск”, как оно встречается в конституции, было предметом рассмотрения, определил его следующим образом:—

“Что такое *костюм*? Мы понимаем, что это судебное преследование какой-либо *претензии*, требования или просьб. На юридическом языке это судебное преследование по какому-либо требованию в суде. ‘Средством правовой защиты от любого вида несправедливости является, - говорит судья Блэкстоун, - предоставление права, которого лишена потерпевшая сторона’. Инструменты, посредством которых достигается это средство правовой защиты, представляют собой различные *иски* и акции, которые the Mirror определяет как “законное требование своего права”; или, как выражаются Брактон и Флета, словами Юстиниана, “*jus prosequendi in judicio quod alicui debetur*” (форма судебного преследования в суде или вынесения приговора, что причитается кому-либо.) Затем Блэкстоун переходит к описанию всех видов средств правовой защиты по искам; и все они представляют собой случаи, когда сторона, подающая иск, утверждает, что хочет получить что-то, на что она имеет право.

“Возбудить судебный процесс - значит потребовать чего-либо со стороны института судопроизводства в суде; а возбудить иск - значит, согласно общепринятому языку, продолжить это требование”.

Теперь позвольте мне взять различные пункты этого определения и посмотреть, не включает ли каждый из них обязательно требование, предъявляемое заявителем о рабстве к предполагаемому рабу.

“Мы понимаем под иском, - говорят в суде, - судебное преследование по какому-либо *иску*, требованию или просьбе”. Итак, согласно верховному суду, *иск* - это судебное преследование по какому-либо *иску*; и, согласно самой букве конституции, беглый раб должен быть выдан по *иску*. Таким образом, раб может быть конституционно и юридически “передан” только “по требованию”, в “судебном порядке”.

Опять же, суд скажет: “На юридическом языке это [иск] об удовлетворении какого-либо требования в суде”. Когда возбуждается судебный процесс по возвращению раба, разве это не судебное преследование по требованию? И будет ли кто—нибудь настолько опрометчив, чтобы сказать, что человек, якобы свободный, — свободный согласно всем юридическим презумпциям, - может быть “предан” пожизненному рабству без вмешательства “суда справедливости”?

Продолжим с мнением суда: “Зеркало определяет иск как ‘законное требование своего права’; или, как выражаются Брэктон и Флета, словами Юстиниана, это форма предъявления обвинения в судебном разбирательстве или вынесения судебного решения в отношении того, что причитается кому-либо”. Здесь утверждается, что услуга должна быть оказана; и тот, кто, как говорят, обязан этой услугой, “преследуется судом”, чтобы он мог оказать требуемую услугу.

“Возбудить судебный процесс - значит потребовать чего-либо со стороны института судопроизводства в суде; а возбудить иск - значит, согласно общепринятому выражению, продолжить это требование”. В апелляции в суд о выдаче предполагаемого беглеца разве это не является чем-то “требуемым”? И что такое ордер, выданный на его арест, как не “судебное разбирательство”?

Таким образом, если кто-либо докажет, что “иск” в отношении предполагаемого скрывающегося от правосудия лица в судебном порядке, за которым должны последовать доказательства в поддержку иска и который должен быть удовлетворен судебным решением, не является “иском”, он должен показать, что это не “судебное преследование или поддержка иска”; он должен показать, что это не “судебное преследование по какому-либо требованию в суде”; он должен показать, что это не “законное требование чьего-либо права”; ни “форма судебного преследования в судебном разбирательстве”; инаконец, он должен показать, что речь не идет о “требовании чего-либо в рамках процесса в суде”, а затем “продолжать это требование” до тех пор, пока не будет вынесено решение за или против него.

Но если истец, предъявляющий иск к беглому рабу, предъявит что-либо из этих четырех требований, он сам укажет выход из суда.

И это подводит меня ко *второму* предложению, а именно:—

Иск в отношении лица, “привлеченного к службе или труду”, с точки зрения конституции, является “*иском по общему праву*”.

В решении, непосредственно касающемся права на суд присяжных, верховный суд определил фразу “иски по общему праву”, особо сославшись на ее значение в седьмой поправке к конституции, где закреплено право на такое судебное разбирательство “по искам по общему праву”. Вот их слова:—

“Хорошо известно, что при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции и адмиралтействе присяжные не вмешиваются; и что суды общей юрисдикции используют суд присяжных только в исключительных случаях, чтобы успокоить совесть суда. Таким образом, когда мы обнаруживаем, что [седьмая] поправка требует сохранения права суда присяжных в судах общего права, естественным выводом является то, что это различие присутствовало в умах разработчиков поправки. Под *общим правом* они подразумевали то, что конституция определила в третьей статье как “закон”; не просто иски, которые *общее* право признавало среди своих старых и урегулированных разбирательств; но иски, в которых должны были быть установлены и определены *юридические* права, в отличие от тех, в которых признавались только справедливые права и применялись справедливые средства правовой защиты, или в которых, как в адмиралтействе, в одном и том же иске часто встречалась смесь публичного права и морского права и справедливости. Вероятно, в Союзе было мало штатов, если таковые вообще были, в которых не использовались некоторые новые средства правовой защиты, отличающиеся от старых форм общего права; но в которых, однако, применялся суд присяжных, а общие положения в других отношениях соответствовали общему праву. В качестве примеров, по-разному принятых и измененных, можно было бы привести процедуры раздела и наложения ареста на имущество за рубежом и внутри страны. Таким образом, в справедливом смысле поправка вполне может быть истолкована как охватывающая все иски, которые не относятся к юрисдикции акционерного капитала или адмиралтейства, КАКУЮ БЫ ОСОБУЮ

ФОРМУ ОНИ НИ ПРИНИМАЛИ ДЛЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРАВ”. —*Парсонс* против *Бедфорд*, 3 представителя Питерса, 456-57.

Здесь суд заявляет, что термин “общее право” в седьмой поправке означал то, что конституция обозначила в третьей статье, как “закон”. Слово “закон”, на которое здесь делается ссылка, содержащееся в третьей статье, встречается в следующем предложении: “Судебная власть распространяется на все случаи *законности* и справедливости, возникающие в соответствии с настоящей конституцией, законами Соединенных Штатов” и т.д. И суд заявляет, что конституционное право на суд присяжных охватывает “не просто иски, которые *общий* закон признал среди своих старых и урегулированных разбирательств, но иски, в которых должны были быть установлены и определены *юридические* права”, в отличие от дел о равенстве и адмиралтействе.

И в последнем предложении процитированного решения суд прямо заявляет, что седьмая поправка охватывает “*все иски, которые не относятся к юрисдикции equity или адмиралтейства*, КАКОЙ БЫ НИ БЫЛА ОСОБАЯ ФОРМА, КОТОРУЮ ОНИ МОГУТ ПРИНЯТЬ ДЛЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРАВ”. Суд говорит “ВСЕ”. Исключив случаи *equity* и юрисдикции адмиралтейства, они заявляют, что фраза “иски по общему праву” охватывает *все* остальные. Они не признают гибридного класса, не включенного в ту или иную из этих рубрик.

Выше было доказано, что ордер на арест предполагаемого скрывающегося от правосудия лица вместе с основанными на нем утверждениями и доказательствами представляет собой “иск”. И может ли что—либо быть более ясным, чем то, что судебное разбирательство, которое решает вопрос о том, “должен” человек или не “должен”; которое решает вопрос о том, “сбежал” человек или не “сбежал”; и которое, как юридическое следствие этих решений, передает одного человека под опеку другого в качестве его раба или освобождает одного человека из-под опеки другого, потому что он не является его рабом, является, “какую бы особую форму оно ни принимало”, судебным разбирательством “для урегулирования законного права” - одного из высших и важнейших юридических прав, относящихся к мужчине? Выражаясь юридическим языком, это не право “справедливости или юрисдикции адмиралтейства”, а исключительно *законное право*, и ничего больше.

Суд признает это таковым, *какую бы особую форму ни принял процесс*. Но что придает особую уместность и строгость этому решению суда, так это то, что в обычном праве существовал первоначальный судебный приказ, называемый судебным приказом *de homine replegiando*, — судебный приказ о личном переплате, или о переплате мужчине, с помощью которого мог быть решен вопрос о собственности человека. Это был судебный приказ, на который сторона могла подать иск по праву; он должен был быть удовлетворен по ходатайству, без указания причины, и который канцлерский суд не мог отменить. Выражаясь самым языком верховного суда, это было судебное предписание, признанное общим правом, и его можно найти “среди его старых и урегулированных разбирательств”. Его форма содержится в огромном арсенале судебных актов общего права, в *Registrum Brevium*.

“Мужчина, — говорит Комин, - может иметь *homine replegiando* в отношении негра или индейца, привезенного им в Англию и удерживаемого у него; или это может быть предъявлено младенцем

против своего опекуна по завещанию; или *деревенским жителем против своего господина*". - (Диг., заглавие "Тюремное заключение", Л. 4.)

Если этот судебный приказ мог быть предъявлен "для негра" или "для индейца" человеком, который ввез его в Англию и у которого он был задержан; и если, с другой стороны, он мог быть предъявлен негром или индейцем для получения своей свободы, как это явно имело место, то из этого следует, что вопрос о праве на человека, равно как и вопрос о свободе человека, был вопросом, знакомым древнему общему праву, и для судебного разбирательства по которому существовал хорошо известный процесс "среди его старых и устоявшихся процедур". Но это древнее предписание, *de homine replegiando*, влечет за собой, как известно каждому, суд присяжных в той же степени, что и нападение или нанесение побоев по долговому обязательству.

Я всегда понимал, что до революции и до разработки нашей конституции Сборник Комина, из которого взята приведенная выше цитата, был работой высшего авторитета. Это, должно быть, было хорошо известно всем юристам на съезде. Могли ли они предполагать, что простого факта обращения человека в рабство — а это требование может быть предъявлено как к свободному человеку, так и к рабу, — будет достаточно, чтобы лишить его этого древнего средства защиты свободы подданного? Это кажется невозможным!

Но мы не ограничены широким и обобщающим утверждением, содержащимся в деле *Парсонса против Бедфорд*, что седьмая статья поправки охватывает "все иски", не относящиеся к юрисдикции акционерного капитала или адмиралтейства, какую бы особую форму они ни принимали для урегулирования юридических прав. Авторитет существует еще более острый и прямой. В деле *Бейкера против Риддл*, г—н судья Болдуин, один из судей верховного суда Соединенных Штатов, постановил, что Конгресс не во власти отнимать право суда присяжных, как это предусмотрено седьмой поправкой; ни то, ни другое—

"1. Путем организации судов таким образом, чтобы не предоставлять их истцам; ни

"2. Уполномочивая суды осуществлять или предполагать юрисдикцию справедливости или адмиралтейства в отношении судебных дел".

"Эта поправка, — говорит он, - защищает право суда присяжных от любых нарушений со стороны любого государственного ведомства". - *Представитель Болдуина*. 404.

Итак, что такое трибуналы, созданные законом о беглых рабах, как не новая "организация судов"? или, скорее, создание новых судов, "таким образом, чтобы не обеспечивать [право суда присяжных] истцам"? Этим Конгресс создает суды, неизвестные общему праву, и стремится наделить их властью над правами по общему праву.

Теперь, доказав, исходя из характера оспариваемого требования, а именно требования одного человека на личные услуги и свободу другого человека, а также встречного требования о личной свободе и самостоятельности, — что право, оспариваемое между истцом предполагаемого беглеца и заявленным лицом, является правом общего права; и что *любой* судебный процесс по определению этого права, "какую бы форму оно ни принимало", является "иском по общему праву", остается только в рамках этой главы установить мой *третий* пункт, а именно:

Претензия *клюбому* лицу как к лицу, “привлекаемому к службе или труду”, всегда и обязательно предполагает, что “стоимость спора превышает двадцать долларов”.

По этому вопросу прямое подтверждение можно найти в деле *Ли* против *Ли*, 8 Представитель Питерса. 44. Это было обжалованное дело, по закону апелляция не могла быть подана, если только “сумма спора” не должна была составлять “одну тысячу долларов или выше”. Было высказано возражение, что заявители — петиционеры за свободу — не стоили и тысячи долларов. Но суд сказал: —

“Спорным вопросом в данном случае является свобода заявителей. Нижеприведенное решение суда противоречит их притязаниям на свободу; следовательно, по мнению ошибочных истцов, предметом спора является ценность их свободы, *и это не подлежит денежной оценке*. Если бы судебное решение было вынесено в пользу заявителей и судебный приказ об ошибке был подан стороной, утверждающей, что она является владельцем, стоимость рабов как *собственности* была бы предметом спора, и могли бы быть приняты письменные показания под присягой для установления такой стоимости. Но письменные показания под присягой, оценивающие ценность свободы, совершенно неприемлемы, и нет никаких сомнений в юрисдикции суда”.

Предположим, есть два претендента на одного и того же предполагаемого беглеца? Если его рыночная стоимость превышает двадцать долларов, они оба имеют явное право на суд присяжных. И может ли быть так, что право человека на его собственную свободу не может быть рассмотрено присяжными, когда, если двое мужчин спорят о его *ценности*, каждый может требовать суда присяжных, и ему не может быть отказано?

Итак, по трем пунктам: 1. Что представляет собой общее право или “законное право”; 2. Что представляет собой “иск по общему праву” и 3. Что представляет собой “стоимость, превышающую двадцать долларов”, а именно: личную свободу любого человека, будь то только что родившийся младенец, или бредящий идиот, или лежащий на смертном одре, которому осталось дышать всего час, — я полагаю, что изложил дело, которое дает право стороне на суд присяжных в соответствии с конституцией Соединенных Штатов.

Я мог бы здесь закончить спор, полагая, что, исходя из авторитета и разума, из старых и освященных временем принципов общего права, а также из тех толкований конституции, которые были даны верховным судом, мои выводы неопровержимы. Но я продолжаю отмечать некоторые моменты, высказанные другой стороной; и если я время от времени обращаюсь к позициям, которые явно слишком поверхностны и ошибочны для обсуждения, то это только потому, что я не хочу упустить ничего, что кому-либо может показаться важным.

Утверждается, что вся сила приведенного выше аргумента, в остальном убедительного, аннулируется, поскольку раб не является участником конституции, находится под ее защитой не больше, чем лошадь или бык, и, следовательно, любые положения, какими бы сильными они ни были, обеспечивающие суд присяжных, к нему неприменимы. Говорят, что раб не является одним из “людей”, которыми и для которых была создана конституция. Он вне закона и изгой. У него нет никаких неотъемлемых прав *как у мужчины*. То, что у него есть, он имеет *ex gratia*, по

доброй воле тех, кто владеет им телом и душой, и кто милостиво рад отказаться от некоторых своих законных прав из собственной щедрости, а не из справедливости к нему.

Теперь, как мне кажется, самый очевидный принцип полностью опровергает этот аргумент. По законам свободных штатов мы не знаем такого существа, как раб. Наши суды, выполняя свои функции государственных судов, не понимают значения слова раб. Говорить с ними в таком качестве о рабе или рабовладении - значит говорить с ними на незнакомом языке. В глазах законодателей свободных штатов и в глазах судов свободных штатов, насколько это касается их внутренней политики, не может быть такого существа, как раб. Конституция каждого свободного штата в этом Союзе должна быть сначала изменена, прежде чем любое такое существо, как раб, или любое такое состояние, как рабство, может быть признано ими в качестве органов государственной власти.

Итак, конституция Соединенных Штатов не создает рабов и не может их создавать. Она также не имеет права устанавливать условия рабства где бы то ни было. И я утверждаю далее, что если правительство Соединенных Штатов путем отчуждения, покупки, исполнения в отношении должника или любым другим способом завладеет рабом, то в этот момент он будет свободен. Правительство Соединенных Штатов не может ни удерживать раба, ни оформить законный титул на раба путем продажи. Это правительство, полномочия которого заключаются в предоставленных ему грантах; и нигде, ни одной компетентной стороной, такие гранты никогда не выдавались.

Отношение правительства Соединенных Штатов к рабству состоит в этом, и только в этом: когда это правительство было создано, рабство существовало в части штатов; и определенными положениями конституции было признано существование этого рабства, и соответственно были признаны и приняты определенные права и обязанности по отношению к нему. Но правительство Соединенных Штатов имеет не больше власти превратить свободного человека в свободном штате в раба, чем оно должно превратить раба в рабовладельческом штате в свободного человека.

Должностные лица правительства штата, поклявшиеся поддерживать конституцию Соединенных Штатов, правительства свободных штатов косвенно замешаны в вопросе рабства, как и правительство Соединенных Штатов напрямую, и никак иначе.

Таким образом, как по конституции Соединенных Штатов, так и по конституциям всех свободных штатов, каждый человек, находящийся в пределах свободного штата, *prima facie* СВОБОДЕН. Независимо от того, какой цвет лица он может носить или на каком языке он может говорить, он остается свободным человеком ДО тех пор, пока не будет доказано наличие у него каких-либо других гражданских прав или пока он не лишится своей свободы в результате преступления. Следовательно, каждый человек в любом из свободных штатов этого Союза имеет право опираться на эту правовую презумпцию и требовать всех вытекающих из нее привилегий и иммунитетов, пока его предполагаемая свобода не будет отнята у него юридическим доказательством. Это самый жестокий из софизмов - утверждать, что, поскольку человек признан рабом, он не находится под защитой конституции, а затем предписывать для него базовый способ судебного разбирательства, с помощью которого можно доказать то, за что на него претендуют. Что касается свободы или рабства, мы, жители свободных штатов, знаем только об одном классе людей, живущих среди нас. Этот класс свободен. Нашим законам не известен такой класс, как рабы. Также не существует какого-либо промежуточного

класса, который можно было бы считать рабами из-за их цвета кожи, или которые могут быть признаны рабами с меньшим количеством доказательств или с более низким уровнем доказательств из-за цвета кожи.

Нет аксиомы более универсальной или неоспоримой, чем то, что право на свободу в свободном государстве и право на то, чтобы суды держали его под стражей и обращались с ним как со свободным человеком, не имеет никакого отношения к цвету лица. Если, таким образом, эти права не имеют отношения к цвету лица, то все белые мужчины могут произвольно считаться рабами и быть лишены формы судебного разбирательства, закрепленной за ними конституцией, точно так же, как и любой цветной человек. Первые с таким же успехом могут быть признаны рабами на основании опасных, или низших, или недостаточных доказательств, как и вторые. Нет; свобода, на которую *prima facie* имеет право каждый человек, независимо от цвета кожи, в свободном государстве, облекает его своей защитой, и этого облечения он может быть лишен только по решению равных ему людей или по закону страны, что, как мы уже видели, означает суд присяжных.

Любая другая интерпретация предполагает это как постулат, а именно, что существует более высокий или верный вид судебного разбирательства, применимый к свободным людям, и более низкий или неполноценный способ судебного разбирательства, применимый к рабам. И бесчеловечный вывод из этого предположения состоит в том, что любой человек, против которого комиссионер за десять долларов может выдать ордер как на возможного раба, должен быть немедленно подвергнут суду раба и полностью лишен суда свободного человека; или, в лучшем случае, он должен быть отослан за тысячу миль, в другую юрисдикцию, только для того, чтобы там судили по-рабски. Согласно этой форме судебного разбирательства, первое, что комиссар говорит своей жертве, это: “Будучи рабыней, ты должна предстать перед судом в упрощенном порядке”. “Но я не раб,” утверждает ответчик, - и я утверждаю, что меня судят мои коллеги в соответствии с гарантиями конституции”. “Вы не являетесь участником конституции,” возражает комиссар, “и, следовательно, не имеете права на ее защиту. Конституция была создана народом и для народа, и вы не из них”. Затем жертва говорит: “Если бы я мог предстать перед судом свободного человека, я мог бы доказать, что я свободный человек; но в соответствии с формой судебного разбирательства, присужденной рабу, я могу быть признан рабом; так что моя судьба зависит не от моих прав, а от вашей формы судебного разбирательства”. “Даже если так,” парирует корыстный служитель закона, “это всего лишь несовершенный случай человеческих институтов. Разве собственность одного человека иногда не отнимается для оплаты долгов другого человека? и разве иногда одного человека не казнят за убийство другого человека? Почему же тогда суды должны предъявлять обвинения, если свободный человек, а не раб, иногда оказывается в рабстве?”

Сэр, здесь заключается безошибочное различие; если есть какая-либо разница между видом или степенью доказательства, применимого к свободному человеку, и тем, которое применимо к рабу, то в свободном государстве вы должны сначала доказать, что человек является рабом с помощью доказательства свободного человека. Если он будет подвергнут такому доказательству, тогда, и не раньше, он станет предметом рабского доказательства. Все остальное в форме правосудия является насмешкой над правосудием. Ни один мужчина не скажет, что “претензия” налагает на заявленное лицо какую-либо инвалидность или отнимает у него какие-либо права. Человек, который имеет предполагаемое право на свою свободу, имеет полное право на все средства, чтобы доказать это. “Иск” не налагает обязательства по

предоставлению, но является доказательством по иску; и это доказательство в случае “жизни, свободы или собственности” должно оцениваться присяжными. Настоящий вопрос в том, *кто* должен быть предан, раб или свободный человек? Если арестованный заранее признан рабом, то в судебном разбирательстве вообще нет необходимости. Если он *на первый взгляд* свободный человек, то он имеет право на самый совершенный способ судебного разбирательства.

Согласно теории, я полагаю, из всех рабовладельческих государств, кроме одного, каждый человек африканского происхождения по материнской линии считается рабом. Таким образом, его гражданское состояние установлено, для его суда созданы специальные трибуналы, и на него распространяются правила доказывания, неизвестные общему праву и никогда не применяемые к свободным людям. Теперь для предполагаемого раба в рабовладельческом государстве было бы таким же юридическим абсурдом и нелепостью требовать формы судебного разбирательства, трибунала и доказательств, которые там принадлежат свободному человеку, как и подвергать предполагаемого свободного человека в свободном государстве форме судебного разбирательства, трибуналу и доказательствам, которые принадлежат рабу.

Порочность закона заключается в том, что он позволяет лжесвидетельствующему или фиктивному рабовладельцу на основании наиболее легко сфабрикованных доказательств схватить любого человека в свободном государстве и *признать* его рабом посредством той самой формы судебного разбирательства, которую разрешает этот закон. Напротив, ничто не может быть более ясным, чем то, что гражданское состояние или *статус* каждого человека, находящегося в свободном государстве, является состоянием свободного человека. Его жизнь в условиях свободной конституции, без чего-либо большего, *на первый взгляд* наделяет его этим характером. До тех пор, пока его не лишат этого статуса, он предположительно остается свободным человеком. Будучи таковым, он имеет право на все гарантии, которые конституция предоставляет свободному человеку. Как же тогда он может быть подвергнут судебному разбирательству, которое переворачивает весь закон презумпции невиновности в пользу свободы и которое с самого начала предполагает, что он раб? Это не только предвосхищение судебного решения в начале разбирательства, но и предвосхищение самого худшего судебного решения, которое может быть вынесено; и, предвосхищая, добиваясь его; поскольку пророчества часто сами по себе обеспечивают исполнение.

Я излагаю это дело и оспариваю ответ, который опровергнет или признает мой вывод: если какой-либо человек в свободном штате может быть схвачен и внезапно отправлен в рабство в соответствии с этим законом, *тогда любой другой человек также может быть схвачен; и ни в одном свободном штате не осталось ни одного человека, который имел бы право на суд присяжных, чтобы спасти его от рабства.* Я сейчас говорю не об особой опасности для каждого отдельного человека, а о принципе, который охватывает всех нас. При самой жестокой из тираний есть люди, которым ничего не угрожает. Но при таком законе, как этот, кто может сказать, что может случиться с мужчинами, арестованными вдали от дома, с незащищенными женщинами и беспомощными детьми? Вы утверждаете, что существуют общественное мнение и общественная бдительность, которые защитили бы белых, женщин и детей? Я отвечаю, что у нас есть право на защиту в соответствии с конституцией и законами, и мы не должны полагаться на общественное мнение или бдительность общества, чтобы пользоваться им.

Предположим, что будет принят аналогичный закон в отношении должника и кредитора. Предположим, что закон предусматривает какой-либо новый способ судебного разбирательства, при котором задолженность ответчика должна предполагаться настолько, чтобы подвергать его защите более низкого уровня или передавать его дело в суд другого типа, например, от присяжных к арбитрам, которые будут выбраны самим истцом. Кто из тех, кто на протяжении всей своей жизни исполнял апостольский завет “никому ничего не быть обязанным”, не мог бы быть привлечен к ответственности, которая лишила бы его всего состояния?

Закон карает убийство смертью. Если бы оно заранее знало со всезнающей уверенностью, *кто является убийцей*, оно могло бы отнять у него суд присяжных без нарушения вечных принципов правосудия. Именно потому, что закон не может заранее знать с безошибочной уверенностью, кто является убийцей, он предусматривает суд присяжных для решения этого вопроса. Точно так же, поскольку человеческие суды не могут с уверенностью сказать, кто является рабом, а кто свободным, конституция предусматривает суд присяжных, прежде чем любой человек в свободном государстве будет лишен свободы. И аргумент о том, что если человек был несправедливо отправлен в рабство, то впоследствии он может быть возвращен к свободе, столь же дерзок и тираничен, как утверждение, что невинный человек может быть повешен и отправлен в мир иной как преступник, потому что иногда мертвые возвращаются к жизни.

Утверждение о том, что все процессы, будь то гражданские или уголовные, возбуждаются на основании предположения о наличии материальной ответственности или о том, что был совершен проступок, не является ответом на этот взгляд на дело. Каждый орган знает, что никакая презумпция такого рода не следует за истцом или правительством в суде. Находясь там, в присутствии закона, истец должен обосновать свое требование утвердительно. Возможный должник больше не является должником. Поэтому правительство должно доказать вину человека, которому оно предъявило обвинение. Возможный преступник больше не преступник. В глазах закона он так же невиновен, как нерожденный ребенок. Когда они требуют суда присяжных, ни истец, ни прокурор не могут сказать, что вы не имеете права на эту форму судебного разбирательства, потому что *выявляетесь* предположительно должником или предположительно правонарушителем. Тем не менее, именно это, и *in totidem verbis*, говорит ответчику аргумент в пользу рабства, когда он предстает перед комиссаром и подвергается опасности своей свободы. В обоих предполагаемых случаях такая доктрина лишила бы человека прав самым одиозным образом, лишив законных и конституционных средств их защиты.

С целью определения путем судебного иска или судебного преследования, является ли человек должником или правонарушителем, против него может быть возбужден судебный иск или судебное преследование, но никогда с целью создания презумпции того, что он является либо тем, либо другим, или для лишения его любых доказательств, на которые имеет право неоплаченный или невинный человек, или для смены трибунала, который должен рассматривать вопрос о задолженности или виновности. Если наложение ареста на процесс месне, если даже обвинительный акт большого дознания округа не лишает человека его права на суд присяжных, как такое серьезное естественное нарушение может быть конституционно совершено по постановлению комиссара?

Предположение о том, что цветной человек является свободным человеком в свободных штатах, так же сильно, как и то, что человек чистой, несмешанной англосаксонской крови является свободным человеком в рабовладельческих штатах; и потерпят ли они хоть на мгновение доктрину, согласно которой любой совершенно чистокровный белый человек может быть превращен в раба и как таковой отправлен из своего собственного штата в другой, в соответствии с этим законом? Более того, будет ли любому претенденту на рабство на юге разрешено отправиться в *рабовладельческий штат* схватить предполагаемого беглеца, на владение которым может претендовать другой человек, в соответствии с таким процессом, который сейчас достаточен, в *свободном штате*, чтобы санкционировать захват и увоз того же человека?

Но на аргумент о том, что конституция и закон 1850 года применимы только к рабам, и что, поскольку рабы не являются участниками конституции, они не находятся под ее защитой и, следовательно, не включены в положение о суде присяжных, есть другой ответ, совершенно фатальный. Дело вот в чем: конституция не перечисляет различные категории преступников, которые имеют право на суд присяжных; но, за исключением случаев импичмента и случаев, связанных с военной и военно-морской службой, в ней прямо провозглашается следующее: “Суд над всеми преступлениями должен проводиться присяжными”. А также: “При любом уголовном преследовании обвиняемый имеет право на быстрое и публичное судебное разбирательство с участием беспристрастного жюри присяжных” и т.д. Таким образом, это право ставится в зависимость не от *категорий лиц*, предстающих перед судом, а от характера предъявленного им обвинения. В конституции не говорится, что свободные люди должны судиться одним способом, а рабы - другим; но ее формулировка гласит: “все преступления” и “все уголовные преследования”; так что она охватывает каждого человека, *который подвергается судебному преследованию*, будь то свободный или раб, гражданин или иностранец, еврей или нееврей. Если бы англичанина или француза судили здесь за убийство, как бы весь мир высмеял предположение, что он не должен предстать перед судом присяжных, потому что он иностранец, — потому что он не принадлежит к “народу” и, следовательно, не является участником конституции!

Таким образом, в конституции не говорится, что в исках между коммерсантом и коммерсантом, или между домовладельцем и арендатором, и так далее, “должно быть сохранено право суда присяжных”; но в ней говорится: “*В исках по общему праву*, где стоимость спора должна превышать двадцать долларов”. Право определяется не характером сторон судебного процесса, а характером иска. Конституции все равно, кто является сторонами — мужчина, женщина, связанный или свободный, — это одно и то же. Как только стороны появляются в протоколе, возникает право на суд присяжных. *Иск*, а не *гражданское состояние* сторон, которые его возбудили или защищают, проверяет и определяет вопрос присяжных.

В деле *Ли* против *Ли*, упомянутый ранее, закон допускает подачу апелляции только в том случае, если оспариваемая сумма должна составлять одну тысячу долларов. Заявитель был африканского происхождения и, следовательно, в пределах этой юрисдикции предположительно являлся рабом; не предположительно свободным человеком, поскольку каждый человек находится в свободном государстве; и, если он был рабом, то он не мог владеть никакой собственностью; ибо, по жестокому закону рабства, каждый хозяин может законно отнять у своего раба все, что он зарабатывает, или находит, или иным образом получает. И все же верховный суд удовлетворил апелляцию. Почему тогда не было принято столь разумное

исключение, как это?— исключение, которое, если бы в Пандемониуме был бар, сделало бы честь одному из его советников. Почему не было сказано, что раб не подчиняется закону и, следовательно, не имеет права на его льготы? Нельзя назвать никакой причины, по которой раб находится не столько под защитой конституции, созданной для “народа”, сколько под защитой закона, созданного для “народа”. Однако здесь, даже в случае предполагаемого раба, было признано право, в котором некоторые свободные люди в свободных штатах отказывают предполагаемым свободным людям.

Я здесь оспаривал аргумент о том, что, поскольку закон о беглых рабах направлен против рабов, ни один свободный человек не имеет никаких оснований жаловаться на него, даже если в соответствии с ним он должен быть превращен в движимое имущество. Он должен утешать себя перед лицом обреченности на бесконечное рабство патриотическим и благочестивым размышлением о том, что он страдает только в виде исключения, чтобы доказать общее превосходство закона; и он должен оставить это утешение также своим поработанным детям. Ибо в его случае сказано, что вечное рабство является лишь одним из тех исключений в действии закона, которые доказывают его общее превосходство. Этот аргумент я считаю в высшей степени софистичным и жестоко деспотичным. Но если кто—то считает это веским аргументом, то я призываю его придерживаться всех справедливых выводов, вытекающих из этого, одним из которых, несомненно, является следующее:

На том же основании, на каком Конгресс принимает закон для беглых рабов, пусть каждый свободный штат примет закон для постоянно проживающих свободных людей. Поскольку в каждом свободном государстве предполагается, что все люди в пределах его границ свободны, пусть каждое такое государство судит с участием присяжных по всем делам, в которых затрагивается личная свобода, каждого, кто попросит об этом и кто ни разу не имел этого в судебном процессе с той же стороной по тому же предмету. Согласно аргументу, который я рассматривал, ни один рабовладелец не может жаловаться на такой закон, поскольку по самим своим условиям он применим только к свободным людям. Закон Конгресса, применимый только к рабам, и предполагаемый закон штата, применимый только к свободным людям, между ними нет конфликта. И если, случайно или по ошибке, какой-либо настоящий раб найдет убежище в соответствии с таким государственным законом и избежит жизни в ужасном рабстве, это будет лишь одной из тех ошибок, которые могут возникнуть при самом чистом отправлении правосудия. Этот случай подойдет так же хорошо, как и аналогичный ему, и станет одним из тех исключений в действии правила, которые доказывают его общее превосходство. Если случайное подчинение свободного человека вместо раба всем ужасам рабства не является веским возражением против законодательства Соединенных Штатов, то, несомненно, случайное освобождение раба от рабства, которое всегда было несправедливым и жестоким, не должно составлять возражения против закона свободного государства. Если этот закон о беглых рабах продлится еще один год, я надеюсь, что каждый свободный штат примет закон, предусматривающий достойное наказание каждого человека, который прямо или косвенно способствует отправке кого-либо в рабство на юге, если он не сможет доказать перед присяжными, что отправленный таким образом человек был рабом.

До сих пор я рассматривал вопрос о том, не гарантирует ли справедливое толкование конституции суд присяжных в каждом свободном штате предполагаемому беглецу и не наделяет ли его правом требовать этого.

Но это странный вопрос для обсуждения в республиканском правительстве. Правильный вопрос заключается не в том, *требуется* ли конституция прямо суда присяжных, а в том, будет ли она, по какому-либо справедливому смыслу, *допускать* это. Единственное замечание, которое судья—республиканец или гражданин может, соблюдая приличия, высказать по этому поводу, - это вопрос о том, запрещает ли конституция такой судебный процесс? - ибо, если это не так, то, конечно, следует предоставить право на суд присяжных. В свободной стране, при свободном правительстве, где идея стала традиционной, где доктрина стала бытовой доктриной, что суд присяжных является залогом наших гражданских и религиозных свобод, разве не удивительно, что мы находим людей, которые, кажется, стремятся избежать этой формы судебного разбирательства, вместо того, чтобы ревностно за нее ухватиться? Это самое печальное зрелище; оно свидетельствует о самом прискорбном вырождении - видеть, как дети в этот ранний день отказываются от низменных представлений об амбициях и богатстве, отказываются от тех благородных принципов свободы, за которые их отцы так недавно проливали свою кровь. Везде, где конституция допускает суд присяжных в вопросе свободы человека, во имя Всего Святого, давайте добьемся этого. Пусть Россия и Австрия ограничивают и отрицают эту привилегию свободных людей; пусть тиран и приспешники тирана среди нас исследуют заплесневелые записи темных времен, чтобы найти прецеденты против этого; пусть они пытаются с помощью своей мелкой софистики и правдоподобия замалчивать это посягательство на свободу и жизнь со стороны существ, созданных по образу Божьему; но пусть каждый истинный республиканец, когда бы в интересах этих важнейших интересов конституция, по справедливому построению, ни санкционировала это, цепляется за суд присяжных, как за единственную доску, которая спасет его, —да, единственный, который спасет человечество от повторного погружения в водоворот деспотизма. Враг суда присяжных, где бы ни затрагивалась свобода человека, является врагом свободы человека и всего человечества. Сторонникам отмены этого закона, таким образом, нет необходимости обсуждать вопрос о том, предоставляет ли конституция прямо право суда присяжных предполагаемому беглецу, поскольку для них достаточно, если конституция не отнимает его.

Следует отметить, что в обоих законах о банкротстве, принятых Соединенными Штатами, было прямо предусмотрено, что, когда уполномоченные должны объявить какое-либо лицо банкротом, оно должно иметь право на суд присяжных для отмены их решения. Таким образом, когда закон предлагал не присваивать имущество человека, а просто дать возможность его кредиторам получить его в уплату своих долгов, суд присяжных был ему обеспечен; но здесь, где прямой целью является лишение человека его свободы и его собственности на него самого, в суде присяжных отказано.

Здесь, по-видимому, уместно рассмотреть еще одно неуместное предположение, иногда навязываемое, а именно, что предполагаемый беглец не лишен суда присяжных, поскольку он может получить его в том штате, в который его доставляют.

Здесь защитник рабства признает, по крайней мере, ради аргументации, что предполагаемый беглец имеет право в какой-то момент и где-то еще на суд присяжных. Если это так, то существуют многочисленные и веские причины, по которым это судебное разбирательство должно проводиться в том состоянии, в котором он находится, а не в том, куда он может быть перевезен. Я остановлюсь на некоторых из этих причин.

1. Рабы считаются личной собственностью. Владелец лжет об их ценности там, где они были незаконно обращены. Незаконное проникновение - это средство правовой защиты от причиненного им вреда. Согласно законам всех рабовладельческих штатов, они являются предметом воровства. Иски о их взыскании или возмещении ущерба за причиненный им вред являются личными действиями; и в случае личных действий требуется, согласно всем прецедентам и всем аналогиям общего права, чтобы иск рассматривался в юрисдикции, где вручается судебный приказ. Согласно общему праву, личные иски носят временный характер. Они должны быть предъявлены там, где проживает ответчик; или, по крайней мере, там, где находится имущество, на которое предъявляется иск. В случае предполагаемого раба и ответчик, и имущество находятся там, где *он* находится. Следовательно, в соответствии с обычаями и принципами общего права судебное разбирательство должно состояться именно там.

2. До суда и вынесения судебного решения стороны такие же, как и любые другие стороны в суде, или они должны быть такими. Истец настаивает на существовании своего иска; ответчик - на аргументах своей защиты. Для техасского истца может быть неудобно доказывать свое право на предполагаемого беглеца в Массачусетсе; но для гражданина Массачусетса будет бесконечно более неудобно доказывать свою свободу в Техасе. Если судебное разбирательство проходит в Массачусетсе и истец одерживает верх, он немедленно вступает во владение своим рабом и сразу же наделяется всеми правами, которые в изобилии дает суровый закон о рабстве. Но если суд состоится в Техасе, куда обвиняемый был насильственно сослан, и там *он* одержит верх, кто возместит ему его промежуточное рабство; за то, что его вытащили из дома; оторвали от жены, детей и друзей; за то, что он был, возможно, на годы, ввергнут в ад самого рабства со всеми невыразимыми муками предполагаемого пожизненного рабства?

То, что говорит судья Стори о праве всех лиц, обвиняемых в преступлении, предстать перед судом "присяжных штата и округа, в которых должно быть совершено преступление", в полной мере применимо к суду за освобождение. "Цель этого пункта, - говорит он, - обезопасить обвиняемую сторону от того, чтобы ее *не потащили на суд в какой-нибудь отдаленный штат*, вдали от его друзей, свидетелей и соседей". "Кроме того," продолжает он, "судебный процесс в отдаленном штате или на территории может повлечь за собой для стороны самые большие расходы или, возможно, даже невозможность привлечь надлежащих свидетелей для подтверждения своей невиновности". (ЗКом. 654.) Вместо "невиновности" читайте "*свобода*", и аргумент в пользу предполагаемого преступника становится применимым к предполагаемому беглецу. И почему с предполагаемым беглецом следует обращаться менее милосердно, чем с предполагаемым преступником? Закон невыразимо строг в случае предполагаемого беглеца, но смягчается в милосердии к предполагаемому пирату или убийце.

Таким образом, если судебное разбирательство проводится там, где, как указывают вся практика и принципы общего права, оно должно проводиться, то не наносится большого или непоправимого ущерба; не возникает даже неудобств сверх тех, которые всегда возникают при приведении в исполнение иска в иностранной и отдаленной юрисдикции. Но если свободного человека уводят, совершается тяжкое и невыносимое зло; наносится рана, которую не могут залечить смертные лекарства, и даже самое длительное наказание преступника никогда не искупит вину.

3. Перенос судебного разбирательства по месту жительства истца дает ему эффективное и, как мне кажется, самое несправедливое преимущество в отношении доказательств, в то время как ответчик подвергается жестоким ограничениям. По законам всех рабовладельческих штатов, кроме одного или двух, лица африканского происхождения, будь то рабы или свободные, объявляются некомпетентными свидетелями против белых мужчин. Таким образом, свободный человек, будучи выдворенным в качестве беглеца в рабовладельческое государство, может потерять свои доказательства, что при таких обстоятельствах равносильно потере его свободы. Таким образом, это нарушение принципов общего права в отношении места судебного разбирательства имеет для него самое важное значение. Таким образом, неверно ни в каком справедливом смысле, что суд присяжных по-прежнему “сохраняется” за предполагаемым беглецом, несмотря на его высылку в рабовладельческое состояние. Судебное разбирательство по общему праву, включающее право на представление доказательств по общему праву, не “сохраняется”.

4. Но различаются не только доказательства, но в некоторых рабовладельческих штатах *отличается и сам закон*; так что один человек может силой доставить другого в юрисдикцию, где закон признает его рабом, тогда как, если бы его судили там, где он был найден, закон объявил бы его свободным, — факты в обоих случаях одни и те же.

Возьмем, к примеру, закон Кентукки — и я ссылаюсь на этот штат, потому что его кодекс о рабстве более мягкий, чем в большинстве Южных штатов, и его ужасные строгости смягчаются за счет вливания большей человечности.

По законам штата Кентукки, хозяин может перевозить раба *транзитом* через свободный штат или он может позволить своему рабу временно переехать в свободный штат без лишения законного права удерживать его. *Грэм против Стрейдер и Горман*, 5 очков. Манро, 173 года, (1844;) *Дэвис против Тингл и др.*, 8 Бен. Манро, 545 лет, (1848;) *Коллинз против Америки*, 9 бена. Манро, 565 лет, (1849;) *Представители Буша против Уайта*, 3. Манро, 104; *Рэнкин против Лидия*, 2 А. К. Маршалл, 468 лет, (1820 г.)

Конечно, в Массачусетсе и, я полагаю, в большинстве Северных штатов все подобные дела были бы решены в пользу ответчика.[\[20\]](#)

Итак, какое большее оскорбление может быть нанесено человеку, чем схватить, связать и доставить его в иностранную юрисдикцию, где не только другие доказательства, с помощью которых могут быть доказаны его права, но и где другой закон, по которому должны быть рассмотрены его права. В Голландии убийство аиста когда-то, если не сейчас, каралось смертной казнью; потому что эта птица пожирает животных, которые в противном случае прорвались бы сквозь плотины, ограждающие ее от океана, и подорвали бы их. В соседней стране убийство аиста может быть не просто безвинным, но и достойным похвалы. Каким зверством было бы схватить человека в последней стране и отвезти его в Голландию для суда и казни за совершение деяния, которое, согласно закону того места, где он имел право предстать перед судом, могло быть не только невиновным, но и достойным похвалы! Я оставляю вас, сэр, подавать заявление.

5. Но что должно шокировать каждого человека, который хоть сколько-нибудь справедливо оценивает ценность человеческой свободы или имеет какое-либо справедливое представление о принципах, на которых она основана, так это то, что в соответствии с законом о беглых рабах

истец получает во владение и контроль не только истребованное имущество, но и самого ответчика. Он получает власть не только над предметом судебного разбирательства, но и над телом и душой истца. Торговец из Бостона или Нью-Йорка счел бы тяжким испытанием, если бы искатель приключений с юга мог отправиться туда и наложить арест на все его имущество, перевезти его в Мобил или Новый Орлеан и заставить владельца последовать за ним и предъявить права на него по месту жительства похитителя. Еще более тяжкими стали бы трудности, если бы в соответствии с новой юрисдикцией обвиняемый мог быть лишен доказательств, которые дома имели бы решающее значение для защиты его прав, или оказался бы под контролем враждебных законов, которые он никогда не помогал создавать. Но какой же это была бы крайность варварской тирании, если бы, помимо всех этих чудовищ, истец — южанин мог схватить и его — самого ответчика, предполагаемого должника, — и взять его в свои железные руки, получив высший контроль над его телом силой и над его разумом страхом; мог управлять его способностями к передвижению, чтобы он мог ходить только туда, куда позволит воля его хозяина; мог контролировать его речь и зрение, чтобы он не мог консультироваться ни с кем из советников и не мог видеть друзей, кроме тех, кто состоял на жалованье у его хозяина; и, чтобы принудить его власть могла бы заключить его в тюрьму, уморить голодом, бичевать и искалечить, если бы он хотя бы шепотом сказал, что имеет право на суд в своей стране, или открыл свои уста в молитве к Богу, чтобы тот разорвал оковы его незаконного рабства!

Вмешательство в показания свидетелей противной стороны или попытка подкупить его адвоката, чтобы он нарушил свой долг по отношению к своему клиенту, является не только актом величайшей подлости, но и повлекло бы за собой уголовное возмездие. И все же, какая вообще была бы необходимость в подкупе свидетелей или адвоката, если бы сторона могла лично завладеть своим противником и полностью контролировать его?

Разве каждый не понимает, что в девяноста девяти случаях из ста контроль над личностью и волей подсудимого был бы контролем над его делом? Его права были бы утрачены из-за его вынужденной неспособности их защищать. С таким же успехом можно выколоть человеку глаза, а потом говорить о его правах при обычном солнечном свете. В Балтиморе или Луисвилле похищенный свободный человек может найти возможность искупить свою вину; но такого пленника никогда не доставят в Балтимор или Луисвилл. Его отправят в какой-нибудь внутренний регион, возможно, в пятидесяти милях от любого суда или резиденции любого адвоката, где у него, возможно, никогда не будет возможности поговорить с белым человеком, если только это не будет надсмотрщик, которому платят за охрану и молчание.

Авторы "Федералиста" сочли принцип исключения заинтересованной стороны из всех полномочий решать свое собственное дело настолько важным, что сформулировали следующую доктрину: "Ни один человек, безусловно, не должен быть судьей в своем собственном деле или в любом деле, в отношении которого он имеет наименьший интерес или предвзятость". (№ 80.) И все же единственный шанс, который закон о беглых рабах предоставляет свободному человеку, попавшему в рабство, - это тот, которым он может воспользоваться, находясь под абсолютным контролем своего хозяина-разбойника.

Но более того: закон не налагает на истца никаких обязательств по доставке своей жертвы в государство, из которого, по обвинению, он сбежал. Мужчина, обвиняемый в побеге из Техаса, может быть доставлен во Флориду. Нет, его, возможно, не перевезут ни в одно государство этого

Союза, но могут отправить на Кубу или в Бразилию, за гранью надежды, во внешнюю тьму отчаяния.

Все аргументы, которые я когда-либо слышал или видел по этому поводу, необоснованно *предполагают*, что у возвращенных и перевезенных лиц будет честный хозяин, они будут окружены добрыми друзьями и иметь под рукой адвоката, с которым они смогут консультироваться каждый день, и деньги в карманах, чтобы заплатить ему. Было бы так в случае с похищенным свободным человеком? Стал бы негодяй, достаточно подлый, чтобы лишиться человека свободы, везти его за пятьсот или тысячу миль, а затем отправиться в город графства во время заседания суда и дать своему мнимому рабу кошелек с деньгами, чтобы заплатить адвокату за расследование его права на свободу? Нет! человек, который знает или подозревает, что он схватил свободного человека или что его жертва даже считает себя свободным человеком, и подвергнет истца хлопотам и расходам на судебное разбирательство, ввергнет этого свободного человека в пучину рабства, куда до него никогда не сможет дойти ни луч надежды, и где его голос будет приглушен, как в тишине смерти.

Еще одно возражение против закона о беглых рабах состоит в том, что он наделяет судебной властью лиц, которые не являются судьями. Здесь нам не остается делать выводы или строить конструкции, но мы можем опираться на простые слова конституции. Третья статья гласит:—

“Судебная власть Соединенных Штатов принадлежит одному верховному суду и таким судам низшей инстанции, которые Конгресс может время от времени учреждать. Судьи как верховного, так и нижестоящих судов должны занимать свои должности при хорошем поведении и в установленные сроки получать за свои услуги вознаграждение, которое не должно уменьшаться в течение всего срока их пребывания в должности”. —*Статья III. § 1.*

Здесь я считаю бесспорным, что “судьи”, упомянутые во втором предложении вышеупомянутого раздела, являются членами “верховного суда” и “судов низшей инстанции”, упомянутых в первом разделе, и никакими другими. Если это так, то не может быть никаких сомнений относительно срока пребывания их в должности, а также порядка их назначения, компенсации и отстранения от должности.

В соответствии с разделом 2 статьи II. Президент “назначает и по совету и с согласия Сената назначает” “судей верховного суда и всех других должностных лиц Соединенных Штатов, назначение которых здесь не предусмотрено иным образом и которые устанавливаются законом”.

Назначение *ни одного* судьи *какого-либо* суда “иным образом не предусмотрено конституцией”; и, следовательно, назначение *всех* судей, которыми “наделена судебная власть Соединенных Штатов”, по конституции принадлежит президенту и Сенату; и эта “судебная власть” не может быть делегирована каким-либо лицам, не назначенным таким образом, или осуществляться ими.

Суды могут назначать “низших должностных лиц”, таких как клерки, глашатаи или мастера канцелярии; но они не являются “судьями”; и ни один из них по отдельности, ни любое их количество, объединенное вместе, не составляют “суд” по смыслу первого раздела третьей статьи. Если бы это было так, то *они* могли бы иметь право назначать “низших должностных лиц” и так далее путем делегирования полномочий на неопределенный срок.

Конституция также определяет“ что подразумевается под "судебной властью”. В нем говорится: “Судебная власть распространяется на все дела по закону и справедливости, возникающие в соответствии с настоящей конституцией, законами Соединенных Штатов” и т.д.

Теперь мое возражение заключается в том, что закон о беглых рабах требует создания большого числа должностных лиц, которые не являются “судьями”, но которых он якобы наделяет “судебными полномочиями”.

Они не являются “судьями”, потому что они не назначаются президентом и не утверждаются Сенатом, как должны быть все “судьи”.

Они снова не являются "судьями", потому что, если бы это было так, они должны занимать свои должности “при хорошем поведении”. Но члены комиссии могут быть сняты с должности в день их назначения. “Судьи” могут быть отстранены от должности только по обвинительному приговору, в порядке импичмента. Члены комиссии могут быть отстранены от должности судом, который их назначил. Ни президент, ни Сенат, ни оба вместе взятые не могут отстранить судью от должности, если только по инициативе и одновременному решению Палаты представителей. “Суд низшей инстанции” может отстранить комиссара от должности без предварительного уведомления.

Даже если бы Конгресс прямо заявил, что уполномоченные, назначенные окружными судами, должны рассматриваться как “судьи”, это не сделало бы их таковыми; поскольку Конгресс не может делегировать судьям никаких полномочий назначать судей или судам создавать суды. Если Конгресс не мог сделать это прямым принятием, то как он может сделать это косвенно?

Уполномоченные не являются “судьями” еще и потому, что ни одно лицо не может быть “судьей”, если оно не имеет права “в установленное время получать за свои услуги вознаграждение, которое не должно уменьшаться в течение его пребывания в должности”.

Это положение делает необходимым вывод о том, что все "судьи" должны иметь право на периодическую выплату заработной платы. Эта заработная плата ни в коем случае не должна зависеть от *количества* или *качества* их труда, и уж тем более, по возможности, от решения ими дел, которые передаются на их рассмотрение в пользу истца или ответчика. Один "судья" может обладать завидной репутацией талантливого и честного человека и, таким образом, привлекать к своему двору претендентов. Другой может быть таким же коррумпированным, как лорд Джеффрис, и отталкивать от себя всех честных тяжущихся сторон. Но в любом случае он имеет право на компенсацию, которая не должна уменьшаться в течение всего срока его пребывания в должности. Каждый год ему выплачивается определенная, неизменная сумма денег.

Но комиссару платят гонорары, и размер его гонораров частично зависит от количества дел, которые он решает, а частично также от стороны, в пользу которой он принимает решение. Если он решает, что мужчина свободен, он получает пять долларов. Если он решает, что он раб, он получает десять. Если уполномоченный приемлем для охотников за рабами, поклонников становится больше. Если он им неприятен, в его досье нет дела. Он имеет право на компенсацию, но не “в установленные сроки”, а по результатам рассмотрения каждого дела. Его компенсация может быть уменьшена или вообще прекратиться в течение его пребывания на этом посту. Каждый год ему не выплачивается какая-либо определенная, неизменная сумма денег.

“Судье” должно платить правительство, и он независим от всех сторон в своем суде.

Уполномоченный никогда не получает зарплату от правительства, но его гонорары полностью зависят от истца, чье дело он рассматривает. Правительство гарантирует оплату “судьи”, но оно никогда не может запросить или узнать, платят ли комиссару или нет.

Согласно шестой статье конституции, все “судебные служащие” должны принести присягу или подтвердить, что они будут поддерживать конституцию. Но нет закона, требующего от этих комиссаров приносить присягу; и на практике, по крайней мере, в некоторых частях страны, известно, что они не приносят такой присяги.

Теперь, согласно закону, часть “судебной власти” Соединенных Штатов, *вся* которая, согласно конституции, принадлежит одному “верховному суду” и “судам низшей инстанции”, передается комиссарам. В четвертом разделе говорится, что они “должны обладать одновременной *юрисдикцией* с судьями окружных и окружных судов Соединенных Штатов”. Если власть этих судов в помещениях является судебной, то и власть уполномоченных, будучи такой же, является судебной.

Генеральный прокурор Соединенных Штатов в письменном заключении, данном по приказу Президента, заявляет, что эти полномочия, предоставленные таким образом комиссарам, являются судебными. Ниже приводятся его слова:—

“Эти должностные лица [комиссары] и каждый из них обладают судебной властью и юрисдикцией для рассмотрения дела и вынесения решения по нему”.

“Сертификат, выдаваемый владельцу, следует рассматривать как акт и решение судебного трибунала, обладающего компетентной юрисдикцией”.

“Конгресс учредил трибунал с исключительной юрисдикцией определять в упрощенном порядке и без апелляции, кто скрывается от службы. Решение трибунала, созданного этим законом, является окончательным для всех трибуналов”.

Таково мнение генерального прокурора Соединенных Штатов, высказанное по точному поводу по распоряжению Президента Соединенных Штатов.

Но для обоснования этой точки зрения не требовалось авторитета. Это неизбежно вытекает из самой природы власти, предоставляемой законом. Решение уполномоченного должно быть *окончательным* и *окончательным*, и предметом решения являются свобода и собственность. Дело не может быть повторно рассмотрено каким-либо судьей или каким-либо другим судом какого-либо штата или Соединенных Штатов. Решение действует *in rem* и *лично*. Он передает имущество истцу и передает тело ответчика на его хранение. С этого момента, если закон имеет хоть какую-то силу, ответчик является рабом истца в силу “судебного” решения. Отныне истец может контролировать свои действия, свои слова, свою пищу, свой сон. Если он решит воспользоваться своей властью таким образом, он может приказать своей жертве отнести его домой на спине и заставить нести отвратительное бремя своей личности, а также своей воли. Теперь сказать, что власть, которая производит эти результаты, не является судебной властью, значит совершить насилие над языком и подтасовать неотъемлемую природу идей. Ни в одном случае, известном общему праву или вообще какому-либо другому праву, истец не наделяется *полными* правами, за исключением случаев после *окончательного* судебного решения.

Если, таким образом, эта власть является “судебной властью”, конституция категорически запрещает наделять ею кого бы то ни было, кроме как в “суде”, чьи “судьи” назначаются, утверждаются, приводятся к присяге, занимают должности, получают зарплату и могут быть смещены в соответствии с его требованиями. Посмотрите на конституционное распределение полномочий. Согласно первой статье, вся законодательная власть “принадлежит Конгрессу”. Согласно второй статье, “исполнительная власть принадлежит Президенту”. И согласно третьей статье, “судебная власть принадлежит” судам. И Конгресс был столь же компетентен наделять “комиссаров” высшей “исполнительной” или “законодательной” властью, как и наделять их “судебной” властью.

Если, по счастливой случайности или чудесному вмешательству, захваченный свободный человек впоследствии добьется слушания в суде штата, в который он был доставлен, такое слушание ни в коем случае не будет носить характер пересмотра предыдущего дела, будь то апелляция, судебный приказ об ошибке, *mandamus* или *certiorari*. Это было бы возбуждением *другого* судебного процесса при *другом* правительстве. Отношения сторон были бы противоположными. Ответчик, который был похищен, должен быть истцом, похититель истца или кто-либо, заявляющий претензии от его имени, должен быть ответчиком. Были ли различные *посессорные* судебные приказы, известные английскому общему праву, менее “исками по общему праву”? или суды, рассматривавшие их, были менее *правовыми* инстанциями, потому что впоследствии мог быть предъявлен *судебный приказ*, в котором предыдущие решения не могли быть обжалованы в суде и не были бы ни эстоппелем, ни доказательством права собственности?

Но чтобы избежать этого, было сказано, что разбирательство в комиссариате не является “делом” по смыслу второго раздела третьей статьи, который распространяет “судебную власть” Соединенных Штатов на все “дела” в рамках закона и справедливости. Вместо того, чтобы быть “делом”, говорят, что это всего лишь краткое расследование, призванное служить условием для действий исполнительной власти с целью достижения особой и ограниченной цели; подобно расследованию, кто является законным претендентом на деньги, находящиеся в распоряжении правительства, в соответствии с договором, и сколько принадлежит каждому. Также говорится, что если к словам “судебная власть” придавать такое буквальное значение, то никакой управляющий канцелярией не может действовать от имени судов в делах о равенстве; никакой управляющий по делам о банкротстве не может быть назначен в соответствии с законом о банкротстве и т.д.

В ответ на первую позицию, согласно которой разбирательство по возвращению беглых рабов не является “делом”, мы имеем наиболее четкое заявление верховного суда по нескольким *делам*. В деле Пригга, 16 Питеров, 616, суд заявил:

“Таким образом, очевидно, что, хотя владелец предъявляет требование о передаче раба из владения, оно должно быть предъявлено, если вообще предъявляется, к какому-либо другому лицу; и поскольку это право является правом собственности, которое может быть признано и утверждено в ходе разбирательства в суде между сторонами, враждебными друг другу, оно представляет собой, в самом строгом смысле, спор между сторонами и ДЕЛО, возникающее в соответствии с конституцией Соединенных Штатов, в рамках прямого делегирования СУДЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, предоставленных этим документом ”.

“Судебный прецедент или равенство состоят из права как одной, так и другой стороны, и действительно можно сказать, что он возникает в соответствии с конституцией или законом Соединенных Штатов, *всякий раз, когда его правильное решение зависит ОТ КОНСТРУКЦИИ ТОГО или ДРУГОГО*”. —*Коэнс против Вирджинии*, 6 ст. 379, (5 Прим. перев. 101.)

Действительно, можно сослаться почти на каждую страницу заключения суда по делу *Коэнс против Вирджинии*, чтобы показать, что они использовали слово “дело” в смысле, охватывающем процедуру возвращения беглого раба. Если это так, то любой трибунал, обладающий юрисдикцией в отношении такого “дела”, наделен частью “судебной” власти Соединенных Штатов.

Давая определение слову “дело” в том виде, в каком оно встречается в этой статье, судья Стори говорит:

“Ясно, что судебный департамент уполномочен осуществлять юрисдикцию в полном объеме, предусмотренном конституцией, законами и международными договорами Соединенных Штатов, *всякий раз, когда какой-либо вопрос, касающийся их, принимает такую форму, что судебная власть способна принять по нему меры*. Когда оно приняло такую форму, оно становится случаем”-3 Комм. 507.

“Таким образом, дело в смысле этого пункта конституции возникает, когда какой—либо вопрос, касающийся конституции, законов или международных договоров Соединенных Штатов, передается в суд стороной, которая отстаивает свои права в форме, установленной законом”. - *Там же*.

И, как будто эти определения были недостаточно ясны, ученый судья добавляет: —

“Дела, возникающие в соответствии с законами Соединенных Штатов, являются такими, которые вытекают из законодательства Конгресса в рамках их конституционных полномочий, *независимо от того, представляют ли они собой право, или привилегию, или требование, или защиту, или защиту стороны, полностью или частично, которой они заявлены*”.-3 Комм. 508.

Таким образом, кажется очевидным, что судебное разбирательство, разрешенное законом о беглых рабах, не может быть выведено за рамки значения слова “дела” (дела по закону и справедливости) в третьей статье.

В третьей статье есть еще одно положение, которое охватывает эти процедуры с такой же ясностью и определенностью. “Судебная власть распространяется на споры” “между государством и гражданами другого государства”. Я полагаю, никто не будет отрицать, что рабовладельческое государство может само владеть рабами. Они могут отказаться от него, быть привлечены к исполнению за долги и т.д. Теперь свободный гражданин Массачусетса может войти в порт Чарльстон в качестве моряка, быть схваченным, заключенным в тюрьму, а затем проданным в рабство за неуплату тюремных сборов. Штат Южная Каролина может выкупить его. Он может сбежать и вернуться в Массачусетс. Затем Южная Каролина может предъявить на него права в соответствии с законом о беглых рабах.

При таком положении вещей между “государством и гражданином другого государства” возникнет “противоречие”. Уполномоченный может взять на себя юрисдикцию в отношении этого дела так же, как и в отношении любого другого. И у кого хватит смелости сказать, что судебный процесс с его стороны, отдающий ответчика в рабство, не был бы осуществлением “судебной власти” в споре между “государством и гражданином другого государства”?

На аргумент о том, что если уполномоченный по закону о беглых рабах осуществляет “судебную власть”, то ею пользуются начальники канцелярии, уполномоченные по делам о банкротстве и т. Д., Дается краткий ответ.

Магистры канцелярии помогают суду готовить вопросы для принятия решения, но они ничего не решают. Каждое их действие может быть повторно рассмотрено судом по желанию любой из сторон. Они не выносят судебного решения; они не приводят его в исполнение. Они могут выразить мнение, что истец или ответчик имеет право взыскать определенную сумму денег или удержать спорное имущество; но ни один из них не может прикоснуться к нему. Они не являются “судьями” ни в каком законном смысле. Они не осуществляют никакой части “судебной власти”. Суд может потребовать от них изложить счет между сторонами, например, он обращается к клерку, чтобы тот составил протокол, или к слуге, чтобы тот принес юридическую книгу, или просит друга перечислить проценты по простому векселю. Таковы функции магистра канцелярии, действия которого не имеют юридической силы до тех пор, пока они не будут одобрены сторонами или санкционированы судом.

То же самое и в отношении управляющих по делам о банкротстве. Каждое действие, которое они когда—либо были уполномочены совершить, имело всю свою юридическую силу с согласия сторон, или из вердикта присяжных, перед которыми оно оспаривалось, или из решения суда, - как можно увидеть с первого взгляда, обратившись к актам, их создавшим.

Что касается предполагаемой “судебной власти”, осуществляемой уполномоченными в соответствии с договором для определения того, кто является законным истцом и на какую сумму каждый из них имеет право, почти слишком очевидно отметить, что, поскольку ни один гражданин не может подать “иск” против правительства, “судебная власть” не “распространяется” на такой случай, и предположение ребяческое.

Еще несколько слов завершат мои замечания по этой теме. Мы видели, что решение уполномоченного, неблагоприятное для ответчика, приводит его в абсолютное, безоговорочное рабство. Но преобладающее мнение таково, что решение в пользу ответчика не является препятствием для последующего судебного разбирательства того же лица по новому “иску”. Фактически оно состоялось по делу Лонга в Нью-Йорке, где истец опасался, что решение первого комиссара будет против него, что он может отказаться от разбирательства в этом суде и обратиться к другому. Он сделал это и одержал победу. Иными словами, истец может выбрать из неопределенного числа безответственных судей того, чье невежество или порочность могут обещать наилучшие шансы на успех. Но если по какой-либо причине он предчувствует поражение, то тогда, и до вынесения окончательного решения, он может отозвать свой иск и начать заново перед другим магистратом, и так бросать кости закона снова и снова, пока, согласно самой доктрине шансов, он в конечном итоге не добьется успеха. Такое отсутствие

равенства между сторонами клеймит этот закон как позорный, ибо неравенство есть беззаконие.

Аргумент в пользу выдачи предполагаемых лиц, скрывающихся от службы в соответствии с этим законом, был получен из положения о выдаче лиц, скрывающихся от правосудия. Но разница между этими случаями огромна по всему миру. В отношении рабов конституция гласит: “Никто не ПРИВЛЕКАЕТСЯ к службе” и т.д.; но в отношении преступников ее формулировка звучит так: “Лицо, ОБВИНЯЕМОЕ” и т.д.

Теперь, кто может не заметить разницу между юридической силой слов “удерживаемый” и “предъявленный”? Должник по облигации “УДЕРЖИВАЕТСЯ и прочно связан”. Лицо, предоставляющее право, передает имущество “для владения” получателю гранта и его наследникам и переуступает его навсегда. Таким образом, арендатор должен “ВЛАДЕТЬ” в течение указанного срока. Мужчина ПРИВЛЕЧЕН к ответственности по обвинению и т.д., и т.п. Во всех этих случаях слово “удерживать” подразумевает совершенное обязательство или определенную ответственность. Но человек “ОБВИНЯЕТСЯ” в совершении преступления, когда большое жюри вынесло обвинительный акт против него или когда компетентное лицо принесло необходимую присягу. Недостаточно, чтобы человеку было *предъявлено обвинение* *held* на службе. Он, должно быть, *доказано*, чтобы быть *проведена*, или он остается свободным; суд должен сознавать, что он так *провел*, прежде чем они имеют право передать его. И как, согласно нашей конституции, суд может узнать такие факты, которые превращают предполагаемого свободного человека в раба без суда присяжных?

Если бы в конституции говорилось, что беглец, *виновный* в убийстве и т. Д., Должен быть выдан, мог ли бы человек быть выдан до тех пор, пока не будет *доказана* его вина в убийстве? И все же слово *виновный* по отношению к беглецу от правосудия звучит не сильнее, чем слово *удерживаемый* по отношению к беглецу со службы.

Другое различие между этими случаями не менее заметно, чем предыдущее. Когда лицо, скрывающееся от правосудия, *востребовано*, на него предъявляет иск *государство* за нарушение своего закона, и когда его выдают, он передается под стражу закона. Против него, должно быть, был начат судебный процесс в государстве, из которого он бежал. Он возвращен, чтобы начатое таким образом судебное преследование могло быть завершено. Он передается от представителя закона в одном штате к представителю закона в другом штате. Его передают не для того, чтобы избежать суда, а для того, чтобы иметь его. Первоначальное обвинительное заключение или *обвинение*, арест в иностранном государстве и доставка к месту судебного разбирательства являются всего лишь отдельными частями одного судебного разбирательства. Щит закона продолжает оставаться над ним. Все это время и на всем пути он имеет торжественное обещание правительства, что, если его не признают виновным по *находящемуся на рассмотрении* уголовному преследованию, он будет освобожден от должности.

Но на предполагаемого раба претендует не государство, а частное лицо, и он передается не на попечение закона, где его право могло бы быть рассмотрено судом, а в частные руки; даже не в руки нейтрального или безразличного лица, а в руки стороны, заинтересованной в лишении его всех его прав, и которая сама утверждает, что является судьей, присяжными и всеми свидетелями при определении того, в чем заключаются эти права. Если он не раб, то он попадает в руки похитителя людей. Щит закона не сохраняется над ним; более того, закон о

беглом рабе прямо предусматривает, что, какими бы ни были его права, все же, пока он *находится в транзите*, закон не должен их признавать. Справка, выданная уполномоченным истцу, предназначена для предотвращения “любого приставания к нему со стороны любого процесса, выданного судом, судьей, магистратом или другим лицом, кем бы оно ни было”. В соответствии с этим практическим толкованием нашей конституции, которая, как говорится в ее собственной преамбуле, была создана для “установления справедливости и обеспечения благ свободы”, она лучше заботится о преступниках, чем о свободных людях.

Но есть и другие положения конституции, касающиеся судебного разбирательства *надпреступниками*, которые будут контролировать это положение, касающееся выдачи лиц, скрывающихся от правосудия, даже если возникнут какие-либо сомнения относительно его истинной конструкции. Согласно первоначально принятой конституции и пятой поправке, все преступления (за исключением случаев импичмента или действий сухопутных и военно-морских сил) должны рассматриваться в том штате и округе, где они были совершены. Это делает невозможным судить скрывающегося от правосудия в государстве, в которое он бежал. Это прямой запрет судить его там. Но такого запрета не существует, не существует аналогичного положения, касающегося судебного разбирательства “исков по общему праву” или судебного разбирательства “дел” или “разногласий”, в ходе которых человек может быть лишен “жизни, свободы или имущества”. Таким образом, эти дела не исключаются из общих положений конституции для обеспечения прав гражданина, а остаются в ее рамках и, следовательно, должны рассматриваться судом присяжных по месту подачи иска.

Мое следующее возражение против этого закона заключается в том, что он пытается приостановить действие судебного приказа *хабеас корпус*.

Конституция гласит: “Действие судебного приказа о *хабеас корпус* не должно приостанавливаться, за исключением случаев, когда в случаях восстания или вторжения этого может потребовать общественная безопасность”. Закон о беглых рабах заявляет, что “свидетельство”, выдаваемое истцу, его агенту или адвокату, “должно предотвращать любое растление указанного лица или лиц в рамках любого процесса, выданного любым судом, судьей, магистратом или другим лицом, кем бы оно ни было”. Теперь, поскольку судебный приказ о *хабеас корпус* является “процессом, выданным судом или судьей”, из этого следует, что, согласно условиям закона о беглых рабах, рабовладелец не должен “*приставать*” к этому процессу. Что же тогда будет представлять собой “растление” по отношению к нему в соответствии с этим законом? Предъявит ли ему судебный приказ *охабеас корпус* и, в случае его отказа добровольно подчиниться ему, наложит арест на его личность и доставит его целиком в суд, возможно, за сотню миль от его пути; —будет ли моральная необходимость нанять адвоката и иным образом подвергнуться большим затратам как денег, так и времени; —будут ли какие-либо или все эти препятствия и лишения приравняться к тому, что этот закон называет “растлением”? Если они захотят, то рабовладелец освобождается от них. И если он таким образом освобожден от них, то не является ли привилегия судебного приказа *охабеас корпус* “приостановленной” в отношении его мнимого раба? Что еще может означать “приостановка” этого процесса?

Но возьмем другой вариант. Предположим, что будет выдан судебный приказ о *хабеас корпус* и будут возвращены все факты, на основании которых предполагается, что раб удерживается. Само возвращение ставит вопрос о беглом рабе перед судом; и если этот акт находится на

рассмотрении суда, то, несомненно, перед судом также стоит вопрос о том, является ли он конституционным или нет. Ибо, если это неконституционно, это не закон и не оправдание меры пресечения. Предположим, что суд решит, что действие является неконституционным, и освободит заключенного. Это, несомненно, было бы “растлением” с его стороны в самом сильном смысле этого слова. Таким образом, закон, мягко говоря, содержит дерзкое положение, запрещающее “судам, магистрам и всем другим лицам, кем бы они ни были”, делать то, что может входить в их конституционную обязанность, то есть проверять конституционность закона и, если он будет признан неконституционным, игнорировать его.

Я осведомлен о пронизательных рассуждениях нынешнего способного генерального прокурора Соединенных Штатов. Он говорит, во-первых, что закон не приостанавливает действие судебного приказа о *хабеас корпус*, потому что такое приостановление было бы “явным и ощутимым нарушением конституции, и Конгрессу не следует вменять намерение совершить такое нарушение конституции”; и, во-вторых, что, если удостоверение комиссара предъявляется “при подаче заявления скрывающимся от правосудия о выдаче судебного приказа о *хабеас корпус*, это предотвращает выдачу судебного приказа; если по возвращении, это аннулирует судебный приказ и восстанавливает или сохраняет опеку”.

Первая причина может быть сформулирована более кратко следующим образом: этого не происходит, потому что этого не происходит; или этого не происходит, потому что это невозможно.

Второй вариант столь же мало удовлетворителен, как и первый. В нем говорится, что если факты будут предъявлены при подаче заявления о выдаче судебного приказа, судебный приказ не будет выдан; если они будут предъявлены при возвращении судебного приказа, действие судебного приказа будет прекращено. Разве не совершенно ясно, что это предполагает сам спорный вопрос о том, является ли закон, на котором основано свидетельство, конституционным или нет? Все это утверждение может быть очень верным, если закон конституционный; но предположим, что закон неконституционный, разве это утверждение не было бы в высшей степени абсурдным? Тем не менее, является ли закон конституционным или нет, это сам вопрос, который предстоит определить.

Позвольте мне проверить обоснованность этой логики на предполагаемом примере. В настоящее время среди нас есть группа политиков, которые настолько встревожены агитацией, что каждый из них - своего рода Петр Отшельник, поднимающий крестовый поход, чтобы предотвратить это. Теперь предположим, что Конгресс, “в качестве мирной меры”, должен принять закон, уполномочивающий государственного секретаря выдавать ордер на арест и заключение в тюрьму до 4 марта 1853 года или, по крайней мере, до тех пор, пока не будут выдвинуты следующие кандидатуры в президенты, любого человека, который будет виновен в агитации *против указанной мирной меры*, и должен далее объявить, что любой тюремщик, имеющий такой ордер от указанного секретаря, должен быть свободен от “любого преследования со стороны любого процесса, выданного любым судом, магистратом или другим лицом, кем бы то ни было”. Будет ли в таком случае разумным, судебным и адвокатским аргументом сказать, что Конгресс не мог и не мог намереваться нарушать конституцию, и, следовательно, они ее не нарушали; и что, если ордер на заключение под стражу появится на основании заявления заключенного о выдаче судебного приказа о *хабеас корпус*, это предотвратит его выдачу; если по возвращении он его исполнит?

Я думаю, что никто не сможет доказать, что если аргумент хорош в первом случае, то он не был бы хорош во втором; и действительно, хорош в любом случае, каким бы вопиющим ни было нарушение конституции.

Опять же: предположим, что 18 сентября прошлого года, когда был утвержден закон о беглых рабах, было временем “восстания или вторжения”, когда общественная безопасность требовала приостановления действия этого судебного приказа, разве таких слов, как конец шестого раздела закона, не было бы достаточно в законе, чтобы приостановить его действие? Генеральный прокурор, похоже, опирается на тот факт, что в законе о беглых рабах не упоминается *хабеас корпус*. Он, конечно, не может иметь в виду, что привилегия этого судебного приказа не может быть приостановлена, если только не по имени. Даже рабство не упоминается в конституции *по имени*. Предположим, что Конгресс во время восстания или вторжения скажет в отношении любой категории дел, которые он мог бы указать, что, если одно лицо задерживает другого на основании исполнительного ордера, такой ордер “предотвращает любое растление указанного лица или лиц в рамках любого процесса, выданного любым судом, судьей, магистратом или другим лицом, кем бы оно ни было”; может ли кто-либо отрицать, что такие слова имели бы достаточную силу, чтобы приостановить действие этого священного и освященного временем судебного приказа?

Нет! Хвала Небесам, а не тридцать первому Конгрессу! Хотя этот печально известный закон о беглых преступниках *не мог* приостановить действие *хабеас корпус*, тем не менее его слов достаточно для этого. Они претендуют на то, чтобы поставить профессионального охотника за рабами, поскольку это касается привилегии от ареста или “растления”, в зависимости от члена Конгресса; и это не пошло бы ни на йоту дальше в принципиальном плане, если бы они сделали его личность неприкосновенной во время похода за своей добычей и при возвращении с ней.

Если аргумент генерального прокурора обоснован, то вся “привилегия судебного приказа *хабеас корпус*” в соответствии с любым коррумпированным законом, который может принять любой коррумпированный Конгресс, будет заключаться в привилегии обращаться в суд за судебным приказом и получать отказ; или в предъявлении иска к судебному приказу и его отмене.

Согласно принципам английского права, привилегия *хабеас корпус* распространяется на всех, будь то связанные или свободные. Слова *liber homo*, говорит лорд Коук, распространяются на каждого подданного короля, “будь он церковного или мирского происхождения, свободный или раб, мужчина или женщина, старый или молодой, будь он объявлен вне закона, отлучен от церкви или любой другой, без исключения”. 2 Inst. 55.

Теперь я приступаю к раскрытию для отвращения человечества других уродств этого самого одиозного закона. Выступая против закона, следует проводить различие между судами и народом; между скамьей подсудимых и урной для голосования. Суды могут заслушать только одно возражение против закона. Это может быть невежливо, несправедливо, жестоко; но если это конституционно, они должны поддерживать это. Но перед судом народа закон может быть подвергнут импичменту за любой признак жестокости, угнетения или подлости. Я осуждаю закон о беглых рабах за все эти качества. В его презрительном неприятии всех тех принципов доказывания общего права, которые были утверждены мудростью веков; в “краткости” и

пиратской поспешности его разбирательств и в несмысливаемой крови, которой записываются его решения, я полагаю, что ему нет аналогии в современном кодексе какого-либо цивилизованного народа.

Если суды, которым мешают предыдущие решения, и которые привыкли к зрелищам и поддержке жестокого института, объявят этот закон конституционным, такое решение придаст новую силу всем причинам, по которым люди должны требовать его изменения или отмены. Недостаточно, чтобы оно было признано недействительным судами как противоречащее основному закону страны; оно заслуживает того, чтобы люди заклеили его как отвратительное по отношению к человечеству, цивилизации и Евангелию Иисуса Христа.

Посмотрите на его положения в отношении доказательств. Доказательство трех фактов обрекает жертву: во-первых, то, что лицо, указанное в ордере, обязано истцу оказать услугу; во-вторых, то, что он сбежал; и, в-третьих, личность.

Теперь, согласно закону, все эти факты могут быть доказаны в отсутствие разоряемой ими партии. Все дело может быть доказано на основании доказательств, собранных за спиной потерпевшего, без его уведомления, без ведома или возможности ведома с его стороны. Свободный человек может быть внезапно арестован и привлечен к суду, и на основании зачитывания против него определенных бумаг, которых он никогда раньше не видел и не слышал, ему может быть приказано передать их под опеку офицеров и отправить в невозвратное расстояние от жены, детей и друзей, в самую ужасную форму рабства, которую когда-либо знал мир, и за счет того самого правительства, на содержание которого он был обложен налогами и которое, в свою очередь, было обязано защищать его. Я докажу ссылкой на сам акт, что эти зверства входят в число его бросающихся в глаза особенностей.

Шестым разделом на “суд, судью или уполномоченного” возлагается обязанность “составить и вручить такому заявителю справку”, “при наличии удовлетворительных доказательств путем дачи показаний под присягой *или под присягой* под присягой в письменной форме”, “или других удовлетворительных показаний”, “а также при наличии доказательств, *также под присягой*, личности лица, на чьи услуги или труд претендует”, “и т.д.

А десятый раздел закона гласит, что стенограмма записи, “сделанная в любом штате или территории или в округе Колумбия” и “произведенная в любом другом штате, территории или округе” и находящаяся там “предъявленной любому судье, комиссару или другому должностному лицу, уполномоченному выдавать лиц, уклоняющихся от службы или работ, должна храниться и рассматриваться как полное и *убедительное* доказательство факта побега, и что услуга или труд сбежавшего лица принадлежат стороне, упомянутой в указанной записи”. “И после представления других и дополнительных доказательств, *при необходимости*, устных или *под присягой*, личности скрывающегося лица, оно должно быть передано заявителю”.

Итак, вот положение, неизвестное общему праву Англии или какой-либо колонии, народу или племени, которые когда-либо претендовали на общее право Англии как на свое наследство; неизвестное даже звездной палате или суду высшей комиссии; неизвестное в самые кровавые времена правления самых кровавых тиранов, когда-либо сидевших на английском троне; неизвестное тем судебным негодям, которых лорд Кэмпбелл называет “*головорезами в горностаях*” — включенное в кодекс республиканского правительства. Доказательства, которые могут обречь на рабство человека, который якобы и предположительно свободен, —

свободен по законам государства, в котором он находится, и свободен везде по закону Бога и человечества, — могут быть подготовлены в его отсутствие, без какого-либо уведомления с его стороны, и любыми средствами лжесвидетельства или подкупа к лжесвидетельству, к которым может прибегнуть вина, и эти доказательства юридически признаны достаточными, чтобы обречь ближнего на безжалостное рабство. Несмотря на те замечательные положения конституции, которые предусматривают, что “при любом уголовном преследовании обвиняемый имеет право на *быстрое и публичное* судебное разбирательство”, “быть проинформированным о характере и причине обвинения”, “предстать перед свидетелями против него”, “иметь обязательную процедуру привлечения свидетелей в свою пользу”, “и пользоваться помощью адвоката для своей защиты”, судья Стори комментирует их в духе неудовлетворенности и скорби; “ибо, - говорит он, - если не будет включена вся система [общего права], *и особенно закон доказывания*, коррумпированный законодательный орган или униженный и раболепный народ могут превратить все это в нечто большее, чем торжественное зрелище”. (3 Ком. 662.) Говоря о “коррумпированном законодательном органе”, он, кажется, описывает, что сделал этот Конгресс, приняв закон о беглых рабах на своей последней сессии; и, говоря о “униженном и подневольном народе”, он говорит именно о таких людях, какими защитники и приверженцы этого закона сейчас стремятся сделать народ Соединенных Штатов!

Право перекрестного допроса свидетелей является правом общего права, относящимся ко всем видам судебных процессов. Это право, без которого все судебные процессы являются не более чем издевательством. Часто бывает трудно встретиться лицом к лицу со свидетелями, о которых ты ничего не знаешь; но быть лишенным всякой возможности путем перекрестного допроса узнать, что в них заложено; быть лишенным права показать, что они некомпетентны даже до безумия или подкуплены даже до умышленного лжесвидетельства, - это варварство, неизвестное ни одному кодексу цивилизованного мира, за исключением кодекса Соединенных Штатов Америки. Это то, чего могли бы стыдиться даже варвары. Это предложение щедрот и премий злодеям и превращение судов в брокерские конторы для лжесвидетельства. Согласно такому закону, есть ли на севере хоть один цветной человек, который может вставать на работу утром или ложиться отдыхать ночью с каким-либо чувством уверенности в том, что алчность и лживые клятвы не приведут к его уничтожению? Кто может удивляться, если его мучают в ночных снах образы похитителя людей, замышляющего его гибель в далеких краях? Кто может удивиться, если в своей городской резиденции он вздрагивает, заворачивая за угол каждой улицы, или в своем сельском доме вздрагивает от шелеста каждого листа, опасаясь, что какой-нибудь похититель выскочит из засады и схватит его? Это чувство личной безопасности, которое имеет право испытывать каждый честный человек, этот закон отменяет.

Добродетельный человек не может полагаться на свое правительство, а благочестивый человек - на своего Бога в поисках земной защиты. Для него Князь Тьмы добился господства в делах человеческих и предлагает безнаказанность виновным, в то время как невиновность лишена защиты. Жизнь такого человека - это постоянная агония тревоги за себя и за свою семью. Туча, пронзенная молнией, навечно нависла над его головой, и ни один гений не может изобрести средства отвести в сторону ее разряды.

Сэр, перед Богом я верю, что на суде беспристрастного потомства этот метод получения показаний самыми жестокими средствами и в самых порочных целях будет признан таким же зверским и отвратительным, как и тот ужасный метод получения показаний с помощью пыток, который когда-то преобладал, но который теперь отменили даже наполовину цивилизованные нации. Храброе сердце могло бы удержать ложное признание даже на дыбе. Когда перед

глазами образы жены и детей, мученическая смерть ради их защиты была сладкой. Но нет такого человека, которого когда-либо создавал Бог, который не трепетал бы и не замирал в ужасе от осознания в своем разуме, что он, его жена и дети, и все, что ему дорого на земле, находятся во власти каждого злодея с пиратским сердцем между Атлантикой и Рио-Гранде; более того, что правительство поощряет иностранных убийц приезжать сюда, где с меньшим риском они могут заработать больше денег ложной клятвой и судебным похищением, чем они могли бы заработать дома убийствами и грабежами. Было бы лучше, в тысячу раз лучше, если бы конституция разрешила гражданину “быть вынужденным свидетельствовать против самого себя” и наложила запрет на фабрикацию показаний против него в его отсутствие.

В десятом разделе закона говорится, что эти доказательства, полученные таким образом в иностранной юрисдикции и в отсутствие стороны, должны быть “убедительными”. Итак, юридическая сила и значение этого положения заключается в том, что никакое количество или весомость доказательств, никакой набор самых безупречных свидетелей, даже личные знания самого комиссара, который ведет дело, хотя и данные под присягой, которую закон не требует от него, как от комиссара, давать, не могут быть допустимы для опровержения этих “убедительных” показаний. Это не делается очевидным доказательством только против ответчика; это не просто перекладывает бремя доказывания, так что предполагаемый свободный человек становится предполагаемым рабом и должен сам устанавливать свободу, которой он обладал бы; но закон преувеличивает это до вида доказательства, которое является “окончательным”, то есть неоспоримым, неопровержимым, всемогущим, — подобно чуду Божьему, не подлежащему оспариванию. И эта величайшая юридическая сила придается наихудшему виду доказательств. Я утверждаю, что закона, столь достойного отвращения, столь жестокого, столь дьявольского, нет ни в одном своде законов другой цивилизованной нации на земном шаре.

Такова же была практическая конструкция, приданная закону. Из бумаг я вижу, что в последнем деле, которое произошло в Детройте, ответчик объявил себя свободным человеком и молился об отсрочке, позволяющей ему послать в Цинциннати за своими бесплатными документами. Но комиссар отказался от отсрочки, заявив, что по этому закону даже бесплатные документы от того самого человека, который заявил на него права, не принесут пользы; ибо там, где закон делает доказательства *убедительными*, ничто не может их опровергнуть. Любые встречные доказательства всегда должны быть приняты, исходя из гипотезы, что они могут контролировать уже полученные доказательства. Но какая бесконечная абсурдность предполагать, что одна масса или совокупность доказательств может быть *убедительной* по сравнению с другой, которая является *убедительной*. С таким же успехом закон мог бы сделать *color* убедительным не только то, что ответчик был рабом, но и то, что он сбежал от человека, который предъявляет на него права. Закон в его нынешнем виде в такой же степени создает рабов, как и ловит рабов.

В нем говорится, что разбирательство должно быть “кратким”; и он предусматривает разный размер компенсации в зависимости от того, принято решение за свободу или против нее. На каком принципе основана эта разница в размере компенсации? Любой орган может с первого взгляда понять, что, когда истец может подготовить свои доказательства заранее и тайно, он был бы глупцом, если бы не представил дело *prima facie*. Если ответчик не представит никаких доказательств, дело рассматривается заочно, и против него без промедления выносится судебное решение. Но если иск оспаривается, то должны быть допрошены свидетели, заслушаны аргументы, взвешены доказательства, исследованы юридические вопросы и

принято такое решение, которое комиссар готов объявить перед всем миром. Только в последней категории дел, оспариваемой категории, ответчик будет освобожден от ответственности. Таким образом, дела, которые приводят к освобождению, обычно занимают в шесть или десять раз больше времени, к тому же требуют применения больших юридических знаний и способностей, чем те, которые заканчиваются фатально для ответчика. И все же за провозглашение свободы человека плата составляет лишь половину той, что при вынесении ему приговора о рабстве. Это превосходит подкуп Иуды первосвященниками. У них не хватило дьявольского остроумия представить контраст между добром и злом как особый стимул для совершения беззакония.

“Упрощенный порядок” судебного разбирательства, предусмотренный этим законом, если рассматривать его применительно к столь важным правам, шокирует умы каждого англосакса. Вся кровь человека должна быть испорчена в его жилах, прежде чем он сможет слышать об этом без возмущения. Это самое благородное свойство нашей расы - считать гражданскую и религиозную свободу более священной и драгоценной, чем сама жизнь. И все же, какими гарантиями конституции, закона и форм практики защищена жизнь среди нас? Должно быть представлено по меньшей мере двенадцать приведенных к присяге мужчин, прежде чем человек может быть привлечен к ответственности по обвинению, по которому оно может быть аннулировано. Затем следуют коллегия присяжных, право безапелляционного отвода, назначение адвоката, право заранее ознакомиться с обвинительным актом и узнать имена свидетелей, которые должны быть вызваны против обвиняемого, и обязательный процесс, гарантирующий явку свидетелей в его пользу! Какие это благородные преграды против гнета могущественного правительства и злобных страстей могущественных людей! Вероятный преступник — человек, находящийся под самым сильным подозрением, - хотя и пойман с кроваво-красным кинжалом в руке над распростертым телом жертвы, защищен всем, что только смогла изобрести человеческая изобретательность; всем знанием, которым мы можем управлять по эту сторону всеведения, и всей мощью по эту сторону всемогущества Бога. И все же в том самом сообществе, где эти права почитаются и поддерживаются, человека могут схватить без предупреждения, поспешно доставить в суд, не дав ему и часа на подготовку, а затем увезти за тысячу миль, где у жизни отнимут все надежды и удовольствия и воплотят в жизнь все, что она знает о страданиях и ужасе.

Позвольте мне спросить любого человека, у которого когда-либо было дело в суде, заслуживающее защиты, был ли он готов встретиться с ним в первый же час, как узнал о его существовании? Свидетели ответчика могут проживать в разных штатах, и его и их могут разделять расстояния в сотни миль. Его доказательства могут состоять из документов, или завещаний, или записей, которые невозможно найти или удостоверить без промедления. Его защита может состоять из вопросов права, расследование которых самому способному адвокату может потребовать времени и изучения книг. Все эти препятствия на пути к мгновенной готовности могут существовать вместе, и все же неумолимый наказ закона презирает его призыв к отсрочке, из-за которой приостанавливаются его высшие интересы, и обрекает его на рабство, потому что он не может достичь невозможного. Согласно такому закону, ни один человек из десяти, который будет арестован, даже если он должен быть свободен, не будет готов отстаивать свою свободу. Я не сомневаюсь, что большая часть этих отверженных от человеческого правосудия лучше подготовлены к немедленной смерти, чем к этому немедленному судебному разбирательству.

Тогда жестокая поспешность в исполнении приговора! Убийце предоставляется передышка между часом вынесения приговора и часом смерти; должник может выдать товар для удовлетворения требований кредитора; но предполагаемый беглец не имеет отсрочки. У него нет возможности выпросить деньги, чтобы искупить свою вину, или вести переговоры о выкупе тела и души. Быстрый и верный, как стрела, попавшая в цель, он ускоряется на своем пути к обителям тяжелого труда и отчаяния. Свидетели, которые поклялись лишить его свободы, возможно, были лжесвидетелями, но он не может остановиться, чтобы осудить их. Суд, возможно, был коррумпирован, но он не может остаться, чтобы объявить ему импичмент. Каким бы честным ни было вынесенное судебное решение, оно может быть обратимым из-за юридической ошибки, но он не может остаться, чтобы отменить его.

Теперь каждый должен понимать, что там, где так мало осторожности до судебного разбирательства, должна быть широкая возможность для пересмотра после него. Но здесь бесконечное количество ошибок без шанса на исправление. Выходя за рамки действий обычного тирана, мы совершаем самую ужасную несправедливость с заранее обдуманной целью, чтобы ее нельзя было исправить. Великая и свободная Североамериканская республика включила неписанный закон судьи Линча в свой свод законов.

Каким бы четким ни казалось кому-либо конституционное обязательство Конгресса принять закон о возвращении беглых рабов, у этого обязательства, безусловно, есть ограничения, которые все принципы нашего правительства запрещают законодателю выходить за рамки.

Во-первых, это конституционное обязательство должно быть строго истолковано. Главной и первостепенной целью конституции была защита естественных прав; но целью статьи о беглых рабах была защита законного права, вступающего в конфликт с естественным правом. Все судьи с честным именем, все суды во всех цивилизованных сообществах признали широкое различие в принципах толкования права. Они постановили, что положения, направленные против жизни и свободы, должны толковаться строго, в то время как положения, выступающие за жизнь и свободу, должны толковаться либерально: первое должно толковаться так, чтобы причинять как можно меньше боли и лишений; второе — предоставлять как можно больше свободы и неприкосновенности. Они стали максимами, или аксиомами, юридического толкования; и в силу их давнего и неизменного признания, не будет слишком сильным выражением сказать, что они стимулируют и требуют строгого толкования того пункта конституции, в соответствии с которым могут быть объявлены в розыск лица, скрывающиеся от правосудия. И те же юридические принципы в отношении всех вопросов, касающихся жизни и свободы, обязывают Конгресс принимать законы в соответствии с конституцией, как и судебные инстанции при исполнении закона.

Тем не менее, закон о беглых рабах содержит положения, которые не могут быть ни притворством, ни тенью притворства, как того требует конституция. Согласно конституции, “Ни одно лицо, привлекаемое к службе или труду в одном штате, сбежавшее *вдругое*, не может быть уволено”. В *другое* что? Бесспорно, в *другое состояние*. Оно должно означать *состояние* и не может означать ничего другого; ибо законы языка не допускают никакой другой конструкции. Выражение “Ни одно лицо, удерживаемое в одном *штате*, не сбежит на *другую* ТЕРРИТОРИЮ” было бы не просто неграмотным и неанглийским, но и бессмысленным. Ни один здравомыслящий человек никогда так не истолковывал предложение. Тем не менее, шестой

раздел закона предусматривает не только случай побега рабов из одного штата в другой штат, но и их побег из штата на *территорию*, и побег с *территории* в штат, и побег с одной *территории* на другую *территорию*. Законом предусмотрены четыре категории дел, в то время как конституция предусматривает какие-либо основания только для одного из них.

Теперь пусть любой возьмет карту Соединенных Штатов и посмотрит, на какую обширную территорию распространяется действие закона, на которую положения конституции не распространяются. Регион континентальный, на который неконституционно распространяется действие закона, и это соответствует огромной бесчеловечности принципа, который его так распространяет.

Отметьте еще одну особенность, в которой положения закона выходят за рамки требований конституции. Конституция гласит, что беглец должен быть “выдан”. Закон предусматривает его доставку в дом заявителя. Существует ли какое-либо аналогичное положение, касающееся каких-либо других видов собственности? Если северный торговец взыскивает долг со своего южного клиента, берет ли правительство на себя ответственность за то, чтобы он был выплачен кредитору в его собственном доме? Если северянина грабят, а украденные товары находят в другом штате, перевозит ли правительство их обратно и оплачивает ли перевозку? Тогда почему правительство должно вмешиваться в это дело, чтобы нести расходы и риски, если только рабство не является настолько достойным учреждением, что заслуживает как благодарений, так и благословений свободных людей?

Затем обратите внимание, насколько искусно сформулирован закон, направленный на то, чтобы помощь, оказываемая истцу, выходила за рамки любой предполагаемой необходимости в данном случае. “Если, - говорится в нем, - на основании показаний под присягой, данных истцом ... его агентом или поверенным, ... у него есть основания опасаться, что такой беглец будет вызволен силой, ... прежде чем он сможет вывезти его *за пределы штата, в котором произведен арест*, это будет обязанностью должностного лица... вывезти его *в штат, откуда он бежал*. Таким образом, если возникает опасность, *в пределах первых десяти миль*, правительство должно за свой счет доставить раба домой в целости и сохранности, *хотя бы это было за тысячу миль*.”

Но помимо неслыханного принципа взваливать на правительство расходы по судебному преследованию частных исков своих граждан в пределах его собственной юрисдикции, я хотел бы знать, какое положение содержит конституция, которое, хотя и интерпретируется самым либеральным конструктором, наделяет Конгресс каким-либо правом, таким образом, брать деньги одного гражданина для оплаты частных расходов другого. В этом документе нет ни одного пункта, или фразы, или слова, которое поддерживало бы идею о том, что Северные Штаты должны нести расходы, а также позор, заключающийся в том, что таким образом наши ближние попали в рабство.

Кроме того, если бы пределы конституции были нарушены для того, чтобы доставить предполагаемого беглеца его хозяину, разве малейший элемент справедливости или даже порядочности не потребовал бы, чтобы, когда свободный человек осужден законом на рабство, его расходы, понесенные при возвращении туда, где у него самого отняли деньги, были возмещены ему правительством, которое не выполнило свой долг по его защите? Если претенденту на Джеймса Гамлета можно было предоставить за счет правительства силу, чтобы угнать его в рабство, почему бы правительству не возместить расходы на возвращение в страну

свободы Адаму Гибсону после того, как одно из его продажных и подлых орудий отняло у него эту свободу?

Закон также предусматривает еще одну вещь, которую верховный суд прямо объявил неконституционной или выходящей за рамки полномочий Конгресса принимать решения. Он предусматривает, что любой судебный орган *штата* или его судья, находящийся в отпуске, может принять и подтвердить доказательства, которые должны быть “убедительными” по двум из трех пунктов, которые признаны законом достаточными для доказательства того, что мужчина является рабом. Таким образом, два факта рабства и побега могут быть “окончательно” доказаны свидетельством судьи *государственного* суда, так что судья, к которому доставляется предполагаемый беглец, в отношении этих фактов выполняет лишь министерские функции. Теперь тот, кто имеет право принимать и подтверждать подлинность доказательств, которые, как заранее определено, должны быть “окончательными” в данном случае, имеет право принимать решение по делу. Это, по своей природе и сути, судебная власть; однако законом эта власть предоставляется любому судебному органу *штата* и любому его судье, находящемуся в отпуске. Однако, вопреки этому, верховный суд заявил: “Конгресс не может наделять какой—либо частью судебной власти Соединенных Штатов, кроме как в судах, учрежденных им самим”. —*Мартин против Арендатор Охотника*, 1 Пшеничная. 330. “Вся судебная власть Соединенных Штатов должна всегда принадлежать некоторым судам, созданным под их руководством”. —*ib.* 331. “Юрисдикция в отношении таких дел [дел, возникающих в соответствии с конституцией, законами и международными договорами Соединенных Штатов] не могла существовать в судах штатов до принятия конституции, и впоследствии она не могла быть передана им напрямую; поскольку конституция прямо требует, чтобы судебная власть принадлежала судам, учрежденным Соединенными Штатами”. —*ib.* 335.

Тем не менее, хотя прямо заявлено, что Конгресс не может передать какую-либо часть судебной власти Соединенных Штатов суду штата, согласно этому закону суды штатов уполномочены принимать и заверять доказательства, которые являются “окончательными” по делу.

Взгляните на предмет с другой стороны. Вот около полумиллиона свободных цветных людей в свободных штатах. *Они*, несомненно, свободны. Они так же полно, как вы или я, обладают теми прерогативами свободы, без которых жизнь перестает быть благословением. Их свобода гарантирована им конституцией Соединенных Штатов и, соответственно, конституциями и законами штатов, в которых они проживают. Они, безусловно, являются частью народа. В некоторых штатах, как, например, в Массачусетсе, закон ни на йоту не проводит различия в каком-либо отношении между чернокожим и белым человеком, между человеком европейского и африканского происхождения. Это благородная привилегия жителя Массачусетса - сказать, что, как все люди равны перед божественным законом, так и все люди равны в пределах наших границ перед человеческим законом.

Теперь, среди этих полумиллиона, более или менее, свободных цветных людей в свободных штатах, разбросано несколько сотен или, если угодно, несколько тысяч “беглецов от службы или труда”, как хитро и уклончиво формулирует конституция; что в интерпретации означает, как известно всему миру, беглецов от тяжелого труда, оков, побоев и агонии; беглецов от невежества и густой тьмы интеллекта; беглецов от морального унижения и от того насильственного осквернения тела и души, которое приводит к тому, что люди становятся

жертвами насилия. не щадит ни жену, ни мать, ни невинность дочери; спасается от разрыва семейных уз и от разрыва всех человеческих привязанностей; в конечном счете, спасается от язычества суеверий и религиозной слепоты в славный свет Евангелия Иисуса Христа.

Итак, этот свободный класс и этот класс беглецов этнологически принадлежат к одной и той же расе. Они говорят на одном языке и носят одни и те же отличительные черты лица и формы. Все невыразимые привилегии, все священные титулы и иммунитеты одного класса воплощены в том же цвете лица и в тех же очертаниях личности, которые сопровождают унижение и лишения другого. Сосуды чести и славы имеют ту же форму, что и сосуды бесчестия и позора.

Теперь, после того, как этот униженный класс был создан порочной системой человеческих законов, и после того, как он смешался со свободным классом, вступает в силу другой закон и постановляет, что первые должны быть возвращены в их рабство. Ужасный указ! второй по ужасу после того, который разделит благословенных и проклятых перед Божьим судилищем. В сфере человеческих действий никогда не было случая, который требовал бы большей безошибочной справедливости и мудрости, который взывал бы к большей предусмотрительности и заботе, который более трогательно взывал бы ко всем чувствам и инстинктам, близким свободе, которыми Бог наделил и облагородил душу человека, чтобы изобрести закон, если закон вообще должен существовать, чтобы не вовлекать свободных в ужасную участь поработенных. Если при отправлении уголовных законов знание человеческой подверженности ошибкам привело к появлению и применению на практике максимы о том, что лучше, чтобы девяносто девять виновных скрылись, чем чтобы пострадал один невинный человек, не следует ли принять такое же мягкое правило в нашем законодательстве всякий раз, когда есть возможность подвергнуть свободных ужасной участи поработенных? Но что у нас есть вместо этой ревности и осмотрительности? Закон, первое произнесение которого отменяет различие между свободой и рабством; закон, который выводит все свободное цветное население Соединенных Штатов на внешние круги водоворота рабства, чтобы они могли быть поглощены его водоворотом; закон, который дает возможность каждому негодяю в стране, фабрикуя ложные показания на досуге и в удобное для него время, использовать свою собственную свободу для того, чтобы отнять ее у других людей! Я утверждаю, что перед любым моральным судом, где добро и зло взвешиваются на весах святилища, нет более тяжкого преступления, описанного во всем своде законов, чем такой закон.

Это стало аксиомой в отправлении правосудия, — аксиомой, медленно развивавшейся вековой мудростью, но теперь твердо установленной и включенной в юриспруденцию каждого цивилизованного сообщества, - что этическая политика закона не потерпит никаких правил действия, которые открывают дверь мошенничеству или преступлению, но даже отменят торжественные контракты между сторонами, в остальном компетентными, из-за своей ревности и предчувствия неправоты. Отсюда закон, применимый к обычным перевозчикам, который не позволит человеку снять с себя ответственность даже путем прямого уведомления, чтобы не была предоставлена возможность для сговора и мошенничества. Отсюда также вытекает принцип права, который запрещает несостоятельному должнику платить или даже заключать контракт на выплату *добросовестному* кредитору в ожидании банкротства. Теперь этот принцип с удесyтеренной силой применим к законодателям, удерживая и отталкивая их от принятия любого закона, который может вовлечь невиновных в участь виновных или свободных в рабство поработенных.

Но закон нарушает еще более глубокий принцип, чем эти. Я не припомню случая, чтобы хоть один северянин или северная пресса, совершенно лживые по отношению к свободе и продажные, какими были многие из них, выразили полное удовлетворение законом. Они смягчают это, они стремятся соблазнительными вечеринками и денежными призывами склонить мужчин к ее поддержке. Они ищут предлоги, чтобы скрыть присущую ему низость; но ни у одного из них, насколько я знаю, не хватило наглости оправдать его внутренними достоинствами. Даже те северяне, которые голосовали за это, искали убежища от обрушившейся на них бури праведного негодования, утверждая, что это было важным компонентом системы мер и вошло, как необходимый элемент, в желаемый компромисс.

Что это означает при переводе на этот язык? Просто это, и не более. Калифорния была принята, и тем самым были получены определенные политические и коммерческие преимущества. Это, выражаясь юридическим языком, и было предметом рассмотрения. Был принят закон о беглых рабах, и тем самым права свободных людей, собственность самих людей, все домашние святыни, вся домашняя нежность полумиллиона человек оказались под угрозой. Это был равноценный подарок! Простой обмен самых священных интересов на мирские выгоды! И эти интересы были отданы людьми, которые ими не владели и, следовательно, не имели права передавать их. Белые, север и юг, играли в игру и сделали ставку на черных. Кто разрешил законодателям извлекать выгоду для себя, причиняя это бесконечное зло другим? Который дал им ужасную прерогативу заставлять других страдать ради своего удовольствия. Я говорю это с благоговением, но все же подчеркиваю, что мы не можем представить себе самого Бога, обладающего властью причинять заместительные страдания без свободного согласия страдальца! И все же зверства этого закона защищаются теми, кто его издал, на том основании, что они и другие белые люди обеспечили себе выгоду, пожертвовав свободой, счастьем и покоем полумиллиона своих собратьев другого цвета кожи. Причина и советник одинаковы, ибо защита столь же расточительна, как и действие, которое она защищает.

Я говорю, сэр, что именно население африканского происхождения в свободных штатах подвергается особой опасности из-за этого закона. Иногда, действительно, люди несмешанной белой крови попадают в плен и становятся его рабами. Эти случаи, однако, сравнительно редки. Но предположим обратное. Предположим, обстоятельства сложились так, что все белое население подверглось бы такой же опасности, как сейчас цветное население. Предположим, что не только сами белые избиратели, но и их жены и дети, были бы так же подвержены *“Преследованию”*, как чернокожие; предположим это, говорю я, и будет ли существование закона терпимо в течение часа? Разве не произошло бы восстание народа, одновременное и всеобщее, против этого, и такой вопль проклятия, какого никогда прежде не срывался с уст смертных? Имя каждого человека, проголосовавшего за это или который должен был бы защищать это, было бы внесено в тот список отступников, во главе которого стоит имя Иуды. Христианин и неверующий, еврей и язычник одинаково возненавидели бы это. Почему же тогда, если они хотят сделать это, чтобы отвести такую опасность от себя и своих семей, они не делают этого, когда их собратья-соболихи в опасности? Увы! есть только один ответ! Из эгоистичных соображений, из любви к богатству или из любви к власти они отвергли ниспосланную небесами максиму: “Что бы вы ни хотели, чтобы люди делали с вами, делайте то же самое с ними”.

И именно этот класс людей, которые таким образом отреклись от заповедей Иисуса Христа, которые попрали божественные доктрины свободы и любви, теперь так громко призывают нас к повиновению закону.

В ответ на этот призыв позвольте мне сказать, что истинное повиновение закону обязательно сопровождается и предшествует почитанию тех великих принципов справедливости и человечности, без которых любой закон является деспотизмом. Как может человек претендовать на какое-либо честное соблюдение принципа подчинения закону, когда он готов, как в случае с этим преступным актом, выйти за рамки нашего конституционного права и вторгнуться в божественный закон? Это всего лишь апелляция к низшему правилу действия для оправдания нарушения высшего. Под предлогом предоставления цезарю того, что принадлежит цезарю, оно отказывает Богу в том, что принадлежит Богу.

И опять же, истинное почтение к закону - это общий принцип, а не единичный факт. Это применимо ко всем законам в совокупности, а не к какому-то одному закону в частности. Она воздаст величайшее почести тем законам, которые охватывают и обеспечивают наибольшее благосостояние человека; ибо, если бы все законы сообщества или подавляющее большинство из них были несправедливыми, тогда нелояльность закону была бы добродетелью. Сможет ли класс людей, которые требуют от нас соблюдения закона о беглых рабах, выдержать это испытание? У нас есть законы о ростовщичестве, которые обладают не только юридической силой статутов, но и моральной силой величайших имен в законодательстве и государственной мудрости. Демонстрируют ли люди в Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне, которые наиболее яростно поддерживают закон о беглых рабах, свое уважение к законам против ростовщичества?

Разве деньги не ссужаются во всех этих городах по тому же принципу, по которому саботажники посылают конец веревки утопающему, — столько, сколько они могут вымогать? Общеизвестно, что среди огромного числа торговцев и капиталистов в этих городах процент регулируется давлением на денежный рынок, и что в их контрактах не больше идеи закона, чем в Калифорнии, где нет закона по этому вопросу.

У нас есть законы, ограничивающие продажу одурманивающих напитков и призванные пропагандировать славную цель воздержания. Какой практикой отличались наши города — повиновением этим законам или их нарушением? Несколько лет назад, когда возник вопрос о конституционности закона Массачусетса об ограничении невоздержанности, разве два его выдающихся сенатора не явились в верховный суд Соединенных Штатов и не приложили самых энергичных усилий, чтобы аннулировать закон своего собственного штата и заново открыть шлюзы для того, чтобы повергнуть своих избирателей в нищету и разорение, — те самые джентльмены, которые сейчас так нетерпимы даже к дискуссиям?

Посмотрите на жалобы, которые поступают к нам каждый день от сторонников защитного тарифа. Они говорят нам, что наши законы о доходах мошеннически и систематически нарушаются; и они исчисляют нарушения этих законов тысячами и десятками тысяч. Кто нарушители? Не люди, живущие в деревне; не фермеры, механики и чернорабочие — основа нашей силы и источник нашего могущества; но это городские торговцы, организаторы “Профсоюзных собраний” и члены “комитетов безопасности и бдительности”, которые так серьезно преподают уроки послушания своими наставлениями, которые они так мало рекомендовали своим примером.

Южные штаты громко призывают нас привести в исполнение закон о беглых рабах. Но какие примеры они подали нам в вопросе подчинения закону? Думаю, меня можно простить за то, что я упомянул несколько случаев, чтобы показать, как соотносятся их проповедь и практика.

В 1831 году законодательный орган Джорджии предложил взятку в размере *пяти тысяч долларов* любому, кто арестует и предаст суду и вынесет обвинительный приговор гражданину Массачусетса по имени Уильям Ллойд Гаррисон в Джорджии. Этот закон был “одобрен” Уильямом Лампкином, губернатором, 26 декабря 1831 г. Нога мистера Гаррисона никогда не ступала в пределы Джорджии, и поэтому это была награда не за суд над ним и осуждение, а за его похищение и убийство.

На собрании рабовладельцев, состоявшемся в Стерлинге, в том же штате, 4 сентября 1835 года, губернатору было официально рекомендовано пожертвовать прокламацией пять тысяч долларов, выделенных законом 1831 года, для задержания любого из десяти человек, граждан, за одним исключением, Нью-Йорка или Массачусетса, чьи имена были названы; ни один из них, даже не претендуя, никогда не был в пределах Джорджии.

Газета “Федерал Юнион” в Милледжвилле, штат Джорджия, от 1 февраля 1836 года содержала предложение в размере 10 000 долларов за похищение А. А. Фелпса, священнослужителя города Нью-Йорка.

Комитет бдительности (еще один “комитет бдительности”) прихода Ист-Фелисиана в “Луисвилл Джорнэл” от 15 октября 1835 года предложил 50 000 долларов любому человеку, который передаст в их руки Артура Таппана, торговца из Нью-Йорка.

На публичном собрании граждан Маунт-Мейгса, штат Алабама, 13 августа 1836 г., председательствующему *достопочтенному* Бедфорду Джинрессу было предложено вознаграждение в размере 50 000 долларов за поимку того же Артура Таппана или Ле Роя Сандерленда, методистского священника из Нью-Йорка.

Имели место неоднократные случаи, когда губернаторы рабовладельческих штатов — Вирджинии, Джорджии, Кентукки, Алабамы и др. — предъявляли требования губернаторам свободных штатов в соответствии со вторым разделом четвертой статьи конституции о выдаче свободных граждан, *скрывающихся от правосудия*, когда было хорошо известно, что граждане, которых требовали таким образом, не находились в пределах рабовладельческих штатов в то время, когда было совершено предполагаемое преступление, а в некоторых случаях никогда в жизни там не были, — высшие исполнительные органы извращали конституцию Соединенных Штатов, главными магистратами, которые поклялись поддерживать это!

В течение почти двадцати прошедших лет законы Соединенных Штатов о почте систематически нарушались в рабовладельческих штатах, почтовые пакеты вскрывались, а их содержимое изымалось и публично сжигалось; и, в некоторых случаях, эти нарушения карались суровыми наказаниями в соответствии с законом штатов. Есть несколько рабовладельческих штатов, в сводах законов которых эти законы, предписывающие посягательство на почту, действуют и по сей день.

Во время правления мистера Адамса человек по фамилии Тасселс в Джорджии был приговорен к повешению, согласно закону штата, столь явно неконституционному, какой когда-либо принимался. В верховный суд Соединенных Штатов был подан иск о выдаче судебного приказа

об ошибке, с тем чтобы передать дело в этот трибунал для пересмотра. Но штат Джорджия предвосхитил исполнение судебного приказа и позаботился о своей жертве, повесив ее экспромтом.

Несколько недель назад, — отчеты дошли до нас только сейчас, — пожилой и весьма респектабельный человек по имени Харрис, гражданин Нью-Гэмпшира, был судим толпой в Южной Каролине и обмазан дегтем и перьями, потому что у него случайно оказалась в сундуке проповедь, которую прислал ему один из его знакомых, священник с севера; хотя он никогда никому не показывал проповедь и не шептал ни слова о ее содержании. Другой человек, доктор Коулз, родом из Бостона, который читал лекции по физиологии, был в течение нескольких дней схвачен и доставлен к мировому судье в том же штате, его чемоданы были перерыты, частные письма, присланные ему женой и семьей, публично зачитаны с самыми непристойными комментариями, и все это без какой-либо тени обоснованных подозрений против него.

Неконституционное лишение свободы моряков-северян в южных портах - явление настолько частое и настолько общеизвестное, что мне нет необходимости тратить время на перечисление или описание этих случаев.

Президент Соединенных Штатов сделал заявление и предоставил военные и военно-морские силы Соединенных Штатов для оказания помощи любому южному рабовладельцу в приведении своего беглого раба в новое рабство; но я не слышал, чтобы он сделал какое-либо подобное заявление или проявил какое-либо беспокойство по поводу поддержки той части конституции, которая гласит, что “граждане каждого штата имеют право на все привилегии и иммунитеты граждан в нескольких штатах”.

Теперь, за некоторыми исключениями, именно эти классы людей нарушают законы против вымогательства и ростовщичества; кто разрушает барьеры на пути опустошения невоздержанностью; кто, почти единственный из всех наших граждан, замешан в нарушении законов о доходах; кто отменяет законы о почтовых отделениях Соединенных Штатов; кто предлагает вознаграждение свободным гражданам севера, чтобы они могли взять их в свои лапы, чтобы линчевать и убивать; кто требует, чтобы свободные граждане скрывались от правосудия в штатах, где они никогда не были, и кто сажает свободных граждан в тюрьму. и продавать их в рабство; - именно эти классы людей теперь так внезапно охвачены новым чувством святости закона и обязанности повиновения закону, — не законам Божьим, даже не законам человеческим, вообще, но этому самому отвратительному из всех постановлений, закону о беглых рабах в частности.

Я не привожу приведенные выше случаи из тысячи подобных в качестве какого-либо оправдания или извинения за насильственное и организованное сопротивление закону со стороны тех, кто даже конструктивно, можно сказать, дал на это свое согласие. Но слова проповедника не “слетают с его языка исправленными”, когда его имя вызывает скандал среди людей из-за нарушения им всех заповедей, которые он предписывает.

И теперь, сэр, когда меня призывают поддержать такой закон, как этот, или воздержаться от противодействия ему всеми конституционными способами, пока он действует, мой ответ таков: отмените закон, чтобы меня больше не призывали его поддерживать. От имени моих избирателей и памятью того “красноречивого старика”, на месте которого мне посчастливилось стоять, я требую его отмены. Я требую этого, —

Потому что это закон, который противоречит фундаментальным принципам свободы человека.

Потому что это закон, который противоречит конституции страны и всем судебным толкованиям этой конституции, где бы они ни применялись к белой расе.

Потому что это закон, который вводит фатальный принцип в кодекс доказывания и в судебную практику, — принцип, перед которым не могут устоять ничьи свободы и права любого рода.

Потому что это закон, который противоречит моральным и религиозным чувствам подавляющего большинства общества, которое призвано обеспечивать его соблюдение.

Потому что жизнь и характер стольких ее апологетов и сторонников сами по себе являются мощными аргументами против всего, что они могут отстаивать.

Потому что это закон, который, будучи исполнен в свободных штатах, лишает их характера свободных штатов и делает их добровольными участниками вины рабовладения.

Потому что это закон, который позорит нашу страну в глазах всего цивилизованного мира и дает приверженцам деспотической власти удобный повод порицать республиканские институты.

Потому что это закон, который запрещает нам поступать с другими так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами, и который считает преступлением кормить голодных, одевать нагих, посещать больных и заключенных и оказывать им помощь.

Потому что это закон, который делает заповеди Евангелия и учения Иисуса Христа крамольными; и, будь Спаситель и его группа учеников сейчас на земле, только один из них избежал бы его наказания, притворившись, что “победил свои предрассудки”. И, наконец,

Потому что защитники этого закона были вынуждены основывать его защиту на том недвусмысленном основании, что заповеди человеческие имеют более высокий авторитет, чем постановления Божьи.

В возвышенном описании закона Хукером, если понимать его в его общем смысле, он говорит:

“Из закона не может быть менее признанного, чем то, что ее престол - лоно Бога, ее голос - гармония мира; все на небе и на земле воздает ей почести, самое малое - потому что чувствует ее заботу, а самое большое - потому что не освобождено от ее власти; и ангелы, и люди, и создания, какого бы состояния они ни были, хотя каждое по-разному, но все с единодушного согласия, восхищаясь ею как матерью их мира и радости”.

Теперь, сэр, я говорю, что закон о беглых рабах, принятый на прошлой сессии, не обладает ни одним общим качеством или сходством с этими великолепными атрибутами “закона”. Говорить, что место действия такого закона находится в “лоне Божьем”, - это величайшее богохульство. Сказать, что это “гармония мира”, - значит заявить, что мир - это сфера вездесущего и всемогущего зла, не сдерживаемого никакими мыслями о справедливости и лишенного каких-либо эмоций любви. Говорить, что “все на небесах подчиняется” такому закону, значит утверждать о царствах света то, что верно только для царств тьмы. “Наименьшие” не “чувствуют его заботы”, но дрожат и стенают под его жестокостью; в то время как “величайшие” и сильнейшие ~~не~~ освобождены от его власти; ибо они создали его не для себя, а для других. Ни

для одного класса “созданий”, рациональных или иррациональных, человеческих или божественных, она не может оказаться “матерью мира и радости”; но где бы она ни простиралась и до тех пор, пока она существует, она будет оставаться изливающейся Марой горечи и раздоров.

Поскольку великое имя Хукера было нецензурно процитировано в защиту этого закона, я закончу цитатой о его различии между теми законами человеческих правительств, которым следует подчиняться, и теми, которым не следует: —

- “каким законам, - говорит он, - мы должны подчиняться, *если только не будет продемонстрировано основание, которое с необходимостью может подтвердить, что закон разума или Бога предписывает обратное*”.

СНОСКИ:

[20] Таков закон и в Луизиане. См. *Луи против Маро*, 9 Луи. Респ. 473; *Смит против Смит*, 13 Луи. Респ. 441.

РЕЧЬ

О законе о беглых рабах, произнесенном в Ланкастере, штат Массачусетс, 19 мая 1851 года, в ожидании выборов члена Конгресса по Четвертому избирательному округу.

Сограждане;

Мы собрались по великому случаю и с великой целью. Выборы члена Конгресса, действительно, не являются экстраординарным событием; но экстраординарно, что принципы, имеющие жизненно важное значение для чести Массачусетса и для дела свободы человека во всем мире, должны быть задействованы на местных выборах. Таков, однако, теперь факт.

Джентльмены, утверждение и признание прав человека достигли большого прогресса среди народов Европы, насколько помнят многие, кто сейчас стоит передо мной. Несмотря на раздел Польши союзными грабителями и стирание этого королевства с карты Европы; несмотря на порабощение Венгрии австрийским деспотизмом и многие другие чудовищные преступления против человечности, которые могут совершить только нации; ибо они слишком обширны и чудовищны, чтобы быть совершенными каким—либо человеком, - я говорю, несмотря на эти факты, великая ткань человеческой свободы росла в Европе, в то время как прочные структуры деспотизма распадалась и готовились к своему падению.

Но истина вынуждает меня признать, что в течение последних трех четвертей века наш курс в этой стране был направлен вниз. В то время как среди других народов христианского мира алтарные огни свободы разгорались и горели более ярким пламенем, у нас они угасали. При основании нашего правительства среди нас существовал институт, совершенно

несовместимый с фундаментальными принципами самого правительства. Но тогда он был ограничен в своих масштабах, и его дух нигде не проявлялся с такой интенсивностью. Даже те, кто дорожил им больше всего, стыдились его; и в тех положениях конституции, которые были предназначены для его временной защиты, общее уважение к приличиям запрещало упоминать его название. Фатально для нашего собственного мира и чести то, что тогда считалось временным и локальным, теперь угрожает стать постоянным и всеобщим. Вместо того, чтобы говорить о рабстве, затаив дыхание, его смелые подстрекатели теперь восхваляют его. Вместо того, чтобы обеспечить искоренение африканской работорговли, они превратили рабовладельческие штаты в другую Африку, по эту сторону тропиков; и путем успешного ограбления соседней республики они стремятся создать новую Америку, чтобы работорговля, однажды отмененная и объявленная пиратством, могла быть возрождена и легализована. Средний проход должен быть перенесен из океана на сушу. Мэриленд, Вирджиния, Кентукки и др. должны стать Золотым берегом, Бенином и Галинами; место поставок, место спроса и торговые пути между ними должны находиться в пределах наших собственных границ и охраняться американским флагом; и та ужасная торговля, которую все ведущие нации христианского мира объединились, объявив уголовным преступлением, караемым смертной казнью, теперь должна поддерживаться и защищаться нами под страхом смертной казни и роспуска Союза.

Недостаточно и того, что волна рабства поднялась и захлестнула обширные и необитаемые регионы запада. Она обрушивается на сами свободные штаты, и все плотины и барьеры того конституционного закона, который мы принимали в течение семидесяти пяти лет, не могут остановить ее поток. Мы думали, что Массачусетс - неприступная цитадель свободы; но неконституционные и бесчеловечные законы, продиктованные рабовладельцами, теперь применяются среди нас и у самых наших дверей; и нашими службами командуют для их исполнения.

Слава Богу, есть часть нашего народа, которая, страдая, сопротивляется. Лишь часть из нас достигла той низшей глубины деградации, когда они отдают не только свои конечности, но и свою волю ненавистному служению своим хозяевам. Рабство выполняет свою совершенную работу только тогда, когда душа поработочена. Я рад верить, что в нашем Массачусетском Израиле насчитывается не только семь тысяч человек, которые не преклонили колена перед Ваалом, но и семьсот тысяч; и недавние события предсказывают не только увеличение числа, но и более решительное противодействие.

Почему так получилось, сограждане, что Массачусетс занял первое или одно из первых мест в 1851 году по своей враждебности к закону о беглых рабах? Я отвечаю: по той самой причине, что она была первой в своей враждебности к посягательствам британской короны в 1776 году. И менее чем через семьдесят пять лет с этого времени те, кто выступает против этого бесчеловечного закона, и те, кто его защищает, исторически окажутся столь же далеко друг от друга и разделят столь же высокую честь или понесут столь же глубокий позор, какого сейчас удостоиваются любители свободы и приспешники власти, жившие в эпоху революции. Пусть все молодые люди остерегаются поддаваться каким-либо соблазнам сиюминутной выгоды или поруганной чести, поднимать руку в защиту этого закона. Если они это сделают, то, не прожив и половины своей жизни, они будут так же готовы, как старый Кранмер, бросить провинившегося члена в огонь и сказать вместе с ним: "Эта рука, эта злая рука оскорбила".

Джентльмены, мы в Массачусетсе - люди, любящие Профсоюзы и законопослушные. Мистер Вебстер и его “слуги” могут не жалеть сил, призывая нас соблюдать Профсоюз. Такая работа в этом содружестве является работой сверхурочной. Он знает, и они знают, что количество сторонников разделения в этом штате можно пересчитать по пальцам рук и ног человека. Какое бы влияние они ни оказывали, оно должно проистекать из их рвения, их талантов и их личного характера; ибо они не черпают ничего из численной силы. Если бы они все поселились в одном из наших маленьких городков, его жители проголосовали бы за них в меньшинстве. Я расцениваю эти постоянно повторяющиеся призывы к жителям Массачусетса и Новой Англии поддержать Профсоюз не просто как навязчивые, но как оскорбительные. Кроме того, когда человек берет на себя миссию разъезжать по стране, проповедуя честность, или умеренность, или целомудрие, он провоцирует вопрос, более ли он честен, воздержан или консервативен, чем те, кого он увещевает. Если союз этих государств сейчас находится или когда-либо находился на грани опасности, то это исключительно потому, что амбициозные люди и корыстолюбивые люди на севере придали ему такое направление, признав угрозы и браваду юга реальностью и таким образом поощряя их. Пусть самый большой трус увидит, что его угрозы признаны правдой, и он выберет дешевый способ угрожать вместо рискованного действия. Если бы китайцы могли отпугнуть британский флот своей батареей деревянных пушек, у которых середина концов выкрашена в черный цвет вместо дула, они были бы глупцами, если бы взяли на себя расходы на медь или железо. Но Джону Буллю было все равно, из дерева пушка или из металла, и при первом же выстреле Небожители бросились врассыпную. Но здесь, когда несколько человек в нескольких штатах направили на нас свои деревянные ружья, мистер Вебстер, генерал Касс и другие, преследуя свои собственные амбициозные цели, закричали, что Союз в опасности. Итак, я утверждаю, что если союз этих штатов когда-либо и был в какой-либо близости от опасности, то это было не из-за угроз, исходивших с юга, а из-за их поддержки севером. Если бы лидеры севера обесчестили, а не одобрили эту фальшивую бумагу, она никогда бы не попала в обращение.

Мы не только сторонники Профсоюзов, но, как я уже говорил ранее, мы законопослушные люди. Если бы это было не так, то не все флоты и армии мира смогли бы увести Томаса Симса в рабство. Почтение к закону настолько тесно связано с самой душой нашего народа, что, если бы вы могли убедить их, что закон имеет юридическую силу и обязывает к исполнению совести, я искренне верю, что наши присяжные вынесли бы вердикт в пользу Шейлока, хотя фунт мяса, на который он претендовал, был бы вырезан из их собственной груди. С этой стороны справедливого дела революции они подчинятся всем законам, принятым правительством, за одним-единственным исключением. Исключение, которое я имею в виду, охватывает те человеческие законы, которые явно противоречат закону Божьему. И я верю, что еще не настало и никогда не наступит время, когда дети пуритан будут подчиняться любой заповеди человеческого происхождения, если она противоречит божественному повелению, даже если им придется лечь в львиные норы или пройти сквозь огонь печей в наказание за непослушание.

Но с этим чувством почтения к закону связано другое чувство, которое является его надлежащим спутником и братом, — я имею в виду желание и решимость узнать, что такое то, что называется *законом*; что это такое, что претендует на эту прерогативу контролировать волю и бросать вызов совести. Именно в этом духе они обсуждали и намерены обсуждать закон о беглых рабах и подвергнуть его, на протестантский манер, испытанию индивидуального суждения и совести.

Мне нет нужды повторять вам общие положения этого бесчеловечного постановления. Ни один свободолюбец не может прочесть их без того, чтобы их чудовищный характер неизгладимо не запечатлелся в его сознании. Вы знаете, что это предполагает распоряжение высшими интересами свободы человека, — свободой души, а также свободой личности; — и вы знаете, что это также предполагает распоряжение самыми ценными интересами собственности, — собственностью, которую человек имеет в себе и во всех своих способностях к физическому наслаждению и страданию, а также его собственностью в его деньгах или его имуществе; — без единой из тех гарантий и защит, которые конституция страны возводит подобно оборонительному валу вокруг всех нас. Этот закон также не является чем-то теоретическим; это не мертвая буква в своде законов. Это живой монстр, вырванный из клетки и выпущенный на свободу среди нас, чтобы грабить и пожирать по своему желанию.

Теперь у меня есть два возражения против этого закона, которые освобождают меня от всех обязательств по его исполнению или, каким-либо образом, содействовать в его исполнении. Во-первых, я считаю, что это противоречит закону Божьему, который, с Божьей помощью, станет правилом моего поведения, хотя я и должен был бы разбрасывать политические предательства, как осенний ветер разбрасывает листья. В своем ужасном описании судного дня Иисус Христос проводит различие между святыми и грешниками, обращая внимание на то, накормили ли они голодных, одели ли нагих и посетили ли больных и в тюрьме. А кто так голоден, как не те, у кого нет и не может быть ни кусочка хлеба? Кто так обнажен, как не те, у кого нет и не может быть ни клочка одежды, защищающей их от холода или от похотливых глаз? И какое заключение когда-либо было таким безнадежным, как южное рабство, какая тюрьма когда-либо была такой глубокой, как эта тюрьма, которая навсегда удерживает в своих унылых стенах три миллиона наших собратьев - их самих и их потомство? Тот, кто отказывается от обычных актов гостеприимства по отношению к этим жертвам, убегая из их рабства, отрекается от своего Господа и Повелительницы. Тот, кто отказывается от них, нарушает все заповеди Спасителя и имеет не больше прав называть себя христианином, чем житель острова Фейджи, когда он поднимается со своего каннибальского пиршества. Это левит, который проходит по другой стороне.

И далее, я считаю, что этот закон противоречит конституции Соединенных Штатов и, следовательно, не имеет обязательной силы для моей совести или моего поведения. Я не хочу этим сказать, что буду решительно возражать против этого. Я придерживаюсь квакерской позиции по этому вопросу; я не буду помогать ее исполнять, хотя и позволю ей исполниться на мне.

Конституционность этого закона широко обсуждалась. Но существует огромная разница между аргументами тех, кто утверждает, и тех, кто отрицает его конституционность. Те, кто отрицает это, оспаривают вопрос по существу, в принципе, на основе тех правовых отношений и аналогий, которые так благородно характеризуют английское право в области свободы человека. Но те, кто утверждает конституционность закона, основывают свои аргументы на технических деталях и прецедентах, и они ни на минуту не могут обосновать себя ни на каком другом основании. В первую очередь они столкнулись с законодательным прецедентом 1793 года, который был актом, принятым без особых раздумий, как показывает его история, и к тому же принятым, когда все ожидали, что рабство вскоре исчезнет. Во-вторых, они полагаются на судебный прецедент дела Пригга, который был вынесен коллегией судей-рабовладельцев, и некоторые из вопросов, которые суд якобы решил, не возникали в данном деле.

В настоящее время установленный законом прецедент охватывает лишь часть дела; поскольку некоторые из наиболее отвратительных черт закона 1850 года отсутствуют в законе 1793 года; а верховный суд вообще никогда не принимал закон 1850 года. Итак, с самого начала ясно, что поборники закона не могут обойтись без прецедентов, а прецеденты в нескольких наиболее важных деталях их полностью подводят.[\[21\]](#)

Этот вопрос недавно обсуждался в наших собственных окрестностях. Свобода жителя Массачусетса — человека, который в соответствии с нашей конституцией и законами имеет такое же право на суд присяжных, как и вы или я, — была принесена в жертву комиссаром Соединенных Штатов в городе Бостон.[\[22\]](#) Он принял решение в пользу закона. Вы, естественно, предположили бы, что для того, чтобы защититься от гнусности такого решения, он задействовал бы все личные и все сопутствующие ресурсы, чтобы сделать дело настолько правдоподобным, насколько это возможно с помощью изобретательности. Говорят также, что мистер Уэбстер и друзья мистера Уэбстера, а также друзья комиссара приложили все свои силы, чтобы облегчить тяжбу в этом деле. Пока дело находилось на рассмотрении у него, один из связанных с ним вопросов был передан в верховный суд Массачусетса, а также в окружной суд Соединенных Штатов. Комиссар отложил рассмотрение дела после того, как были представлены все аргументы адвоката. Тем самым он дал себе возможность подготовиться и проконсультироваться. Я не делаю никаких исключений из всего этого. Я рад, что это было сделано. Я полагаю, что теперь у нас есть широта, протяженность и сила того, что можно утверждать в пользу закона. Я никогда не был так уверен в своих выводах, как тогда, когда сильные люди встали на противоположную сторону и не смогли ее поддержать.

Теперь я предлагаю обратить ваше внимание на это решение комиссара, принятое под таким давлением и с такими возможностями. Обсуждение может быть сухим, но оно не будет неинтересным, поскольку оно затрагивает такие важные вопросы, как свобода тела и свобода воли, а также свобода и жизнь человеческой души.

Можно сказать, что это юридические и конституционные вопросы, и, следовательно, непрофессиональные люди не могут в них разобраться. Но большинство, если не все моменты, на которые я обращаю ваше внимание, являются вопросами интуиции; вопросы, полностью подпадающие под юрисдикцию простого здравого смысла, и, следовательно, такие, которые можете решать как вы, так и юристы или судьи. И если я смогу убедить вас в неубедительности некоторых частей этого решения, в юридическом иезуитизме других частей и в внутреннем противоречии, которое пронизывает все это, вы без колебаний отмените его не только как недействительное, но и как дискредитирующее профессию юриста и позорящее штат Массачусетс.

Первый момент, который обсуждает комиссар, заключается в том, осуществлял ли он “судебную власть”, предоставленную конституцией Соединенных Штатов таким судам, которые должен учредить Конгресс, арестовывая по своему ордеру действительно свободного человека, решая своим суждением точный вопрос о том, был ли этот человек рабом, и отправляя его, согласно его свидетельству, туда, где к его телу и его духу применяются плеть и закон о рабстве. Сначала он решает, что не пользуется такой властью. Это было хорошо, поскольку он знает, что его никогда не назначали, не поручали, не приводили к присяге, ему не платили и не отстраняли от должности за ненадлежащее поведение, как это предписано конституцией в отношении судей. Каким бы ужасно героическим он ни был, фактически,

осуществляя юрисдикцию над человеком и отдавая его в безнадежное и непоправимое рабство, он не был настолько безумен, чтобы присваивать, *выражаясь*, прерогативу “судебной власти”.

Но что говорит его начальник, генеральный прокурор Соединенных Штатов? В подробном заключении, вынесенном по приказу президента Соединенных Штатов, — заключении, которое, как я полагаю, проходило под наблюдением всего кабинета министров, и поэтому можно предположить, что оно пользуется авторитетом мистера Вебстера и других советников президента по конституционным вопросам, и которое, безусловно, имело санкцию самого Президента, поскольку он действовал в соответствии с ним, — в этом заключении генеральный прокурор говорит:

“Эти должностные лица, [комиссары] и каждый из них обладают *судебной властью* юрисдикцией для заслушивания, изучения и принятия решения по делу”.

“Сертификат, выдаваемый владельцу, следует рассматривать как акт и *решение судебного трибунала*, обладающего компетентной *юрисдикцией*.”

“Конгресс учредил *трибунал*, обладающий *исключительной юрисдикцией* определять в упрощенном порядке и без апелляции, кто скрывается от службы”.

“В *решении* этого *трибунала*, в соответствии с этим законом, является определяющим на всех *трибуналах*.”

Итак, кто прав: генеральный прокурор с президентом и его кабинетом в качестве сторонников или мистер комиссар Кертис? Я утверждаю, что первые были явно правы в том, что когда конституция провозглашает, что “никто не может быть лишен жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры” (что подразумевает суд присяжных), то ни Адам Гибсон, ни Томас Симс, ни любой другой предполагаемый беглец не могут быть лишены этого права без суда присяжных, *и соответствующего решения или приговора “судебной власти”*. На следующую позицию так и не был дан ответ, и я думаю, что никогда не сможет быть дан, а именно, что если житель Массачусетса может быть лишен своей “свободы и имущества” без суда присяжных и решения суда, то он также может быть лишен своей жизни; ибо “жизнь, свобода и имущество” гарантированы в том же разделе, в том же предложении и с помощью тех же гарантий.

Генеральный прокурор постановил, что, поскольку полномочия, осуществляемые комиссаром, были “судебной властью”, это лишало партию всех преимуществ, вытекающих из *хабеас корпус*. И в этом была какая-то правдоподобность, хотя, я думаю, никакой обоснованности. Но наши защитники закона считают, что это отправление человека в рабство не является частью “судебной власти”, и все же это лишает его всех преимуществ *хабеас корпус*. То есть они считают, что человек может быть лишен свободы и имущества (и, конечно, своей жизни) в *результате министерского разбирательства*, которое не было возбуждено ни в одном суде, и не подлежит судебному преследованию до вынесения окончательного решения ни в одном суде, и все же все суды в стране, компетентные оказывать помощь в любом другом случае, не могут позволить себе ничего подобного в этом. Если это правда, если судебное разбирательство, проведенное и признанное должностным лицом, которое инициирует и проводит его, как министерское разбирательство, не инициированное судом и никогда не подлежащее рассмотрению в суде, таким образом, лишает суда присяжных и гарантии того, что

чья-либо свобода и собственность будут рассмотрены “судом”, и превращает судебный приказ *охабеас корпус* в пустую форму, тогда, действительно, мы можем сказать “прощай, долгое прощание” со всеми нашими свободами. Беспринципному большинству Конгресса достаточно принять закон о том, что любой человек может быть заключен в тюрьму или повешен по административному ордеру, и что наемный маршал или комиссар не должен подвергаться “никакому преследованию со стороны какого-либо суда, судьи, магистрата или другого лица, кем бы оно ни было”, и деспотическая власть воцарится здесь так же эффективно, как это когда-либо было в Англии в кровавые дни Стюартов. Джеффрис был, по крайней мере, судьей, хотя и действовал как комиссар.

Кто бы мог подумать восемь месяцев назад, что *министерское* разбирательство может сделать гражданина недостижимым для наших судов?

Теперь я подхожу к позиции в аргументации комиссара, которая не только явно ошибочна, но и противоречит ему самому, придерживаясь того же мнения, снова и снова. Я выдвину на это ряд возражений.

Адвокат настаивал на том, что он осуществляет “судебную власть”. Чтобы подтвердить это, был процитирован отрывок из дела Пригга, в котором суд заявил: “Иск, предъявленный владельцем из-за отсутствия владения рабом ... представляет собой, в самом строгом смысле, спор между сторонами и дело, возникающее в соответствии с конституцией Соединенных Штатов, в рамках прямого делегирования судебной власти, предоставленной этим документом”. Может ли что-либо быть более ясным и убедительным, чтобы доказать, что комиссар тогда предполагал осуществлять часть “судебной власти”, предоставленной Конгрессом исключительно судам? И как он на это отвечает? Таким образом, и только таким образом. Он говорит, что суд решает два вопроса:—

Во—первых, иск в отношении беглого раба является делом, возникающим в соответствии с конституцией Соединенных Штатов и, следовательно, в рамках предоставления “судебной власти”, как это предусмотрено конституцией; и

Во—вторых, “Поскольку это дело относится к судебной власти Союза, Конгресс должен был регулировать и предписывать средства правовой защиты, форму разбирательства, а также способ и степень, в которых судебная власть Союза должна быть задействована”.

Затем он заявляет о своем полном признании *обоих* этих утверждений. И как он отвечает на *первый* вопрос, который одним ударом сбрасывает его с узурпированной скамейки запасных? Он говорит: “Адвокаты заключенного наиболее настойчиво настаивали на первой из этих позиций, но ничего не сказали относительно второй”. И какая необходимость была адвокату что-либо говорить о втором, когда *первый был допущен*? Верховный суд заявил, и он признал это, что каждое дело, подобное тому, которое тогда рассматривалось им, было “делом, возникающим в соответствии с конституцией Соединенных Штатов, в рамках прямого делегирования судебной власти, предоставленной этим документом”. Это было равносильно утверждению, что это было дело, которое не могло быть рассмотрено комиссаром, потому что комиссар не является судьей, не является судом и не является частью суда. Простое изложение формулировок комиссара таково: Верховный суд заявляет, что я не обладаю юрисдикцией в этом деле; но поскольку адвокат ничего не сказал о другом пункте, который следует найти в заключении суда, следовательно, я воспользуюсь юрисдикцией.

Но опять же; этот ответ комиссара о том, что адвокат ничего не сказал о втором пункте (когда он признал обоснованность первого, который был фатальным), является не просто уклонением; он основан на ложном значении, приписываемом им второму пункту. Он говорит, что суд постановил, что “Конгресс должен регулировать и предписывать средства правовой защиты, форму разбирательства, а также способ и степень, в которых судебная власть Союза должна быть задействована”. Предположим, это должен был сделать Конгресс. Не могли бы они превзойти свою власть, делая это? и разве его признание первого пункта не доказывает, что они превзошли свою власть? — тот самый пункт, о котором тогда шла речь. Эти две вещи не могут стоять вместе. Если судебное разбирательство по вопросу “беглый раб или нет” “в самом строгом смысле” “находится в рамках прямого делегирования судебной власти, предоставленной” конституцией, то этот министерский уполномоченный не может осуществлять ее, и Конгресс не может уполномочить его осуществлять ее. Кроме того, решение суда было принято в 1842 году. Закон, конституционность которого тогда обсуждалась, был принят в 1850 году. Объявил ли суд в 42-м году или могли ли они объявить, что любой закон, *впоследствии* принятый Конгрессом по этому вопросу, должен быть признан конституционным? Действовало ли их решение перспективно и признал ли закон конституционным, который должен был быть принят восемь лет спустя? Что касается обсуждаемых тогда вопросов, а именно полномочий комиссара выносить решение по делу, более важному, чем жизнь или смерть, и обязанности комиссара заслушивать *ex parte* доказательства и делать выводы на их основе, когда они будут заслушаны, — эти вопросы не рассматривались верховным судом в 42-м году и вообще никогда не рассматривались верховным судом. Но поскольку этот суд много лет назад заявил, что предписывать порядок возвращения беглых рабов принадлежит Конгрессу, *следовательно*, говорит комиссар, если Конгресс наделит этой властью комиссаров (а также работоторговцев или пиратов), это будет справедливо. И поскольку адвокат не ответил на этот вопрос, комиссар выносит решение по признанному аргументу, убедительному в их пользу, против них самих.

Но это еще не все. Заявив в первой части заключения о своей полной убежденности в том, что выдача предполагаемого беглеца подпадает под “прямое делегирование судебной власти”, далее он использует следующую формулировку: “Казалось бы, - говорит он, - остается только выяснить, разрешает ли закон 1850 года или требует чего-либо большего, чем упрощенное министерское разбирательство, в поддержку права, закрепленного конституцией, а именно права на высылку”. И он считает, что это не так. Акт, который в первой части заключения был признан принадлежащим “в самом строгом смысле” “судебной власти”, теперь перестал быть “*чем-то большим*, чем упрощенное министерское разбирательство”.

И снова он говорит: “В предыдущем обсуждении я попытался показать, что это краткое министерское разбирательство” и т. Д. “Если это так, *а я не сомневаюсь, что это так*” и т. Д. Это внезапное превращение судьи в палача, от того, кто признал, что выдача предполагаемого беглеца является актом “судебной власти”, к тому, кто считает, что это НЕ “*что-то большее*, чем упрощенное министерское разбирательство”, может подойти ученику Пифагора или жрецам индуистской религии, но оно плохо подходит толкователю американской юриспруденции.

Я перехожу к другому пункту решения комиссара, а именно к природе и авторитету “судебной власти”; и когда я его рассмотрю, я подчинюсь вашему здравому смыслу, не окажу ли я ему

какой-либо несправедливости, сказав, что это в высшей степени очевидно ошибочно и совершенно абсурдно.

“Во всех правительствах, сформированных по английскому образцу, - говорит он, - существует определенный класс запросов, [полномочий?] судебные по своей природе, но которые доверяются должностным лицам, не входящим в состав судебной власти, строго так называемым”. (Мне не нравится эта замена слова “полномочия” словом “запросы”. Если что-либо под небесами и следует называться *силой*, то прерогатива отправлять человека, предположительно свободного, в рабство, несомненно, является таковой.) Затем он ссылается на определенных должностных лиц в Великобритании, которые, хотя и не являются судьями, выполняют, как он говорит, определенные судебные функции. Для этого будет достаточно краткого замечания. Великобритания, не имеющая писаной конституции, свою конституцию составляет совокупность ее законодательных актов и судебных решений. Если, таким образом, преобладающей практикой этого правительства было наделение каким-либо определенным набором полномочий любого данного класса должностных лиц, то это то, что позволяет и одобряет британская конституция.

Но у нас есть писаная конституция, и поэтому мы не должны терпеть закон (как в случае с этим законом о беглых рабах), который противоречит ее фундаментальным положениям. Согласно этой конституции, все предусмотренные в ней законодательные полномочия принадлежат Конгрессу; исполнительная власть принадлежит президенту, а судебная власть - судам. Конституция Массачусетса столь же ясна. В нем говорится: “В правительстве этого содружества законодательный департамент никогда не должен осуществлять исполнительную и судебную власть или какую-либо из них; исполнительная власть никогда не должна осуществлять законодательную и судебную власть или любую из них; судебная власть никогда не должна осуществлять законодательную и исполнительную власть или любую из них; в конечном итоге это может быть правительство законов, а не людей”.

В обеих этих конституциях прямо признаются три функции правительства, а именно: издавать законы, выносить судебные решения и исполнять; и все их особые полномочия переданы отдельным ведомствам. Не упоминается ни о каком гибридном или беспородном классе, наполовину судебном и наполовину исполнительном, или наполовину министерском и наполовину судебном, или составленном из аликвотных частей каждого из них. Такой офицер, согласно любой конституции, был бы монстром; он имел бы такое же отношение к их законным функционерам, какое Калибан имеет к человеческой расе; и, если бы его создали для исполнения закона о беглых рабах, этот наполовину дьявол, наполовину зверь был бы подходящим прототипом.

Комиссар заявляет, что обнаружил категорию дел, как в соответствии с конституциями нашего штата, так и национальных, когда полномочия, “судебные по своей природе и особые по своему назначению, могут быть переданы на усмотрение должностных лиц, которые не являются судьями”. В этом пункте он израсходовал себя. В этом заключались давление и трудность его дела. Видя, что, решая стоящий перед ним важный вопрос “раб или свободный”, он осуществлял судебную власть, а отдавая приказ вооруженным силам сопроводить жертву в дом рабства, он осуществлял министерскую или исполнительную власть (таким образом, смешивая функции, разделенные обеими конституциями), комиссар почувствовал, что он должен найти

какую-то аналогию или прецедент, чтобы скрыть это очевидное нарушение всех принципов, иначе его доводы рухнут. Она находится в руинах, ибо он не нашел подобного прецедента и не может найти ни одного.

Примеры, которые он приводит из Массачусетса, следующие: -1. Шерифы, которые могут председательствовать в жюри присяжных при оценке ущерба от прокладки автомобильных дорог и могут решать такие юридические вопросы, которые возникают в ходе судебного разбирательства; 2. Аудиторы, которые могут проверять ваучеры и государственные счета сторон и представлять отчет об этом в суд; 3. Уполномоченные по делам о несостоятельности, назначенные для распределения имущества неплатежеспособных; и, 4. Окружные уполномоченные, которые прокладывают автомобильные дороги.

Итак, ничто не может быть яснее того, что ни в одном из этих случаев названный офицер не осуществляет “судебную власть”. Бесспорно, универсально и обязательно, в силу самой фразы, термин “судебная власть” охватывает идею *власти* решение которой может быть приведено в исполнение *in invitum*; то есть против нежелающей, оспаривающей, сопротивляющейся стороны. Возвышенная власть суда превращается в ничто и смехотворна, если его постановления не могут быть исполнены до самой смерти партии, против которой они вынесены. Для этой цели их поддерживает вся гражданская мощь государства; и если этого окажется недостаточно, их поддерживает вся военная мощь государства; и, даже помимо этого, вся военная и военно-морская мощь Соединенных Штатов. Без этого судьи - всего лишь марионетки или ничем не лучше “людей в мешке”. “Судебная власть” заключается не в том, что шериф председательствует над присяжными, не в том, что аудитор составляет отчеты, не в том, что комиссар подсчитывает дивиденды из имущества несостоятельного, не в том, что окружные комиссары прокладывают дороги; но она заключается в вынесении судебного решения, в распоряжении которого находятся оружейные склады в Спрингфилде и Харперс-Ферри, в распоряжении постоянной армии и ополчения Соединенных Штатов, в распоряжении которых пятьдесят линейных кораблей, в распоряжении казны страны, чтобы вынести решение. поддержать его и покарать смертью одного человека, тысячу человек или, если понадобится, сто тысяч человек, которые окажут ему сопротивление.

Взгляните, сограждане, на эту жалкую софистику. Шериф должен вернуть вердикт присяжных в суд общей юрисдикции, —*который является СУДОМ*, — и если какая-либо из сторон укажет на веские основания для недовольства, все разбирательство аннулируется, и расследование должно быть проведено снова; и снова, и снова, и десять раз снова, пока каждое его действие и буква не станут безупречными. Аудитор должен представить свой отчет суду, который его назначил, и, если суд сочтет это обоснованным, он отменит и его, и этот отчет. Действия управляющих по делам о несостоятельности в полной мере основаны на согласии сторон или на решении суда, который заменяет согласие силой закона. И ни один поступок окружных комиссаров по отнятию у человека земли не стоит бумаги, на которой он написан, пока вердикт присяжных не будет возвращен в суд общей юрисдикции, и там он будет официально принят и запротоколирован. Более того, каждый разумный фермер в стране знает тот факт, что, хотя комиссары проложили новую дорогу или приказали перекрыть старую, все же, если сторона, чувствуя себя потерпевшей, требует суда присяжных, ни первое, ни второе не могут быть запущены, пока суд общей юрисдикции не рассмотрит дело и не утвердит его. [23]

Если, однако, во всех вышеуказанных случаях заинтересованные стороны *соглашаются* с действиями шерифа, аудитора или комиссара, то эти действия становятся обязательными в силу такого согласия. Сторона, давшая согласие, впоследствии лишается права их допрашивать. Но они не получают никаких полномочий от какой-либо "судебной власти", которой наделены должностные лица, их выполняющие. У нас есть случай, более точно отражающий суть и лучше иллюстрирующий принцип, в четвертом разделе девяносто седьмой главы нашего Пересмотренного Устава, где предусмотрено, что "в исках по векселям и другим контрактам, где причитающаяся сумма представляется неоспоримой, долг или ущерб могут быть оценены и установлены секретарем либо в соответствии с общим постановлением суда, либо путем специальной передачи дела ему; и судебное решение в любом случае должно быть внесено в ту же форму, как если бы оно было присуждено судом на основании оценки или расчета, произведенных сами по себе." Но кто станет утверждать, что это действие клерка, которое совершается только там, где нет спора между сторонами, исходит от какой-либо "судебной власти" этого чиновника?

Примеры, приведенные в соответствии с конституцией Соединенных Штатов, обладают, по возможности, еще меньшим правдоподобием. Уполномоченные, назначаемые судами, могут инициировать определенные разбирательства, привлекая стороны к суду и т.д., Но эта функция является не *более судебной*, чем функция большого жюри при вынесении обвинительного заключения. Это предварительный судебный акт, но не сам такой акт. От членов комиссии даже не требуется приносить присягу, и во многих случаях известно, что они не приводились к присяге.

Итак, о деле, по которому так много делается попыток, — о деле уполномоченного по патентам. Любая сторона, чувствуя себя ущемленной любым из его решений, может обратиться непосредственно в суды Соединенных Штатов за возмещением ущерба.

Сравните все это с аналогичными примерами в законодательном департаменте правительства. Законодательные органы большинства штатов создали комиссии по пересмотру своих кодексов статутного права. В Массачусетсе их было несколько. Наш пересмотренный устав является памятником труда одной из этих комиссий. Но были ли они законодателями? *Имел ли предложенный ими кодекс какую-либо силу до принятия Сенатом и Палатой представителей?* Точно так же, как действия шерифа, аудитора или комиссаров различного рода, были актами судебной власти, и не более. Являются ли выборщики наших городов законодателями, потому что они в первую очередь решают, кто будет избран членами нашей Палаты представителей? Являются ли наши губернатор и совет законодателями как в правительстве штата, так и в национальном правительстве, потому что на основании результатов голосования, переданных им выборщиками, они выдают свидетельства об избрании сенаторам нашего штата и избранным членам Конгресса? Осуществляют ли они какую-либо часть той власти, которая делает "каждую палату судьей выборов, результатов выборов и квалификации своих собственных членов"? Точно так же, отвечаю я, как шериф, аудитор, комиссар или клерк относится к "судебной власти". Они совершают действия, предшествующие законодательству, но не законодательный акт; точно так же, как вышеупомянутые классы должностных лиц совершают действия, предшествующие судебным решениям, но ни в коем случае не сам авторитетный и обязательный судебный акт.

Сила, или, скорее, слабость аргументации комиссара по этому вопросу состоит в навязчивой, проецирующей, кричащей о себе ошибке использования точной, технической, конституционной фразы “судебная власть” как синонима популярному выражению “разумный акт” или “осуществление судебного решения”. Должностные лица всех мастей осуществляют “судебную власть” в этом широком и популярном смысле этого слова; то есть они совершают действия, требующие здравого смысла. Судьи, арбитры и референтные группы совершают действия точно такие же, как у судей, но они не могут задействовать всю физическую мощь правительства для их обеспечения. Таким образом, шерифы определяют личность стороны, указанной в их предписаниях; почтальоны - кому они должны доставлять письма и какие почтовые расходы они должны требовать; таможенники - характер и стоимость товаров, облагаемых пошлиной; ассессоры - взимание налогов; родители и учителя - вопросы дисциплины и т.д., и т.п. В общепринятом смысле можно сказать, что все они осуществляют судебную власть; но ни крупинки той власти, которая, согласно основному закону нашего правительства, не принадлежит “судам”. Все их действия подлежат проверке в судах. Они не могут привести в движение руку правительства для исполнения своих судебных решений. Действительно, вся аргументация комиссара по этому вопросу - всего лишь игра слов. Это всего лишь словесный обман. Предпосылки, с которых он начинает, неизвестны конституции, а вывод, к которому он приходит, отвратителен человечеству.

Разве каждый орган не понимает, что для того, чтобы провести параллели между делами, чтобы получить какое-либо законное основание для сравнения между ними, Sims должен был иметь такое же право обжаловать решение комиссара в суде, причем право обжалования принадлежит *по праву* стороне, которая чувствует себя ущемленной действиями шерифа, аудитора или комиссара; и что свидетельство должно связывать его только с его добровольного согласия?

Но, по мнению комиссара, есть еще один момент, достойный того, чтобы дополнить его. Я продолжаю его рассматривать.

Он повторяет и продолжает повторять, что его решение, обрекающее Симса на все ужасы рабства и отдающее его под контроль человека, который претендует на право владения его телом и душой, для передачи в юрисдикцию, где признаются такие права, не является “ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ”. Оно *неокончательное*, говорит он, потому что, если Симс свободен, он может нарушить законы Джорджии, в которых ему отказано законами Массачусетса; то есть, если решение, которое комиссар выносит против свободного человека в свободном штате, не является “ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ”. если это ложный приговор, он может отправиться в рабство, чтобы добиться возмещения ущерба, — что в десять тысяч раз хуже, чем если бы присяжные по делу о смертной казни сказали: “Мы можем признать этого заключенного виновным; ибо, если он будет несправедливо повешен, Бог возместит ему ущерб”.

Помимо бесчеловечности этой позиции, она содержит ошибочность, которая является братом-близнецом только что рассмотренной. Судебное слово “окончательный” имеет юридическое, техническое и определенное значение. В судах и в юридических справочниках это означает последнее решение в судебном разбирательстве. Это означает решение, которое сторона не может обжаловать, хотя она может очень сильно этого желать; или это означает решение, после которого, какой бы неудовлетворенной ни была сторона, она не может добиться повторного рассмотрения своего дела судом, *но вынуждена подчиниться*.

“Окончательные судебные решения, ” говорит Блэкстоун, - такие, которые сразу же прекращают действие”. Это точное описание судебного решения, вынесенного комиссаром в отношении Симса. Эта жертва сопротивлялась молитвам и слезам, подкупающему красноречию своих адвокатов и их непреодолимой логике, на которую комиссар так и не начал отвечать. Но самопровозглашенный судья был неумолим. Хотя он знал, что, согласно условиям Закона о беглых преступниках, от его решения никуда не деться; хотя он знал, что его свидетельство должно было защитить охотника за людьми от любого “посягательства со стороны любого процесса, выданного любым судом, судьей, магистратом или другим лицом, кем бы оно ни было”, все же, подобно Пилату, он умывает руки и говорит: “Я невиновен в крови этого человека, позаботьтесь об этом”; ибо мое решение не “окончательное”. И почему? Потому что в другой юрисдикции, в другом судебном процессе, где истец должен быть ответчиком, а ответчик истцом, или, возможно, против другой стороны; также в месте, где все презумпции общего права в пользу свободы меняются местами; где закон другой и правила доказывания другие; и где сам ответчик низведен до состояния движимого имущества и животного, в какой-то неопределенный период будущего может быть принято решение, что человек, которого комиссар сейчас объявляет рабом, свободен и всегда был таким. Из-за этого будущего и условного события, из-за этой почти невероятной возможности решение комиссара не является *окончательным*. Я отрицаю это. Решение является *окончательным*, потому что, как говорит Блэкстоун, оно “сразу же кладет конец действию”. Но давайте проверим вопрос не только по его юридическому определению, но и по его фактическим последствиям. Он решает, что Симс - раб. Он решает, что он обязан служить Джеймсу Поттеру. Он решает, что Поттер и его наследники и правопреемники навсегда являются законными владельцами Sims и наследниками его рабства навсегда; и когда Симса и его потомство будут бичевать, рвать, сдирать кожу, калечить, морить голодом, единственное утешение, которое есть у комиссара для него и для них, это то, скажет ли глина *Горшечнику*, который ее лепит: "Что делаешь ты?" Он не только решает, что Симс - раб и что его следует отправить в Джорджию, но и посылает *приближенных*, подобных тем, которые когда-то опозорили даже слугителей инквизиции, проследить, чтобы дьявольское деяние было совершено.

Весь аргумент комиссара о том, что этот его акт не является *окончательным*, основан на уловке — на использовании юридического слова “окончательный”, как если бы оно было синонимом популярного слова “*вечный* или *бессрочный*”. Рабство Симов не может быть *вечным* или *бессрочным*, потому что каким-то чудом Божьим или иным образом они могут сбежать. Но в техническом и юридическом смысле решение комиссара является *окончательным*; и он мог бы с таким же успехом обречь человека на то, чтобы его сбросили с тарпейской скалы, и сказать, что этот акт не окончательный, потому что он всего лишь подчиняет жертву законам всемирного тяготения, как он подчиняет Симса законам Джорджии.

Если по какой-либо возможности эта доктрина о том, что решение не является *окончательным*, может быть на мгновение поддержана, тогда я представлю случай, с которым ее можно сравнить.

Конституция гласит: “Ни одно государство не должно принимать никаких законов, нарушающих обязательства по контрактам”. Здесь у нас есть конституционная основа, такая же, как и для возвращения беглых рабов. Некоторые штаты приняли законы, нарушающие обязательность

контрактов, такие как стоп-законы штата Кентукки и т.д. Предположим, что кредитор из Массачусетса заявляет о наличии должника из Кентукки, контракт которого был нарушен таким образом. Может ли Конгресс, чтобы придать силу этому конституционному положению, разрешить этому мнимому кредитору отправиться в Кентукки, наложить арест на имущество предполагаемого должника в достаточном количестве, чтобы погасить предполагаемый долг, и доставить его домой, или распорядиться, чтобы магистрат отправил его домой в рамках некоего “упрощенного” процесса, который, на первый взгляд, исключает суд присяжных; и тем самым лишить предполагаемого ответчика всех прав в соответствии с тем положением конституции, которое предусматривает суд присяжных, когда спорная стоимость превышает двадцать долларов? И мог ли магистрат Кентукки в предполагаемом случае отказать суду присяжных на том основании, что рассматриваемое им разбирательство не было “окончательным”, потому что ответчик мог последовать за истцом в Массачусетс и там возбудить иск *replevin*, *trespass* или *trover*, чтобы оспорить в суде присяжных страны право бывшего истца на имущество, на которое он наложил арест?

Комиссар много говорит в разных местах с очевидной надеждой показать, что рассматриваемое им судебное разбирательство преследовало только то, что он называет “ограниченной и особой целью”, а именно “*выдворение*”.

Признаюсь, я сам не могу понять, почему удостоверение уполномоченного имеет более ограниченное и специальное назначение, чем любой судебный акт, приговор или исполнение любого суда вообще. Комиссар объявляет, что *на первый взгляд* свободный человек является рабом. Он заявляет, что Джеймс Поттер принадлежит Томасу Симсу и потомству в его чреслах навеки; или что Томас Симс и его потомство навеки обязаны служить Джеймсу Поттеру и его наследникам и правопреемникам навеки. Ограничивает ли это “*навсегда*” значение сертификата во времени? Если это так, то *общая* или *неограниченная* награда или казнь персонажей, в отличие от этой, *ограниченной* и *специальной*, должна распространяться и на следующий мир. Когда наши суды решают, что один человек должен другому деньги, они присуждают к исполнению в отношении его собственности с определенными гуманными изъятиями в отношении одежды, мебели, провизии, школьных учебников, Библии и прочего. Но когда этот уполномоченный решил, что Симс задолжал Поттеру услугу, он выдал свидетельство против признанного должника, которое не давало никаких исключений; но включало имущество, одежду, книги, кожу, плоть, сердце, мозг, душу и все, что было в нем или от него, со всеми принадлежностями и придатками, нынешними эмблемами и будущим приростом. Тем не менее, по словам комиссара, первое судебное решение является общим; последнее “особое и ограниченное”. По нашим старым законам (и по законам некоторых штатов до сих пор) суды могли приговаривать правонарушителей к варварскому наказанию в виде порки. Но они были и остаются обязанными указывать количество ударов плетью. Это общее. Уполномоченный передает раба на порку его хозяину, *ad libitum* и *in perpetuum*, на порку лично и на порку в лицах его детей и их потомства, *in secula seculorum*. Определенное наказание в тридцать девять ударов плетью или такое другое количество ударов, которое может быть подсчитано, комиссар называет общим или бессрочным. Но неисчислимое количество плетей; огромная, неизвестная алгебраическая величина; бесконечный ряд; то, чего Ньютон со всей своей математикой не мог охватить, а Росс со своим телескопом не мог увидеть конца, — это “особое и ограниченное”. Изъятие ограниченного количества собственности человека, тщательно зафиксированного в долларах и центах, как в тексте, так и на полях исполнения, комиссар называет общей целью. Но лишение человека не только всего, что он заработал, но и всех его возможностей

зарабатывать, пока он дышит, с полным правом делать то же самое со своими потомками до последнего поколения - это “особое и ограниченное”. Приговорить человека к повешению за шею до тех пор, пока он не умрет, хотя и с привилегией священника, молитвенника и Библии, — это тоже общепринято; хотя в Массачусетсе это может быть сделано только большинством судей верховного суда. Но отправлять человека на пятилетнюю работу на сахарную плантацию, где его учат читать Евангелие об Иисусе Христе, является уголовным преступлением, — это “особое и ограниченное дело”, и так может поступить любой наемный комиссар, который сделает то, что сделал Иуда за треть своих серебряных монет.

Сограждане, я подчиняюсь любому человеку, священнослужителю, юристу или мирянину, который способен ценить моральные различия, независимо от того, не является ли вся эта доктрина о передаче человека в рабство, передаче его целиком в руки истца и передаче его под юрисдикцию рабов под предлогом того, что это делается только для *особой и ограниченной цели изгнания*. Это больше похоже на подделку, чем на аргумент. Мнимая образованность и логика никогда не применяли большего принуждения к себе и не пытались большего к другим, чем когда они сфабриковали это представление, что признание человека рабом, лишение его *liberam legem*, то есть всех его прав и иммунитетов как гражданина, и передача его в фактическое рабство “преследуют особую и ограниченную цель удаления” — только для того, чтобы устроить ему путешествие или увеселительную экскурсию в несколько сотен миль — *наружу*, — *но не обратно*. Когда преемник святого Петра, заявлявший, что у него ключи от рая и что его служителям уготованы смерть и ад, отлучал от церкви целые секты и народы и передавал их великому охотнику за душами, а также посылал с ними своих *приближенных* следить за тем, чтобы “претендент” не подвергся “растлению”, отправляя их в бездонную яму, *он* мог бы с таким же успехом сказать, что сделал это только с “особой и ограниченной целью”. Это было не проклятие, это было всего лишь “удаление”. И неужели вы полагаете, что дьявола, если бы он мог завладеть этими отверженными душами, волновало бы больше, под каким предлогом великий уполномоченный понтифика совершил доставку, чем южного рабовладельца, когда он завладевает человеком, которого он может сделать рабом?

Это ошибочное утверждение об “особой и ограниченной цели высылки” исходило не от мистера комиссара Кертиса. Я освобождаю его от этой вины. Он только принял его и придал ему “дурную славу”, сделав его, отчасти, основой своего решения. Но отныне пусть люди клеймят его. Пусть они классифицируют это, осуждают и ненавидят как принадлежащее к тому нечестивому и богохульному типу аргументов, которыми были введены в заблуждение наши прародители, когда сатана сказал им, что, хотя они согрешили против Бога, они не умрут; или которыми мистер Вебстер обольстил и обманул столько честных людей, когда он уверял их, что, хотя они и нарушат моральный закон, открыв все территории для рабства, все же какой-то физический закон географии или погоды предотвратит наказание.

В отсутствие всех достойных материалов для аргументации комиссар прибегает к той десятикратно опровергнутой позиции, что существует аналогия между лицами, скрывающимися от правосудия, и лицами, скрывающимися от службы. Где он мог найти достаточно плотную повязку из предрассудков, чтобы не видеть различия, что условием освобождения от первого является то, что он будет *обвинен* в преступлении, в то время как условием освобождения от второго является то, что его *заставят* трудиться и что он *обязан* служить? Как можно говорить, что человек *должен* услугу, пока не будет доказан *факт задолженности*? Такого разумного подозрения в виновности, которое оправдывает большое

жюри при вынесении обвинительного заключения, достаточно в одном случае, но такие положительные доказательства, которые потребовали бы от суда вынесения решения и приведения его в исполнение, абсолютно необходимы в другом. Правительство, требующее, чтобы преступник скрывался от правосудия, добивается его выдачи для разбирательства в суде *с участием присяжных* по вопросу о *преступности*; но истец, обвиняющий предполагаемого беглеца со службы, добивается его выдачи, чтобы избежать разбирательства в суде *с участием присяжных* по вопросу о *свободе*. Конституция требует, чтобы каждое лицо, обвиняемое в преступлении, предавалось суду в том штате и округе, где должно быть предъявлено обвинение в совершении преступления; но в ней нет такого положения в отношении предполагаемого беглеца со службы; и это предписание в одном случае и упущение в другом создают неопровержимый вывод о том, что между ними есть разница, и что предполагаемого беглеца со службы, согласно всем аналогиям общего права, следует судить там, где его найдут.

Но есть одно различие, которое достаточно широко и ярко, чтобы заставить слепого увидеть его. Предполагаемый преступник, скрывающийся от правосудия, не считается преступником до доставки, и он не становится преступником в глазах закона в результате акта доставки. Но предполагаемый беглец со службы признается рабом и становится им на основании свидетельства уполномоченного. Государство, принимающее беглеца от правосудия, не приступает немедленно к его наказанию. Но принимающий предполагаемого беглеца со службы *владеет* им и может продолжать контролировать его, избивать, грабить и морить голодом в тот самый момент, когда комиссар вручит ему удостоверение. Если кто-то не может увидеть это различие, то никакое действие окулиста-моралиста не может вернуть ему зрение.

Газеты сообщают нам, что, когда Симса высадили в Саванне, он был доставлен в тюрьму и получил *“обычный выговор”*, который, как известно каждому, представляет собой содранную кожу и текущую кровью спину. По чьему свидетельству был наложен арест на девятизубого кота? Если бы он был убийцей или пиратом, было бы ли первым актом приветствия по его прибытии изгнание? Нет! У убийц и пиратов были бы присяжные. Закон благосклонен к ним; он избавляет рабов от своих ужасов. Человек, который *неувидит* такого различия, не вызовет жалости, если его заставят *почувствовать* это.

Рассматривая эту тему, комиссар делает одно утверждение, которое кажется безумным. Он говорит, что для выдачи разрешения на выдачу лица, скрывающегося от правосудия, с целью его выдворения *“должно быть доказано, что он совершил преступление”*. Подобное заявление никогда не делалось раньше, и я не верю, что оно когда-либо будет сделано снова. Вы не смогли бы найти юриста к югу от Мейсона и Диксона, который осмелился бы сказать это. Каждый знает, что предполагаемому преступнику нужно только *быть обвиненным* в совершении преступления. Именно предполагаемый раб должен быть доказан, что он *привлекался* к службе, прежде чем его можно будет передать в соответствии с конституцией. Но, как будто это недостаточно абсурдно, комиссар продолжает говорить, что, хотя предполагаемый беглец от правосудия должен быть доказан в том месте, куда его доставляют, *“что он совершил преступление”*, все же после его выдворения должно быть снова доказано, что он его совершил. Как можно каким-либо законным способом доказать, что человек совершил преступление, не встретившись лицом к лицу со свидетелями против него? Почему после того, как он был так доказан, его снова отдают под суд?

Что касается всего, что говорит комиссар, отрицающий право на суд присяжных, я сделаю лишь одно или два замечания. Я уже обсуждал этот вопрос в другом месте; и пока я не увижу какого-либо ответа на этот аргумент, у меня нет повода для его повторения или подтверждения. После использования слова “лицо” около двадцати раз для обозначения президента Соединенных Штатов, выборщиков, сенаторов, представителей, должностных лиц Соединенных Штатов, индийцев, африканцев и т.д. конституция провозглашает, что “ни одно *лицо* не может быть лишено жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры”; — эта “надлежащая правовая процедура” означает суд присяжных. Это один факт. Адам Гибсон, Генри Лонг, Томас Симс и многие другие, некоторые из них, которые теперь признаны всеми свободными, были отправлены в рабство без этого суда. Это еще один факт. Теперь соедините эти два факта. Никто не может быть лишен свободы или имущества, кроме как судом присяжных. Эти люди были лишены свободы и имущества без суда присяжных. Это два конца. Теперь заполните пространство между ними тем, чем вам заблагорассудится, и называйте это аргументом, законом, евангелием или как вам угодно, каждый должен видеть, что это ничто иное, как жонглерство мефистофилов. Я отклоняю этот тезис единственным предложением: в Массачусетсе мы не знаем юридического различия, основанного на цвете кожи. Несмотря на все градации, от человека, обладающего сверхъестественной белизной альбиноса, до того, кого вы можете увидеть в самую темную полночь, потому что он такой черный, — все, *все*, согласно нашей конституции и законам, одинаково свободные люди или одинаково рабы. Несмотря на то, что решение комиссара делает всех нас рабами, я утверждаю, что с точки зрения закона мы все свободны. Как же тогда кто-либо из нас, свободных людей, может быть лишен свободы и собственности и превращен в раба, кроме как по доказательству свободного человека, то есть по суду присяжных? Я признаю, что после того, как доказательством фримена будет доказано, что мы рабы, конечно, последуют все невыразимые последствия рабства; точно так же, как когда было доказано, что человек убийца, последуют последствия убийства. Но ДО тех пор, заметьте это, **ПОКА** доказательством свободного человека не будет доказано, что человек является рабом, он остается юридически свободным. И мировой судья, который берет на себя юрисдикцию в отношении судебного разбирательства, в результате которого человек может быть лишен свободы или имущества без доказательств со стороны фримена, предрешает свою жертву, когда он позволяет вызвать первого свидетеля или прочитать первую газету; и он мог бы с таким же успехом сделать это как в случае “жизни”, так и в случае “свободы и собственности”.

Следующая позиция комиссара, на которую я обращаю внимание, касается права Конгресса использовать суды штатов для исполнения законов Соединенных Штатов.

Теперь у нас есть прямое право верховного суда Соединенных Штатов заявить, что “Конгресс не может наделять какой—либо частью судебной власти Соединенных Штатов, за исключением судов, учрежденных им самим”. —*Мартин* против *Арендатор Хантера*, Уитон, 1, 330. “Вся судебная власть Соединенных Штатов должна всегда принадлежать некоторым судам, созданным под их руководством”. —*ib.* 331. “Юрисдикция в отношении таких дел [дел, возникающих в соответствии с конституцией, законами и международными договорами Соединенных Штатов] не могла существовать в судах штатов до принятия конституции, и впоследствии она не могла быть передана им напрямую; поскольку конституция прямо требует, чтобы судебная власть принадлежала судам, учрежденным Соединенными Штатами”. —*ib.* 335. Но комиссар ссылается на отрывок из дела Пригга, в котором говорится, что “хотя и существует расхождение во мнениях ... обязаны ли магистраты штата действовать в соответствии с ним

[законом Конгресса], суд не принимает во внимание, что магистраты штата могут, если захотят, осуществлять свои полномочия, если это не запрещено законодательством штата ”.

Исключая все исключения из этой доктрины, максимум, что можно сделать из нее, это следующее: судьи штата могут исполнять закон Конгресса, если это не запрещено законом их штата; но когда это запрещено законом их штата, они не могут; и Конгресс не может ни принудить их к этому, ни отменить запрещающий закон штата, придав законную силу действию судьи, совершенному в нарушение закона штата. Теперь отметьте *непоследовательность* логики комиссара. Посмотрите, насколько его послышки относятся к одному предмету, а его выводы - к другому. Поскольку магистрат *Массачусетса* может исполнять закон Конгресса, если только законодательное собрание Массачусетса не запретит ему, но если это запрещено, он больше не может этого делать, следовательно, когда законодательное собрание Массачусетса запретило ему это, Конгресс может направить магистратов Джорджии или любого другого штата в Массачусетс, чтобы они сделали то, что наш собственный штат запретил нашим собственным магистратам. Я говорю “*пришлите сюда магистратов Джорджии*”; потому что Конгресс может с таким же успехом, и даже лучше для нас, разрешить магистратам любого штата Союза приехать сюда, учредить суды и вынести приговоры, которые отправят наших граждан в рабство, как оставаться дома и составлять протоколы, которые, будучи доставлены сюда, будут иметь тот же эффект. Таким образом, такова логика закона комиссара: поскольку магистрат Массачусетса может помочь в возвращении предполагаемого беглеца на территорию Массачусетса, если это не запрещено его штатом, тем не менее, если это запрещено, то законодательные органы пятнадцати рабовладельческих штатов могут направить своих магистратов или акты их магистратов сюда, чтобы сделать то же самое. Государство могло бы помешать своим собственным магистратам помогать в этой гнусной работе, но это было бы бесполезно, поскольку любой из пятнадцати групп магистратов штата-рабовладельцев или все они могут прийти и совершить запрещенный поступок.

Пирпонт Эдвардс однажды сказал об одном священнике, что если бы в его тексте была заразная болезнь, проповедь не заразилась бы ею; а слепого человека попросили описать его концепцию цвета, и он сравнил это с раскатом грома. Но все их идеи были последовательными и однородными по сравнению с теми послышками и выводами комиссара, с помощью которых доктрина прав штата излагается как означающая право одного *штата* посылать своих судей в другой штат делать то, что последний *законно* запретил делать своим собственным судьям. Южная Каролина никогда не заявляла о себе так сильно, как сейчас.

В соответствии с первой главой, где адвокат настаивал на том, что у свободного человека может не быть возможности доказать свою свободу в государстве, из которого он предположительно бежал, поскольку истец не был обязан перевозить его в это государство, но мог отправить его на кубинский или бразильский рынок, комиссар закрывает глаза на эти весьма вероятные последствия и отказывается их рассматривать; но в соответствии с пятой главой, где аргумент в пользу рабовладельца может быть выведен из последствий, он не только подробно аргументирует их, но и основывает на них свое суждение.

В ходе высказывания комиссара были высказаны два замечания, настолько шокирующие все чувства человечества, что любой, комментируя их, вполне может быть извинен за переход с языка аргументации на язык эмоций.

Если и есть какое-либо известное общему праву право, более важное и священное, чем все остальные, то это право на очную ставку и перекрестный допрос свидетелей, которые привлекаются для дачи показаний против нас. Без этого права нет такого мошенничества, которое нельзя было бы применить к самому честному человеку, и нет такой вины, которую нельзя было бы доказать против самого невинного. Несомненно, этим правом перекрестного допроса иногда злоупотребляют; но мало найдется зрелищ более волнующих или более отрадных, чем видеть, как демоны лжи изгоняются один за другим из лжесвидетеля, пока истина, наконец, не будет вырвана из его сердца, несмотря на двойные засовы, которыми он запер его там. Страх перед тем, что этот перекрестный допрос “отбросит тень раньше”, помешал тысячам и десяткам тысяч людей принести ложную присягу. После честности этот страх является величайшей защитой собственности, свободы и жизни.

Итак, свидетельство, которое обрекло Симса на рабство и которое может обречь любого из нас с нашими женами и детьми на рабство, когда люди вырастут, не более порочными, но лишь немного более смелыми в своем злодействе, чем они есть сейчас, было полностью *ex parte* свидетельством; сделанным не просто за спиной жертвы, но за тысячу миль за его спиной; о котором он не знал, и, если бы он не был всеведущим, подобно Богу, не мог бы знать. И когда адвокат Симса убедил комиссара в чудовищности этого нарушения всех принципов, каков был его ответ? Это было вот что, и у человека кровь стынет в жилах, когда он это читает: отсутствие Симса в Джорджии, “из-за чего его нельзя было уведомить, если бы он имел на это право, было по его собственной вине, и теперь он не может жаловаться на то, что у него не было возможности провести перекрестный допрос свидетелей”.

Я взываю ко всей истории, чтобы доказать, что ни один судья, который когда-либо сидел на скамье подсудимых, где признавалось и применялось общее право, каким бы коррумпированным он ни был, никогда не выдвигал более жестокой доктрины. Ведь, джентльмены, если должник скрывается с той самой целью, чтобы обмануть своих кредиторов, он должен получить уведомление, прежде чем к нему можно будет предъявить иск о взыскании долга. Если он бежит от государства, прячется, он должен получить максимальное уведомление, которое суд может ему предоставить. Если истец выздоравливает и добивается исполнения, он должен подать залог, обусловленный восстановлением; и спустя годы, если ответчик вернется и предъявит основания; он будет иметь право на пересмотр дела с целью аннулирования всего судебного разбирательства против него. Да, когда преступник, грабитель, убийца, поджигатель предстает перед судом, даже он должен быть “лицом к лицу со свидетелями против него, пройти обязательную процедуру получения свидетелей в свою пользу и заручиться помощью адвоката в своей защите”. И все же комиссар *создает доказательство из ничего*, что Симс сбежал из рабства, а затем, из-за этого ничем не созданного доказательства, обвиняет его в отсутствии “по собственной вине”.

Другой упомянутый момент возник из определенных показаний (если это можно назвать показаниями) о том, что мать Симса умоляла свидетельницу, “независимо от того, находился ли ее сын в свободном состоянии или в рабстве, ради Бога, вернуть его обратно”. “Это, - говорит комиссар, - безусловно, избавляет дело от любых неприятных особенностей”! Ведь даже корова на скотном дворе, когда мясник перережет горло ее детенышу, будет плакать, хныкать и мычать дни напролет, и в своих нечленораздельных столах она может сказать: “Ради Бога, пусть ее

вернут обратно”, хотя единственным последствием ее возвращения было бы то, что мясник снова перережет ей горло. И должны ли мы ожидать, что жестокий, отчужденный “скот” юга будет испытывать меньше естественной тоски и томления души из-за потери своего потомства, чем животные с фермерского двора? Можем ли мы предположить, что Бог не насадил инстинкт материнской любви слишком глубоко, чтобы его можно было уничтожить, а разрушил само существо, в котором он был посажен? Нет! унижайте мать, как вам угодно, невежеством, пороком, суеверием, похотью, сожительство, кровосмешением, и это богатство привязанности все равно будет пылать в глубине ее сердца, “богатого, как илистое дно бездны, затонувшими пороками и несметными сокровищами”. И поскольку любовь этой матери не совсем угасла, комиссар говорит, что то, что он отправил человека в бездну рабства на основании доказательств, которые разумный варвар отверг бы, “безусловно, обезоруживает дело от любых неприятных черт”. Но я не стану спорить с комиссаром. У человека должно быть сердце, прежде чем он сможет чувствовать, как у него должны быть глаза, прежде чем он сможет видеть.

“О, кто может нарисовать солнечный луч слепому,

Или заставить его мысленно ощутить тень?

Сограждане, я мог бы гораздо дольше привлекать ваше внимание к этому беспрецедентному мнению комиссара; но есть две или три другие темы, на которые я хотел бы привлечь ваше внимание, и поэтому я воздерживаюсь. Говоря то, что я сказал, я отрицаю всякую личную недоброжелательность или невежливость по отношению к этому судье. Даже если мне, по—видимому, не удалось подавить свои собственные чувства, я, конечно, не могу ранить его сильнее, чем он ранил меня и тех, кто, я верю, составляет девять десятых всех, кто когда-либо читал его мнение; - не в тысячу раз сильнее, чем он ранил закон, слугой которого он является, или добрую славу Массачусетса, гражданином которого он является; не настолько, чтобы его решение ранило сердца разумных потомков, которые будут вспоминать о нем как о пристрастном и неблагородном поступке, о котором нельзя вспоминать без вздоха.

Если бы правовые отношения рабства не поддерживали моральные отношения, подобно тому как корень поддерживает ветви и питает плоды, эти моральные отношения, по-видимому, требовали бы всего нашего внимания. Я знаю сравнительно мало, и ни один человек, живущий на севере, не может знать так мало о различных и постоянно повторяющихся пороках этого учреждения. Однако на мою долю выпало примерно половину времени, в течение последних четырех лет, жить в условиях более мягкой формы рабства. И кроме того, однажды я около шести недель был вовлечен в исследование причин, непосредственно вытекающих из рабства; и этот опыт дал мне некоторое представление о его ужасных тайнах. На мгновение ветер унес дым и пламя в сторону, и я заглянул в этот ад. Тогда я увидел, чего никогда раньше не видел, какой жизненно важный и неугасимый интерес проявляет к этому предмету каждый человек; не только рабы, но и свободные люди; не только избиратели, но и все, на кого может повлиять голосование; не только мужчины, но особенно женщины.

По этой причине я рад видеть так много дам в этой аудитории. Им подобает находиться здесь. Если кому-то из смертных и следует культивировать отвращение к рабству, то это должен делать женский пол. Какими бы ни были социальные отношения между свободными женщинами и рабынями, все же перед Богом, Христом и всеми святыми ангелами они принадлежат к одному и тому же сестринству человеческой расы. Они ваши сестры. И каково состояние этих ваших сестер в отношении всего, что добродетельная и благородная женщина считает самым священным и дорогим?

Дамы, сейчас в этой стране мнимой свободы и мнимого Евангелия живет полтора миллиона женщин, которые на практике не имеют представления о том, какой должна быть высшая жизнь женщины или каковы ее самые драгоценные права. С момента Провозглашения независимости число рабов в этой стране увеличилось с менее чем пятисот тысяч до более чем трех миллионов; и к концу этого столетия их потомков будет более чем в три раза больше трех миллионов. И все же ни у живых, ни у мертвых никогда не было законного брака между ними всеми. Никогда еще не было мужчины-раба, который мог бы сказать: “Это моя жена, сердце моего сердца и жизнь моей жизни, и никакая смертная сила не оторвет ее от меня”. Никогда еще не было женщины-рабыни, которая могла бы сказать: “Это мой законный муж, которого я обещаю любить и лелеять, и которому я клянусь в нерушимом постоянстве”. “По этой причине, ” говорит Христос, “ оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и они двое будут одна плоть”. Но “двое” рабов никогда не бывают одним целым. И даже когда соблюдается какая-либо фиктивная церемония, отличающая эти святые отношения мужа и жены от сожительства животных, и тот, кто совершает обряд, доходит до других слов Христа: “Итак, то, что Бог соединил воедино, человеку да не разлучать”, - он останавливается; ибо он знает, и все они знают, что несколько долларов в любое время принесут утрату обоим - двойную утрату, он вдовец, а она вдова, оба еще живущие. Их жизнь, в лучшем случае, — это всего лишь наложничество; - даже не то наложничество, которое, хотя и не основано на законном договоре, все же содержит в себе нечто вроде супружеской верности и, следовательно, подобие добродетели; но разнообразное и бродячее наложничество, охватывающее круг надсмотрщика, хозяина, гостей хозяина и сыновей хозяина. Судьба детей, рожденных матерью-рабыней, вам всем известна. Те объекты, на которых сходятся и сияют, как в фокусе, все материнские чувства, вырываются из ее груди, как ягнята из стада, когда на помосте пусто.

А что касается молодых, жизнерадостных и красивых женщин:

Не обвиняйте меня в бестактности при касании этой темы. *Honi soit qui mal y pense*. Я говорю не для привередливых ушей, но для чистых сердец, для которых все чисто. Я говорю о вечных истинах, перед чьей могучей силой сердце трепещет и склоняется, как тростник перед бурей. Это самая грубая и бесстыдная из всех неделикатностей — покровительствовать пороку и приумножать его через малодушие в его разоблачении, -

Что касается тех женщин, которые молоды, жизнерадостны и красивы, которых Бог осудил красотой форм и лица, потому что они привлекают только злорадный взгляд страсти, то кто может описать отвратительность их жизни? Они созревают для Нового Орлеана или для какого-либо другого рынка, откуда поставляются в южные гаремы; подобно тому, как в соответствии с магометанской религией белые кавказские красавицы отправляются на невольничьи рынки к темнокожим туркам.

В той компании из семидесяти шести человек, которые пытались в 1848 году бежать из округа Колумбия на шхуне "Жемчужина" и офицеров которой я помогал защищать, было несколько молодых и здоровых девушек, обладавших теми особыми привлекательными формами, чертами лица и комплекцией, которые так высоко ценят знатоки чувственности с Юга. Элизабет Рассел была одной из них. Она сразу же попала в лапы работоторговцев и была обречена на продажу на рынке Нового Орлеана. Сердца тех, кто видел ее и предвидел ее судьбу, были тронуты жалостью. Они предложили тысячу восемьсот долларов за ее выкуп, и были такие, кто предлагал пожертвовать, у кого после подарка мало что осталось бы. Но дьявол работоторговца был неумолим. Он знал, как можно превратить ее очарование в золото с помощью огня греха. Он потребовал две тысячи сто долларов (хотя за черные услуги она стоила бы не больше четырех-пяти) и не взял бы меньше. Ее отправили в Новый Орлеан, но примерно на полпути туда Бог сжалился над ней и поразил смертью. Возможно, предвидя свою судьбу, она прибегла к тому, что при таких обстоятельствах мы могли бы назвать добродетелью самоубийства. В той же компании были две девушки по фамилии Эдмундсон. Когда ее собирались отправить на тот же рынок, старшая сестра отправилась в "развалины", чтобы умолять негодяя, которому они принадлежали, ради всего Святого, пощадить его жертвы. Он подшучивал над ней, рассказывая, какие у них будут прекрасные платья и прекрасная мебель. "Да, - сказала она, - это может быть хорошо в этой жизни, но что с ними будет в следующей?" Они тоже были отправлены в Новый Орлеан, но впоследствии были выкуплены за огромный выкуп и возвращены обратно. Была одна девушка, которую после поимки в "Жемчужине" шесть раз за семь недель продавали в Мэриленде и Вирджинии из-за ее красоты. Но она проявила героизм и необычайную несговорчивость. Подобно еврейке Ревекке, она скорее бросилась бы с самой высокой зубчатой стены, чем отдала бы себя в руки злодея. Несмотря на заявления ее хозяев, что они купили ее за свои деньги и владеют ее душой, все же у нее было богатство, которое, хотя вся земля была "одним целым и совершенным хризолитом", на него нельзя было купить. Поэтому было нетрудно выкупить ее, и она была выкуплена и приехала в Нью-Йорк; и я был проинформирован самым достоверным образом от леди из очень уважаемой семьи, обительницей которой она стала, что при осмотре ее личности после того, как прошло время заживления во время путешествия, на ее теле были обнаружены шрамы и следы от хлыста, которые негодяи нанесли ей, потому что она не захотела лечь в их постель.

Теперь предположим, что ваша сестра или дочь с такой героической душой и незапятнанной чистотой оказалась бы на пути в Новый Орлеан; предположим, что благодаря почти сверхчеловеческой силе и ловкости она сбежала бы и проделала свой одинокий и мрачный путь на сотни миль к полярной звезде; днем лежала бы в пещерах с ядовитыми рептилиями, а ночью продолжала бы свое одинокое путешествие, обнаружив, что лесные звери не так страшны, как люди; переплывала реки и спасалась от голода кореньями и насекомыми, пока, наконец, благодарность не была бы дарована. клянусь Богом, она ступает своими искалеченными и кровоточащими ногами по земле свободы. Возможно, какой-то отголосок славы матерей-пилигримов достиг ее ушей. Она слышала о Бостоне и его благородных женщинах древности и едет сюда как в город—убежище, как в святилище, где у добродетели есть алтарь и где она может преклонить свое измученное тело и обрести покой. Ложная надежда! Развратник преследует свою жертву, и он здесь. Он идет к какому-то адвокату из Глоссина, который предъявляет ордер; и к некоему Джеку Кетчу, который его вручает. Жертву хватают в полночь по какому-нибудь лживому обвинению, и она предстает перед комиссаром, поведения которого, будь он *онквази* судьей, каким он притворяется, было бы достаточно, чтобы

каждый волосок судейского горносталя стал навеки отвратительным. Здесь проходит процесс, которого она не понимает, и зачитываются какие-то бумаги, о которых она никогда не слышала, а затем выносится решение, что ее “труд” “причитается” ее преследователю (и какой труд!), Что она “обязана услужить” ему (и какую услугу!), А затем комиссар передает ее в его руки и кладет в карман гонорар, за который обычные сутенеры постыдились бы работать.

И, друзья мои, самая острая боль во всем этом горе заключается в том, что в этом нет ни вымысла, ни романтики. Комиссар, который смог заставить себя отправить *мужчину* на хлопковое поле Джорджии в соответствии с этим законом, при первой попытке, может во второй раз принудительно вовлечь добродетельную и безупречную женщину в блудодеяние; и только князь тьмы знает, чего он не смог заставить его сделать впоследствии. Священнослужители, которые могли защищать порабощенных Симса, потому что он “был обязан” “служить” одному полу, могли защищать порабощенных женщины, потому что она “была обязана” “служить” другому полу; я имею в виду священнослужителей богатых приходов; ибо с постоянством закона природы случается, что это делают только священнослужители богатых приходов. Неужели они не знают, как служить и почитать своего Господина и Повелителя, то есть своего Землевладельца и Казначея!

Но, сограждане, когда наши чувства обостряются до самой острой чувствительности при взгляде на бесконечность зла, которое совершает рабство; когда мы видим миллионы и миллионы человеческих существ, смутно проступающих в поле зрения и теснящихся на горизонте будущего, чтобы ослепить наши взоры видением своего горя, в наших ушах звучит мощный голос, восклицающий: “*Победите свои предрассудки*”, “Победите свои предрассудки”. И этот отвратительный совет произносится в связи с бесконечным преступлением и позором отправки в рабство без суда тех, кто свободен по нашим законам, — мужчин на побои и смерть, а женщин - на позор тела и гибель души. Более грязного, низкого, безбожного совета никогда не было произнесено, поскольку нашим прародителям в Эдемском саду было сказано: “В день, в который ты вкусишь от него, ты наверняка не умрешь”.

И что же такое этот давно заслуженный восхвалитель свободы, а ныне ее великий отступник, богохульствует под названием “*предрассудок*”? Если и есть какое-то чувство, более глубоко укоренившееся в общественном сердце Массачусетса, чем любое другое, более переплетенное и сросшееся со всеми фибрами его существа, то это чувство свободы. Мы впитали это с молоком наших матерей; мы впитали это из всех уроков в школьной комнате и учений святилища; мы вдохнули это в атмосферу, которой дышим, и наши органы были настроены на это с самого нашего рождения, благодаря гимнам горного ветра и реву океана. Именно из любви к свободе наши прежние отцы вырвали себя с корнем из той врожденной почвы, в которую они выросли на протяжении веков. Ради этого они странствовали по океану, считая его непрекращающиеся волны более терпимыми, чем власть тирана. Для этого они переселились на эту землю, в то время более отдаленную и грозную для них, чем любая часть обитаемого земного шара могла бы быть сейчас для нас. Ради этого они выполняли двойную задачу: переносили все лишения и опасности и в то же время закладывали основы всех наших свободных и славных институтов; и когда отцы были подкошены тяжелым трудом и смертью, сыновья взялись за работу и несли ее дальше, поколение за поколением.

Ради этого благородного чувства свободы наши более поздние отцы столкнулись с опасностями и смертями семилетней войны, и среди бедности и разорения, среди голода, холода и наготы,

без какой-либо защиты в бою, которую могло обеспечить богатство их врага, они обнажили свою благородную грудь под натиском облаченных в кольчуги легионов британской короны. И когда борьба закончилась и был одержан триумф, они добились мирных подвигов, не менее великодушных и замечательных, чем их подвиги на войне.

Они были образцовыми людьми мира; не агрессивными, не покорными; не враждебными, не раболепствующими; поступающими правильно, требующими правоты; они были людьми, которые никогда не взяли бы в руки жезл угнетателя и сошли бы с ума от прикосновения его палки.

Итак, нет ни одного из всех этих славных деяний, от высадки в Дельфтхафене до подписания мира 1783 года или инаугурации федерального правительства в 1789 году, которое не было бы порождено любовью к свободе или было бы совершено без ее созидательной энергии. И все же архиепископ, стоящий в городе Бостоне, на родине старого Сэмюэля Адамса и Джона Хэнкока, в двух шагах от места, где родился Бенджамин Франклин, в виду Банкер-Хилла, и когда Лексингтон и Конкорд, так сказать, просто прячутся за холмами от стыда, называет все это “предрассудком” и повелевает нам отбросить его от себя как нечистоту. Разве этого не было достаточно, чтобы камни на улицах и каждый квартал в той вечной шахте, которая отмечает место падения Уоррена, кричали “самым чудесным органом”, чтобы упрекнуть его?

У нас есть еще одно, и это родственное “предубеждение”. У нас есть “предубеждение” шестидесятилетней давности в пользу принципа постановления 1787 года. Этот закон сохранился в нашей памяти, ему учили наших детей, и мы демонстрировали его миру как залог нашей преданности свободе. Пять штатов, насчитывающих сейчас пять миллионов человек, были батальонами, которых это постановление перекинуло из рядов Велиала на сторону Господа. Сотни раз партия вигов и Демократическая партия принимали решение о том, что принцип этого постановления должен быть сохранен в неприкосновенности. Мистер Уэбстер провозгласил применение этого закона на новых территориях своим громом среди ясного неба и хвастался этим, потрясая им. Теперь он называет великое достижение Томаса Джефферсона и Натана Дейна “предрассудком” и оскверняет их могилы своими насмешками. Он оставляет обширные регионы Юты и Нью-Мексико рабовладельцам; он отдает Техасу более пятидесяти тысяч квадратных миль свободной территории; он выделяет десять миллионов долларов деньгами (больше, чем, при всей нашей преданности и самопожертвовании, мы смогли выделить на государственное образование в Массачусетсе за последние десять лет); и, что хуже этого, он разрешает ей создать на своей территории рабовладельческий штат *дополнительно* к тому, что было неконституционно предусмотрено при вступлении в Союз.

И за что он попирает нас, клеймя все эти священные убеждения, чувства и инстинкты как “предрассудки”? Только для того, чтобы утолить голод своих амбиций. Он начал понимать то, что так давно видели все остальные, что его пороки навлекают на него возмездие в виде преждевременной старости и дряхлости; и что, если он не сможет войти в Белый дом на следующий срок, ему придется подождать, по крайней мере, до тех пор, пока великий период Юлиана не вернет мир во вращение. Он вступил в переговоры с южными искусителями и пал.

Он оскорбил не только наши чувства. Он пожертвовал нашими денежными интересами, самими средствами существования. Массачусетс процветал бы сегодня при улучшенной системе защиты нашей отечественной промышленности, если бы не отступничество мистера Вебстера, которое лишило нас всей нашей власти и всего нашего единства и воспламенило дух южного

возвеличивания, заставив требовать всего и ничего не уступать. Если бы сейчас был поставлен вопрос и рассмотрено дело о том, не лишил ли курс Дэниела Вебстера в 1850 году рабочих страны тарифа для защиты их труда, то не нашлось бы разумного и беспристрастного жюри присяжных, которое не признало бы его виновным. Этот результат каждый непредвзятый человек в Вашингтоне видел прошлым летом, когда он обольщал жителей севера иллюзией, что, если они откажутся от свободы, то получат награду в виде пошлины. Я говорю об этом с уверенностью, потому что есть сотни моих избирателей и знакомых, которые засвидетельствуют мне, что в личных беседах и по переписке их предупреждали, что, если они последуют принципам мистера Вебстера в его рекреации, он оставит их без помощи в вопросе собственности.

Сограждане, я злоупотребляю вашим вниманием, но еще на мгновение. Я хочу выдвинуть одну идею на рассмотрение всех трезвых, нравственных и религиозных людей; и когда эта идея будет должным образом рассмотрена, я надеюсь, что она произведет революцию в общественных настроениях. Выбирая людей в качестве наших политических лидеров, мы иногда совершаем серьезнейшие моральные ошибки. Мы исходим из ложности различия между общественной и частной жизнью человека. Мы предположили, что один и тот же человек может быть плохим человеком и хорошим гражданином; может быть патриотом и пьяницей, верным офицером и развратником одновременно; может служить своей стране в "служебные часы" и силам тьмы в остальные двадцать четыре. Но я говорю, как в старину, что ни один человек не может служить Богу и маммоне.

Мы были слишком склонны судить о людях по их профессии и связям. Мы, кажется, забыли, что дерево можно узнать по его плодам, а человека - по его жизни. Если мы примем правило фарисеев и будем определять благочестие человека по его вероучению, а также по количеству и продолжительности его молитв, тогда благочестие будет самой дешевой вещью на рынке, и столь же бесполезной, сколь и дешевой.

Выбирая учителей в качестве наставников и примеров для наших детей, мы требуем высокой моральной ценности; и мы с таким же успехом могли бы ввергнуть нашу молодежь в эпицентр эпидемии, как и в среду порочных и распутных людей.

Выбирая наших религиозных наставников, мы чувствуем себя почти оправданными в своей придирчивости и болезненной критичности; мы с трудом допускаем, что можем быть строги до крайности; и человек, которому не удастся привнести личную чистоту и образцовость в пастырскую жизнь, изгоняется из нее с негодованием и презрением.

Я также с радостью признаю, что в Массачусетсе эта превентивная и похвальная дисциплина более широко применяется к политическим деятелям, чем в любом другом штате Союза. Наши высшие государственные посты в течение многих лет, за очень редкими исключениями, занимали люди исключительной честности и безупречной жизни. И почему в этом отношении мы должны *когда-либо* давать разрешения и отпущения грехов или, подобно старым папам, продавать индульгенции грехам?

Теперь давайте применим эту доктрину; ибо я считаю, что применение этих принципов к общественным деятелям не является неоправданным вторжением в частную жизнь. Когда общественные деятели открыто и общеизвестно практикуют порок, они предают этот порок огласке и передают его в сферу государственной юрисдикции. Например, если это публично,

это публично для критики; и при таких обстоятельствах моральные и религиозные лидеры сообщества так же торжественно обязаны “действительно найти и должным образом представить” эти преступления, как большое жюри присяжных в случае преступлений против законов страны. Поэтому я говорю, давайте применять эту доктрину.

Как долго все добропорядочные граждане Массачусетса трудились во имя славного дела воздержания! Они потратили время, растратили талант, расточили деньги, навлекли на себя позор; но в награду они спасли виновных от гибели; спасли молодежь, только что потерявшую равновесие над пропастью разорения; спасли вдову и сироту от невыразимого горя и изгнали демонов раздора из домашних Эдемов. Итак, почему после всех наших трудов и жертв, направленных на поддержку и продвижение дела воздержания и на то, чтобы сделать его имя столь же почетным, сколь и благословенным, почему мы должны сводить на нет всю нашу работу, вознося человека на высокий политический пост или поддерживая его, когда он находится при этом, который перед лицом нации и всего мира настолько опьянеет, что не сможет произносить слова на своем родном языке? Это пример, который вы хотите подать простодушной и честолубивой молодежи страны; да, вашим собственным детям?

У нас были люди в президентском кресле не без недостатков характера; но до сих пор мы можем с гордостью сказать, что у нас никогда не было человека, который топил бы свой разум в собственных чашах. Дай Бог, чтобы мы никогда этого не сделали. Подумайте об этом великолепном государственном корабле, на борту которого находятся двадцать три миллиона душ, до шпигатов нагруженном богатствами надежд мира, с лоцманом за штурвалом - *пьяным!*

Мы трудолюбивый и бережливый народ. Эта способность заложена в нас с рождения. Настоящий массачусетский мальчик, кажется, с самого рождения пристрастился к изобретательному труду и к трудосберегающим приспособлениям, — подобно утке, которой почти не терпится вылупиться, чтобы поскорее попасть в воду. Мы ценим и чтим такие воспитанные в домашних условиях добродетели, как трудолюбие и бережливость; ибо они даруют нам все наши удобства, средства для воспитания наших детей и оставляют нам великолепный излишек для богоподобных благотворительных организаций, которые будут разбросаны по всему миру.

Доктор Франклин наложил отпечаток семейного сходства на всех нас. Его экономическая мудрость укоренилась среди нас. Возьмите здоровый и чистый образец массачусетского фермера или механика и проанализируйте его, и вы обнаружите, что из всего его состава от шести до десяти унций на фунт приходится доктор Франклин. Итак, почему мы должны искоренять эту роскошную, приносящую плоды добродетель? Зачем приветствовать, обхаживать и угощать расточительность и чувственность старого мира, чтобы извратить первозданные добродетели нового? Может ли он быть республиканцем с суровой простотой и величием старого римского типа; может ли он быть образцовым гражданином, который должен иметь свои тридцать, сорок или даже пятьдесят тысяч долларов в год, чтобы тратить их на то, что я не должен называть “вежливостью для посторонних”, на его пороки и страсти, но, более благородно, на “его вкусы и чувства”, в то время как миллионы честных тружеников благодарят Бога, если непрерывным трудом они могут заработать хлеб насущный для своих семей и хлеб знаний для своих детей? Могут ли они быть добропорядочными гражданами или, по крайней мере, не находятся ли они в жестоком заблуждении, кто отдаст такие кошельки такому человеку за то, что он является защитником и проводником их особых интересов, в то время как у их

собственных дверей стоят сотни страдающих мужчин и женщин и еще больше страдающих детей? Вы хотите, чтобы ваши дети росли, воспламененные подобными примерами излишеств и распутства? Я знаю, что все это защищается тем, что нужно что-то сделать для семьи великого человека. *Да, эта семья!* Отпрыск и дороговизна пороков - какую Калифорнию смогут прокормить? Я также знаю, что говорят, что у нас должны быть большие таланты в общественных советах, любой ценой. Что ж, если это ваша философия, не делайте работу наполовину, а импортируйте Люцифера сразу!

Итак, сограждане, вы знаете, что все люди, виновные в этих серьезных нарушениях гражданского и общественного долга, являются людьми, поддерживающими закон о беглых рабах.

Я мог бы коснуться более святых отношений в жизни; добродетелей, без которых нет дома и домашнего святилища; без которых могут быть дети, но священный институт семьи исчез. Но я воздерживаюсь. Я лишь хочу привлечь ваше внимание к великому долгу распространить сферу совести на политику; привлечь общественных деятелей к ответственности за те пороки, которые было бы большим заблуждением называть частными, когда они совершаются на глазах у всего мира. “Кафедра обманывает доверие”, если она не следует за ними и не обличает их, под какими бы одеяниями официального достоинства они ни устраивали свои пирушки.

Миру принадлежат три великие стадии развития. Во-первых, был период физического развития, когда самый высокий человек был коронован королем, когда самые сильные мускулы приводили в действие законы, когда грубая сила была “Его Королевским Величеством” и требовала уважения человечества. Этот век прошел, и каким презренным теперь кажется все его величие! Затем наступил век, когда разум вознесся над телом, когда мощь нации заключалась больше не в миллионах ее людей, а в сокровищницах ее знаний; когда интеллект собрал в себе самые обширные скопления животной силы, которые раньше казались всемогущими, оторвал их от точки опоры, и они стали подобны перышку под дуновением его мощи. Этот век - настоящее. Нравственный век еще не наступил. В этот век интеллектуальные силы по-прежнему сохраняют всю свою власть и превосходство над физическим миром, но мораль будет преобладать над интеллектом и двигать ими, как Бог движет звезды, выводя их из хаоса и вращая по кругам невообразимого величия с целью пока непостижимого блага. В тот день законодатели страны больше не будут “компромиссерами” между долгом и богатством, и судьи будут судить праведно. В тот день торговец ради прибыли от торговли не должен платить дань людьми и отправлять свой налог плотью через свободные воды. В тот день евангелие человеческого братства, того, что мы поступаем так, как хотели бы, чтобы поступали с нами, и любви к нашим ближним, как к самим себе, больше не будет раздаваться нам священниками широкого профиля в гомеопатических дозах, уменьшенных до пятисотого разведения. Но в тот славный день люди, которые заседают в Ареопаге нации, облаченные в горностай закона, будут, как язычники древности изображали эмблему Правосудия, слепы во внешнем отношении; и все, что они будут знать о цвете, - это не придавать цвета закону. В тот день преемники святого Павла будут проповедовать то, что проповедовал он, стоя “на холме Марса”, — Бога равенства, праведности, рассудительности, великодушия; Бога, который сотворил “от одной крови все народы человеческие”, который, увы! для очень многих в наши дни это “неизвестный Бог”.

В тот день, когда весь народ пробужден к непривычно интенсивному размышлению о великих принципах, за которые проливали кровь Сидни и Вэйн; за которые Хэмпден сразил тирана своего времени; за которые герои революции поклялись богатством, жизнью и священной честью, ни один голос не попытается отвлечь их от их священного дела своим Грозным криком: “Победите свои предрассудки!”

Сограждане, если вы хотите сотрудничать в наступлении этой славной эры, ваш первый шаг - проголосовать за этого благородного человека, который выкупил своих собственных рабов, — Джона Г. Палфри.

СНОСКИ:

[21] Верховный суд Массачусетса, вынося свое заключение по заявлению Sims о выдаче судебного приказа о *хабеас корпус*, по существу признал, что закон о беглых рабах основан только на прецеденте и отвергается в принципе. Главный судья Шоу говорит: "

“В то же время, возможно, будет уместно сказать, что если бы этот аргумент, взятый из конституции Соединенных Штатов, был впервые применен к закону 1793 года, не требующему санкции из современного законодательства, судебного прецедента и молчаливого согласия правительств генералитета и штатов, аргумент об ограничении судебной власти заслуживал бы очень серьезного рассмотрения ”.

Я утверждаю, что прецеденты по этому вопросу, как законодательные, так и судебные, в значительной степени утратили всю свою силу из-за небольшого числа дел, которые когда-либо возникали в соответствии с законом, из-за общей устареваемости, в которую он попал, и, более всего, из-за того единообразного безразличия и пренебрежения, и я могу добавить бесчеловечности, с которой к цветным людям и правам цветных людей почти повсеместно относились в различных штатах Союза.

[22] Мистер Джордж Т. Кертис.

[23] Я возражаю против того, что мистер Кертис называет окружных комиссаров “судом окружных комиссаров”. Они нигде не называются так в законе о их создании или в законе, определяющем их обязанности. Напротив, они явно отличаются от “суда общей юрисдикции”, который является судом. Возможно, это была непреднамеренность, но это показывает, как он неправильно истолковал природу их способностей.

РЕЧЬ

Произнесено при вступлении в должность в качестве президента Великого массового съезда, созванного без различия партий в противовес закону о беглых рабах и состоявшегося в Тремонт Темпл в Бостоне 8 апреля 1851 года.[24]

Джентльмены Конвента;

Я сердечно благодарю вас за честь быть призванным в это место; хотя я мог бы пожелать, чтобы ваш выбор пал на кого-нибудь из многих более достойных людей, которых я вижу вокруг себя.

Джентльмены, я пришел сюда сегодня, чтобы присоединить свой слабый голос к громовым нотам проклятия закону о беглых рабах, которому сейчас вторят каждое свободное государство в этом Союзе и каждое свободное сообщество на земле.

Я не собираюсь долго занимать ваше внимание. Там, где нужно сказать так много вещей и так много людей, гораздо более квалифицированных, чем я, присутствуют, чтобы сказать их, я сразу же воспользуюсь вашей выгодой и своим долгом, будучи кратким.

Мы собрались здесь с особой ссылкой на закон о беглых рабах; но этот отвратительный закон настолько непосредственно связан почти со всеми другими выдающимися мерами правительства и с ведущими действиями наших общественных деятелей за последний год, что он полностью раскрывает тему свободы человека и наш долг как свободных людей в отношении прав человека. Особенно нам надлежит выяснить, какими средствами и с чьей помощью страна была спровоцирована на эту измену правам человека, и когда мы можем ожидать, что их махинациям будет положен конец.

Некоторые из наших официальных лиц читают нам лекции по юриспруденции на тему государственной измены правительству. Я надеюсь, что они не будут возражать, если мы ответим им взаимностью и прочитаем лекцию о высшей степени измены Богу и человечеству, в которой они виновны.

Джентльмены, с невыразимым унижением и сожалением я оглядываюсь назад и вижу, где Массачусетс находился двенадцать или тринадцать месяцев назад и где сейчас находятся многие его граждане. Вплоть до того навеки проклятого дня, 7 марта 1850 года, в советах штата или нации не было ни одного массачусетца; более того, насколько я знаю, нигде не было ни одного массачусетца с каким-либо положением или респектабельностью, который не заявлял бы о своей враждебности распространению рабства; о своем намерении всегда соблюдать принцип указа 1787 года; и о своей "решительной и непоколебимой решимости" (используя язык мистера Вебстера) "не делать дальнейших уступок рабству и рабовладельческой власти". Государственные деятели штата, государственная пресса, законодательное собрание штата признавали эти чувства; и политические собрания штата разносились от одного места к другому с этими заявлениями.

Но в тот приснопамятный день сенатор Соединенных Штатов от Массачусетса счел нужным растоптать ногами все, что он когда-либо говорил в защиту свободы человека и против человеческого рабства. Он счел нужным скривить губы и интонировать в своем голосе презрение к принципу постановления 1787 года и опозорить память Натана Дейна, которого несколькими годами ранее на том же месте он восхвалял. Он счел нужным презирать то, что, как он знал, было честными чувствами Массачусетса. Он зашел очень, очень далеко от своего пути, чтобы укрепить и распространить институт рабства. Он предложил присоединить к ее власти новые штаты и выделить двести миллионов долларов из казны Соединенных Штатов для их внеконституционной безопасности и обороны.

Я не буду подробно останавливаться ни на вероломном характере этого поступка, ни на очевидных мотивах, побудивших к нему. Я скорее расскажу о мерах, которые с тех пор были

приняты, чтобы развратить общественное мнение Массачусетса и всего севера и склонить людей, одних к смягчению, а других к полному его одобрению.

Как только ошеломляющий эффект этого предательского удара по всем моральным и религиозным чувствам государства, а также по его традиционной и глубоко укоренившейся любви к свободе начал ослабевать, были предприняты систематические усилия по развращению патриотизма и человечности народа путем обращения к их алчности. Наши производственные и коммерческие интересы страдали. Большинство рабовладельческих штатов были антагонистами этих интересов. Политические амбиции и меркантильная алчность соединили эти два факта воедино, и возникла вопиющая идея, что, отказавшись от нашей свободы, мы могли бы установить тариф. Яд этой идеи впервые был открыто и непосредственно внедрен в общественное сознание мистером Вебстером в его речи в Ревир-Хаусе 29 апреля 1850 года, когда он сказал: “Ни вы, ни я не увидим, чтобы законодательство страны продолжалось старым гармоничным образом, пока дискуссии в Конгрессе и вне Конгресса по вопросу, на который вы намекнули, [рабство,] не будут каким-либо образом подавлены. Возьмите эту истину с собой домой и принимайте ее как истину. До тех пор, пока не будет сделано что-либо, чтобы ослабить чувство, разделяющее сейчас разных людей и разные слои общества, в двух палатах Конгресса не может быть ПОЛЕЗНОГО И УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОГО законодательства”.

У этого заявления может быть только одно толкование. Оно было прекрасно понято теми, кому оно было адресовано. В нем говорится, без всякой загадки, сдайте территории вторжениям рабовладельческих государств, усмирите рабовладельческую власть, откажитесь от купленных кровью прав на эту жизнь и купленных Спасителем надежд на другую, и вы сможете получать свою зарплату в размере цента за ярд ситца и цента за фунт железа. И, как средство достижения этой цели, в нем говорится, что обсуждение вопроса о рабстве должно быть “подавлено”.

С того времени и до закрытия последней сессии Конгресса во всех формах, в которых столь порочная идея могла быть изложена, не шокируя не только все принципы, но и все приличия, эта идея внедрялась в общественное сознание севера, особенно в городах. В неофициальных речах и письмах мистер Уэбстер настаивал на этом соблазнении все более и более настойчиво, пока 17 июля 1850 года в своей последней речи, с которой он когда-либо выступал в Конгрессе, он не обратился к сенаторам севера и к народу севера настолько ясно, насколько он мог выразиться, с призывом принять компромиссные меры, принять даже сам отвратительный закон о беглых рабах, ради денег, которые будут сделаны на них. На протяжении всей этой речи он держал перед их глазами яблоко искушения, он звенел тридцатью сребрениками у них в ушах, чтобы соблазнить их отказаться от свободы ради skóry.

Я взываю к общему знанию жителей Бостона, если в течение прошлого лета это выражение не было так привычно для их уст, как приветствия того времени, что они имели право сказать мистеру Вебстеру, что, если они откажутся от важных вопросов, связанных с компромиссом, они могут установить тариф.

Теперь, учитывая сложившиеся факты, я должен сделать два замечания:

1. Что предложение обменять или поставить под угрозу свободу наших собратьев за любую сумму денег, какой бы большой она ни была, по сути своей бесчеловечно и порочно.

2. Что каждая новая уступка, на которую мы шли югу по вопросу рабства ради получения защиты наших мануфактур и других промышленных интересов, только уменьшала и отдаляла наши шансы на получение этой защиты.

За правильность первого из этих утверждений я взываю к каждому человеку, у которого есть совесть или хотя бы какие-то элементарные представления о добре или зле, которые не заглушены его интересами или страстями. И во—вторых, я апеллирую к делу Техаса, который отменил тариф 42—го года, и к тому факту, что, хотя мы согласились со всеми отвратительными положениями компромисса - рабовладельческими территориями, рабовладельческими штатами, десятью миллионами долларов для Техаса, законопроектом о беглых рабах и всем прочим, - тем не менее, мы не получаем никакого тарифа и теперь не имеем разумной перспективы его получения.

То, что отказ от всего нашего славного наследия свободных принципов должен помочь сделать президентом какого-то северянина, я легко могу понять. Это понятно. Перед выступлением 7 марта из высокопоставленных источников южан было объявлено, что на следующий президентский срок они выберут северянина, который больше всего сделает для борьбы с рабством; и с тех пор то же самое заявление повторяется. [См., среди прочего, речь мистера Тумса перед собранием Союза Джорджии.] Но я констатирую это как факт, известный мне лично, что в Конгрессе не было ни одного умного человека, который не был бы вовлечен, с одной стороны, в производство товаров или, с другой стороны, в производство президентов, который тогда не предвидел и не предсказывал, что каждый шаг вперед, который мы делали к компромиссу, был шагом назад от защиты. И теперь у нас есть этот упрямый факт, подтверждающий обоснованность этого мнения, — событие подтвердило его. Они не получили обещанного тарифа, хотя заплатили за это кровью.

Теперь я хочу спросить промышленников и коммерсантов севера, согласились ли бы они на компромисс, если бы они видели, — как это видел каждый непредвзятый человек в резиденции правительства, — что соблюдение компромисса приведет к отмене протекционизма? И еще один вопрос, который я хочу задать всему Массачусетсу и всей Новой Англии, заключается в следующем: если бы в течение последнего года у нас в полном объеме действовал тариф 1842 года, и если бы поток процветания заполнил самые глубокие каналы, которые для этого прорезали предприимчивость и промышленность, отказались бы тогда граждане Массачусетса от всех благородных слов, которые они говорили в пользу свободы в течение последних десяти лет; была бы тогда пресса Массачусетса, или столь значительная ее часть, открыто пропагандировала доктрины, которые, как они всегда до сих пор заявляли, вызывают крайнее отвращение и отвращение? Ни один мужчина не будет притворяться в этом. Если бы в прошлом году у нас был тариф 42-го года, компромиссные меры никогда бы не были приняты, и ни одному кандидату в президенты или всем им вместе было бы невозможно склонить умы северян к их принятию.

Таким образом, коммерческие и производственные интересы севера были обмануты, грубо обмануты и им навязаны. Когда все их реальные интересы были на стороне свободы, их заставили поверить, что в интересах этих людей было бы отменить все, что они когда-либо говорили, и отменить все, что они когда-либо делали против рабства. Их шанс на повышение тарифов заключался в том, чтобы, как мужчины, придерживаться своих принципов, а не отказываться от них, как трусы. Избрание президента было средством, а Хлопок - инструментом

этого обмана. Было сказано, что Пресса - четвертое сословие в королевстве; но я говорю, что четвертое сословие - Хлопок, потому что Хлопок подчиняет Прессу. Глаза, уши, нос и рот части нашего народа были настолько набиты ватой, что они стали считать хлопок не только своим хлебом насущным, но и хлебом жизни.

Джентльмены, какие бы убеждения или сомнения ни были по поводу Животного магнетизма, я твердо верю в Магнетизм хлопка. Южный плантатор, по-видимому, владеет каким-то волшебным искусством, неизвестным демонологии прежних времен, с помощью которого он пропитывает свои тюки хлопка духом бесчеловечности, презрением ко всем самым дорогим, нежнейшим, святейшим узам, связывающим человека с человеком и сердце с сердцем; он наполняет их этим духом, как электрик наполняет лейденскую банку, а затем отправляет их сюда; и если человек, попадающий в круг их влияния, сам не наполнен сильным, противодействующим, дезинфицирующим магнетизмом долга и истины, любви к Богу и милосердия. любовь к человеку, он побежден и покорен адскими чарами; он вступает в “общение” с южным колдуном и подчиняется его воле; и тогда он кажется лишенным разума и совести, он опровергает свое происхождение от Пилигрима, несет тарабарщину о расторжении Союза, становится на колени, ложится, ест грязь и говорит своему южному хозяину, как сказал ему зверь Валаама: *“Разве я не твой осел, на котором ты ездил с тех пор, как я был твоим?”*”

Еще хуже, когда эта вата, пропитанная таким дьявольским веществом, попадает под богатые бархатные сиденья и рельефные подушки кафедр; — если, конечно, двойная порция духа Господня не снизойдет на проповедника и не изгонит как его, так и ее, из злого духа, который в ней содержится. Когда душа священнослужителя поражается этому ватному магнетизму, он начинает сходить с ума по своей Библии, игнорирует новое устройство, ищет все части старого, выступающие за рабство, отвергает Иисуса Христа как свой пример и заповеди Иисуса Христа как закон своего служения и доказывает, что он язычник, проповедующий язычество с христианской кафедры.

Дай Бог, чтобы подушки наших судей никогда не были набиты таким хлопком! Я боюсь, что мы не полностью избавлены от опасности столь невыразимого бедствия. Дайте нам для них старинный английский шерстяной мешок, в чьем волшебном присутствии цепи раба спадают с его конечностей, и он чудесным образом преобразуется в мужчину.

Сравните газеты наших городов сейчас с тем, какими они были всего год назад, и посмотрите, какую деморализацию может произвести хлопок, когда он попадает в редакторские кресла.

Что касается тех комиссаров по отлову рабов, которые предполагают выполнять функции судей, отменять свободу человека и находить собственность в телах и душах людей, но являются судьей не в большей степени, чем человек - изображением, “сделанным после ужина из сырной кожуры”, - что касается них, то я говорю, что они, по—видимому, заражены этим вирусом естественным путем; и если все моральные диагнозы верны, то при анатомическом вскрытии их сердец было бы обнаружено, что их правое и левое предсердия, а также их правый и левый желудочки были всего лишь четырьмя хлопковыми коробочками.

Но я считаю, что правление Хлопка будет недолгим. Усовершенствования в искусстве дают уверенное обещание, что вскоре будет открыта какая-то новая текстильная субстанция, которая заменит этот материал, изготовленный рабами. Даже если эта надежда рухнет, все увидят, какое неестественное отношение к власти занимают сейчас штаты, производящие хлопок.

Простираясь лишь на небольшом участке территории, который вы можете охватить на карте рукой, они выращивают основной продукт питания, которым более или менее одета большая часть мира; в то время как есть Бразилия, Египет, Индия и регионы неизведанных просторов в Африке, где все или почти все растения являются местными. Либо из-за прогресса искусств, либо из-за расширения возделывания, величие хлопка вскоре будет свергнуто; и тогда, *тогда*, как исторически сложатся эти люди, которые сейчас готовы попирают права человека и отправлять мужчин, женщин и детей во все ужасы южного рабства ради временной прибыли, которую может дать хлопок?

Я рад, что это упоминание о деморализующей силе интереса дает мне возможность воздать заслуженные почести и хвалу классу людей, которые благородно противостояли его искушениям. Не каждый человек, занятый на производстве или в торговле, поддался соблазну этого искусителя. Есть много благородных исключений. Я имею в виду одного из моих избирателей, в основном интересующегося промышленностью, который прошлым летом сказал мне, что половина его шпинделей простаивает, а имущество, которое должно было приносить доход, обесценивается; “Но, - сказал он, - видите ли вы, как они все останавливаются, а мельницы приходят в упадок и спускаются на воду, прежде чем голосовать за этот компромисс”. Другой из моих избирателей сказал мне, что его в значительной степени интересуют три корабля, находившихся тогда в море; но он заявил, что скорее увидит, как все они пойдут ко дну, чем опозорит страну, приняв закон о беглых рабах. Это всего лишь образцы того благородного духа, который был выражен с такой спартанской лаконичностью и энергией Bowen & McNamee из Нью-Йорка, когда мерзкие пособники южного рабства угрожали им потерей обычаев. Они сказали: “На рынке представлены наши товары, а не наши принципы”.

О, как эти заявления контрастируют с тем, что, по сообщениям, сказал фабрикант из соседнего графства, — что если бы он мог работать на своих заводах с рабским трудом хоть немного дешевле, чем с бесплатным, он бы нанял рабов! И что также, как мне достоверно сообщили, сказал другой: “Юг хочет, чтобы рабы выращивали хлопок на продажу; мы хотим, чтобы рабы выращивали хлопок для производства; следовательно, мы должны объединиться с югом, чтобы поддержать рабство”. Так вот, я верю, что все это было *сказано*; но не имеет значения, было ли это сказано или нет; мы знаем, что это было *сделано*. Каждый человек, который придерживается этого закона о беглых рабах, *действует* по нему, на каком бы языке он ни говорил.

Компромисс был навязан Конгрессом частично из-за вмешательства правительства, а частично из-за обманчивой надежды на введение тарифов. Теперь в защиту закона о беглых рабах апеллируют к тем же корыстным мотивам. Говорят, что если против этого закона будет выдвинуто возражение, каким бы законным или конституционным оно ни было, мы потеряем южные обычаи. Низменный и позорный призыв! Такие люди сделаны из материала революционных тори. Даже если бы этот призыв был правдой, ни один порядочный человек не смог бы услышать его без негодования. Но это неправда. Южане должны откуда-то получать свои товары, и наши трудолюбивые ремесленники изготовят их, кем бы ни были посредники. Пойдут ли южане с непокрытой головой, босыми ногами и необстрелянными, потому что у них не может быть закона, запрещающего ловить свободных людей и рабов беспорядочно? Но говорят, что южане откажутся от своих ленивых привычек, станут трудолюбивыми и будут сами заниматься производством. Я бы хотел, чтобы они это сделали. Для нас это было бы величайшим везением. Тогда у них были бы средства покупать больше на севере и лучше

платить нам за то, что они покупают. Вместо того чтобы тратить только деньги, которые зарабатывают их рабы, у них тогда были бы деньги, которые они могли бы тратить, заработанные белыми, и они стали бы лучшими покупателями тех постоянно новых видов товаров, которые наша промышленность и изобретательское мастерство, пока мы поддерживаем в рабочем состоянии наши школы, всегда смогут поставлять.

Теперь, сограждане, я углубился в эти рассуждения с целью установления и измерения масштабов и действенности мотивов, выдвигаемых нашими противниками против нас. Вы видите, что они корыстолюбивы, почти исключительно. Что касается этого пугала о роспуске Союза, я говорю, не опасаясь противоречия, что ни один практичный человек ни на день не поверил в это. Акции Соединенных Штатов достигли ста шестнадцати накануне распада Союза! Делегации всей Южной Каролины, Миссисипи и Техаса в Конгрессе борются за каждое местное преимущество, за учреждение новых судов Соединенных Штатов, за повышение заработной платы, за назначения внутри страны и за рубежом, как будто Союз был просто застрахован на тысячу лет! Покажите мне хоть одного умного человека во всей стране, который продал свои акции или ферму, или сменил место жительства, или изменил свой образ жизни в любом отношении из-за страха, что Профсоюз вот-вот распадется. Я думаю, что некоторые люди, возможно, покинули Южную Каролину, чтобы избавиться от шума о ее роспуске. Ну и чего бы стоил английский национальный долг при любом обоснованном опасении, что британская монархия разваливается на куски? Не было бы ни фунта государственных ценных бумаг, которые нельзя было бы купить за пенни. Уверенность в стабильности нашего Союза распространилась не только на эту страну, но и на другие страны. Крупные банкиры за границей, которые имеют дело с нашими акциями, никогда не меняли своих условий ни на миллиард долларов из-за такого праздного страха. Это люди, чьи барометры предвещают политические бури. Имея перед собой такие факты, говорить о том, что Профсоюз был в опасности, так же абсурдно, как говорить, что бушует ураган, когда лист осины повис и его движение незаметно. Если юг желает распустить Союз, пусть они это сделают, и по истечении тридцати лет на всех их границах не останется ни одного раба. Рабы сделают из нее новую Ямайку или новый Сан-Доминго, в зависимости от того, как поведут себя хозяева. Нет, это не что иное, как неуклюжий трюк политиков; и если бы кого-нибудь из них можно было выдвинуть на пост президента, мы бы больше ничего не услышали от него о каком-либо потопе, который угрожает затопить Союз. Они исповедуют особую любовь к Союзу. Их шумные заметки напоминают о том, что доктор Франклин заметил о самодовольных людях. Он сказал, что они всегда напоминали ему о нехватке провизии; те, у кого было достаточно, ничего не говорили по этому поводу; весь шум поднимали обездоленные.

Тогда я говорю, что единственный оставшийся мотив, которым могут руководствоваться наши противники, - это потеря торговли с южанами. Это мало кого интересует из нашего народа. Фермеры в этом не заинтересованы. Механики и ремесленники - нет. Рабочие на наших заводах - нет. Все наши солидные, трудолюбивые классы выше этого искушения и отвергли бы его, если бы не были выше этого. Таким образом, поборники закона о беглых рабах не могут больше привлекать новообращенных среди себя. Давайте же продолжим выступать против этого закона всеми конституционными способами. Давайте объясним христианину его религиозную и моральную подоплеку. Давайте расскажем патриоту о позоре, который он навлекает на нашу страну. Давайте покажем рабочему человеку, что те, кто готов сделать рабами своих собратьев

ради наживы, будут в равной степени готовы сделать рабом и его самого, когда интерес вызовет искушение.

Сограждане, нас спросили, почему мы собрались сегодня здесь, а не в Зале, посвященном свободе. Это потому, что двери этого зала были закрыты для Свободы, стучащейся в дверь. Но в этом есть какая-то меланхолическая пристойность. Когда здание суда заковано в цепи, Фаней-холл вполне может быть немым. Те цепи, которыми опоясаны суды правосудия, являются лишь типичными цепями, которые люди-тираны стремятся надеть на наши уста. Это не первый храм, который был несправедливо захвачен менялами и теми, кто продавал голубей, — голубями! голуби!! Нет, не голуби, а мужчины, женщины и дети. Но я верю, что недалек тот час, когда более сильный дух войдет в их двери и выгонит захватчиков веревками меньшего или большего размера, в зависимости от обстоятельств.

СНОСКИ:

[24] Эта встреча проводилась в ожидании суда над Томасом Симсом, предполагаемым беглым рабом из Джорджии, перед г-ном комиссаром Кертисом. Во время судебного процесса здание бостонского суда было окружено большим отрядом полиции и заковано в цепи, под которыми судьи верховного суда Массачусетса кланялись, входя, и удалялись.

РЕЧЬ

Произнесено в Вустере 16 сентября 1851 года при вступлении в должность президента Конвента Свободных земель.

Джентльмены Конвента;

Примите мою благодарность. Для меня было бы честью в любое время оказаться в таком положении перед группой людей, столь многочисленной и влиятельной благодаря своей респектабельности. Но, джентльмены, в этот час испытаний, в это время опасности для великих принципов, когда огни на земле, кажется, гаснут вокруг нас, и мы должны искать руководства у огней свыше, — в этот час, я говорю, испытаний и опасностей, быть призванным к исполнению долга - особая честь. Позиция друзей свободы в настоящее время напоминает мне прекрасное чувство, выраженное одним из благороднейших древнеримских философов, который сказал, что те, кто был призван выполнять опасные задания и самопожертвовать, должны благодарить Бога за честь быть признанными достойными такого доверия.[25]

Джентльмены, только сегодня утром, с восхода солнца, меня посетила делегация вашего государственного комитета с просьбой о моем присутствии по этому случаю. Они знали, и вы все знаете, как сильно бьется мое сердце даже при упоминании о великих принципах, за которые вы боретесь. Они знали, как и вы все знаете, как я был бы счастлив, если бы мог сделать что-нибудь, чтобы углубить или рассеять чувство преданности свободе человека.

Но, джентльмены, были определенные обстоятельства, связанные с моим положением, которые, по-видимому, сделали необходимым для меня заявить вашей делегации, что, если я появлюсь здесь сегодня, для меня будет полной привилегией полностью высказать свое мнение по любому политическому вопросу и сказать, в каком отношении я нахожусь к нынешнему состоянию общественных дел, как государственных, так и национальных.

Итак, джентльмены, я говорю, что я стою там, где стоял всегда, придерживаясь принципов свободы человека в первую очередь в своих отношениях, а после них - наших денежных или просто мирских интересов; считая, согласно порядку, в котором они упомянуты в конституции Соединенных Штатов, что "жизнь и свобода" должны быть выше "собственности". Я стою там, где стоял в 1848 году, когда меня впервые избрали в Конгресс; и где, как показывают мои зарегистрированные голоса и речи, явыстоял во всех трудностях 1849-го и 50-го годов. Я все еще придерживаюсь тех же принципов. Если другие мужчины сочли нужным уйти направо или налево, я остаюсь там, где был. И если кто—либо из представителей какой—либо партии — вигов, демократов или под каким другим именем он может быть известен, — когда-нибудь вернется из своих странствий в старую добрую усадьбу массачусетских принципов - Свободную Землю, Свободу Слова и Свободных Людей, - там, на этой бессмертной родине человеческой свободы, он найдет меня с раннего утра и до поздней ночи усердно работающим, чтобы поддержать честь Пилигримов и принципы наших революционных предков.

Джентльмены, ознакомление с обращением и резолюциями, принятыми съездом вигов в Спрингфилде на прошлой неделе, привело меня сюда. Мне кажется, что ни один истинный ценитель свободы человека не может разумно прочесть это обращение и эти резолюции и понять их весь размах и значение, не будучи пораженным убеждением так же внезапно, как это сделал святой Павел, — хотя свет и голос исходят с противоположной стороны. Каким бы ни был замысел этих документов, вся их аргументация и назначение направлены на то, чтобы поставить партию вигов в известность о борьбе с рабством.

При таких обстоятельствах я не спрашиваю у некоего выдающегося человека о предполагаемом прекращении вечеринок: "Куда мне *идти*?" Я полагаю, что я лишь разделяю чувства тысяч самых хороших и истинных вигов, каких только можно найти в этом содружестве (и нигде нет никого лучше), когда говорю, что пусть другие идут, куда хотят, *здесь,здесь*, на старой платформе вигов, выступающей против распространения рабства, будь то в Нью—Мексикоили в *Новой Англии*; за свободу округа Колумбия; и в пользу старых гарантий *хабеас корпус* и суда присяжных, - *здесь я остаюсь*.

Джентльмены, партия свободной земли, как следует из названия, является партией свободы. Кардинальный принцип их *кредо* заключается в том, что "все люди созданы свободными и равными" и что они имеют неотъемлемое право на "жизнь, свободу, собственность и стремление к счастью". Их *вера* заключается в уверенности, что по благу провидения Божьему еще наступит день, когда благословенность их вероучения будет осознана людьми; и своими *делами* они стремятся ускорить наступление этого славного дня.

Партия Свободы существовала во все века мира, но против нее выступала более могущественная партия угнетения. И хотя поборники человеческой свободы состояли из величайших и лучших людей, которые когда-либо жили, все же они были побеждены насилием, раздавлены и растоптаны властью, погребены в темницах, повешены на эшафотах, сожжены на костре! Бог, подобно домохозяину, который посылал слуг в свой виноградник из далекой

страны, из века в век посылал в мир великие и могущественные души, чтобы избавить его от угнетения; но угнетатель захватывал, калечил и предавал их мученической смерти, проявляя всевозможные формы позора по отношению к самим посланникам, и нечестия по отношению к пославшему их Господу. Обладатели власти и богатства стремятся увековечить эти преимущества в своих семьях, своем клане или своей касте; и почти по всей земле они учредили династии для правительств, земельный или денежный феодализм для лордов и влечет за собой отдельные семьи.

Чтобы мы могли увидеть, насколько страшен этот дух угнетения не только своей жестокостью, но и упорством своей пагубной жизни, давайте вспомним, что мир существовал почти шесть тысяч лет до того, как принципы человеческой свободы, гражданской и церковной, были ясно и полностью изложены даже на бумаге. Впервые это было сделано мистером Джефферсоном в 1776 году в Декларации независимости Америки; и каждый знает, как сильно те же самые приверженцы, которые сейчас собирают свои силы против партии свободы, ненавидели его за его славные усилия в защиту свободы человека; как они преследовали его с проклятиями до самой его могилы и все еще нарушают святость могилы, чтобы очернить его память.

Бессмертные принципы Декларации независимости были частично воплощены в конституции Соединенных Штатов. Но подобно тому, как существовавшие ранее метафизика и мифология языческих народов смешались с чистым духом христианства и извратили его, так и существовавшие ранее законы и обычаи угнетения в некоторой степени исказили доктрины Декларации независимости и наложили некоторые отвратительные черты на во всех остальных отношениях прекрасное лицо федеральной конституции. Но в этом документе было такое преобладание добра, что он был принят всеми государствами. Однако это было принято при всеобщем понимании того, что целебное воздействие времени уничтожит вирус болезни; и без какого-либо опасения относительно ныне неоспоримого факта, что болезни будет позволено распространяться, подобно гангрене, по здоровым частям тела. Если бы наши отцы предвидели, что положения конституции, касающиеся рабства, окажутся проклятием для целых классов и рас людей, имеющих право на защиту в соответствии с ней, что они станут позором для ее администраторов и поруганием имени Республики во всем цивилизованном мире, — было бы нечестиво по отношению к их памяти утверждать, что они когда-либо ратифицировали бы ее. Но вместо того, чтобы более здоровые части распространяли целебное воздействие и постепенно искореняли болезнь, пораженные части распространили свою инфекцию по всем венам и органам политического тела, пока от сердца до конечностей не осталось незагрязненного места.

Или оставим метафору для буквальной речи: Конституция Соединенных Штатов дала наиболее всеобъемлющие и фундаментальные гарантии в пользу свободы, лишь кое-где делая исключение в пользу рабства. Это позволяло повторно задерживать "лиц", которых привлекали к службе или труду и которые должны были бежать в другие штаты, но это также гарантировало суд присяжных каждому "лицу", которое заявит об этом по любому вопросу жизни или свободы и по всем вопросам собственности, вплоть до ничтожной суммы в двадцать долларов. И все же сейчас в Соединенных Штатах нет ни одного места, от океана до океана, где свободный человек был бы избавлен от опасности быть похищенным и навеки уведенным в ужасное рабство для себя и своих потомков; или, что не менее мучительно для каждого разума, пронизанного духом и подчиняющегося заповедям Евангелия, — от призыва под страхом штрафов и оков отдать свою душу этой проклятой работе.

Теперь, как должен чувствовать себя истинный ученик Христа, если он видит, как проникающие догмы и молоховские обряды язычества возвращаются, чтобы вторгнуться в христианский мир и погасить огни Евангелия, так должен чувствовать себя каждый свободолюбец, когда он видит, как падший дух рабства восстанавливает свою утраченную власть над институтами свободы.

Аналогия между нынешним состоянием этой страны и Европы слишком разительна, чтобы не привлечь внимания. В 1848 году произошло великое восстание друзей свободы в обоих полушариях. Тысячи и десятки тысяч стремились исправить ошибки человечества — с помощью ящика для патронов там и урны для голосования здесь. Фаланга тирании и маммоны оказалась неподготовленной к столь внезапному нападению, и на мгновение их ряды были сломлены яростью удара. Но деспотизм и богатство имеют почти немыслимые преимущества в борьбе с честными и трудящимися миллионами. В Европе у них есть военная сила — бездушная машина, всегда готовая быть обращенной против людей, которые созданы для ее обслуживания. У них также есть вся церковная власть, которая опирается на поддержку правительства и сражается духовным оружием за хозяев, чью добычу она разделяет.

В этой стране, благодаря нашим различным институтам, средства подавления духа свободы были разными. Администрация имеет в своем распоряжении огромное количество покровителей. Они выдают контракты на миллионные суммы и выбирают подрядчиков. Прямо или косвенно они назначают около тридцати тысяч должностных лиц; и, путем прискорбного удвоения сил зла, они контролируют вдвое или вчетверо большее число претендентов на этот пост. Их влияние подкупило рабовладельческую державу, уступив все наши новые территории вторжению рабовладельцев и отдав пятьдесят тысяч квадратных миль свободной территории Нью-Мексико для превращения в территорию техасских рабов, увеличив, таким образом, и без того огромные размеры этого порожденного рабами штата. Десять миллионов долларов почти ничего не стоящих техасских акций были повышены до номинальной стоимости благодаря подписи Милларда Филлмора. В течение всего периода ожидания компромиссных мер агенты и брокеры, которые, как предполагалось, были заинтересованы в этих акциях, слонялись вокруг здания национальной столицы. Товар переходил из рук в руки без записи и без дневного света, так что, помимо сообщников, только Небеса и сатана знали, в чье распоряжение он попал. И, как будто средств покровительства и обольщения в столь великолепных масштабах было недостаточно, “выдающемуся человеку всего этого мира” за его отступничество от принципов человеческой свободы был подарен личный кошелек, почти в пятьдесят тысяч долларов. Они, сограждане, были среди тех средств воздействия и обольщения, которые привели к поражению “друзей свободы” в национальном соревновании 1850 года. У европейских тиранов не было свободных земель или техасских запасов, с помощью которых можно было бы подавить человечество, и поэтому они использовали порох и штыки. Наша рабовладельческая держава и ее северные союзники, защищенные принципами нашего правительства от пуль и штыков, выполнили свою работу с помощью иудиных уставов и “дотаций”. Для осуществления этих целей там были найдены генералы Хайнау и Радецкий; сенаторы Вебстер и Касс - здесь.

Можно кратко изложить происхождение и нынешнюю необходимость партии “Свободная почва”. За несколько лет до аннексии Техаса существовало опасение, что это серьезное нарушение конституции и надругательство над принципами и чувствами северян были спланированы. Мистер Джон Куинси Адамс забил тревогу; но люди были настолько поглощены

своим бизнесом и ничтожными местными и временными политическими распрями, что даже его голос, каким бы мощным и пророческим он ни был, остался незамеченным. Однако к многим скромным, но серьезным противникам столь вопиющего зла следовало относиться с некоторым уважением, по крайней мере, из соображений политики, если не из принципа. Прежде чем это беззаконие было совершено, законодательное собрание Массачусетса приняло решительные резолюции против него. Вопрос был решен "за" и "против", и все виги и почти все демократы в суде общей юрисдикции записали свои имена на стороне конституции и свободы. Но тогда рабовладельческая власть владела всеми департаментами национального правительства, и под эгидой президента-рабовладельца в стенах конституции была пробита брешь, достаточно широкая, чтобы впустить иностранное правительство со всем его бременем рабства на спине. И все же, несмотря на это вероломство по отношению ко всем принципам истинной демократии, на членов Демократической партии было оказано такое внешнее давление, что лишь немногие из них покинули ее ряды. Они *"соглашались"*, как говорится в современной формулировке, когда требуется санкционировать что-либо особенно несправедливое. Им сказали, как теперь говорят вигам в отношении компромисса и закона о беглых рабах, что акт был *совершен и не подлежит отмене*. Торговцам сказали, как и сейчас торговцам-вигам, что преступление распространения рабства, по крайней мере, будет сопровождаться увеличением прибыли от торговли. Фабрикантам говорили, как сейчас говорят фабрикантам-вигам, что если количество рабов на юге увеличится, это должно вызвать повышенный спрос на кнуты и негритянскую одежду. И простым слепым политическим приверженцам было сказано, как и тому же классу вигов сейчас, что если Бог задумал остановить бросающую вызов небесам чудовищность распространения рабства на этом континенте, он должен сделать это каким-то образом, совместимым с целостностью Демократической партии. Именно те аргументы, которые тогда использовались, чтобы соблазнить и подкупить Демократическую партию к *"молчаливому согласию"*, теперь используются ведущими вигами и прессой вигов для той же нечестивой цели. Они похожи, за исключением того, что в одном случае имело место преступление оригинальности, а в другом - подлость плагиата.

Но с рокового дня аннексии Техаса тысячи и тысячи честных и умных демократов, хотя и оставались верны тому, что они считали принципами партии, отделились от ее лидеров. С того дня требования партии легли легким грузом, но грехи партии тяжелым грузом легли на их души; и были такие, кто, подобно древнему Даниилу, входил в свои покои по три раза в день и, распахнув окна, выходившие на Иерусалим свободы, громко молился истинному Богу, хотя поблизости слышались крики диких зверей, готовых их растерзать.

Партия вигов на севере, и особенно в Массачусетсе, процветала под влиянием техасского мошенничества. Некоторые из его лидеров, это правда, приветствовали Техас, хотя и издалека; и, даже когда он стоял за пределами Союза, они обхватили руками его окровавленное тело, отвратительное, как картина греха Мильтона, со всем ее потомством адских псов будущих рабовладельческих штатов, воющим в ее утробе, и заключили ее в братские объятия; и когда пришло время, они также были готовы проголосовать за людей и деньги, - человеческую кровь и человеческие души, - за разбойничьи зверства мексиканской войны, которые большинство Палаты представителей в ЦЕЛОМ одобрило. Конгресс по ходатайству мистера Эшмуна из Массачусетса объявил, что оно *"начато без необходимости и неконституционно"*. Друзья мои, наблюдая за людьми, вы обнаружите, что есть некоторые моральные ничтожества, — какими бы политически выгодными они ни были, — которые могут самым ханжеским образом слушать

Святого Стефана, когда тот пророчествует, а затем держать одежду линчевателей, которые забивают их камнями до смерти.

Однако в течение всего этого периода менеджеры и представители прессы партии вигов выступали и печатали очень поучительные проповеди против рабства. С наступлением месяцев сбора урожая антирабовладельческое рвение среди них приобрело характер эпидемии; отдельные случаи происходили и в другое время, в зависимости от дней и мест, назначенных губернатором и советом для проведения внеочередных выборов. Все помнят, как бостонский *атлас* раньше будоражил чистые умы Демократической партии, вспоминая, публикуя — периодически, как они говорят, а иногда и чаще, — имена тех сенаторов-демократов или представителей в нашем суде общей юрисдикции, которые голосовали за свободу и против Техаса, чтобы показать их вопиющую непоследовательность в продолжении приверженности партии, которая была неверна свободе. Эта газета оказала некоторую услугу нашему делу, особенно в том, что в течение длительного времени закон о беглых рабах подвергался осуждению, в то время как другие газеты вигов в сити ежедневно пытались скрыть его зверства от общественности и защитить то, что они не могли скрыть. Я верю, что неохотные и борющиеся редакторы этой газеты не будут побеждены богатством рабства, какие бы личины оно ни принимало, или принуждением, которое оно может использовать. Я верю, что рабская власть никогда не сможет использовать по отношению к ним язык, которым адская привратница обращалась к сатане: —

Сначала они называли меня *Син*, и в знак этого

Зловещее удерживало меня; но, став знакомым,

Я угодил и с привлекательной грацией победил

Самый неприязненный; в первую очередь ты.

Эти процветающие дни массачусетских вигов продолжались до 1848 года. Они процветали в корзинах и запасах, пока, подобно Джешуруну, не растолстели и, по крайней мере, в четвертом и пятом избирательных округах, не нанесли несколько очень сильных ударов ногами. Затем последовало назначение генерала Тейлора. Генерал Тейлор был рабовладельцем из Луизианы. Он был героем войны во Флориде — такого великого надругательства над расой, какое когда-либо совершали Рим или Россия. Он был выдающимся и, как многие считали, добровольным орудием в пролитии невинной крови братской республики. Даже если исполнительная власть откажет ему от военного командования или он станет слишком стар для службы, всем было известно, что на его собственной плантации есть полный черный батальон, которым он всегда будет командовать. Юг категорически требовал его выдвижения. Они не хотели слышать никаких условий и не предлагали их. В газете *northern canvass* настойчиво утверждалось, что он написал письмо, в котором многословно заявлял, что не наложит вето на условие Уилмота; но это письмо так тщательно хранилось в некой неприличной части гардероба торговца-вига, что ни гипнотизеры, ни спиричуэлл-рэперы не могли прочесть его людям вслух.

Следовательно, все предзнаменования предвещали зло. Те, которые мы искали на земле, предвещали зло нашим земным интересам; а те, которые мы искали наверху, находились не в той части небес. Характер многих друзей генерала Тейлора вызвал недоверие к нему самому. Своим избранием он был гораздо больше обязан отвращению, которое хорошие люди

испытывали к его противнику [генералу Касу], чем какому-либо влечению, которое они испытывали к нему.

Это был случай, испытавший пронизательность и благоразумие честных людей, и я всегда испытывал большое сочувствие как к его защитникам, так и к его противникам, поскольку каждый из них мог привести столь правдоподобный довод. Курс, который в тот раз избрал коннектикутский священник, всегда вызывал у меня одобрение. Он проголосовал за избирательный бюллетень Тейлора, но написал молитву на обратной стороне своего бюллетеня, сказав, что он мучительно не уверен в исполнении своих обязанностей, и умоляя, чтобы его голос был освящен на благо страны.

Но я рад воспользоваться этим и всеми другими возможностями, чтобы воздать должное имени генерала Тейлора. Он оказался совсем не таким человеком, каким его представляли себе друзья или враги. Я полагаю, что он желал свободы для всех территорий; и, если бы ему было позволено осуществить свои собственные планы, он обеспечил бы не только свободу территорий, но и осуществил бы все великие национальные мероприятия партии, которая привела его к власти. Мистер Клей своим компромиссным планом бросил первый камень преткновения на своем пути. Только это могло быть преодолено. Но отступничество мистера Вебстера седьмого марта переломило ход битвы. Это разбило фалангу генерала Тейлора как на севере, так и на юге. Это пробудило поникший и только что уступивший дух рабовладельческой власти к неистовому усилию. Генерал Тейлор всегда был готов встретиться с врагом на поле боя, но он не был готов к предательству в своем собственном лагере. Тем не менее, он решительно отстаивал свои позиции, пока не был сражен силой, которая побеждает завоевателей. Многие считают, что причиной смерти генерала Тейлора стало вероломство мистера Вебстера с сопутствующими ему безымянными трудами и тревогами. Еще неизвестно, сменит ли политический Макбет Банко, которого он похитил, хотя вся "странная" братия с рынка рабов и из "Комитетов профсоюзов и безопасности" все еще соблазняет его своими заклинаниями.

Но именно при обстоятельствах выдвижения генерала Тейлора, а не его смерти, часть Фри Сойлеров рассталась с вигами, как другая часть рассталась с демократами из—за явного подчинения генерала Касса югу, - а о поведении всех людей следует судить по обстоятельствам, современным их действиям, а не последовавшим за ними.

Если, однако, есть те, кто судит о мотивах по результатам, то это, безусловно, можно сказать в защиту партии "Свободная земля", что ныне действующий президент Соединенных Штатов, который пришел по списку генерала Тейлора и сейчас завершает свой президентский срок, сделал для рабства больше, чем партия "Свободная земля" когда-либо предсказывала или опасалась, что это сделают кандидаты, которым они противостояли. Даже сейчас, когда третий год президентского срока истек лишь наполовину, администрация вигов при поддержке многих лидеров партии вигов безжалостной рукой и с еще более безжалостным сердцем проводит худшие меры в защиту рабства, чем партия "Свободная земля" когда-либо обвиняла их во время предвыборной кампании или когда-либо верила или предполагала, что они могут совершить.

Таково было положение дел в Массачусетсе в 1848 году, когда, едва ли не впервые на памяти человечества, виги потерпели неудачу на выборах президента и вице-президента.

Давайте ненадолго остановимся на этом кризисе. Именно во время предвыборной кампании 1848 года виги проявили такую любовь к рядовым членам партии "Свободная земля". Ни один

странствующий рыцарь никогда не заявлял о большей верности или не клялся совершать более доблестные поступки во имя своей возлюбленной. Ни один голубь не ворковал с более сладким бульканьем, чем некоторые из них. Ни один олень никогда не обижался на ранкеров дыханием. Они ухаживали за ними при дневном, лунном свете и при свете факелов. Они поклялись верить не только во все священные писания Свободной Земли, но и в традиции ее раввинов. Постановление 87-го года им понравилось; условие Уилмота они любили больше; и если бы скромная девица из Свободного почвенничества только согласилась на помолвку, отмена рабства в округе Колумбия обрадовала бы их бракосочетаний. Каждый митинг вигов, от собраний прихода и школьного округа до чудовищных массовых собраний, сопровождался лозунгом мистера Вебстера, или боевым кличем: “Больше никаких рабовладельческих государств! Больше никакого рабского представительства в Конгрессе Соединенных Штатов!” The Boston Daily Advertiser, the Courier и the Journal, которые сейчас находятся к югу от Южной Каролины, из-за нечестия оснований, на которых они защищают несправедливость и агрессию рабства, и кричат об охоте на рабов над могилами паломников, — все они ответили криком, трижды повторяющим три: “Больше никаких рабовладельческих штатов! Больше никакого рабского представительства в Конгрессе Соединенных Штатов!” На всех своих съездах виги “решали и перерешали”, и — но я надеюсь, что нас не заставят заканчивать фразу. Вам сказали, что в Массачусетсе партия Свободной земли нужна не больше, чем два солнца на небесах. Виги были истинными свобододолюбцами; они придерживались свободомыслия как наследственности или как наследственного ткацкого станка, которым долгое время владела древняя семья Вигов. Даже мистер Вебстер, который очень сильно скрылся от общественного внимания после Филадельфийского съезда и который, подобно Ахиллесу, сидел, “надувшись, в своей палатке” и размышлял об утраченной Брисеиде номинации, был, наконец, соблазнен чередой блестящих гонораров за сохранение статуса, выступить и урезонить этих самоотводящихся и упрямых Фрилансеров лицом к лицу. И что же он сказал? Обращаясь явно к Фри Сойлерам, он сказал: “Если, друзья мои, термин ‘Партия свободной почвы’ или ‘Люди свободной почвы’ предназначен для обозначения того, кто был непоколебим сегодня, вчера и в течение некоторого времени в прошлом в оппозиции к распространению рабства, тогда я могу утверждать, что я такой же хороший человек Свободной почвы, как и любой член конвента в Буффало. Я молюсь узнать, где их почва свободнее, чем та, на которой я стоял? Я молюсь узнать, какие слова они могут использовать или могут диктовать мне, более свободные, чем те, что слетали с моих губ. Я молюсь узнать, какие чувства они могут вселить в мою грудь, более решительную и твердую в сопротивлении РАСПРОСТРАНЕНИЮ Или ПОСЯГАТЕЛЬСТВУ рабства, чем те, что наполняли мою грудь с тех пор, как я впервые открыл рот в общественной жизни ”....."

Таковы, джентльмены, были его слова, сказанные в Маршфилде первого сентября 1848 года. Если бы он был здесь сегодня, чтобы обратиться к вам, мог бы он произнести какие-нибудь слова, более благодарные вашим ушам? Если бы на этом языке были только правда и сердце, мог ли бы он говорить что-нибудь лучше?

Именно такими ложными предложениями тысячи, и я не сомневаюсь, что десятки тысяч людей, полностью проникнутых принципами Свободной почвы, удерживались в рядах вигов. Я был одним из них. Я верил в мужчин; и я верю в это до сих пор, за важными исключениями, однако. Стрелка указывает на шесть; но если вы принесете огромную черную массу чугуна и поставите рядом с ней, она задрожит, но при этом отклонится, как человек, изо всех сил пытающийся быть добродетельным перед непреодолимыми искушениями. Устраните мешающую силу, и он

вернется к своей верности. Итак, когда пройдут следующие президентские выборы, я полагаю, что большая часть рядовых членов партии вигов в Массачусетсе вернется к своим обязанностям; ибо я осмеливаюсь сказать, что если бы виги Массачусетса в ноябре 1848 года могли предвидеть нынешнее положение своей партии и деморализацию, которой смогли добиться в ней ее лидеры, то ни одну треть из них, нет, ни одну четверть из них нельзя было бы побудить проголосовать за билет, которым был избран мистер Филлмор, сформирован нынешний кабинет министров и начата нынешняя катастрофическая политика.

Но, джентльмены, я отнимаю у вас слишком много времени. Я добавлю еще несколько слов. Я сказал, что обращение и резолюции съезда вигов штата, состоявшегося в Спрингфилде на прошлой неделе, привели меня сюда. Я прочел их с глубокой скорбью. Это был первый съезд вигов, когда-либо собиравшийся в Массачусетсе, который, по крайней мере, не выдвинул каких-либо благородных доктрин в пользу свободы, независимо от того, хотели они придерживаться их или нет. Да, даже конвенция 1850 года, — всего год назад, — приняла следующее:—

“Решено, Что Массачусетс признает свою неизменную решимость поддерживать все принципы и цели, которые она в прошлом подтверждала и переутверждала в отношении распространения рабства”.

И все же последний съезд, первый съезд, собравшийся с тех пор, как была принята резолюция, которую я только что зачитал, одобрил нынешнюю администрацию, которая сделала больше для развращения и притупления общественных настроений на севере относительно вреда рабства для поработенных и его ущерба свободным, а также для возвеличивания выступающего за рабство юга, и поощряла, да, и *вознаграждала* его агрессию; — сделала больше, я говорю, чем любая другая администрация, которая когда-либо существовала при этом правительстве. История подтвердит мое утверждение. И все же, в этот кризисный момент в делах человечества, единственная идея, главная цель обращения и резолюций этого съезда, по-видимому, заключалась в том, чтобы принизить великие, вечные принципы свободы и навлечь ненависть и презрение на единственную партию, ныне организованную для их поддержки.

Джентльмены, лидеры вигов, в этом отношении и в отношении этого самого важного и первостепенного атрибута партии вигов, шатались и шатались, пока не оказались в самой впадине прорабовладельческого моря. Я признаю, что его члены вольны следовать за ними до их гибели, если захотят; но, благодарю Бога, они также вольны продолжать свой прежний курс, направляясь к гавани чести и свободы. Я отдаю должное подавляющему большинству даже лидеров вигов за то, что они неохотно уступили этому давлению и под тем, что они считали своего рода политическим давлением; ибо, джентльмены, за последние два года выявился новый и наиболее тревожный факт в истории партии вигов в этой стране. Оно заключается в следующем: предполагалось, что раньше и повсеместно администрация вигов избиралась для осуществления взглядов партии вигов; но нынешняя администрация, отказавшись от оснований, на которых она получила власть, и приняв для своих собственных целей новые основания, теперь требует от партии вигов проведения — не старой политики вигов, а новой политики администрации.

Сограждане, мог ли мистер Филлмор каким-либо образом быть избран в 1848 году; мог ли он получить хотя бы десять тысяч голосов среди всех вигов Северных Штатов, если бы можно было предвидеть его нынешнюю позицию по вопросу рабства?

Был ли когда-нибудь час, когда мистер Уэбстер мог бы получить одну десятую — одну пятидесятую часть — голосов законодательного собрания Массачусетса на пост сенатора, если бы занавес будущего был приподнят и открылось его нынешнее положение? Ты же знаешь, что этого никогда не было. Но в течение 1850 года, без каких-либо первоначальных изменений или признаков перемен со стороны северных вигов, администрация, движимая своими собственными целями или уступая из-за собственной слабости, была вынуждена действовать открыто; и с тех пор она стремилась всеми приманками покровительства и ужасами разоблачения принудить северных вигов к своего рода политическому перевороту, подобному тем железнодорожным переворотам, которые вы видите в вагонном депо, чтобы вся партия тоже оказалась лицом к лицу, чтобы ее заставили действовать открыто. проследите их путь, вернувшись назад среди тех же людей, которые видели, как они шли вперед, выкрикивая все, что они выкрикивали, и отказываясь от всех славных доктрин свободы, в верности которым, как слышал весь мир, они клялись. Джентльмены, если в этих стрессовых обстоятельствах кто-нибудь спросит меня: “Куда мне идти?” - мой ответ таков: не садитесь за тот политический поворотный стол, который администрация приготовила для партии вигов, а не партия вигов для администрации; ибо это приведет вашу страну к краху, а вас самих - к бесчестью.

Во время предвыборной кампании прошлой осенью на пост члена Конгресса по восьмому округу, когда, как вы все знаете, были предприняты такие “богоподобные” усилия против моего избрания, ряд наиболее уважаемых членов партии вигов спросили меня в качестве проверочного вопроса, что я думаю о партии “Свободная земля” и предлагаемой ими коалиции в то время. Я ответил им следующими словами, и мой ответ теперь находится в руках моих избирателей: “Я говорю, как я часто говорил, что, если виги будут соответствовать своим стократно сделанным обещаниям, я не вижу причин или оправдания для создания отдельных организаций или коалиций. Но если большая часть вигов намерена опровергнуть все их исповедания и преследовать и наказывать всех, кто остается верен урокам, которым сама партия вигов так усердно учила на протяжении стольких лет, то какой истинный вига может обвинять кого-либо в попытке выполнить то, что сами виги обещали сделать, но отказались?”

Но Съезд вигов штата Массачусетс в то время принял самую резкую резолюцию, заново подтвердив то, что, по их признанию, они сами так часто подтверждали раньше, - по вопросу рабства. Я полагался на их честность; я верил в их правдивость; и, как следствие моей веры, я проголосовал за весь список вигов штата. Прочитав их последнее обращение и резолюции, я должен теперь сказать, что, если они хотят получить еще мои голоса, они должны возродить мою веру какими-нибудь новыми доказательствами своих добрых дел.

Позвольте мне остановиться на нескольких наиболее важных моментах этого обращения. Оно направлено на поддержание коалиции против партии “Свободная земля”. Что ж, прежде чем я одобрю или осудю “коалицию”, я должен знать, кем и с какой целью она была сформирована. Я полагаю, что коалиция, как и другие действия, должна быть правильной или неправильной в зависимости от мотива, который ею движет.

Но говорят, что партия “Свободная земля” заключила союз с теми, кто по некоторым важным пунктам ей не симпатизировал. И где это сказано? Ведь в стране, где наши отцы-

революционеры, борясь за свободу и республику, заключили союз или коалицию с монархической и деспотической Францией и с монархической и деспотической Испанией. Каковы были точки схождения или унисона между Американской Конфедерацией, с одной стороны, и Францией или Испанией - с другой? В правительстве, в политике, в манерах, в образовании, в религии ничто не могло быть более разным. В чем они были согласны? Во враждебности только к Великобритании; но не в одной из причин этой враждебности и не в одной из целей, которых она должна достичь, а в унижении надменной и властолюбивой державы.

В то же время Великобритания сформировала коалицию с североамериканскими дикарями, чтобы погасить восходящую зарю свободы. И в этом им слишком верно подражали старые приверженцы обеих партий; — *подражали*, говорю я, не только в целях и духе коалиции, но и в оружии, с помощью которого ведется война. Да, сограждане; ибо есть попытка, и эта попытка должна быть продолжена, сокрушить партию "Свободная земля" клеветой и доносом. Раздастся крик о "сделках и коррупции", чтобы свергнуть партию "Свободная земля", точно так же, как администрация мистера Джона Куинси Адамса была свергнута тем же криком. Кто сейчас верит хоть чему—нибудь в предъявленном мистеру Адамсу обвинении в "сделке и коррупции", за исключением того, что это было злодейское обвинение? Я полагаю, что то же самое обвинение против партии "Свободная земля" приведет через двадцать лет к тому же результату — к тому, что ее объект будет удостоен чести, а ее авторы - позора.

Но говорят, что партия "Свободная земля" захватила офисы и государственные выплаты. Я отсутствовал в январе прошлого года во время организации правительства штата; но я слышал, что те, кого отчетливо называли Вольными землевладельцами, получили только должности государственного секретаря и президента сената и двух или трех из девяти советников; — все они почти или совсем не пользовались покровительством. Я полагаю, что все их вознаграждения, вместе взятые, не сравнялись бы с тем, что получает бостонский почтмейстер или инкассатор бостонского порта. Это обширные "пути и средства" для развращения людей! Всего этого не хватило бы члену кабинета министров на *bonne bouche* или на лакомый кусочек.

А теперь я предлагаю еще один момент. Был ли хоть один Свободный Земледелец, получивший должность прошлой зимой в результате так называемого *раздела добычи*, которого люди, голосуя за него на выборах, не желали и не имели в виду, что он должен получить?

Теперь мне нет нужды говорить, что когда люди сговариваются или объединяются ради эгоистичной цели, будь то должность, или денежное вознаграждение, или прибыль от торговли, или увеличение дивидендов, и особенно если они жертвуют великими принципами общественной полезности, или морали, или религии, ради эгоистичной цели, я осуждаю этот поступок всем сердцем. Поэтому, когда представители или агенты любого рода избираются или назначаются с особыми целями, голосами или влиянием, без которых они не смогли бы получить свои должности, а затем, ради своих собственных амбициозных или корыстных целей, *они* объединяются, чтобы победить волю своих избирателей, с моего полного согласия могут быть использованы любые строгие формулировки для осуждения их поведения. Именно такого рода коалиция между мистером Вебстером и генералом Кассом была направлена на реализацию компромиссных мер и закона о беглых рабах. Оба были агентами, оба предали и нарушили волю своих руководителей. Мог бы мистер Элиот из Бостона быть избран в Конгресс, если бы он открыто заявил о своем намерении проголосовать за законопроект о беглых рабах?

Каждый знает, что он не мог. Пока он сочетался с сецессионистами, Господа. Clingman и Венейбл, Северная Каролина, и со всей Южная Каролина разобщиение делегация, в голосовании за "беглый раб" законопроект. В Массачусетсе было заявлено, что принятие этого законопроекта повысит цены на производственные запасы, а в Северной Каролине это увеличит прибыль от разведения негров. Таким образом, здесь речь идет о коалиции между лицами, враждебными друг другу по другим пунктам; и все северные члены участвовали в ней не для того, чтобы выполнять волю своих избирателей, а для того, чтобы победить ее.

Но коалиция, в которую вступила партия "Свободная земля" в этом штате в прошлом году, была коалицией, спланированной, сформированной, санкционированной и приведенной в исполнение, насколько это было возможно, самими людьми, действующими в своем первоначальном, суверенном качестве, на своих первичных собраниях и у урны для голосования. Он не был создан представителями против воли их избирателей; но представители выполняли то, чего желали люди, которые их выбрали. Что убедительно доказывает, что это так, так это то, что люди, избравшие этих представителей, были удовлетворены тем, что они сделали; и, поскольку работа была выполнена, они всячески демонстрировали свое одобрение этого.

Могут быть неправильные мотивы, побуждающие к самым полезным и благотворительным поступкам, поскольку благие мотивы иногда приводят к самому пагубному поведению; но я говорю об этих актах предполагаемой коалиции, которые были учреждены самими людьми, обсуждались на их слушаниях на всех первичных собраниях и на всех конвенциях, а затем ратифицированы их голосами; и я говорю, чтобы сравнить такую коалицию с той, которая имела место между вигами и демократами в Сенате Соединенных Штатов, и между юнионистами и дисюнионистами, рабовладельцами и промышленниками в Палате представителей, чтобы довести дело до конца. компромиссные законопроекты и законопроект о беглых рабах кажутся мне нелогичными, нелепыми и абсурдными. Но говорят, что сделка в одном случае была открытой и публичной; и что ее условия были сведены к письменной форме, подобно облигации или соглашению между отдельными лицами. Разве от этого хуже? Разве у вас в детстве не было открытой сделки, которую вы могли видеть, или секретных сделок, таких как тexasские биржевые сделки, которые вы не могли видеть? Я полагаю, что коалиции могут *подразумеваться* и *пониматься* так же, как и контракты. Почему, разве вы не видели, как подобная подразумеваемая коалиция была создана в Фаней-холле в течение года, когда почтенный. Бенджамин Ф. Халлетт возглавил свои когорты, а почтенный. Руфус Чоут выдвинул свои силы, чтобы присоединиться к ним; когда мистер Бенджамин Р. Кертис взялся за руки с мистером Дэвидом Хеншоу, который присутствовал в письме, если не лично, — все они были благородными людьми — и сформировали одну из самых любящих и гармоничных коалиций из самых разнородных и отталкивающих элементов, какие когда-либо смешивались в хаосе, - коалицию не для того, чтобы возвысить истекающую кровью форму свободы, а для того, чтобы сокрушить ее.

Коалиция, в которую вступили "Фри Соилерс", безусловно, сделала одну вещь, которая могла бы искупить многие ошибки. Они избрали мистера Чарльза Самнера в Сенат Соединенных Штатов. И я не могу поверить, что в какой-либо партии найдется человек настолько бесстыдный и развращенный, чтобы обвинить мистера Самнера в каком-либо бесчестном сговоре или в том, что хоть волосок на его голове или ниточка на его одежде запятнаны "сделкой и коррупцией". Мистер Самнер был избран не по какому-либо принципу доступности,

а по принципу “*Detur digniori*” - “Пусть это достанется самому достойному”. Его высокий пьедестал слишком прочен, чтобы быть поколебленным каким-либо подобным обвинением. На его характер не должна влиять никакая должность, которую он будет занимать, а только то, что он *делает*, будь то в должности или вне ее.

Защищая таким образом принцип коалиций, когда они формируются самим народом, никто, конечно, не может быть понят как обязывающийся голосовать за все их меры. Это был бы старый и порочный партийный принцип поддержки нашей партии, правильной или неправильной. Я также могу сказать, что, по моему мнению, существует *очевидное* возражение против коалиций; но я не могу сомневаться в существовании случаев, когда они не только оправданны, но и достойны похвалы. Я излагаю этот великий принцип: я думаю, что партия “Свободная земля” должна действовать в любое время, по любому вопросу, с любой партией, через которую они могут помочь делу свободы.

В обращении вигов говорится следующее: “Теперь, после почти двенадцатимесячного опыта, мы можем сказать, что оно [администрация] полностью заслужило доверие, которое мы оказали ему заранее. *О великих интересах страны заботились добросовестно!* Я спрашиваю, о каких великих интересах страны заботились добросовестно? Какие интересы партии вигов, предполагающей, что это страна, были добросовестно соблюдены? Есть ли у нас тариф? Мистер Вебстер упустил все шансы на это в настоящее время и, боюсь, на годы вперед, когда он научил юг угрожать и побеждать. Есть ли у нас какие-либо ассигнования на реки и гавани? Увы! северная столица и северная жизнь по-прежнему идут ко дну в наших западных водах. Изменилась ли финансовая политика страны? Пусть ответ на этот вопрос даст состояние денежного рынка за последние несколько месяцев, а также его перспективное состояние, перемалывающее средние классы торговцев и фабрикантов, как между верхним и нижним жерновами. Реформа во всех этих деталях, несомненно, была бы проведена, если бы не отступничество мистера Вебстера; но где эти реформы сейчас? Если они вообще существуют, то в каком-то неопределенном будущем. Какие интересы страны, в таком случае, были добросовестно защищены? Ни один! Ни один! Самый видный член администрации был вовлечен в проведение политики юга, посещая южные города, чтобы потворствовать рабовладельческой власти, и северные города, чтобы подавить дух свободы. В наших собственных портах были организованы две вооруженные экспедиции против территории правительства, с которым мы находимся в мире, что привело к потере сотен жизней, в то время как президент и его первый секретарь весело проводили время на водоемах. Когда несколько лет назад некоторые из наших граждан оказали некоторую помощь “либералам” Канады в поддержку движения, которое сами канадцы уже начали, правительство быстро и энергично вмешалось. Но Канада и Куба разделены больше *политически* чем *географически*. Разница между ними в рабстве.

Единственным доблестным подвигом этой администрации было издание прокламации, когда один раб-южанин из трех миллионов сбежал из дома рабства и обрел ту защиту под британским флагом, в которой ему было отказано американским флагом, и то право на суд присяжных при монархии, в котором ему было отказано республикой. Или, если к предыдущему следует добавить какой-либо другой акт, то это было письмо президента доктору Коллинзу из Джорджии, в котором предлагалось использовать армию и военно-морской флот Соединенных Штатов, чтобы поймать одну бедную белую женщину, Эллен Крафтс, и ее мужа, и вернуть их в рабство.

В другом отрывке обращения вигов отбрасывается всякая маскировка, и открыто заявляется, что предоставление Техасу дополнительного рабовладельческого штата с территорией, достаточной для еще полудюжины таких же крупных штатов, как Массачусетс, и десяти миллионов долларов в дополнение к этому, а также законодательное разрешение на распространение рабства в Нью-Мексико и Юте, и даже этот отвратительный акт, закон о беглых рабах, являются лишь “надуманными” основаниями для жалоб. Партия “Свободная земля” осуждается за то, что она обращает внимание на такие “надуманные и мнимые” причины. Трехпенсовая пошлина на чай была настоящей обидой, достойной того, чтобы ей сопротивлялись до крови, чтобы она была исторически зафиксирована и на которую мы не стыдимся ссылаться, когда порицаем честь наших отцов. Но такая щедрость к рабству, какую короли не могли себе позволить, и лишение целой расы всех ее прав, — да, и с полномочиями, также позволяющими заставить нас помогать совершать грабеж, — это “искусственные и воображаемые” причины недовольства. Мужчины Массачусетса! моральные и религиозные люди! любители свободы и своей страны, были ли вы готовы к этому?

Но обращение идет еще дальше. Оно включает в себя тщательно продуманное смягчение самого закона о беглых рабах. Сначала он пытается изменить постановку вопроса, спрашивая Свободных земледельцев, что бы они сделали в отношении конституционного положения, касающегося беглых рабов. Взгляды партии “Свободная земля” на этот счет и их стремление соблюдать конституцию были изложены сотни раз. Следовательно, в качестве дальнейшего ответа на этот вопрос, я полагаю, необходимо только отметить, что партия “Свободная земля” *будет делать то, что они говорят*, а не тратить десять долгих лет на утверждения, протесты, решения и призыв Земли и Небес засвидетельствовать свою преданность Свободе, а затем дезавуировать все, что они когда-либо признавали, и отказаться от своих клятв.

Позвольте мне зачитать вам пренебрежительное замечание из обращения по поводу этой великой паллады человеческой свободы - суда присяжных. “Это означает не что иное, - серьезно вопрошает он, “ как замену вердикта присяжных решением судьи”. Ничего, кроме... *чего?* “Вердикт присяжных соответствует решению судьи”, то есть комиссара! И неужели люди, подготовившие это обращение, настолько слепы, что не видят бесконечной разницы между вердиктом присяжных и решениями таких комиссаров, как г-н Ингрэм, Смит и Нельсон? Ингрэм, Смит и Нельсон? Ингрэм из Филадельфии отправил в рабство человека, которого предполагаемый истец отказался принять, как только увидел его, зная, что вся его семья, и все его рабы, и все его соседи увидят, что он не имеет на него никаких прав. Смит из Буффало выдал свидетельство на обращение Дэниела в рабство, когда ни один предмет, ни частица, ни черта из законных и приемлемых доказательств не были представлены ему в качестве доказательства, как это впоследствии показал судья Конклинг из суда Соединенных Штатов. Нельсон из Нью-Йорка заставил факты в деле Болдинга привести их в соответствие с законом, который он сам установил, точно так же, как когда-либо мошеннический бухгалтер заставлял балансы покрывать растрату. Симс, вместо того чтобы получить официальное уведомление и время для отправки за доказательствами, был арестован ночью по ложному и сфабрикованному обвинению в краже. Агент истца сбил Дэниела с ног дубинкой, повалил на горячую плиту и подвергал пыткам, с разорванным скальпом, а затем вынудил предстать перед судом, в то время как, по описанию очевидца, “он сидел и дремал, не в состоянии разговаривать со своим адвокатом, а кровь медленно сочилась у него изо рта и ноздрей”. На Гамлета, Лонга и Болдинга набросились так же безжалостно, как тигр набрасывается на ягненка, и предстали перед судом, не дав им возможности разойтись по домам, чтобы

попрощаться со своими семьями. Недавно из Пенсильвании был задержан предполагаемый раб, которого схватили ночью, судили ночью и увезли в ту же ночь, без какой-либо возможности подготовиться, получить адвоката или защиту. Похититель Альберти сейчас сидит в тюрьме Пенсильвании за то, что увез мать и ее ребенка; но мать и ребенок сейчас стонут под плетью надсмотрщика с юга. Если бы этот негодяй Альберти и его сообщники были обнаружены, когда жертвы все еще были у них в руках, я полагаю, он привел бы их к мистеру комиссару Ингрэму и *юридически* исправил бы ошибку, — черноту преступления в *судебном порядке* отмыли добела. Это всего лишь примеры того, что уже сделал закон о беглых рабах, прежде чем общественное сознание ознакомилось с его жестокостью, и пока среди нас еще сохранилась некоторая чувствительность к требованиям справедливости и милосердия. И все же автор этого обращения и комитет, предложивший его, спрашивают нас, все ли мы имеем в виду замену вердикта присяжных решением комиссара. Я отвечаю, что это различие, которое они так пренебрегают, часто будет всем различием между свободой и рабством, между жизнью и смертью, между честью и позором, между счастьем и гибелью.

А теперь, сограждане, если в дополнение к похищению наших северных свободных людей в южных портах, заключению в тюрьму и продаже в рабство; если в дополнение к борьбе за присоединение чужой территории к владениям рабства; если в дополнение к обложению налогами в миллионах и десятках миллионов для укрепления рабской власти; - если в дополнение ко всему этому, мы будем лишены и обмануты этого благородного и почтенного института, суда присяжных, — института, освященного кровью мучеников, освященного молитвами святых патриотов, почитаемых всеми добрыми людьми священными и преподаваемых своим детям как живые оракулы Божьи; — если такая попытка будет предпринята, как предвещает последнее обращение вигов, — тогда я говорю, что более вопиющего случая отступничества нигде не найти в записях какой—либо истории, священной или мирской, с тех пор как сатана ворвался в рай и обвел *паутиной* наших прародителей.

Я остановлюсь еще на одном пункте обращения. В нем говорится о “жалком надувательстве с конвертами для голосования”. Итак, джентльмены, возможно, я совершенно не прав в этом вопросе. Мои инстинкты, разум, суждения, совесть - все это может вводить в заблуждение; но с первого раза, уже много лет назад, когда я услышал, как затронули эту тему, все мои инстинкты, разум, суждения, совесть были в ее пользу. Ведь, сограждане, избирательный бюллетень хуже, чем бесполезен, если он не БЕСПЛАТНЫЙ! Лучше быть вообще лишенным привилегии голосовать, чем подвергаться насмешкам из-за формы, в то же время обманутым по существу. Раб-южанин стоит политически выше, чем чернорабочий-северянин, если последний должен голосовать так, как диктует его работодатель. Богатому человеку, человеку с огромным состоянием, который ни от кого не зависит и поэтому ни о ком не заботится, который ежеквартально получает свои тысячи долларов в качестве арендной платы или дивидендов, может быть, очень хорошо смеяться над тайным голосованием и называть его “надувательством”; но давайте посмотрим на другую чашу весов. Давайте посмотрим на тысячи поденщиков, работников на территории корпораций, зависимых клерков, подчиненных на таможне и в других государственных учреждениях и так далее, у которых нет капитала, кроме их трудолюбия, нет ресурсов, кроме их ежедневного заработка, у которых есть престарелая мать или сестры-иждивенцы, которых нужно содержать, или семья детей, которых нужно кормить, одевать и давать образование; которых могут выгнать даже из скромных многоквартирных домов, где они живут, с приближением зимы; которым может быть отказано в продвижении по службе и в их заработной плате; и в отношении некоторых из которых правительство голодный

волк сидит и рычит у двери; давайте посмотрим на них, говорю я, а затем ответим на вопрос, не следует ли защитить их при голосовании в соответствии с их суждениями и совестью. Свобода голосования включает в себя все другие свободы. Человек с независимыми обстоятельствами обладает этой свободой; и обстоятельства ни у кого, даже у самого бедного и скромного, не должны быть настолько зависимыми, чтобы отнимать ее.

Я не желаю, чтобы этот закон о тайном голосовании был принят для меня. Мне нравится опускать свой бюллетень в урну лицевой стороной вверх, глядя в небо; глядя прямо в глаза Полу Прайсу, который кружит вокруг; но я готов и рад вложить этот бюллетень в конверт, чтобы защитить моего бедного соседа, хлеб для рта которого, кров для семьи и образование детей которого могут зависеть от того, какой голос он отдаст. Да, я иду дальше. Я думаю, что любой благородно мыслящий человек, любой человек, обладающий надлежащей чувствительностью к своим отношениям к тем, кто ниже его по социальному положению, обрадовался бы такому закону, как этот; потому что это устранило бы все основания для обвинения в том, что он совершил настолько несправедливый и подлый поступок, чтобы посягнуть на право голоса иждивенца, каким бы оно ни казалось ему хорошим.

Джентльмены, в одной из резолюций Спрингфилда говорится, что последний законодательный орган обошелся штату в дополнительные пятьдесят тысяч долларов. Сработало это или нет, не имеет большого значения, хотя, признаюсь, я с большим уважением отношусь к бережливости бедняги Ричарда и спас бы все, что мог. Но разве само упоминание этой суммы в пятьдесят тысяч не напоминает о другой сумме, почти точно такой же, которая была потрачена в прошлом году на одного из предшественников мистера Самнера на посту сенатора? И если билет для пропуска мистера Вебстера из Сената стоил пятьдесят тысяч долларов, то билет для пропуска мистера Самнера наверняка стоил столько же.

Джентльмены, в заключение я отмечу, что именно ввиду этих великих вопросов свободы человека, ввиду той торжественной ответственности, которую мы несем перед нашей страной и потомством, мы собрались здесь сегодня. Пусть эта встреча окажется концентрацией рассеянных лучей света и мудрости, которые встречаются и горят в фокусе, а затем возвращают озарение и ликование во все части нашего любимого содружества. Если я могу сделать что-либо в моих скромных силах для продвижения столь замечательной цели, мои услуги в вашем распоряжении.

СНОСКИ:

[25] Сенека. [Отрывок цитируется в Посвящении, стр. ix., x.]

Примечания переписчика

Страница 24: “глава 41” изменена на “главу 41”,

Страница 107: “Из речи” заменено на “Из выступления”

Страница 161: “Хебберн и др.” заменено на “Хепберн и др.”

Страница 189: “Сьерра-Неведа” изменено на “Сьерра-Невада”

Страница 190: “не только гарантии” заменено на “не только гарантии”

Страница 239: “36° 30” заменено на “36° 30”

Страница 265: “бухгалтерская книга” заменена на “бухгалтерскую книгу”

Страница 287: “приведены синонимы” заменено на “приведены синонимы”

Страница 315: “мирские дела” заменены на “мирские дела”,

Страница 321: “путешествие через любую часть” изменено на “путешествие через любую часть”

Страница 333: “почитаемый и изученный” заменено на “почитаемый и изученный”

Страница 336: “подвергнуться очернению” заменено на “подвергнуться очернению”

Страница 376: “из Нью-Хэмпфайра” заменено на “из Нью-Гэмпшира”

Страница 414: “апеллянты” заменены на “апеллянты”

Страница 444: “как изначально” заменено на “как изначально”

Страница 464: “мирские преимущества” изменены на “мирские преимущества”